ЕВРОПА

СТАРЫЙ СВЕТ — НОВЫЕ ВРЕМЕНА

ИСПАНИЯ
АНФАС И ПРОФИЛЬ

Под редакцией В. Л. Верникова

Серия: Старый Свет — новые времена

ИСПАНИЯ. АНФАС И ПРОФИЛЬ

Российская академия наук
Институт Европы

ИСПАНИЯ
АНФАС И ПРОФИЛЬ

Под редакцией В.Л. Верникова

Москва 2007

УДК 323+327(460)
ББК 66.3/66.4(4Исп)
И 88

Ответственный редактор монографии
В.Л. Верников

Авторский коллектив:
Верников В.Л. (Введение); к.э.н. Авилова А.В. (гл. 4); Баррера М. Рубиас (гл. 20);
к.г.н. Булавин В.И. (гл. 5 в соавт.); к.социол.н. Волкова Г.И. (гл.17 в соавт.);
к.и.н. Гранцева Е.О. (гл. 24); д.и.н. Данилевич И.В. (гл. 19);
к.филол. н. Дементьев А.В. (гл.17 в соавт.); к.э.н. Ермольева Э.Г. (гл.16);
доц. Киеня М.И. (гл. 3); к.и.н. Коваль Т.Б. (гл.14, 18);
к.и.н. Кожановский А.Н. (гл. 13); к.и.н. Константинова Н.С. (гл. 25);
к.э.н. Кузьмин В.В. (гл. 8); к.филол.н. Матяш Н.А. (гл. 26);
к.э.н. Понеделко Г.Н. (гл. 15); к.полит.н. Прохоренко И.Л. (гл. 23);
Ростоцкая Л.В. (гл. 27); к.э.н. Семенов В.Л. (гл. 10); к.э.н.;
Сидоренко Т.В. (гл. 6);к.э.н. Синельщикова И.Г. (гл. 11,12);
Солодовникова Н.А. (гл. 28); д.и.н. Хенкин С.М. (гл. 1, 21);
к.э.н. Цапенко И.П. (гл. 7); к.и.н. Черкасова Е.Г. (гл. 22);
к.э.н. Швец Е.А. (гл. 5 в соавт.); к.и.н. Яковлев П.П. (гл. 2, 9).

Институт Европы выражает искреннюю благодарность испанскому Банку Сантандер Сентраль Испано (BSCH) в Москве и Центрально-Черноземному банку Сбербанка Российской Федерации (г. Воронеж) за помощь в издании данного труда. Выводы и суждения, высказанные в монографии, могут не совпадать с мнением руководства и сотрудников банков.

ISBN 978-5-7777-0384-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ
Уроки недавней истории

Что можно предпослать серьезному аналитическому исследованию о двух последних десятилетиях жизни Испании? Только небольшой экскурс в недавнюю историю, чтобы ярче и четче высветить день нынешний, оставляя в тени напластования допущенных ошибок и ложных ожиданий быстрого успеха на нелегком пути трансформации общества.

После смерти в 1975 г. Франсиско Франко Испания прочно вошла в моду. Это был прорыв информационной плотины после почти 40 лет глухой изоляции диктаторского режима, когда до нас долетали лишь скудные и часто скорбные вести о погибших от пуль, загнанных в лагеря и тюрьмы, умиравших или бежавших от голода, униженных в правах не только противниках режима. Изредка их слегка разбавляли сообщения о футбольных подвигах «Реала» и «Барсы», корриде известного тореро, террористических «подвигах» баскских националистов из ЭТА, которых советская пропаганда неизменно представляла борцами с франкизмом да рассказы о чудачествах Сальвадора Дали с нафабренными клоунскими усами.

С уходом каудильо в мир иной в Европе с любопытством и надеждой заговорили о сорокамиллионной стране, в одночасье вернувшейся из забвения. В Испанию поверили: стали ездить, смотреть, изучать опыт переходного периода от диктатуры к демократии. И инвестировать. Восторгаться фламенко и новым испанским кино, великими музеями и песчаными пляжами, творениями Гауди и многим другим — всего не перечислить. Но все это было лишь чисто внешним проявлением фундаментальных перемен, которые вызревали в глубинах испанской политической системы, в экономике, социальной и культурной жизни общества.

Первые признаки поистине тектонических сдвигов не заставили себя долго ждать и проявились в цепочке выверенных политических шагов. Путь к знаменитым теперь «Пактам Монклоа», позволившим договориться «всем со всеми и обо всем», проложил Закон о политической реформе, который был разработан правительством А. Суареса[1] и в декабре 1976 г., после утверждения его еще франкистского покроя однопалатными кортесами, одобрен на общенациональном референдуме. Этот закон обеспечил полную легитимность всего процесса перестройки политической системы, стал несущим пролетом моста, который позволял спокойный переход от авторитарного режима к демократии.

Историки до сих пор не объяснили, почему в те жаркие месяцы ломки старых структур не особенно подчеркивалась роль короля Хуана Карлоса в принятии закона кортесами. Однако совершенно очевидно, что заслуга его огромна. Никто другой не был в состоянии нейтрализовать верхушку армии, которая, неоднократно публично заявляя о своем невмешательстве в политические процессы, оставалась заинтересованной в проведении реформ «сверху», чтобы избежать возможного социального взрыва.

Это была ювелирная работа политических саперов, постепенно вводивших в обиход не привычные для Испании понятия демократических выборов на многопартийной основе, прав человека, суверенитета народа, двухпалатных кортесов и другие. Закон стал плодом предварительной договоренности самых разных политических и общественных сил страны в пользу социального согласия и мира. Поэтому к моменту встречи в правительственной резиденции Монклоа 8–9 октября 1977 г. участников «круглого стола» для выработки политического согласия в проведении экономической политики почва для посева была хорошо подготовлена[2].

Любопытная деталь: документ, названный впоследствии «Пактами Монклоа», в оригинале назывался достаточно сухо — «Резюме проделанной работы», и вместо подписей авторов под ним стояли только их инициалы. И этот курьез тоже до сих пор не получил внятного объяснения ни участников «круглого стола», ни историков. Однако и это был в какой-то степени промежуточный этап в гонке реформаторов за временем. Своей очереди ждала первая в истории

---

[1] Орлов А. Испанский опыт реформирования общества. http://spalex.narod.ru/biblio/opyt.html.

[2] Верников В. Можно ли привить испанский миндаль на русскую яблоню. Известия. 7 апреля 1994.

страны демократическая конституция, принятая в 1978 г., которая провозгласила Испанию государством автономий.

В повестке дня стояли строительство многопартийной политической системы, структурная перестройка экономики, получившая название «reconversion», и демократические выборы. Не всегда заметные со стороны, но от этого не менее болезненные, процессы шли в глубине новой системы, задевая интересы и вызывая сопротивление сторонников франкизма не только в привилегированных слоях общества, но, в первую очередь, в армии и полиции. Как результат — заговоры, политические интриги, попытка военного переворота подполковника Антонио Техеро...

И все-таки — это лишь штриховой код времени. От начала процесса демократических перемен и до полной политической и экономической стабилизации прошло, как считают сами испанские политологи и экономисты, почти четверть века. Вплоть до начала нового столетия[1]. Хотя существует и другая точка зрения: рубежом стал год 1986-й, когда страна вступила в Европейское экономическое сообщество. Так или иначе, за эти годы был проделан долгий эволюционный путь от бедной и второстепенной во всех смыслах страны на континенте — до крупной европейской державы с восьмым в мире годовым ВВП. Ее голос теперь слышен и весом не только в ЕС и других общеевропейских организациях, но и в мире, где теперь у Испании есть свои глобальные интересы[2].

Переломным этапом на пути к современной Испании стала победа Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) на парламентских выборах 1982 г., позволившая ей задать обществу жесткий и детально осмысленный график демократического обновления дряблой в политическом и экономическом отношениях страны. Годы долгого пребывания социалистов у власти — целых 14 лет — стали периодом демократической консолидации и началом бурной и трудной структурной перестройки на пути индустриального развития и внедрения современных технологий в промышленности. Темпы экономического роста Испании — до 3–4% в год — вызывали удивление более развитых соседей по континенту, но такова была отдача освободившихся от пут государственного управления предприятий и либерализованного рынка труда. Сыграли, конечно, свою роль и многомиллиардные субсидии ЕС на создание фактически отсутствовавшей транспортной инфраструктуры, коммуникационных систем, ирригационных сетей и многого другого[3].

[1] El Mundo. 12.03.2003.
[2] Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века. М.: ИЛА РАН, 2006. С. 12.
[3] Там же. С. 145.

Все эти перемены вместил в себя ныне известный во всем мире «испанский транзит» — путь от диктатуры к демократии. В СССР, а затем и в России интерес к опыту «товарищей по тоталитарному несчастью» был велик и занимал умы не только просвещенных экономистов и политиков, но и высших руководителей. Применим ли у нас политический опыт Испании? — вот что их волновало. Сейчас этой наивности удивляешься, но ведь ездили, изучали, пытались даже кое-что перенять. Это все равно, что пытаться привить испанский миндаль на русскую яблоню.

Как известно, аналогии всегда хромают, тем более политические. На наш взгляд, главное различие советского и испанского режимов в том, что они, если так можно сказать, качественно разные, хотя франкистская диктатура тоже являлась признаком тяжелой болезни общества. У режима Франко было и еще одно отличие — он не покушался на цивилизационные основы общества — отношения собственности, рынок, традиции, семью, церковь, государство. Правый тоталитаризм, хотя и несет насилие и ограничения свободы, тем не менее не нарушает первичной социальной основы жизни, а наоборот эксплуатирует ее в своих политических интересах.

Опыт перехода от тоталитарных или авторитарных структур к демократии, подобный происшедшему в Испании, известен в истории. Но то, что происходило у нас в стране на протяжении многих десятилетий, было совсем другим явлением. И потому все механизмы, которые удалось выработать и запустить в Испании, в чистой форме никак не могли быть перенесены на нашу почву.

Фелипе Гонсалес, блестящий полемист и глава нескольких социалистических правительств, многое сделавший для Испании, умный и жесткий прагматик, порой даже циничный в своих откровениях, как-то сказал М.С. Горбачеву во время беседы: «Не надо, не копируйте нас, ничего у вас не получится. Вы из другого теста». Ответа, как утверждают присутствовавшие на встрече политики и дипломаты, не последовало. Этот давний, расхожий и во многих смыслах схоластический тезис о напрасно не востребованном у нас опыте испанского переходного периода, до сих пор кочующий по страницам книг ученых-испанистов, пришло время забыть за ненадобностью.

И все-таки было кое-что общее в переходных периодах обеих стран, подмеченное испанскими учеными: наши наиболее радикальные демократы очень походили на радикальных демократов левого толка, появившихся в Испании после смерти Франко. Их объединяла, при всем искреннем порыве к демократии, недооценка важности культурных и исторических традиций, негативное отношение к исто-

рии в целом, пренебрежительное отбрасывание ее только потому, что на традициях этой истории спекулировали диктаторы[1].

Испанцам повезло. Они сумели помирить крайние точки зрения и, отбросив Франко и франкизм как идеологию, начали свое движение и развитие на основе национальной истории и сложившейся государственности. Нашла свое место в этом движении и испанская католическая церковь. «В процессе перехода, и я должен подчеркнуть это, католическая церковь сыграла положительную роль, не связывая религиозный выбор с политическим и таким образом расширяя выбор любого христианина, любого католика, выражая терпимость и уважение к личному выбору человека»[2], — говорил Ф. Гонсалес в Москве на «Летних курсах Университета Комплутенсе» летом 1991 года. Анализ политической ситуации в послефранкистский период и факторов, которые привели страну к национальному согласию, объясняет сложный, но поступательный, без зигзагов путь ко дню нынешнему.

Тогда советские руководители говорили с испанцами на разных идеологических языках. Действительно, когда социалисты пришли к власти, то тоже говорили о социализме, о социалистических идеалах (а незадолго до этого — и о марксизме...), но имели в виду совсем другое, не то, что мы. Смешивать оба представления о социализме было опасным заблуждением или, как минимум, недоразумением. Понятие социализма у западноевропейского социалиста неразрывно связано с развитием механизмов социальной защищенности человека в структурах капиталистического хозяйства и развитие у него коллективистских начал в рамках рыночной экономики, столь необходимых для строительства гражданского общества. У нас в те годы сохранялось другое понимание социализма. В моде была перестройка.

Поэтому, когда Гонсалес говорил о том, что будет развивать социалистическую идею, на Западе это никого не взволновало и не испугало. (Кстати, разделяющий многие его взгляды и подходы в политике глава нынешнего правительства социалистов Х.Л. Родригес Сапатеро повторяет их и сейчас в несколько измененном варианте.) Все понимали, что таковы правила игры социалистов со своим электоратом. Были и многие другие, на первый взгляд, опасные обещания Гонсалеса: например, в канун выборов он вбросил в электоральные массы слоган «De entrada NO», что можно перевести как «С самого начала — НЕТ!», который должен был закрепить в умах избирателей позицию ИСРП о невхождении Испании в НАТО, куда ее формально втащило преды-

[1] Гурутц Хауреги. Государства должны преодолеть в себе страх // Известия. 05.07.1991.
[2] Международная жизнь. 1991. № 9. С. 55.

дущее правительство. Однако вскоре после победы на выборах он же, прибегнув к трюкам софистики, сделал все, чтобы в ходе подготовки специально объявленного референдума, убедить население проголосовать за участие в политических структурах НАТО, отказавшись лишь от некоторых неприемлемых для страны условий. Впрочем, через короткий промежуток времени эти оговорки тоже были отброшены, Испания стала активно участвовать в деятельности и военных структур блока.

Находясь у власти, ИСРП обозначила и не без сложностей преодолела следующий рубеж на пути модернизации страны — вступление в ЕС и НАТО. Реальность состояла в том, что Испания по-прежнему сильно отставала практически по всем показателям от наиболее развитых европейских государств, а подтягиваться до их уровня собственными силами было очень трудно и заняло бы слишком много времени. У правительства его не было. Вступление в 1986 г. в Европейское экономическое сообщество оказалось выгодным и стратегически правильным. Для этого Гонсалесу пришлось проявить характер и политическую волю, преодолевая инерцию левизны в собственной партии и в достаточно широких слоях всего левого электората. И никто не обвинил его в «волюнтаризме» и никаких ярлыков не приклеивал. Победителей не судят.

Западные государства пошли на тесное сближение с Испанией и на оказание реальной помощи потому, что у них появилась уверенность в необратимости демократических перемен и в политической стабильности в стране. В 1986–1991 гг. иностранные инвестиции, как прямые, так и портфельные, достигли 60 млрд долларов, выросло промышленное производство, снизилась до 5,5% годовая инфляция, но оставался давний социальный бич — безработица, в 1992 г. составившая 22,7% трудоспособного населения[1]. Статистика уверяла, что за 5 лет создано 1,7 млн новых рабочих мест, но профсоюзы с властью не соглашались и доказывали, что за этой лукавой цифрой скрывается преобладание временных и даже краткосрочных контрактов при найме на работу.

Перемены, тем не менее, были заметны повсюду, особенно в создании транспортной инфраструктуры — тысячи километров новых дорог европейского уровня, мосты, тоннели и сложнейшие инженерные развязки в городах построены на деньги ЕС. Как и в предыдущие годы, Испания и в 90-е получала ежегодно — эта цифра с небольши-

---

[1] Волкова Г.И., Дементьев А.В. Политическая история Испании. М.: Высшая школа, 2005. С. 116.

ми коррективами сохраняется до сих пор — 7 млрд евро, и делает все возможное, чтобы размеры субсидий из фондов развития ЕС оставались на том же уровне[1]. Важно отметить и другое: модернизация экономики с самого начала шла по всем направлениям, нерентабельные производства решительно закрывались, на их месте появлялись новые, современные, менялась номенклатура испанского экспорта, сельское хозяйство стало полностью индустриальным, хотя росла и безработица.

Эффективность испанских менеджеров поражала, но у них были хорошие учителя из Германии. Так продолжалось до 1992 г., когда в экономике наступил период временной стагнации, что привело вскоре к двум крупным всеобщим забастовкам — в мае 1992 г. и в январе 1994 г., которые по сути положили конец социальному договору о партнерстве власти и профсоюзов, длившемся много лет. По идеологии ИСРП был нанесен серьезный удар, но она его легко перенесла, обвинив профсоюзных лидеров в «обуржуазивании», а впоследствии их отношения нормализовались.

С приходом к власти «сменился регистр» и во внешней политике ИСРП. Это произошло не только по идеологическим соображениям, но и по чисто практическим — Испания вышла из политической изоляции, отношения с другими странами приходилось строить по-новому, углубляя, прежде всего, экономические связи. Некоторые испанские исследователи упрекали Гонсалеса в том, что он слишком дословно претворял в жизнь концепции Социнтерна[2], в особенности во взаимоотношениях со странами Латинской Америки, не желал принимать в расчет позицию США и европейских стран, где у власти стояли правые правительства. «Бревном» в глазу у них были Куба Фиделя Кастро и Никарагуа Даниэля Ортеги, но испанский премьер упреков не принимал, хотя ему и приходилось лавировать.

Страна, как хорошо отлаженная машина, уверенно взбиралась в гору, минуя ухабы текущей экономической и политической жизни. Но у последнего социалистического правительства (1993–1996) все отчетливее стали проявляться признаки усталости и самоуверенности как следствие долгого пребывания у власти. Оппозиция максимально использовала вскрывшиеся факты коррупции, в особенности в высших эшелонах власти — одного лишь скандала с министром внутренних дел, уличенного во взятках и сбежавшего от суда, хватало с лихвой,

[1] España. Los resultados del periodo de transición. M.: ИЛА РАН, 2003. С. 71.
[2] Los consejos buenos y malos. Ed. Tiempos, Madrid, 1993.P. 131.

но были и другие, не столь значительные. Воспользовалась Народная партия (НП) и скандалом, вызванным грязными методами борьбы с баскским терроризмом.

«Власть изнашивает, — признался как-то Ф. Гонсалес в интервью, — и изнашивается»[1]. Политический кризис на этот раз оказался тяжелым, охладить страсти не удавалось. Глава правительства почувствовал необходимость объявить в 1996 году досрочные парламентские выборы. Их социалисты ожидаемо проиграли. НП впервые в истории страны победила и сформировала свое правительство во главе с Х.М. Аснаром, а в Испании наступила новая эпоха. «Правая» метла вымела все, что хоть отдаленно напоминало о предыдущих администрациях, включая госслужащих среднего и низшего звена, по закону не подлежащих увольнению. То была настоящая идеологическая чистка под лозунгом повышения эффективности работы администраций всех уровней.

Что бы ни говорили правые политики как в первые месяцы у руля власти, так и в последующие годы, наследство они получили достойное и в хорошем состоянии — и экономическое, и политическое, и социальное. НП осуществляла свою программу и, безусловно, добивалась успеха, потому что по-своему развивала экономические достижения правительств социалистов. Крупным успехом администрации Аснара стала жесткая политика сокращения расходов и почти бездефицитный (всего 3%) бюджет, что позволило Испании оказаться в первой группе стран, перешедших на единую европейскую валюту[2].

Но и правые, начав широкую приватизацию государственной собственности, не удержались от соблазнов. Скандалов тоже хватало — в руки друзей лидера партии и спонсоров избирательных кампаний переходили самые лакомые куски государственного пирога по явно заниженным ценам («Телефоника», например, или энергетические компании). Тем не менее, хорошая экономическая конъюнктура в стране, возросшие социальные выплаты и «железная рука» Аснара в управлении страной, позволили НП выиграть выборы и в 2000 г.

Тяжким бременем, от которого так и не удалось разрешиться ни одному из послефранкистских правительств, включая нынешнее, был терроризм баскских националистов из ЭТА. Анализируя подходы самых разных администраций к решению этой проблемы, невозможно упрекнуть ни одну из них в отсутствии политической воли добиваться мира в Стране басков. Консенсус ведущих национальных

---

[1] El País. 11.06.1995.
[2] Ibid. 08.01.2002.

и региональных партий, включая баскскую националистическую (БНП), существовавший до недавнего времени, был во многом тем инструментом, который давал власти свободу действий как на этапе подготовки, так и на самих переговорах с лидерами политического крыла ЭТА. Но даже этого по той или иной причине всегда оказывалось недостаточно. Боевики отказывались сложить оружие и прекратить убивать, пытаясь различными ухищрениями (неоднократно нарушавшиеся обещания прекратить вооруженную борьбу — одно из них) выторговать у правительства то, что размену не поддается — независимость Страны басков.

Сейчас консенсуса в этом вопросе нет. НП, находясь в оппозиции, воспользовалась очередным терактом ЭТА и обвинила правительство социалистов в том, что оно идет на поводу у террористов, пытаясь задобрить их уступками в территориальных вопросах, которые не могут быть даже предметом переговоров. Левые испанские политологи считают, что консерваторы жертвуют логикой и истиной в угоду собственным партийным интересам, нарушив много лет сохранявшийся консенсус как одно из краеугольных соглашений двух основных партий страны о проведении общей линии в борьбе с ЭТА[1]. На наш взгляд, неудача правительства в ходе последнего (2005–2006) раунда переговоров с Батасуна — политическим крылом радикальных националистов обусловлена и сугубо психологическим просчетом.

По скудной информации о переговорах складывалось впечатление, что власти по непонятной причине начали воспринимать ЭТА как де-факто оформившуюся политическую партию и недооценивают присущие нелегальной террористической организации комплексы. В условиях демократии любая политическая партия легко может самораспуститься по решению своего выбранного демократическим путем руководства. Но ЭТА на такое не способна, так как речь идет о нескольких сотнях боевиков, собранных в ячейки, где у каждого своя роль в подготовке и проведении теракта, а не о партийных активистах.

Следует согласиться с известным испанским политиком последних десятилетий Сантяго Каррильо, хорошо знающим предмет разговора, в том, что люди в ЭТА превратились в профессионалов, живущих вне закона[2]. Условия такого существования привели их к извращенному представлению о мире, далеком от реального, полном фантазии и химер. Человек, чья работа состоит только в подготовке убийств, забы-

---

[1] Ibid. 15.01.2007.

[2] Ibidem.

вает о каких-либо политических требованиях, даже если когда-то они у него и были. Он поглощен навязчивой идеей собственной безопасности и озабочен тем, как скрыться от преследующих его спецслужб.

Руководство такой организации время от времени приходит к пониманию бессмысленности ее существования и начинает делать публичные заявления о желании оставить этот путь в никуда. Но оно сталкивается с трудно выполнимой задачей: убедить подпольных убийц в необходимости изменить свою жизнь. Не следует забывать, что ЭТА к тому же испытывает сильное давление со стороны заключенных в тюрьмы боевиков, приговоренных к длительным срокам и находящихся вдали от своих семей. Для них мир иллюзий закончился, но в своем мире они продолжают считать себя героями и жертвами не понятой борьбы за идею, и потому могут требовать от ЭТА продолжать террор.

Квадратура круга. Власть, решившаяся на переговоры с теми, кто выступает от имени террористов, находится в заведомо уязвимой ситуации — разве следует договариваться о чем бы то ни было с убийцами 800 с лишним человек? К тому же она должна понимать, что на благородство ЭТА рассчитывать вряд ли стоит. Но сама должна оставаться по-христиански благородной, а не рассчитывать только на полицейскую жесткость.

Введение — лишь ориентир для читателя. Мы решили дать сжатый аналитический срез важнейших событий и явлений в недавней истории Испании, предшествовавшей периоду, которому посвящена эта коллективная монография, — последним 20–25 годам жизни страны. И все же отметим принцип композиции книги. Он основан на различных ракурсах видения тех или иных проблем специалистами разных дисциплин — политологами, экономистами, социологами и культурологами, нередко принадлежащих к разным научным школам. Общий аналитический взгляд на основные текущие проблемы жизни страны, своего рода приближение к глубокому исследованию, как бы предваряющее детальный анализ в последующих главах книги, представлен в первой части книги. Три выбранных нами темы — это три основополагающих фактора времени сегодняшней Испании — это внутриполитический, внешнеполитический и культурологический.

Часть I. ИСПАНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА. ТРИ ФАКТОРА ВРЕМЕНИ

Глава 1. «Новый курс»: испытание властью

Победа Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) на парламентских выборах в марте 2004 г. оказалась неожиданной. Разумеется, и пребывая в оппозиции, она оставалась влиятельнейшей политической силой. За долгие годы пребывания у власти социалисты добились значительных успехов в консолидации демократии и модернизации страны. Однако серия коррупционных скандалов, помноженная на грубые нарушения законности, лишили их поддержки значительной части испанского общества, и они дважды проиграли парламентские выборы — в 1996 и 2000 гг.

После поражения в партийных рядах царили замешательство и разобщенность, усилилась фракционная борьба, что во многом было связано с проблемой лидерства. Ф. Гонсалес, много лет возглавлявший ИСРП, неожиданно ушел с поста Генерального секретаря, а сменявшие его Х. Альмуния и Х. Боррель не сумели преодолеть внутрипартийный кризис и разработать четкую альтернативную программу политике правительства Народной партии (НП). По словам известного деятеля рабочего движения Испании Н. Сарториуса, проблема испанских левых, и в частности ИСРП, состояла не в поражении на выборах, а в отсутствии политического проекта, в том, что они утратили «моральное, культурное и, наконец, политическое лидерство в обществе и пребывали в полной растерянности»[1].

В июле 2000 г. на 35-м съезде Генеральным секретарем был избран Хосе Луис Родригес Сапатеро. Его победа означала смену поколений в руководстве партии, большинство политических деятелей, сформировавшихся в годы антифранкистской борьбы, ушло в отставку, уступив место социалистам «эпохи демократии». Новый лидер, сплотив вокруг себя группу единомышленников, выступил с манифестом «Но-

---

[1] Mas F. *España, la década decisiva (1990–2000). Retrato de un país ante el nuevo milenio.* Barcelona, 2002. P. 27.

вый путь», основной идеей которого была модернизация Испании на основе достижений информационной революции.

Обновление ИСРП происходило на фоне весьма успешного руководства страной Народной партией, добившейся позитивных результатов в разных сферах общественной жизни, прежде всего в социально-экономической. Разумеется, не все в политике НП отвечало ожиданиям общества. Наибольшее недовольство вызывала внешняя политика и, прежде всего, отправка в Ирак небольшого воинского контингента. Опросы общественного мнения свидетельствовали, что в 2002 — начале 2004 г. дистанция в предпочтениях избирателей между НП и ИСРП быстро сокращалась. И тем не менее большинство аналитиков предсказывали победу правящей партии.

Этого не случилось. Террористический акт в Мадриде 11 марта 2004 г., за три дня до парламентских выборов, резко изменил общественные настроения, опроверг эти прогнозы. Ложь правительства, пытавшегося свалить вину за происшедшее на боевиков ЭТА, что с электоральной точки зрения было тактически выгодно властям, достаточно скоро стала очевидной. Она определила позицию многих колебавшихся — испанцы не любят, когда их обманывают.

За ИСРП проголосовали 42,6% избирателей — 10,9 млн человек. На руку социалистам сыграла высокая по испанским меркам — и это тоже реакция на теракт и его трактовку властями — явка на выборы: 77,2% избирателей (в 2000 г. — 70%). Социалисты набрали на 3 млн голосов больше, чем в 2000 г. Причем наибольшую долю составили как раз голоса «абсентеистов 2000 г.» — тех сторонников Социалистической и Коммунистической партий Испании, которые тогда не пошли голосовать из-за внутренних неурядиц в своих организациях. Немало голосов отдали им и молодые люди, впервые пришедшие к избирательным урнам.

Одержав победу, Х.Л. Родригес Сапатеро просто обязан был начать претворять в жизнь свой «новый курс», основанный на «спокойных переменах». «Я не сторонник ни разрыва, ни преемственности. Предпочитаю спокойные перемены, в основе которых лежит новая программа действий... Левые победят правых, лишь если переиграют их в битве идей... Суть дела состоит в том, что социализм в современной Испании может стать результатом сочетания идей свободы, равенства и модернизации»[1].

«Новый курс» проявился уже при формировании нового кабинета министров, в котором впервые в истории Испании 16 министер-

---

[1] Mas F. Op. cit. P. 268.

ских постов были поделены поровну между мужчинами и женщинами. Первым заместителем председателя правительства — впервые в испанской истории — стала женщина Мария Тереса Фернандес де ла Вега. В области социально-экономического развития правительство продолжило курс на модернизацию, проводившийся и Народной партией, но внесло в него существенные коррективы. Можно согласиться с точкой зрения ряда исследователей, считающих испанскую экономику все еще полупериферийной, в которой сочетаются черты экономики центра и периферии мировой системы. Общественные противоречия на полупериферии выражены сильнее, чем в центре, и перспективы развития выглядят весьма противоречиво: если углубление процессов европейской интеграции способно вывести Испанию в эшелон развитых стран, то глобализация может усилить ее отставание.

Перед Испанией стоит немало проблем: по многим показателям она по-прежнему отстает, и порой значительно, от развитых стран Европы. Особенно это касается производительности труда, доходов на душу населения, расходов на социальные услуги и социальное обеспечение. Семь миллионов испанцев (18,5%) живут ниже уровня бедности, что является одним из самых высоких показателей в Западной Европе. Расходы на НИОКР составляют всего 1% ВВП, в то время как в странах ЕС на научные разработки тратят в среднем 2%, а в США — 3%[1]. Правительство ориентируется на смену модели развития для достижения более высокой производительности труда (достичь ее власти намереваются путем интенсификации капиталовложений, не увеличивая налоги и не нарушая бюджетное равновесие). Переход к новой модели предполагает развитие индустрии знаний, научных исследований и технологий, повышение квалификации работников. Планировалось на 25,4% увеличить затраты на НИОКР, на 9,2% — на развитие инфраструктуры[2].

Проект бюджета на 2005 г. носил отчетливо выраженный социальный характер. На цели социального развития предполагалось израсходовать 50,2% всех бюджетных средств — больше, чем когда-либо в прошлом (в 2003 г. — 48,3%, в 2004 г. — 49,4%). Решению социальных проблем благоприятствуют относительно высокие темпы экономического развития. В 2005 г. рост экономики составлял 3,5% — в два раза выше, чем у половины стран ЕС, а уровень безработицы опустился до 8,4% — самого низкого показателя с 1979 г.

---

[1] Razón y fe, enero 2003. P. 30; Ibid., enero 2004. P. 26.
[2] См.: El País. 25.09.2004.

Среди приоритетных задач «нового курса» ИСРП — принятие законов, направленных на модернизацию устарелых практик, обычаев и нравов в испанском обществе. В октябре 2004 г. был принят законопроект, направленный на борьбу с распространенным в Испании домашним насилием. В разное время было также отменено обязательное религиозное образование в школах, упрощена процедура разводов, тянувшихся годами, разрешены однополые браки. «Будет покончено с косными установками и устарелыми подходами»[1], — говорит Родригес Сапатеро.

Одно из важнейших направлений в «новом курсе» ИСРП — серьезное реформирование государственного устройства, намерение предоставить автономным областям тот объем прав и полномочий, к которому они стремятся. Разумеется, в рамках сохранения государственного единства. Не секрет, что территориальная организация страны остается недостроенной, а это закладывает своего рода мину замедленного действия под здание всей испанской государственности. Ряд автономных сообществ требуют изменить «правила игры» с центром, настаивая — в каждом случае по-своему — на перераспределении финансовых потоков, усилении культурной и лингвистической автономии, более широком представительстве за рубежом. Корень проблемы состоит в неопределенности политико-правовых основ Испании как государства автономий. Отчасти это связано с двусмысленными положениями Конституции, которые воспринимаются различными политическими силами по-разному. Для правых «программа-максимум» — введение самоуправления в автономиях. Для наиболее радикальных националистов Конституция — лишь промежуточный этап на пути к последующему обретению независимости.

Предоставление автономии, не удовлетворившей радикальных и часть умеренных националистов, лишь побуждало их к борьбе за дальнейшее расширение своих прав. Стремление многих народов и регионов Испании повысить свой этнокультурный статус — это также реакция на процессы европейской интеграции и глобализации, боязнь утратить свой язык и традиции, «раствориться» в безликой «мировой» среде. Кроме того, перестройка Евросоюза в структуру федеративного типа стимулирует и развитие федеративных отношений в государствах — членах ЕС. В некоторых автономных областях Испании движение к «Европе регионов» рассматривают как предлог для ограничения полномочий центра и наращивания своего суверенитета. Вопрос ставится о прямом, минуя Мадрид, представительстве этих регионов в Брюсселе.

[1] El Mundo. 23.08.2004.

Сейчас все очевиднее становится общее направление провозглашенных ИСРП перемен — движение в сторону развития федеративных начал, хотя правительство не ставит вопрос об изменении Конституции. Современную Испанию, входящую в число самых децентрализованных стран мира, отнести к федерациям никак нельзя. Это децентрализованное унитарное государство — ведь в Конституции говорится, что принятие окончательных решений сохраняется за центральной властью. Только с ее санкции может происходить перераспределение полномочий между центром и автономными сообществами. Вне пределов автономий общегосударственные нормы имеют приоритет перед нормами автономных сообществ. Если деятельность местной администрации входит в противоречие с Конституцией и наносит серьезный ущерб «общим» интересам страны, центр может принять «необходимые меры» к местным властям, правда, после предварительных обращений к ним и получения санкции сената.

Государство автономий исходит из принципа единства и неделимости суверенитета испанской нации, в рамках которого имеют место признание автономий и уступка им части компетенции государства, в то время как федерация рождается из пакта между различными суверенитетами, решающими сформировать новое государственное образование, которому они уступают часть своей компетенции. Испания не выдерживает «тест на федерализм» и с точки зрения движения финансовых потоков между центром и регионами. Статьи 156 и 157 Конституции Испании разрешают автономным областям собирать собственные налоги (центру предназначаются только таможенные сборы). Однако на практике центральное правительство удерживает в свою пользу бóльшую часть важных налогов во многих, но не во всех автономных областях. Финансовые отношения между центром и регионами лишены необходимой согласованности, рациональности, прозрачности и нуждаются в серьезном реформировании.

Субъекты федерации активно участвуют в проведении государственной политики и принятии решений, касающихся страны в целом, а в Испании участие автономных областей в политике правительства структурировано мало и плохо. Во многом это объясняется ролью сената: считающийся органом территориального представительства, в испанской реальности он таковым не является и скорее воспроизводит партийно-политическую структуру каждого автономного сообщества.

Вместе с тем в территориальном устройстве современной Испании присутствуют ряд признаков (элементов), характерных для федеративных государств. Среди них — единство в многообразии, культурно-этнический плюрализм; разграничение предметов ведения и

полномочий между разными уровнями управления; сочетание централизма с децентрализацией управления; конфликтность, постоянное балансирование между единством и многообразием, централизмом и регионализмом. Следует назвать также «разделенную лояльность» испанцев, для которых характерна множественность форм самоидентификации, привязанность к своей «малой родине» и одновременно к испанскому государству и наднациональному Европейскому союзу.

Наконец, еще один признак федерализма, присущий территориальной модели Испании, — сочетание симметрии и асимметрии. Асимметрия и юридическая, и фактическая. По закону автономии различаются объемом предоставленных им правительством прав и полномочий, а уже на это юридическое неравноправие накладывается фактическая асимметрия, в частности межрегиональные экономические диспропорции, существование «богатых» и «бедных» регионов. Отсюда — распространенное в массовом сознании чувство соперничества, своей обделенности или, напротив, превосходства над соседом. В то же время присутствует и симметрия: государство гарантирует эффективное осуществление принципа солидарности, заботясь об установлении равновесия между различными частями территории.

В целом, однако, принятие концепции федеративного государства невозможно без перестройки сознания миллионов испанцев — ведь Конституция Испании запрещает создание федерации. Если во многих странах федерализм служит укреплению государства, то в Испании, в силу особенностей исторического развития, значительная часть населения ассоциирует его с сепаратизмом и угрозой распада. С тем, насколько непросто развивать федеративные начала в существующей территориальной модели, сразу столкнулся Родригес Сапатеро, едва заявив о намерении реформировать сенат. Оказалось, что в перестройке его деятельности не заинтересованы ни другая палата кортесов — конгресс депутатов, с которым сенат в этом случае сравняется по степени влияния, ни 250 нынешних сенаторов, которые потеряют свои места. Ни тем более руководители политических партий, которым придется брать на себя трудоустройство нынешних сенаторов[1]. Не исключено и сопротивление в правительстве, которое в случае реформы сената должно будет постоянно прислушиваться к его мнению.

Реализуя идею реформирования государства автономий, правительство ИСРП одобрило новый статут Каталонии, в соответствии с которым права этой автономии расширяются, за каталанским языком при-

---

[1] См.: *Sistema político español. Paloma Romana Marugan (coord.).* Madrid, Universidad Complutense de Madrid, 2002. P. 307.

знается статус государственного «наравне с испанским», а сам регион именуется «национальной реальностью в составе испанского государства». Примечательно, что обсуждение статута вызвало в Испании далеко не однозначную реакцию. По различным опросам примерно половина населения считала, что следует согласиться со стремлением большинства каталонцев самим определять свое будущее, а другая половина воспринимала статут как подрывающий единство Испании. Парадокс: в самой автономной области против статута выступила влиятельная Левореспубликанская партия Каталонии, считающая его ...недостаточно радикальным с точки зрения защиты интересов региона.

Значительно сложнее оказалась проблема реформирования автономного статута в Стране басков. В конце 90-х годов радикализировалась позиция правящей в регионе Баскской националистической партии (БНП), открыто добивавшейся переговоров о суверенитете автономной области. В сентябре 2003 г. председатель автономного правительства Хуан Хосе Ибарретче выступил с планом, предусматривавшим «свободную ассоциацию» Страны басков с Испанией, признание басков в качестве нации и открывавшим им путь к самоопределению[1]. Основные политические силы страны подвергли этот план резкой критике, подчеркнув, что он противоречит Конституции Испании.

Несколько иначе был воспринят «план Ибарретче» в сообществе испанских экспертов-правоведов. Если одни из них напоминали о нерушимом единстве испанской нации, предусмотренном ст. 3 Конституции, то другие считали допустимым предложенный Ибарретче статут баскской автономии, ссылаясь на то, что Испания — многонациональное государство, уважающее права других народов. Но как бы то ни было, реформирование статута Страны басков невозможно без прекращения террористической деятельности ЭТА, уже почти 40 лет ведущей счет своим жертвам.

Опираясь на результаты исследований, Родригес Сапатеро заявил в июне 2006 г. о намерении начать переговоры с Батасуна — политическим крылом ЭТА, запрещенной в 2002 г. Речь шла о совершенно открытых переговорах с боевиками, в отличие от тех, которые проводились прежними правительствами ИСРП и НП в секретной обстановке. Правительство намеревалось начать мирные переговоры с ЭТА, не касаясь политических вопросов (то есть независимости Страны басков). За образец был взят опыт Северной Ирландии и раздельного обсуждения военных и политических проблем.

---

[1] См.: *Euscadi, del sueno a la vergüenza. Guía útil del drama vasco. Basta Ya! Iniciativa ciudadana.* Barcelona, 2004. P. 18.

Однако переговорный процесс развивался с большим трудом из-за серьезных разногласий правительства с радикальными баскскими националистами. Ситуация усугублялась глубоким расколом в самом баскском обществе, в котором существуют несколько крупных политических течений: радикальные националисты, стремящиеся добиться независимости региона путем вооруженной борьбы; националисты, поддерживающие отделение провинций, населенных басками, от Испании, но мирным, политическим путем; умеренные националисты, которые хотят широкой автономии Страны басков в составе Испании, и, наконец, ненационалистические силы, ориентирующиеся на общеиспанские организации и законодательство. Характерный пример существующих разногласий — отношение различных политических сил автономии к проблеме ее самоопределения. Если значительная часть националистического лагеря настаивает на юридическом признании этого принципа, то ненационалисты высказываются против его принятия как не предусматриваемого испанской Конституцией.

Однако «круглый стол» не состоялся. В декабре 2006 г. ЭТА в очередной раз нарушила перемирие — взрыв в мадридском аэропорту привел к человеческим жертвам. Переговоры властей с Батасуна оказались в сложившейся ситуации невозможными. Все предшествующее взрыву время политика правительства вызывала острую критику со стороны Народной партии, церковной иерархии и влиятельной Ассоциации жертв терроризма, потребовавших прекратить переговоры «с бандой убийц». Таким образом, баскский конфликт в очередной раз обострился, показав, что является проблемой общенационального масштаба и препятствием для прогресса испанской демократии.

Один из важнейших новых вызовов, перешедших к социалистам по наследству от консерваторов, — иммиграционная политика. Испания — рекордсмен среди стран ЕС по приему иммигрантов (594 тыс. в 2003 г.), иммиграция дает 92% прироста населения страны. На 1 января 2005 г. в стране проживало 3,5 млн иммигрантов (8% населения). Объективно они нужны испанскому обществу, так как смягчают напряженность на рынке труда и ослабляют последствия процесса старения населения. Для сохранения демографического равновесия и достигнутого уровня жизни необходимо, чтобы страна принимала ежегодно по 240 тыс. трудовых мигрантов. В этом случае, предполагают власти, численность иммигрантов достигнет 12 млн человек[1].

---

[1] См.: Goitisolo J., Nair S. *El peaje de la vida. Integración o rechazo de la emigración en España.* Madrid, 2001. P. 148–149.

Иммиграция создает серьезную социокультурную проблему интеграции огромной массы переселенцев в испанский социум, их сосуществования с коренным населением. Симпатии и антипатии испанцев к иммигрантам из разных стран и регионов мира (в Испании множество выходцев из Африки, Латинской Америки, стран ЕС, Азии, Восточной Европы) распределяются по-разному. Наименьшими симпатиями пользуются марокканцы (в 2006 г. их насчитывалось, по официальным оценкам, 506 тыс.): немалая часть испанцев относится к исламу как к агрессивной религии, отождествляя мусульман с экстремистами. В коллективной исторической памяти коренного населения сохраняется со времен Реконкисты стереотип о негативной роли ислама, а также веками сложно развивавшиеся и часто обострявшиеся отношения стран-соседей. По словам известного испанского социолога В. Переса-Диаса, «в исламе, воспринимающемся не как совокупность религиозных представлений, а как образ жизни, испанцы видят главное препятствие для интеграции марокканцев в общество»[1]. Три месяца спустя после теракта в Мадриде, в ходе расследования которого выявился «магрибский след», число испанцев, высказавшихся за депортацию марокканцев из страны, возросло втрое по сравнению с 1996 г.

В стране растут настроения ксенофобии и расизма, подчас сопровождающиеся физической агрессией. Как свидетельствуют опросы, неуклонно увеличивается число испанцев, отторгающих мигрантов. Если еще в конце 90-х годов Испания была более толерантной к иммигрантам, по сравнению с другими странами, то теперь она приблизилась к среднеевропейским показателям[2].

Проводя в жизнь «новый курс», правительство ИСРП предприняло серьезную попытку решить проблему нелегальных переселенцев (их насчитывалось, по разным оценкам, от 800 тыс. до 1,2 млн человек), сделать иммиграцию легальной и упорядоченной. С февраля по май 2005 г. действовала новая редакция Закона о проживающих в Испании без права гражданства, одобренная кабинетом министров ИСРП. Он позволял нелегальным переселенцам, занимавшимся трудовой деятельностью в стране не менее шести месяцев, но не имевшим разрешения на проживание, такое разрешение получить. Претворение этого закона в жизнь, считает правительство, может серьезно ограничить сферу теневой экономики, нанести удар по

[1] Cea D'Ancona M.A. *La activación de la xenofobia en España. Que miden las encuestas?* Madrid, Centro de investigaciones sociológicas, 2004. P. 121–122.

[2] Ibid. P. 31, 351.

преступности, улучшить материальное и правовое положение сотен тысяч переселенцев и создать благоприятные условия для интеграции их в общество. Кроме того, благодаря легализации иммигрантов государственная казна получит дополнительные налоговые поступления.

Однако у правительства оказалось немало критиков, прежде всего, из консервативного лагеря, утверждающих, в частности, что облегчение условий легализации сделает Испанию еще более притягательной для переселенцев из слаборазвитых стран и лишь расширит масштабы «нашествия на страну» чужеземцев. Кто бы ни был прав в оценке последствий применения этого закона, в страну продолжается массовый наплыв нелегалов — прежде всего, африканских мусульман. В сложившейся обстановке ИСРП вынуждена была ужесточить свою политику в отношении нелегальной иммиграции. Для этого приняты различные меры, в том числе заключены соглашения с некоторыми странами Африки о высылке туда их граждан, нелегально оказавшихся в Испании.

Однако все эти меры противодействия — лишь часть проблемы нелегальной иммиграции. Сложная и противоречивая по своим социально-политическим и психологическим последствиям, она становится своего рода тестом для «нового курса» правительства Испании. Если страна пройдет его успешно, иммиграция укрепит ее. В противном случае, вполне вероятно снижение уровня жизни населения, усиление расслоения в обществе и рост социально-политической напряженности.

«Новый курс» социалистов отчетливо проявляется и в области внешней политики. Приоритеты здесь по сравнению с правительством НП существенно изменились. Испания вывела свой воинский контингент из Ирака. Шаг, одобрительно встреченный испанской общественностью, был неоднозначно воспринят на международной арене. В некоторых западных столицах его расценили как капитуляцию перед «Аль-Каидой», а международные террористические организации — как победу над западными демократиями. Почти одновременно был отправлен испанский воинский контингент в Афганистан «для содействия в проведении первых демократических выборов и оказания гуманитарной помощи» и 110 гражданских гвардейцев на Гаити. Принципиальное отличие этих событий в том, что в последних двух случаях операции осуществлялись в рамках международных правовых норм.

Отмечая важность союзнических отношений и сотрудничества с США, правительство Х.Л. Родригеса Сапатеро возвращается к тради-

ционному для испанской внешней политики проевропейскому курсу. Будучи убежденным в том, что объединенная Европа — гарантия прогресса для всего мира, лидер ИСРП призывает покончить с ее разделением на «новую» и «старую». Важнейшими союзниками Мадрида в Европе становятся Франция и Германия.

Итак, осуществляя «новый курс», правительство ИСРП действует в непростой политической ситуации, в условиях явно нарушенной общественной стабильности. Возникает множество проблем, требующих нестандартных решений. Выдержат ли социалисты испытание властью? Пока ясно лишь, что легкой жизни у них не будет.

Партийной системе Испании и внутренней политике правительств последних десятилетий посвящены главы 19–23 настоящей работы.

Глава 2. Внешняя политика: европейский вектор

В последние десятилетия Испания, приняв (и на словах, и на деле) общеевропейскую систему ценностей и приоритетов, развивалась и изменялась в унисон с Европой как неотъемлемая экономическая, политическая и культурная часть континента. Европейский выбор, сделанный испанской нацией, имел глубокие корни и объективные основы, в итоге обеспечившие устойчивый характер главного вектора внешней политики Мадрида. Сказанное, однако, не означает, что в правящих кругах Испании, ее политических и деловых элитах стратегический курс на «евроцентризм» (безусловное и приоритетное сотрудничество с государствами Старого Света) никогда не подвергался попыткам корректировки и не проходил через периоды испытаний на прочность. Такие попытки были: в правящем классе находились сторонники ставки на «атлантизм», на «автоматическое следование» за Вашингтоном, но в конечном счете сама жизнь доказала релевантность национальным интересам испанского государства и общества преимущественного взаимодействия с европейскими партнерами.

Отношения Испании с европейскими странами (не считая соседней Португалии, представляющей совершенно особый случай) за последние сто лет пережили три радикально различных периода.

В первой трети XX в. испанское государство характеризовалось очевидной отсталостью, экономической и политической зависимостью от передовых держав Западной Европы[1]. В эти годы Мадрид не играл заметной роли в европейских делах, почти полностью растерял былое влияние в Азии и Латинской Америке и сконцентрировал военные и дипломатические усилия на удержании своих позиций в сохранившихся колониальных владениях в Северной Африке. Именно в ходе Африканской кампании выдвинулся Франсиско Франко, ставший в 1926 г. самым молодым генералом испанской армии. Испания не была в числе стран — учредителей Лиги наций, а в 30-е годы стала ареной интернациональной борьбы с фашистской угрозой.

С приходом Ф. Франко к власти и установлением диктатуры начала выстраиваться модель отношений с Европой, которую испанские политологи определяют как смесь «отторжения и противостояния»[2]. Новый этап отношений Испании с Европой начался после его смерти, с переходом страны от диктатуры к демократии. Наглядные положительные результаты интеграционных процессов, развивавшихся на континенте, обостряли интерес властных структур, бизнес-элит и испанского гражданского общества к полноценному (и полноправному) участию Испании в строительстве объединенной Европы.

Все это, вместе взятое, и обусловило содержание нынешнего периода испано-европейских отношений, которое в сжатом виде можно определить как равноправное сотрудничество и позитивная взаимозависимость. Присоединение 1 января 1986 г. Королевства Испании к ЕЭС[3] по прошествии двух с лишним десятилетий воспринимается как знаковый рубеж, повлекший за собой качественные изменения общественной жизни испанского государства. Разумеется, европейская повестка дня дворца Монклоа не исчерпывается участием в интеграционных процессах в рамках Евросоюза. Но само географическое расширение ЕС, присоединение к нему большинства стран Европы привели к тому, что главным содержанием европейского направления внешней

---

[1] Как отмечал российский исследователь А.А. Орлов, «Мадрид, по существу, смирился с невыразительной ролью европейской периферии...». См.: Орлов А.А. Испания в системе военно-политических организаций и союзов Запада: обретение «нового лица». М., 2000. С. 3.

[2] Pereira J.C. (coord). *La política exterior de España (1800–2003). Historia, condicionantes y escenarios*. Barcelona, 2003. P. 298.

[3] С 1967 г. так стали именоваться подведенные под юрисдикцию одной комиссии Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), Европейское объединение угля и стали (прекратило свое существование в июле 2002 г.) и Европейское объединение по атомной энергии. В 1992 г. Сообщество было преобразовано в Европейский союз (Евросоюз, ЕС).

политики Испании были и остаются многосторонняя деятельность и двусторонние отношения, прежде всего, с ведущими континентальными державами — Германией, Италией, Францией.

Накопленный европейский опыт континентального сотрудничества стал верным ориентиром для испанских политиков и предпринимателей, профессиональных союзов и других общественных и частных институтов. Попав в мощное гравитационное поле Общего рынка, Испания оказалась вовлеченной в орбиту современных хозяйственных и социально-политических отношений, что ускорило динамику внутренних преобразований, гармонизировало национальные процессы с общеевропейскими и закрепило страну в группе наиболее развитых и преуспевающих государств мира. «Европа, — подчеркивал в статье, опубликованной в июле 2004 г. в журнале “Foreign Affairs” председатель испанского правительства Хосе Луис Родригес Сапатеро, — это наше естественное жизненное пространство, место, где гарантировано сохранение сложившейся социально-экономической модели, достигнутого благосостояния и прогресса, а также фундаментальных прав и свобод наших граждан»[1].

Участие в европейской интеграции (помимо многих преимуществ иного характера) принесло Мадриду и прямые финансово-экономические выгоды, в частности, в форме крупных выплат из так называемых коммунитарных фондов, целью которых было содействие росту испанской экономики и подтягивание страны до уровня более развитых государств континента. Начиная с 1987 г. Испания ежегодно получала средства, значительно превышавшие ее взносы в бюджет Сообщества (за период 1987–2005 гг. суммарная разница составила свыше 78 млрд евро). Эти дополнительные финансовые вливания позволили ежегодно создавать 300 тыс. новых рабочих мест и финансировать целый ряд масштабных народно-хозяйственных проектов, прежде всего, — в области инфраструктуры. Достаточно сказать, что четыре из десяти километров современных — европейского класса — автомобильных дорог на испанской территории были построены на средства ЕЭС. Другие, не менее красноречивые показатели: государства Европейского сообщества обеспечили около 90% всех иностранных капиталовложений в экономику Испании, и в начале нынешнего столетия на их долю приходилось 66% испанского импорта и 75% — экспорта. Одним из важнейших итогов присоединения к объединенной Европе стал ощутимый рост душевого дохода насе-

---

[1] Rodriguez Zapatero J.L.R. *La nueva politica exterior para España* // http://www.foreignaffairs-esp.org.

ления Испании — с 68% среднего по странам — членам ЕЭС уровня в 1986 г. до 90% в 2005 г.[1]

Очевидный экономический и социальный прогресс Испании со временем побудил еврочиновников в Брюсселе заговорить о прекращении или существенном сокращении выплат стране из коммунитарных фондов. Это стало особенно актуальным после вступления в Евросоюз 1 мая 2004 г. сразу 10 новых государств, в большинстве своем — среднеразвитых стран Центральной и Восточной Европы. В этой связи даже называлась дата прекращения выплат Испании — 2010 г., но мадридской дипломатии удалось продлить сроки получения финансовой поддержки до 2013 г.[2], что было воспринято и в стране, и за рубежом как безусловный успех испанского внешнеполитического ведомства.

Членство Испании в Сообществе, а затем в Евросоюзе оказало огромное влияние на курс Мадрида в мировых делах, превратив европейское направление в главный вектор торгово-экономических и политических отношений испанского государства. Более того, именно широкое и многообразное сотрудничество с партнерами в Европе в значительной мере детерминировало формирование всех основных направлений международной деятельности Испании. Причем взаимодействие испанской дипломатии с европейскими коллегами распространялось не только на институты ЕС, но и на другие международные организации, например НАТО, куда Испания вступила еще в 1981 г., или Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ, впоследствии — ОБСЕ).

Переломным событием для Испании стало подписание ею в феврале 1992 г. Маастрихтского договора о Европейском союзе (вступил в силу 1 ноября 1993 г.), который, с одной стороны, утвердил план Экономического и валютного союза — так называемую первую опору Евросоюза, а с другой — включил в архитектуру интеграционных процессов «Общую внешнюю политику и политику в области безопасности» (ОВПБ), ставшую второй опорой ЕС[3]. С этого момента был определен вектор дальнейшего развития испанской внешней политики в направлении к новым, еще более тесным формам кооперации с европейскими странами. В известном смысле, создание Евросоюза

---

[1] См.: 20 años de España en la Unión Europea // http://www.maec.es/es.

[2] В 2007–2013 гг. положительное сальдо Испании в расчетах с Евросоюзом должно составить почти 16,2 млрд евро (взносы — 74,3 млрд, поступления — 90,5 млрд). См.: El País. Madrid, 17.12.2005.

[3] Подробнее см.: Европа вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Н.П. Шмелёв). М., 2002. С. 321–323.

не только расширило спектр дипломатических функций, но и заметно изменило природу внешнеполитического курса Мадрида.

С институционализацией ЕС испанская дипломатия оказалась активно включенной в реализацию политики создания нового качества общеевропейской экономической среды, которая бы позволила в оптимальном режиме функционировать все более взаимосвязанным национальным хозяйствам европейских государств[1]. В данном контексте первостепенное значение имели участие Испании в переходе на единую европейскую валюту (евро), присоединение к Шенгенскому соглашению, заметная, а порой и инициативная, роль в региональной, социальной, транспортной, энергетической, сельскохозяйственной и рыболовной политике ЕС. Все эти сферы имели значительную наднациональную составляющую и потому требовали особого внимания внешнеполитических ведомств и других государственных органов, работающих в области международных связей.

Многие исследователи и политики в Испании рассматривают процесс углубления общеевропейского сотрудничества как ответ Европы на вызовы глобализации и отмечают стремление ряда ведущих государств континента (прежде всего, членов ЕС) выдвинуть собственную, альтернативную американской, концепцию мирового взаимодействия. Евросоюз, писал, например, декан факультета политических наук мадридского Университета Комплутенсе Франсиско Альдекоа Лусарага, предлагает такую модель управления глобальными процессами, которая ставит во главу угла не чисто прагматические задачи рынка по наращиванию прибылей, а более широкие общественные интересы[2]. Для испанцев характерна тенденция рассматривать Европу как «лабораторию глобализации», где отрабатываются новые формы управления в системе международных отношений.

Определяя и уточняя свои национальные интересы и роль в общеевропейских политических процессах, Мадрид сравнительно быстро выстроил отношения взаимопонимания и сотрудничества с ведущими континентальными державами — инициаторами европейской интеграции: Германией, Францией, Италией. Именно «особые связи» с правящими кругами этих государств позволили стране органично «вписаться» в институты и структуры ЕС. В результате в поле зрения и в сферу повседневной работы мадридской дипломатии вошли все основные проблемы повестки дня Евросоюза. В том числе стабильное

---

[1] См.: Буторина О.В. Европейский союз: модель для сборки // http://www.globalaffairs.ru/printver/3440.html.

[2] См.: Luzárraga F.A. *«Una Europa». Su proceso constituyente.* Madrid, 2003. P. 102.

хозяйственное развитие стран объединенной Европы через углубление экономической и финансовой интеграции, поощрение свободной конкуренции и создание единого европейского рынка[1].

Мадрид стал динамичным участником процесса строительства нового типа международных отношений на европейском геоэкономическом и геополитическом пространстве. Пример тому — доктрина общей внешней и оборонной политики ЕС, которая вот уже более полутора десятилетий пробивает себе дорогу в Старом Свете. Эта дипломатическая инициатива с самого начала была поддержана испанским руководством, заинтересованным в формировании на основе европейской идентичности согласованного внешнеполитического курса в сфере безопасности и обороны. Мадридская дипломатия деятельно участвовала в концептуальной проработке вопросов ОВПБ в ходе подготовки Амстердамского договора (вступил в силу 1 мая 1999 г.), положения которого создали базовые правовые условия для наполнения идеи европейской идентичности в оборонной области конкретным содержанием и расширили горизонты континентальной военно-политической интеграции. Косвенным признанием весомого вклада Испании стал тот факт, что в 1999 г. Верховным представителем Евросоюза по внешней политике и безопасности был назначен Хавьер Солана — испанский министр иностранных дел в 1992—1995 гг., а затем — Генеральный секретарь НАТО.

Следует также напомнить, что уже с конца 1980-х гг. в Западной Европе создавались двусторонние военные соединения, на базе которых с испанским участием был образован так называемый Еврокорпус численностью более 50 тыс. человек. В 1994 г. Испания, Италия, Португалия и Франция сформировали еще два многонациональных соединения — Еврофор и Евромафор, в задачу которых входило проведение операций по поддержанию мира и осуществление гуманитарных и спасательных миссий. Причем стратегическая линия Мадрида на закрепление и углубление отношений с европейскими странами в сфере обороны и внешней политики не ограничивалась рамками ЕС, ОБСЕ и НАТО. Доказательство — присоединение Испании в 1990 г. к Западноевропейскому союзу (ЗЕС), который на определенном этапе стал рассматриваться как важный элемент будущей интегрированной системы европейской безопасности[2].

---

[1] См.: Políticas comunitarias // http://www.maec.es/es.

[2] Об этом подробнее: Адарчев О. Западноевропейский союз в системе европейской безопасности. М., 1998.

Благоприятные условия для повышения роли ЗЕС появились во второй половине 90-х годов в связи с сокращением американского военного присутствия в Европе и ростом объективных предпосылок интенсификации европейского сотрудничества в сфере обороны. В конце марта 1997 г. Испания совместно с Бельгией, Италией, Люксембургом, Францией и ФРГ представили в Евросоюз так называемый Проект шести, который предусматривал поэтапную интеграцию ЗЕС и ЕС. Однако из-за противоречий между «евроцентристами» под руководством Франции и Германии, с одной стороны, и «атлантистами» во главе с Великобританией — с другой, имевшийся потенциал ЗЕС не был в полной мере реализован, что с течением времени снизило интерес к нему испанских дипломатических и военных кругов.

Одновременно (во многом по тем же причинам) возникли большие сложности с формулированием и проведением ОВПБ. Характеризуя сложившуюся ситуацию, испанский бригадный генерал в отставке Хосе Энрике де Айала (в 2001–2003 гг. — начальник Главного штаба Еврокорпуса) писал, что ее причины коренились в «сосуществовании в Евросоюзе различных и даже противоположных концепций и интересов в сфере международных отношений». И уточнял: «Не только крупные европейские державы, но и некоторые небольшие государства не желают отказываться от проведения собственной внешней и оборонной политики... несмотря на то, что во многих случаях все члены Евросоюза сталкиваются с одними и теми же проблемами»[1].

Следует признать, что ощутимый удар по политике формирования ОВПБ был нанесен и самим испанским руководством находившейся у власти Народной партии во главе с Хосе Марией Аснаром. Правительство «народников» явно дистанцировалось от «привилегированных партнеров» Испании — Германии и Франции, сделав упор на сближение с США и их главным союзником в Европе — Великобританией. В феврале 2003 г. Мадрид и Лондон выступили с совместной инициативой в ходе процесса подготовки европейской Конституции. По оценке Ф. Альдекоа Лусараги, испано-британское предложение носило весьма ограниченный характер и явно противоречило уже сформировавшейся позиции испанского руководства, направленной на укрепление роли наднациональных структур и механизмов в Евросоюзе[2]. Потребовалась смена правительства в Мадриде — возвраще-

[1] De Ayala J.E. *Existe una política exterior común?* // Política exterior. Madrid, 2006. No 114. P. 13.

[2] См.: Luzárraga F.A. Op. cit. P. 196–198.

ние к власти социалистов в 2004 г., чтобы испанская внешняя политика вернулась на привычные рельсы «евроцентризма».

Если в вопросах выработки и проведения ОВПБ дипломатия Испании и остальных приверженцев европейской идеи потерпела очевидную неудачу, то на других направлениях континентального внешнеполитического сотрудничества результаты были значительно более обнадеживающими. Прежде всего, изменился общий международный климат в Европе: ушла в прошлое прямая конфронтация времен «холодной войны», возросло число политических игроков и значение горизонтальных связей, окрепли демократические принципы межгосударственных отношений, повысилась роль сетевой дипломатии и политики «мягкой силы». Испания «получила путевку» в состав группы ведущих европейских государств, осуществляющих неформальное коллективное лидерство на континенте.

Мадрид в целом мог быть удовлетворен итогами своего пребывания в европейских интеграционных структурах. Поэтому правящие элиты и подавляющая часть испанского общества заняли преимущественно «еврооптимистическую» позицию, предусматривающую дальнейшее движение вперед по всем важнейшим азимутам европейской интеграции: экономическому, политическому, гуманитарному. По логике вещей, такое движение предполагало и более высокую степень институционализации в рамках Евросоюза, что и предусматривалось в подготовленном новом Основном законе ЕС[1]. Речь, по существу, шла о структурировании видоизмененной европейской власти, способной обеспечить эффективное взаимодействие наднациональных, национальных и местных органов управления. Показательными в этом плане были результаты референдума 20 февраля 2005 г. в Испании по проекту европейской Конституции — 76% граждан страны, участвовавших в голосовании, высказались за ее принятие[2]. Понятно, что последовавший летом того же года отказ населения Франции и Нидерландов одобрить Основной закон Европы явился для испанцев неожиданным и неприятным сюрпризом.

Срыв процесса конституционной реформы означал и возникновение дополнительных трудностей в проведении государствами Евросоюза согласованной внешней политики и политики в сфере безопасности. Создавалась благоприятная почва для усиления на Европейском

---

[1] Напомним, что проект европейской Конституции был подписан представителями всех стран — членов ЕС, а затем утвержден на референдумах в 18 государствах союза. В двух странах Конституция не получила достаточной общественной поддержки, а в семи — референдумы не проводились.

[2] См.: 20 años de España en la Unión Europea // http://www.maec.es/es.

континенте национализма и центробежных тенденций, увеличения все еще сохраняющегося конфронтационного потенциала. «Существует реальная опасность того, — подчеркивал министр иностранных дел России С.В. Лавров, — что ситуация с не доведенной до конца реформой европейской архитектуры безопасности обретет собственную жизнь, предопределив реальный раскол Европы на десятилетия вперед. В этом проявляется рубежность нынешнего этапа европейской политики»[1]. В результате перед испанской дипломатией стала еще одна непростая задача: взаимодействуя с другими «еврооптимистами», продолжить — уже в изменившихся и более сложных условиях — процесс формирования единого конституционного поля объединенной Европы.

В середине и второй половине первого десятилетия нынешнего века (главным образом, при правительстве социалистов, которые в полной мере восстановили приоритетный характер отношений с партнерами по Евросоюзу) внешняя политика Испании на европейском направлении оказалась нацеленной на решение ряда стратегических задач, имеющих для Мадрида приоритетное значение:

— разработка в рамках ЕС общеевропейской иммиграционной политики, которая надежно перекрыла бы каналы нелегальной и неконтролируемой миграции, но в то же время обеспечила постоянный приток в испанскую экономику (в требуемых количествах) свежих трудовых ресурсов;
— принятие согласованной программы энергетической безопасности, нацеленной на сокращение чрезмерной зависимости Испании и большинства других европейских государств от импорта углеводородов и повышение удельного веса возобновляемых энергоресурсов;
— завершение создания единого внутреннего рынка ЕС и Экономического и валютного союза с учетом расширения Евросоюза с 1 января 2007 г. до 27 стран-членов; в данной связи — определение пределов возможного (и желательного) в дальнейшем расширения Европейского союза;
— выполнение принятой в 2000 г. Лиссабонской программы развития «новой экономики» и решение кардинальной проблемы модернизации хозяйственных структур государств Евросоюза на основе широкого использования новейших технологий, повышения темпов роста и конкурентоспособности;

[1] Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на XV Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0.

— обеспечение необходимого прогресса в экономическом и социальном сближении «старых» и «новых» членов ЕС, включая интеграцию последних в единый внутренний рынок и европейскую валютную систему;
— реанимация и доведение до благополучного решения процесса ратификации европейской Конституции, а также такой реформы институтов Евросоюза, которая способна повысить их политический статус и функциональную эффективность;
— продолжение линии на формирование и последующее проведение в жизнь «Общей внешней политики и политики в области безопасности», что в практическом плане означает отстаивание объединенной Европой своих согласованных интересов на международной арене.

Выполнение столь насыщенной и масштабной программы естественным образом предполагало, во-первых, последовательную активизацию деятельности Мадрида в органах Евросоюза, во-вторых, расширение круга европейских стран — деятельных дипломатических партнеров Испании, и, в-третьих, своего рода «внешнеполитическую специализацию» — включение тех или иных политических и экономических вопросов в качестве приоритетных в повестку дня двусторонних контактов и переговоров.

Разумеется, испанская дипломатия, как правило, вынуждена работать по всем выше названным направлениям параллельно, время от времени тактически акцентируя внимание на наиболее актуальных в данный момент. Например, Мадрид явно не хотел мириться с тем, что с первой попытки не удалось принять европейскую Конституцию. Стремясь вывести конституционный процесс из патового положения, правящие круги Испании стали искать способы «разморозить» проект Основного закона объединенной Европы и не допустить дальнейшей эрозии континентального институционального единства. В конце января 2007 г. в испанской столице состоялась встреча представителей 18 европейских стран, сказавших «да» Конституции. Аргументируя свою позицию, участники форума («еврооптимисты») подчеркнули императивный характер сохранения и упрочения политического и организационного единства европейских государств перед лицом новых международных вызовов. «В этом мире, каждый раз все более глобализированном и взаимозависимом, как никогда прежде необходима единая и дееспособная Европа»[1], — подчеркивалось в документах

[1] См.: Por una Europa mejor // http://www.maec.es/es.

мадридской встречи. Сторонники Конституции, прямо дискутируя с «европессимистами», сформулировали четыре тезиса, отражающих «оптимистический» взгляд на будущее Старого Света и представляющих программу действий стратегического характера.

Первое. Европа не может оставаться лишь общим рынком, а должна играть возрастающую политическую роль в современном мире и быть в состоянии самостоятельно защищать свои интересы. Второе. В основе европейской идентичности лежат принципы и ценности, разделяемые подавляющим большинством жителей континента и имеющие общемировое значение: уважение прав человека и его достоинства, свобода, демократия, плюрализм, правовое и социально ориентированное государство, толерантность и отсутствие дискриминации. Третье. Европа граждан. Ставится задача более энергично и целенаправленно приближать политику к насущным потребностям рядовых жителей европейских государств. Четвертое. Повышение эффективности европейских институтов. В частности, речь может идти об отходе от принципа соблюдения консенсуса (который зачастую мешал принятию назревших решений, как это случилось с европейской Конституцией) и введении правила «квалифицированного большинства», что, по мнению испанской дипломатии, способно сдвинуть с мертвой точки многие «замороженные» вопросы европейского политического развития[1].

В ходе неформального саммита Евросоюза в Лахти (Финляндия, октябрь 2006 г.) Х.Л. Родригес Сапатеро сделал упор еще на одну «больную» для Мадрида тему — борьбу с нелегальной иммиграцией. Он признал, что в последнее время Евросоюз предпринял определенные усилия в этом направлении, но необходимы более энергичные и скоординированные меры по регулированию миграционных потоков. Эти меры должны включать введение строгого пограничного контроля, пресечение деятельности мафиозных организаций, занимающихся «торговлей людьми», а также достоверное информирование потенциальных мигрантов о реальных потребностях в трудовых ресурсах в тех или иных европейских странах[2].

Настойчивость испанской дипломатии привела к тому, что в апреле 2007 г. на заседании министров внутренних дел и юстиции ЕС в Люксембурге в миграционную политику Евросоюза были внесены изменения, которые, по существу, переносили линию Мадрида в этом

---

[1] Ibidem.

[2] См.: Rodriguez Zapatero pide la implicación efectiva de la UE en la lucha contra la inmigración ilegal // http://www.la-moncloa.es.

вопросе на континентальный уровень. Более того, Германия и Нидерланды обратились к испанским властям с просьбой дать соответствующие рекомендации по применению разработанных мер[1]. Стремясь к реализации поставленных внешнеполитических целей и взяв курс на интенсификацию отношений с европейскими партнерами, правительство социалистов активизировало консультации со всеми стратегическими игроками. В частности, в апреле и сентябре 2006 г. прошли две встречи лидеров Испании и Германии, на которых испанская сторона развивала идею подготовки и подписания в рамках ЕС обновленного базового политического соглашения.

Особую значимость испано-германское взаимодействие приобрело в 2007 г. в связи с председательством Берлина в Евросоюзе, Мадрида — в ОБСЕ и 50-летием Римского договора, учредившего ЕЭС и положившего начало европейской интеграции. Судя по всему, во дворце Монклоа приняли решение всемерно содействовать тем силам в ЕС (в частности, официальным кругам ФРГ), которые в юбилейном году собирались придать импульс интеграционным процессам в Европе и выработать своего рода «дорожную карту» подготовки нового варианта европейской Конституции. В практической плоскости испано-германское взаимодействие помогло отбить атаки «европессимистов» и «евроскептиков» и в принятой 25 марта 2007 г. Берлинской декларации закрепить намерение стран — членов Евросоюза «адаптировать политические структуры ЕС в соответствии с требованиями времени» и к 2009 г. (дата очередных выборов в Европейский парламент) создать обновленную общую правовую основу этого интеграционного объединения[2]. Факты свидетельствуют: испанская дипломатия сохранила приверженность «европейской идее» и отстаивала свою позицию как на многостороннем, так и на двустороннем уровне.

Совершенно эксклюзивный формат приобрели испано-французские отношения. Франция — традиционно крупнейший хозяйственный партнер Испании (взаимный товарооборот в 2006 г. составил почти 65 млрд евро, или 15% общего объема испанской внешней торговли)[3]. Французские спецслужбы оказали испанским коллегам существенную помощь в борьбе с террористами ЭТА. Мадрид и Париж одновременно тесно сотрудничают и остро конкурируют в районах мира, где они преследуют собственные стратегические интересы: Северная Африка, Средиземноморье. Отсюда — беспрецедентная

[1] См.: El País. 02.05.2007.
[2] См.: El País. 26.03.2007.
[3] Подсчитано по: http://www.icex.es/icex/cda/controller.

интенсивность политического диалога, включая регулярные встречи в верхах.

XVIII-й (2005 г.) и XIX-й (2006 г.) испано-французские саммиты, прошедшие уже при правительстве социалистов, еще больше расширили диапазон двустороннего взаимодействия. В частности, были созданы Испано-французский совет безопасности и обороны и Форум гражданского диалога, приняты совместные программы в энергетической области, в вопросах развития науки и образования, вырабатывались согласованные подходы к решению миграционных проблем. Многолетние партийно-политические связи существуют между социалистами двух стран. Впрочем, нужно заметить, что победа Николя Саркози была воспринята в Мадриде с «олимпийским спокойствием». Отражая эти настроения, «Эль Паис» писала: «Саркози симпатизирует испанцам... Испания и Сапатеро имеют в его лице абсолютно надежного союзника»[1].

Непростой характер носят испано-британские отношения. В основе сохраняющихся разногласий лежат два главных фактора: проблема Гибралтара и различия в подходах к политическому будущему Европы. Лондон стремится минимизировать межгосударственные обязательства и наднациональные механизмы в рамках ЕС, снизить политическое значение Союза, «замкнуть» его деятельность преимущественно на экономических вопросах. Мадрид — сторонник более высокой степени институциональной интеграции, делегирования растущего числа национальных полномочий органам Евросоюза и проведения единой внешней политики. Явно имея в виду Великобританию и других приверженцев «евроскептицизма», испанский министр иностранных дел и сотрудничества Мигель Анхель Моратинос в мае 2007 г. заявил: «Для Испании неприемлемо, если европейская Конституция утратит черты, которые подчеркивают, что Евросоюз — это политический проект»[2].

Поэтому неудивительно, что в центре испано-британских переговоров все чаще оказываются финансово-экономические отношения между двумя странами, приобретшие значительные масштабы и совершенно новое качество. Стало уже привычным, что английский капитал удерживает сильные позиции в испанской экономике: здесь действуют филиалы 700 ведущих британских фирм, включая таких гигантов, как «Бритиш петролеум» и «Бритиш телеком», на граждан Соединенного Королевства приходится до 30% всех иностранных туристов, посещаю-

[1] El País. 07.05.2007.
[2] El País. 11.05.2007.

щих Испанию. Но в последние годы отмечено и нарастающее движение в противоположном направлении. Речь, в первую очередь, идет о «массовой высадке» испанских инвесторов на британских островах. Руководители двух стран на одной из своих встреч отметили, что только за 2004 г. испанские капиталовложения в Великобритании возросли почти на 35% и превысили 16,3 млрд евро. По оценке экспертов журнала «Экономист», на начало мая 2007 г. объем активов британских компаний, перешедших под контроль транснациональных корпораций с Иберийского полуострова, превысил 45 млрд евро[1]. Причем этот процесс коснулся даже британских фирм первой линии: «Группа Сантандер» приобрела крупный «Эббей бэнк», а «Телефоника» стала хозяйской «02» — второй по величине компании сотовой связи в Британии. В апреле 2007 г. произошла крупнейшая коммерческая трансакция в истории двух стран: испанская «Ибердрола» за 17,1 млрд евро купила фирму «Скотиш Пауэр» и выдвинулась в число крупнейших мировых производителей электроэнергии[2]. Все это свидетельствует о перегруппировке сил, происходящей в европейском «большом бизнесе», влияющей на политические процессы на континенте и изменяющей основу отношений между Мадридом и Лондоном.

Исключительной насыщенностью отличается повестка дня испано-итальянского сотрудничества, которое охватывает практически все сферы двусторонних отношений и многие международные проблемы. Между обеими странами сложились тесные торгово-экономические связи, поддерживается постоянный политический диалог, осуществляется широкий культурный обмен. Активно взаимодействуют институты гражданского общества, что лишний раз продемонстрировали итоги очередного испано-итальянского форума в Вероне в ноябре 2006 г. В центре внимания государственного руководства — вопросы, связанные с конституционным будущим Европы, балканским и ближневосточным кризисами, ситуацией в Афганистане, международной миграцией. Модальность двусторонних контактов определяет повышенное внимание к перспективам политического и экономического сотрудничества в бассейне Средиземного моря, где лежат серьезные интересы Мадрида и Рима. Не случайно на XIV испано-итальянском саммите (февраль 2007 г.) главы правительств двух стран обсуждали планы создания Средиземноморского агентства по развитию предпринимательства,

---

[1] См.: The Economist. London, May 5th — May 11th 2007. P. 73.

[2] См.: Encuentro entre el Presidente del Gobierno y el Primer Ministro británico // http://www.la-moncloa.es; El País. 23.04.2007.

призванного содействовать формированию благоприятной деловой среды в этом районе мира[1].

Из новых членов Евросоюза наиболее интенсивные и диверсифицированные связи у Испании сложились с Польшей (член ЕС с 1 мая 2004 г.). Буквально за считанные годы испано-польские отношения приобрели значимые масштабы и безусловную важность для обеих стран. Например, объем испанских капиталовложений в Польше на 2006 г. оценивался в 1,6 млрд евро, что значительно превышало подобные показатели для других государств Центральной и Восточной Европы. Обнаружилось и совпадение интересов по некоторым политическим вопросам. В частности, Испания и Польша предприняли энергичные согласованные действия, чтобы не допустить, как они заявляли, «чрезмерного усиления влияния крупнейших держав» в институтах Евросоюза, и добились в Совете министров ЕС (сейчас — Совет Евросоюза) представительства в 27 мест для каждой из этих двух стран (для сравнения: значительно более населенные Германия, Великобритания, Италия и Франция получили практически столько же — по 29 мест). На III испано-польском саммите в марте 2006 г. Мадрид высказался за снятие в рамках Евросоюза ограничений на движение рабочей силы и выразил готовность поделиться с Варшавой своим богатым опытом использования коммунитарных фондов для социально-экономического развития (в 2007–2013 гг. Польша должна получить порядка 60 млрд евро и стать крупнейшим бенефициаром ЕС, отодвинув Испанию на второе место)[2].

Вместе с тем некоторые политические, деловые и общественные круги в Испании обеспокоены излишне жесткой позицией официальной Варшавы по вопросам международной и коммунитарной политики, что противоречит принятому «европейскому стилю». Явное разочарование в Мадриде вызвало вето, наложенное польской стороной на переговоры Евросоюза с Россией о подготовке нового соглашения о стратегическом сотрудничестве. «Эль Паис» в статье под заголовком «Вето Польши превращаются в кошмар для ЕС» писала, что «польское правительство слишком часто идет не в ногу с другими членами Евросоюза, хотя сама по себе европейская приверженность поляков не вызывает сомнений...»[3].

---

[1] См.: España e Italia proyectan crear una Agencia Mediterránea para el Desarrollo Empresarial // http://www.la-moncloa.es.

[2] См.: III Cumbre Hispano-Polaca // http://www.la-moncloa.es.

[3] Missé A. Los vetos de Polonia se convierten en una pesadilla para la UE // El País. 15.03.2007.

Проблемы, возникшие в отношениях с Польшей, на самом деле отразили глубинные процессы внутри европейского интеграционного объединения, которые не могут не беспокоить испанский истеблишмент. Дело в том, что резкое расширение ЕС за счет стран Центральной и Восточной Европы обнажило политические и экономические дисбалансы Евросоюза, зафиксировало объективно существующие противоречия между государствами разного уровня развития и их лоббистскими возможностями. По существу, подтвердились опасения Мадрида конца 90-х годов, когда в Брюсселе принималось решение о «движении на восток». Разумеется, колоссальная сила европейской интеграции позволяет надеяться, что противоречия будут преодолены, и ЕС в своей эволюции сделает очередной шаг вперед. Но очевидно и другое: дальнейшее продвижение потребует новых серьезных и синхронных усилий центральных органов Евросоюза и национальных внешнеполитических ведомств, в том числе — испанской дипломатической службы.

В заключение сошлемся на классика. Как и прогнозировал Х. Ортега-и-Гассет, Европа, а точнее — разнообразные организации и механизмы континентального сотрудничества и интеграции действительно привели к решению многих застарелых проблем испанского государства. За два десятилетия пребывания в Евросоюзе Испания радикально трансформировала внутренние общественные структуры, обеспечившие динамичный поступательный рост национальной экономики и становление современных социально-политических институтов. Опираясь на достигнутые успехи в национальном строительстве, страна ощутимо повысила свой статус внутри ЕС, став одним из ключевых дипломатических игроков на пространстве объединенной Европы. Теперь есть все основания говорить об испанском факторе в европейской политике. Растущий внешнеполитический авторитет Испании в немалой степени обусловлен и тем, что ее элиты и общественные круги выступают за повышение самостоятельной международно-политической роли Евросоюза и его превращение в эффективную наднациональную организацию, способную с позиций общеевропейских интересов дать ответ на новые континентальные и глобальные вызовы.

Предпринятые испанским правительством, особенно в последние годы, целенаправленные дипломатические усилия на европейском направлении четко обозначили опорные элементы внешней политики Мадрида: интенсификация деятельности в руководящих органах Евросоюза, углубление взаимодействия с ведущими странами-партнерами, вовлечение в активную европейскую политику новых государств — членов ЕС. Испания после некоторых колебаний, вызванных сменами

администраций, вернулась в ряды «еврооптимистов», выступающих за полномасштабную реализацию исторического по своему значению проекта объединенной Европы, в том числе — в сфере внешней и оборонной политики.

О внешней политике Испании читайте в главе 9.

Глава 3. Культурный плюрализм: динамика разнообразия

Испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет определяет культуру как «труд, создание вещей человеческих; создание науки, морали, искусства. Когда мы говорим о более высоком или более низком уровне культуры, мы говорим о большей или меньшей способности к созданию вещей человеческих». Но где же тогда граница между культурой и цивилизацией? Немецкий философ Освальд Шпенглер, один из создателей современной философии культуры, в первую очередь видит в ней коллективную душу, в то время как цивилизация руководствуется рациональным началом, интеллектом.

Пожалуй, именно эта черта — духовность — превращает культуру в один из важнейших этнообразующих факторов, так как благодаря ей формируется осознание индивидом своей национальной идентичности и возникает ощущение принадлежности к общности людей с такой же исторической судьбой, со сходными ценностями и устремлениями. Человек отождествляет себя с тем или иным народом только тогда, когда осознает себя носителем его культуры, поэтому ее роль в национальной идентификации зачастую важнее, чем голос крови. Так, знаменитый кубинский прозаик Алехо Карпентьер, по матери — русский, по отцу — француз, считал себя (и был!) настоящим кубинцем, ибо сформировался под мощным влиянием кубинской культуры.

Вопрос национальной идентичности особенно остро стоит в многонациональных государствах. Нет нужды напоминать, что к их числу относится и Испания, в истории которой был достаточно длительный период, когда ее разнообразнейший этнический состав официальные власти пытались игнорировать. Даже на монете времен Франко красуется орел, вокруг шеи которого на ленте надпись: «Единая, великая,

свободная». На языке авторитаризма «единая» означало «единообразная». Как будто не существовали ни баски, ни каталонцы, ни валенсийцы, ни галисийцы. Все как один считались испанцами.

Однако прошли годы, времена изменились, а с ними изменилось и чувство родины у граждан «великой и свободной». Вот как пишет об этом социолог Амандо де Мигель: «Испанская нация — это прекрасная абстракция; на самом же деле для нас на первом месте стоит чувство «малой родины»... Опросы показывают, что ощущение принадлежности к тому или иному населенному пункту зачастую сильнее, чем чувства региональные или национальные»[1]. Ему вторит философ Хулиан Мариас: «Конкретный способ быть испанцем — это быть андалузцем, кастильцем, каталонцем, галисийцем, арагонцем, баском... Нелегко и почти нереально, а иногда и вовсе невозможно быть собственно испанцем»[2].

В этой связи нередко звучат, да и раньше звучали, тревожные голоса, предрекающие неминуемый развал страны, у граждан которой отсутствует единая национальная идентификация. Ортега-и-Гассет сформулировал эти опасения и свое отношение к ним следующим образом: «Сама Испания мыслилась как некая однородная масса без качественных отличий и внутренних границ между отдельными географическими регионами. Стало быть, рассуждая о провинциях, этническом многообразии, о Каталонии и Стране басков, мы совершенно неправомерно режем на куски единое целое, терзаем на части страну... Нет слов, чтобы передать гнев, который вызывают у меня такого рода соображения»[3].

Мрачным предсказаниям тех, кто считал, будто единую Испанию могут «растащить на части», едва ли суждено сбыться. Как справедливо отмечает социолог М.О. Мнацаканян, «внутри каждого государства его граждане могут иметь одинаковую гражданско-политическую принадлежность, но разную национальную, если их самосознание связано с определенной этничностью»[4]. И коль скоро для тысяч и тысяч испанцев быть басками, валенсийцами или каталонцами не менее, а то и более важно, чем считаться гражданами «единой, великой, свободной», то становление родной культуры выходит для них на первый план, превращается в предмет национальной гордости, в объект защиты, в дело первостепенной важности. Проголосовав в 1978 г.

---

[1] De Miguel A. *Biografía de los españoles*. Barcelona, 1997. P. 19.
[2] Marías J. *Ser español*. Barcelona, 2001. P. 143.
[3] Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1994. С. 211.
[4] Мнацаканян М.О. Культуры, этносы, нации. М.: МГИМО, 2005. С. 46.

за государство автономий, испанцы проголосовали за мультикультурную модель, при которой власти создают необходимые условия для развития всех региональных культур и их гармоничного существования, а творцы вносят в этот процесс сознательный и активный вклад.

Любая культура многогранна и многослойна. Она подобна дереву, где народное творчество — это корни, уходящие в глубь времен, в богатую почву вековых традиций, этого важнейшего средства поддержания этнической солидарности, осуществляющего связь между прошлым и настоящим. Поэтому разговор о культуре страны и ее многообразии следует начинать с фольклора, с песен и танцев, с верований и праздников. А праздниками Испания богата как ничем другим. В свое время Мигель де Унамуно вывел понятие «интраистории» — неписаной истории народа, который «молчит, молится, трудится и умирает». В этом смысле праздники можно считать своего рода «интракультурой», выражением духа народов Испании, которые не только трудятся, но и умеют веселиться.

Запретить праздники авторитарный режим не мог, но активно вмешивался в их организацию, менял названия и даты проведения. Религиозные же торжества, процессии Страстной недели, например, приобретали более официальный характер, становились чуть ли не обязательными. А поскольку все, навязанное сверху, неизбежно вызывает чувство отторжения, многие «голосовали ногами», уезжая на пасхальные каникулы куда-нибудь подальше, где процессии не проводились. Доходило до того, что мужчинам выплачивалось специальное вознаграждение, если они соглашались нести фигуру Христа в Страстную пятницу. Мощный удар по фольклорным традициям нанесла и трудовая эмиграция из бедных регионов Испании. В обескровленной массовым исходом стране веселье временно отошло на второй план.

С приходом демократии ситуация коренным образом изменилась. Теперь муниципальные власти способствуют организации праздников «снизу», стараясь свести вмешательство к минимуму и давая тем самым населению каждого региона возможность в полной мере выразить свою индивидуальность, проявить собственные неповторимые черты. Без преувеличения можно сказать, что и десяти лет жизни не хватит, чтобы побывать на всех праздниках во всех городах и селах Испании. Поезжайте на последней неделе Адвента в баскскую Гернику и вы услышите песнопения в честь Марии и Иосифа: 22 строфы на баскском, которые остаются неизменными с XVI столетия. В этой неизменности — великая миссия фольклора как хранителя языка, веками существовавшего преимущественно в устной традиции.

Тридцатого августа в каталонском городе Вилафранка-дел-Пенедес можно увидеть, как вырастают над толпой «живые замки», замечательный образец человеческой солидарности — верхние ярусы не устоят без поддержки нижних, а дрогнет вдруг чья-то рука, и разрушится вся конструкция. Каждый «замок» словно говорит: «Мы держимся друг за друга, мы вместе, мы друг для друга опора». Зрелище, которое предстанет вам 24 июня в селении Сан Педро Манрике (Кастилья-и-Леон), и вовсе невероятно. В честь Девы Марии Горной участники праздника проходят босиком по раскаленным углям, бросая тем самым вызов физическим страданиям и выражая незыблемую уверенность в покровительстве небесной заступницы.

О празднике Сан Фермин в наваррской Памплоне, благодаря Эрнесту Хемингуэю, давно известно всем. Со свернутой газетой в руке отчаянные смельчаки бегут по улицам города, стараясь увернуться от мчащихся следом быков. Не обходится без травм и увечий, но это не останавливает тех, кто умеет рисковать, у кого бесшабашная удаль в крови — не зря же бои быков почти повсеместно собирают такое количество зрителей. Но если в Андалусии корриду обожают, то в Каталонии к ней относятся холодно, считая спектаклем на потеху иностранцев, хотя праздники с участием быков проводятся и на родине великого Дали. Осенью в Кардоне устраивают Корре Боу, в переводе — «Беги, бык». Каталонский «тореро» находится в огромной плетеной корзине, снаружи только голова и ноги. Когда разъяренное животное бросается вперед, важно вовремя сгруппироваться и удержаться внутри, ухватившись за специальные ручки. Зрелище увлекательное и даже захватывающее, но без ненужного кровопролития.

А проходящие в разных регионах Испании бои между «маврами» и «христианами»? Яркие костюмы, костры и петарды, горячие схватки, в которых побеждает то одна, то другая сторона. Правда, «мавры», в конце концов, все-таки проигрывают, повинуясь правилам исторической достоверности. Но в последнее время у этих шуточных столкновений появились противники: приверженцы политкорректности полагают, что не следует задевать национальные чувства мусульман. Однако традиция остается неизменной. Во-первых, история — это песня, из которой слова не выкинешь, а во-вторых, — нельзя забывать и о релаксационной функции праздников, необходимой, чтобы снять коллективное напряжение. Уж лучше бой на деревянных мечах, чем столкновение цивилизаций...

Игра, веселье нужны человеку, они врачуют душу от озлобленности и уныния. Но есть в Испании и особые, «целебные» праздники. Так, в Лалине (Галисия) чествуют Божью Матерь О-Корпиньо. К ее статуе

следует прикоснуться платком, а потом провести им по телу, изгоняя нечистого, а с ним и болезни, «которые врачам не под силу». Иногда в толпе кто-то падает в обморок, кто-то бьется в судорогах. Немного странно в наш век скептицизма и высоких технологий, но галисийцам искони присуща глубокая вера в мистические силы.

Богатство испанского фольклора — это и 24 апреля в Барселоне. Сан Жорди, день святого Георгия, покровителя города, который отмечают, танцуя на улицах сардану и каждому в подарок преподносят колос, символизирующий копье, алую розу — в память о пролитой крови и непременно книгу. Почему книгу? Да потому, что литература стала символом каталонского национального возрождения. Развитая литературная традиция — признак зрелости языка, этого важнейшего этнообразующего фактора, центрального звена в формировании национального сознания.

Пестрая палитра испанских праздников отражает характер всех народов, населяющих страну. Упорство одних, солидарность других, бесшабашность третьих, мистицизм четвертых. Мультикультурная модель развития позволяет этому разнообразию раскрыться в полной мере, создавая в целом неповторимую по своей яркости картину, отличающую Испанию от других европейских государств.

Региональные языки Испании прошли сложный путь становления, успешно преодолев фазу диглоссии, лингвистического неравноправия, когда одному языку отводилась скромная область бытового общения, другой же, привилегированный, использовался в государственных структурах, в культурных и образовательных учреждениях. Теперь ни один из народов, населяющих четыре пятых Пиренейского полуострова, не может пожаловаться, что у него хотят «отобрать родной язык». Писатель Артуро Перес-Реверте отмечает, что произошло это потому, что все испанское общество, избрав демократический путь развития, сделало возможным изучение и свободное использование региональных языков «наряду с другими свободами автономий, которых никто в Европе — ни корсиканцы, ни ирландцы, ни бретонцы, ни шотландцы, ни французские баски не имеет»[1]. Действительно, ст. 3 Конституции подтверждает «богатство языкового разнообразия Испании», указывая, что язык — это «культурное достояние, которое должно быть объектом особого уважения и защиты».

Демократия открыла блестящие возможности для развития национальной литературы во всех автономных сообществах: стабильное финансирование, множество новых имен, литературные премии и

[1] Перес-Реверте А. Живым не возьмете. М., 2006. С. 87.

конгрессы... Но тут возникает вопрос: а не становится ли литература каждой автономии «вещью в себе», отгородившись от других регионов прочными языковыми барьерами? В самом деле, язык танца, язык ритуала понятен всем, чего не скажешь о языке слов. И будут баскские писатели творить для басков, каталонские — для каталонцев, галисийские — для галисийцев? Не слишком заманчивая перспектива — ведь ценность любой литературы определяется не столько тиражами и количеством авторов, сколько ее вкладом в универсальное культурное достояние.

Если писатель утверждает, будто предел его мечтаний — прославиться в трех соседних городах, не верьте ему. Теперь, когда рухнула оборонительная позиция, выражавшаяся в формуле «у нас хотят отнять наш язык», задача региональных литератур — универсализация. Многих каталонских, галисийских и баскских писателей и исследователей занимает именно эта проблема, ибо культура, добровольно замкнувшаяся в пределах одного региона, неизбежно обречена на угасание. И чтобы избежать этого, есть только один путь — путь транскультурной коммуникации.

Вот что пишет, например, каталонский литературовед Алекс Брок в своей книге «Каталонская литература, баланс будущего»: «Вне всякого сомнения, культура не имеет границ, и наша литература Каталонией не кончается, она здесь начинается... Мы не должны запираться в нашем тесном интеллектуальном мире, надо стремиться к познанию собственной культурной традиции, но не забывать и о других; нам необходимо общение, открытость каталонской культуры и литературы для всех перемен и тревог современности»[1]. С Броком соглашается и другой исследователь, Хосе Ферратер Мора, автор книги «Формы каталонской жизни»: «Культура не может существовать в отрыве от внешнего мира, зациклившись на самой себе, вечно созерцая свой пупок... Если мы способны создавать интересные произведения, то не должны ревниво хранить их подальше от чужих глаз, руководствуясь устаревшей пословицей, что, мол, хороший холст и в сундуке хорош. Только тогда нас заметят и оценят другие»[2].

И заметили, и оценили. Благодаря конструктивной позиции, творчество писателей Каталонии широко известно как в Испании, так и за ее пределами. Теренси Мойш, Жауме Фустер, Жузеп Албанель, Монсеррат Ройдж, Ким Мунсо, Карме Рьера — эти и другие имена знакомы читателям многих стран, в том числе и России.

---

[1] Broch À. *Literatura catalana, balanç del futur.* Barcelona, 1985. P. 211.

[2] Mora J.F. *Las formas de la vida catalana.* Barcelona, 1987. P. 81.

Развитие литературы необычайно важно для утверждения национального самосознания, поскольку любое сообщество, наделенное коллективной неповторимостью, неизбежно испытывает потребность выразить ее в творчестве, рассказать о себе миру, сделать свой вклад в общее достояние. По мнению того же Хосе Ферратера Моры, «каталонцы могут, а вернее, должны внести лепту в испанскую культуру. Но для этого важно обладать собственной индивидуальностью, ибо что может дать тот, кто ничего, или почти ничего не имеет?»[1].

На пути к универсализации культуре любой страны необходим некий мост, способный связать между собой разные регионы. В данном случае таким мостом является, без сомнения, испанский язык. Хулиан Мариас пишет об этом так: «Есть язык, который раньше в силу происхождения именовался кастильским, а теперь называется испанским, потому что принадлежит не какой-то отдельной части страны, но является достоянием всей Испании, всего испаноязычного мира. Не так важно, что современные законодательства отводят ему роль «официального»; важно, что это язык общий, связующий всех жителей Испании и триста миллионов человек за ее пределами; понятный и доступный всем, инструмент общения одного из самых обширных человеческих сообществ»[2].

К сожалению, находятся еще не слишком дальновидные деятели культуры, считающие испанский «имперским» языком, языком завоевателей и угнетателей. Большая же часть писателей и критиков признает важность испанского языка на пути к открытости национальных культур. Эта мысль отчетливо звучит в книге «50 баскских писателей и один издатель» баскского литературоведа и издателя Элиаса Амесаги, который знакомит нас с творчеством таких баскских прозаиков, историков, искусствоведов как Кольдо Мичелена, Федерико Крутвиг, Франсиско Летамендиа Бельсунсе, Марродан Чарола, Бернардо Атчага. Одни пишут на испанском, другие на испанском и баскском, но все активно способствуют тому, чтобы баскская культура стала близкой и понятной любому человеку за пределами их родного края.

Летамендиа Бельсунсе, например, является автором семитомного труда «Эускади, народ и нация», увидевшего свет в 1990 г.; Марродан Чарола рассказывает о баскской живописи и скульптуре — «Кисти Басконии» и «Баскская скульптура». Бернардо Атчага сам переводит свою прозу на испанский язык. Сборник его рассказов «Обабакоак», опубликованный в 1989 г., удостоился Национальной премии по ли-

[1] Ibid. P. 87.

[2] Marías J. Op. cit. P. 85.

тературе, но, к сожалению, нашлись охотники упрекнуть писателя в том, что он принял «испанскую» награду. Однако эти упреки едва ли состоятельны: успех книги Бернардо Атчаги за пределами Эускади — Страны басков — только подтверждает ценность баскской литературы в общем контексте литератур народов Испании.

По мысли Элиаса Амесаги, баскский писатель — не тот, кто пишет только на эускера, но тот, кто своим творчеством служит «малой родине», ее достижениям, ее уникальности. Посвятивший свою жизнь издательскому делу Амесага лучше, чем кто бы то ни было, понимает, что «необходимо упорное стремление к расширению границ баскской культуры, чтобы выйти из “культурного гетто” и познакомить с нашей культурой другие народы, охватить взглядом общую панораму мысли, придерживаясь собственной точки зрения»[1].

Все регионы Испании по-своему уникальны. Об одних говорят больше, о других — меньше. В Галисию паломники идут к святому Иакову, там находится мыс Финистерре — самая западная оконечность Испании, в прямом смысле слова «край земли». У народа Галисии нелегкая судьба. Но и бедность, и тяжелый труд, и вынужденную эмиграцию он всегда переносил молчаливо, с достоинством и мужеством. Переносил стоически, а стоицизм не следует путать с покорностью. Не случайно замечательный испанский писатель Камило Хосе Села, так часто говоривший о незаметном мужестве маленького человека перед лицом жестокой действительности, гордился тем, что он галисиец. Села не писал по-галисийски, но три его последних романа посвящены «малой родине»: «Мазурка для двух покойников» — Галисии сельской, «Крест святого Андрея» — Галисии городской и, наконец, «Древесина самшита» — Галисии мореходов и рыбаков. В «Мазурке...» и «Древесине самшита» Села использует «кастрапо», разговорную смесь галисийского и испанского, чтобы оживить речь персонажей.

Теперь, когда тяжелые времена остались позади, когда мультикультурная модель развития сулит самые лучшие возможности, перед литературой Галисии открываются широкие перспективы. Когда у известного писателя Альваро Кункейро спросили, жива ли еще галисийская культурная традиция, способна ли галисийская литература сказать свое слово, он ответил: «Эта традиция существовала, а продолжится ли она, зависит от нас... Слово галисийской литературы в устах ее народа»[2].

---

[1] Amézaga E. *50 escritores bascos y un editor.* Hilargi Editorial, 2001. P. 11.
[2] La Galicia del año 2000. Fundación Cánovas del Castillo, 1993. P. 43.

Одна из характерных черт галисийской литературы — ее близость к природе, верность родной земле. Пейзажи Галисии, характеры ее обитателей, нелегкое прошлое — вот основные темы галисийской прозы, которой во многом присущи черты нативизма. Отдавая дань классическим традициям, писатели Галисии успешно осваивают и новые территории, например детективный жанр. Роман молодого прозаика Доминго Вильяра «Глаза воды» написан по всем канонам английского детектива, а фоном действия служит, конечно, родная Галисия: ее пейзажи, характеры людей и гастрономические обычаи.

Нет культуры любой страны или региона без театра. Сценическое искусство Испании прошло сложнейший путь становления. Франкистская цензура ударила по испанскому театру сильнее, чем по другим литературным жанрам. Жесткому контролю подвергались не только тексты пьес, но и сами постановки. У одних драматургов это отбило всякое желание экспериментировать, других же заставило прибегать к излишней иносказательности в надежде обмануть чуткого цензора. О развитии национальных театров не могло быть и речи.

Перемены в обществе подарили испанским драматургам большие надежды, высвободили силы, много лет бродившие под спудом. Некоммерческие театральные коллективы с воодушевлением принялись наверстывать упущенное: ставить еще недавно запрещенных авторов, осваивать новые сценические приемы, говорить на темы, которые в период франкизма являлись абсолютным табу. Однако чаяниям, связанным с возникновением «независимых театров», не суждено было сбыться. Зритель не воспринял новаторства и не пошел на постановки новых театральных трупп.

Вот что пишет об этом испанский театровед Сесар Олива: «Независимый испанский театр был обречен. Нет ни малейшего сомнения в том, что за его крушением стоит неприятие, которое вызвали у публики новаторские веяния. Дольше других продержались независимые труппы в тех областях, где пьесы ставили на галисийском, баскском или каталанском»[1]. Родной язык стал опорой для драматургов, которым приходилось начинать практически с нуля. Но, по мысли Алекса Брока, театр на каталанском — это еще не каталонский театр. Конечно, необходимо переводить театральную классику на языки, более близкие и понятные публике, но не менее важно создавать и новые пьесы, способные уловить пульс времени, отражающие национальный характер и самые острые социальные и психологические про-

[1] Oliva C. *El teatro desde 1936.* Madrid, 1989. P. 26.

блемы общества. Только такой театр может занять достойное место в обширной панораме культур автономий.

У современной драматургии Испании в целом, по мнению Сесара Оливы, «были свои надежды, срывы, радости, успехи и разочарования». Несмотря на изначально сдержанную реакцию широкого зрителя на сценические новшества, театр от экспериментов не отказался. Заслуга в этом, несомненно, драматургов Каталонии. Хосе Санчис Синистерра, например, основал «Пограничный театр», «место встречи исследования и творчества, открытое для всех профессионалов, которые рассматривают свою работу под критическим и вопрошающим углом зрения». Иными словами, это был «вызов традиционному. Театр объединил вокруг себя многих талантливых драматургов и создал особый тип театрального текста — нечто среднее между пьесой, трактатом и упражнением»[1].

Несмотря на эксперименты в области формы, тематическое наполнение современного театра Каталонии остается близким публике. Это переосмысление ключевых исторических событий («Реставрация» Эдуардо Мендосы), новый взгляд на судьбы актеров в период гражданской войны («Ай, Кармела!» Санчиса Синистерры), размышления об одиночестве и кризисе человеческих отношений («Раздетые» Жуана Казаса). Такие спектакли не могут не «зацеплять» зрителя — они удивляют его, заставляют думать, приобщают к творческому поиску, для которого в стране есть сейчас все условия, и главное из них — свобода. Государство проводит политику, направленную на культурное развитие, ни в чем его не ограничивая, не ставя на пути творчества бюрократических препон. Власти на практике способствуют межкультурной коммуникации автономий, делая все для взаимного ознакомления регионов с культурным достоянием друг друга.

Один из самых действенных инструментов этого ознакомления — кинематограф. Кино пробуждает интерес к жизни и истории, к мыслям и чувствам других народов, оно как нельзя лучше помогает утвердить национальное самосознание — ведь тот, кто рассказывает о себе другим, быстрее поймет самого себя.

Стремясь стимулировать развитие регионального кино, власти воспользовались простым и действенным рычагом — финансовым. Так, баскское правительство на 25% субсидирует картины на эускера, а в Каталонии кинематограф используется как один из инструментов лингвистической нормализации: правительство Женералитата пол-

---

[1] Барселонские премьеры / Пер. с каталанского и предисловие И. Глущенко. М., 1994. С. 77.

ностью финансирует дубляж на каталанский популярных у публики фильмов.

Надо сказать, что путь испанского кино отнюдь не был усеян розами. Иногда фильм, снятый на языке автономии, имел успех на «малой родине», но, переведенный на испанский, не находил широкого отклика у публики в других регионах. Оказывается, сам по себе язык еще не залог популярности, в кино, как и в любом другом виде искусства, важен талант. Кинематографисты Каталонии, Страны басков и Галисии смогли выйти из «культурного гетто», когда заговорили о проблемах, волнующих всех испанцев: о любви, об одиночестве, о ревности и ненависти, о терроризме, об истории страны, о ее богатой культуре.

Картины «Бегство из Сеговии» Иманола Урибе и «Волк» Мигеля Куртуа рассказывают о террористах ЭТА и борцах с ними; «Во сне я вижу лучше» Жорди Кардены повествует о судьбе одного из крупнейших поэтов Каталонии Висенте Фойша, друга Лорки, Миро и Сальвадора Дали. Режиссер и драматург Вентура Понс, в свое время стоявший у истоков молодого каталонского театра, в 1985 г. создал киностудию «Фильмы Рамблы», где в жанре так называемой «каталонской комедии» снял несколько фильмов, в том числе «Почему все это» по произведениям современного писателя Кима Мунсо. Картина шла в Мадриде в оригинальной версии, по-каталонски, с испанскими субтитрами. Особое мистическое видение мира, присущее галисийцам, зритель мог ощутить, посмотрев фильм Педро Карвахаля «Танец духов». Герои картины говорят на двух языках: представители низкого сословия — по-галисийски, а знать — по-испански. (Вот она, диглоссия, на преодоление которой было затрачено немало усилий.) В 2004 г. на экраны вышел полнометражный фильм Игнасио Вилара «Музыкальный лес», где лиризм галисийской природы сочетается с прекрасными мелодиями в исполнении фолк-группы «Луар-на-Лубре».

Совсем о другом рассказывает «Бар “Белая голубка”» Хосе Минбона. Это история баскского националиста Марио, который ненавидит и презирает всех андалузцев, живущих в Бискайе, в том числе и Росио, танцовщицу фламенко. Горючая смесь национальной неприязни, любви и ревности не оставит равнодушной публику, и не только испанскую.

Лауреат Нобелевской премии по литературе Камило Хосе Села с иронией как-то сказал, что Испания на протяжении веков экспортировала исключительно культуру. Не согласиться с ним трудно. Культура, и в первую очередь изобразительное искусство, может служить предметом особой гордости испанцев — тут их вклад во всемирное достояние переоценить невозможно. Искусство — территория интерна-

циональная, не разделенная лингвистическими барьерами, его язык понятен всем, его мир динамичен и неподвластен запретам. Постоянное стремление к новаторству, череда школ, течений и направлений, желание непременно сказать свое слово, исследовать неизведанные территории...

«О высоте башни судят по ее тени», — гласит испанская пословица. Едва ли современным художникам и скульпторам Испании хотелось вечно находиться в тени своих великих предшественников. Поиски собственного пути проходили для них в русле постмодернизма, новой тенденции в мировой культуре, отвергающей узкие рамки течений и направлений, выдвигающей на первый план стилистический плюрализм, «открытое искусство», в котором свободно сочетаются все старые и новые стили. Формирование постмодернизма пришлось как раз на период демократических преобразований в Испании. «Расхожее мрачное представление о нас за рубежом безнадежно устарело, динамика эпохи совпала с необходимостью создать новый имидж страны»[1], — пишет художница и искусствовед Тониа Колль.

Под знаком плюрализма и открытости и развивается изобразительное искусство современной Испании. Лучший пример тому — творчество Микеля Барсело, родившегося на Майорке. Начинал он с пейзажей родного острова, но очень скоро его живопись вобрала в себя яркую палитру экспрессионизма, барочную стилистику, загадочную недосказанность абстракционизма и даже мотивы первобытного рисунка, появившиеся на полотнах художника после его путешествия в Африку. Творчество Барсело — это смешение стилей и техник, эклектика в самом лучшем смысле слова. «Нужно все соединять, — считает он, — потому что живопись — это не что иное, как взгляд одних живописцев на других»[2].

Во времена франкистской диктатуры, когда культурная политика государства следовала модели ассимиляции, при которой этнические меньшинства вынуждены были отказываться от своей идентичности, никто не вспоминал, что Дали и Миро, например, каталонцы — они считались просто испанскими художниками. Теперь Микель Барсело возражает против подобного обобщения: «Я вырос на островной каталонской культуре, и изображать из себя испанского живописца никогда не хотел. Хотя когда я смотрю на свои картины, то вижу в них родство с традицией, развивавшейся от Эль Греко до Пикассо. Но все

---

[1] Coll T. *Miquel Barceló, insularitat i creació.* Columna Assaig, 2000.

[2] *Arte en España 1918–1994 en la colección del arte contemporáneo.* Alianza Editorial, 1994.

же мои корни здесь, на Майорке. Когда я читаю книги Жузепа Пла, то чувствую, что это — моя культура»[1].

Идентичность вообще понятие двойственное, поскольку предполагает сходство с одними и отличие от других. Национально-культурная идентичность современных художников Испании побуждает их в полной мере развивать в своем творчестве те неповторимые особенности, которые присущи именно их народу. Так, главной отличительной чертой полотен галисийской художницы Менчу Ламас является наивный примитивизм народного творчества Галисии: желтая луна, фигуры людей и животных, словно перетекающие друг в друга, свидетельствуют о глубокой связи человека и природы, о единстве всего сущего. Тесная связь с природой присуща и работам скульптора по дереву Франсиско Лейро. Фигура «Филин» и портрет художника Антона Льямасареса выполнены из цельных стволов. Первая скульптура напоминает древнее тотемное изображение края туманных лесов, вторая сделана из дуба, перевернутого комлем вверх: мощные корни-руки экспрессивно воздеты к небу.

Для художников и скульпторов Валенсии характерно особое вдумчивое отношение к материалу. Художница Кармен Кальво родом из столицы — города керамики и изразцов, часто использует в своих картинах кусочки обожженной глины, подчеркивая тем самым родство высокого искусства с народным ремеслом. Скульптор Анхелес Марко в композициях и инсталляциях стремится раскрыть «психологические» свойства материалов — гибкость каучука или твердость металла, например. Баскская школа, по мнению искусствоведа Симона Марчана Фиса, объединила черты русского конструктивизма и минимализма. Скульпторы Чомин Бадиола, Анхель Бадос и Пельо Ирасу сформировались под сильным влиянием Хорхе Отейсы, патриарха и основателя скульптуры Страны басков, личности мощной и разносторонней, человека нелегкой судьбы.

Нынешнее состояние испанского изобразительного искусства можно охарактеризовать одним словом — поиск. Поиск себя, своего места в мировой культуре. Для творческих исканий у них есть все необходимые условия, главное из которых — свобода, позволяющая художникам и скульпторам Испании выразить себя с максимальной полнотой, с учетом всех своих национальных особенностей.

Без сомнения, политика культурного плюрализма приносит самые богатые плоды. В реальной жизни, однако, нередко сталкивается с разобщенностью и чувством взаимного неприятия жителей разных

[1] Coll T. Op. cit.

регионов страны. Желание купить учебник каталанского языка в Валенсии может вызвать недоумение и даже раздражение: «Каталанский? У нас?!» Попытка найти в Сории (Кастилья-и-Леон) костюм для фламенко также не увенчается успехом: «Мы такого не танцуем, это вам в Севилью или уж, на худой конец, в Мадрид». Наивный иностранец, пожелавший посмотреть в «испанском городе Барселоне» корриду, останется ни с чем: арена для боя быков вот-вот будет закрыта, не ходят соотечественники великого Гауди любоваться шествием квадрильи под звуки пасодобля.

Культура каждого региона зачастую словно стремится отгородиться от всякого влияния извне, и даже школы фламенко, открывающиеся в Барселоне, никого не должны вводить в заблуждение: они создаются для туристов. Каталонцы же хранят верность сардане.

Граждане «единой, великой, свободной» действительно стали очень разными. Нет в этом ничего плохого, напротив, разнообразие — залог полнокровной жизни и стабильного развития. Тех, кто, утверждая свое Я, не отвергает и чужую сущность, ждет великое будущее. Но есть у культурного многообразия Испании коварный враг, имя которому — национализм. Он разъединяет, порождает беспочвенную неприязнь к другим только потому, что они — другие.

Это с ним воюет странствующий рыцарь испанской культуры Артуро Перес-Реверте: «Сегодня, обложенный, как волк, демократией и рассудком, национализм любого пошиба прибегает к самым низменным инстинктам, гнездящимся в сердце человека, извращая культуру, идеи, чувства. И от этого язык, традиции, память — заключенные в понятии «родина» в самом благородном смысле слова — превращаются в разрушительное оружие массового поражения»[1]. Камило Хосе Села в определении национализма менее эмоционален, но не менее точен: «Он опасен, очень опасен для нашего сосуществования. И потом, не следует путать высокое понятие патриотизма, любви к тому месту, где ты родился, с национализмом, который внушает, что это место — единственно достойное на земле. А такого быть не может. Не знаю, посмотрим, возможно, когда-нибудь нам удастся его изжить»[2].

Скорее всего, да. Но следует понимать, что в стране, где национальные чувства подавлялись на протяжении десятилетий, возникла своего рода инерция протеста, на преодоление которой требуется время. Национализм сродни фантомным болям, терзающим человека месяцы, а то и годы после ампутации пораженной гангреной

[1] Перес-Реверте А. Живым не возьмете.
[2] ABC. 26.04.1999.

конечности. Со временем тяжелые симптомы останутся позади. Некоторые исследователи полагают, что ситуация уже близка к разрешению. Так, Хосе Ферратер Мора в уже цитировавшейся работе пишет: «Сепаратизм, равно как национализм, — недуг 80-х годов. Он больше не опасен, так что для его преодоления героических усилий не требуется, болезнь исчезнет сама собой, как ослабленный микроб... Колосс национализма — ветряная мельница. Если кому-то не терпится вонзить в нее копье — пожалуйста, но не надо ждать, что при этом хлынут реки крови».

Может быть, для победы над национализмом героическая борьба действительно не нужна. Нужна кропотливая работа, упорство и вдохновение, чтобы приобщить представителей других народов к родной культуре, открыть им двери своего мира, чтобы они почувствовали себя в нем не чужаками, а желанными гостями или даже членами семьи. На сухом языке науки это называется инкультурацией. А в жизни это выглядит так: на барселонском пляже играют, громко переговариваясь, смуглые черноволосые ребятишки. Этот андалузский выговор ни с чем не спутаешь. Вероятно, они — дети иммигрантов с юга, приехавших в поисках лучшей доли. Вдруг одна девочка останавливается и начинает петь, остальные подхватывают. Да это же средневековый каталонский романс о златовласой арагонской принцессе!

Конечно, песню ребята выучили в школе на уроке каталанского, и она стала частью их жизни, раз запели не в классе по просьбе учителя, а у моря, по велению души. За словами песни, как нить за иголкой, придут другие слова, придет язык. И если юные иммигранты, повзрослев, захотят связать свою жизнь с Каталонией, ее культура уже не будет для них чужой. Песня и музыка являются мощной связующей силой, так как обращаются непосредственно к сердцу человека, и переводчика не требуется. Иначе зачем бы каталонка Кармен Парис представляла в столицах трех баскских провинций свой новый диск, на котором хота, эта квинтэссенция арагонского духа, предстает перед слушателями обновленной, обогащенной мотивами фламенко, латиноамериканской и африканской музыки.

И еще один штрих. Музыкант Мигель Анхель Берна и его театр «Флета» (Сарагоса, Арагон) еще в 1993 г. тоже объединили хоту и фламенко. А не так давно его труппа начала выступать с музыкальным спектаклем «Мудехар», в котором сочетаются элементы арагонского и андалузского танца, звучат кастаньеты и галисийская волынка. Любопытно, что записала спектакль баскская студия «Элькар». Так что, пожалуй, людям творческим лучше, чем политикам, дается нелегкое дело объединения культур.

Приятие чужой культуры — лучшее лекарство от националистической спеси. Любознательность обязательно пересилит антагонизм, свобода выбора убедит людей, что «можно держаться одного, не отнимая руки от другого». Общность исторической судьбы — вот мощный цементирующий фактор, который неизменно будет работать на сохранение единства страны. Испания останется единой, но никогда уже не будет единообразной, благодаря конгломерату культур. Конгломерату, а не сплаву. Тигли и плавильные котлы себя не оправдали. Испанский культурный плюрализм — это яркий сад, в нем каждому цветку, каждому растению найдется место.

О проблемах культурного развития см. главы 24–28.

Часть II. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Глава 4. Модернизация хозяйственной системы

Испания — одна из самых быстрорастущих экономик Евросоюза[1]. По величине ВВП, приближающегося к 1 трлн евро, она находится на восьмом месте в мире, слегка опережая Канаду[2]. По уровню дохода на душу населения среди промышленно развитых стран — Испания на 23-м месте[3]. Ее отставание от ЕС по этому показателю почти преодолено: если в 1973 г. душевой доход составлял 75,8% среднего для ЕС, то в 2005 г. — 93,7%[4]. Она — третий в Европе и шестой в мире производитель автомашин, третий в мире поставщик обуви. Высокоразвитое сельское хозяйство страны занимает третье место в мире по производству вина, четвертое — цитрусовых, обеспечивает 1/4 мирового производства оливок. Ей принадлежит крупнейший в Европе рыболовный флот. Она уступает только США по числу иностранных туристов, принимая ежегодно более 50 млн человек и получая от этой отрасли порядка 40 млрд долл. Испания лидирует в Европе по производству электроэнергии на основе солнечных батарей (с долей около 50%) и занимает второе место по использованию энергии ветра.

В то же время в ее экономике сохраняется ряд признаков структурного отставания от стран — лидеров Европы и мира. По уровню развития одни районы Испании контрастируют с другими, а почти пятая часть населения живет в условиях относительной бедности. Ощутимо отставание в области научных исследований и применения новейших технологий, по величине вложений в человеческий капитал и уровню квалификации рабочей силы, по темпам роста производительности

---

[1] Средний показатель роста ВВП за последнее десятилетие — около 3%, прогноз на 2007–2015 гг. — 2,8% (против 2,1 для ЕС).

[2] Оценка на 2006 г. — 973,3 млрд евро (в рыночных ценах).

[3] В 2005 г. — 26 320 евро. Оценка на 2006 г. — 27 542 долл. (с учетом покупательной стоимости валют).

[4] ЕС в составе 15 стран.

труда. В структуре экспорта доля отраслей высокого технологического уровня в 2–3,5 раза ниже, чем у стран-лидеров. Итоговая картина — состояние переходности, меняющегося статуса этой страны в мировой хозяйственной системе: еще недавно относившаяся к ее полупериферии, она перемещается теперь в ее центр[1], постепенно преодолевая исторически сложившиеся черты и пережитки структурной отсталости.

Перемещение Испании в центр мирохозяйственной системы вполне закономерно: эта страна — очаг одной из великих европейских и мировых культур, ей по праву принадлежит место среди ведущих мировых держав. Обращают на себя внимание, однако, темпы этого продвижения. В 1959 г. аграрно-индустриальная Испания — аутсайдер на западе Европы, единственная страна за рамками и ЕЭС, и ЕАСТ. Сорок лет спустя эта промышленная экономика в числе первых присоединяется к Еврозоне; сегодня устами своих руководителей Испания высказывает притязания на членство в Большой восьмерке, то есть претендует на приобщение к мировому лидерству.

Какие факторы и предпосылки лежали в основе процессов, сделавших возможными столь быстрые перемены? И почему, несмотря на эти достижения, структурный разрыв между Испанией и странами центра миросистемы пока не преодолен?

Базовые принципы Конституции 1977 г. — демократия, соблюдение прав личности, региональная автономия, социальная рыночная экономика — создали прочную основу для модернизации общественной жизни и проведения реформ, необходимых для устойчивого роста производства. В Испании впервые за всю ее историю сложился легитимный, стабильный и эффективный демократический режим[2], что позволило стране, наконец, поставить в фокус своего внимания переустройство национальной экономики и социальной сферы на современных рыночных принципах, сообразуясь в первую очередь с европейскими образцами.

---

[1] Термины «центр», «периферия» и «полупериферия» мировой экономики («миросистемы») — основные понятия мирохозяйственной теории И. Валлерстайна, рассматривающей развитие стран и регионов под углом зрения их меняющегося статуса в международном разделении труда. Принадлежность страны к той или иной категории обычно является долговременной устойчивой характеристикой, хотя известны и случаи изменения статуса (яркий пример — Япония). Об исторически сложившейся полупериферийности и специфике развития Испании в XIX–XX вв. см. подробнее: Авилова А.В. Эволюция модели экономического развития. Испания в начале XXI века. М.: МГИМО, 2006. С. 44–52.

[2] См.: Современная Испания. М.: ИНИОН, 2003. С. 46.

Присоединение к ЕС переместило центр тяжести в треугольнике «индивид–общество–государство» в сторону усиления роли индивидуального начала, отодвинув государство с лидирующих позиций и поставив общество в положение посредника, гарантирующего соблюдение гражданских свобод. За государством остались важнейшие хозяйственные функции: поддержание конкурентного порядка, макроэкономическое регулирование, обеспечение социального рыночного характера экономики, защита интересов национального предпринимательства во взаимоотношениях с внешним рынком. Определилась и основополагающая роль принципа социального партнерства — трехстороннего диалога между предпринимателями, профсоюзами и государством для поддержания общественного консенсуса и демократического правопорядка как необходимых предпосылок устойчивого роста экономики.

Консенсус — прямое следствие политических уроков прошлого — объединил гражданские и политические силы вокруг процесса демократизации и выработки кардинально нового экономического курса[1]. Перестройка проходила болезненно, сопровождаясь ростом безработицы (до 24% в 1994 г. — 3,7 млн трудоспособного населения), но страна не свернула с демократического пути. Объяснение этому, по мнению американского исследователя О. Энкарнасьона, заключается в «уникальной динамике экономических реформ». Испания отказалась от большинства рекомендаций так называемого Вашингтонского консенсуса — неолиберального курса на шоковую терапию и жесткую экономическую стабилизацию, за который выступали МБРР и МВФ и который был реализован в ряде стран Латинской Америки и Восточной Европы. Вместо этого проводилась намеченная в Пакте Монклоа сбалансированная политика сдерживания заработной платы и торможения инфляции, предупреждавшая возникновение трудовых конфликтов, при одновременном стимулировании экономической активности и прибыльности бизнеса.

Реформа громоздких и большей частью устаревших структур государственного сектора была отложена до середины 80-х годов, когда испанская демократия уже прочно стала на ноги. Правительство проявляло готовность вести общественный диалог и компенсировать издержки процесса преобразований наиболее пострадавшим от него социальным слоям. Создавалась разветвленная система социальной поддержки: с 1975 по 1982 гг. государственные расходы на пенсии,

---

[1] См.: Энкарнасьон О. Революция компромиссов // Россия в глобальной политике. 2006. № 3. С. 78–79.

пособия по безработице, субсидии на здравоохранение и образование выросли в реальном исчислении на 39,7%, а с 1982 по 1989 г. — на 57,6%. Общий объем социальных расходов увеличился с 9,9% ВВП в 1975 г. до 17,8% в конце 1980-х[1].

На наш взгляд, эта «договорная демократия» представляет собой чрезвычайно удачно разработанный и реализованный в конкретных условиях постфранкистской Испании вариант европейской социальной модели, на основополагающих принципах которой — консенсусе и диалоге как средстве его достижения — была построена вся послевоенная система западноевропейских общественных институтов.

Позволим себе высказать суждение, что именно выбор континентально-европейского варианта неолиберального курса на стабилизацию, к которому испанское правительство было вынуждено прибегнуть в условиях экономического кризиса, в решающей степени обеспечил общий успех демократических преобразований[2]. Социальная политика, проводимая в рамках этой модели, даже в периоды «сжатия» сохраняет социал-демократическую окраску, поскольку уделяет особое внимание социальной приемлемости необходимых реформ, тогда как англо-американский вариант тяготеет к более жесткой в социальных вопросах неолиберальной парадигме. Это важное различие, сложившееся исторически, глубоко укоренилось институционально, и прежде всего, — в массовых воззрениях на обязанности государства в отношении благосостояния населения. Реакция испанского общества, которое на выборах 1982 г. отдало ИСРП почти половину всех голосов, оказалась вполне созвучной целям, которые ставили тогда во главу угла реформаторы.

Недооценку значимости институционального фактора, вероятно, следует считать важнейшей ошибкой, какую может сделать команда реформаторов, находясь на развилке, определяющей судьбу страны на обозримую перспективу. Опасность заключается в том, что социальный организм способен на такое же отторжение институционально чужеродных для него элементов, как и биологический организм в отношении инородного имплантата. Эта проблема особенно актуальна как раз для стран полупериферии, с их своеобразной исторической динамикой и сложным напластованием отживших, устаревающих и

---

[1] Там же. С. 82.

[2] Проблема различия вариантов «западного капитализма» рассматривается в известной работе французского экономиста М. Альбера «Два капитализма» (Albert M. *Capitalisme contre capitalisme*. *Paris*, 1991). См. об этом: Социально-экономические модели в современном мире и пути России. Книга 2. Социально-экономические модели (из мирового опыта). М.: Экономика, 2005. С. 330–333.

модернизирующихся форм производства и связанных с ними общественных структур. Отнюдь не отвлеченный интерес она имеет и для сегодняшней России[1].

Поддержка предпринимательства, и особенно малого бизнеса, стала одним из самых эффективных двигателей экономического развития Испании в этот период[2].

Малый и средний бизнес, в основном индивидуальный и семейный, образует основу испанской производственной структуры: 98% общего числа предприятий имеют численность персонала не более 100 человек, а 77% — менее 10 человек каждое. К середине 90-х годов на общенациональном уровне в Испании действовало около 20 государственных учреждений, выполнявших задачу стимулирования и поддержки малого бизнеса, и более 200 таких учреждений насчитывалось на региональном уровне[3].

Политика поддержки малого бизнеса в полной мере отражала программные установки Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), руководившей страной в 1982–1996 гг. и ориентированной прежде всего на интересы среднего класса. Она строилась на взаимодействии общенациональных министерств и ведомств (включая специализированный Институт малых и средних промышленных предприятий — IMPI), региональных властей и представительных организаций малого бизнеса, а финансировалась из бюд-

---

[1] Вопрос об институциональном несходстве сложившихся национальных основ хозяйствования и о степени приемлемости заимствуемых извне образцов для России как самобытно развивающейся страны глубоко занимал Л. Толстого. В «Анне Карениной» этими размышлениями поглощен Левин, ставящий во главу угла национальную психологию и привычки наемного работника — «главного элемента хозяйства». С отменой крепостного права для страны возникла судьбоносная ситуация: «"...у нас теперь, когда все это переворотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России", — думал Левин» (Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. С. 363, 367). Очевидной в тот момент была неприложимость институциональных форм западного земледелия к российской среде, в которой исторически сложилось иное, чем на Западе, отношение к земле. Однако уже в «Воскресении» (1890-е гг.) Нехлюдову вполне удается, объяснив крестьянам идею американца Генри Джорджа о едином налоге, получить их согласие на изменение порядка землепользования в своем имении. Точка зрения Толстого, таким образом, сводится не к «особому» якобы пути России, а к необходимости понимания и учета того, насколько органично может быть воспринято предлагаемое новшество данной национальной или социальной средой.

[2] Обзор системы мер поддержки малого бизнеса в Испании см.: Малый бизнес России. Проблемы и перспективы (аналитический доклад Российской ассоциации малого предпринимательства). М., 1996. С. 256–273.

[3] См.: TACIS. Политика Европейского сообщества в области малого и среднего бизнеса. 1997. С. 137–162.

жета и за счет ассигнований ЕС. Главными направлениями первой программы для малого бизнеса (1994–1999) были: информационное обеспечение предприятий, содействие их технологической модернизации, финансовая поддержка и стимулирование межфирменной кооперации.

IMPI, входящий в систему Европейских финансовых центров (сеть, насчитывающая более 260 точек), обеспечил своим абонентам возможность пользоваться услугами банков данных, принадлежащих различным международным и национальным организациям — сведениями о малых предприятиях, публичных конкурсах и контрактах, программах поддержки предпринимательства на региональном, национальном и наднациональном уровне, текущих планах научно-исследовательских работ, новых видах продукции, ищущих работу менеджерах и специалистах и т. д. При долевом участии IMPI в капитале «компаний коллективных действий» (от 5 до 45% капитала на срок 3–6 лет) создавалась современная инфраструктура малого предпринимательства — инновационные центры, венчурные компании, лизинговые и франчайзинговые фирмы, технологические парки.

Технологической модернизацией малого бизнеса занимались государственный Центр развития промышленных технологий (CDTI) и Институт государственного кредитования (ICO), консультирование и подготовка предпринимателей и менеджеров велись через региональную сеть, созданную государственной Школой организации промышленности (EOI). В разработке и проведении этой политики участвовали Испанская конфедерация предпринимательских организаций (CEOE) и Испанская конфедерация малых и средних предприятий (CEPYME), а также региональные Торгово-промышленные палаты (числом более 80) со своей «зонтичной» организацией. Ее практическая реализация была поручена Агентствам регионального развития, деятельность которых финансировалась из центрального и региональных бюджетов.

Использовался широкий спектр инструментов: финансовая поддержка при выполнении заказов предприятий на НИОКР, льготный кредит, паритетное финансирование с участием банков, долгосрочные беспроцентные ссуды, прямые инвестиции, прямое распространение и коммерциализация новых технологий. Малым предприятиям компенсировалось 70% затрат, связанных со сбытом их продукции за рубежом (изучение рынков, реклама, участие в выставках, расчет цены, патентование за рубежом и т. п.).

Учитывая межрегиональные различия, характерные для испанской экономики, политика поддержки малого бизнеса применяла разные

приемы и подходы[1]. В настоящее время 2/3 общего объема государственных капиталовложений реализуется на региональном и местном уровне. Именно в этих рамках дает наилучшие результаты принцип государственно-частного партнерства, в соответствии с которым с середины 90-х годов в Испании были осуществлены капиталовложения, эквивалентные 6% национального ВВП[2].

Важнее всего была сама последовательность этой политики, адресованной в первую очередь массовому предпринимательству. В ходе налоговой реформы 2003 г. под этим углом зрения была перестроена система местного налогообложения. Предприятия с годовым оборотом менее 1 млн евро (более 90% общего числа) были полностью освобождены от налогов, а для начинающих вводились налоговые каникулы сроком на два года и сокращение налогов наполовину в течение следующих пяти лет работы. В качестве компенсации бюджетных потерь, связанных с этими мерами, используются повышенные ставки и прогрессивное налогообложение для предприятий больших размеров[3].

Постоянство и настойчивость этой политики тем более необходимы, что ей приходится преодолевать сопротивление или инерцию старых и новых бюрократических структур[4], тормозящих развитие предпринимательства. Административные требования к возникающим предприятиям, особенно в секторе высоких технологий, в Испании намного жестче, чем в большинстве стран ОЭСР, и на оформление создания такого предприятия требуется до полугода. Не столь глубока, как в других странах, и традиция межфирменной кооперации — объек-

---

[1] В аграрных и малоосвоенных районах десятками строились «промышленные полигоны» — сгруппированные на одной территории производственные помещения, оборудованные всем необходимым для льготного размещения в них малых и средних предприятий. В районах с достаточно развитой промышленной базой создавались «зоны ускоренной индустриализации», куда с помощью долевого участия в капитале привлекались испанские и иностранные инвесторы. В промышленных зонах и технопарках открывались бизнес-инкубаторы, финансируемые обычно на паритетных началах с ЕС и включаемые в европейскую сеть, которая насчитывала в конце 90-х годов около 100 таких центров (в Испании — 13). Под эгидой государственного холдинга ИНИ была развернута сеть «обществ промышленного развития», которые занимались привлечением частного капитала к инвестиционным проектам путем долевого участия в них и среднесрочного кредитования; государственный и привлеченный частный капитал соотносились при этом как 1:6.

[2] См.: Espagne. Etudes economiques de l'OCDE. Paris, 2005. P. 111, 149.

[3] Ibid. P. 152–153.

[4] В ходе региональной реформы численность государственной администрации увеличилась на 70% — за счет органов региональной и местной власти, разрастание которых более чем компенсировало сокращение числа функционеров общенационального звена. См.: Ibid. P. 111.

тивно важнейшая в условиях современного производства, построенного на интенсивном обмене информацией. По данным обследования экспертов ОЭСР в начале 2000-х гг., только 36% испанских предприятий связывали с кооперацией свои планы в области инноваций (против среднего для ЕС показателя 48%). То же относится и к университетам, что расценивается как одно из главных препятствий для развития научно-исследовательских работ. Известная заторможенность присуща и части деловой среды: «Культура управления испанскими предприятиями сопротивляется запуску проектов НИР», — замечают эксперты ОЭСР в связи с вопросом о развитии государственно-частного партнерства. Одно из современных явлений — рост административных барьеров и коррупции при оформлении участков под промышленное освоение в условиях строительного бума и взлета цен на недвижимость[1]. Речь идет, по существу, о проблемах институционального порядка, многие из которых обусловлены спецификой сложившейся модели роста и требуют времени для своего решения в свете актуальных экономических задач.

Мощное институциональное воздействие на развитие испанской экономики в последние десятилетия оказала приватизация государственных предприятий, начатая социалистами в 1983 г. и ускорившаяся при правоцентристском правительстве Народного альянса (1996–2004). По своим масштабам этот процесс уступал в Европе только приватизации в Англии, проведенной правительством М. Тэтчер. К настоящему времени доля государственного сектора в промышленном производстве сократилась до менее чем 1%, а в рыночной капитализации — почти до нуля. Все ведущие промышленно-финансовые группы Испании, входящие в число 500 крупнейших компаний Европы и мира, находятся в частном секторе экономики.

Испания оказалась и в числе стран, прилагающих наибольшие усилия к выполнению директив ЕС по демонополизации сферы коммунальных услуг. С 2003 г. потребители электроэнергии и газа могут свободно выбирать своих поставщиков. Правительство пытается регулировать рыночную деятельность естественных монополий, в частности с помощью тарифов. Но эта политика объективно поставлена в узкие рамки, поскольку уровень концентрации производства здесь очень высок. Например, компания «Телефоника» остается абсолютным монополистом на своем рынке, сохраняя 90%-ную долю в секторе услуг стационарной сети и 56% — в мобильной. В этих условиях правила свободной конкуренции могут давать обратный результат, приводя

[1] Ibid. P. 102–104.

не к снижению, а к росту цен. Очевидно, процесс демонополизации сферы коммунальных услуг потребует включения Испании в их общеевропейскую перестройку и растянется на годы.

Быстрым и эффективным, напротив, было воздействие приватизации на инвестиционную сферу, что выразилось в бурном росте фондовой биржи. За 90-е годы ее общая капитализация поднялась с 21,7 до 81,0% ВВП, а мадридская биржа, объем операций которой увеличился в 25 раз, вышла на четвертое место в Европе. Массовое участие в скупке акций приняли индивидуальные инвесторы, в результате чего финансовые активы сектора семей в начале 2000-х гг. достигли уровня 1180 млрд евро (182% ВВП). Изменилась и структура семейных вложений: доля такой традиционной формы сбережений, как вклады на банковских счетах, сократилась с 46 до 34%, в то время как резко увеличились вложения в акции (с 17, до 32%), а также взаимные фонды (инвестиционные фонды открытого типа), пенсионные фонды и страхование жизни, на которые в совокупности приходится около 60% финансовых активов сектора семей — больше, чем во Франции, Германии и Италии[1].

Налоговая политика государства способствовала росту сбережений. Налоговое бремя не превышало 35% ВВП, что было значительно меньше, чем в среднем для ЕС (42%)[2].

Приватизация и дерегулирование послужили мощным стимулом модернизации банковской системы. В результате серии слияний появились два гигантских частных банка — «Сантандер-Сентрал-Испано» (SCH) и «Банко Бильбао-Бискайя-Архентариа» (BBVA), входящие в двадцатку мировых лидеров. Они контролируют 46% совокупного капитала взаимных фондов и 35% капитала пенсионных фондов. Испанские банки, которые 20 лет назад представляли собой едва ли не самый застойный сектор экономики, ограждаемой от внешней конкуренции протекционистской политикой государства, сегодня технологически хорошо оснащены, высоко конкурентоспособны и динамичны на внешних рынках. Объем кредитов, выданных ими частному сектору, вырос за 90-е годы с 71 до 96% ВВП. Параллельно с банками развивалась и система сберегательных касс (58% общего объема депозитов и 40% кредитов), которые функционируют на основе кооперативного права. Крупнейшие из них, мадридская и барселонская кассы, числятся среди пяти ведущих финансовых учреждений Испании[3].

---

[1] См.: Chislett W. *The Internalization of the Spanish Economy*. 2002. P. 79, 82–83, 180, 187.
[2] См.: Espagne. Etudes economiques de l'OCDE. Paris, 2003. P. 65.
[3] Chislett W. Op. cit. P. 163, 186.

Концентрация и централизация национального капитала также ускорились. Сегодня среди 100 ведущих по размерам капитализации европейских ТНК насчитывается шесть испанских. В мировом рейтинге их присутствие особенно заметно в отраслевом разрезе: «Телефоника» занимает четвертое место в секторе фиксированной связи, «Эндеса» и «Ибердрола» — четвертое и восьмое в электроэнергетике, «Индитекс» — 10-е в розничной торговле, «Репсоль» — 20-е в нефтяном секторе. По суммарной капитализации восьми компаний, входящих в число 500 ведущих мировых ТНК, Испания стоит на 11-м месте с долей 1,7% (у европейского лидера Англии этот показатель равен 9,4%)[1].

Не будет преувеличением сказать, что важнейшим источником и стимулом описанных выше перемен в испанской экономике был и остается «фактор ЕС» — принадлежность страны к европейскому интеграционному комплексу. Необратимый процесс включения в систему Общего рынка, выражавшийся во встречном движении рабочей силы, иностранных инвестиций и туристов, которое обеспечивало страну необходимой для индустриализации валютой, начался уже в 60-х годах. После 1986 г. стали устраняться и таможенные барьеры, что открыло для испанской продукции обширный европейский рынок. С присоединением к ЕС экономическая и социальная политика испанского государства была поставлена в рамки единой для стран-членов дисциплины, что сделало необходимым модернизацию национального законодательства и проведение реформ. Вступление в Еврозону (1999) дало Испании возможность эффективнее, чем за ее рамками, решать традиционную для страны проблему нахождения равновесия между темпами инфляции, состоянием бюджета, балансом внешнеэкономических операций и уровнем безработицы: единый валютный курс заставил дисциплинировать бюджетную политику, по возможности выравнивая ход экономического цикла.

Эта возросшая маневренность, как и многие достижения испанской экономики в последние десятилетия, в значительной мере связана с использованием дополнительного финансового источника — целевых ассигнований из структурных фондов ЕС. Испания является их крупнейшим получателем: ее доля составила в 1989–1993 гг. 20,9%, в 1994–1999 гг. — 22,6%, а в 2000–2006 гг. — 26,5% общего объема выплат *(см. табл. 4.1)*. Ассигнования выделялись, во-первых, по линии регионального фонда — на развитие экономи-

[1] Ведомости. 13.06.2006 (Приложение).

Таблица 4.1

Распределение средств структурных фондов ЕС между основными получателями (млн евро)

Страны	1989–1993			1994–1999			2000–2006		
	Всего	Цель № 1 (регионы)	Фонд слияния	Всего	Цель № 1 (регионы)	Фонд слияния	Всего	Цель № 1 (регионы)	Фонд слияния
Франция	6 473	957		14 939	2 190		15 666	3 805	
Германия	6 431	2 955		21 730	13 640		29 674	19 958	
Греция	8 240	7 528	280	15 134	13 980	7 950	24 883	20 961	3 060
Ирландия	4 755	4 460	142	6 104	5 620	1 301	3 974	3 088	720
Италия	11 420	8 504		21 649	14 860		29 656	22 122	
Португалия	9 174	8 450	284	15 041	13 980	2 601	2 276	19 029	3 060
Испания	14 229	10 171	859	34 449	26 300	2 602	56 205	38 096	11 160
Итого	68 236	43 818	1 565	152 219	93 972	14 454	211 854	135 954	18 000

Источник: Chislett W. Op. cit. P. 75.

ки отстающих районов, и Испания с ее обширной по европейским меркам аграрной периферией стала главным объектом этой политики[1]; во-вторых, по линии фонда слияния, созданного для менее развитых стран ЕС с целью ускорить их развитие; в-третьих, в рамках общей аграрной политики ЕС, а также общей политики в отношении рыболовства.

Средства фондов предназначаются в основном для вложений в инфраструктуру и поддержки малого бизнеса. Надо сказать, что Испания сумела использовать их очень эффективно. К началу 2000-х гг. за счет ирригации и развития парникового хозяйства было развернуто интенсивное производство сельскохозяйственной продукции на площади 50 тыс. га (против 300 га в 1970 г.). Были построены скоростные железные дороги Мадрид–Севилья и Мадрид–Барселона, в 2007 г. предполагается установить скоростную связь столицы с рядом других городов. С 2001 г. действует 8-летняя национальная программа водо-

[1] В настоящее время это направление носит название «цель № 1». Критерием принадлежности района к этому статусу является уровень дохода на душу населения ниже 75% среднего показателя для ЕС. В Испании такие районы составляют 76% территории и 58% общей численности населения. Подробнее см.: Chislett W. Op. cit. P. 76.

снабжения с объемом инвестиций 18 млрд евро, которая предусматривает переброску воды из нижнего течения р. Эбро в юго-восточные районы страны. Крупные капиталовложения в охрану среды позволили Испании в 2002 г. впервые опередить Францию по количеству экологических сертификатов («blue flags»), удостоверяющих высокое качество пляжей[1].

Из ЕС в Испанию поступает около 70% прямых иностранных инвестиций (ПИИ), привлекаемых сравнительной дешевизной рабочей силы[2] и невысоким уровнем налогообложения бизнеса. Объем накопленных ПИИ за 1985–2001 гг. вырос в 18,3 раза и достиг 162,6 млрд евро. Согласно оценке экспертов ОЭСР, в конце 90-х годов нерезиденты контролировали более 40% объема производства и 30% общей численности занятых в испанской обрабатывающей промышленности. Национальный контроль над некоторыми отраслями полностью или частично утрачен. Так, в автомобильной промышленности укоренились «Форд», «Ниссан», «Опель», «Пежо», «Рено», «Фольксваген», в электронной — «Филипс» и «Хониуэлл», в производстве потребительских товаров — «Юнилевер» и «Проктер энд Гэмбл» и т. д.[3] Но иностранный капитал принес в испанскую промышленность передовые технологии, что сыграло ключевую роль в ее модернизации, и произвел подлинный переворот в сфере услуг, в частности в розничной торговле.

Испанский капитал, представленный своими ведущими ТНК, также активно действует в ЕС. «Эндеса» владеет мощностями по производству и распределению электроэнергии во всех странах Южной Европы, ее присутствие особенно заметно в Италии (7% генерирующих мощностей) и во Франции (15% рынка). «Телефоника» обладает лицензиями на мобильную связь третьего поколения в Германии, Италии, Швейцарии и Австрии. Особенно успешно идет освоение португальского рынка: железнодорожные, энергетические и банковские системы обеих пиренейских стран все более тесно переплетаются. Испанский «BSCH» является третьим по величине в банковских операциях Португалии, контролируя 10% кредитного рынка. Испанский

---

[1] Ibid. P. 25–27. Средства, полученные из структурных фондов ЕС в 1994–1999 гг., составили 50% вложений в инфраструктуру и 13,8% других капиталовложений в физический капитал, осуществленных в этот период. См.: Espagne (OCDE), 2005. P. 109.

[2] Средняя почасовая заработная плата в обрабатывающей промышленности составляла в 2000 г. 10,85 долл. — против 24,01 — в Германии, 16,38 — во Франции и 16,31 — в целом для ОЭСР. См.: Chislett W. Op. cit. P. 151.

[3] На четыре ТНК автомобильной промышленности — «Форд», «Опель», СЕАТ («Фольксваген») и «Ситроэн» — приходится почти четверть национального экспорта.

капитал присутствует в текстильной и пищевой промышленности, в операциях с недвижимостью, в розничной торговле (крупнейшие сети «Корте Инглес», «Индитекс») и др.[1]

Многие малые, часто семейные испанские фирмы ведут производство за рубежом. Это, например, производитель автомобильных запчастей «Фикоса», 70% продукции которой выпускается на предприятиях, разбросанных по четырем континентам; парфюмерная компания «Антонио Пуиг», которая приобрела французскую «Нина Риччи»; кооперативный комплекс «Мондрагон» с дочерними и совместными предприятиями во Франции, Египте и Марокко; «Индо», выпускающая оправы для очков в Китае, и др.[2]

С 1996 г. Испания стала нетто-экспортером капитала. За минувшее десятилетие объем накопленных ею прямых зарубежных инвестиций увеличился более чем в девять раз и превысил 330 млрд долл.[3] Более половины этих средств вложено в Латинской Америке, для которой Испания является ведущим европейским инвестором.

Общность языка и культурная близость, а также то обстоятельство, что ряд латиноамериканских стран решает те же проблемы, которые стояли перед Испанией двумя десятилетиями раньше, и вызывают особое внимание к ее опыту перехода к демократии, значительно облегчают испанским ТНК доступ на эти обширные и быстро растущие рынки. В Латинскую Америку направляется и большая часть тех государственных средств, которые Испания выделяет в виде помощи развивающимся странам.

Испанский капитал[4], присутствие которого особенно заметно в Аргентине, Бразилии, Чили, Мексике и Перу, сосредоточен в стратегически важных секторах экономики — энергетике, телекоммуникациях, банковской системе. За энергетический рынок Латинской Америки, аккумулирующий более 40% всех частных инвестиций в электроэнергетику развивающихся стран, идет особенно интенсивная конкурентная борьба. Испанская «Репсоль», с зарубежными активами около 30 млрд долл., играет в ней одну из главных ролей, как и ведущие электроэнергетические компании «Эндеса» и «Ибердрола». Испанская «Телефоника», с капитализацией 86 млрд долл., является крупнейшей компанией телесвязи в испано- и португало-

[1] Chislett W. Op. cit. P. 143–147.

[2] Ibid. P. 126.

[3] Chislett W. Op. cit. P. 124; ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы. М.: ИМЭМО, 2005. С. 40.

[4] Об экспансии испанских ТНК в Латинской Америке см. подробнее: Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века. М., 2006.

язычном мире, число абонентов которой приближается к 100 млн. Испанские банки контролируют 45% средств, аккумулированных в частных пенсионных системах восьми стран Латинской Америки. У двух ведущих банков — «SCH» и «BBVA» в Латинской Америке работает больше наемного персонала, чем на родине: местный банковский сектор развит относительно слабо, а потребность в кредитах огромна, возможности дальнейшей экспансии здесь очень велики. На Латинскую Америку приходится и более половины зарубежной сети, находящейся в собственности испанских туристических фирм. Авиационная компания «Иберия» совершает регулярные рейсы по 22 маршрутам, связывающим оба континента, и обеспечивает 15% соответствующего трафика.

В условиях глобализации и гигантского роста международных финансовых потоков Испания вновь, как и в эпоху великих географических открытий, оказалась в роли моста между Старым и Новым Светом. Это создало уникальные возможности межконтинентального финансового посредничества. Латиноамериканское направление стало важной частью деятельности Мадридской фондовой биржи — первой по объему операций в испаноязычном мире. Кроме того, с 1999 г. в Мадриде функционирует единственный в своем роде еврорынок «Латибекс», ведущий операции с латиноамериканскими «голубыми фишками» и «прямыми облигациями» (бумагами с фиксированной процентной ставкой). Европейским инвесторам он дает возможность работать с латиноамериканскими активами в единой валюте (евро) и в режиме реального времени, используя разницу часовых поясов, латиноамериканским инвесторам — возможность прямого выхода на фондовый рынок Европы. Обе стороны выигрывают от отсутствия риска, связанного с разницей обменных курсов латиноамериканских валют, и от применения международно признанных стандартов прозрачности и надежности операций. Капитализация этого рынка в середине 2002 г. достигла 90 млрд евро, что вывело «Латибекс» на третье место в Латинской Америке после бирж Сан-Пауло и Мехико[1].

Незаурядный динамизм и укрепление позиций испанского бизнеса на внешнем рынке дают основание говорить о сближении этой экономики со странами-лидерами современного мира («центром миросистемы», в терминах Валлерстайна). Однако принадлежность к этой категории стран предполагает иной, более высокий тип участия в международном разделении труда, что отражает, в частности, показатель удельного веса высоких технологий в их промышленном экспор-

[1] Chislett W. Op. cit. P. 184.

те. По этому показателю Испания значительно отстает от стран-лидеров *(см. табл. 4.2)*. Она специализируется на продукции невысокого и средневысокого технологического уровня, спрос на которую менее динамичен, и в этой «нише» встречает растущую конкуренцию со стороны развивающихся стран, имеющих более низкие трудовые издержки. Такая специализация обусловливает хронический торговый дефицит, что ограничивает возможности роста экономики, и может отводить от Испании инвестиционные потоки, отчасти восполняющие нехватку собственных высоких технологий. Уже с середины 90-х годов иностранный капитал стал в большем объеме поступать в испанский сектор услуг, чем в промышленность, и уходить из технологически ведущих отраслей.

Испания расходует на НИОКР только 1,1% своего ВВП — против 2% в среднем для ЕС и 2,8% у США. Около половины этих расходов обеспечивает государственный сектор, включая университеты, тогда как в странах-лидерах частный бизнес берет на себя 65–70% таких инвестиций. Несмотря на то что испанская система налоговых льгот для НИОКР является одной из самых щедрых в ОЭСР и практически единой для крупных и малых предприятий, эти возможности пока используются слабо. Причина заключается, прежде всего, в недостаточной координации мер поддержки инноваций на государственном уровне и рассогласованности инновационных проектов. Но имеются и более общие причины структурного и ин-

Таблица 4.2

Доля высокотехнологичной продукции в промышленном экспорте (в среднем за период, %)

Страны	1980–1982	1991–1993	2000–2002
Испания	4,9	9,4	10,4
Германия	11,9	15,0	20,0
Франция	11,1	18,5	25,1
Великобритания	18,1	26,6	38,7
ЕС	10,9	15,9	23,4
Япония	20,6	30,4	30,9
США	25,6	33,5	37,5

Источник: Espagne (OCDE), 2005. P. 39.

ституционального порядка — нехватка человеческого капитала и навыков менеджмента, необходимых в условиях повышенного финансового риска[1].

Нехватка человеческого капитала обусловлена сравнительно невысоким образовательным и профессиональным уровнем испанского населения. Несмотря на значительное увеличение числа выпускников высших учебных заведений, процент обладателей ученых степеней — ключевого звена, обеспечивающего работу национальной системы НИОКР, является одним из самых низких в ОЭСР. Испания стоит на пятом месте в ЕС по численности научных работников на 1 тыс. занятых, но большинство из них работает в системе государственного высшего образования, тогда как в производительном секторе этот показатель равен 1,6 — против 5,4 во Франции и 5,7 в Германии. Система оплаты труда научных работников менее благоприятна, чем в ведущих странах. Специалисты, получившие образование за рубежом, часто не могут найти работу в отечественных университетах. Обмен научными кадрами между университетами и частным сектором — нетипичное явление, как и финансирование промышленностью университетских исследований.

Имеющиеся ресурсы трудоспособного населения используются неполно. Несмотря на рост общего уровня занятости (61,1% в 2003 г.), этот показатель по-прежнему ниже, чем в среднем для ЕС-15 (65,4%) и ОЭСР (67,1%). В Испании традиционно меньше, чем в других странах, используется труд женщин и людей старших возрастных групп, высока безработица среди молодежи. Испанский рынок труда разделен на две категории — постоянную и временную занятость, что создает препятствия для роста вложений в человеческий капитал. Часть временных работников не имеет перспектив для своего роста, а обладатели постоянного рабочего места нередко не заботятся о повышении квалификации, зная о высокой степени своей защищенности трудовым законодательством.

Обязательное среднее образование до 16 лет было введено в Испании только в 1990 г., и доля населения, окончившего полную среднюю школу, составляет всего 41% (против 67% в среднем для ОЭСР)[2].

---

[1] Законодательство о венчурном капитале было введено в Испании только в 1999 г., и в настоящее время рисковые инвестиции все еще недостаточны (0,12% ВВП), как и международное сотрудничество в этой области. Законодательство о банкротстве, модернизированное в 2003 г., несколько облегчило возможность «перезапуска» неудачно стартовавших предприятий, однако существенного влияния на инновационный процесс пока не оказало. См.: Espagne (OCDE), 2005. P. 98–100.

[2] См.: Espagne (OCDE), 2003. P. 91, 95.

Уровень расходов на образование также уступает среднему по ОЭСР, причем особенно велик разрыв в области университетского образования. При обследовании школьников 15-летнего возраста, проведенного в 2003 г. в 29 странах ОЭСР, испанские подростки оказались на 22-м месте по чтению и на 23-м по математике[1]. Профессионально-техническое образование, в отличие от других стран, в Испании не очень престижно, большинство молодых людей ориентировано на поступление в университет, но профиль подготовки студентов не вполне соответствует потребностям рынка труда, и многие обладатели дипломов вынуждены соглашаться на менее содержательную работу, чем позволяет полученная ими квалификация.

Самым негативным последствием этих структурных недостатков испанской экономики является постепенное замедление темпов роста производительности труда. Если в 1971–1985 гг. разрыв по этому показателю со странами нынешней Еврозоны составлял 1,2 процентных пункта в пользу Испании, то в 1986–1994 гг. опережение было утрачено, а в 1995–2003 гг. сменилось отставанием на 0,2 процентных пункта. После перехода на евро структурная уязвимость испанской экономики проявилась и в опережающем по отношению к Еврозоне росте инфляции — кумулятивно на 8 процентных пунктов за 1997–2004 гг.[2] По прогнозам, Испания вплоть до 2015 г. будет отставать от ЕС-15 по среднегодовым темпам роста производительности труда (1,7% против 1,8%). При продолжении тенденции опережающего роста заработной платы по сравнению с производительностью труда, наблюдаемой в последнее десятилетие, исчезнет и нынешнее конкурентное преимущество, заключающееся в более низких, чем у партнеров, трудовых издержках. Очевидно, что при такой сравнительной динамике макропоказателей реальной конвергенции с европейскими лидерами достичь не удастся.

Из сказанного выше следует, что именно эффективность использования человеческого капитала можно без преувеличения считать главным в современной «экономике знаний» ресурсом конкурентоспособности. По классификации Международного экономического форума, анализирующего конкурентные позиции стран по 14 секторам производства, Испания находится в верхнем квинтиле почти во всех секторах среднего технологического уровня, особо выделяясь как

[1] Первые места заняли школьники Финляндии и Южной Кореи. См.: Espagne (OCDE), 2005. P. 36.

[2] См.: Espagne (OCDE), 2005. P. 24, 27.

производитель автомобильных запчастей и аксессуаров (10-е место в мире), промышленных станков и оборудования (15-е), аудиовизуальных средств (17-е), продукции органической и неорганической химии (15-е), изделий металлообработки (13-е) и обуви (третье). Но по конкурентоспособности в области информационно-коммуникационных технологий и выпуска электронных компонентов она находится только в третьей десятке стран.

Среди 100 наиболее известных в мире брэндов у Испании нет ни одного, хотя имеются отраслевые мировые лидеры: «Фрейшенет» (шипучие вина), «Чупа-чупс» (леденцы), «Проновиас» (свадебные платья) и «Льядро» (фарфоровые фигурки), а также входящие в первую тройку «Зара» (молодежная одежда) и др., в первую пятерку — «Соль Мелья» (гостиничный бизнес) и др. Наиболее известны испанские брэнды, относящиеся к пищевкусовой промышленности[1]. Обладание мировым брэндом является важным конкурентным преимуществом и одним из признаков высокого уровня развития экономики. «Промежуточное» положение Испании в этой области соответствует ее общему статусу в международном разделении труда.

Высоко оценивая достижения Испании за последние годы, эксперты ОЭСР отмечают выбор новым правительством страны стратегии стимулирования производительности, прежде всего, в области наращивания человеческого капитала. В то же время подчеркивается необходимость ускорения структурных реформ, направленных на реальную конвергенцию со странами-лидерами. Испанская экономика являет собой пример мощного стимулирующего влияния внешнего, в первую очередь европейского фактора на процесс «догоняющей модернизации», результатом которого является постепенное присоединение этой страны к мирохозяйственному центру. В свою очередь, успешная модернизация Испании в значительной мере способствует укреплению общих мирохозяйственных позиций европейского интеграционного комплекса.

[1] Chislett W. Op. cit. P. 112–117.

Глава 5. Энергетика нефти, ветра и солнца

Специфика испанского топливно-энергетического комплекса (ТЭК) заключается в том, что, имея в последние годы одни из самых высоких темпов экономического роста в Европе, страна не обеспечена собственными энергоресурсами. Это ставит ее в прямую зависимость от импорта, то есть от цен на углеводородное сырье на мировом рынке и экспортной политики экспортеров. В 2004 г. страна импортировала 78,9% потребленных энергоносителей. Зависимость Испании от внешних поставок в ближайшие годы будет только возрастать. В связи с этим испанское правительство стремится диверсифицировать источники энергии в топливно-энергетическом балансе (ТЭБ) страны путем развития собственных альтернативных и возобновляемых источников.

За годы членства в ЕС по потреблению энергии на душу населения страна приблизилась к Германии, Франции и Великобритании, обогнав даже Италию. Это связано с тем, что развитие экономики и индустриализация после 1986 г. сопровождались значительным ростом спроса на энергию, особенно в начале 2000-х гг. Следует отметить субсидирование развития испанской энергетики, особенно угольной промышленности, со стороны ЕС и выход окрепших энергетических компаний страны на рынки топлива других государств, с которыми заключались долгосрочные соглашения на добычу и поставку в Испанию нефти, природного газа, а иногда и угля.

С середины 90-х годов ТЭК Испании претерпевает качественные изменения, связанные с реформированием сектора, приватизацией и возрастанием роли отдельных видов энергоресурсов. Интенсивный процесс приватизации начался в испанском ТЭК с принятием электроэнергетических актов: Акта LOSEN (1994) и Акта 54 по углеводородам (1998) в соответствии с Директивами ЕС 96/92/ЕС и 98/30/ЕС, соответственно[1]. Тогда же была учреждена постоянная Национальная Комиссия по энергетике (Comición Nacional de Energía — CNE), задачей которой было обеспечение и гарантирование конкуренции на испанском рынке электроэнергии и углеводородов. Тем не менее большая часть этих проблем до сих пор решается

[1] См.: BP Statistical Review of World Energy 2006. Spain. P. 1.

в первую очередь Министерством экономики. В принятом в 2002 г. правительством «10-летнем плане развития энергетики Испании», в частности, предусматривается увеличение в ТЭБ долей природного газа и возобновляемых энергоисточников (гидроэнергоресурсы и др.) в потреблении первичной энергии и стимулирование производства электроэнергии, в первую очередь — расширение сети электропередач и газопроводов.

Последнее десятилетие энергетические компании Испании быстро наращивали свои мощности. По своим чертам крупнейшие из них стали транснациональными корпорациями — ENDESA[1], «Iberdrola» и «Unión Fenosa», а также «Repsol–YPF» имеют филиалы в Латинской Америке и других регионах мира и являются так называемыми компаниями-конгломератами, владеющими предприятиями и в других отраслях хозяйства. Именно с этих компаний была начата приватизация в середине 90-х годов. В ряде отраслей ТЭК Испания даже превзошла нормы и сроки приватизации, установленные ЕС (например, в электроэнергетике), что обеспечило крупные поступления в бюджет страны. Одновременно, опасаясь монополитистических тенденций и опираясь на Закон о либерализации, принятый в июне 2000 г., испанское правительство ограничило мощности ТНК «Repsol–YPF» в нефтяном комплексе, ТНК ENDESA в электроэнергетике, ввело ограничения на деятельность компании ENAGAS в газоснабжении и т. д.[2]

В техническом отношении энергетика Испании все еще отстает от «Большой четверки» (Германии, Великобритании, Франции, Италии) и ряда других стран ЕС, но этот разрыв сокращается. С помощью специалистов «четверки» на новых ТЭС страны внедряются парогазовые установки, дающие прирост мощности электростанций на 20–30% (в этом процессе Испания уже обогнала Россию). В целом в последние годы для энергетики Испании характерны не только значительный рост производства и развития инфраструктуры, но и изменения ее структуры, а также технологической оснащенности и многократное расширение международных связей ТЭК.

Среднегодовые темпы прироста потребления первичной коммерческой (промышленной) энергии в 1993–2005 гг. были достаточно высокими *(см. табл. 5.1)*.

---

[1] Empresa Nacional de Energía Sociedad Anónima.

[2] Подробнее см. далее в разделах, посвященных отраслям ТЭК.

Таблица 5.1

Среднегодовые темпы прироста потребления первичной коммерческой энергии в Испании, 1993–2005 гг. (%)

1993	1995	1997	1999	2001	2002	2003	2004	2005
93,9	100,5	111,7	122,7	133,0	134,7	141,2	145,5	147,4

Источник: BP Statistical review of world energy 2006. Spain. P. 1.

Стимулируемый правительством страны быстрый рост газовой промышленности требует решения многих проблем. Для скорейшего создания газовой инфраструктуры, снижение налогов на газовую промышленность было значительнее, чем на сбыт нефтепродуктов. В настоящее время сеть газопроводов охватила почти всю страну, и это дальнейшее стимулирование уже почти утратило актуальность для государства. В последние годы происходит выравнивание налогов. Такая политика частично характерна и в отношении автотоплива. Проводя политику «дизелизации» автотранспорта, правительство стимулирует производство дизельного топлива в большей мере, чем бензина, однако это временное явление: по мнению ряда испанских экономистов, такая политика является нарушением постулатов свободного рынка.

Быстрый рост экономики Испании привел не только к увеличению потребления энергоносителей, но и к изменениям в структуре нефтегазового сектора. Добыча нефти, занимающей первое место в потреблении первичной коммерческой энергии *(см. табл. 5.2)* началась на территории Испании в 1964 г.[1] С тех пор, несмотря на разведку на суше и шельфе, доказанные запасы и, как следствие, добыча ее незначительны. На январь 2005 г. оценка доказанных запасов нефти составила 21,6 млн т, а нефтедобыча в 2004 г. сократилась до 255 тыс. т (в 1990 г. — 1,4 млн т)[2]. В стране эксплуатируются 7 нефтяных месторождений (Alga, Ayoluengo, Barracuda, Boqueron, Casablanca, Chipiron, Rodaballo), самое крупное из них (Casablanca) расположено на средиземноморском шельфе страны.

Сокращение запасов и добычи нефти объясняется также недостаточностью инвестиций в разведку нефти и газа: 1996–2000 гг. в отрасль было вложено всего 90 млн долл. В результате в настоящее вре-

[1] См.: Tamames R., Rueda A. *Estructura economica de España*. Madrid 2000. P. 304.

[2] Подсчитано по: BP Statistical Review of World Energy 2006. Spain. P. 1.

Таблица 5.2

Структура потребления первичных коммерческих энергоисточников в Испании (млн тонн нефтяного эквивалента)

Нефть	Природный газ	Уголь	Атомная энергия	Гидроэлектро-энергия	Всего 2005 г.
78,8	29,1	21,4	13,0	5,2	147,4
53,5%	19,7%	14,5%	8,8%	3,5%	100,0%

Источник: BP Statistical review of world energy 2006. Spain. P. 1.

мя свыше 99% потребляемой в стране нефти импортируется. Круг экспортеров нефти в Испанию весьма широк: в 2004 г. нефть в Испанию шла из 20 стран мира. Главные экспортеры — Россия — 14,9%, Мексика — 13,0, Ливия — 12,1, Саудовская Аравия — 11,6, Нигерия — 10,5, Ирак — 8,7, Иран — 5,9, Великобритания — 0,7, Венесуэла — 0,7%[1]. Несмотря на рост потребления нефти в абсолютных цифрах, ее доля в потреблении первичной энергии сократилась в 2004 г. до 51,4%, в то время, как доля природного газа в 1997–2004 гг. выросла почти в два раза (с 10,7 до 17,8%), хотя разведанные запасы газа в Испании столь же незначительны, как и запасы нефти.

До 1993 г. нефтяная промышленность Испании контролировалась государством, а затем была приватизирована. Ведущая нефтяная компания страны «Repsol–YPF» уже много лет доминирует в нефтяном секторе[2] *(см. табл. 5.3).* Ее позиции особенно окрепли после погло-

---

[1] См.: Anuario Estadistico de España. Madrid. P. 539.

[2] Акционерами этой компании стали: «Barcelona Pensions and Saving bank», «Bilbao Vezxcaya Argentaria Bank», компании «Pemex», «Repivness S.A.» (по 5–10% каждая), а также различные испанские предприятия, служащие компании и частные владельцы (32,5%), европейские (17,2%) и американские инвесторы (15,9%). Правительству Испании принадлежит одна «золотая акция», имеющая право вето при принятии компанией «стратегических решений». Однако следует отметить, что в июне 2002 г. Европейский суд ужесточил правила использования правительствами стран ЕС «золотых акций» в приватизированных компаниях. Решение суда стало поражением для стран ЕС и победой оппозиционных либералов, которые считают, что право на «золотую акцию» является нарушением свободного передвижения капитала в ЕС. Ведь правительство страны данного союза могло заблокировать поглощение компании иностранным покупателем. Европейский суд ограничил сферу применения правительствами «золотой акции» лишь теми случаями, когда стоит вопрос о национальной безопасности. Однако, на наш взгляд, проблема национальной безопасности может трактоваться достаточно широко.

щения в 1999 г. аргентинской YPF. По своим активам YPF занимала четвертое место в Латинской Америке. Через зарубежные филиалы «Repsol–YPF» контролирует нефтяные месторождения с запасами около 800 млн т и добычу 50 млн т нефти в год. В Испании под ее контролем находится большая часть мощностей нефтеперерабатывающей промышленности и значительная часть распределительной сети — через «Compania Logistica de Hidrocarburos» (CLH).

Однако правительственные антимонопольные меры привели к сокращению доли чрезмерно разросшихся компаний и к уменьшению веса «Repsol–YPF» в нефтяном комплексе Испании с 62,5 до 26,5%[1] в CLH , хотя она и осталась ведущей. В настоящее время акционерами CLH также являются CEPSA (25,1% акций), «Petroleos del Norte S.A.» (13,1%), «DP Oil España S.A.» (7,6%), «Shell España» (5%) и др. Приватизированная CLH по-прежнему контролирует большую часть нефтяной инфраструктуры страны: нефтепроводы, нефтехранилища, танкеры, бензовозы и т. д. Либерализация нефтяного комплекса Испании по закону 2000 г. открыла дорогу в отрасль иностранному капиталу. Наряду с укреплением позиций таких «старожилов» отрасли, как «British Petroleum» и «Shell», активизировались и другие крупные иностранные компании, особенно из Италии и Франции, например, филиал итальянского концерна ENI ТНК «Agip».

В начале 2000-х гг. «Repsol–YPF» имела нефтяные концессии и ряд других соглашений, в том числе на импорт нефти с Алжиром, Ливией, Саудовской Аравией, Мексикой, Россией, Дубаем, Египтом, Габоном, Индонезией, Великобританией, Аргентиной, Венесуэлой, Боливией, Колумбией и Эквадором. С 1999 г. она принимает участие совместно с компанией «Энтерпрайз» в разработке нефтяного месторождения «Байаганинск» в Казахстане и месторождения Курдаши совместно с фирмами «Аджип», «Мицуи», «Трао» и «Сокар» в Азербайджане. Доля участия «Repsol–YPF» в Казахстане — 60%, в Азербайджане — 5%. Большую активность «Repsol–YPF» продолжает проявлять в Латинской Америке.

Компания проявляет также немалый интерес к соседней Португалии. В июне 2004 г. она объявила о подписании соглашения с «Shell» о приобретении ее португальской сети 300 станций автооб служивания и автозаправок, что увеличит долю испанской компании в этой отрасли нефтяного бизнеса соседней страны с 4 до 19%, а также части другой нефтяной инфраструктуры и мощностей по производству асфальта. Интерес к нефтяной отрасли Пор-

---

[1] http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/Spain.html.

Таблица 5.3

Нефтеперерабатывающие заводы Испании

Компания	НПЗ	Мощность тыс. барр./сутки		
		Всего	В том числе	
			Каталитический крекинг	Каталитический риформинг
British Petroleum	Castellon de la Plana	1006,5	22,5	15,3
Compania Espanola de Petroleos S.A. (CEPSA)	Huelva	100,0	18,0	17,0
-"-	Cadiz	210,0	38,0	36,0
-"-	Tenerife	87,0	–	16,0
Petronor	Somor-rosto Vizcaya	220,0	43,2	29,8
Repsol–YPF	Murcia	120,0	–	25,0
1	2	3	4	5
Repsol–YPF	Murcia	120,0	–	25,0
-"-	La Coruna	135,0	28,0	22,0
-"-	Ciudad Real	135,0	30,0	18,0
-"-	Tarragona	180,0	–	16,0
Всего		1293,5	179,7	195,1

Источник: Oil and Gas Journal. Tulsa. 18.12.2000. P. 105.

тугалии проявляет и мощная CEPSA, одна из старейших в стране. В Испании ее позиции сильны в сбыте нефтепродуктов — 25%. CEPSA ведет также разведку и добычу нефти в Колумбии и Алжире и собирается заняться тем же в Йемене и Ираке. Ее деятельность в рамках квоты в 25% нефтяного рынка государства поддерживается правительством Испании.

Страна имеет относительно развитую перерабатывающую промышленность, обеспечивающую большую часть спроса на нефтепродукты *(см. табл. 5.3)*. Почти все испанские предприятия нефтепереработки и нефтехимии находятся неподалеку от портов, через которые импорти-

руется нефть: Бильбао, Ла Корунья, Уэльва, Альхесирас, Эскомбрерас, Картахена, Таррагона. Единственный НПЗ, расположенный вдали от побережья, размещен в Пуэртольяно, к югу от Мадрида, где соединяются в одну нить два магистральных нефтепровода, идущие от Средиземного моря. Основные порты Испании, принимающие нефтетанкеры, это Барселона, Альхесирас, Бильбао, Картахена, Кастельон де ла Плана, Ла Корунья, Хихон, Уэльва, Пальма-де-Майорка и Санта-Крус на острове Тенерифе. Общая протяженность нефтепроводов — 3420 км. Всего в стране девять нефтеперерабатывающих заводов, общей мощностью 1363 тыс. баррелей/сутки (68 млн т в год). Четыре из основных НПЗ принадлежат «Repsol–YPF» и один — самый крупный — ее филиалу, компании «Petronor» (86% акций у «Repsol–YPF»). CEPSA контролирует три НПЗ, один завод принадлежит английской «British Petroleum».

Ведущей статьей импорта нефтепродуктов Испании на рубеже столетий является дизельное топливо: в 2000 г. страна импортировала 7244 тыс. т дизтоплива, 2756 тыс. т мазута, жидкого нефтяного газа (бутан, пропан) — 1224 тыс. т, бензина — 938 тыс. т и т. д. Основным поставщиком нефтепродуктов (преимущественно дизтоплива, а также бензина) является Италия. Значительное место в экспорте дизтоплива и мазута в Испанию занимает Россия. Бутан и пропан импортируется в основном из Алжира, нефтяной кокс — из США. Основными импортерами испанского бензина являются США, мазута — Португалия, дизтоплива — Франция. Транспорт является основным потребителем продукции нефтепереработки в стране (61%), за ним следуют электроэнергетика и промышленность (25%), коммунальное хозяйство и сельхозпроизводители (14%).

Киотский протокол, который подписала Испания, заставил ее прекратить производство вредного для окружающей среды этилированного бензина. Нефтеперерабатывающая промышленность была переключена на производство неэтилированного бензина со специальными присадками. Евросоюз установил для Испании срок модернизации ее НПЗ до 2005 г., что потребовало увеличения капиталовложений в переоснащение отрасли. Стоит вопрос о закрытии ряда старых и маломощных НПЗ, реконструкции в соответствии со стандартами ЕС части автозаправочных станций и нефтехранилищ. Продолжаются усилия властей по созданию стратегического резерва нефти и газа: еще в 1994 г. Декретом 2111/1994 была учреждена CORES — «Corporación de Reservas Estratégicas de Productos Petrolíferos», а четырьмя годами позже был определен минимальный 90-дневный запас нефти и от 30 до 35 дней запасы газа (включая

сжиженный)[1]. Сверхвысокие цены на нефть на мировом рынке, рост автопарка, планы строительства новых ТЭС с установками парогазового цикла и перевод работающих на мазуте электростанций на режим комбинированного цикла «мазут–газ» позволят несколько снизить в ближайшие годы импорт нефти и потребления нефтепродуктов в стране.

Прогнозы развития мировой энергетики говорят об увеличении доли природного газа в ТЭБ Испании в ближайшие 20–30 лет. Кратность запасов природного газа (срок обеспеченности запасами на уровне годовой добычи в мире) в стране выше, чем по нефти. По оценке Министерства экономики Испании, среднегодовой рост спроса на газ в 2003–2010 гг. составит от 9 до 12%, а его потребление возрастет в три раза[2], причем стремление диверсифицировать круг стран-экспортеров открывает возможности для его поставок из России в первую очередь в сжиженном состоянии. Сейчас основным поставщиком сжиженного газа в Испанию является Алжир (48%). Страна импортирует его также из Катара, Нигерии, Норвегии, ОАЭ, Ливии, Тринидада и Тобаго, Омана, Австралии и Брунея.

Конгломерат крупнейших газовых компаний Испании контролируется группой GN («Gas Natural»). Она была образована в 1991 г. после слияния «Catalana de Gas» и «Madrid Gas» и сети по поставке бутана компании «Repsol», а затем почти полностью приватизирована. Перед приватизацией GN уже контролировала почти все сферы рынка газа в стране. Она приобрела акции ENAGAS, отвечавшей за бóльшую часть газовой инфраструктуры, и в результате группа сильно разрослась, хотя ее ядро по-прежнему составляет GN. Однако по закону 2000 г. ни одна из действующих компаний не может контролировать свыше 70% рынка газа в Испании, им же предусмотрена продажа 75% газа, поступающего по газопроводу «Магриб–Европа», по ценам, устанавливаемым правительством Испании, и 25% по рыночной стоимости. Основными акционерами GN являются «Repsol–YPF» (45,3%) и «La Caixa» (26,1%).

Среди электроэнергетических компаний по-прежнему активна в газовом бизнесе «Unión Fenosa». Кроме контрактов с Оманом, она подписала в 2000 г. контракт с «Egyptian General Petroleum Corporation» на закупку СПГ со строящегося египетского терминала в Дамиетте. Относительно долгое время монопольное положение не только в транспортировке, но и в сбыте газа занимал филиал GN компания ENAGAS,

[1] См.: BP Statistical Review of World Energy 2006. Spain. P. 5.

[2] Ibidem.

но когда рынок газа был либерализован, GN сократила долю своего филиала со 100 до 35%.

В Испании быстро растет общая протяженность магистральных газопроводов и распределительной сети. Система газопроводов хорошо развита и весьма сложна. Общая их длина составляет 33 619 км, в том числе: 6645 км высокого давления, 16 017 км среднего давления и 10 957 км низкого давления. Главный из них пересекает страну от южного до северного побережья и имеет несколько ответвлений. Основной газопровод идет из провинции Кадис и, соединившись затем с газопроводом из г. Уэльвы, через Мадрид и другие города Центральной Испании до г. Сан-Себастьян. Западная ветвь этого газопровода пересекает границу Португалии, соединяясь с основным газопроводом этой страны, который проходит вдоль ее западного побережья. На севере Испании португальский газопровод снова соединяется с испанским, проложенным из Кадиса. Тем самым образуется испано-португальское кольцо газопроводов, которые контролируются компанией ENAGAS. Наряду со строительством ЛЭП и взаимных поставок электроэнергии, это кольцо играет особенно большую роль в интеграции энергетики Испании и Португалии[1].

Правительство Испании проводит в энергетике политику маневрирования и создания условий для «здоровой конкурентной борьбы», чтобы не позволить крупнейшим компаниям установить для потребителя монопольно высокие цены на энергоисточники. С этой же целью, хотя это и противоречит принципам свободного рынка, правительство раз в три месяца устанавливает цену на газ для населения, в зависимости от ситуации на рынке и стоимости услуг по транспортировке. Однако этот потолок иногда нарушается газовыми компаниями, в основном в сторону увеличения. Цены на газ для промышленности фиксируются правительством раз в месяц, в зависимости от корзины цен на все энергоисточники. Нерегулируемой пока остается стоимость газа, используемого при производстве электроэнергии.

Доказанные запасы угля в Испании невелики (530 млн т в конце 2005 г.). Добыча в том же году составила 19,5 млн тонн[2]. В целом он посредственного качества: малокалориен, с высокой зольностью и большим содержанием серы. Доля коксующихся углей невелика. Добыча ведется в основном шахтным способом. Толщина пластов мала и составляет от 50 до 60 см при неблагоприятных условиях залегания,

---

[1] Подробнее о размещении газовой инфраструктуры, включая газопроводы, см.: CNE 2003. P. 116.

[2] См.: BP Statistical Review of World Energy 2006. Spain. P. 5.

что затрудняет механизацию добычи. Большая часть запасов приходится на лигнит и суббитуминозный уголь, битуминозный и антрацит. Часть битуминозного угля идет на изготовление кокса для черной металлургии.

При вступлении Испании в ЕС особо стоял вопрос о ее угольной промышленности, которая может функционировать лишь при субсидировании со стороны государства и ЕС. Было решено сохранить субсидирование. В стране несколько небольших месторождений угля в северных провинциях: Астурии, Леоне, а также в Валенсии. В добыче черного лигнита выделяется провинция Теруэль на востоке, а бурого — провинция Ла Корунья на крайнем северо-западе. По одному месторождению есть в Каталонии и на юге страны.

Сейчас 95% добываемого угля используется на ТЭС для производства электроэнергии. Несмотря на кризис угольной промышленности, на базе угля, включая импорт, производится пока более трети[1] электроэнергии в Испании. Большая часть угля добывается частными компаниями. Компания HUNOSA контролируется государственной холдинговой компанией «Sociedad Estatal de Participaciones Industuales» (SEPI). Добываемый наиболее затратным шахтным способом при недостаточной механизации испанский уголь слишком дорог, 80% его добычи обходится в два раза дороже, чем производство у мировых экспортеров угля. Он не конкурентоспособен на свободном рынке.

По предписанию ЕС Испания должна сократить к 2012 г. добычу угля на 65%[2], но до 2008 г. будет сохраняться субсидирование экономически нерентабельных шахт. Испания включена в число трех стран ЕС, которым разрешена добыча угля «в целях экономической безопасности». Субсидии будут получать также наиболее конкурентоспособные испанские шахты, хотя, несмотря на это, положение угольной промышленности Испании продолжает ухудшаться. Причин тому несколько. С одной стороны, электростанции при производстве электроэнергии все чаще отказываются от угля и переходят на газ. С другой, растет импорт более чистого угля из ЮАР, Австралии и США. А самое главное, ужесточение экологического законодательства диктует внедрение новых парогазовых турбин на ТЭС. Однако правительство Испании выступает против резкого свертывания угольной промышленности, опасаясь социальных потрясений — за прошедшее десятилетие число занятых в угольной промышленности сократилось вдвое.

---

[1] Ibid. P. 8.

[2] http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/Spain.html.

Таблица 5.4

Производство электроэнергии в Испании, 1993–2005 гг. (ТВтч)

Производство, ТВтч									
1993	**1995**	**1997**	**1998**	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**
161	169	184	196	225	237	246	264	280	292

Источник: BP Statistical review of world energy 2006. Spain. P. 1.

По производству и потреблению электроэнергии Испания занимает пятое место среди стран ЕС после Германии, Франции, Великобритании и Италии *(см. табл. 5.4)*.

Более половины всей электроэнергии в Испании вырабатывается на ТЭС (52,3%), далее следуют ГЭС (25,2%), АЭС (14,9%) и электростанции на возобновляемых источниках энергии (7,6%)[1].

Быстрый рост спроса на электроэнергию потребовал значительного увеличения мощностей. В начале 2000-х гг. ведущие компании этого сектора сделали значительные капиталовложения в производство и развитие сети по распределению электроэнергии (в основном строительство ЛЭП). Так, крупная государственная компания «Red Eléctrica de España S.A.» (REE), ответственная за строительство и эксплуатацию линий высокого напряжения, в 2001 г. вложила 78,4 млн евро в расширение электросети Испании и заявила о своих планах добавить дополнительно от 60,2 до 72,2 млн евро в усовершенствование электросвязи с Францией. Однако самый крупный проект строительства ЛЭП возник после отключения электричества на Балеарских островах летом 2003 г. Он предусматривает ассигнование 600 млн евро на прокладку подводного электрокабеля из континентальной Испании на Балеарские острова и параллельного ему подводного газопровода для снабжения газом ТЭС островов[2].

Кроме того, ENDESA завершает строительство трех ТЭС с парогазовыми установками комбинированного цикла, в том числе в Уэльве, Барселоне и Таррагоне мощностью 400 МВт каждая. До этого ENDESA завершила строительство очень крупной ТЭС мощностью 8000 МВт в Кадисе. Она является крупнейшей электроэнергетической компанией Испании по числу провинциальных управлений и

[1] См.: BP Statistical Review of World Energy 2006. Spain. P. 1.
[2] См.: El País. 01.07.2003.

участию в зарубежных компаниях и предприятиях. В январе 1998 г. для укрепления позиций на ибероамериканском рынке была образована компания «ENDESA internacional»[1]. В 1999 г. под контроль ENDESA при содействии «ENDESA internacional» перешла чилийская компания «Enersis» и была создана компания «ENDESA Chile». Укрепились позиции ENDESA в «Chilectra», «Endesur», «Costanera» и «El Chocon» (Аргентина), «Cien», «Cerj» и «Coelce» (Бразилия), «Emgesa» и «Codensa» (Колумбия), «Edegel» и «Edeinor» (Перу) и ряде других латиноамериканских компаний.

В ноябре 2001 г. была учреждена компания «ENDESA Europa», включающая и страны Северной Африки. Особенно значительно участие этой компании в Италии через филиал «ENDESA Italia». При содействии «ENDESA Europa» материнская компания участвует в «Tejo Energia» (Португалия)[2], «Snet», «Sopolif», «Powernex» (Франция) — ENDEX (Голландия), «Gielda Energi» (Польша), «Lydec» (Марокко) и др. Активны за рубежами Испании также «Iberdrola» и «Unión Fenosa», хотя последняя планирует построить 5000 мВт новых мощностей в основном в Испании, из которых 2800 мВт на газе.

Вместе с тем, несмотря на укрепление в мире позиций крупнейших испанских электроэнергетических компаний, роль импорта и экспорта электроэнергии в развитии электроэнергетики Испании пока относительно невелика. Объем ее импорта и экспорта за последние 12 лет ни разу не превысил 9 млрд кВтч[3], причем импорт и экспорт были почти равными. Изучение производства, спроса, потребления и внешней торговли электроэнергией за период 1990–2005 гг. позволяет выявить естественную закономерность: импорт превышает экспорт в годы превышения спроса над отечественным производством и, наоборот, излишки произведенной в стране электроэнергии уходят на экспорт.

Интерес к атомной энергетике возник в Испании достаточно давно. Еще в 1949 г. была учреждена Коллегия по атомной энергии (Junta de Energía Nuclear — JEN), которая провела обследование месторождений урановой руды в районе г. Хаэн, Кордова и Саламанка. В дальнейшем запасы оксида урана были оценены в 13 тыс. т. По данным Всемирной Атомной Ассоциации (World Nuclear Association — WNA), производство уранового концентрата в Испании в 2000 г. составило 251 т и было фактически сведено к нулю к 2003 г. В на-

[1] См.: El País. 01.07.2003.
[2] См.: ENDESA. Informe Anual 2002. P. 80.
[3] Ibid. P. 81.

стоящее время в атомной энергетике страны насчитывается девять групп компаний, ведущую роль в которых играют ENDESA, «Iberdrola» и «Unión Fenosa». В последние годы Испания не вводит в строй новые атомные блоки. Она демонтирует отслужившие свой срок реакторы и иногда продлевает сроки эксплуатации действующих. В 2006 г. в стране функционировало восемь энергетических атомных реакторов.

По данным WNA, в 2005 г. АЭС Испании произвели 54,7 млрд кВтч или 19,6% валового производства электроэнергии в стране; в 2004 г. — 60,9 млрд кВтч или 27,8%. Доля атомной электроэнергии в общем объеме вырабатываемой в стране имеет тенденцию к снижению (27,8% в 2000 г., 34,1% в 1995 г.), хотя пока остается выше среднемирового показателя (16% в 2005 г.). Начиная с 2006 г., правительство Испании взяло курс на постепенный отказ от ядерной энергетики. Премьер-министр страны Х.Л. Родригес Сапатеро официально объявил, что Испания присоединяется к тем странам, которые приняли решение отказаться от использования ядерной энергии — Германии, Бельгии и Швеции. По большинству прогнозов, стагнация развития атомной энергетики в Испании и во многих других странах, по всей вероятности, явление временное. В среднесрочной и особенно в долгосрочной перспективе доля атомной энергетики в мировом ТЭБ повысится.

По обеспеченности валовыми гидроэнергоресурсами (292 324 кВт на кв. км)[1] Испания, по оценке Европейской экономической комиссии, занимает срединное положение среди стран континентальной Европы. Наиболее реальный нетто-потенциал Испании оценивается в 16,5 млн кВт. Крупных ГЭС нет из-за отсутствия больших рек со значительными гидроэнергоресурсами и, как правило, на самых крупных из них, построенных в основном в горных и предгорных районах, уже построены каскады с использованием наиболее удобных створов. Большинство ГЭС, включая основные каскады, расположены на северо-западе и на востоке страны. Для развития гидроэнергетики Испании, так же как и для атомной энергетики, в последнее десятилетие характерна стагнация. На долю гидроэлектроэнергии в 2005 г. пришлось 25,2% (73,6 млрд кВтч) всего производства электроэнергии. Большая часть ГЭС контролируется основными электроэнергетическими компаниями страны.

Особое внимание в последние годы уделяется использованию возобновляемых энергоисточников — ветровой и солнечной энергии

[1] См.: Tomames R., Rueda A. Op. cit. P. 315.

с помощью установок нового типа и геотермальных вод, приливов, а из возобновляемых периодически — биомассы и отходов. Они рассматриваются как наиболее реальная альтернатива АЭС. Вырабатываемая ими электроэнергия обходится пока дороже, чем на ГЭС или ТЭС, но за этими экологически чистыми и неисчерпаемыми источниками будущее. Из новых энергоисточников основное внимание в стране уделяется развитию ветровой электроэнергетики, где она добилась немалых достижений. Всего лишь за несколько лет доля ветроэнергетики в Испании достигла свыше 7% всей вырабатываемой электроэнергии. Только в 2005 г. введены в эксплуатацию ветрогенераторы общей мощностью 1680 МВт. Количество энергии, вырабатываемой этими установками, в четыре раза превышает мощность недавно закрытой под Мадридом атомной электростанции «Зорита». По суммарной мощности ветровых энергетических установок (ВЭУ) Испания входит в число четырех ведущих государств мира (ФРГ, Испания, США и Дания), на долю которых приходится свыше половины мощности мирового парка энергетических установок, и занимает второе место в Европе после Германии — 1587 МВт в 2006 г.

Усиление борьбы против загрязнения среды обитания человека работает на ускорение развития ветровой и солнечной энергетики. С конца 2002 г. «Iberdrola» активизировала усилия по увеличению производства электроэнергии на базе возобновляемых энергоисточников за счет стратегического альянса с «Gamesa Energia» — одной из крупнейших в мире компаний по производству ветровых турбин. Уже к концу 2002 г. 80% электроэнергетических мощностей этой компании не давали вредных выбросов. Парки белых высоких столбов, увенчанных турбинами с длинными лопастями для улавливания ветра, разнообразят ландшафты нескольких провинций Испании. Несмотря на достижения в развитии ветровой энергетики, выполнить требования ЕС производить к 2011 г. до 30% электроэнергии на базе возобновляемых источников, достаточно трудно. Да и вокруг слишком форсированного создания парков ВЭУ в последние годы ведутся дискуссии. К тому же отмечается, что Испания, занимающая в Европе первое место по числу солнечных дней в году, вместо ускорения развития солнечной энергетики экспортирует 80% производимых ею солнечных батарей. Однако критики форсированного развития ветроэнергетики не берут в расчет тот факт, что стоимость 1 кВт в солнечной фотоэнергетике в 4–5 раз выше традиционной, что необходимы новые предприятия по производству материалов для солнечных панелей и т. д. С немалыми трудностями связано строительство и эксплуатация «круговых» солнечных электростан-

ций. Тем не менее сторонники развития солнечной энергетики не сдают своих позиций, и в январе 2003 г. они добились полного пуска СЭС около г. Памплона (провинция Наварра), причем ведущую роль в ее строительстве сыграла компания «Energia Hidroelectrica de Navarra» (EHN) — вторая по значению компания Испании в области освоения возобновляемых энергоисточников. Эта солнечная электростанция в Монтес Сиерко (Тудела) является самой крупной в стране[1].

Сотрудничество России с Испанией в области энергетики ограничивается традиционными российскими поставками нефти, нефтепродуктов и в меньшей мере твердого топлива (каменного угля, в том числе антрацита) и производных на угольной основе. Систематические совокупные поставки (нефть и нефтепродукты), осуществляемые на основе возобновляемых соглашений, достигли в 1988 г. своего максимума — 6207 тыс. т. После 1991 г. динамика российского экспорта топлива стала более скачкообразной, но к началу XXI столетия стабилизировалась и даже выросла. В 2002 г. Россия экспортировала в Испанию 5427 тыс. т сырой нефти и нефтепродуктов и 3369 тыс. т твердого топлива. По данным годового сборника «Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации» за 2002 г. стоимость российского экспорта топлива составила 789 240 тыс. долл.[2] (71,8% общей стоимости товарного экспорта России в Испанию).

Нефть и нефтепродукты транспортируются в Испанию танкерами, в основном из южных портов России. Россия заинтересована в расширении экспорта нефти и нефтепродуктов и расширении инфраструктуры для их транспортировки, однако продление российских газо- и нефтепроводов через Германию и Францию в Испанию пока не обсуждается. Так же как и аренда французских трубопроводов для транзита российского топлива на испанскую территорию. Испания не получает из России ни одного вида газа, включая сжиженный пропан и бутан. Это самое узкое место в сотрудничестве наших стран в области энергетики. Поэтому значительный интерес представляет строительство завода по сжижению российского газа на северо-западе

---

[1] См.: El País. 22.01.2003.

[2] Кроме обобщенной структуры экспорта Россией топлива в Испанию (нефть, нефтепродукты и твердое топливо), в данном справочнике приводится более развернутая структура, свидетельствующая об относительном разнообразии вывоза топлива испанской стороне. Так, в экспортируемом угле выделяются антрацит, битуминозный сорт, частично идущий в Испании на производство кокса. В нефтепродуктах выделяются дистилляты с выделением легких дистиллятов и мазута с классификацией по содержанию серы.

России для транспортировки по Балтийскому и Северному морям и Атлантическому океану в порты Испании и другие районы Европы, нуждающиеся в дополнительном газе. Однако «Газпром» и российские власти пока не считают это целесообразным.

В марте 2004 г. министр науки и технологии Испании Педро Моренес посетил Россию и имел беседу с президентом «Российского научного центра — Курчатовский институт» Е. Велиховым. Они пришли к выводу, что у обеих сторон есть серьезные наработки в области атомной энергетики, что может служить основой для развития сотрудничества. Стороны договорились наметить план работ и приступить к его реализации. Опыт России в строительстве энергетических объектов в латиноамериканских странах, прежде всего в Аргентине, Бразилии и Мексике позволяет говорить о том, что наиболее реальным путем сотрудничества наших компаний и банков является их участие в консорциумах совместно с компаниями или банками страны, где строится объект.

Дальнейшее развитие ТЭК Испании тесно связано с перспективами развития мировой энергетики. Несмотря на сверхвысокие цены на импортируемые углеводороды в начале XXI столетия, в Испании сохранились хорошие темпы прироста потребления энергии. Экономический курс страны, разработанный в 90-е годы, позволил энергетическим компаниям установить обширные связи с компаниями ЕС, частично субсидировавшими развитие ряда отраслей ТЭК и со странами Магриба (особенно Алжиром) и Ближнего Востока, ставшими (за исключением Ирака) надежными поставщиками нефти и газа в Испанию. Заметно разрослись энергетические связи с Латинской Америкой.

Правительство Х.М. Аснара (1996–2004) проводило достаточно взвешенную энергетическую политику, которую можно назвать «регулируемой либерализацией», хотя в сочетании этих слов и сути реформ есть известные противоречия. Политика в области энергетики социалистов во главе с Х.Л. Сапатеро, судя по всему, будет мало отличаться от курса предыдущего правительства, который регламентировался постановлениями и рекомендациями ЕС. Изучение тенденций развития энергетики Испании, особенно после ее вступления в 1986 г. в ЕЭС, и в первую очередь исходя из анализа 10-летнего плана до 2010 г., а также долгосрочных контрактов и соглашений в области ТЭК, позволяет сделать вывод о сохранении в ближайшие годы основных направлений развития, хотя и с некоторыми изменениями.

Глава 6. Методы государственного регулирования

Неотъемлемым элементом механизма функционирования современной рыночной экономики является государственное регулирование, которое представляет собой воздействие (прямое и косвенное) государственных органов управления на экономические процессы в обществе для достижения макроэкономической сбалансированности и обеспечения в целом нормального развития экономики. Каковы же основные изменения в методах воздействия государства на экономическое развитие Испании в последней трети XX — начале XXI в., а также важнейшие инструменты государственного регулирования экономики этой европейской страны на современном этапе?

Принятие в 1978 г. новой Конституции, которая послужила мощным стимулом для процессов либерализации, а также вступление в 1986 г. в ЕЭС, повлекшее за собой новый процесс дерегулирования, изменили понимание государством своей роли в хозяйственном развитии страны. А углубление интеграции в рамках ЕС повлекло за собой усиление наднациональных органов в деле выработки мер по регулированию национальных экономик стран-членов. В результате в Испании, которая является одним из наиболее дисциплинированных членов, две трети экономических мер, разрабатываемых правительством, базируются на директивах Союза. Более того, как известно, выработка денежной, внешнеторговой и аграрной политик в рамках ЕС является прерогативой наднациональных органов этой организации.

При франкистском режиме основным инструментом прямого вмешательства государства в экономику страны являлся созданный в 1941 г. Национальный институт промышленности (ИНИ), основная задача которого заключалась в стимулировании импортозамещающей индустриализации. Эта цель достигалась государственными инвестициями в развитие инфраструктуры и созданием государственных предприятий в наиболее капиталоемких отраслях промышленности, малопривлекательных для частной инициативы. В результате в 1973 г. в ИНИ входило 58 промышленных предприятий в электроэнергетике, судостроении, металлургии, угольной промышленности и нефтепереработке. На них приходилось 40% стали, 61 — алюминия, 84 — судов и 15% электроэнергии, производимых в стране.

Кроме того, государство занимало ведущие позиции в добывающей промышленности, производстве цинка, меди и свинца, а также в нефтеперерабатывающей промышленности, производстве бумаги и удобрений[1].

Государство обладало полной монополией в области железнодорожного и воздушного транспорта, а также в сбыте нефтепродуктов и торговле табачными изделиями. В начале 80-х годов на государственных предприятиях работало 550 тыс. человек, что составляло 4,9% всех занятых в национальной экономике, на них приходилось 8% ВВП, и государственные инвестиции составляли 17% валового накопления капитала[2].

Приватизация в Испании, которая рассматривается испанскими экономистами как одно из самых важных экономических явлений последних лет, началась с приходом к власти в 1982 г. ИСРП. Однако сам процесс приватизации был плохо спланирован, шел с «перегибами» и реально начался только в конце 80-х годов, вызванный необходимостью преодолеть убыточность некоторых государственных предприятий и необходимостью рационализации их деятельности. Этот первоначальный этап приватизации — с 1983 по 1996 г. — в испанской экономической литературе получил название «молчаливой» приватизации. За эти годы в стране было приватизировано 67 предприятий с потерей контроля государства и 17 предприятий без такой потери, а доходы государства от приватизации с 1992 по 1995 г. составили 0,41% ВВП[3].

С приходом к власти в 1996 г. правительства НП процесс приватизации получил законодательную базу: 28 июня 1996 г. Совет министров специальным соглашением заложил основы Программы модернизации государственного сектора экономики, что по сути стало Программой приватизации. Этот этап продолжался с 1996 по 2003 г., и основным методом приватизации стала продажа акций приватизируемых предприятий на фондовой бирже, которая принесла государственному бюджету 90% всех доходов от продаж государственных предприятий в рассматриваемый период. Испанские экономисты считают, что тем самым был гарантирован более высокий уровень транспарентности, конкуренции и гласности процесса приватизации, что также способствовало развитию национального финансового рынка[4].

---

[1] См.: Chacón E.M. (dir.), Alonso J.M.G. (coord.). *Economía española*. Barcelona, 2002. P. 101.

[2] См.: García Á.C. *La empresa pública entre 1978 y 2003. De la justificación a la privatización*, Economía industrial, núm. 349–350, 2003. P. 243.

[3] См.: García Á.C. *Empresa pública y privatización*. Papeles de economía española, núm. 100, 2004. P. 148, 158–159.

[4] См.: Gamir L. (coord.). *Política económica de España*. Madrid, 2000. P. 378.

Выделим основные черты приватизации государственных предприятий посредством продажи их акций на фондовой бирже. Во-первых, продавались, за редким исключением, 100% государственных акций приватизируемых предприятий, но государство оставляло за собой право на некоторое время вмешиваться в управление ими с помощью так называемой «золотой акции». Интересно заметить, что и в 2007 г. государство владеет золотой акцией в компании «Telefónica» и до 2006 г. оно имело ее в компании ENDESA. Во-вторых, значительный размер операций, которые осуществлялись на бирже, как основной метод осуществления приватизации. В-третьих, особую важность приобрела широкая покупка акций миноритарными инвесторами. Так, если до июня 1996 г. доля акций, проданных миноритарным инвесторам, составила 48%, то после 1996 г. она возросла до 67%. В результате с 1996 по 1999 г. 57% всего приватизированного имущества было куплено миноритарными инвесторами и частными лицами, что свидетельствует об отсутствии концентрации собственности в результате процесса приватизации[1].

Самые большие доходы государственному бюджету принесла приватизация в 1997–1998 гг. таких предприятий, как электроэнергетической компании ENDESA (17 097 млн евро), нефтяной «Rensol» (6994 млн), телекоммуникационной «Telefónica»(6188 млн), банка «Argentaria» (6363 млн), табачной компании «Tabacalera» (2073 млн) и металлургической «Acelaria» (2227 млн евро). В результате этого государственные доходы от приватизации составили 2,67% ВВП в 1997 г. и 2,63% в 1998 г. Средний же показатель за период 1996–2003 гг. был на уровне 0,83% ВВП[2]. Хотя общее количество предприятий, приватизированных посредством продажи их акций на бирже, составило всего 12, важно подчеркнуть, что это были предприятия, занимающие лидирующие позиции в национальной экономике.

Другим методом приватизации в 1996–2003 гг. явилась продажа акций на публичных торгах, аукционах, а также прямая продажа и слияния. Таким способом было приватизировано 39 предприятий. В целом в рассматриваемый период доходы от приватизации составили 50 385 млн евро.

В результате широкомасштабной приватизации, осуществленной правительством Хосе Марии Аснара, значение государственного сектора в экономике Испании резко упало. Это нашло отражение во

---

[1] Ibid. P. 381–382.

[2] См.: García Á.C. *La empresa pública entre 1978 y 2003. De la justificación a la privatización*. P. 243.

многих показателях. Так, в настоящее время на государственных предприятиях занято лишь около 100 тыс. человек, на них производится менее 1% ВВП, и их доля на фондовом рынке составляет 0,43% стоимости котируемых на нем акций[1]. На конец 2003 г. государственный сектор Испании включал двадцать не имеющих особого значения для экономического развития страны предприятий, в которых государство являлось мажоритарным акционером. Среди них по количеству занятых выделялись кораблестроительное «Izar» (10 900 человек), предприятие, функционирующее в сфере управления инфраструктурой «Tragsa» (10 700 занятых), и добывающее HUNOSA (5400 занятых). Кроме того, в госсектор входило 14 предприятий, в которых государство владело незначительным пакетом акций, и предприятия, полностью принадлежащие государству, которые в силу их специфики трудно приватизировать. К последним относятся, в частности, почтовая служба «Correos», железнодорожная сеть RENFE-FEVE, телекоммуникационное RTVE — общественное радио и телевидение и некоторые другие[2].

Таким образом, к началу нового столетия государство в Испании отказалось от такого важного инструмента регулирования национальной экономики как государственный сектор. Одновременно с этим возрастало значение косвенных методов регулирования, главным из которых является бюджетная система.

Как известно, в промышленно развитых странах бюджетной системе отводится важнейшая роль в ряду инструментов государственного воздействия на экономику. При этом в качестве рычагов такого воздействия используются как налоги, так и расходы государственного бюджета. Особую важность приобретают государственные расходы на различные социальные выплаты, а также на предоставление таких основных общественных благ, как образование и здравоохранение.

Но прежде рассмотрим изменения, которые произошли в структуре государственных доходов в последние годы. Как известно, основными источниками доходов государственного бюджета являются налоги. Налоговая система при франкизме существенно отличалась от налоговых систем европейских стран, что выражалось в крайне низком налоговом бремени испанской экономики и в структуре доходов госбюджета. Так, в 1965 г. налоговое бремя составляло всего 15% ВВП. Несмотря на то что в 1975 г. этот показатель возрос до 22%, он был значительно ниже, чем в среднем по ЕС, где достигал 35,6%. С другой

[1] Ibid. P. 238.
[2] См.: García Á.C. *Empresa pública y privatización*. P. 149, 151.

стороны, в 1975 г. доля прямых налогов в государственных доходах в Испании составляла всего 18,5%, (в ЕС — 33,8%), а доля взносов в фонды социального страхования достигала 46% доходов госбюджета, в то время как в странах ЕС — всего 29,7%[1].

Можно утверждать, что испанская налоговая система была препятствием на пути экономической модернизации страны. Поэтому одной из первых реформ в годы перехода Испании к демократии стала налоговая, явившаяся началом модернизации всей испанской финансовой системы и продолжающаяся по сей день.

Основными направлениями реформы налоговой системы Испании явилось упразднение в 1977 г. прямых налогов и введение подоходного налога с прогрессивной шкалой налогообложения (Impuesto sobre la renta de las personas fisicas) и налога на собственность (Impuesto sobre el patrimonio), а также реформирование налога на прибыль предприятий (Impuesto de sociedades). В 1986 г. были упразднены косвенные налоги, действовавшие до этого момента, и введен налог на добавленную стоимость (Impuesto sobre el valor añadido). В дальнейшем неоднократному изменению подвергались ставки подоходного налога. В результате его максимальная ставка снизилась с 66% в 1980 г. до 45% в 2003 г., а минимальная ставка — с 20% в 1996 г. до 15% в 2003 г.[2] В начале марта 2006 г. Совет министров Испании принял проект Закона о налоговой реформе, в котором предусматривается снижение максимальной ставки подоходного налога до 43%, значительное сокращение налогового бремени для работников с низкими доходами, установление единого налога на банковские сбережения в 18%, а также снижение на 5% в 2007–2011 гг. налога на прибыль и сохранение вычетов из облагаемой прибыли расходов на НИОКР до 2012 г.[3]

Результатом реформирования налоговой системы Испании стало увеличение числа налогоплательщиков в стране с 303 тыс. в 1970 г. до 14 млн человек в начале нынешнего столетия. Однако важной проблемой в Испании остается уклонение от уплаты налогов, о чем свидетельствует высокая доля теневой экономики в ВВП страны, которая в начале века составляла 22,5%[4]. В целях борьбы с ней в марте 2006 г.

---

[1] См.: Delgado J.L.G. (dir). *Economía española de la transición y la democracia, 1973–1986*. Madrid, 1990. P. 257.

[2] См.: Albi E. y otros. *Reforma fiscal y crecimiento económico*. Madrid, 1999. P. 220; García-Vaquero V., De Cos P.H. *La nueva reforma del IRPF. Principales modificaciones y análisis de sus efectos*. Boletín económico, mayo de 2003. P. 31.

[3] См.: El gobierno aprueba el Proyecto de Ley de reforma Fiscal y el Proyecto de Ley de Prevención de Fraude Fiscal // http://www.meh.es.

[4] См.: Chislett W. Op. cit. P. 40–41.

правительство приняло проект Закона о предотвращении подлога в сфере уплаты налогов.

Одновременно наблюдался рост налогового бремени, которое в 2002 г. составило 36,2%, что незначительно ниже среднего показателя для ЕС-15, который достигал 40,5% ВВП. Тем не менее Испания вместе с Ирландией, Великобританией, Португалией и Грецией относится к числу стран ЕС-15, для которых характерно наименьшее налоговое бремя. Что касается структуры доходов госбюджета, то в рассматриваемый период она существенно изменилась и стала сходной с той, которая существует в странах ЕС.

Так, доля прямых налогов в общей сумме доходов госбюджета в Испании возросла до 31,3% в 2002 г., что несколько ниже среднего показателя по ЕС-15, который составлял 33,5%. При этом на подоходный налог приходилось 19,6% всех доходов, а на налог на прибыль — 9,5%, в то время как соответствующие показатели для ЕС-15 составляли 24,5% и 5,9%. С другой стороны, доля косвенных налогов в структуре доходов госбюджета возросла до 33,6%, что практически равно и показателю для ЕС-15. При этом доля налога на добавленную стоимость составила 16,9% (в ЕС-15 — 17,2%). Доля же взносов в фонды социального страхования в 2002 г. упала до 35,2% всех государственных доходов, что значительно приблизило Испанию по уровню этого показателя к другим странам ЕС[1].

Эти статистические данные свидетельствуют о том, что сейчас структура доходов госбюджета Испании значительно более схожа с другими европейскими странами, чем ранее, хотя есть и определенные различия, корнями уходящие в эпоху франкизма. Характерно, что доходы госбюджета Испании в течение последних 15 лет постоянно растут — в 2005 г. они достигли рекордных 14,1%. Этот рост явился результатом, прежде всего, значительного увеличения доходов от налога на прибыль, которые возросли на 24,9%, а также от подоходного налога — рост составил 14,7%, и от налога на добавленную стоимость (12%)[2].

Таким образом, реформирование налоговой системы позволило не только значительно увеличить свои расходы, но и кардинальным образом изменить сам подход к характеру осуществляемых им расходов. Так, доля государственных расходов в ВВП увеличилась с 25% в 1975 г.

---

[1] См.: Structures of the Taxation Systems in the European Union. Data 1995–2002. Eurostat, 2004. P. 239, 241, 243, 251, 253, 255, 259.

[2] См.: Unas finanzas públicas saneadas que nos preparan para el futuro. P. 11–12 (http://www.meh.es).

до 47,2% в 1993 г., хотя в 2002 г. она упала до 38%[1]. В 2005 г. государственные расходы составили 38,2% ВВП[2].

Эти цифры отражают, прежде всего, рост расходов государства на социальные нужды, что является одной из особенностей социально-экономической модели демократической Испании. Она стала одной из последних западноевропейских стран, которая приступила к созданию государства социального благосостояния. По данным Министерства экономики и финансов Испании, в 2005 г. расходы на социальные нужды достигли 50,2% всех государственных расходов. Переводы денежных средств региональным администрациям и автономиям, а также в ЕС составили 20,4% расходов госбюджета, расходы на НИОКР и инфраструктуру — 6,6%, на сельское хозяйство, промышленность и торговлю — 5,3%[3].

Среди расходов на социальные нужды выделяются выплаты пенсий и пособий по безработице, а также на жилье, образование и здравоохранение. Выплаты пенсий составляют основную часть расходов государства на социальные цели: в 2003 г. они достигли 48,7%[4]. С 1970 по 2002 г. их доля в государственных расходах возросла с 14 до 30%[5]. Столь значительный рост вызван двумя основными факторами. Во-первых, это увеличение числа пенсионеров с 4 млн человек в 1978 г. до 7,9 млн человек в 2005 г., то есть в два раза. Во-вторых, это увеличение средней ежемесячной пенсии, которая в 2005 г. составила 681,58 евро[6].

Как известно, в 1995 г. для обеспечения стабильного функционирования системы пенсионного обеспечения парламент Испании принял доклад, подготовленный Бюджетной комиссией, в котором были проанализированы структурные проблемы пенсионной системы страны и предложены меры по ее реформированию. Доклад, известный как Пакт Толедо, положил начало глубокому реформированию всей системы пенсионного обеспечения в Испании. Сейчас она является распределительной и основывается на взносах, которые работники платят в фонд социального обеспечения. Однако важно заметить, что государство выплачивает пенсии и людям, которые никогда не пла-

[1] См.: Chislett W. Op. cit. P. 43.
[2] См.: Unas finanzas públicas saneadas que nos preparan para el futuro. P. 25.
[3] Ibid. P. 26.
[4] См.: España en cifras, 2005. Madrid, 2005. P. 23.
[5] См.: Chacón E.M. (dir.), Alonso J.M.G. (coord.). Op. cit. P. 393.
[6] См.: José A. Herce San Miguel. Las pensiones 25 años antes y 25 años después; ICE, núm. 811, diciembre de 2003. P. 197; Garcia A.M. La protección social en la Unión Europea, un modelo homogéneo? ICE, núm. 820, enero-febrero de 2005. P. 209.

тили этих взносов, так как их доходы были ниже уровня, с которого работники платят такие взносы.

Для получения пенсии необходимо достичь 65-летнего возраста и выплачивать взносы по меньшей мере в течение 15 лет. В этом случае размер пенсии будет составлять 50% так называемой регулируемой базы, которая представляет собой среднемесячную заработную плату в течение последних 15 лет, которая рассчитывается с учетом уровня инфляции. Для получения пенсии, равной 100% регулируемой базы, необходимо платить взносы в течение 35 лет.

В начале каждого года пенсии в Испании индексируются в соответствии с ожидаемым уровнем инфляции.

Если инфляция окажется выше, то выплачивается компенсация. Кроме того, с конца 90-х годов в Испании создаются частные пенсионные фонды. Однако их значение пока невелико. Всю тяжесть расходов на выплату пенсий в стране взяла на себя государственная система пенсионного обеспечения, что явилось одним из важнейших результатов демократических преобразований и создания государства социального благосостояния.

Важно подчеркнуть, что Испания достигла больших успехов в совершенствовании системы пенсионного обеспечения и смогла увеличить свои расходы на эти нужды. Так, если в 1974 г. они составляли 3,3% ВВП, то в 2000 г. возросли до 8,4% ВВП. Тем не менее в Испании этот показатель пока еще ниже, чем средний по ЕС-15, который в 2000 г. равнялся 10,4%. Расходы на выплату пенсий достигли особенно высокого уровня в Австрии (14,5%), Италии (13,8%), Франции (12,1%) и Финляндии (11,3%)[1].

В соответствии с рекомендациями Пакта Толедо в 2000 г. в Испании был создан резервный фонд социального обеспечения, в который направляются средства, получаемые за счет превышения взносов в фонд социального страхования над выплатами из него. Средства из этого фонда могут быть направлены на выплату пенсий в условиях дефицита системы пенсионного обеспечения, и для этого осенью 2003 г. был принят закон, регулирующий его функционирование. На конец 2005 г. в фонде скопилось 27 млн евро, а к концу 2006 г. он должен был возрасти до 34,9 млн евро, что равняется сумме пенсий за 6,7 месяцев[2].

Создание резервного фонда имеет большое значение для гарантирования стабильной выплаты пенсий при нынешней неблагоприятной демографической ситуации: по прогнозам испанских экономис-

---

[1] См.: García Á.M. Op. cit. P. 198.

[2] Ibid. P. 29.

тов доля населения старше 65 лет возрастет с 24,6% в 2004 г. до 65,7% в 2050 г. Старение населения, безусловно, ведет к увеличению расходов на выплату пенсий. По прогнозам, содержащимся в Программе стабильности на 2005–2008 гг., общие расходы на выплату пенсий в стране возрастут с 8,7% ВВП в 2005 г. до 15,7% в 2050 г.[1]

Другой важной статьей государственных расходов являются выплаты по безработице, которые достигли своего максимума 3,5% ВВП в 1993 г., когда она поднялась почти до 25% экономически активного населения[2]. Реализуя политику стимулирования занятости, правительство значительно сократило уровень безработицы, которая в 2005 г. составила 9,3%. В результате государство смогло снизить и расходы на выплату пособий. В 2001 г. они составили 1,2% ВВП[3]. Тем не менее, принимая во внимание, что в Испании постоянно увеличивается приток иммигрантов, которых в 2004 г. было свыше 3 млн человек, что составило 7% населения страны[4], можно предположить, что уровень безработицы в стране будет возрастать. Соответственно, государство будет вынуждено увеличивать свои расходы по поддержанию лиц, потерявших работу.

Кроме того, за годы демократических преобразований государство значительно увеличило расходы на развитие образования и здравоохранения. Это позволило перейти в Испании к обязательному бесплатному 10-летнему среднему образованию, снизить уровень неграмотности населения с 9% в 1975 г. до 2,4% в 2002 г., а также качественно улучшить государственную систему здравоохранения, к которой в настоящее время имеет бесплатный доступ практически все население страны.

Принятие в 1978 г. новой Конституции положило начало процессу децентрализации сначала государственных расходов, а позже и доходов. Что касается государственных расходов, то реально передача компетенций с центрального уровня на региональный была начата в 1984 г., когда автономные сообщества приняли свои статуты. Результатом этого процесса явилось уменьшение доли центрального правительства в общих государственных расходах с 53% в 1982 г. до 19,7% в 2004 г. Одновременно с этим доля правительств автономий и местных органов власти возросла с 14,5 до 49%. На расходы систе-

---

[1] См.: Actualización del Programa de Estabilidad, 2005–2008. P. 35–36.

[2] См.: Serrano J.F.J. y Masagué A.C.O. *Veinticinco años de mercado de trabajo en España*, Economía industrial, núm. 349–350, 2003. P. 103, 106.

[3] См.: Delgado J.L.G. (dir.). Myro R. y Martínez Serrano J.A. (coord.). *Lecciones de economía española*. Madrid, 2004. P. 386.

[4] См.: De Miguel C. *Inmigración, demografía y mercado laboral*, Economistas, núm. 104 extra, marzo de 2005. P. 207.

мы социального обеспечения приходилось 32,5% в 1982 г. и 31,3% в 2004 г.[1]

За последние десятилетия в Испании произошли кардинальные изменения в механизме государственного регулирования экономики. Это выразилось в резком снижении прямого вмешательства государства в экономическое развитие страны после широкомасштабной приватизации государственных предприятий, а также в усилении роли такого важного инструмента косвенного воздействия государства на хозяйственную деятельность, как бюджетная система. Рост бюджетных расходов на социальные нужды позволяет говорить о существенных успехах страны в создании государства социального благосостояния, хотя в начале XXI в. она все еще направляла в эту сферу меньше средств, чем другие страны ЕС, — 20% ВВП против 27,5% в ЕС[2].

Обратимся теперь к области чисто финансового регулирования. Маастрихтский договор 1992 г., одной из важнейших целей которого было создание Экономического и валютного союза (ЭВС), предусматривал выполнение странами пяти так называемых критериев конвергенции. Из них выделим два требования: дефицит государственного бюджета вступающих в ЭВС стран может составлять не более 3%, а накопленный государственный долг не должен превышать 60% ВВП.

Соблюдение Испанией этих критериев благоприятно отразилось на состоянии ее государственных финансов. Для достижения указанных целей был принят ряд законов, которые способствовали их оздоровлению. Так, важным явился Закон о мерах по бюджетной дисциплине, принятый в 1996 г., который поставил заслон внесению изменений в госбюджет. Закон бюджетной стабильности от 2001 г. преследовал цель обеспечить годовое равновесие доходов и расходов госбюджета. Механизм функционирования этого инструмента следующий.

1. Бюджеты, представляемые всеми уровнями власти, должны сводиться с профицитом или, в крайнем случае, их расходы не должны превышать доходы.
2. Закон разрешает одобрение дефицита бюджета только в чрезвычайных ситуациях. Возникновение дефицита должно быть оправдано и исправлено в среднесрочной перспективе.
3. Исполнение бюджета находится под контролем закона, предусматриваются строгие нормативы для одобрения бюджетных

[1] См.: Ordónez M.A.F. Estabilidad presupuestaria y calidad del gasto público, ICE, núm. 826, noviembre de 2005. P. 353.

[2] См.: España en cifras, 2005. P. 23.

отклонений. Превышение расходов над доходами будет финансироваться за счет кредитов или за счет средств фонда чрезвычайных ситуаций, величина которого равна 2% государственных расходов, предусмотренных в госбюджете.
4. Совет по фискальной и финансовой политике призван осуществлять контроль за бюджетной политикой. Он координирует бюджетную политику центральной администрации и администрации автономных сообществ.

Добиваясь укрепления бюджетной стабильности, которая становится необходимым условием для перехода испанской экономики к модели поддерживаемого экономического роста и повышения благосостояния населения, в июле 2005 г. Совет министров Испании принял ряд основополагающих законов. Благодаря им удалось сократить дефицит госбюджета с 6,6% в 1995 г. до 0,3% в 2004 г.[1] В 2005 г. впервые в новейшей истории Испании был достигнут профицит госбюджета в размере 1,1% ВВП. Испания вместе с Финляндией являются в настоящее время единственными странами Еврозоны с положительным сальдо госбюджета[2].

Эта эволюция — от государственного долга до профицита — является результатом действий испанского правительства по оздоровлению государственных финансов. Сравним: в 1996 г. государственный долг равнялся почти 70% ВВП, в 2004 г. — 48,9%[3], в 2005 г. — 43,4%, в то время как в Еврозоне он составлял 72% ВВП[4].

Оздоровление государственных финансов позволило достичь макроэкономической стабильности в стране и стимулировало экономический рост, начавшийся в середине 90-х годов прошлого века и продолжающийся по настоящий момент.

Испания переживает в последнее десятилетие самый продолжительный экономический подъем в ее истории — более 3,5% в среднем в год. Испанские экономисты подчеркивает прямую связь между стабильностью госбюджета и экономическим ростом, что позволило стране продвинуться на пути экономической конвергенции со странами Евросоюза. Статистические данные Евростата подтверждают эти выводы.

---

[1] См.: Rico R.M. La institución presupuestaria española: del pacto de estabilidad a las reglas de estabilidad presupuestaria, ICE, núm. 826, noviembre de 2005. P. 363.

[2] См.: Las administraciones públicas cerraron 2005 con superavit por primera vez en la democracia // http://www.meh.es.

[3] См.:Rico R.M. Op. cit. P. 363–364.

[4] См.: Unas finanzas públicas saneadas que nos preparan para el futuro. P. 16, 20.

Скажем, показатель ВВП на душу населения в Испании возрос с 78% среднего показателя для ЕС-15 в 1995 г. до 90% в 2004 г. Экономический рост, в свою очередь, стимулировал увеличение занятости и сокращение безработицы. Количество занятых в испанской экономике возросло с 12,5 млн человек в 1995 г. до 18,5 млн человек в начале 2005 г., а уровень безработицы понизился с 23 до 10%[1]. В 2005 г. в Испании был зарегистрирован самый низкий за последние 26 лет уровень безработицы, а самих безработных впервые оказалось меньше 2 млн человек.

В условиях глобализации и усиления конкуренции со стороны новых членов ЕС, правительство ИСРП в 2004 г. поставило задачу перехода к новой модели экономического роста, основанной на увеличении производительности труда. Это было вызвано потерей конкурентоспособности испанской экономики, увеличением дефицита торгового баланса, который в 2004 г. достиг 7% ВВП, и угрозой перемещения многих производств из Испании в более привлекательные для иностранных инвесторов страны, в которых издержки производства ниже благодаря более низкой заработной плате. Для повышения конкурентоспособности Программа стабильности на 2005–2008 гг. предусматривает значительное увеличение государственных расходов на НИОКР, на развитие инфраструктуры и образования, то есть инвестиции в человека.

К примеру, расходы на НИОКР к 2010 г. увеличиваются до 2% ВВП (в настоящее время они составляют чуть более 1%). При этом доля частного сектора в их финансировании должна превысить 50%. А рост расходов государства на НИОКР в 2005–2009 гг. ежегодно в среднем должен составить не менее 25%, причем в 2006 г. — сразу 30,9%[2]. Это вызвано тем, что в Испании расходы на НИОКР значительно ниже, чем в других промышленно развитых странах, что является одной из важнейших причин более низкой конкурентоспособности испанской экономики.

Государственные расходы на развитие инфраструктуры жизненно необходимы для модернизации национальной экономики, и они должны способствовать более эффективному функционированию рынков. На 2006 г. предусмотрено их увеличение на 13,3%. С другой стороны, государство значительно увеличило свои инвестиции в человеческий фактор и, прежде всего, в образование — в 2006 г. на 19,3%[3].

---

[1] См.: Rico R.M. Op. cit. P. 359.
[2] См.: Actualización del Programa de Estabilidad. 2005–2008. P. 30.
[3] См.: Unas finanzas públicas saneadas que nos preparan para el futuro. P. 27.

Это включает увеличение количества стипендий и расходов на профессиональную подготовку. Для сравнения: в начале 2000 г. государственные затраты на развитие образования в Испании равнялись 4,4% ВВП, а средний показатель по ЕС составлял 5,1%. Среднее количество лет обучения для трудоспособного населения в Испании в 2002 г. составило 10,3 года и 12 лет для ЕС-15[1].

Строительство государства социального благосостояния стимулировало усилия властей на сглаживание территориальных различий в уровнях экономического развития регионов и на устранение социально-экономического неравенства между ними. Здесь особую роль играют специально созданные фонды, финансируемые из бюджета, а также фискальная политика государства, выражающаяся в применении прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц. Использование государством этих инструментов ведет к перераспределению национального дохода между богатыми и бедными регионами и к уменьшению различий в уровне их экономического развития.

Региональная политика в Испании обрела свои нынешние очертания с принятием демократической конституции и со вступлением в ЕЭС. Раздел 8 ст. 2 Конституции подчеркивает принцип солидарности между различными автономными сообществами, так как уровень их экономического развития был весьма различен. Так, в Стране басков показатель ВВП на душу населения составлял 135,7% среднего показателя по стране, а в Эстремадуре, наименее развитом регионе Испании, всего 58,7%[2].

Основными инструментами осуществления региональной политики в настоящее время являются Межрегиональный компенсационный фонд, Система региональных экономических стимулов, а также структурные фонды ЕС — Европейский фонд регионального развития, Социальный европейский фонд, Европейский фонд ориентации и аграрной гарантии и Фонд единства. Главной задачей всех этих фондов является содействие развитию и структурной реорганизации экономики наименее развитых регионов Испании, в которых ВВП на душу населения ниже 75% среднего показателя по ЕС.

Система региональных экономических стимулов создана в 1985 г. как дополнение к Межрегиональному компенсационному фонду и осуществляет инвестиции в производственную деятельность регионов, испытывающих особые трудности, для чего условно страну

---

[1] См.: Pérez F. y Serrano L. *Capital humano y competitividad*. España ante la ampliación de la UE, Economistas, núm. 104 extra, marzo de 2005. P. 215.

[2] См.: Delgado J.L.G. (dir.). Myro R. y Martínez Serrano J.A. (coord.). Op. cit. P. 445.

разделили на четыре зоны: зоны экономического ускорения — это наиболее отсталые регионы; зоны промышленного спада; особые зоны и остальная часть территории страны. Со временем оказалось, что значение этого инструмента региональной политики падает. Среди европейских структурных фондов, средства которых направляются на выравнивание территориальных диспропорций в Испании и в ЕС, особую роль играет Европейский фонд регионального развития, созданный в 1975 г. Он финансирует различные проекты развития промышленности и инфраструктуры, стимулируя экономический потенциал регионов. В 1989–1999 гг. Испания получила 25% всех средств фонда, почти целиком инвестированных в развитие десяти наименее развитых автономных сообществ — Андалусии, Галисии, Кастилья-и-Леон и других[1].

Испания была одним из основных получателей средств из Фонда единства, направлявшихся на развитие транспортной инфраструктуры и охрану окружающей среды, поскольку ВВП на душу населения в стране был меньше аналогичного показателя для ЕС-15.

Продуманная региональная политика властей в сочетании с денежным потоком из европейских структурных фондов позволили сократить диспропорции в уровне экономического развития различных регионов страны и добиться роста ВВП на душу населения с 71% в 1980 г. до 82% в 2000 г. Тем не менее в 2000 г. в Испании было только три региона — Мадрид, Наварра и Страна басков, в которых показатель ВВП на душу населения превышал средний по ЕС, в остальных же он был значительно ниже. Наиболее отсталыми автономными сообществами в Испании продолжают оставаться Эстремадура (53% среднего показателя по ЕС), Андалусия (61%), Галисия (65%), Кастилья-Ла-Манча (67%), Мурсия (69%) и Астуриас (71%)[2].

В 2000–2006 гг. Испания продолжила получать очень значительные суммы из различных фондов ЕС, предназначенных для стимулирования развития и структурной перестройки наименее развитых своих регионов, их экономической и социальной реконверсии и для подготовки человеческих ресурсов. Бюджет ЕС предусматривает выделение 211,9 млн евро на финансирование всех своих структурных фондов, самым крупным — 56,2 млн евро (26,5%) получателем из которых будет Испания[3]. Цель этих финансовых инъекций все та же: выравнивание территориальных диспропорций в ЕС. К этому следует также

---

[1] См.: Gamír L. (coord.). Op. cit. P. 706, 709.

[2] См.: Delgado J.L.G. (dir.). Myro R., Martínez Serrano A.M. (coord.). Op. cit. P. 446–447.

[3] См.: Chislett W. Op. cit. P. 76.

добавить ассигнования из бюджета самой Испании, что, по расчетам Европейской комиссии, позволило стране в 2006 г. достичь 3,8% роста ВВП[1]. Вместе с тем в последующие годы Испания будет получать из европейских структурных фондов значительно меньше средств, и воспользоваться ими смогут лишь три самых отсталых автономных сообщества — Эстремадура, Андалусия и Галисия.

Вывод очевиден: за последние десятилетия главная роль в механизме государственного регулирования экономики Испании принадлежит бюджетной системе. Коррелируясь с политикой наднациональных органов ЕС, она оказывала все возрастающее влияние на экономическое развитие Испании.

Глава 7. На пути к информационному обществу

В последние годы в Испании заметны сдвиги в развитии информационного общества, которое характеризуется увеличением роли информации и знаний и развитием экономики, основанной на знаниях[2], а также формированием киберпространства, обеспечивающего взаимодействие граждан и общественных институтов и их доступ к информационным ресурсам и услугам и т. д. Для стимулирования этих процессов власти регулярно принимают соответствующие программы, последняя из которых — План развития информационного общества и конвергенции с Европой на 2006–2009 гг. Практически все автономные области имеют свои программы в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), а некоторые (Арагон, Галисия и Мадрид) включили их в общие программы экономического и научно-технического развития. Вместе с тем эти процессы сталкиваются с различными проблемами, которые порождены недостаточной зрелостью условий и наличием барьеров на пути массового использования ИКТ в жизни общества.

---

[1] См.: The Economic Impact of Objective 1 Interventions for the Period 2000–2006. Final Report to the Directorate-General for Regional Policies. European Commission, May, 2002. P. 105.

[2] См.: Экономика, в которой большая часть валового внутреннего продукта (ВВП) обеспечивается деятельностью по производству, обработке, хранению и распространению информации и знаний.

При этом в Испании непрерывно растет ежегодное финансирование сферы НИОКР — главного фактора информационного развития общества — 13% в 1997–2003 гг., что вывело страну на второе место в ЕС после Люксембурга[1]. В регионах наибольшими объемами инвестиций, направляемых в этот сектор, выделяются Каталония, Мадрид и Страна басков, относящиеся к числу наиболее продвинутых в информационном развитии территорий. Однако в целом уровень финансирования сферы НИОКР в Испании — один из самых низких среди развитых государств, отражающий ее традиционное отставание в экономическом развитии от большинства стран ЕС-15. Это сказывается на общем состоянии сферы НИОКР, проявляющемся в конкретных показателях *(см. табл. 7.1)*.

Следует подчеркнуть, что динамичному росту инвестиций в сферу НИОКР сопутствовало увеличение численности исследователей, являющихся не только одной из наиболее информационно активных групп населения, но и транслятором инноваций в общество. По среднегодовым темпам роста числа ученых, составлявшим в 1997–2003 гг. 7,5%, Испания лидирует в ЕС-15[2]. Однако по числу исследователей на 1000 занятых отставание от большинства стран Союза пока еще не преодолено. Существенно и то, что исследователи сосредоточены, главным образом, в системе высшего образования, как в Португалии и Греции, и в гораздо меньшей степени заняты в предпринимательском секторе экономики. О недостаточном уровне развития сферы НИОКР говорит и ее отставание по таким показателям, как число научных публикаций и поданных патентных заявок, доля продукции высокотехнологичных отраслей в экспорте и уровень экспортно-импортного покрытия внешней торговли этой продукцией (составляющий около 50%), баланс платежей за технологии, отрицательное сальдо которого достигало 835 млн долл. в 2002 г.[3], и т. п. Наличием «слабых звеньев» в развитии сферы НИОКР обусловлен меньший потенциал инновационного развития испанского общества по сравнению с большинством соседей по континенту.

Развитие информационного общества и распространение ИКТ предъявляют новые требования к качественным характеристикам трудовых ресурсов — прежде всего, это уровень образования населения и его умение пользоваться ИКТ. От состояния человеческого капитала,

---

[1] См.: Key Figures 2003–2004. Towards a European Research Area. Science, Technology and Innovation // www.cordis.lu.

[2] См.: Key Figures 2005. Towards a European Research Area. Science, Technology and Innovation // www.cordis.lu.

[3] См.: OECD in Figures. Paris, 2004 // www.oecd.org; Key Figures 2003–2004. Towards a European Research Area. Science, Technology and Innovation // www.cordis.lu.

Таблица 7.1

Основные показатели состояния сферы НИОКР (2003)

	Националь-ные расходы на НИОКР (% ВВП)	**Число иссле-дователей на 1000 занятых (человек)**	**Число науч-ных статей* на миллион жителей (единиц)**	**Число патен-тов, выданных Европейским бюро патентов (единиц)**	**Доля на-укоемкой продукции в экспорте промышлен-ных товаров (%)**
США	2,59	9,0	809	51,8	28,5
Дания	2,62	8,6	1457	92,6	16,0
Финляндия	3,49	16,2	1397	133,1	21,3
Германия	2,51	6,3	772	162,8	14,7
Италия	1,16	2,8	611	34,9	8,6
Нидерланды	1,80	5,1	1177	106,9	23,5
Испания	1,05	4,9	588	41,3	9,3
Япония	3,15	10,1	569	80,7	26,5
Швеция	4,27	10,1	1642	171,7	17,8
Велико-британия	1,89	5,5	1086	44,3	24,3
Португалия	0,79	3,6	406	2,9	11,6
Греция	0,61	3,8	525	2,5	9,8
ЕС-15	1,93	3,5	639	77	19,7

* Число научных статей, включенных в базу данных цитат-индекса (SCI) Института научной информации (ISI).

Составлено и рассчитано по: Key Figures 2005. Towards a European Research Area. Science, Technology and Innovation // www.cordis.lu; EPO Annual report, 2003 // www.european-patent-office.org; OECD in Figures. Paris, 2004 //www.oecd.org.

в свою очередь, существенно зависит динамичность и эффективность электронного развития страны. Хотя по доле совокупных расходов на образование в ВВП Испания отстает от большинства западноевропейских стран, масштабы финансирования высшей школы, включая аспирантуру[1], достигали в 2002 г. 1,1% ВВП и соответствовали средне-

[1] Согласно Международной стандартной классификации образования, образование третьей ступени по теоретическим программам 5А и 6А.

му уровню Евросоюза[1]. При этом в стране отмечались высокие темпы роста ассигнований в расчете на одного студента, обучающегося в государственных учебных заведениях третьей ступени.

По масштабам подготовки высококвалифицированных кадров, что позволяет судить о развитости и доступности системы высшей школы и во многом определяет перспективы информационного общества, Испания занимает более высокие позиции, чем многие западноевропейские страны. Число студентов третьей ступени образования, обучающихся по теоретическим программам, на 1000 жителей достигало в 2003 г. в Испании 37 человек. Для сравнения: в Финляндии этот показатель составлял 52 человека, в США — 43, Швеции — 42, Норвегии — 44, Германии и Японии — 23, Бельгии — 17, Греции — 0[2]. Тот факт, что Испания занимает в Европе четвертое место по числу иностранных студентов (после Великобритании, Германии и Франции), свидетельствует и о качестве образования.

Достаточно развитой системой высшего образования объясняется и наличие в стране существенного контингента высококвалифицированных специалистов, необходимых в условиях информационного развития. По данным ОЭСР, в 2002 г. доля лиц, имеющих степени бакалавра и выше (или их эквиваленты), среди населения в возрасте 25–64 лет составляла в Испании 17%, что превышало средние показатели по развитым странам. Так, в США он достигал 29%, в Норвегии — 28, Нидерландах — 22, Германии и Греции — 13, а в Австрии и Португалии — всего 7%[3]. По данным Программы развития ООН за 2004 г., индекс образования[4] составлял в Испании 0,97, лишь немного уступая максимальному значению этого показателя (0,99) в Швеции, Финляндии, Великобритании и некоторых других странах[5].

Для электронного развития страны также важны численность студентов и специалистов в сфере ИКТ. Страна наращивает выпуск таких профессионалов, и целый ряд университетов, в частности, в Астурии, Каталонии, на Балеарских и Канарских островах, стал специализироваться на их подготовке. В результате Испания сейчас занимает срединные позиции в ЕС по доле ИТ-специалистов среди выпускников учебных заведений третьей ступени образования, по-прежнему, одна-

[1] См.: Education at a Glance. Paris., OECD, 2004 // www.oecd.org.

[2] См.: Eurostat NewCronos // www.europa.eu.int.

[3] См.: Education at a Glance. Paris, OECD, 2004 // www.oecd.org.

[4] Индекс образования рассчитывается на основе показателей уровня грамотности взрослого населения и доли поступивших в учебные заведения всех уровней среди населения 6–23 лет.

[5] См.: Human Development Report 2004. UNDP, 2004 // www.undp.org.

ко, далеко отставая от его лидеров. В 2002 г. этот показатель составлял 3,2% среди выпускников университетов и 12,7% среди выпускников колледжей[1].

Как отмечается в докладе «Электронная Испания 2002» (eEspaña 2002), подготовленном Фондом Ауна (Fundacion Auna), в стране ощущается острая нехватка специалистов в сфере ИКТ — примерно 60–80 тыс. человек[2]. Около 11% предприятий, искавших в 2003 г. ИКТ-специалистов, сталкивались с проблемами их найма[3]. Более позднее проникновение информационных технологий в Испанию, чем в развитые страны, проявляется в том, что по доле специалистов с образованием третьей ступени (средним профессиональным и высшим образованием) в сфере ИКТ в структуре занятого населения (1,4%) она находится среди отстающих западных государств[4]. Если сложившееся положение кардинально не изменится в ближайшие годы, недостаток подобных специалистов и ограниченные масштабы их подготовки будут сдерживать динамику электронного развития страны.

Меньшая доля интернет-пользователей среди населения Испании по сравнению с большинством развитых стран во многом объясняется недостаточно высокой цифровой грамотностью населения. Индекс информационной грамотности взрослого населения составлял в 2002 г. в Испании всего 0,7 балла (при интервале значений от 0 до 3), демонстрируя некоторое отставание от среднего значения ЕС (0,83), однако уровень такой грамотности среди молодежи, являющейся наиболее активным пользователем ИКТ, уже соответствовал среднему показателю Евросоюза (1,49)[5].

Отсутствие необходимых навыков в сфере ИКТ сдерживает процесс автоматизации рабочих мест. Лишь на предприятиях с числом занятых 10 и более человек применение ИКТ стало сравнительно массовым и соответствует среднему уровню ЕС: в 2004 г. 43% персонала таких предприятий использовали на работе персональные компьютеры (ПК) и 29% — Интернет[6]. При этом среди работников наблюдается растущее осознание значимости владения навыками ИКТ, их роли

---

[1] См.: Education at a Glance. Paris, OECD, 2004 // www.oecd.org.

[2] www.fundacionauna.org.

[3] См.: The European e-Business Report 2003. A Portrait of e-business in 15 Sectors of the EU Economy. 2nd Synthesis Report of the e-Business W@tch. 2003 // www.ebusiness-watch.org.

[4] См.: STI Scoreboard 2003 // www.oecd.org.

[5] См.: Benchmarking Education in the Information Society in Europe and the US. 2003 // www.sibis-eu.org.

[6] См.: Eurostat Newcronos // www.europa.eu.int.

в трудовой деятельности, в частности, в профессиональном росте, а также в поисках работы в случае безработицы[1].

Отмечая недостаточный уровень владения навыками ИКТ среди персонала, руководители испанских предприятий, тем не менее, не склонны брать на себя большие расходы по его обучению — организации бесплатных курсов по месту работы, оплате рабочего времени и учебы в других организациях. Средства для этого выделяет лишь половина предприятий страны, тогда как в большинстве западноевропейских стран — членов ЕС их свыше 60%[2]. Возможно, потому телетруд — работа, выполняемая вне предприятия с доступом к его ИТ-системам — пока не получил широкого распространения в Испании. В 2002 г. лишь 2,3% занятых были охвачены телеработой дома. В ЕС в среднем доля такого персонала — 7,4% занятого населения, хотя очевидно, что телетруд особенно актуален для малых городов, где меньшие возможности трудоустройства. Однако и в крупных городах он выполняет социально значимую роль: более гибкий режим труда, условия для работы лицам с ограниченными возможностями, экономия непроизводительных затрат времени, разгрузка транспортной инфраструктуры и т. п.

Развитие человеческого капитала отличается большой неравномерностью как по регионам и социальным группам, так и по отдельным его параметрам. При относительно высоком уровне образования населения отмечается недостаток его навыков в использовании ИКТ, а также нехватка специалистов в этой сфере, что ограничивает потенциал человеческого капитала в продвижении информационного общества.

Одной из важнейших технических предпосылок его развития является состояние информационно-коммуникационной инфраструктуры, под которой понимается совокупность компьютерной техники, информационных систем, линий связи, сетей и каналов передачи данных и т. д. Уровень развития ИКТ-инфраструктуры характеризуется комплексом показателей: проникновением стационарной телефонной и мобильной сотовой связи, кабельного телевидения *(см. табл. 7.2)*. Данные на 2003 г.

---

[1] Об этом, в частности, свидетельствуют результаты опроса населения, проведенного в 2003 г. в рамках европейского проекта BISER (Benchmarking the Information Society: e-Europe Indicators for European Regions). См.: Education, Training and Skills in the Information Society — the Regional Dimension, 2004 // www.biser-eu.com.

[2] См.: The European e-Business Report 2003. A portrait of E-business in 15 Sectors of the EU Economy. 2nd Synthesis Report of the e-Business W@tch 2003 // www.ebusiness-watch.org.

Таблица 7.2

Развитие ИКТ — инфраструктуры (2003)

	Телефонная плотность (количество основных телефонных линий на 100 жителей)	**Проникновение мобильной сотовой связи (количество подключений на 100 жителей)**	**Количество персональных компьютеров на 1000 жителей**	**Число абонентов кабельного телевидения на 1000 жителей**
Греция	45,4	78	81,7	0
Португалия	41,4	90,4	135	128,2
Испания	42,9	91,6	196	24,3
Италия	48,4	101,8	231	1,4
Германия	65,9	78,4	413,3	250,8
Швеция	73,5	88,9	621,3	246
Дания	66,9	88,7	576,8	236,7
Швейцария	74,4	84,3	708,7	376,2
Великобритания	59,1	84,1	406	57,2
США	62,1	54,3	658,9	255
Япония	55,8	68	382,2	43,6

Источники: International Telecommunication Union, 2004 // www.itu.org; World Development Indicators, 2005 // www.worldbank.org.

Как видим, по большинству основных характеристик ИКТ-инфраструктуры Испания пока не дотягивает до среднего уровня ЕС-15 и с огромным отрывом отстает от европейских лидеров, США и Японии. Сдерживающую роль в развитии ИКТ играет экономическое отставание от наиболее богатых европейских стран (по показателям ВВП на душу населения, доле инвестиций в основной капитал в ВВП, доле продуктов питания в структуре потребительских расходов населения и т. п.), сказывающееся в меньших расходах на ИКТ — 3,2% и в особенности на ИТ — всего 1,5% от ВВП в 2004 г.[1] Согласно данным доклада eEspaña 2002, расходы на ИКТ составляют лишь 0,5% оборота предприятий[2].

[1] См.: Eurostat Newcronos // www.europa.eu.int.

[2] См.: www.fundacionauna.org.

Сдерживающим фактором является и отсутствие современного информационного законодательства, например, жесткие правила регистрации доменов первого уровня .es, а также более позднее вступление на путь информатизации общества, определяющее для Испании, равно как и для Италии, Греции и Португалии, модель догоняющего электронного развития. Занимая отстающие позиции по целому ряду показателей, Испания находится среди лидеров по уровню использования новейших коммуникационных средств, не требующих солидных капиталовложений, в частности мобильной связи, получившей практически повсеместное распространение среди молодежи.

Хотя процессами информатизации охвачены, главным образом, крупные индустриальные центры, а информационное общество — феномен пока чисто городской, наблюдается постепенное их развертывание и в регионах. Согласно данным доклада Фонда Ауна eEspaña 2004, наиболее развиты в этом отношении Мадрид, Каталония, Страна басков и Валенсия, а отстающими Европейской комиссией признаны Галисия, Астурия, Кастилья-и-Леон, Кастилья-Ла-Манча, Валенсия, Андалусия, Мурсия, Сеута, Мелилья, Канарские острова и Кантабрия. Вместе с тем в последние годы в Эстремадуре, Мурсии и Андалусии отмечается динамичное развитие ИКТ[1].

Схожая неравномерность наблюдается и в доступе населения к разным видам ИКТ. Так, по данным опроса компании маркетинговых исследований IPSOS, в 2004 г. мобильными телефонами располагали 83% испанских домохозяйств, по сравнению с 81% в среднем в странах ЕС-15. В то же время к Интернету были подключены только 28% испанских домохозяйств, тогда как в ЕС доля таких семей достигала 39%, в том числе 95% в Нидерландах[2]. Худшие возможности домашнего доступа к сети Интернет сказываются на размерах интернет-аудитории и вызывают необходимость расширения системы бесплатных центров общественного доступа. Подобное отставание отмечается и в других сферах.

Предприятия демонстрируют гораздо более высокий уровень готовности к информационному обществу, чем население в целом. Хотя подавляющее большинство предприятий страны, как и в ЕС, используют ПК, как свидетельствуют данные доклада eEspaña 2002, лишь четверть занятых имеют их в своем распоряжении, что, безусловно, негативно сказывается на конкурентоспособности средних и малых предприятий. По данным Евростата, в 2004 г. по доле предприятий

[1] См.: www.fundacionauna.org.

[2] См.: EU Telecoms Services Indicators 2004 // www.europa.eu.int.

(с числом занятых 10 и более человек), имеющих доступ к Интернету, Испания (87%) также приближалась к среднему уровню ЕС-15 (90%), хотя и заметно отставала от его лидеров — Финляндии и Дании (97%). Вместе с тем подобная статистика далеко не в полной мере отражает ситуацию в предпринимательском секторе испанской экономики, в которой свыше 93% предприятий насчитывают менее 10 сотрудников, а малые и средние предприятия (до 150 человек) составляют 99,9% их общего массива[1]. При этом выборочные обследования Евростата высвечивают довольно примечательную особенность испанского микробизнеса: гораздо большую информационную активность, чем малые и средние предприятия[2].

Состояние ИКТ-инфраструктуры Испании вряд ли можно оценить как удовлетворительное, учитывая в первую очередь малый парк ПК и слабое развитие кабельных сетей. Из-за ее недостаточного развития и ценовой недоступности некоторых видов ИКТ значительная часть испанского общества остается вне зоны охвата информационными технологиями. И это в то время, когда информационно-коммуникационные технологии играют все более важную роль в социально-экономическом развитии страны, изменяя модели управления, организации бизнеса, образования, здравоохранения, повседневной жизни и т. п.

Одна из таких моделей — электронное правительство (La eAdministración), которая подразумевает использование ИКТ в деятельности органов власти для обеспечения доступа граждан к достоверной официальной информации, взаимодействия с населением и организациями, повышения эффективности и прозрачности государственного управления. По результатам рейтинга электронного правительства (ЭП), ежегодно осуществляемого ООН, в 2004 г. Испания занимала 34 место среди 191 страны мира, при этом степень наполнения и интерактивность сайтов центрального правительства[3] и главных его министерств была существенно ниже[4]. По данным доклада eEspaña 2004, 93% государственных органов страны имеют доступ к Интернету.

Некоторые из них имеют лишь веб-сайты с информацией общего характера и находятся в начальной стадии его становления, но многие уже создали порталы, на которых есть возможность скачивания

---

[1] См.: Situation and Prospects for e-Learning in Spain. Institut Català de Tecnologia (ICT), December 2003.

[2] См.: E-Commerce in Europe Results of the pilot surveys carried out in 2001 // www.europa.eu.int.

[3] См.: www.administracion.es/portadas/index.html.

[4] См.: Global e-Governament Readiness Report 2004. United Nations, New York, 2004 // www.unpan.org.

документов, осуществления простых транзакций и обратной связи, а также службы «одного окна», предоставляющие возможность он-лайновой уплаты налогов, получение выплат из фондов соцстрахования, подачи заявлений в полицию, предоставления персонализированной информации и т. п. Среди автономных областей Каталония и Страна басков имеют наиболее продвинутые ЭП, осуществляющие электронное взаимодействие с другими органами и организациями, управление процессами.

Услуги ЭП для бизнеса более развиты и более активно используются им. Испанские предприятия, в частности, реализуют возможности он-лайновых выплат в фонды социального страхования за сотрудников; декларирования НДС и налога на прибыль, получения уведомления о результатах проверки деклараций, регистрации новой компании, предоставления информации в статистические органы, подачи таможенных деклараций; получения разрешений, связанных с охраной окружающей среды, участия в государственных тендерах. Вместе с тем глубина реализации целого ряда предоставляемых услуг ЭП, в особенности услуг для граждан, пока относительно невелика и зачастую ограничивается лишь предоставлением органами власти информации о данной услуге без обеспечения возможностей двустороннего взаимодействия — только так называемым «присутствием услуги в Интернете». Среди важных направлений развития ЭП в Испании стоит внедрение электронных идентификационных документов для граждан и обеспечение возможностей информационного обмена между органами власти, необходимых, в частности, для работы служб «одного окна».

Технология электронной коммерции предполагает заказ товара или услуги, проведение платежей, участие в контроле доставки товара (выполнения услуги) с помощью электронных средств обмена данными и электронного документооборота. Оптимизируя взаимодействие предприятий с потребителями и поставщиками и снижая их транзакционные издержки, использование интернет-технологий может существенно повышать эффективность экономики.

Интернет-коммерция, будучи относительно молодым сектором экономики, и встречая на пути своего развития во всех странах такие объективные препятствия, как непригодность продукции для реализации через Интернет, несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей торговые сделки, неготовность контрагентов к подобным операциям и нерешенность проблем безопасности оплаты, в Испании сдерживается и другими факторами[1].

[1] См.: E-Commerce and the Internet in European Businesses, 2003 // www.europa.eu.int.

Сказывается и отмечавшееся выше отставание страны от большинства государств ЕС по масштабам использования предприятиями Интернета и, в частности, его высокоскоростных каналов, необходимых для ведения электронных транзакций, создания ими своих веб-представительств. Играет роль и ограниченное использование Интернета для связи с поставщиками и клиентами и осуществления сделок через Интернет, за исключением госконтрактов. Лишь 40% испанских предприятий, по сравнению с 60% в ЕС-15, имеют свои сайты в Интернете, что существенно сужает их возможности осуществлять рекламу и маркетинг, торговые и финансовые операции. Тяготение к традиционным способам ведения бизнеса и сопротивление переходу к его новым технологиям, особенно на малых и средних фирмах традиционных секторов экономики, обусловливает крайне малые масштабы распространения электронной коммерции, которой занимается лишь 2–3% всех предприятий страны. В 2003 г. объем электронной коммерции достиг в стране 144 млн евро[1]. Причем даже в обороте предприятий с числом занятых десять и более человек доля электронной коммерции составляла в 2004 г. всего 2,9%, по сравнению с 9,3% в среднем в ЕС-15 и почти 14% — в Великобритании.

В целом, как свидетельствует статистика, электронный бизнес находится только в начальной стадии развития. Согласно исследованиям Фонда Ауна, состояние электронной коммерции, особенно на средних и малых предприятиях традиционных секторов экономики, которые играют в стране существенную роль, относится к числу наиболее слабых участков развития информационного общества. Соответственно стимулирование использования ИКТ в коммерческой деятельности предприятий, прежде всего среднего и малого бизнеса, относится к числу приоритетных направлений электронного развития

Использование ИКТ в образовании (La eFormación) является одним из важнейших направлений развития информационного общества, которое порождает новые возможности для использования населением образовательных технологий не только в учебных заведениях, но и дома, по месту работы и отдыха. Электронное образование имеет в стране недавнюю историю и находится пока на ранней стадии развития. Его появление связано с инициативой Открытого университета Каталонии (UOC, Universitat Oberta de Catalunya). Хотя испанское и региональные правительства не имеют специальных планов в области электронного образования, они осуществляют более широкие программы в сфере информационного общества, которые косвенно

---

[1] См.: www.fundacionauna.org.

содействуют расширению использования ИКТ в учебном процессе. Несмотря на обилие образовательных продуктов, сеющее замешательство среди потребителей, большинство образовательных курсов, основанных на использовании Интернета, не соответствует требованиям новой информационной среды.

В процессе получения основного образования ИКТ уже активно используются студентами университетов и колледжей. В рамках проекта Universia (www.universia.net) объединены не только практически все испанские университеты, но и многие университеты Латинской Америки, публикующие в Интернете информацию об учебных заведениях и их ресурсах в каждой участвующей в проекте стране.

В гораздо меньшей степени выставляются в Интернете он-лайновые ресурсы для образовательных целей, в числе которых преобладают вспомогательные учебные материалы для занятий, доступ к электронным журналам и дидактическим материалам, имеющимся в Интернете. При этом в последние годы заметно расширился доступ к виртуальным библиотекам (электронным каталогам, оцифрованным журналам, фондам библиотек); улучшились возможности коммуникации между преподавателями, студентами и др. в режиме реального времени; усилилась поддержка учебного процесса посредством видео-конференций и других мультимедийных систем — создание так называемых виртуальных аудиторий. Пример тому — формирование в Университете Ла-Риохи виртуальных досок, которые позволяют визуализировать, рисовать, модифицировать и вводить объекты: графики, рисунки и т. п. или тексты. Особого упоминания заслуживает виртуальная библиотека Мигеля Сервантеса. Этот проект был инициирован Университетом Аликанте, который поместил в Интернете всю литературу на испанском языке, не ограниченную авторскими правами, и обеспечивает доступ к наиболее крупным виртуальным библиотекам или каталогам наиболее известных библиотек всего мира.

В отличие от университетов, в средней школе использование ИКТ пока только разворачивается. Сказывается недостаточный объем компьютерного парка в школах: на один компьютер, используемый в школе, в Испании приходится вдвое и больше учеников, нежели в странах Северной Европы. Интернет пока лишь ограниченно используется в учебном процессе, хотя почти 94% начальных и средних школ подключены к нему: лишь $^3/_4$ используют его в образовательных целях. Чуть более половины учителей использует Интернет на занятиях, тогда как в странах Северной Европы этот показатель

составляет около 90%[1]. Активизации использования ИКТ в школах призвано осуществление проекта «Интернет в классах». В отличие от основного образования, дополнительное образование взрослого населения привлекает гораздо меньшую часть интернет-пользователей.

Вместе с тем все более широко ИКТ применяются на предприятиях для профессиональной подготовки работников. 95% крупных компаний практикуют или вводят электронное обучение, однако в основном это пока лишь пилотные проекты. Потребности в электронном образовании в наибольшей мере предъявляют крупные компании финансового сектора и сектора самих ИКТ, имеющих солидную технологическую инфраструктуру и испытывающих потребность в постоянной подготовке персонала в условиях жесткой конкуренции. Свыше трети подобных курсов имеют узкоотраслевую направленность. Иными словами, помимо недостаточно высокого уровня развития ИКТ-инфраструктуры, в Испании выделяются проблемы недостатка качественных электронных образовательных ресурсов и методических разработок по использованию ИКТ в образовательном процессе.

Радикальные изменения в сфере медицины и здравоохранения, произошедшие в стране в последние десятилетия, во многом вызваны интенсивным проникновением в нее ИКТ (La eSalud). Внедрение новых технологий, основанных на ИКТ, расширяет доступ населения и специалистов к источникам медицинской информации и базам данных, изменяет характер взаимодействия врачей с пациентами, расширяет возможности коммуникаций и обмена информацией между самими специалистами, модернизирует способы диагностики, лечения и т. д. Вместе с тем, в отличие от более развитых стран ЕС, они пока не приобрели должной популярности. Согласно данным доклада eEspaña 2004, лишь 3,5% граждан доверяют медицинской информации в Интернете. Только 13,5% граждан пользуется информационными ресурсами о здоровье, размещенными на нем, по сравнению с 23% — в среднем по ЕС. Среди наиболее посещаемых порталов — Saludalia.com, Psiquiatria.com, Dieta.net, Aura Salud.com, Balnearium.net и Buscamed.com. Однако всего лишь 42% пользователей считают подобную информацию полезной, а 34% сильно сомневаются в ее надежности[2].

Расширяется в стране применение ИКТ и в медицинской практике, что обеспечивает возможность дистанционного лечения или теле-

---

[1] См.: eEspaña 2003 // www.fundacionauna.org.

[2] См.: www.fundacionauna.org.

помощи. Примером предоставления подобных услуг, включающих телеконтроль состояния пациента, находящегося дома, системы телетревоги, особенно необходимые пожилым пациентам и др., может служить реализация проекта CHRONIC в Барселоне, начатого в 2001 г. Этот проект обеспечивает удаленный домашний мониторинг пациентов с использованием компактных телеметрических систем и портативных компьютеров в квартирах пациентов, подключенных к центру наблюдения через имеющиеся квартирные каналы связи. Внедрение новых медицинских технологий, основанных на ИКТ, сокращает расходы медицинских учреждений, экономящих таким образом ресурсы и время, обеспечивает непрерывную помощь и сокращает барьеры доступа к системе здравоохранения. Это, в конечном счете, повышает качество и доступность диагностики и лечения, а значит — и качество жизни людей.

Таблица 7.3

Доля населения, использовавшего Интернет в течение последних трех месяцев для получения информации и услуг, связанных со здоровьем (% трехмесячной аудитории пользователей 16–74 лет) 2004 г.

	Поиск информации по отдельным заболеваниям или вопросам охраны здоровья	Консультации с врачами	Запись на прием к врачу	Запросы назначений лекарств и т. п.
ЕС-15	35,9	5,4	1,7	...
Дания	36,0	3,3	1,7	1,4
Греция	30,9	21,9	21,8	21,8
Испания	22,7	5,4	0,9	0,1
Финляндия	2,9	4,0	2,9	...
Швеция	1,8	3,6	1,8	0,9
Великобритания	...	9,8	...	...
Ирландия	16,7	0,5	0,4	0,3
Австрия	11,4	2,4	1,0	0,8

Источник: Eurostat Newcronos // www.europa.eu.int.

Однако общий уровень применения ИКТ и современных медицинских технологий в медицинских учреждениях страны заметно ниже, чем в большинстве стран ЕС-15. 60% государственных больниц имеют собственные веб-страницы, на которых размещают информацию для врачей и пациентов, главным образом, научные и профессиональные публикации, тогда как взаимодействие пользователей на этих сайтах осуществляется в очень ограниченном объеме.

Большая часть лечебно-профилактических учреждений не имеет соответствующей материально-технической базы для электронного развития. Это требует существенного увеличения финансирования информатизации сферы здравоохранения. Согласно исследованиям Фонда Ауна, развитие электронного здравоохранения относится к числу наиболее слабых участков развития информационного общества в стране.

Большинство медработников имеют навыки владения компьютером и использования Интернета, а доля врачей, регулярно им пользующихся в Испании, примерно соответствует среднеевропейскому показателю. Однако медперсонал использует интернет-ресурсы, главным образом, для получения профессиональной информации, а дистанционное ведение больных, включая телеконсультации с коллегами и пациентами, передача историй болезни осуществляются пока в ограниченном объеме. Так, электронные истории болезни применяют лишь 20% специалистов. При этом среди регионов, в которых активно используются электронные истории болезней и быстро идет развитие электронного здравоохранения, следует отметить Эстремадуру.

По интегральному индексу готовности к информационному обществу, ежегодно рассчитываемому Всемирным экономическим форумом, Испания занимала в 2004 г. 13-е место среди 15 стран ЕС, опережая лишь Португалию и Грецию[1]. Отставание Испании в электронном развитии — во многом результат отсутствия общей стратегии и должного регулирования: целенаправленной и скоординированной политики, массированных государственных инвестиций. Основные препятствия, стоящие на пути интенсивного развития информационного общества, — уже упомянутые ранее — недостаточный уровень развития сферы НИОКР и ИКТ-инфраструктуры, отсутствие должной подготовки работников в сфере ИКТ, ценовая недоступность многих их видов для населения и предприятий, консерватизм предпринимательского сектора экономики в их использовании, существенные

[1] The Global Information Technology Report 2003–2004 // htt://www.weforum.org.

проблемы в сфере информационной безопасности и т. п. Вместе с тем, можно предвидеть и хорошие перспективы его развития, благодаря относительно высоким показателям состояния человеческих ресурсов и активному освоению информационно-коммуникационных технологий молодежью.

Глава 8. Развитие туризма несет угрозу экологии

Развитие туризма — как внутреннего, так и международного[1] — началось в Испании еще в 60–70-е годы XX века. В 80-е и 90-е годы этот процесс пошел еще быстрее, а страна стала одним из важнейших международных туристических центров. Этому способствовал выход Испании из международной изоляции после смерти Франко в 1975 г. и переход к демократии. Этому же способствовало ее вступление в 1986 г. в ЕЭС.

Испания всегда была привлекательна для иностранных туристов. Благоприятный климат, современная инфраструктура курортов, естественные пляжи, природно-географические достопримечательности сочетаются с многочисленными культурно-историческими и архитектурными памятниками, — сочетание, встречающееся не во всякой стране. Испания является одной из ведущих стран по количеству объектов, отнесенных ЮНЕСКО к всемирному культурному наследию человечества.

Современная туристическая инфраструктура (аквапарки, центры развлечений, спортивные сооружения и аттракционы) — манок для привлечения туристов, с которым пока не может соперничать ни развивающийся сельский туризм, ни приключенческо-культурный. Основным направлением развития туризма как сектора экономики остается пляжный туризм, который в различных пропорциях дополняется осмотром культурно-исторических памятников.

[1] Туризм подразделяется на внутренний, который осуществляется жителями страны в рамках ее границ, а также международный, который включает иностранцев, приезжающих в Испанию, а также испанцев, выезжающих за границу. Туристом считается всякий посетитель, который проводит, по крайней мере, одну ночь в посещаемом месте.

Рост потока иностранных гостей неизбежно требует увеличения количества мест в отелях, строительства крупных отельных комплексов, а значит, ведет к росту местных бюджетов. В 2004 г. по данным Всемирной Туристической Организации (UNWTO), чья штаб-квартира находится в Мадриде, в стране побывало 53,6 млн иностранных туристов. Испания вышла по этому показателю на второе место в мире после Франции (75,1 млн). А в 2005 г. ее посетило уже 55,6 млн гостей[1]. Доля Испании в европейском туристическом рынке с 1995 по 2003 г. выросла с 11 до 13%[2].

В стране сформировалась целая отрасль по обслуживанию туристов как иностранных, так и национальных. Этот сектор экономики включает в себя предоставление различных услуг и товаров, чтобы удовлетворить спрос, а также необходимую для этого систему производственной и социальной инфраструктуры — отели, мотели, постоялые дворы, а также дома и квартиры, сдаваемые в аренду. Важно отметить, что туристический сектор Испании соткан из малых предприятий: почти 97% из них имеют девять или меньшее количество работников[3]. В 2005 г. в стране насчитывалось 17 607 отелей всех типов, в которых одновременно могли расположиться 1 579 965 постояльцев — это четвертое место в Европе после Италии (2 028 452 места), Франции (1 739 518) и Германии (1 621 118)[4]. Строительство новых отелей идет параллельно с реконструкцией уже действующих и переводом их в более высокий разряд.

В туристических целях широко используются и частные жилища, расположенные в курортных зонах и принадлежащие резидентам — гражданам Испании и иностранцам, как резидентом, так и нерезидентам, постоянно проживающим в других странах. Это так называемое второе жилище, которым владеют и пользуются как резиденцией на период отпусков, а также коротких посещений в конце недели — от одной до трех ночей. Нередко оно сдается в аренду отдыхающим, создавая ценовую конкуренцию отелям. Покупателями недвижимости на

---

[1] См.: http://turist.ru/index2.html?2005/05/27/65973; Instituto de estudios turísticos, Balance del Turismo en España en 2005. P. 2.

[2] См.: World Tourism Organization, Tourism Market Trends, 2004. Edition, Annex 7.

[3] Rubio Gil, Ángeles R. de A. (coord.). *Sociología del turismo, Editorial Ariel, S.A.* Barcelona, 2003. P. 169.

[4] См.: Bueno R. de A. El reto de la competitividad en el desarrollo turístico español, Universidad de Valencia...: В книге España: Tres décadas de avances y transformaciones económicos y político-sociales. Actas del Simposio ruso-español, М.: ИЛА РАН, 2006. P. 46; Instituto de Estudios Turísticos, España en Europa: El comportamiento turístico de los residentes de la Unión Europea. Ano 2005. P. 16–17.

побережье все чаще становятся иностранцы, среди которых выделяются граждане Великобритании. Принадлежащие им жилища во многих случаях используются родственниками и друзьями не только в курортный сезон, но и в течение всего года.

Разнообразие отелей в курортных зонах, особенно на побережье, — от двух до пяти звезд, в том числе апарт-отелей[1], делает отдых гостей комфортным и доступным по ценам. Среди них грандами являются известные не только в Испании, но и за рубежом сети отелей «Соль Мелья» (Sol Meliá), «Трип» (Tryp) и др. Отели проводят гибкую тарифную политику в зависимости от сезона и многочисленных праздничных дней: самые высокие цены устанавливаются летом (июль и август, а также в Пасхальную неделю), а самые низкие — в осенне-зимний период. По оценкам «Банко де Эспанья», доходность гостиничного сектора в последние годы поддерживается на весьма высоком уровне — около 20%[2].

Туризм — это не только созерцание красивых исторических мест, богатых музеев и отдых у синего моря, но и желание после этого вкусно поесть, вкусить прелестей национальной, а если быть более точным, то разнообразной, кухни. Национальной кухни как таковой попросту не существует. Есть баскская, астурийская, галисийская, валенсийская и т. д. — сколько регионов, столько и гастрономического своеобразия. Ресторанов и кафе на любой вкус по самым различным параметрам соотношения цены и качества, а также с персоналом, говорящем на том или ином языке — тысячи и тысячи. По количеству ресторанов, кафе и баров Испания занимает одно из первых мест в Европе. Широко представлены в стране и рестораны fast food — «МакДональдс» и «Бургер Кинг».

Туризм, как и базисные секторы, обладает эффектом мультипликатора для экономики, стимулирующим развитие сопряженных отраслей и рост занятости. Транспортные услуги, предоставляемые туристам, предполагают наличие развитой инфраструктуры (железные и автомобильные дороги, порты и аэропорты, линии связи), а также присутствие на рынке многочисленных компаний, обеспечивающих приезд и отъезд туристов и их передвижение по стране. Среди экскурсионных транспортных компаний, которые организуют и осуществляют туры по всей Испании, в первую очередь, следует упомянуть такие, как «Хулия тур» (Julia tour) и «Эквадор» (Ecuador). Кроме того, сюда

---

[1] Номера в апарт-отелях имеют небольшие кухни для приготовления пищи и необходимое кухонное оборудование.

[2] См.: Bueno R. de A. Op. cit. P. 50.

же входят услуги городского транспорта — автобусы, метро и такси, а также многочисленные фирмы, специализирующиеся на аренде транспортных средств, прежде всего легковых автомобилей различного класса. За последние 20 лет транспортная инфраструктура Испании заметно модернизирована, страну пересекают тысячи километров новых современных дорог и автобанов, ни в чем не уступающих дорогам Германии или Франции. В подавляющей своей части они построены за счет «фондов сцепления», полученных из бюджета ЕЭС (ЕС) для подтягивания ее до уровня других стран Евросоюза.

Специалисты турбизнеса отмечают, что в последние годы (с 2000 по 2005 г.) заметно уменьшилась доля туристов (с 50 до 38%), приезжающих с пакетом оплаченных услуг (проживание в отелях, организованное питание, транспортное обслуживание)[1]. Это вызвано широким использованием новых технологий, в первую очередь Интернета для индивидуальных консультаций, резервирования и оплаты самых разных туристических услуг. Вместе с тем совокупность различных развитых секторов туристического комплекса не только обеспечивает нормальное функционирование всей отрасли, но и увеличивает занятость огромного количества людей различных профессий. Одна только цифра: туризм создает около 11% ВВП страны[2] — самый высокий показатель среди других стран Европы с развитой туристской индустрией. Для сравнения: вклад сельского хозяйства Испании — лишь 3,9% ВВП, промышленности — 29,4%. В целом же на долю всех видов услуг (включая туризм) приходится 66,7% ВВП.

На туристический сектор приходится 12% всей занятой рабочей силы страны[3] — в 2005 г. 2,3 млн человек, из которых 75% были лицами наемного труда, а 25% — независимыми (autonomas, как они сами себя называют) — работниками. Около 55% лиц наемного персонала трудились в отелях и ресторанах, почти 25 — на транспорте и 20% в иных службах, в том числе, в турагенствах. Около 55% независимых работников концентрировались вокруг гостиничного бизнеса, 33 — на транспортном обслуживании, и около 12% — в иных секторах. В последние годы в турбизнесе широко используется труд иммигран-

---

[1] См.: Instituto de Estudios Turísticos, Balance del turismo en España en 2005. P. 9.

[2] См.: Vogeler R.C., Hernaández A.H. *El mercado turístico: estructura, operaciones y procesos de producción*, Editorial Centro de Estudios Ramón Areces S.A., Madrid, 2003. P. 106.

Экономические показатели туристических услуг носят в основном оценочный характер. В зависимости от методологии, оценочные величины участия туризма в создании ВВП страны и иных показателей могут различаться.

[3] См.: Bueno R. de A. El reto de la competitividad en el desarrollo turístico español, в книге «España: Tres décadas de avances y transformaciones...». Moscú. P. 46.

тов, доля которых составила почти 16%. Половина этих иностранных рабочих происходит из стран Латинской Америки, 35% — из Европы (16% — из стран ЕС и 19% — из стран Восточной Европы), и 15% — из других регионов мира[1].

Значение туристического сектора экономики столь велико, что доходы от туризма в течение многих лет покрывали полностью или почти полностью внешнеторговый дефицит страны, а иногда и перекрывали его[2]. В начале XXI в. в связи с ростом дефицита торгового баланса доходы от туризма покрывали несколько меньшую его долю, чем в предшествующие годы. В 2004 г. этот показатель составил около 50%. Доходы бюджета Испании от туристического бизнеса в значительной степени объясняются тем, что выездной туризм испанцев во много раз меньше въездного. В январе 2005 г. из 2980 тыс. турпоездок испанцев на внутренний туризм пришлось 89%, а на заграничный — 11%[3]. По данным «Банко де Эспанья», положительное сальдо от туризма и поездок в 1995–2003 гг. возросло с 15,5 млрд до 27 млрд евро. Однако в 2004 и 2005 гг. произошло незначительное сокращение его — сначала до 26,6 млрд, а затем — до 26,4 млрд евро[4], несмотря на увеличение числа иностранных туристов, что свидетельствует об уменьшении средних расходов одного человека из-за сокращения средней длительности его пребывания в стране. Это объясняется также ростом цен в стране и, как следствие, сокращением покупок и услуг. Особенно заметно цены выросли после перехода Испании на евро в 2002 г., хотя в принципе рост цен в сфере туристического обслуживания — явление постоянное, отражающее не только инфляционные процессы, но и уровень жизни населения в целом. Так, если в июне 2004 г. — июне 2005 гг. индекс потребительских цен в стране вырос на 3,1%, а за весь 2005 г. — на 2,7%, то в сфере туристических услуг — на 3,9%, и на столько же за весь 2005 г. В общественном питании (рестораны, кафе-бары) этот индекс возрос в 2005 г. на 4,5%, в секторе услуг по размещению ту-

---

[1] См.: Instituto de Estudios Turísticos, Empleo en el sector turístico. Año 2005. P. 5–6, 8, 19, 47. // www.iet.tourspain.es/Páginas/Fcoyuntura.aspx?idioma=es.

[2] Покрытие дефицита торгового баланса Испании за счет суперавита от баланса въездного и выездного туризма составило в 1995 г. — 111,3%, в 1996 г. — 137,9%, в 1997 г. — 152,3, в 1998 г. — 110,9, в 1999 г. — 79,7, в 2000 г. — 64,6, в 2001 г. — 69,8, в 2002 г. — 70,9, в 2003 г. — 67,9, и в 2004 г. — 50,3% (DATATUR 2004, Instituto de Estudios Turísticos) // www.iet.tourspain.es.

[3] См.: Instituto de Estudios Turísticos // www.iet.tourspain.es/Páginas/Fcoyuntura.aspx?idioma=es.

[4] См.: Instituto de Estudios Turísticos, Empleo en el sector turístico. Año 2005. P. 24.

ристов (отели и иные формы проживания) — на 3,0%. Но и индекс доходов отелей вырос на 2,3%[1].

Относительное сокращение доходов Испании от туризма, главным образом иностранного, связано также с конкуренцией со стороны других стран средиземноморского побережья, предоставляющих пакеты услуг, сходные с испанскими, но по более низкой цене (Турция, Кипр, Греция, Хорватия, Черногория и др.).

По своей экономической сущности иностранный туризм является экспортом товаров и услуг, осуществляемых внутри страны, а доходы от него служат важным элементом финансовой стабильности. Внутренний туризм также ведет к стабилизации занятости, но некоторые услуги означают перераспределение уже созданного дохода. Кроме того, развитие туризма сопровождается ростом занятости. Производительность труда в этом секторе растет весьма медленно, и увеличение потока туристов ведет к почти пропорциональному росту персонала.

Государство участвует в развитии туризма на основе законодательства и через Государственное управление торговли и туризма при Министерстве промышленности, туризма и торговли. В подчинении управления находится Главное управление по туризму, Институт туризма Испании, Институт туристических исследований и Общество национальных мотелей — государственное предприятие, образованное 83 историческими и современными зданиями, превращенными в четырех- и пятизвездочные отели на всей территории. Главное управление по туризму вырабатывает политику, общую стратегию и планы сотрудничества местных властей с предприятиями туристического сектора. Институт туризма занимается пропагандой и коммерческим продвижением за границей туристических ценностей Испании, а институт туристических исследований собирает информацию и исследует факторы, влияющие на туризм.

В большинстве туристических провинций и муниципальных образований действуют туристические бюро, которые бесплатно предоставляют информацию туристам о достопримечательностях той или иной провинции или города, а также перечень и адреса мест развлечений. Подготовка кадров для туристического сектора ведется в различных учебных заведениях — от специальных школ до университетов, которые ведут исследовательскую и научную работу по всему спектру проблем организации этого бизнеса.

---

[1] См.: Instituto de Estudios Turísticos // www.iet.tourspain.es/Páginas/Fcoyuntura.aspx?idioma=es; Instituto Nacional de Estadística.

В Испанию едут все. В основном, конечно, европейцы, — их больше половины. В 2005 г. из 55,5 млн гостей было 29% туристов из Великобритании, 18% — немцев, 16 — французов, 5 — итальянцев, по 4% — голландцев и португальцев и т. д. Тем не менее эти цифры постоянно колеблются. Но и испанцы не сидят на месте. В 2004 г. они совершили 47,1 млн поездок, что на 5% превысило показатели предыдущего года, и 85,8 млн коротких посещений второго жилища. В 2005 г. около 94% всех туристических поездок испанцы совершили по своей стране и только 6% — за ее пределами[1].

Доходы страны от иностранного туризма во многом зависят от средних затрат на одного человека. По данным Института туристических исследований, в 2004 г. они составили 872 евро, а в 2005 г. — 855 евро, или на 2% меньше. Самые высокие показатели в этой графе — в Кастилье-Ла-Манче, Мадриде, Галисии, а также на Канарских и Балеарских островах — 1063, 983, 975, 1033, 913 евро соответственно[2]. Высокие доходы позволили этим городам и регионам больше вкладывать в развитие туристической инфраструктуры.

Однако развитие туризма — не только экономическое благо для всей страны, но и источник немалых бед: урбанизация побережья ведет зачастую к экологической деградации территорий. Министерство окружающей среды бьет тревогу: 90% побережья Испании претерпело необратимые изменения в результате незаконной или уплотненной урбанизации и строительства портов. В докладе Гринпис отмечается чрезмерная скученность построек, расположенных рядом с пляжами, подчеркивается, что только 0,3% прибрежных муниципальных образований располагают современными очистными сооружениями, а сточные воды сбрасываются в море[3]. Защитники окружающей среды приводят такие цифры: за последние 10 лет в прибрежной зоне, в непосредственной близости от воды построены 26% зданий, возведенных за всю историю страны; в среднем 34% прибрежной полосы глубиной в один километр плотно застроены, а в некоторых районах Андалусии застроено до 59% такой территории[4].

Правительство Испании намерено скупать участки земли на морском побережье, чтобы воспрепятствовать его разрушению в ходе неконтролируемой застройки. Гринпис предлагает четыре варианта

[1] См.: Instituto de Estudios Turísticos, Encuesta de Movimientos Turísticos (Familitur), Nota de coyuntura, Año 2004. P. 2; Instituto de estudios turísticos, Balance del Turismo en España en 2005. P. 15.

[2] См.: Instituto de Estudios Turísticos, Balance del turismo en España en 2005. P. 4.

[3] См.: El Mundo. 16.07.2004. P. 38.

[4] См.: www.turist.ru/index2.shtml, 18.07.2005.

решения этой проблемы: введение моратория на новое строительство в 500-метровой прибрежной полосе; координация деятельности всех служб в вопросах управления; приостановка исполнения всех государственных проектов, в частности строительства портов; изменение действующего Закона о прибрежной полосе, с тем чтобы он защищал эту полукилометровую прибрежную зону[1].

Испания — один из центров притяжения для российских туристов. В 2004 г. на эту страну пришлось 9% всех туристических выездов россиян, что соответствовало третьему месту в рейтинге популярности туристических направлений. По этому показателю она опережает Италию, Тунис, Хорватию, Кипр и другие страны[2]. Количество российских туристов в Испании непрерывно растет — в 2005 г. их было 279 тыс. Однако доля россиян среди иностранных туристов, посетивших Испанию, ни разу не достигала даже 1%. Это вызвано рядом факторов географического и экономического характера, а также довольно сложным процессом оформления испанских виз.

В обозримой перспективе конкуренция между Испанией и другими средиземноморскими странами на рынке туристических услуг будет обостряться. А успех в конкурентной борьбе будет зависеть во многом от цен на туристические услуги, а также от их качества, точнее от соотношения цена/качество. Окажется ли этот сектор экономики конкурентоспособным, покажет время. Но уже сейчас очевидно, что туристический вектор будет и дальше играть важную роль в экономике страны, и в первую очередь для решения проблемы занятости. «...Всемирная Туристическая Организация предсказывает, что международный туризм будет расти примерно на 4,5% ежегодно, и это является огромным вызовом и благоприятной возможностью для регионов и стран, которые хотят этим воспользоваться...»[3]

---

[1] El Mundo. 16.07.2004. P. 38.

[2] Информационная служба «БАНКО», цит. по: «Известия». 2005. № 115. 7 июля.

[3] Montaner Montejano, Jordi. *Política y relaciones turísticas internacionales, Editorial Ariel, S.A.* Barcelona, 2002. P. 147.

Часть III. СТРАНА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глава 9. Национальные интересы в зеркале дипломатии

Внешняя политика современной Испании формируется в противоречивых условиях складывания нового миропорядка, идущего на смену системе международных отношений, которая в значительной мере была разрушена с распадом СССР и уходом в прошлое жесткого биполярного противостояния эпохи «холодной войны». В этот переходный период политический ландшафт (в мире в целом и в Европе в частности) оказался фрагментированным, неоднородным и весьма подвижным. Испания столкнулась с новыми внешними вызовами, порожденными как сломом прежнего миропорядка, так и последствиями параллельно развивавшегося процесса глобализации.

В этих условиях Испания включилась в мировые процессы и межгосударственные структуры и успешно адаптировалась к быстро менявшимся интернациональным условиям. Прагматизм правящих кругов страны и ее окрепшего бизнес-сообщества позволил им принять деятельное участие в формировании архитектуры нового миропорядка, включая его экономическое измерение, и извлечь определенные политические и хозяйственные дивиденды в ходе перекомпоновки устаревшей системы международных отношений. Мадрид стал заметным игроком на региональных политических площадках и на глобальном уровне. Стратегическая парадигма внешней политики Испании также не могла не измениться — она приобрела новые очертания, отражающие сложное и многофакторное воздействие как общемировых событий, так и глубинных внутренних обстоятельств.

Важнейшим из них стал процесс внутреннего социально-экономического и политического развития испанского общества. Национальным элитам удалось обеспечить форсированную социальную модернизацию, преодолеть культурно-исторический и политический традиционализм. Но на этапе демократического транзита страна была вынуждена сконцентрироваться на внутренних проблемах, а между-

народные связи рассматривались как вспомогательная сфера реализации планов государственного возрождения. При этом длительное время в испанском истеблишменте сохранялся относительный консенсус по вопросам внешней политики.

Ситуация изменилась и усложнилась в 90-е годы прошлого столетия, когда значительно возросли позитивные внешнеполитические ресурсы страны, как материальные, так и нематериальные. В первом случае речь, прежде всего, идет о росте экономического потенциала, во втором — о явлениях социально-политического и культурно-идеологического характера, репутационных успехах, прогрессе в сфере образования, науки и техники. Достижения и потребности внутреннего развития, растущая вовлеченность в европейские и мировые дела естественным образом расширяли внешнюю зону политической и военной ответственности Мадрида.

В конце прошлого и начале нынешнего столетия Испания окончательно сложилась как современное демократическое государство, упрочила свои позиции в группе ведущих экономических держав мира, ее крупнейшие корпорации и банки уверенно перешагнули национальные границы и превратились в полноценных глобальных бизнес-игроков, потребовав от официального Мадрида политического и дипломатического сопровождения их международной финансово-торговой экспансии. Последнее обстоятельство имело особое значение, поскольку с мощным выходом местных ТНК на мировые товарные и финансовые рынки существенно расширялся (и транслировался за рубеж) спектр национальных интересов, и закладывалась новая материальная основа международной политической активности государства[1].

В испанских правящих кругах сложилось и окрепло мнение, что стране пора изменить свой внешнеполитический профиль и отказаться от «простого прагматизма» в пользу более широкого участия в мировых делах. «Чтобы в полной мере использовать потенциал новой Испании, — писал заместитель главного редактора авторитетного журнала "Политика экстерьор" Фернандо Делахе, — необходимо... сделать качественный скачок, как в содержании внешней политики, так и в развитии институтов, связанных с международной деятельностью»[2].

---

[1] Если в 1990 г. накопленный объем зарубежных инвестиций испанских компаний и банков составлял всего 3% странового ВВП, то в 2005 г. этот показатель достиг 34%. — Discurso del Presidente del Gobierno en unas jornadas organizadas por «The Economist» // http://www.la-moncloa.es/21.11.2006.

[2] Pereira J.C. (coord.). *La política exterior de España (1800–2003). Historia, condicionantes y escenarios.* Barcelona, 2003. P. 563.

Именно динамизм и глубина внутренней модернизации, реальные потребности ставшего интернациональным большого местного бизнеса побудили Испанию на рубеже веков ощутимо повысить уровень дипломатической активности. Это проявилось как в интенсификации контактов с традиционными партнерами, так и в формировании новых векторов дипломатии, выдвижении масштабных внешнеполитических инициатив, постепенном превращении Мадрида из регионального в глобального игрока. Одновременно происходило и очевидное переосмысление основных международных задач страны, раздвигались рамки дипломатических интересов. В правительственных документах подчеркивалось: «Глубокие и разнообразные трансформации, которые пережил мир в последние десятилетия, повысили роль международных отношений в государственной деятельности и почти стерли грань между внутренней и внешней политикой»[1].

Изменение внешнеполитической траектории Испании происходило, с одной стороны, в режиме определенной преемственности и сохранения базовых (основополагающих) принципов, а с другой — в условиях нараставшей борьбы во многом противоположных подходов и концепций, главными носителями которых были две ведущие общенациональные политические силы: Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и Народная партия (НП). В результате перемены во внешнеполитическом курсе Мадрида развивались неравномерно и на разных направлениях демонстрировали различную степень интенсивности. В ряде случаев вполне можно говорить о принципиальной неизменности позиции правящих кругов Испании. Пример тому — политика в отношении соседней Португалии. На протяжении всего постфранкистского периода Мадрид и Лиссабон, преодолевая непростое наследие прошлого, последовательно выстраивали многоуровневую систему политического и торгово-экономического двустороннего и многостороннего сотрудничества. В итоге иберийские страны-соседи в основном избавились от негативных наслоений их бурной истории и стали, без преувеличения, ближайшими стратегическими партнерами и союзниками[2]. В ходе XXII испано-португальского саммита (ноябрь 2006 г.) главы правительств двух государств вновь подтвердили стратегический характер их отношений и подписали пять новых документов о сотрудничестве в области научных исследований, образования, здра-

[1] Acuerdo del Consejo de Ministros por el que se aprueban medidas para la potenciación de la acción exterior del Estado // www.mae.es/NR/rdonlyres.

[2] Подробнее см.: Яковлев П.П. Португалия и Испания: новая парадигма отношений // Латинская Америка. 2004. № 6; España — Portugal. Horizonte 2010. Madrid, 2001; Portugal y España en los sistemas internacionales contemporaneos. Mérida, 2003.

воохранения, туризма и содействия развитию экономически отстающих стран[1].

Общая линия в целом просматривается и в подходах ведущих политических партий Испании к проблеме Гибралтара. Испанцы требуют возврата полуострова под их национальный суверенитет, рассматривая британский анклав на своей территории как «реликт колониализма». Вместе с тем Мадрид проявляет гибкость, ищет компромиссные варианты, выдвинув, в частности, идею постепенной интеграции Гибралтара, которая предполагает продолжительное действие «совместного суверенитета».

Однако на других направлениях международной деятельности Мадрида в большей степени давали о себе знать различия в идеологии и политических подходах ИСРП и НП, что особенно проявилось на этапе пребывания у власти «народников» (1996–2004) во главе с их лидером Хосе Марией Аснаром. Этот период характеризовался растущими внешнеполитическими амбициями Мадрида, опиравшимися на бесспорные экономические и социальные успехи страны и отражавшими возросшие аппетиты «большого бизнеса». Показательно, например, что в ходе избирательной кампании 2000 г. Х.М. Аснар прямо декларировал своей целью вступление Испании в Большую восьмерку, а придя к власти, поручил МИДу разработать (впервые в истории страны) стратегический план действий на мировой арене и в июле того же года учредил специальный Совет по внешней политике, призванный играть роль своего рода координирующего органа[2].

Но, как отмечают многие испанские исследователи, качественных изменений в лучшую сторону не произошло: мадридская дипломатия не приобрела нового стратегического видения крайне усложнившихся международных проблем и по-прежнему отличалась своей «закрытой институциональной культурой». На конец 2001 г. испанская внешнеполитическая служба насчитывала 738 активных дипломатов, тогда как голландская, например, — 1050, а французская — 2180[3]. Главные перемены во внешней политике Испании при правительстве НП свелись к односторонней ориентации на Вашингтон, с помощью которого «народники» рассчитывали повысить котировку своих акций на мировой арене и вступить в привилегированный клуб ведущих держав. В этом смысле вполне можно говорить об американоцентризме внешней политики Мадрида как о сердцевине «доктрины Аснара».

---

[1] См.: XXII Cumbre hispano-lusa // www.la-moncloa.es.
[2] См.: Pereira J.C. (coord.). Op. cit. P. 564, 565.
[3] Ibid. P. 564.

Правление Народной партии привело к фактическому нарушению консенсуса по основным внешнеполитическим вопросам, существовавшего в Испании на протяжении четверти века. Самый разительный пример — процесс принятия решения об испанском участии в антииракской военной операции «Шок и трепет» (2003). С самого начала против отправки войск в Ирак выступали как подавляющее большинство граждан страны, так и ее главные оппозиционные партии, включая ИСРП и Объединенных левых (ОЛ), а также крупнейшие профсоюзы и другие многочисленные неправительственные организации. Тем не менее правительство НП не изменило своего решения, и испанские военнослужащие были отправлены в Ирак.

Это означало, что испанская внешняя политика утрачивала общенациональный консенсусный характер и перемещалась в сферу межпартийной (порой бескомпромиссной) борьбы. Безусловно, сложившаяся ситуация была иррациональной. Необходимо было привести дипломатическую практику в соответствие с подлинными интересами испанской нации и выработанным алгоритмом формирования внешнеполитического курса. Весьма отчетливо новые подходы к мировым делам проявились с приходом к власти в апреле 2004 г. правительства социалистов. Не случайно в программных документах ИСРП первым пунктом значилось: «Мы восстановим консенсус по вопросам внешней политики, нарушенный правительством НП»[1]. Председатель конгресса депутатов Мануэль Марин писал, что с победой ИСРП сложились благоприятные возможности для возвращения к «внешнеполитической модели, располагающей твердой поддержкой большинства политических сил и, что особенно важно, испанского общественного мнения»[2]. Внимание решено было сконцентрировать на трех моментах: организация вывода испанских войск из Ирака; выработка политики, которая позволит «самортизировать» нежелательные для Испании последствия расширения Евросоюза на восток (прежде всего, в плане сокращения выплат Мадриду из коммунитарных фондов ЕС); проведение коррекции двусторонних отношений с США с тем, чтобы найти приемлемый для обеих сторон баланс интересов.

Именно эти идеи легли в основу внешнеполитического курса Х.Л. Родригеса Сапатеро, который по целому ряду позиций определенно дистанцировался от линии лидера НП Х.М. Аснара. В концептуальном плане правительство ИСРП взяло на вооружение принципы

---

[1] 100 medidas del gobierno. Merecemos una España mejor // www. psoe.es.

[2] Marín M. *Política exterior: lo primero es restablecer el consenso* // http:// www.cincodias.com/15.03.2004.

многополярности и примата международного права, и в этом, по мнению аналитиков, также было свидетельство возврата к базовому доктринальному содержанию внешнеполитического курса Испании[1]. Цель была вывести страну из дипломатического тупика, предложить обществу иное видение международных отношений, в большей мере отвечающее национальным интересам, и на этой основе добиться широкого консенсуса.

Перемены в испанской дипломатии, по замыслу социалистов, должны были идти в русле крепнущего в последние годы общеевропейского стремления к внешнеполитической самоидентификации и проведению согласованного в рамках Евросоюза курса на мировой арене. Новые приоритеты Мадрида предполагалось органично коррелировать с более адекватным пониманием в Старом Свете собственно европейских интересов. Однако, как будет показано ниже, позиция, занятая руководством НП (и лично Х.М. Аснаром), не позволила прийти к согласию по целому ряду кардинальных вопросов, что, безусловно, создало дополнительные трудности правительству социалистов.

Тем не менее обновленная испанская внешнеполитическая модель (ее квинтэссенция — «доктрина Сапатеро») стала свершившимся фактом и потребовала расширения и модернизации дипломатического инструментария Мадрида, более решительного включения в него отвечающих духу времени эффективных и не тривиальных рычагов влияния, продвижения и защиты национальных интересов в глобальном масштабе. Правительство предприняло ряд конкретных шагов по укреплению материальной базы и кадрового состава Министерства иностранных дел, придало ему дополнительные функции, в частности, по развитию межгосударственного взаимодействия в экономической и других областях, что нашло свое отражение, в том числе, и в новом наименовании дипломатического ведомства — Министерство иностранных дел и сотрудничества[2].

Уже 25 июня 2004 г., то есть через два с небольшим месяца после прихода ИСРП к власти, Совет министров учредил специальную межведомственную комиссию по выработке проекта Интегральной реформы дипломатической службы. «Конечной целью реформы, — отмечалось в правительственных документах, — ставилась модернизация ра-

[1] См.: Del Arenal C. *La política exterior del gobierno socialista* // http:// www.politicaexterior.com.

[2] Следует подчеркнуть, что дело не ограничилось простым переименованием. В 2006 г. из общего бюджета министерства в размере 1279 млн евро на цели международного сотрудничества в интересах развития предназначалось 681 млн, или свыше 53%. См.: El País. Madrid, 30.11.2005.

боты внешнеполитического ведомства с учетом изменений в системе международных отношений и возросших потребностей во внешних связях испанских предприятий и общества в целом»[1]. После года работы комиссия представила доклад, охватывавший практически все стороны дипломатической деятельности и содержавший целостную программу ее реформирования.

Правительство особым решением одобрило выводы и рекомендации межведомственной комиссии и положило их в основу практической работы по реформированию национальной дипломатической службы. Руководство страны распорядилось подготовить специальный закон, призванный регулировать международные связи Испании и деятельность внешнеполитических и внешнеэкономических государственных институтов[2]. За первые два года своего пребывания у власти социалисты открыли шесть новых посольств, а официальные испанские делегации во главе с министром иностранных дел впервые посетили 15 стран мира, тем самым расширив географию внешних связей и контактов на высоком политическом уровне[3].

Одновременно администрация ИСРП продолжила и развила линию на создание привлекательного международного имиджа Испании, широко задействовав средства и методы так называемой политики «мягкой силы». А именно: активного использования культурных, пропагандистских и прочих «несиловых» (в привычном смысле слова) инструментов внешнеполитического позиционирования испанского государства как открытой миру, динамично развивающейся демократической страны, располагающей огромным историко-культурным достоянием и уникальным туристическим потенциалом. «С этой точки зрения, — пишет главный исследователь Королевского института «Элькано» Хавьер Нойа, — в правительственных сферах логично растет понимание того, что имидж страны — ценный актив и эффективный инструмент защиты государственных интересов в контексте новых международных экономических и политических реалий»[4].

Строго говоря, целенаправленная политика «мягкой силы» начала формироваться еще в начале 90-х годов при правительстве социалис-

---

[1] Resumen del Plan Integral para la Reforma del Servicio Exterior // http://mae.es/NR/rdonlyres.

[2] См.: Acuerdo del Consejo de Ministros por el que se aprueban medidas para la potenciación de la acción exterior del Estado // http://www.mae.es/NR/rdonlyres.

[3] См.: Moratinos M.A. *Del compromiso electoral a la España del mundo global* // http://edit.mae.es/es.

[4] Noya J. *Potencias blandas. Diplomacia pública, imagen exterior y marca-país en EEUU y España* // Perspectivas exteriores 2004. Los intereses de España en el mundo. Madrid, 2004. P. 258.

тов во главе с Фелипе Гонсалесом и была во многом обусловлена (и простимулирована) проведением в 1992 г. в Севилье международной выставки ЭКСПО, а в Барселоне — Олимпийских игр. Накопленный опыт международного «раскручивания» Испании был затем использован и систематизирован в рамках так называемого Проекта испанского бренда, который с 2002 г. (уже при администрации НП) реализовывался совместно Институтом «Элькано», Ассоциацией признанных испанских марок, Институтом внешней торговли, МИДом и Ассоциацией руководителей средств связи.

В результате родились такие популярные пропагандистские слоганы, как «Spain is different» и «Spain: the friend in Europe», получившие широкое хождение за границей и положительно воспринятые миллионами людей[1]. Примером инструмента политики «мягкой силы» может служить и работа Института Сервантеса, занимающегося распространением языка и культуры Испании в десятках стран земного шара.

С помощью политики «мягкой силы», активно продвигая на международной арене позитивный образ испанского государства, официальный Мадрид сумел найти ответы на некоторые новые вызовы, с которыми страна столкнулась в последней четверти XX в. Пример тому — угроза демографического упадка, нависшая над Испанией, как и рядом других европейских государств, в 80-е годы прошлого столетия. В начале текущего века испанское население, главным образом, за счет резко возросшего числа иммигрантов, стало ощутимо расти. Для сравнения: 1991 г. — 39,4 млн жителей, 2001 г. — 40,8 млн, 2006 г. — 45 млн. Таким образом, десятилетиями наблюдавшаяся тревожная тенденция к падению прироста населения была переломлена, в решающей степени благодаря развитию внешних связей.

Все это позволило профессору Университета Комплутенсе политологу Селестино дельАреналю даже сформулировать тезис о том, что Испания стала великой державой в плане использования «мягкой силы» в своих международных отношениях[2]. К этому можно добавить оригинальное соображение, высказанное Х. Нойей: умелое применение инструментов политики «мягкой силы» может сделать ее «жесткой», то есть, в конечном счете, принести не меньшие плоды, чем традиционные силовые методы. В этом смысле, считает ученый, кон-

---

[1] Например, в результате хорошо продуманной и организованной политики Испания вышла на второе место в мире (после Франции) по числу иностранных туристов — 58,5 млн гостей в 2006 г. // El País. 29.01.2007.

[2] См.: Del Arenal C. Op. cit.

цепция укрепления странового бренда и повышения международного имиджа Испании обретает большое будущее[1].

Значительный резерв дальнейшего расширения участия Испании в мировых делах образует трансграничная деятельность автономных сообществ. Следует оговориться, что вопрос этот не простой — ведь самостоятельный выход регионов на международную арену, не предусмотренный, кстати, Конституцией, может породить конфликт интересов с органами центральной власти. Тем не менее уже с 80-х годов прошлого века отдельные сообщества стали открывать собственные информационно-культурные представительства за рубежом, главным образом, при штаб-квартире руководящих органов Евросоюза в Брюсселе. В нынешнем столетии, учитывая стремление ряда автономий к укреплению своей идентичности, можно ожидать активизации их внешних сношений. Так, в апреле 2007 г. правительство Каталонии уже объявило о предстоящем открытии шести новых зарубежных представительств: в Берлине, Буэнос-Айресе, Мехико, Нью-Йорке, Париже и Пекине, рассматривая их как площадку для продвижения политических, экономических и культурных интересов автономии в ключевых районах мира[2].

Важный фактор — и эксклюзивный ресурс — внешней политики Испании — деятельность короля Хуана Карлоса I, осуществляющего по Конституции высшее представительство испанского государства в международных делах[3]. Высокий авторитет монарха во всем мире позволяет ему активно содействовать продвижению за рубежом испанских политических и экономических интересов. Хуан Карлос привносит в дипломатию Мадрида личное измерение. Нередко он возглавляет испанские делегации для участия в наиболее представительных международных форумах и конференциях, а официальные зарубежные визиты королевской четы целенаправленно открывают испанскому бизнесу новые рынки и возможности[4].

Среди них следует упомянуть поездку монаршей четы в феврале 2006 г. в сопровождении почти 40 предпринимателей и банкиров во Вьетнам и Таиланд. Этот визит прошел в рамках так называемого «Плана действий в азиатско-тихоокеанском регионе», незадолго до того принятого правительством Х.Л. Родригеса Сапатеро и ставив-

---

[1] См.: Noya J. Op. cit. P. 274.

2 См.: El País. 27.04.2007.

[3] См.: Испания. Конституция и законодательные акты. М., 1982. С. 48.

[4] Показательная статистика: в 2006 г. председатель правительства Испании совершил 5 официальных визитов за рубеж, а королевская чета — 15.

шего целью качественное улучшение отношений, прежде всего, торгово-экономических, со странами Азии и бассейна Тихого океана[1]. Выступая в Организации Объединенных Наций и с других высоких трибун, Хуан Карлос ясно выражает свою твердую приверженность принципу «эффективной многополярности» в международных отношениях и подчеркивает, что «ни одно государство не может претендовать на право единолично решать общие проблемы»[2].

Вплоть до начала нынешнего столетия «европеизм» в дипломатии Мадрида превалировал над «атлантизмом», что имело под собой прочную материальную основу. Именно на европейские страны приходилась (и приходится) львиная доля торгово-хозяйственных, инвестиционных и гуманитарных обменов Испании, и от сотрудничества с этими государствами в решающей степени зависит не только состояние всей национальной экономики, но и становление политических и социальных институтов испанского общества, укрепление демократических порядков.

Вхождение Испании в объединенную Европу не только придало сильнейший импульс внутреннему развитию страны, но и ощутимо укрепило ее международные позиции в целом и на «атлантическом» направлении в частности. В отношениях с США это проявилось в процессе подготовки двустороннего соглашения о сотрудничестве в сфере обороны, подписанного 1 декабря 1988 г. После трех лет переговорного марафона испанской стороне удалось перевести взаимоотношения двух государств в русло равноправных, насколько это вообще возможно. В частности, в документе фиксировались такие принципы, как суверенитет и контроль Испании над ее территорией, территориальными водами и воздушным пространством. США существенно, более чем на треть, сокращали свой военный персонал на испанской земле и выводили с базы в Торрехоне де Ардос 72 самолета «F-16». По мнению аналитиков, соглашение 1988 г. сделало ситуацию в испано-американских отношениях достаточно предсказуемой и прозрачной и содействовало созданию благоприятного климата для активизации дипломатической деятельности испанского государства, повышению его самостоятельности в вопросах безопасности и оборонной политики[3].

Существенные подвижки во внешней политике Мадрида произошли с приходом к власти в 1996 г. правительства Народной партии.

---

[1] См.: El País. 20.02.2006.

[2] El Mundo. 15.11.2005.

[3] Подробнее см.: Орлов А.А. Испания в системе военно-политических организаций и союзов Запада: обретение «нового лица». М., 2000. С. 126–128; Pereira J.C. (coord.). Op. cit. P. 540–542.

Администрация Х.М. Аснара стала постепенно смещать фокус дипломатического внимания с приоритетного укрепления отношений с европейскими партнерами, в первую очередь с Францией и Германией, на союз с Вашингтоном, что в итоге привело к политике «безусловного равнения» или «автоматического следования» в фарватере США. Как отмечали испанские эксперты, правительство НП «неоднократно демонстрировало свое согласие с политикой США даже в тех случаях, когда это шло вразрез с позицией его европейских партнеров...»[1].

Нельзя сказать, что администрация Х.М. Аснара всерьез поставила под сомнение европейский выбор Испании, но она сделала американоцентризм стержнем своей внешней политики и акцентировала курс на превращение страны в «привилегированного союзника» Соединенных Штатов в Европе. Мадрид поддержал решение Вашингтона в одностороннем порядке выйти из российско-американского Договора по ПРО (декабрь 2001 г.), выразил полную солидарность с новой доктриной безопасности США, в апреле 2002 г. заключил двустороннее соглашение, расширявшее возможности Пентагона использовать военные объекты на испанской территории, предоставил право американским спецслужбам проводить антитеррористические операции в Испании. Пытаясь теоретически обосновать проамериканский курс внешней политики Монклоа, испанские эксперты-международники Рафаэль Бардахи и Флорентино Портеро писали: «Нет сомнений, что мир, в котором мы сейчас живем, является однополярным. США — это держава-гегемон, поскольку только ее военный бюджет позволяет развертывать и вести боевые действия классического или нового типа в любом районе земного шара...» И далее: «У Испании нет выбора. Главное — сохранять тесные связи с Соединенными Штатами. Это — единственный союзник, который может помочь во всем, что нас интересует»[2].

Кульминацией «равнения на Вашингтон» стала безоговорочная поддержка политики Дж. Буша в отношении Ирака. Правительство Х.М. Аснара, используя свое положение непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 2003–2004 гг., фактически не допустило создания единого фронта основных континентальных держав Европы, выступавших против военной операции в Ираке. Достаточно вспомнить участие Мадрида в подготовке так называемого письма восьми (30 января 2003 г.), в котором лидеры Великобритании, Венгрии, Дании,

---

[1] Pereira J.C. (coord.). Op. cit. P. 547.

[2] Bardají Rafael L., Portero E. *España y la reconfiguración del orden mundial* // Perspectivas exteriores 2004. Los intereses de España en el mundo. P. 68, 69.

Испании, Италии, Польши, Португалии и Чехии выражали полную поддержку любым действиям США, в том числе и военным, по разоружению Ирака.

Европа раскололась: Греция, которая председательствовала в тот период в Евросоюзе, не была поставлена в известность о подготовке заявления. Не были проинформированы о «письме восьми» Германия и Франция. Мадрид как бы «отодвигал» другие европейские страны и — вместе с Лондоном — брал на себя функцию проводника линии Вашингтона на континенте. «По существу, — пишет российский исследователь Е. Черкасова, — в период иракского кризиса Аснар высказался за то, чтобы Испания играла роль государства первого эшелона»[1].

Взяв курс на поддержку силовых методов Соединенных Штатов, Мадрид пошел до конца и принял прямое участие в иракской войне: в район боевых действий был отправлен отряд боевых кораблей, включая десантное судно «Галисия», фрегат охраны и танкер с топливом. Вскоре испанский контингент в Ираке насчитывал 1300 солдат и офицеров в составе ибероамериканской бригады «Плюс ультра», совместно с военнослужащими ряда центральноамериканских стран и Доминиканской Республики (еще порядка 1100 человек). Напомним, что отправка в Ирак воинского контингента была предпринята вопреки мнению подавляющего большинства испанцев, протестовавших против такого решения.

Политика НП в «иракском вопросе» в конечном итоге себя не оправдала, а ожидания Х.М. Аснара войти в Большую восьмерку оказались явно завышенными. Внешнеполитическая модель правительства, которое отдавало приоритет «атлантизму», имела негативные последствия для европейского направления испанской дипломатии и в целом нанесла ущерб взаимодействию европейских государств. По существу, образовалось «трио» — Вашингтон, Лондон, Мадрид, которое вбило клин в общеевропейскую политику. При этом испанские власти ощутимо ослабили свои позиции в Европе, где охлаждение отношений с Берлином и Парижем не было компенсировано ожидаемой поддержкой Лондона и Рима. «Доктрина Аснара» не прошла испытания на прочность.

Большинство аналитиков и политических наблюдателей солидарны в том, что при всей очевидной (и никем из серьезных политиков не оспариваемой) важности сотрудничества с США, европейский

---

[1] Черкасова Е. Испания: политика безопасности и иракский кризис // Мировая экономика и международные отношения. М., 2003. № 10. С. 76.

вектор международных связей Испании должен превалировать. С уходом с политической сцены правительства НП было необходимо непредвзято и трезво оценить состояние испано-американских отношений и по возможности провести их коррекцию. Кабинет социалистов подтвердил: взаимодействие с Соединенными Штатами остается одной из главных координат его внешней политики, что на обозримую перспективу детерминировано совпадением базовых ценностей двух стран и народов, а также характером союзнических обязательств и уровнем политических и торгово-экономических связей.

Достаточно сказать, что свыше 600 испанских компаний (многие из которых заняты в высокотехнологичных секторах) являются филиалами или отделениями американских ТНК и на их долю приходится 10% совокупных национальных расходов на НИОКР. «Испанское правительство, — подчеркивал в этой связи министр иностранных дел и сотрудничества Мигель Анхель Моратинос, — отводит отношениям Испании и США приоритетное значение»[1]. Но такое положение отнюдь не должно означать автоматического следования в фарватере политики Вашингтона и подчинения испанских национальных интересов целям американских правящих кругов.

И еще один существенный момент. Судя по всему, новое испанское руководство не было удовлетворено не только характером, но и уровнем двусторонних связей с США. Лидеры социалистов, выстраивая новую модель взаимоотношений с США, стремились параллельно решить две важные для себя проблемы: усилить автономность и самостоятельность своих действий на международной арене и повысить уровень испано-американского диалога, расширить межгосударственные контакты в областях, представляющих приоритетный интерес для обеих сторон. Задачи ставились непростые, учитывая крайнее раздражение Белого дома решением правительства ИСРП вывести испанские войска из Ирака, а также стремлением Мадрида поддерживать нормальные связи с Венесуэлой и Кубой.

Совершенно очевидно, что с приходом к власти социалистов в испано-американских отношениях «пробежал холодок». Явным симптомом охлаждения испано-американских отношений стал и тот факт, что государственный секретарь Кондолиза Райс на протяжении полугода трижды отменяла свой визит в Мадрид (осенью 2006 г., в январе и марте 2007 г.). В напряженной атмосфере прохо-

---

[1] Moratinos M.Á. *Discurso en la inauguración de la X reunión del Consejo España — Estados Unidos* (14 de mayo de 2005) // http://www.mae.es.

дил первый официальный визит М.А. Моратиноса в США в апреле 2005 г. В частности, в ходе встречи в Комитете по иностранным делам американского конгресса его председатель, республиканец Генри Хайд, и еще ряд конгрессменов в ответ на призыв министра «интенсифицировать диалог» между двумя странами прямо выразили испанскому дипломату свое «непонимание внешней политики Испании».

В последовавших комментариях Министерства иностранных дел и сотрудничества разъяснялось, что Мадрид и Вашингтон едины в стремлении к демократии, а отмечаемые испано-американские разногласия касаются методики достижения поставленной цели[1]. Нужно признать, что такая интерпретация, хотя и несколько упрощала сложившуюся ситуацию, в главном была недалека от истины: в международной повестке Испании и Соединенных Штатов имеется длинный список тем, по которым возможно и необходимо конструктивное взаимодействие в двустороннем и многостороннем формате. Среди вопросов, в последние годы неизменно остающихся в фокусе испано-американских отношений, — сотрудничество в международной антитеррористической борьбе. Никакие трения и разногласия не могут серьезно повлиять на решимость обеих стран совместно противодействовать террористической угрозе.

Подтверждая эту линию, генеральный прокурор США Джон Эшкрофт и министр юстиции Испании Хуан Фернандо Лопес Агилар в декабре 2004 г. подписали соглашение о расширении рамок и совершенствовании форм взаимодействия юридических органов. Дальнейшей синхронизации усилий правоохранительных органов двух государств послужил официальный визит в апреле 2005 г. в Вашингтон министра внутренних дел Испании Хосе Антонио Алонсо, где он провел переговоры и встречи с директором ФБР, министром юстиции, генеральным прокурором и секретарем по вопросам национальной безопасности. Была, в частности, достигнута договоренность об использовании новейших технологий для обеспечения безопасности международных транспортных перевозок и координации операций по борьбе с нелегальной иммиграцией[2].

Определенную ценность для США Испания представляет как сильный политико-экономический игрок в Латинской Америке. В условиях, когда один из главных векторов перемен в регионе явно

---

[1] См.: El Congreso de EEUU le manifiesta a Moratinos su incomprensión sobre la política exterior Española. См.: http://www.eldiarioexterior.com/noticia.asp?idarticulo=4511.

[2] См.: El Mundo. 19.04.2005.

расходится со стратегическими задачами Вашингтона (речь идет о так называемой «левой волне»)[1], правящие круги Соединенных Штатов заинтересованы в союзниках и партнерах, чтобы скоординированными усилиями противостоять напору левонационалистических сил. Для дипломатического зондажа и определения возможных сфер взаимопонимания и сотрудничества в конце января 2006 г. в Мадриде побывал помощник государственного секретаря по делам Западного полушария Томас Шеннон и провел встречи и переговоры с высокопоставленными испанскими чиновниками.

Как следовало из коммюнике американского посольства в Мадриде, стороны пришли к согласию по широкому кругу вопросов: необходимость укрепления в латиноамериканских странах институтов гражданского общества и демократических устоев, содействие экономическому развитию, борьба с бедностью, повышение уровня образования, совершенствование государственного управления и судопроизводства, противодействие наркоторговле и организованной преступности и т. д. «О расхождениях никто не упоминал, — писала “Эль Паис”, — но было очевидно, что они касаются Венесуэлы и Кубы»[2].

История этих расхождений такова. 28 ноября 2005 г. в Каракасе были подписаны крупные контракты (на общую сумму свыше 1,7 млрд евро) на поставку испанскими фирмами венесуэльским вооруженным силам 12-ти самолетов и восьми патрульных судов. Разумеется, деловые круги Испании были крайне заинтересованы в этой сделке, но она частично оказалась торпедированной. В производстве воздушных судов использовались компоненты, импортированные из США, и потому требовалось согласие (фактически на реэкспорт) американских властей, которое, несмотря на предпринятые усилия, так и не было получено. «Соединенные Штаты, — заявил венесуэльский вице-президент Хосе Висенте Ранхель на встрече с М.А. Моратиносом, — сделали поставку самолетов в Венесуэлу невозможной. Мы глубоко об этом сожалеем». И добавил: «В этом случае был ущемлен суверенитет Испании, а не наш. Что касается нас, то мы приобретем такую технику в любой части света»[3].

Обосновывая свой запрет, Вашингтон заявил, что политика венесуэльского правительства «дестабилизирует обстановку в регионе» и

---

[1] Имеется в виду приход к власти электоральным путем левых и левоцентристских сил в Аргентине, Боливии, Бразилии, Венесуэле, Никарагуа, Уругвае, Чили и Эквадоре.

[2] El País. 01.02.2006.

[3] España anuncia la cancelación de la venta de varios aviones a Venezuela // http://actualidad.terra.es.

поставки военной техники могут «осложнить ситуацию»[1]. Нам представляется, что данное объяснение искажало реальное состояние дел. Речь шла о приобретении 10-ти транспортных и двух патрульных самолетов, которые никоим образом не могли нарушить баланс сил в южноамериканском регионе. В действительности на позицию США оказали воздействие два обстоятельства. Во-первых, безусловно, политический фактор — стремление, где только можно, ущемить интересы правительства Уго Чавеса, превратившегося в главного антипода Белого дома в Латинской Америке. Во-вторых, дать почувствовать обитателям дворца Монклоа, «кто в доме хозяин», указать испанскому бизнесу, что он, несмотря на все успехи, остается младшим партнером американских ТНК.

Охлаждение испано-американских отношений вызвало чуть ли не панику в рядах Народной партии, лидеры и сторонники которой, с одной стороны, подвергли внешнюю политику социалистов резкой критике, а с другой, — наперебой стали предлагать руководству страны свои услуги по «наведению мостов». В числе самых непримиримых критиков оказался, как и следовало ожидать, Х.М. Аснар. В июле 2005 г. Вашингтон посетил новый председатель НП Мариано Рахой для участия во встрече лидеров Международного демократического союза. Воспользовавшись случаем, он в беседе с журналистами буквально устроил разнос внешней политике правительства ИСРП и обвинил социалистов в том, что из-за них Мадрид потерял «нормальных союзников», в первую очередь США. В то же время он в очередной раз предложил правительству свои услуги для «улучшения отношений между Соединенными Штатами и Испанией»[2].

Можно констатировать, что испано-американские отношения при правительстве социалистов вступили в стадию перехода к новой модели взаимодействия двух государств. В основе отношений между Испанией и США лежат исторически сложившиеся общие идеологические ценности, приверженность принципам демократии и либеральной рыночной экономики. Оба государства готовы продвигать (и продвигают) эти ценности и принципы на мировой арене, но действуют различными методами: Вашингтон максимально использует весь арсенал имеющихся у него средств, включая дипломатический нажим и несанкционированное международным сообществом применение военной мощи (методы «жесткой силы»), а Мадрид вполне определенно делает ставку на политику «мягкой силы».

---

[1] EEUU impide definitivamente que España venda aviones a Venezuela // http://www/20minutos/es/18/102006.

[2] El País. 19.07.2005.

Национальные интересы Испании на глобальном уровне обусловливают активное участие ее бизнес-структур в борьбе за новые рынки в различных районах мира. Неизбежным следствием становится не только тесная кооперация испанских компаний с американскими корпорациями (так было всегда), но и острая конкурентная борьба, последствия которой проецируются на внешнеполитический курс испанского государства. Конечно, прочное испано-американское партнерство наверняка сохранит свою высокую значимость, но на ближайшую перспективу по своему удельному весу и месту в повестке дня официального Мадрида будет явно уступать европейскому вектору испанской дипломатии.

Взгляды на мир Испании и США, совпадая в главном, существенно различаются в деталях. И эти различия, не являясь чем-то раз и навсегда данным, могут углубляться (или напротив — сглаживаться) в зависимости от действия многих факторов внутреннего и внешнего порядка. Думается, что по мере утверждения многополярного характера глобальных связей и складывания нового миропорядка с возникающими на наших глазах новыми центрами силы и влиятельными международными игроками, в Испании окончательно возобладает курс на диверсификацию и выравнивание внешнеполитических и внешнеэкономических отношений, в которых «атлантизм» объективно будет иметь тенденцию к снижению.

Доктринальные установки испанской внешней политики (как они сложились во второй половине XX в.) слабо мотивировали Мадрид к активному участию в конфликтных ситуациях и кризисах, разворачивавшихся в районах, географически не примыкавших к национальной территории. «Сложив с себя полномочия» колониальной державы, Испания резко сократила внешние обязательства в сфере обороны и безопасности и на десятилетия утратила интерес и материальные возможности напрямую участвовать в кризисах и конфликтах других государств.

Став членом НАТО (декабрь 1981 г.) и со временем войдя в число экономически развитых, демократических государств, Испания предприняла усилия по реорганизации и модернизации своих вооруженных сил, с тем чтобы в их составе были подразделения, пригодные для развертывания в рамках международных миротворческих операций. В 2006 г. испанские миротворцы и военные наблюдатели (общей численностью около 2500 человек) находились в Афганистане, Гаити, Индонезии, Конго, Косово, Ливане, Пакистане, Эфиопии и Эритрее[1].

---

[1] Операции ООН по поддержанию мира. http://www.un.org/russian/peace/pko/; El País. 31.12.2005.

Характерный пример — участие Испании в антитеррористической и миротворческой операции в Афганистане, где, прежде всего на базе в Герате, в 2007 г. находилось около 700 испанских военнослужащих Международных сил по поддержанию безопасности (ISAF), развернутых по мандату ООН под эгидой НАТО. Заметим, что вклад испанцев в войну с талибами был существенным. В частности, в период с февраля 2002 г. по июнь 2003 г. в рамках контртеррористических операций «Незыблемая свобода» и «Анаконда» испанские пилоты на самолетах «Геркулес» совершили 329 вылетов, перебросив в Афганистан с авиабазы «Манас» (вблизи киргизской столицы Бишкек) 5120 военнослужащих и 2820 т грузов[1]. Стратегическое значение, с точки зрения общей ситуации в стране, сохраняет осуществляемый испанскими военными контроль над базой в Герате — одной из важных опорных точек сил антиталибской коалиции.

Позитивную роль в нормализации ситуации в Афганистане испанские части сыграли, реализуя программы гражданского характера: строительство госпиталя, который обслуживает район с населением 100 тыс. жителей, моста, взлетно-посадочной полосы и других объектов инфраструктуры. Именно в этом состояла вторая сторона миротворческой миссии — помощь афганцам в налаживании нормальной жизни. Почти не понеся потерь в ходе непосредственных боевых действий (по состоянию на конец февраля 2007 г. было убито двое военнослужащих), Испания в период антитеррористической операции потеряла, тем не менее, 79 человек в двух авиационных катастрофах.

Иной политический смысл приобрело участие Испании в иракском конфликте, о чем было уже сказано ранее.

Победив на выборах 14 марта 2004 г., социалисты подтвердили свое обещание вывести войска из Ирака и вновь подчеркнули, что участие Испании в антииракской коалиции было стратегической ошибкой, поскольку военный путь решения проблемы носил контрпродуктивный и весьма опасный характер. Вместе с тем, сознавая меру ответственности предпринимаемого шага, Мадрид по дипломатическим каналам провел с союзниками по НАТО (в том числе, с США) серию встреч и консультаций, разъясняя и аргументируя свою позицию. Именно в ходе такого рода контактов и переговоров проходил «обкатку» новый подход испанского руководства к проблеме урегулирования международных кризисных и конфликтных ситуаций, который очень скоро дал о себе знать.

---

[1] См.: El País. 20.03.2006; 30.01.2007.

Так, в условиях резкого обострения в ряде европейских и азиатских стран межэтнических и религиозных конфликтов, а также обозначившейся крайне опасной тенденции их переноса на межгосударственный уровень, Испания взяла на себя инициативу по снижению возникшей напряженности и поиску компромиссных, взаимоприемлемых решений. Эта позиция первоначально была сформулирована в выступлении председателя испанского правительства на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2004 г.), где он заявил: «...как представитель страны, созданной и обогащенной различными культурами, хочу на этой ассамблее предложить Альянс цивилизаций между западным миром и миром арабов и мусульман»[1].

Своевременное обращение Мадрида к международному сообществу, хотя и не сразу, но встретило понимание в умеренных мусульманских странах. Оно нашло свое конкретное воплощение в совместном призыве (февраль 2005 г.) Х.Л. Родригеса Сапатеро и турецкого лидера Реджепа Тайипа Эрдогана завязать диалог между преимущественно христианской Европой и исламским миром и общими усилиями строить так называемый Альянс цивилизаций[2]. Инициатива двух лидеров была положительно воспринята в мировых политических кругах. В ее поддержку выступили Генеральный секретарь ООН К. Аннан, Лига арабских государств, Саммит глав государств и правительств 191 страны мира, собравшийся в связи с 60-летием Объединенных Наций, руководители ряда европейских и азиатских стран. Позитивную оценку испано-турецкая идея получила и у российского руководства.

Первоначальная реакция официального Вашингтона на планы создания «Альянса цивилизаций» была настороженной, поскольку, как писала испанская печать, в Белом доме опасались, что это может нанести ущерб глобальной борьбе с исламским терроризмом. Однако по мере того, как инициатива Мадрида и Анкары получала все более широкий международный резонанс, менялась и позиция Соединенных Штатов. В феврале 2006 г. государственный секретарь Кондолиза Райс направила М.А. Моратиносу личное послание, в котором заверила, что «правительство Буша политически поддерживает» предложение Х.Л. Родригеса Сапатеро и готово принять участие в финансировании данного проекта[3].

[1] Intervención del Presidente del Gobierno Excmo. Sr. Don José Luís Rodríguez Zapatero ante la Asamblea General de Naciones Unidas (Nueva York, 21 de septiembre de 2004). P. 6.

[2] См.: International Herald Tribune. Paris. 05.02.2006.

[3] См.: El País. 16.02.2006.

Энергичные и целенаправленные действия лидеров Испании и Турции принесли свои плоды: идея «Альянса цивилизаций» стала, по существу, глобальным проектом, обрела статус инициативы ООН и получила не только политическую, но и материальную поддержку правительств 30 государств мира, что позволило перейти к конкретным действиям по ее реализации. Решительным шагом вперед в этом направлении было создание под эгидой ООН Группы высокого уровня (ГВУ)[1], в задачу которой входила подготовка аналитического доклада с конкретными рекомендациями по развитию конструктивного сотрудничества между странами и народами христианского и мусульманского миров и преодолению возникающих конфликтных и кризисных ситуаций на межнациональном и межконфессиональном уровнях. В декабре 2006 г. итоговый документ был готов, передан в ООН и стал достоянием мирового политического сообщества.

Основываясь на выводах и рекомендациях ГВУ, испанское руководство по согласованию с другими сторонниками «Альянса цивилизаций» объявило о практических шагах по реализации этой международной инициативы. Во-первых, назначение Высокого представителя для повседневного руководства ходом выполнения намечаемых программ и проектов и мониторинга состояния дел в сфере межцивилизационных отношений[2]. Во-вторых, ежегодный созыв Гражданского форума для определения текущих приоритетов и задач общественных организаций и принятия соответствующих решений. В-третьих, создание (со штаб-квартирой в Испании) Всемирного центра цивилизационных исследований[3]. Кроме того, уже в январе 2007 г. (через месяц после представления в ООН доклада ГВУ) в Мадриде состоялось открытие «Арабского дома» — центра испано-арабского диалога.

В новом внешнеполитическом контексте и с учетом инициативы «Альянса цивилизаций» правительство социалистов формулировало

---

[1] В группу вошли 18 известных деятелей, представляющих как христианские, так и мусульманские страны. В их числе: бывший генеральный директор ЮНЕСКО испанец Федерико Майор Сарагоса, турецкий министр Мехмет Айюдин (сопредседатели группы), экс-президент Ирана Мохамет Хатами, премьер-министр Сенегала в отставке Мустафа Ниассе, бывший министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин, южноафриканский архиепископ, лауреат Нобелевской премии Десмонд Туту, генеральный секретарь Иберо-американского сообщества Энрике Иглесиас, представители США, Великобритании, России, Египта, Индии, Индонезии, Катара, Марокко, Пакистана и Туниса.

[2] В конце апреля 2007 г. на этот пост ООН назначила известного государственного деятеля, бывшего президента Португалии Жорже Сампайо // El País. 26.04.2007.

[3] См.: El Presidente invita a los países miembros de la ONU a trabajar por la Alianza de Civilizaciones // http://www.la-moncloa.es.

свою политику на Ближнем Востоке. Исторически Испания поддерживала значительно более тесные и глубокие отношения с арабским миром, чем с Израилем, с которым дипломатические отношения были установлены только в 1986 г. С этого момента испанская дипломатия старалась проводить сбалансированный курс в ближневосточных делах и по мере возможности вносить свой вклад в нормализацию обстановки в этом взрывоопасном районе. Убедительное тому свидетельство — организация в 1991 г. в Мадриде мирной конференции по Ближнему Востоку, открывшей путь к переговорам между Израилем и его соседями и тем самым положившей начало очередному этапу ближневосточного урегулирования.

Администрация «народников» в свое время внесла коррективы в ближневосточную политику Мадрида, приблизив ее к линии Вашингтона. Но и тогда сохранялись принципиальные различия в подходах двух стран, например, в отношениях с Сирией. Как известно, США однозначно добивались исключения Дамаска из мирного процесса и требовали от западноевропейских стран занять такую же позицию. Концепция испанского руководства была прямо противоположной: в Монклоа считали необходимым участие этой страны в процессе ближневосточного урегулирования и не меняли своей точки зрения. Симптоматично, что за время пребывания у власти НП министры иностранных дел Испании шесть раз посетили Дамаск, а в октябре 2003 г. в Сирии побывала королевская чета[1].

К периоду правления НП относится начало участия Испании (как страны — члена ЕС) в работе «ближневосточного квартета», деятельность которого не обеспечила выполнения принятой «дорожной карты» и установления прочного мира на Ближнем Востоке. Провал мирных усилий, которые, главным образом, осуществлялись по сценариям Белого дома, высветил слабости модели, основанной на сугубо избирательном подходе к отбору участников переговорного процесса, когда от него отсекались страны, по тем или иным причинам не устраивавшие США и Израиль в качестве партнеров. Более того, ставка Израиля на односторонние силовые действия привела к перемещению «квартета» на второстепенные позиции и, в конечном итоге, радикально ослабила его влияние на ход событий.

Правительство социалистов с самого начала своего пребывания у власти придавало исключительную важность проблеме урегулирования на Ближнем Востоке. Мадрид рассматривал сохраняющийся в регионе клубок противоречий как «раковую опухоль, дающую многочис-

[1] См.: El País. 11.03.2006.

ленные метастазы нестабильности»[1]. Испанское руководство пришло к заключению, что в данном конкретном случае военная сила — не панацея, что проведение боевых операций следует рассматривать как крайнее средство. Исходя из этого, Испания высказалась за активизацию коллективных дипломатических усилий, в частности, путем проведения новой международной конференции с участием всех заинтересованных сторон.

Мирный план, выдвинутый испано-французским руководящим тандемом, содержал следующие пункты: немедленное прекращение насилия; формирование правительства национального единства в Палестине; обмен пленными, включая возвращение израильского капрала, захваченного в Газе, а также десятков арестованных палестинцев; проведение максимально представительной мирной конференции («переговоры всех со всеми») и отправка миссии международных наблюдателей в сектор Газа для контроля за прекращением огня. Позиция социалистов основывалась на том, что главным условием урегулирования является возвращение враждующих сторон за стол переговоров в самом широком формате и без предварительных условий. «Необходимо возобновить диалог между всеми прямыми и косвенными участниками ближневосточного конфликта без каких-либо произвольных исключений, — развивал идею конференции Ф. Гонсалес. — Недостаточно участия США, России и Евросоюза. Арабские страны, Турция и Иран необходимы, чтобы найти путь к миру и стабильности. Нужно переговариваться и с теми, кто не согласен, иначе это будет диалог лишь с послушными клиентами, а не с реальными участниками противостояния»[2].

Стремясь увеличить свой вклад в решение ближневосточной головоломки, испанское правительство стало инициатором проведения в Мадриде 22 февраля 2007 г. испано-арабской конференции, в которой приняли участие делегаты 26 стран — членов Лиги арабских государств. Главным результатом работы этого представительного форума были два стратегических решения: «коллективное продвижение вперед к установлению нормальных отношений с Израилем» и обеспечение широкого международного признания будущему правительству палестинского единства[3].

Для бывшей великой колониальной державы, каковой Испания являлась на протяжении столетий, отношения с государствами Азии,

[1] El Mundo. 18.12.2006.
[2] González F. Pasado presente // El País. 24.01.2007.
[3] См.: El País. 23.02.2007.

Африки и, прежде всего, Латинской Америки имеют особую значимость и отмечены многими, только им присущими чертами и особенностями. Главное — это накопленный за долгую историю груз специфических и очень разных восприятий Королевства Испании в регионах так называемого третьего мира. Здесь воедино соединено все: и «родина-мать» для одних, и символ колониального порабощения и угнетения — для других. С начала XIX и до середины XX в. Мадрид последовательно, одну за другой, сдавал свои позиции метрополии и «учился жить» без уже ставших привычными и экономически необходимыми заморских владений.

В последнее десятилетие прошлого столетия ситуация изменилась. Быстро набирая силу, шел процесс «испанского возвращения» в бывшие колонии, но уже совершенно в ином качестве — как привлекательного политического и торгового партнера, крупного инвестора, источника экономической и финансовой помощи. Одновременно произошел и кардинальный поворот миграционных потоков: на глазах выросла притягательность Испании для граждан Эквадора и Марокко, Колумбии и Пакистана, Уругвая и Филиппин, многие из которых перебрались жить на Иберийский полуостров. Новый характер отношений Мадрида с развивающимися странами был концептуально сформулирован еще в доктрине экономической помощи государствам третьего мира в период завершения транзита и консолидации демократических порядков.

Осуществляя определенное смещение акцентов во внешней политике на вопросы сотрудничества (вспомним далеко не формальное переименование Министерства иностранных дел), правительство социалистов провозгласило амбициозные планы наращивания экономической помощи развивающимся государствам. Так, в программных документах ИСРП ставилась цель увеличить объем предоставляемой помощи с 0,23% ВВП Испании в 2004 г. (1985 млн евро) до 0,42% в 2007 г. (4200 млн евро) и 0,7% в 2012 г.[1] Для сравнения можно напомнить, что ООН ставит перед развитыми странами задачу достижения уровня 0,7% только в 2015 г.[2] «Повышенные обязательства» Мадрида были с удовлетворением восприняты в странах третьего мира, равно как и выплату 700 млн долл. в счет так называемых добровольных взносов Испании в фонды и программы ООН. Это

[1] См.: 100 medidas de Gobierno. Merecemos una España mejor; http://edit.mae.es/es/menuppal.

[2] Заявление Генерального секретаря. Нью-Йорк, 21 марта 2005 г. См.: http:// www.un.org.

означало почти четырехкратное увеличение размеров испанских платежей[1].

Максимальных масштабов и глубины в третьем мире отношения Мадрида достигли со странами Латинской Америки, что можно проиллюстрировать на примере генезиса и развития Ибероамериканского сообщества наций (ИСН) — межгосударственного объединения, куда наряду с Испанией входят 19 латиноамериканских государств, Португалия и Андорра. История создания ИСН — свидетельство ухода в прошлое исключительности так называемых «фиксированных союзов», на смену которым пришли разнообразные соглашения и альянсы по интересам, что в современной политологии и внешнеполитической практике получило наименование «дипломатии с изменяемой геометрией»[2].

В новых условиях внешняя политика правительства все больше характеризовалась поиском путей и ресурсов повышения роли Испании на мировой арене, в том числе за счет кооперации с государствами за пределами Европы и в первую очередь Латинской Америки. Причем сотрудничество с латиноамериканскими партнерами принимало самые различные формы, одной из которых и стал ибероамериканский проект.

Идея объединить иберийские и латиноамериканские государства в единый политический и экономический блок, задействовав факторы культурно-языковой и исторической общности, своими корнями уходит в историю. В постфранкистский период перевод такого рода планов в практическую плоскость мыслился в правящих кругах Испании уже во второй половине 70-х годов прошлого века, то есть в самом начале демократического транзита. Но объективный анализ тогдашней ситуации в Латинской Америке, где во многих странах у власти находились военные и авторитарные режимы (включая такие одиозные, как пиночетовский в Чили и стреснеровский в Парагвае), заставил Мадрид отложить эти планы до лучших времен[3]. Благоприятная обстановка для реанимации проекта ИСН сложилась в начале 90-х годов, когда в большинстве государств региона установились демократические порядки и окрепли институты гражданского общества.

Какие же цели ставил теперь перед собой Мадрид, договариваясь о запуске механизма ибероамериканского сотрудничества? Со стороны Испании просматривалась следующая мотивация экономического и

---

[1] El Presidente invita a los países miembros de la ONU a trabajar por la Alianza de Civilizaciones.

[2] Лавров С.В. Внешнеполитические итоги 2005 года: размышления и выводы // http://www.in.mid.ru/brp.

[3] См.: Alicia Fraerman. *Existe Iberoamérica?* // http://www.cumbresiberoamericanas.com.

политического порядка. Заметно окрепшие бизнес-структуры Испании — кандидаты на глобальную конкуренцию проявляли повышенный интерес к новым рынкам для своих товаров и капиталов и все чаще обращали взоры в сторону латиноамериканского региона. По существу, испанский крупный бизнес сделал заявку на то, чтобы стать фактором его экономического развития. Именно такого рода аргументы и устремления определяли курс Мадрида на возрождение широких связей экс-метрополии с ее бывшими заморскими колониями

На практике все началось с I Ибероамериканского саммита — встречи глав государств и правительств иберийских и латиноамериканских стран, прошедшей в мексиканском г. Гвадалахара 18–19 июля 1991 г. Он был созван по инициативе Мексики, активно поддержанной, в первую очередь, Испанией. Мехико и Мадрид выдвинули идею укрепления исторического взаимодействия ибероамериканских народов с помощью особого форума, позволяющего на высшем уровне в регулярном режиме (ежегодно) обсуждать актуальные проблемы политического и социально-экономического развития стран-участниц и вырабатывать согласованную платформу действий.

Кардинальную роль в становлении и развитии ибероамериканского проекта сыграли отношения группы ведущих латиноамериканских государств (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Мексика, Чили) с Испанией, а также собственно латиноамериканская политика Мадрида в 90-х годах прошлого века и в начале нынешнего тысячелетия. По мере осуществления демократических преобразований в Испании и укрепления ее позиций на Европейском континенте, дипломатическая активность в Латинской Америке становилась безусловным приоритетом всех без исключения испанских правительств, долговременной, неконъюнктурной составляющей их внешней политики. Разумеется, каждая администрация вносила в латиноамериканский курс собственные «штрихи», но на протяжении двух десятилетий (1976–1996) политика испанских правящих кругов в регионе отличалась последовательностью и стремлением к самостоятельности, то есть к отказу подчинить кому-либо свои действия.

Латиноамериканская политика Мадрида претерпела изменения с приходом к власти правительства «народников». Их «новый курс» выразился, в первую очередь, в откровенно антикубинской позиции, занятой Х.М. Аснаром уже на VI саммите в Чили (1996), что впоследствии привело к возникновению «бесплодного кризиса» и даже поставило под угрозу проведение IX саммита в Гаване (1999)[1]. Совместными

[1] См.: Pereira J.C. (coord.). Op. cit. P. 548.

усилиями лидеров разных стран напряженность в испанско-кубинских отношениях удалось снизить, но действия администрации НП продолжали отрицательно сказываться на развитии ибероамериканского сотрудничества. По утверждению руководства ИСРП, в апреле 2002 г. правительство Х.М. Аснара вмешалось во внутренние дела Венесуэлы, поддержав попытку переворота и свержения президента У. Чавеса. Болезненную реакцию в регионе вызвали неуклюжие дипломатические демарши Мадрида в попытке оказать прямой нажим на латиноамериканские государства, например Мексику и Чили, чтобы побудить их поддержать в ООН позицию США по иракской проблеме.

Деятельность испанских компаний и банков в Латинской Америке также вызывала вопросы. С одной стороны, страны региона получили миллиардные финансовые вливания, новые технологии и современные методы менеджмента. Все это с полным на то основанием можно занести в актив иберийских ТНК. Но была и другая сторона медали. Многочисленные факты, легшие в основу специальных исследований, показывают: экспансия испанского капитала (как, впрочем, и любого другого) ведет к выкачиванию из Латинской Америки сверхприбылей и обостряет имеющиеся социальные проблемы, что неизбежно провоцирует возникновение конфликтных ситуаций между «новыми конкистадорами», как окрестили ТНК, и местными властями. Не раз эти конфликты переходили на межгосударственный уровень, как это было, к примеру, в Аргентине, когда правительство Х.М. Аснара напрямую лоббировало интересы испанских компаний, понесших экономические потери в результате острейшего кризиса, охватившего эту страну в конце 2001 г.

На ибероамериканских встречах в верхах (особенно в 2002 и 2003 гг.) председатель испанского правительства откровенно пытался навязывать свою линию остальным участникам форумов. Это проявлялось в выдвижении односторонних инициатив, заранее не согласованных, как это было всегда принято, с другими руководителями, и противоречило официально декларируемым целям и принципам ибероамериканского процесса, рождало у многих руководителей латиноамериканских стран изрядный скептицизм в отношении будущего ИСН.

Однако ни сложный комплекс возникших проблем, ни политика правительства Х.М. Аснара не остановили процесс образования ИСН. Вопреки объективным и субъективным трудностям, на ибероамериканском пространстве продолжалось формирование новой системы многосторонних политических, экономических, культурных, научных и гуманитарных связей, что однозначно расширяло международные горизонты Мадрида и способствовало укреплению сотрудничества латиноамериканских и иберийских государств, вне зависимости от

колебаний глобальной конъюнктуры и действий правящих кругов отдельных — даже весьма влиятельных — стран.

Возможности еще большего расширения сферы совпадающих интересов возникли после прихода к власти правительства ИСРП, когда повысились шансы на преодоление существующих разногласий. В частности, удалось существенно улучшить отношения с Венесуэлой и Кубой, приглушить недовольство деятельностью испанских ТНК, перевести в конструктивное русло переговоры между латиноамериканскими и иберийскими странами в рамках очередного раунда ВТО. Все это делалось для реализации ибероамериканского проекта, сближения Испании и Латинской Америки, а в более широком контексте — Европы и латиноамериканского региона. Важным шагом на пути превращения ИСН в полноценную межгосударственную организацию стал юбилейный XV Ибероамериканский саммит, который прошел в Саламанке 14–15 октября 2005 г. и подтвердил бесспорный факт, что ибероамериканское пространство стало внешнеполитическим приоритетом и весомым дипломатическим успехом Мадрида, превратившись в важный элемент мировой политической и экономической системы.

Еще одним ключевым звеном внешнеполитического курса страны является политика в районе Средиземноморья и Северной Африки. Это зона безусловных стратегических интересов Испании, средоточие теснейших экономических, торговых, политических и гуманитарных связей и — одновременно — сложных проблем. Никакие смены акцентов в ранжировании региональных приоритетов испанской внешней политики не меняли указанного положения, что объясняется длинным рядом постоянных и переменных факторов. Прежде всего, это географическая зона, непосредственно граничащая с Испанией, что само по себе требует создания своего рода «пояса добрососедства» и поддержания тесных отношений. Ряд государств региона, в первую очередь Алжир, являются крупными поставщиками дефицитных сырьевых ресурсов, включая энергоносители, но именно отсюда в Испанию устремляется огромный поток мигрантов, как легальных, так и нелегальных, а Северная Африка превратилась в перевалочную базу наркоторговцев. Наконец, в отдельных странах Магриба активно действуют экстремистские элементы, на счету которых многочисленные террористические акты, в том числе — в Испании. Таким образом, для Мадрида отношения с североафриканскими государствами — это и вопрос собственной безопасности[1].

---

[1] Подробнее см.: Del Minño P.G. *Las relaciones entre España y Marruecos. Perspectivas para el siglo XXI.* Madrid, 2005; Domingo del Pino. *El Magreb en un mundo cambiante* // Perspectivas exteriores 2004. Los intereses de España en el mundo. P. 213–222.

Руководствуясь точным прочтением испанских национальных интересов, официальные круги страны с начала 90-х годов предприняли различные шаги, чтобы выработать стратегическую линию своей политики в Средиземноморье и ввести в действие эффективные механизмы регионального сотрудничества, которые дополняли бы усилия на двустороннем уровне. Мадрид не только стремится воздействовать на обстановку в Средиземноморье сообразно своим интересам и ресурсам, но и претендует, так же как и в отношениях с Латинской Америкой, на роль связующего звена или моста между Магрибом и Европой[1].

Крупным проектом, который с полным на то основанием может быть занесен в актив испанской дипломатии, стал «Барселонский процесс»[2], представляющий собой региональную программу многопланового сотрудничества в бассейне Средиземного моря. Продвигая эту идею, Мадрид преследовал совершенно определенную цель — создать условия для ускорения экономического роста, социально-политического прогресса и демократизации в странах региона, а также более глубокого включения их в орбиту влияния объединенной Европы. В европейских столицах рассчитывали, что подъем жизненного уровня населения Северной Африки со временем выбьет почву из-под ног экстремистских элементов и послужит нормализации положения в этом проблемном районе мира. «Барселонский процесс» планировался на перспективу и предусматривал создание к 2010 г. зоны свободной торговли, а также существенное увеличение финансовой (в 1995–1999 гг. — вдвое) и технической помощи со стороны Евросоюза.

В рамках многостороннего регионального сотрудничества Испания обрела некоторые новые рычаги воздействия на ситуацию в Средиземноморье, а ее двусторонние отношения с отдельными государствами получили дополнительный стимул. Так, с тремя ключевыми для Мадрида странами — Алжиром, Марокко и Тунисом — были подписаны договоры о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, с другими ощутимо возросла интенсивность политических контактов, оживилась взаимная торговля, увеличился объем инвестиций испанских компаний. Все это свидетельства бесспорного прогресса в реализации целей «Барселонского процесса». Тем не менее в ряде

[1] См.: Política exterior de España en: África del Norte, Oriente Próximo // http://www.mae.es.

[2] В ноябре 1995 г. в Барселоне была созвана I Евросредиземноморская конференция (на министерском уровне) с участием представителей 15 стран — членов ЕС и 12 государств Северной Африки и Ближнего Востока. II Евросредиземноморская конференция прошла в конце ноября 2005 г.

случаев не были сняты противоречия из-за неурегулированных до конца спорных вопросов. В частности, острая конфликтная ситуация в начале нынешнего столетия сложилась в отношениях с Марокко, когда в июле 2002 г. марокканские полицейские заняли островок Перехиль, находившийся под контролем Испании. С помощью парашютного десанта статус-кво был восстановлен, но между странами возникла напряженность, которую администрация Х.М. Аснара оказалась не в состоянии полностью устранить[1].

Нормализацией отношений с Рабатом вплотную занялось уже правительство социалистов. Показательно, что свой первый зарубежный визит Х.Л. Родригес Сапатеро нанес в Марокко, продемонстрировав, таким образом, добрую волю и готовность к восстановлению климата добрососедства и углублению испано-марокканского сотрудничества. Администрация ИСРП предприняла усилия, чтобы подтвердить выработанный в середине 90-х годов прошлого столетия алгоритм взаимодействия с североафриканскими государствами, в своих основных чертах отвечающий интересам обеих сторон. Мадрид восстановил позитивную атмосферу и испано-марокканского диалога, благодаря, в частности, хорошим отношениям, существующим между двумя королевскими домами[2].

В центре внимания состоявшегося в декабре 2006 г. III Испано-алжирского саммита оказались вопросы энергетики, что вполне понятно: на долю Алжира приходится 60% всего потребляемого Испанией природного газа. Для Мадрида жизненно важно не только сохранить нынешний уровень хозяйственного взаимодействия, но и создать дополнительные возможности участия испанского транснационального бизнеса в развитии и модернизации алжирского энергетического сектора. В этой связи на саммите был поставлен вопрос о «стратегическом партнерстве» Испании и Алжира в области энергетики и совместной реализации крупномасштабных проектов — разработке новых месторождений и строительстве трансафриканского газопровода[3].

Экспансия испанского капитала в Северной Африке в последние годы характеризуется как возросшими масштабами, так и заметной

---

[1] Испанский исследователь Палома Гонсалес дель Миньо назвала эпизод с островом Перехиль «первым двусторонним дипломатическим кризисом XXI века». См.: Del Miño P.G. Op. cit. P. 113.

[2] Как подчеркнул король Мохаммед VI, контакты между двумя монархами не прерывались даже в самые неблагоприятные периоды испано-марокканских отношений // El País. 16.01.2005.

[3] См.: Cumbre argelino-española // http://www.la-moncloa.es.

диверсификацией бизнес-интересов. Испанские фирмы, жестко конкурируя с другими европейскими, в первую очередь французскими, и американскими компаниями, в растущих объемах поставляют на североафриканские рынки промышленное и энергетическое оборудование, автомобили и запасные части, металлы, горючее, пластмассы, хлопок, текстиль, сельскохозяйственные удобрения, продукты питания и т. д. Завидную активность демонстрируют и испанские инвесторы. В сфере их приоритетных интересов находятся, помимо энергетики, также и телекоммуникации, строительство, химическая и легкая промышленность, аграрный сектор, туризм. Все чаще отмечаются и попытки предприятий военно-промышленного комплекса Испании при поддержке правительства «прорваться» на рынки вооружений государств Магриба. Весной 2006 г. министр обороны лично лоббировал в Триполи продажу Ливии военного снаряжения на сумму почти 800 млн евро[1].

Все приведенные и многие другие факты свидетельствуют, что экономическая дипломатия занимает доминирующее место в общем контексте международной деятельности Испании в средиземноморском регионе. На данное обстоятельство большинство экспертов обращают внимание и в связи с эволюцией «Барселонского процесса». По общему мнению, социально-политическая составляющая этого процесса, как она мыслилась в середине 90-х годов прошлого века, не получила достаточного развития и почти полностью уступила пространство сотрудничеству европейских и североафриканских государств в торгово-экономической и финансовой сферах[2]. Тем не менее, претендуя на роль системообразующего регионального фактора, официальный Мадрид развернул в Средиземноморье активную дипломатическую работу, политически подкрепляя экспансию испанских бизнес-структур.

Азиатско-тихоокеанское направление, особенно отношения со странами Южной и Юго-Восточной Азии, а также с Китаем, долгое время оставалось маргинальным вектором внешней политики Испании. Достаточно упомянуть, что еще в начале нынешнего столетия Мадрид не имел посольств в Новой Зеландии и Сингапуре, а Институт Сервантеса не располагал отделениями в Пекине, Нью-Дели и Токио. Парадоксально, но факт: испанцы, первыми из европейцев покорившие просторы Тихого океана, почти полностью утратили позиции в этом крупнейшем регионе планеты, на государства которого

---

[1] См.: El País. 01.03.2006.

[2] См., например: Del Miño P.G. Op. cit. P. 80.

приходится стабильно растущая доля мировой экономики и торговли. Было очевидно, что многолетняя пауза в сфере испано-азиатских отношений слишком затянулась и требовались срочные шаги по исправлению сложившегося положения, для чего и был разработан «План Азия» — программа действий мадридской дипломатии в этом районе мира[1].

Стартовав с весьма низкой отметки, Испания понемногу начала «набирать очки» и расширять свое присутствие в азиатско-тихоокеанском регионе, но до прихода к власти администрации социалистов положение коренным образом не изменилось. Далеко не все задуманное удалось перевести в практическую плоскость, и Испания продолжала сильно отставать от своих партнеров и конкурентов по Евросоюзу в развитии отношений с азиатскими странами. Например, по состоянию на 2005 г., в Китае имели филиалы или представительства 250 испанских компаний, тогда как Великобритания, Германия и Франция — 3000–4000 фирм. Логика внешнеполитического курса и реальные потребности страны обусловили принятие в декабре 2005 г. нового «Плана действий в азиатско-тихоокеанском регионе», который в основных чертах продолжил стратегическую линию, начатую «народниками», но в то же время предусматривал на период 2005–2008 гг. резкий рост активности испанских государственных и частных структур в этом районе мира.

Кроме того, «План действий» предусматривал поощрение и поддержку контактов институтов гражданского общества, расширение культурных и образовательных обменов, подготовку в Испании специалистов по проблемам азиатских государств, упрощение визового режима для предпринимателей и студентов. Речь шла о масштабной и долговременной программе развития всего комплекса отношений Мадрида со странами «азиатской половины мира». В плане конкретной политики и дипломатии идеи, заложенные в «Плане действий», реализовывались различными путями, в том числе в ходе официальных визитов испанских руководителей в ключевые государства Азии и проведения крупных многоцелевых мероприятий. Например, 2007 г. был объявлен в Китае «годом Испании», что дало возможность организации серии деловых встреч, выставок, конференций по различным аспектам отношений между двумя странами. С учетом всего намеченного и уже осуществленного можно утверждать, что азиатско-тихоокеанский азимут внешней политики Испании в перспективе будет становиться все более важным.

---

[1] См.: De la Riva I. *Retorno a la Cuenca del Pacífico* // Política Exterior. Madrid. 2002. No 85. P. 23.

Предпринятая попытка проанализировать основополагающие тенденции, формирующие сегодняшнее состояние и перспективы внешней политики испанского государства позволяет сделать некоторые выводы. В последние полтора–два десятилетия в целом определилась роль Испании в экономических, политических и военных процессах в условиях глобализации. Она обрела свое место в западном экономико-политическом ядре мировой системы. Внутреннее развитие страны как открытого демократического общества обеспечило рост внешнеполитических ресурсов, придало новое измерение широкому кругу международных проблем и связей, выдвинуло в качестве главной задачи максимально полную реализацию хозяйственного, социального и историко-культурного потенциала испанской нации на мировой арене. Поиски внешних рынков стали условием существования и стабильного роста испанской промышленности и важнейшей дипломатической задачей. Произошло структурирование системы государственных приоритетов, и значительно возросла международная составляющая национальных интересов Испании.

Внешняя политика Испании неразрывно связана с политикой внутренней. Раскол по партийному признаку местной элиты в вопросах внешней политики сделал невозможным, по крайней мере, в настоящий момент, достижение общенационального консенсуса по ряду острых международных проблем. И хотя нет паралича процесса принятия государственных решений, время от времени это создает испанской дипломатии нежелательные трудности и наносит вред образу страны за рубежом.

Выступая за переустройство нынешнего миропорядка на демократических принципах, дипломатия Мадрида извлекла уроки из опыта администрации НП, в начале XXI столетия исповедовавшей теорию однополюсности мира, и стремится органично вписаться в движение международного сообщества к многополярности. Принципиальный подход правительства социалистов к вопросам международной политики обрел свое выражение в целостной внешнеполитической программе, определяющей действия испанского государства на мировой арене. Исходя из широко понимаемых национальных интересов, Мадрид с помощью дипломатии становится активным участником процесса формирования нового типа экономических и политических межгосударственных отношений. Латиноамериканское, средиземноморское и азиатско-тихоокеанское направления содержательно дополняют другие измерения внешней политики — европейское и атлантическое — и логично вписываются в концепцию многополярного мира.

Продвижение привлекательного образа страны за рубежом, использование политики «мягкой силы», политическое сопровождение и поддержка экспансии испанских корпораций, личная дипломатия короля Хуана Карлоса — вот только некоторые составляющие дипломатического инструментария Мадрида. На этой основе происходит становление новой, более сбалансированной и ясно артикулируемой многовекторной внешней политики, которая позволяет испанской дипломатии выдвигать такие масштабные инициативы, как «Альянс цивилизаций», и одновременно усиливать интенсивность контактов практически по всем азимутам. Внешняя политика Испании переживает период своеобразного ренессанса, приобретая черты высокопрофессиональной дипломатической деятельности.

Глава 10. Иностранный капитал определяет развитие

В экономическом развитии Испании второй половины прошлого и начала нового столетия можно выделить несколько периодов, различающихся условиями для деятельности иностранных инвесторов, а также размерами, динамикой и структурой капиталовложений. Отправной точкой являются 50-е годы — десятилетие, предшествующее началу либерализации испанской экономики. Оно характеризовалось жестким режимом и ограничениями в отношении иностранных инвестиций. В эти годы, тем не менее, инвесторы из США, Европы и Латинской Америки вложили немалые средства во многие отрасли обрабатывающей промышленности, транспорт и электроэнергетику[1].

Новые возможности перед иностранными инвесторами открылись после начала проведения курса на экономическую либерализацию в 1959–1985 гг., а затем и вступления Испании в ЕЭС в 1986 г. и ее вхождении в Европейскую валютную систему в 2000 г.

После вступления Испании в ЕЭС в 1986 г. были объявлены новые меры по либерализации деятельности иностранных инвесторов. Важнейшие из них — это значительное сокращение с 15 до 5 числа

---

[1] См., например: Tascón J. *International Capital before «Capital Internationalization» in Spain, 1936–1959.* Center for European Studies. Working Paper No 79. Harvard, 2001.

отраслей, где применялся особый режим регулирования, полная либерализация прямых инвестиций в остальных сферах экономики, разрешение компаниям среднего размера размещать свои акции на Мадридской фондовой бирже, что превратило вторичный рынок в важный инструмент инвестирования. В последующие годы меры либерализации во многом определялись необходимостью привести испанское законодательство об иностранных инвестициях в соответствие с Маастрихтскими соглашениями и Директивами ЕС.

В законе 18/1992 от 01.06.1992 г., а также в изданном в соответствии с ним декрете 671/1992 от 02.06.1992 г. «Об иностранных инвестициях в Испании» были определены следующие сектора экономики с особым режимом регулирования иностранных инвестиций: игорный бизнес; деятельность, непосредственно связанная с национальной обороной; телевидение и радиовещание; воздушный транспорт. Эти ограничения не распространялись на инвесторов из стран — членов ЕЭС, за исключением деятельности в области производства и торговли оружием и в сфере национальной обороны. В декрете сохранялось несколько других ограничений. Инвестиции в Испании государственных предприятий и учреждений иностранных государств, не входящих в ЕС, также требовали разрешения Совета министров в случае, если международные соглашения, заключенные Испанией не предусматривали либерализации режима в отношении этих инвестиций.

Если инвестиции из стран, не входящих в ЕС, могли причинить ущерб интересам Испании, то они, в зависимости от их размера, требовали разрешения Министерства экономики и финансов или Совета министров. В сфере услуг связи (городские и междугородные телефоны, мобильные телефоны, телексы, факсы и т. п.) допускалось участие иностранных инвесторов в размере не более 25% акционерного капитала. При превышении этого лимита требовалось разрешение Совета министров.

Важным итогом длительных усилий Испании по созданию благоприятных условий для деятельности иностранных инвесторов стал изданный в апреле 1999 г., декрет № 664/1999. Он предусматривал полную свободу (введение режима либерализации) движения капиталов. Декрет отменил применявшиеся ранее процедуры предварительной проверки заявок инвесторов и их одобрения и ввел систему предоставления деклараций с целью ведения учета по факту уже реализованной инвестиции. Декларация должна была предшествовать инвестиции только в случае, если страной базирования инвестора является «налоговый рай».

Инвестиции в сфере национальной безопасности — производство и торговля оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, боевой техникой являются единственным исключением из общего правила и требуют предварительного разрешения Совета министров. Если испанское акционерное общество, действующее в данной сфере, размещает свои акции на бирже, то разрешение требуется в случае, если стоимость его акций, приобретаемых нерезидентами, превышает 5% общей величины акционерного капитала. Совет министров может приостановить действие режима либерализации и одобрить предварительный контроль инвестиций, если они по своему характеру, форме или условиям реализации наносят ущерб функционированию государственной власти или общественному порядку, безопасности и здоровью граждан.

Наряду с либерализацией инвестиционного режима и экономики в целом значительную роль в привлечении иностранных инвесторов сыграли благоприятное географическое положение и низкие издержки производства, стимулы, предлагаемые инвесторам при размещении их компаний в стране, растущий внутренний рынок, во многом определяемая предыдущими факторами высокая норма рентабельности, а с конца 90-х годов — способность правительства контролировать важнейшие базовые показатели, установленные Маастрихтскими соглашениями. Для многих иностранных вкладчиков капитала Испания является естественным плацдармом для выхода на рынки других стран ЕС. Кроме того, инвесторов привлекают более низкая стоимость сырья, рабочей силы и земельных участков, чем в других странах Западной Европы.

Многих инвесторов привлекла в Испанию возможность приобретения семейных предприятий небольшого размера, не выдержавших конкуренции и продававшихся по низким ценам. На скупку испанских компаний пришлось 30% общей суммы инвестиций стран ЕС с 1986 по 1989 г.[1] Вызывало интерес и обилие дешевых земельных участков, что, в частности, сыграло большую роль при принятии решения о размещении в Испании предприятий «General Electric».

Важным мотивом прихода иностранных инвесторов является их поддержка с помощью многочисленных субсидий и фондов. Предоставление или финансирование многих из них осуществляет ЕС. Другим источником средств является испанское правительство. Региональная помощь ЕС идет на нужды развития инфраструктуры, в том числе на строительство автомобильных и железных дорог, плотин,

---

[1] См.: http://mgmt.tami.edu/NAFTA/spring99/Groups99/bunny/final.htm.

которые имеют жизненно важное значение для повышения конкурентоспособности Испании. В 2000–2006 гг. Испания получила из ЕС на эти цели более 43 млрд евро — на 36% больше, чем в 1994–1999 гг.

Иностранные инвестиции сконцентрированы в основном в Мадриде и Барселоне, но испанское правительство принимает меры к их более равномерному распределению по территории страны, предлагая инвесторам разнообразные стимулы. Обычно финансирование составляет 25–50% всей суммы капиталовложений. Максимальная величина — 75%[1]. Кроме того, правительством предусмотрены налоговые стимулы для компаний с учетом экологических, отраслевых, технологических и иных приоритетов. Обычная ставка налога на корпорации составляет 35%, мелкие предприятия до определенного уровня платят налог по ставке в 30%.

В частности, предусмотрено снижение налога для компаний, ведущих НИОКР — от 10 до 60%; действующих в экспортных отраслях — 25%; осуществляющих инвестиции в сфере культуры — 10% и кинематографии — 5–20%; книгопечатания — 5% и т. д. Иными словами, власти стремятся создать для иностранных инвестиций, являющихся источником новых технологий, экспортных поступлений и предпринимательской инициативы, благоприятный режим, но одновременно защищающий местные компании от иностранного контроля. Они способствовали формированию ядра испанских инвесторов в ключевых секторах, особенно в тех из них, в которых приватизация могла привести к такому контролю. Правительство использовало свои «золотые» акции в приватизированных компаниях с тем, чтобы блокировать приобретения, в результате которых испанский контроль мог быть утрачен[2].

Для поддержки иностранных капиталовложений правительство создало Управление по стимулированию инвестиций, которое в конфиденциальной форме оказывает бесплатные услуги иностранным инвесторам, реагируя на запросы, возникающие как при осуществлении новых проектов, так и при расширении уже существующей деятельности на стадии принятия решения и на стадии его реализации[3]. Увеличению объемов иностранных капиталовложений в Испании способствовал также быстрый рост ее внутреннего рынка, при этом

---

[1] См.: Euromoney Supplement. London, December, 1989.

[2] Европейский союз 13 мая 2003 г. объявил использование «золотых» акций с целью блокировать слияния незаконным. В Испании такие акции были разрешены законом 5/1995 от 23 марта 1995 г.

[3] Управление создано в рамках Государственного общества промышленного участия (Sociedad Estatal de Participaciones Industriales (SEPI)).

инвестиции, в свою очередь, способствовали увеличению его емкости. Начиная с 1986 г., динамика роста ВВП Испании была весьма значительной — 4,3%, а средний показатель по ЕС (включая Испанию) — 3,2%. В 1999–2005 гг. темпы роста уже почти вдвое превышали средние по ЕС, а на протяжении 80–90-х годов Испания занимала второе место в мире после Японии. В 1991 г. Испания вышла на восьмое место в мире по величине ВВП, а в 2003 г. — на шестое.

Инвесторов привлекает также высокая норма рентабельности — 18,3% в 1998 г., и надежность вложений в испанскую экономику. Этот показатель — один из самых высоких как в рамках ОЭСР, так и в зоне евро с начала 90-х годов[1]. Либерализация всех сфер испанской экономики, включая режим для иностранных инвестиций, действие благоприятных географических и экономических факторов во многом предопределили динамику и структуру иностранных капиталовложений в стране.

За четверть века — с 1980 по 2004 г. накопленный объем иностранных капиталовложений в Испании увеличился с 5,1 млрд долл. до 346,7 млрд долл., то есть более чем в 67 раз[2]. Эта величина многократно превышает соответствующий показатель по ЕС. По абсолютной величине объема иностранных инвестиций в 2004 г. Испания среди стран ЕС уступала только Великобритании, Франции и Нидерландам и находилась на одном уровне с Германией. Объем ежегодного притока инвестиций в Испанию увеличился с 8,3 млрд долл. в среднем в 1985–1995 гг. до 43,7 млрд долл. в 2002 г., но затем снизился до 18,4 млрд долл. в 2004 г.

Высокие показатели динамики иностранных инвестиций в Испании объясняются, помимо уже рассмотренных факторов, низким уровнем капиталовложений в начале анализируемого периода и теми выгодами, которые принес процесс интеграции страны в ЕС. Средние темпы роста притока прямых иностранных инвестиций в 1986–1990 гг. составили 47,4%[3], а в 1990–2002 гг. — 22,3%. Быстрый рост внешних капиталовложений совпал с процессами либерализации внешней торговли, других сфер детальности в рамках сообщества и с постепенной ликвидацией большинства препятствий для прямых и портфельных иностранных капиталовложений. В стране наблюдалось заметное оживление экономической активности, и динамика инвестиций тесно коррелировала с общей экономической динамикой.

---

[1] См.: http://pymes.tai.es/mercado01-2.html.
[2] См.: UNCTAD.World Investment Report 2005. www.unctad.org/fdistatistics.
[3] См.: Banco de España. Estudios Económicos. 1992. No 51. P. 10.

Дополнительным стимулом для инвесторов стало вступление Испании в Европейский валютный союз (ЕВС) в 2000 г. и способность правительства надежно контролировать базовые экономические показатели. Особенно заметно вступление в ЕВС сказалось на иностранных портфельных инвестициях: объем испанских ценных бумаг, находящихся во владении нерезидентов в 1997–2001 гг. утроился, а в 2002 г. Испания заняла 10-е место среди главных получателей портфельных инвестиций в мире[1].

В 2002 и 2003 гг. рост экономики Испании заметно снизился, а в 2003–2004 гг. приток в страну иностранного предпринимательского капитала сократился, соответственно на 66,4 и 63,3%. Снижение динамики иностранных инвестиций связано с постепенной утратой Испанией основных конкурентных преимуществ по мере уменьшения отставания от крупных европейских государств. Согласно выводам аналитических банковских служб «уровень заработной платы в Испании продолжает оставаться ниже среднеевропейского, но не может конкурировать с уровнем стран Востока; технологический уровень и высокая добавленная стоимость приемлемы, но недостаточны для того, чтобы превратить Испанию в центр привлечения высокотехнологичных инвестиций»[2]. Испания начинает испытывать растущее соперничество со стороны стран Северной Африки и Юго-Восточной Азии во главе с Китаем.

Страновая структура иностранных предпринимательских инвестиций в Испании формировалась в ходе длительного соперничества инвесторов США и Западной Европы, на которое значительное влияние оказало образование ЕС. В 80–90-е годы несколько активизировались инвесторы из Японии, а в первые годы третьего тысячелетия — из Канады и Латинской Америки.

Членство Испании в ЕС обеспечило инвесторов из стран Европейского союза существенными преимуществами, что способствовало дальнейшему росту удельного веса инвестиций стран ЕС в общем объеме иностранных капиталовложений. В 1986–1989 гг. их доля составила 57,9%, а доля США — только 5,5%. Следует, однако, иметь в виду, что реальные показатели для США в общей величине иностранных инвестиций в Испанию значительно выше, так как официальные статистические данные не учитывают инвестиции филиалов американских компаний, базирующиеся в Люксембурге, Голландии, Германии и Великобритании[3].

[1] См.: Banco de España. Boletín Económico. 2005 Junio. P. 131.

[2] El País. 09.08.2004.

[3] См.: El País. 09.08.2004. P. 51.

В 80-е годы значительную активность проявляли также инвесторы из Швейцарии и Японии — соответственно 11 и 5% общего притока иностранных инвестиций в страну в 1982–1987 гг.[1] В первые четыре года нового столетия доля США в сумме иностранных инвестиций в Испанию составляла в среднем 28,4%, существенно превысив показатель 1993–2000 гг. — 11,6%. В новом десятилетии заметно активизировались также инвесторы из Канады и Латинской Америки, чему в значительной мере способствовало укрепление договорной основы экономических связей стран ЕС с Канадой, государствами Южного Конуса (как нередко называют страны Южной Америки) и Мексикой.

В течение примерно четверти века ведущей отраслью для иностранных инвестиций была обрабатывающая промышленность. В 1985 г. на нее приходилось 63,3% общего объема ПИИ, но в связи с быстрым ростом капиталовложений в сферу услуг к 1989 г. этот показатель снизился до 41,9%, а в общем притоке иностранных инвестиций он упал даже до 11,3% в 2001–2004 гг. *(см. табл. 10.1).*

Объясняется это тем, что в 70–80-х годах компании «Ford», GM, «Citroën», «Renault», «Peugeot» и «Nissan» инвестировали в автомобильную промышленность страны около 2,2 млрд долл. — около трети всех иностранных инвестиций в отрасль, и в 1982 г. иностранные корпорации контролировали уже 70% автомобильной промышленности страны. Но тогда же крупные иностранные инвестиции пошли в химическую промышленность, и в 1987 г. иностранные компании выпускали около 30% продукции этой отрасли. В 1987–1990 гг. и в 1993–1996 гг. иностранные инвестиции в химическую промышленность достигли, соответственно 5,5 и 9,4% всего их притока в Испанию в эти годы, что превышало соответствующий показатель любой другой отрасли обрабатывающей промышленности.

В конце 90-х годов иностранные корпорации контролировали также около половины производства продуктов питания в стране и две трети производства цемента. В банковской сфере Испании в 1984 г. насчитывалось 36 иностранных банков, в том числе, 10 банков США, 19 — европейских, 2 — японских и 5 — латиноамериканских. С 1987 по 1990 г. иностранные инвестиции в кредитные институты и страхование составили 31,2% от общего объема их притока в страну — наивысший показатель среди отраслей экономики. В 1990 г. в Испании функционировало уже 49 иностранных банковских институтов, в 1996 г. — 56, в 2000 г. — 51 зарубежный банк, в том числе 40 — из стран ЕС. В пятерку ведущих входили «Deutsche Bank», «Barclays Bank», а также

---

[1] См.: http://reference/alrefer/com/country-guide-study/spain/spain182.html.

«Credit Agricole Indosuez», «Societe Generale» и «BNP Paribas». Американский «Citibank España» занимал седьмое место.

Таблица 10.1

Отраслевое распределение иностранных инвестиций (приток в 1993–2004 гг.)

	1993–1996		1997–2000		2001–2004	
	млн евро	%%	**млн евро**	%%	**млн евро**	%%
Сельское хозяйство	263,06	1,15	200,55	0,28	184,96	0,18
Электроэнергетика, газо- и водоснабжение	354,8	1,56	987,13	1,36	3133,73	3,14
Добывающая промышленность, переработка нефти	102,26	0,45	305,87	0,42	595,16	0,60
Обрабатывающая промышленность, в том числе:	8571,36	37,56	9214,02	12,66	11 319,91	11,34
Пищевая	1271,36	5,57	1150,25	1,58	937,34	0,94
Текстильная и швейная	304,30	1,33	253,79	0,35	287,32	0,29
Целлюлозно-бумажная и полиграфическая	763,23	3,35	1211,61	1,66	1120,59	1,12
Химическая и нефтехимическая	2138,95	9,37	2655,17	3,65	2583,52	2,59
Электротехническая и электронная	909,08	3,98	557,73	0,77	329,12	0,33
Производство транспортных средств	1876,85	8,23	533,12	0,73	865,18	0,87
Прочая обрабатывающая	1307,59	5,73	3943,20	3,92	6391,14	5,20
Строительство	432,81	1,90	994,79	1,37	581,92	0,58
Торговля	3038,04	13,31	3702,84	5,09	4600,42	4,61
Гостиничное дело	589,00	2,58	723,54	0,99	1043,96	1,05
Транспорт и связь	762,87	3,34	17 181,79	23,62	7510,73	7,52
Банки и страхование	2375,53	10,41	7007,23	9,63	4897,87	4,91
Недвижимость	4300,64	18,85	7484,07	10,29	5974,52	5,98
Управление компаниями и инвестиционными и паевыми фондами	1513,33	6,63	23 189,01	31,87	58 129,44	58,25
Прочие	515,24	2,26	1765,44	2,42	1820,99	1,82
Всего	22 818,94	100,00	72 756,28	100,00	99 793,61	100,00

Источник: Ministerio de Industria, turismo y comercio de Espana. – www.mcx.es/polco/inversionesexteriores/estadisticas.

Начиная со второй половины 90-х годов наивысшие темпы роста были характерны для иностранных капиталовложений в сферу управления компаниями и инвестиционными и паевыми фондами. Доля сферы услуг в притоке иностранных инвестиций увеличилась с 6,6% в 1993–1996 гг. до 58,2% в 2001–2004 гг. Большую активность проявляли при этом американские инвестиционные банки. В 1997 г. 17 испанских инвестиционных фондов, оперировавших как с акциями, так и с облигациями, с активами в 1 млрд долл. находились под управлением «Chase Manhattan»; двадцать одним фондом с активами в 1 млрд долл. управлял «Merril Lynch», «JP Morgan» — фондами, активы которых составляли 1,5 млрд долл. Ввод единой европейской валюты дал крупнейшим транснациональным банкам определенные преимущества перед испанскими банками и позволял им в ряде случаев предлагать заемщикам лучшие условия. В 1999 г. иностранным инвестиционным банкам было разрешено участвовать в управлении финансовыми рынками.

Увеличение объема иностранных портфельных инвестиций в Испании, связанное с созданием зоны евро, сопровождалось значительными изменениями в их структуре. С 1997 и до 2003 г. удельный вес долгосрочных облигаций, которыми владели нерезиденты, увеличился почти на 20%, а доля акций уменьшилась на 20,3%[1]. В страновой структуре портфельных капиталовложений, так же как и прямых, преобладают инвесторы из Евросоюза — 68% общей суммы, при этом наибольшие объемы вложены Францией (18,9%) и Германией (15,3%). Среди других стран следует выделить США, Великобританию и Японию: соответственно, 12, 8 и 5%.

Инвесторы — резиденты зоны евро сконцентрировали свои портфельные инвестиции в Испании на облигациях (77%), в то время как у инвесторов — нерезидентов зоны евро доля акций в общем объеме портфельных инвестиций была выше — 51% (США — 76%). Крупнейшими иностранными инвесторами в испанские облигации были Франция (21%), Германия (18%) и Голландия (10%). Как видим, иностранные инвесторы заняли ведущие позиции в ряде ключевых отраслей экономики Испании, что наложило свой отпечаток на развитие страны.

Иностранные компании в сравнении с местными предприятиями отличались большими размерами, более высокой производительностью труда, меньшими затратами на оплату работающих по найму, большими расходами на НИОКР, а также большей экспортной и импортной составляющей в выпускаемой продукции. Их отличала более высокая рентабельность. Чтобы выжить, местные предприни-

[1] См.: Banco de España. Boletín Económico. 2005 Junio. P. 143.

матели вынуждены были вкладывать средства в модернизацию своих компаний: их затраты на НИОКР непрерывно росли. Для обеих групп компаний был характерен рост доли импорта средств производства и снижение удельного веса заработной платы в общем объеме издержек, а также рост производительности труда.

Таким образом, деятельность более эффективных иностранных компаний усилила конкуренцию на внутреннем рынке страны, стимулировала местные предприятия к повышению технологического уровня, росту их конкурентоспособности, что было важно для интеграции Испании в ЕС. Импорт современных средств производства, экспорт значительной доли производимой продукции иностранных компаний способствовали повышению эффективности производственных процессов и ускорению процессов модернизации в масштабах всей испанской экономики. О масштабах вклада иностранных инвесторов говорит такой факт: в 1987 г. 30% продукции химической промышленности выпускалось иностранными компаниями, на эту отрасль приходилось 7% занятых и 8% производства обрабатывающей промышленности, а также 10% национального экспорта.

Наибольший вклад в ускорение роста испанской экономики внесли отрасли, производящие средства производства. Во второй половине 80-х годов в Испанию пришли многие фирмы, работающие в сфере высоких технологий, в частности, «AT&T» основала завод по производству полупроводников, вложив 220 млн долл., и «General Electric», который построил завод по производству пластмасс, вложив 1,7 млрд долл.[1] Но деятельность иностранных фирм также усилила зависимость многих отраслей от импорта средств производства. В 1986–1989 гг. иностранные компании импортировали около 43% от стоимости всех своих закупок, что примерно в три раза превышает соответствующий показатель местных компаний.

Вместе с тем их деятельность, в особенности в сфере производства средств производства, способствовала росту экспорта. В производстве сельскохозяйственного и промышленного оборудования, резины и пластмасс, химикатов и средств обработки информации доля продукции, шедшей на экспорт, превышала 40%. Наиболее ориентированы на экспорт компании автомобильной промышленности — 63% выпуска, электронной и электротехнической промышленности (45%)[2].

---

[1] См.: http://mgmt.tami.edu/NAFTA/spring99/Groups99/bunny/final.htm.

[2] Остальные компании — фармацевтические, косметические, металлообрабатывающие, инжиниринговые, производства напитков и полиграфические — ориентированы, главным образом, на внутренний рынок.

Сохранявшийся в результате превышения импорта над экспортом дефицит торгового баланса компенсировался активом на капитальном счете, обеспечивавшимся притоком прямых инвестиций.

Обследование 34-х иностранных компаний с общей численностью занятых примерно в 100 тыс. человек показало, что использование ими местного сырья, полуфабрикатов и оборудования было не очень высоким — 54,4% общего объема[1]. Наиболее интегрированными в местную промышленную среду оказались европейские компании. Предприятия автомобильной и химической промышленности имели наиболее тесные связи с местными поставщиками, а электронной, фармацевтической и косметической — в меньшей степени.

Иностранный капитал сыграл действительно существенную роль в современном экономическом развитии Испании. К началу первого десятилетия нового века страна достигла уровня развития, сравнимого с уровнем крупнейших европейских государств, и утратила в значительной мере основные конкурентные преимущества, которые она имела в предыдущие десятилетия. Это привело к замедлению притока иностранных инвестиций в Испанию, некоторые компании сократили свою деятельность или вовсе переместили свои подразделения в другие регионы и страны. Для иностранных компаний новые реалии Испании означали конец «золотого века».

Глава 11. Растущие интересы национальных корпораций

Рост международной активности Испании особенно проявляется в инвестиционной политике. Ускоренному вывозу капитала способствовала проводимая с середины 70-х годов политика либерализации испанских инвестиций за рубежом, а также отмена с начала 90-х годов всех ограничений на вывоз национального капитала. В результате совокупный объем вывоза капитала из страны за эти годы увеличился более чем в пять раз, а прямые иностранные инвестиции — поч-

[1] См.: Impacto de la integracíon española en la UE sobre las multinacionales. Economía industrial. 1999. No 330.

ти в 10 раз[1]. Уже к началу нового тысячелетия Испания, по данным ЮНКТАД, вошла в десятку крупнейших зарубежных инвесторов мира. Ее прямые и портфельные инвестиции за рубежом составили к 2005 г. 109,9 млрд евро, а общий объем зарубежных активов страны достиг 2002,5 млрд евро[2].

По мере интеграции Испании в ЕС европейский вектор ее внешнеэкономических связей (ВЭС) становится все более важным. Тенденция роста ориентации Испании на страны ЕС сохранится и в ближайшее десятилетие. В 2005 г. доля региона в прямых инвестициях Испании выросла до 74% (против 26% в 1999 г.), и в сумме к 2005 г. они равнялись 17,1 млрд евро[3].

Такие крупные компании и банки, как «Телефоника», «Эндеса», «Банко Сантандер Сентраль Испано» (БССИ), «Банко Бильбао Вискайа Архентариа» (ББВА), «Абертис», «Индитекс» и др. успешно позиционируются на европейском пространстве. В частности, «Телефоника» занимает в настоящее время уже третье место на европейском рынке мобильных телефонов. В 2005 г. она купила контрольный пакет акций одной из крупнейших телекоммуникационных компаний Великобритании — «02». Сделка стоимостью 26 млрд евро стала не только одним из крупнейших вложений Испании за рубежом, но и одной из важнейших финансовых операций в Европе. Крупнейшая агропродовольственная компания «Эбро Пулева» успешно продвигает свою продукцию на европейский рынок, а благодаря покупке акций французской «Панзани» она переместилась с 10-го на шестое место в иерархии агропродовольственного бизнеса Европы. Компания «СОС Куэтара» после приобретения контрольного пакета акций итальянских компаний «Карапелли» и «Минерва» контролирует свыше 1/5 европейского рынка оливкового масла[4].

Основные инвестиционные потоки направляются в телекоммуникации и связь, энергетику (в том числе, освоение новых и альтернативных источников энергии — солнечной, ветровой), финансы и др., то есть в высокотехнологичные, современные отрасли экономики. Большая часть инвестиций идет в Великобританию, Францию, Нидерланды, Люксембург, Италию и Португалию. В частности, «Эндеса» —

---

[1] Подсчитано по: Banco Bilbao Vizcaya Argentaria. *Informe económico 2004.* Servicio de estudios. Bilbao. 2004.

[2] См.: Instituto Nacional de Estadistica // http:/www.ine es/cgi/axi.

[3] См.: Ministerio de industria, turismo y comercio. Resistro de Inversiones Exteriores // http://www.datainvex.comercio.es.

[4] См.: El País. 24.02.2005; El País. 01.05.2006.

крупнейшая электроэнергетическая компания страны — намеревается приобрести контрольный пакет акций у «Италэнергиа Бис», одной из ведущих в Италии, что позволяет ей удвоить производство электроэнергии на территории этой страны. До 2009 г. компания намеревается вложить в этот сектор около 2 млрд евро, что сделает ее третьим по величине производителем электроэнергии в Италии[1].

В стратегическом плане развития компании на 2005–2009 гг. значительное место, помимо Португалии и Италии, занимает Франция, где, кроме «Эндесы», успешно позиционируются в последние годы «Мотровасеса», «Колониаль» и «Фадеса» (недвижимость), а также «Абертис» (инфраструктура, сфера обслуживания). «Абертис», благодаря приобретениям последних лет, в том числе французской «Санеф», стала одной из крупнейших компаний мира по обслуживанию аэропортов. Греция, которая до недавнего времени находилась вне сферы интересов испанских инвесторов, в последние годы становится также важным реципиентом. Наметилось оживление инвестиционной деятельности Испании в странах Центральной и Восточной Европы.

Более подробно остановимся на Португалии. В последние годы Испания устойчиво входит в число пяти крупнейших инвесторов в экономику этой страны, а ее доля в прямых инвестициях, получаемых Португалией из-за рубежа, превышает 30%. На территории страны действуют около 3 тыс. компаний и банков с испанским капиталом. Инвесторам благоприятствует, прежде всего, стабильность, более низкая, по сравнению с испанской, стоимость рабочей силы, хорошо развитая инфраструктура, продолжающийся процесс приватизации. Сфера деятельности испанских компаний довольно широка: телекоммуникации и связь, энергетика, финансовая система, транспортная инфраструктура, недвижимость, торговля и др. Такие отрасли, как металлургия, строительство, текстильная и швейная промышленность на 20–30% контролируются испанским капиталом.

В последнее время, благодаря интернационализации португальской банковской системы, резко активизировалась и деятельность испанских банков, которых привлекает высокая степень концентрации в банковском секторе соседней страны (по этому показателю Португалия занимает пятое место в ЕС). По масштабам финансовой деятельности (около 1/5 финансового рынка Португалии) безусловным лидером является крупнейший в Испании БССИ. В последнее время на этот рынок пытаются внедриться и менее крупные испанские банки, например «Банко Сабадель» (четвертое место в финансовой иерархии Испании),

[1] См.: El País. 22.02.2005.

в 2001 г. приобрел часть акций «Банко Комерсиал Португеш», контролирующего около 25% финансового рынка страны. В 2003 г. испанская «Групо Банко Популар» выкупила у частного лица 5% акций португальского банка «Банко Насьональ де Кредито Инмобильярио» (БНК), обладающего широкой сетью отделений по всей территории Португалии и весьма популярного среди мелких и средних предприятий, что и вызвало большой интерес к нему испанского капитала[1].

Сотрудничество Испании и Португалии идет и путем создания смешанных компаний и предприятий в самых различных секторах экономики: промышленности стройматериалов, пищевкусовой, деревообрабатывающей, швейной и других отраслях промышленности. В частности, одна из крупнейших продовольственных компаний Португалии «Сосьедад Индустриал де Продутос Алиментариос», контролирующая 1/4 рынка страны, активно взаимодействует с крупнейшим производителем риса в Испании — компанией СОС. Созданная ими смешанная компания намерена осуществлять совместные инвестиционные проекты в рисовой промышленности латиноамериканских стран, прежде всего Мексики.

Практика создания смешанных компаний для успешного позиционирования на иберийском пространстве, а также для выхода на рынки третьих стран — обычное явление последних лет. Так, успешной стала деятельность компании «Бразил Сел», созданной в 2001 г. испанской «Телефоникой» и португальской «Португал Телеком» (ПТ) для продвижения на крупнейший в Латинской Америке рынок Бразилии. Общий капитал компании составил около 10 млрд евро. Предполагалось, что она будет обслуживать около 10 млн клиентов в семи бразильских штатах, что составляет более 40% национального рынка мобильных телефонов. Однако результаты ее деятельности превзошли все ожидания: число ее пользователей уже сейчас достигло 17 млн человек и продолжает расти.

В 2003 г. «Бразил Сел» приобрела контрольный пакет акций «Теле Сентро-Оэсте» (ТСО) — одного из крупнейших местных операторов мобильной телефонной связи. Под ее контролем находятся также «Телесп Селулар», «Теле Судесте Селулар», «СРТ Селулар», «Теле Лесте» и «Глобал Телеком», а в планах — расширение деятельности в других странах Латинской Америки. «Телефоника» и ПТ рассматривают также возможность совместной работы на рынках стран Центральной и Восточной Европы и португалоязычных стран Африки[2].

---

[1] См.: El País. 10.01.2003.
[2] См.: El País. 16.02.2003; 17.01.2003.

Другим направлением инвестиционной политики Испании в Португалии является энергетика. Слияние капиталов крупнейшей португальской энергетической компании «Электрисидаде де Португал» (ЕДП), контролирующей 50% производства и 30% распределения электроэнергии в стране, и испанской «Гидрокантабрико» — четвертой по величине компании в этой отрасли Испании, является важным шагом на пути создания иберийского энергетического рынка и позволяет обеим компаниям контролировать свыше 25% производства электроэнергии на Пиренейском полуострове, а также делает возможным выход на рынки третьих стран, в том числе Латинской Америки (прежде всего, Бразилии и Чили), португалоязычных стран Африки (Кабо-Верде, Мозамбик) и Азии (Макао)[1].

Идея создания Иберийского энергетического рынка — «Меркадо Иберико де Электрисидад» (Мибел) принадлежала Испании и была озвучена еще в конце 90-х годов прошлого столетия. В январе 2004 г. было подписано соглашение, которое окончательно формализовало создание «Мибел», но фактически он начал действовать только в 2006 г.[2]

Большой интерес испанский капитал проявляет в последнее время также к нефтегазовому сектору Португалии. Испанская «Репсоль–ЯПФ» намеревается расширить свое присутствие в газовой промышленности страны и войти в «тройку» самых крупных компаний по снабжению топливом населения[3].

Активизация торгово-экономического сотрудничества, создание ряда крупных совместных инвестиционных проектов, направленных на формирование единого иберийского рынка финансовых, энергетических, транспортных и телекоммуникационных услуг, свидетельствует о том, что на Пиренейском полуострове идет процесс создания общего экономического пространства. Другими словами, можно, видимо, говорить об образовании иберийского мини-рынка в рамках ЕС.

Несмотря на развитие и расширение европейского вектора в инвестиционной политике Испании, Латинская Америка продолжает оставаться для нее важным стратегическим партером. ВЭС Испании со странами этого региона, базирующиеся на исторической, культурной и лингвистической общности и взаимодополняемости экономических интересов, носят устойчивый и долговременный характер.

---

[1] См.: El País. 06.01.2005; 29.01.2005.

[2] См.: El País. 23.05.2006.

[3] См.: http://www.ennespanol.com/2004/econ/06/25/repsolypf.portugal.rent/index.html.

Ведущее место в ВЭС Испании с Латинской Америкой принадлежит вывозу капитала и оказанию финансовых услуг. Всего за несколько лет Испания, ранее служившая «мостом» между Европой и Латинской Америкой, сама превратилась в крупнейшего европейского инвестора для многих государств региона. Девяностые годы стали в этом смысле настоящим «бумом». Если в 1986–1993 гг. среднегодовые объемы капиталовложений в страны региона составляли около 300 млн евро, то за 1994–1999 гг. они выросли до 9 млрд евро[1]. К началу нового тысячелетия Испания стала для большинства латиноамериканских стран ведущим или вторым (после США) мировым инвестором. Ее инвестиции в Латинской Америке оценивались, по состоянию на 2000 г., примерно в 100 млрд евро, что составило почти пятую часть ВВП страны[2].

За 90-е годы существенно изменилась география испанских инвестиций в Латинской Америке. Если вначале их главными реципиентами были Аргентина, Мексика, Бразилия и Чили, то к концу десятилетия на первое место с большим отрывом вышла Бразилия (в 1999 г. — 41,1% инвестиций в регионе) и Аргентина (27,9%). Появились и новые активные реципиенты — Куба, Боливия, Перу и некоторые другие латиноамериканские государства.

Особую роль в испанских финансовых потоках в Латинскую Америку играют прямые инвестиции. За последнее десятилетие прошлого века они выросли почти в 20 раз и достигли в 2000 г. около 30 млрд евро. Причем если в начале и середине 90-х годов основным притягательным фактором для испанского капитала была приватизация в странах региона, то в последние годы все большее значение приобретают процессы слияния с местным капиталом вплоть до его полного поглощения. Основными реципиентами прямых инвестиций из Испании в 1994–1999 гг. были Аргентина (36,0%), Бразилия (28,1%) и Чили (15,2%)[3]. При этом резкий рост прямых инвестиций в Аргентине был связан, прежде всего, с приобретением испанской компанией «Репсоль» крупнейшей энергетической компании страны ЯПФ, а в Чили — с поглощением испанской «Эндеса» крупнейшего производителя электроэнергии — конгломерата «Энерсис-Эндеса Чили».

Большая часть прямых иностранных инвестиций направляется в стратегические сектора экономики стран региона: телекоммуникацию и связь (наиболее активные позиции в этом секторе занимает испанская «Телефоника»), энергетику («Эндеса», «Репсоль–ЯПФ»,

---

[1] См.: La empresa multinacional espanñola. Madrid, 2005. P. 98.

[2] См.: MITyC. Registro de Inversiones Exteriores // http://www.datainvex.comercio.es.

[3] См.: El País. 02.01.2005. Negocios. P. 22.

«Ибердрола»), банковский сектор (БСИИ, ББВА), а также в воздушный транспорт («Islam»), туризм («Соль Мелиа»), строительство («Абенгоа»), рыбное хозяйство («Песканова»), пищевкусовая промышленность («Кампофрио») и др. При этом испанский капитал завоевал в ряде случаев ключевые позиции в важнейших сферах экономики этих стран. Например, испанская «Телефоника», впервые выйдя на рынок региона в 1990 г., в настоящее время полностью или частично контролирует более 10 компаний в разных секторах телекоммуникационного бизнеса, начиная с базовых телефонных услуг и кончая кабельным телевидением.

Испанская «Эндеса», превратившаяся за довольно короткий срок в одну из ведущих иностранных энергетических компаний в регионе, контролирует четвертую часть производства и 30% распределения электроэнергии в Латинской Америке. На «Иберию» приходится, примерно, пятая часть всех рейсов между Европой и Латинской Америкой. «Репсоль–ЯПФ» стала крупнейшей энергетической компанией не только Аргентины, но и всей Южной Америки. Испанский капитал контролирует около 40% банковской системы Мексики, более 30% финансовых рынков Аргентины, Чили, Перу, Колумбии, Венесуэлы, Боливии, около 20% — Бразилии[1]. БССИ, например, разместив в Латинской Америке треть своих активов и вложивший с 1990 г. около 20 млрд евро, стал лидером среди мировых финансовых инвесторов для региона[2].

Благодаря прямым инвестициям в Латинской Америке Испания заняла в 1999 г. шестое место, а в 2000 г. восьмое место среди крупнейших мировых инвесторов, а многие ведущие испанские компании и банки, не обладавшие ранее большим опытом работы за рубежом, превратились в транснациональные компании (в частности, «Телефоника», БССИ, «Репсоль–ЯПФ», ББВА, «Эндеса», «Ибердрола» и некоторые другие) и намереваются в дальнейшем расширять свою международную экспансию.

Таким образом, Латинская Америка стала для Испании своего рода трамплином для дальнейшей интернационализации экономики. Без такой высокой географической концентрации своих финансовых потоков испанский капитал вряд ли сумел бы добиться за такой короткий срок лидирующего положения в ряде отраслей экономики региона, заметно потеснив главного конкурента — США. Латинская

---

[1] См.: Синельщикова И.Г. Испания — Латинская Америка: новые тенденции во внешнеэкономических связях // Латинская Америка. 2001. № 12. С. 52–59.

[2] См.: El País. 28.01.2004.

Америка, существенно увеличив емкость рынка для Испании, стала одним из важнейших ресурсов экономического развития страны, что в конечном счете способствовало превращению Испании в региональную державу.

Очевидно, что и в перспективе Латинская Америка останется важным вектором ВЭС Испании, являясь естественным растущим рынком, не реализовавшим еще в полной мере своего экономического потенциала. На ход развития ВЭС со странами латиноамериканского региона будет оказывать влияние целый комплекс внешних и внутренних факторов. К первым, прежде всего, следует отнести дальнейшую интеграцию Испании в Евросоюз и неуклонное увеличение доли стран ЕС во внешнеторговых и инвестиционных потоках Испании. Усилия, предпринимаемые США для расширения своего влияния в Латинской Америке, растущая конкуренция со стороны стран Азии и особенно Китая, а также прогнозируемое снижение курса доллара по отношению к евро также следует принимать во внимание.

Важнейшим внутренним фактором, обусловливающим состояние и перспективы развития ВЭС Испании и Латинской Америки, является экономическая ситуация в самих латиноамериканских государствах. Как показал пример Аргентины, кризис в той или иной стране может вызвать мощный отток инвестиций из этого региона. Только за 2001 г. испанские инвестиции в Латинской Америке сократились на 40%[1]. Улучшение экономической конъюнктуры, начиная с 2003 г., и благоприятный прогноз ЭКЛАК на ближайшее десятилетие вызвали новый всплеск испанских капиталовложений. Уже в 2004 г. Испания вложила в страны региона более 10 млрд евро.

К наиболее значимым примерам новой волны испанских капиталовложений в Латинскую Америку относится, в частности, покупка ББВА мексиканского «Банкомера» (около 3 млрд евро) — самого крупного частного банка в регионе и мексиканской «Ипотекариа Насьональ». ББВА, число отделений которого в регионе превысило 2 тыс., получает там почти половину своих прибылей[2]. Заметно активизировала свою деятельность и «Репсоль–ЯПФ». Только в 2005 г. ее инвестиции составили свыше 2 млрд евро — половину ее зарубежных капиталовложений, а на ее латиноамериканские филиалы приходится около 1/3 всех прибылей компании. Благодаря крупным капиталовложениям «Репсоль–ЯПФ» в Аргентине (ожидается, что к 2009 г. они достигнут почти 4 млрд евро), компания вновь стала первым за-

[1] См.: El País. 13.05.2002; El País. 28.03.2004.
[2] См.: El País. 14.05.2006.

рубежным инвестором и важным актором экономического развития Аргентины[1].

Продолжает укреплять свои позиции в Латинской Америке и «Телефоника», вложившая в страны региона с начала 90-х годов уже более 42 млрд евро. К 2008 г. она планирует контролировать около 60% латиноамериканского рынка телекоммуникационных услуг. Покупка акций американской «Беллсаус» (около 5 млрд евро) дала «Телефонике» свыше 10,5 млн новых клиентов мобильной связи в Аргентине, Чили, Перу, Венесуэле, Колумбии, Эквадоре, Уругвае, Гватемале, Никарагуа, Панаме и других странах В результате компания существенно упрочила свои и без того крепкие позиции в Латинской Америке (общее число клиентов мобильной связи, обслуживаемых ею, превысило 40 млн человек) и стала крупнейшим оператором на рынке мобильной связи в регионе и четвертой в мире (после «Чайна Мобайл», «Водафон» и «Чайна Уником»)[2].

Структура ВЭС Испании и Латинской Америки в ближайшей перспективе вряд ли подвергнется серьезным изменениям — львиная доля в этих отношениях будет по-прежнему приходиться на вывоз капитала и оказание финансовых услуг. Вместе с тем значительных изменений следует ожидать в их географии. В настоящее время около 80% связей приходится на четыре страны — Аргентину, Бразилию, Мексику и Чили. Представляется, что со временем испанские компании и банки начнут проводить политику деконцентрации рисков. К этому побуждают и изменения в политике по отношению к иностранному капиталу в Боливии, Венесуэле, Перу и некоторых других странах. В результате география сотрудничества расширится, в частности, можно ожидать увеличения роли таких государств, как Чили и Куба.

Уже в 2003 г. Куба заняла третье место в испанских инвестициях в Латинской Америке, уступив лишь Мексике и Бразилии. С конца 90-х годов. Испания постоянно возглавляет список иностранных инвесторов этой страны. По данным Министерства иностранных инвестиций и экономического сотрудничества Кубы, на Испанию приходится около 25% всего объема накопленных иностранных капиталовложений на Острове и свыше 20% ассоциаций с иностранным капиталом[3]. Испанский капитал представлен в 18 отраслях кубинской экономики, в том числе, в сфере туризма (19 ассоциаций), в строительстве (19), легкой промыш-

---

[1] См.: El País. 14.05.2006.
[2] См.: El País. 08.04.2006; El El País. 17.03.2005; El País. 24.02.2005.
[3] См.: Imex Cuba 2003. Luis López Moreno. Ofcomes. 2003. La Habana.

ленности (16), базовых отраслях (11), агропромышленном комплексе (7). Если в начале 90-х годов традиционными сферами испанских капиталовложений являлись туризм, строительство, горнодобывающая, легкая, пищевая промышленность и металлообработка, то за последние годы в сферу инвестирования попали новые для испанского бизнеса на Кубе отрасли — энергетика, коммуникации и связь, финансовый сектор, биотехнологии.

В последние годы Испания начала использовать там новые формы инвестирования помимо международных экономических ассоциаций — контракты на кооперированное производство товаров или оказание услуг и контракты на управление гостиничным хозяйством или производством. Из более чем 600 контрактов, действующих в настоящее время на Кубе, около 150 заключено с Испанией. Ведущие позиции испанские компании занимают также в свободных зонах, функционирующих на Кубе в соответствии с Декретом-законом от 1996 г. Доля испанских фирм в них составляет более одной трети. Характерно, что наряду с крупными испанскими компаниями и банками на Кубе широко представлен мелкий и средний испанский бизнес, всемерно поддерживаемый правительством страны как пример возможностей для иностранных капиталовложений на Острове.

Расширение географии ВЭС с Латинской Америкой связано также с высокой концентрацией испанских инвестиций в этом регионе, находящихся в руках 12 крупнейших компаний и банков, на долю которых в настоящее время приходится около 90% всех испанских капиталовложений. По мере развития экономики Испании и появления в стране новых активных субъектов международного бизнеса будет расширяться и география ВЭС с Латинской Америкой. Растущий испанский капитал будет искать как новые территории, так и новые сферы своего приложения. Может измениться и структура финансовых потоков: они могут придти в химическую, текстильную, швейную, кожевенно-обувную, пищевкусовую промышленность, производство строительных материалов и туристический сектор, то есть в те отрасли, которые для Испании являются конкурентоспособными и где велика доля мелких и средних компаний.

Латинская Америка имеет для Испании стратегическое значение, являясь как бы мостом для продвижения на новые для испанского капитала рынки Азии. В этой стратегии особая роль отводится Чили — стране с высокой степенью открытости экономики, наиболее здоровым на фоне латиноамериканских стран финансовым сектором и весьма динамичным внешним сектором, в котором азиатский вектор

занимает далеко не последнее место[1]. Дело в том, что испанские инвестиции в азиатский регион к началу нового тысячелетия выглядели особенно скромно — менее 1%, и соизмеримы только с капиталовложениями в страны Африки[2]. В последние два-три года ситуация меняется. Азия, и особенно страны тихоокеанского региона, привлекают все большее внимание международных инвесторов[3]. Важным реципиентом иностранных инвестиций становится Китай: накопленные там испанские инвестиции составили на начало 2006 г. 1,1 млрд евро[4]. В 2006 г. прошел третий испано-китайский деловой форум, на котором обе стороны выразили заинтересованность в расширении торгово-экономического сотрудничества и инвестиционной деятельности[5].

Структура испанских инвестиций в Азии существенно отличается от латиноамериканской схемы. В Азии основными сферами приложения испанского капитала являются, помимо энергетики, пищевкусовая и легкая промышленность, а также инфраструктура и торговля, а доля финансового сектора незначительна. Испанские инвестиции представлены в таких конкурентоспособных для страны отраслях, как химическая, текстильная, швейная, кожевенно-обувная промышленность, а также туристический сектор. Характерно, что в азиатском регионе роль средних и мелких испанских инвесторов значительно выше, чем в Латинской Америке.

На территории Китая, например, действуют более 200 испанских компаний и банков, при этом треть — в сфере производства[6]. Особенно широко испанский капитал представлен в текстильной (компания «Доги») и швейной промышленности, в строительной индустрии (компания «Драгадос»), в агропродовольственном бизнесе (компании «Альса», «Кола-Као», «Панрико», «Мондрагон», «Рибера дель Дуэро» и др.).

Второе место после Китая в испанских инвестициях в тихоокеанском регионе занимает Япония. Тем не менее общий объем накопленных капиталовложений в этой стране составляет всего 650 млн евро, то есть менее 1% всех испанских зарубежных инвестиций. В Японии испанский капитал представлен не только в традиционных для него отраслях, но и в высокотехнологичных отраслях экономики — био- и

---

[1] См.: Синельщикова И.Г. Внешнеэкономические связи Испании в глобализирующемся мире // Латинская Америка. 2003. № 3. С. 10–18.

[2] См.: Bustelo P., Sotillo J.A. *La cuadratura del círculo: posibilidades y retos de la triangulación España — América Latina — Asia Pacífico.* Madrid, 2002. P. 158.

[3] Среднегодовые темпы роста ПИИ в этот регион составляют от 30 до 50%.

[4] См.: MITyC. Registro de Inversiones Exteriores // http://datainex.comercio.es.

[5] См.: El País. 22.03.2006.

[6] См.: El País. 27.11.2004. Negocios. P. 21.

информационных технологиях, производстве нетрадиционных источников энергии и др.[1]

Другим важным и перспективным рынком для капитала Испании является Индия. На территории страны зарегистрировано более 400 испанских компаний в различных сферах экономики: электроэнергетика, АПК, автомобильная промышленность, финансы, легкая промышленность, промышленность строительных материалов и др. В настоящее время Испания занимает уже девятое место среди крупнейших мировых инвесторов Индии и продолжает наращивать свое присутствие в этом быстроразвивающемся южноазиатском государстве[2].

В последние годы заметно активизировались усилия Испании по укреплению позиций в Северной Африке. Ее капиталовложения в этом регионе оцениваются в 3 млрд евро. Испанские инвестиции в Марокко, например, за последние три года выросли почти вдвое, в результате чего Испания стала вторым инвестором для этой страны. В 2005 г. ее накопленные инвестиции достигли 1,9 млрд евро, что составило почти 1/5 всех иностранных капиталовложений. На территории Марокко функционируют около 500 испанских компаний[3]. Особенно активную позицию там занимают «Репсоль», «Эндеса», «Ибердрола» и др., что свидетельствует о том, как важна Северная Африка в энергетической стратегии Испании.

Одним из широкомасштабных энергетических проектов является строительство газопровода Алжир–Испания по дну Средиземного моря. Газопровод длиною 1200 км планируется ввести в строй в 2009 г.[4] Активную инвестиционную политику в странах Магриба проводит в последнее время «Репсоль–ЯПФ». Сфера ее интересов — энергетические ресурсы Марокко, Ливии и Алжира. В 2004 г., выиграв конкурс у таких известных энергетических компаний, как БП, «Эни», «Тотал Ройял Датч Шелл», «Репсоль–ЯПФ» получила новую концессию на разведку, добычу и освоение крупного газового месторождения на востоке Алжира. В результате площадь ее концессий на территории Алжира составила 40 тыс. км^2.

В реализации этого амбициозного проекта, рассчитанного на 30 лет, принимает участие и другая энергетическая компания Испании — «Газ Натураль». Обе они намереваются вложить до 2009 г. около 2 млрд евро в проект, предусматривающий строительство крупного завода по про-

---

[1] См.: El País. 02.04.2006. Negocios. P. 13.
[2] См.: El País. 22.03.2006.
[3] См.: El País. 14.06.2006.
[4] См.: El País. 08.02.2007.

изводству сжиженного газа (5,2 млрд $м^2$), что позволит, как ожидается, увеличить вдвое его добычу. Газ предполагается транспортировать в Испанию и другие европейские страны[1]. «Репсоль–ЯПФ» осуществляет также новые проекты разведки, добычи и эксплуатации нефтегазовых месторождений в Сьерра-Леоне, Либерии, Экваториальной Гвинее и других африканских странах, а также в странах Персидского залива (Саудовской Аравии) и Иране.

Как видим, по мере развития и интернационализации экономики страны география ее ВЭС становится все более сложной. Помимо Европы и Латинской Америки, наряду с азиатским и африканским векторами, будут активно развиваться ВЭС и с США. И здесь опять же Латинская Америка призвана сыграть роль моста для продвижения испанского капитала на север. Большую роль при этом наверняка сыграет демографический фактор. Сейчас в США проживают около 41 млн выходцев из Латинской Америки — почти 15% населения страны. Но по прогнозам к 2050 г. уже у каждого четвертого американца будут латиноамериканские корни. Соответственно увеличится вес ибероамериканской диаспоры как в экономической, так и в политической жизни США. По некоторым оценкам, только за 2005–2006 гг. испанские прямые инвестиции в США уже увеличились почти в два раза и достигли 4 млрд евро[2].

Испанский капитал представлен в различных секторах экономики — как традиционных (энергетика, телекоммуникации, финансы, инфраструктура, сфера обслуживания, АПК, строительство и недвижимость, легкая промышленность), так и новых, высокотехнологичных (биотехнологии, производство нетрадиционных видов энергии — солнечной и ветровой, информационные технологии, аэронавтика). ББВА, например, уже имеет свои представительства в Калифорнии и Техасе, а БССИ — в Филадельфии, где основная часть их клиентов — испаноязычные граждане США. Всего же на территории США работают 12 отделений испанских банков, активы которых превышают 30 млрд евро[3]. «Телефоника», взяв под свой контроль американский портал «Лукос», открыла тем самым доступ к своему интернет-порталу 40 млн испаноговорящих американских граждан. Наряду с крупным бизнесом на территории США успешно позиционируются средние и даже мелкие испанские компании (PYMES), доля которых, по некоторым оценкам, составляет до 10% мелкого и среднего американского бизнеса[4].

[1] См.: El País. 12.12.2004; El País. 18.11.2004.
[2] См.: El País. 28.01.2007.
[3] См.: El País. 02.02.2007.
[4] См.: El País. 16.04.2006.

По мере же формирования в перспективе трансатлантической зоны свободной торговли, участниками которой будут США, страны Латинской Америки (через АЛКА), а также государства Евросоюза, геополитическая роль Испании, безусловно, возрастет. В этом случае она может стать мостом не только между Европой и Латинской Америкой, но и связующим звеном для трех континентов — Евразии, Северной и Южной Америки.

Таблица 11.1

Прямые инвестиции в Латинскую Америку ведущих испанских компаний и банков (млн долл.)

	1997	1998	1999	2000	2001	2002*
«Телефоника»	934	4 700	2 100	17 700	1 800	300
БССИ	1 249	1 156	1 565	8 257	1 395	962
ББВА	613	2 905	549	2 781	885	1 254
«Репсоль–ЯПФ»	687	85	15 169	1 311	2584	1586
«Эндеса»	2 228	629	3 603	148	21	21
«Ибердрола»	947	–	264	595	736	643
«Феноса»	–	208	346	1 023	297	402
«Гас Натураль»	350	50	0	400	150	150
«Агуас де Барселона»	23	136	288	91	5	198
Всего	7 031	9 869	23 884	32 306	7 843	5 525

* По состоянию на 30 сентября.

Источник: El País. 02.01.2005. Negocios. P. 22.

Глава 12. Испания–Россия. Бег на месте

Российско-испанские торгово-экономические отношения в целом вполне соответствуют общей картине внешнеэкономических связей Российской Федерации со странами Евросоюза. Однако следует отметить, что, по сравнению с некоторыми другими западноевропейскими

государствами, Испания занимает весьма скромное место во внешней торговле России[1]. Она не входит в «десятку» наших крупнейших внешнеторговых партнеров — ее доля во внешнеторговом обороте нашей страны по-прежнему менее 1%.

И это — на фоне роста международной активности Испании, которая за сравнительно короткое время превратилась из государства с традиционно высоко-протекционистским хозяйством в страну с открытой экономикой. Благодаря активному государственному стимулированию, экспортный сектор развивался высокими темпами. В результате только за годы членства в ЕС доля Испании в мировой торговле выросла почти вдвое: страна занимает 14-е место среди крупнейших мировых экспортеров и входит в «десятку» ведущих инвесторов мира.

Основу российского экспорта в Испанию на протяжении последних трех десятилетий составляют нефть и нефтепродукты. При этом доля этой статьи за прошедшее тридцатилетие практически не изменилась — около 70% экспорта, а доля машин, оборудования и транспортных средств даже сократилась — менее 1% общего объема экспорта.

Положительной тенденцией в развитии российского экспорта в Испанию следует считать некоторое расширение его номенклатуры. Если в 1975 г., помимо нефти и нефтепродуктов, машин, оборудования и транспортных средств, в его состав входили только три-четыре позиции, то в 2005 г. ассортимент экспортируемых товаров был значительно шире. Увеличилась доля черных и цветных металлов и изделий из них — с 4,0 до 18,9%, расширились поставки готовой продукции, в том числе потребительских товаров. В настоящее время российский экспорт состоит примерно из полутора десятков статей, доля каждой из которых, помимо нефти и черных металлов, колеблется от 0,1 до 2,2% (химическая и фармацевтическая продукция).

Структура российского импорта из Испании за прошедшее тридцатилетие претерпела существенные изменения. В 1975 г. основными его статьями были прокат черных металлов (около 1/2 стоимости импорта), виноградные вина, кожа для верха обуви, оливковое масло, кожаная обувь. И еще две-три позиции, доля которых в общей стоимости импорта не превышала 1%. В последние годы его структура отличается бóльшим разнообразием и состоит из более чем двух десятков крупных позиций, примерно 1/3 приходится на сельскохозяйственные и продовольственные товары. Высока доля машин, оборудования и

[1] В 2005 г. торговый оборот России с Германией составил около 33 млрд долл., с Италией — около 24 млрд долл., а с Испанией — менее 3 млрд долл.

транспортных средств (32,5%) и химической и фармацевтической продукции (17,8%). Доля других статей импорта (например, керамических изделий) колеблется в пределах 0,1–7,6%[1]. Тем не менее, доля России в общем объеме испанского экспорта до сих пор не превышает 0,6%.

Учитывая высокие темпы роста отдельных отраслей российской промышленности и возможности испанской экономики, можно выделить, с нашей точки зрения, следующие приоритетные сегменты продвижения испанских товаров на российский рынок: оборудование связи; автомобили, комплектующие и принадлежности к ним; нефтегазовое и медицинское оборудование; химические и фармацевтические товары; оборудование для пищевкусовой (мясной, молочной) и кожевенно-обувной промышленности, а также продовольственные и потребительские товары.

Есть потенциальные возможности и у России для наращивания экспорта в Испанию таких, к примеру, товаров, как фотоаппараты, часы, подшипники, энергетическое оборудование, некоторые виды сельскохозяйственного сырья и продовольствия, продукция деревообрабатывающей промышленности. Перспективными могли бы стать также поставки газа, прежде всего, в сжиженном виде. Об этом, в частности, шла речь во время визита в Испанию в феврале 2006 г. Президента В.В. Путина. По его мнению, испанские предприниматели могли бы инвестировать в энергетический сектор России, а сотрудничество обеих стран в области энергетики способствовало бы решению энергетической проблемы не только в Европе, но и других регионах мира[2].

Характерно, что основными субъектами торгового обмена между нашими странами с испанской стороны являются мелкие и средние фирмы, обеспечивающие свыше 70% всего внешнеторгового оборота. Их контрагентами в Российской Федерации (до 85% экспорта) являются частные российские производственные и коммерческие структуры. Стимулом для развития экономического сотрудничества между обеими странами стали также договоренности о трансформации долговых обязательств России в страховые гарантии и покрытие части долга путем поставок российских товаров в Испанию. До недавнего времени общий объем накопленных испанских инвестиций в России составляет около 200 млн долл. (0,5% от всех зарубежных инвестиций

---

[1] Подсчитано по: Внешняя торговля СССР в 1975 году. М., 1976. С. 9, 158, 159; Таможенная статистика Российской Федерации 2005. М., 2005. С. 477, 778.

[2] См.: http://www/el diariomontanes.es/pg 06210/prensa/noticias/Nacional/200602/10/DMO-NAC-120/html.

на начало 2005 г.)[1], и Испания занимает скромное 15-е место среди крупнейших зарубежных инвесторов России. Но важно отметить, что значительная часть испанских инвестиций (по оценке автора — около 80%) сделаны в производственную сферу. В настоящее время в Государственный реестр Российской Федерации внесено более 300 предприятий и организаций с участием испанского капитала.

В экономическом сотрудничестве между двумя странами можно выделить семь основных областей: агропромышленный и топливно-энергетический комплексы, финансовая сфера, строительство и транспортная инфраструктура, химическая и фармацевтическая промышленность, машиностроение и туризм. Методы действия испанских фирм соответствуют трем основным моделям поведения зарубежных фирм на российском рынке, принятым в отечественной экономической литературе. Первая модель — «импортная»: это когда зарубежная фирма занимается реализацией на российском рынке своих товаров, произведенных в стране базирования. Под эту модель подпадает деятельность довольно ограниченного круга испанских фирм, главным образом, в сфере пищевкусовой и легкой промышленности. Например, группа «Нутрекспа» — на российском рынке представлена продукцией под торговой маркой «Кола-Као», а также текстильная группа «Индитекс», поставляющая в магазин модной одежды «Zara» свои изделия и намеревающаяся создать торговую сеть не только в Москве, но и в других регионах России. К этой модели можно отнести также деятельность компании «Симон» — аппараты бытовой техники.

Деятельность же большинства испанских компаний относится к так называемой производственно-импортозамещающей модели: фирма налаживает выпуск товаров на территории России преимущественно для сбыта внутри страны или других странах СНГ. Например, компания «Кампофрио», владеющая контрольным пакетом акций АО «Кампомос» по выпуску мясных продуктов и являющаяся одним из крупнейших испанских инвесторов на российском рынке (инвестиции оцениваются в 20 млн долл.). К этой же модели относится группа «Чупа-Чупс», владеющая контрольным пакетом акций АО «Нева–Чупа-Чупс». В дополнение к двум действующим предприятиям по изготовлению карамели и рулетов компания создает в России совместно с турецкой фирмой «Кент Джига» — ведущим

[1] Расчеты автора. Для сравнения: общий объем накопленных прямых инвестиций Нидерландов в России составляет 11,1 млрд долл., Германии — 2,5 млрд долл., Великобритании — 1,7 млрд долл., Франции — 0,4 млрд долл.

предприятием кондитерской промышленности Турции — выпуск жевательной резинки и карамели — сумма инвестиций оценивается в 20 млн долл. Компания «Препарадос Алиментисиос СА» расширяет мощности предприятия по производству бульонов и супов (торговая марка «Гальина Бланка»), наращивает инвестиции в изготовление новых видов изделий и закупку технологического оборудования — объем уже осуществленных инвестиций около 30 млн долл. Компания «Асейтес Борхсес Понт» намерена вложить 15,5 млн долл. в создание в Краснодарском крае предприятия по очистке, розливу и упаковке подсолнечного масла. Помимо компаний, действующих в сфере АПК, к «производственно-импортозамещающей модели» можно отнести ряд фирм в области машиностроения. В частности, с участием испанской «Астильерос де Уэльва» осуществляется проект строительства рыболовецких судов-тунцеловов в Санкт-Петербурге.

Еще несколько примеров из того же ряда. МПС России и испанские фирмы «Тальго» и «Альбатрос» сотрудничают в создании совместного производства так называемой колесной тележки, что позволяет исключить перегрузку товаров на границах стран с разной шириной железнодорожной колеи, а также в организации в России строительства пассажирских вагонов с алюминиевыми корпусами и товарных вагонов с раздвижной колеей колесной пары. Общая стоимость этих проектов превышает 50 млн долл. Фирма «Пемар СА» инвестировала 1,5 млн долл. в предприятие «Салават-гидромаш» (Башкирия) и владеет 27% его акций. В ближайшее время компания намерена инвестировать еще 300 тыс. долл. Консорциум испанских фирм и банков уже много лет ведет реконструкцию Саратовского нефтеперерабатывающего завода.

Отметим интерес испанских компаний к нашему ТЭК. «Сибур-Север» и «Инитек» реализуют проект по переработке попутного газа в поселке Вингапур (Ямало-Ненецкий округ), а «Унион Феноса» принимает участие в ряде энергетических проектов на территории России в развитии газовой промышленности. «Тальго» и «Индра» строят ТЭС в Новосибирске. «Репсоль» и «Газпром» ведут переговоры о создании дополнительных мощностей по производству сжиженного газа и строительству новых газопроводов. Та же «Репсоль–ЯПФ» объявила о сотрудничестве с российскими фирмами в сфере разведки и добычи энергоресурсов, производства, транспортировки и коммерциализации сжиженного газа[1].

---

[1] См.: http://www.eldiariomontanes.es/pg 060210/prensa/noticias/Nacional/200602/10/DMO-NAC-120.html.

Добавим к этому совместное производство лекарственных препаратов, фармацевтической продукции и медицинского оборудования. Пока невелик объем инвестиций в производство в г. Серпухов (Московская обл.) термоизоляционных материалов — около 30 млн долл. В перспективе — строительство в Самаре и Ачинске заводов по производству промышленных взрывчатых веществ (объем инвестиций — около 4 млн долл.)[1]. Есть и совместные проекты по оснащению диспетчерских служб российских аэропортов и самолетов новейшим навигационным оборудованием с компанией «Индра»[2].

И наконец, третья модель поведения иностранных фирм на российском рынке — «глобально-кооперационная»: иностранная компания осуществляет стратегические инвестиции в России для интегрирования местных ресурсов (технологических, материальных и финансовых), в том числе рабочей силы, в собственную производственно-сбытовую сеть. Ни одна испанская компания не подпадает под эту модель.

Россия в своей политике привлечения иностранных инвестиций изначально шла по пути раздачи различных льгот. Они рассматривались как панацея от общего неблагоприятного инвестиционного климата, как средство в международной конкурентной борьбе за иностранный капитал. Опыт работы испанских фирм на российском инвестиционном рынке показывает, что льготы для них — не самое главное. Гораздо важнее стабильность и предсказуемость законодательства и гарантии, даже не обязательно финансовые, развития бизнеса[3].

Испанские инвесторы охотно вкладывают средства в отрасли с высокой оборачиваемостью капитала, но проекты в области машиностроения реализуются крайне редко. По нашим оценкам, в пищевкусовой промышленности сумма испанских инвестиций составляет свыше 50%, в ТЭК — около 15%, машиностроения — менее 5% их накопленного объема.

Испанский капитал сконцентрирован в основном в Москве, Санкт-Петербурге и прилегающих к ним областях. По оценке автора, — это более 80% накопленных капиталовложений.

Исходные цифры испанских инвестиций настолько низкие, что даже в общем внешнеторговом обороте Москвы доля Испании не превышает 0,5%. Об упущенных возможностях испанского бизнеса в столичном регионе говорилось, в частности, на VIII Международном инвестиционном форуме «Москва — Инвест 2005» в Мадриде в октя-

---

[1] См.: El País. 07.05.2001; БИКИ. 2005. 17 мая.

[2] См.: БИКИ. 2005. 17 мая.

[3] См.: http://www.lavozdegalicia.es/se espania/noticia.html.

бре 2005 г., на котором присутствовали представители правительства Москвы, федерального правительства и частного бизнеса[1]. А между тем межрегиональное сотрудничество — одно из наиболее перспективных направлений экономического взаимодействия между нашими странами, учитывая особенности их территориального устройства.

Одной из самых динамичных сфер экономического сотрудничества между нашими странами является туризм. За прошедшее десятилетие число россиян, посетивших Испанию, увеличилось почти в 10 раз и достигло в 2006 г. свыше 300 тыс. человек[2]. Испания занимает одно из первых мест в рейтинге предпочтений российских туристов. Но и здесь имеются еще неиспользованные возможности, если учесть, что ежегодно эту страну посещают свыше 55 млн иностранных туристов. То есть доля российских туристов не превышает 1%. Для большинства наших граждан Испания до сих пор укладывается в схему «солнце и пляж», хотя это страна с богатыми культурными традициями, уникальными природными, историческими, архитектурными и художественными памятниками и музеями.

О легальном экспорте капиталов из России в Испанию можно говорить лишь условно. Согласно испанской статистике, общий объем накопленных российских инвестиций в Испании составляет около 25 млн долл. При этом ежегодные объемы нелегального вывоза неуклонно растут: в 2001 г. — 2,5 млн долл., в 2004 г. — более 7 млн долл., или 0,03% от всех инвестиций в Испанию[3]. Капиталы направляются главным образом в недвижимость.

Все вышесказанное не вызывает оптимизма. С нашей точки зрения, современное состояние внешнеэкономических связей с Испанией позволяет с говорить лишь о тактическом союзе, но не о стабильном партнерстве. Признаем, что недостаточная зрелость рыночных механизмов в России является одним из факторов, мешающих привлечению иностранных инвестиций в нашу страну. Но это — лишь одна из сторон диалога. Другая — явный дефицит и боязнь риска. Для испанских предпринимателей Россия — страна многообещающих возможностей, но и серьезных трудностей в бизнесе.

Российско-испанские экономические связи носят характер простого товарообмена, экспорт и импорт обслуживают отрасли производства, практически не связанные технологическим циклом. Весьма незначительной остается доля внутриотраслевой торговли.

---

[1] См.: Компас. 2005. № 43. С. 23.

[2] См.: http:www//actualidad.terra.es/internacional/articulo/726726.htm.

[3] См.: Registro de Inversiones Exteriores.

Такое положение свойственно в той или иной степени экономическим отношениям России со всеми странами Запада. Однако для развития сотрудничества с Испанией имеются дополнительные препятствия объективного характера.

Россия и Испания остро нуждаются в модернизации своих экономик, в обновлении основных фондов, а потому импортные потребности обеих стран имеют много общего. То же самое относится и к экспортным операциям, расширению которых препятствует невысокая конкурентоспособность испанских товаров. Кроме того, большинство современных производств в Испании контролируется крупным иностранным капиталом, поэтому внешнеэкономические связи этих предприятий подчиняются стратегии материнских компаний и транснациональных корпораций.

Но, пожалуй, можно смотреть с оптимизмом на будущее российско-испанских отношений. План восстановления конкурентоспособности и стимулирования интернационализации испанских предприятий, разработанный Министерством промышленности, туризма и торговли намечает три стратегические цели: диверсификация рынков, укрепление конкурентоспособности испанских товаров и услуг за рубежом, активизация деятельности малых и средних предприятий на международных рынках. Планом предусмотрен комплекс мер по продвижению испанского экспорта и инвестиций на потенциальные рынки, и поставлена задача увеличения экспорта в страны, признанные важными потенциальными импортерами: США, Япония, Китай, Бразилия, Индия, Мексика, Марокко, Алжир, Россия.

В обеих странах разработаны национальные планы создания торговых центров за рубежом, оказания помощи в логистике предприятиям и расширения сети торговых представительств. Одновременно проводится реформа действующих институтов, которые используются испанскими компаниями для финансирования их зарубежных проектов. Что касается экономических связей с Россией, то на протяжении, по крайней мере, двух десятков лет официальные власти неизменно отмечают, что они «не отвечают потенциалу обеих стран». При этом существуют «реальные возможности» для привлечения испанских инвестиций, что «позволит значительно увеличить присутствие испанского капитала на российском рынке и в конечном счете будет способствовать выравниванию внешнеторгового баланса».

Остается только надеяться, что от многолетнего «бега на месте» торгово-экономические отношения Испании и России выйдут на старт марафона. Для этого есть все основания. Были бы желание и интерес.

Часть IV. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МЕНЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Глава 13. Государственная идентификация по-испански

Многие российские ученые, насколько можно судить по появляющимся публикациям, продолжают придерживаться выработанного еще в рамках советского обществоведения взгляда на Испанию как на «многонациональное» — сейчас нередко употребляют термин «многоэтничное» — государство, в котором исторически сосуществуют издревле проживающие там «основные коренные» народы, иногда обозначаемые еще и как национальности, нации, этносы, этнические общности основного уровня. Эти народы/нации/этносы и т. д. суть испанцы, каталонцы, баски и галисийцы, со своими «национальными» языками, неповторимым в каждом случае этнокультурным обликом и, соответственно, отчетливым национальным самосознанием. Все они расселены достаточно компактно, — хотя имеются и районы «чересполосного» и смешанного обитания.

Их «этнические территории», окрашенные в каждом случае в особый цвет, с четкими границами, непременно обозначены на всех изданных в нашей стране «картах народов» Испании. Собственно, области расселения названных народов, согласно все той же трактовке, и составляют в совокупности территорию испанского государства, а их отношения между собой и с центральной властью определяют сущность «национального вопроса» в стране. Есть здесь и другие группы, отличающиеся своим происхождением и какими-то специфическими особенностями культуры от основной массы населения — прежде всего, довольно многочисленные цыгане, — но они обычно проходят скорее по разряду местного «этнографического колорита».

В ряду упомянутых выше четырех «коренных» народов каталонцы, галисийцы и баски традиционно трактуются у нас как «национальные меньшинства», тогда как самым многочисленным здесь «испанцам»,

или «собственно испанцам», отводится роль «господствующего» народа, во благо которого репрессивная государственная машина столетиями подавляла, эксплуатировала и ассимилировала всех остальных. Тема освободительной борьбы «национальных меньшинств» Испании против национального неравноправия, за признание своей самобытности и политическую национально-территориальную автономию неизменно присутствовала в советской испанистике. Вершиной успехов в этой борьбе долгое время считались события периода Второй республики (1931–1939) — ведь тогда каталонцы и баски сумели добиться для себя статуса территориальной автономии, а галисийцам получить аналогичный статус помешало только вторжение войск франкистских мятежников.

В следующий раз проблема автономии для «национальных меньшинств» всерьез напомнила о себе несколько десятилетий спустя, в 1960-е гг., на волне пробуждения общественно-политической активности различных слоев испанского общества, задавленных диктатурой. После 1975 г., когда началось стремительное преображение Испании по либерально-демократической модели, децентрализация государственного устройства и создание системы местного самоуправления стали одной из главных забот новой власти.

В послефранкистской Конституции 1978 г. было зафиксировано право на автономию «национальностей и регионов». О том, насколько это было своевременным, можно судить хотя бы по тому, что к моменту вступления в силу Основного закона ряд автономных образований, так называемых «автономных сообществ» (*исп.* — «comunidades autonomas»), уже успели организоваться на основе спешно принятых временных, «предавтономных» статутов, — которые затем, после соблюдения конституционной процедуры, были заменены постоянными. Началась передача широкого круга властных полномочий из центра на места; огромный резонанс в стране и в мире вызвало признание «местных языков» официальными — наряду с испанским (кастильским), занимавшим до той поры монопольные позиции во всех сколько-нибудь значимых областях жизни — в границах соответствующих сообществ.

Может быть, именно тогда впервые объективно появились серьезные основания для того, чтобы если не радикально пересмотреть, то уж, во всяком случае, как-то скорректировать давно утвердившиеся у нас представления о том, какие народы населяют эту страну и, соответственно, в чем суть тамошнего «национального вопроса». Ведь «процесс автономизации» Испании, однозначно трактовавшийся у нас как практическое решение этого самого «вопроса», — увы, всегда актуального в нашей стране, отсюда и обостренное внимание

к иноземному, в том числе испанскому, опыту, — вслед за обитателями Каталонии, Галисии и Страны басков распространился на все население Испании и всю ее территорию, и в настоящее время это государство представляет собой совокупность 17 автономных сообществ и двух автономных городов (Сеуты и Мелильи на североафриканском побережье).

Кроме того, всякий, кто захочет сравнить границы вновь созданных автономных образований с территориями расселения упомянутых выше народов/наций/этносов, тут же обнаружит, что каждая из этих «этнических территорий» входит в состав сразу нескольких самоуправляющихся сообществ. Каталонцы, к примеру, проживают не только в Каталонии, но и в автономной Валенсии, на востоке автономного Арагона и на автономных Балеарских островах. Галисийцы, помимо Галисии, — в прилегающих районах автономных Астурии и Кастильи-и-Леона. Баски — не только в Стране басков, но и в соседней автономной Наварре.

Но ведь и несколькими десятилетиями ранее, при Второй республике, когда Каталония, Галисия и Страна басков добились автономии, которую мы у себя с той поры привычно трактуем как «национально-территориальную», имели те же границы, что и теперь, и составляли тогда, как и ныне, лишь часть «этнических ареалов», соответствующих «национальных меньшинств», то есть каталонцев, галисийцев и басков. Стало быть, другие, и очень немалые, части этих «меньшинств» почему-то остались тогда вне процесса обретения «национального»/этнического самоуправления. Ну и, наконец, совсем уж, казалось бы, непонятно появление автономных образований на территории расселения «собственно испанцев»: мало того, что они здесь вообще возникли, как если бы речь шла о национальных меньшинствах, а не об «исторически доминирующем народе/этносе», так еще их оказалось несколько, да к тому же некоторые автономные сообщества включили в свой состав, помимо зон обитания «собственно испанцев», также и районы, исторически заселенные каким-нибудь из национальных меньшинств.

Сразу отметим крайне важное обстоятельство: ни в первом, ни во втором случае — то есть ни в 1930-е гг., ни сорок с лишним лет спустя — нет и речи о сколько-нибудь серьезном давлении со стороны центральной власти в вопросе об установлении границ создаваемых автономных сообществ. Оба раза эти границы были такими, какими их желали видеть сами граждане, — точнее, их подавляющее, демократическое большинство. Особенно очевидно это для более близких к нам событий конца 70-х — начала 80-х годов, прошлого века когда

действовала тщательно разработанная процедура, предполагавшая не только прямое волеизъявление масс (в том числе и относительно того, какие территории должны войти в состав создаваемого автономного образования), но и его последовательное подтверждение на нескольких этапах.

Иными словами, если при таких обстоятельствах на карте Испании не появилось трех «национальных автономий», совпадающих с ареалами расселения трех известных нам местных «национальных меньшинств», — значит, в основу проведенной здесь «автономизации» лег не этнический, он же «национальный» (в нашем понимании), а какой-то иной принцип. Причем явно — судя по тому, как развивались события в стране в те годы, и как вело себя общество — принцип не отвлеченный, бюрократический, мертворожденный, а самый что ни на есть «работающий», функциональный, понятный жителям страны и признанный ими.

Конечно же, в данном случае вновь заявила о себе — как это бессчетное количество раз происходило, происходит и, надо полагать, будет происходить в испанской истории — доминирующая роль областнического, «земляческого» фактора в самоопределении (самоидентификации) местных жителей, в их взаимоотношениях между собой, с государством и с внешним миром. Ведь термин «народы Испании» всегда означал в устах обитателей этой страны совсем не то, что привыкли — естественно, в соответствии с нашими представлениями, основанными на нашем собственном опыте — вкладывать в него мы. Если для нас, в силу укоренившейся за долгие десятилетия традиции, это выражение однозначно подразумевает этнокультурные сообщества («этносы»), «членство» в которых мыслится обязательным для каждого человека и при этом не зависит в принципе ни от места его проживания, ни от его воли, поскольку определяется, по сути дела, его генетическим происхождением, то есть наследуется от родителей (кроме известной ситуации выбора между «национальностями» отца и матери, если они не совпадают), и потому может быть зафиксировано в официальных документах и будет сопровождать человека на протяжении всей его жизни — как некая «объективная» и неотъемлемая характеристика (собственно, ведь так и было в нашей собственной стране до самого недавнего времени), — то в самой Испании за термином «народы» в применении к жителям этой страны может стоять разное содержание, в зависимости от контекста. И чаще всего имеются в виду группы населения, объединенные длительным совместным проживанием в пределах какой-то территории, обусловившим совместный опыт, в том числе и политический, общие интересы, чувство

местной солидарности, черты сходства в облике, культуре, языке и т. д. При этом «этнокультурные» характеристики в целом подчиняются именно «земляческим» — то есть укорененности на территории данной местности, вовлеченности в местную социально-политическую жизнь, готовности отстаивать местные интересы против чужаков и т. д. К примеру, можно принадлежать (и в собственном мнении, и в глазах окружающих) к «арагонскому народу», «быть арагонцем» независимо от того, какой из трех языков, бытующих в разных частях региона Арагон — кастильский, собственно арагонский («aragones») или каталанский — является родным.

Но территориальная организация почти повсеместно иерархична. В случае с Испанией это выглядит так: страна в целом, как известно, исторически подразделяется на регионы (исторические области); регионы, в свою очередь — на провинции (при этом некоторые регионы имеют в своем составе только одну провинцию); последние — на комарки; те, в свою очередь, — на муниципии и так вплоть до отдельных селений и даже кварталов в рамках населенных пунктов... И ситуация здесь такова, что вот это «горизонтальное», «пространственное» группирование населения Испании, его подразделение на общности, каждая из которых осознает свое внутреннее единство и свои культурно-исторические отличия от других общностей того же уровня, — в целом соответствует вышеупомянутому территориальному иерархическому подразделению, сообразуется с ним. То есть перед нами — иерархия, по сути дела, территориальных, «земляческих» общностей, если не на всех, то по крайней мере на нескольких уровнях которой принято говорить о «народе» (pueblo), соотносимом с другими «народами» — на том же уровне. Всякий житель страны, таким образом, входит одновременно в состав нескольких «народов», в череде которых каждый следующий, более крупный, включает в себя предыдущий как свою составную часть. Такой тип отношений можно было бы образно представить на примере известной куклы-матрешки; столь же правомерно здесь сравнение с рядовым военнослужащим, который входит в состав отделения, входящего во взвод, входящий в роту, входящую в батальон и т. д., вплоть до армии и вооруженных сил всей страны.

Здесь нельзя — учитывая отечественный исторический опыт — не обратить внимание на два существенных обстоятельства. Во-первых, среди этих уровней принадлежности и, соответственно, отождествления (и самоотождествления; если же придерживаться распространившейся ныне практики терминоупотребления, то можно говорить об «уровнях идентичности») нет какого-то одного, который мыслился бы как главный, «истинный», — вроде все той же нашей отечествен-

ной «национальности» (как у нас, вопреки общемировой практике, принято называть этническую принадлежность), — который фиксировался бы раз и навсегда, за редкими исключениями конъюнктурного характера. Но его и не может быть. Ведь принадлежность жителя Испании к одному из «народов» в рамках упомянутой иерархии обычно актуализировалась в зависимости от того, какой именно уровень этой иерархии был востребован той конкретной ситуацией, в которой оказался данный человек; соответственно, «чужаками» по отношению к нему и его «народу», к той общности, с которой он в данный момент себя отождествлял (а это мог быть «народ» его родного селения, его церковного прихода, комарки, города, острова, провинции, региона, всей страны в целом) оказывались тоже разные общности, «народы» разного уровня, — то есть, соответственно, жители других городских кварталов, других селений или церковных приходов, нежели его собственный, других комарк, городов, островов, провинций, регионов Испании и, наконец, других стран; вот на этом последнем, наиболее «высоком» уровне обычно и шла речь об «испанцах», противостоящих французам, англичанам, португальцам и представителям всех прочих стран мира.

Правда, нельзя не отметить, что значение разных «уровней» в разных уголках Испании никогда не было одинаково и, более того, со временем оно видоизменялось под действием различных факторов, во многих случаях — политических. Где-то в определенный исторический момент на первое место выступал «патриотизм» по отношению к родному селению и ощущение единства со всеми его уроженцами, а другой сколько-нибудь значимой для этих людей была уже только их региональная принадлежность, тогда как лояльность, например, к родной провинции ощущалась ими довольно слабо, — зато в иных местах как раз значение родной провинции в их чувствах было настолько сильно, что перекрывало региональную принадлежность... Эта временная динамика, постепенная эволюция «земляческого» самосознания, кстати, решительно заявила о себе в период становления автономий на рубеже 70–80-х годов XX в., когда от некоторых исторических областей неожиданно для многих наблюдателей «отделились» провинции, традиционно с ними ассоциировавшиеся (при Франко границы исторических областей, или регионов, в отличие от провинциальных, официально не признавались, но все прекрасно знали, где они проходят), и одни из таких провинций потребовали для себя отдельного автономного статуса (именно так возникли нынешние «автономные сообщества» Кантабрия и Ла-Риоха, в прошлом трактовавшиеся как части Старой Кастилии), а другие сменили свою

«региональную принадлежность» (провинция Альбасете не захотела быть «мурсийской» и пожелала войти в новое самоуправляющееся образование — Кастилью-Ла-Манчу) и т. д.

Ну а кроме того, среди этих «уровней идентичности», этих иерархически выстроенных «народов» как-то не проглядывается тех самых, хорошо нам известных и перечисленных выше четырех «народов-этносов». Кто такие «испанцы», с точки зрения жителей полуострова, мы уже знаем, а вот что касается «каталонцев», «басков» и «галисийцев», то, в силу глубоко укорененной на иберийской земле традиции, эти термины воспринимаются подавляющим большинством местного населения прежде всего, то есть без каких-то дополнительных разъяснений и уточнений, как обозначения областных сообществ, неотделимо связанных своей жизнью и деятельностью с соответствующими регионами (Каталонией, Страной басков и Галисией), и, таким образом, стоят в одном ряду (или, если угодно, находятся на одном уровне) с «андалузийцами», «кастильцами», «наваррцами», «канарцами», «валенсийцами» и пр. Можно, правда, возразить, что в Конституции, по которой живет ныне страна, говорится о присутствии на испанской земле, наряду с «регионами», еще и «национальностей». Но на такого рода возражения и запросы, среди которых на сегодняшний день есть и официальные (направленные из центральных учреждений ЕС, озабоченных соблюдением на территории Испании Европейской хартии о правах «меньшинств»), с испанской стороны неизменно следуют разъяснения, что по тексту Основного закона, который полностью соответствует фактическому положению дел, эти «национальности по-испански» — не что иное, как все те же «регионы», которые сами захотели именоваться именно так. Никаких юридических или иных последствий провозглашение каким-либо регионом себя «национальностью» не имеет, равно как нет и каких-то общепризнанных и где-то зафиксированных критериев качественного отличия этих двух «категорий» друг от друга. К настоящему моменту таких «национальностей», именно так обозначивших себя в своих автономных статутах, в стране семь: Каталония, Страна басков, Галисия, Валенсия, Андалусия, Канарские острова и Балеарские острова. Что же касается «каталонцев», «галисийцев», «басков» и «испанцев» в привычном для нас понимании — то есть как этнических общностей, народов/этносов/наций, с высоким уровнем «национального» самосознания и внутренней сплоченности, объединенных в каждом случае уверенностью в общности своего происхождения и своей неповторимой «национальной» культурой и т. д., причем вне зависимости от региона проживания — то, как только что было сказано, таких общностей в стра-

не не просматривается, как не существует для них и общепризнанных «этнических» названий. Ведь нельзя же считать такими названиями термины «каталаноговорящие», «баскоязычные» или «галисийско-язычные». Общеизвестно, что многие из тех, кто считают себя — кстати, в полном согласии с мнением окружающих — каталонцами, басками и галисийцами, не владеют соответствующими языками, тогда как значительная часть, к примеру, «каталаноговорящих» никогда не согласится называться «каталонцами», поскольку отождествляет себя исключительно с собственными регионами (Валенсией, Балеарами, Арагоном или Мурсией).

Естественно, что при данном раскладе странно было бы, если бы какой-то из этих региональных, провинциальных, островных, комаркальных и других «народов» обозначался кем-то внутри страны, или же обозначал сам себя, как «национальное меньшинство». Напротив, все полноправные граждане Испании, издавна проживающие на ее территории, исторически трактуются обществом (кстати, также в полном соответствии с официальными формулировками) как составляющие в совокупности «единую испанскую нацию» — хотя и чрезвычайно многообразную в историко-культурном и языковом аспектах. Уместно в данном контексте напомнить о таких известных фактах, как тот, что язык, который всем известен как «испанский», в самой стране обычно именуется «кастильским» — прежде всего именно потому, что все прочие издревле распространенные здесь языки имеют такое же, как и он, право называться «испанскими», — или же тот, что в прошлом существовало название страны во множественном числе: не «Испания», как нынче, а «Испании».

Насколько глубоко вышеупомянутое ощущение неразрывной связи территории с проживающим на ней населением пронизывает испанский менталитет, видно даже из привычного словоупотребления. Это, собственно, известно всякому, кто знаком с испанским языком: ведь слово «pueblo» означает здесь и «народ», и «селение»; в каталанском соответствующий термин — «poble». В полном соответствии с такой установкой названия территорий в самых разных контекстах привычно, рутинно заменяются названиями их обитателей — как, впрочем, и наоборот, и тогда мы в очередной раз слышим в устном выступлении или читаем в письменном тексте что-нибудь вроде: «...Астурия, Кастилия, мурсийцы, валенсийцы, Галисия, андалусийцы и др. ...», — в бессчетном количестве разновидностей! Некоторые ученые говорят в этой связи об особой испанской «манере мыслить» и «представлять себе мир... в территориальных терминах», согласно которой, в частности, каждой территории (!) неотъемлемо присущи определенные культурные особен-

ности — иные, нежели культурные особенности соседних и тем более отдаленных территорий.

«Земляческая», она же «областническая», структура населения Испании имеет, конечно, свою специфику в сравнении с привычной нам «этнической». Прежде всего, региональное самосознание — совсем не нечто окончательно, жестко и раз и навсегда заданное; многое зависит как от объективных обстоятельств, так и от индивидуальных особенностей личности. И потому, к примеру, в случае переезда из одной области в другую на постоянное жительство одни из приехавших продолжают годами, десятилетиями, а то и всю жизнь хранить верность месту своего рождения, публично демонстрируя ее при всяком удобном случае и даже подчеркнуто культивируя в новой для себя среде какие-то милые их сердцу особенности прежней жизни, вроде праздников, религиозных шествий, кулинарных пристрастий и т. д., — тогда как другие вчерашние мигранты просто стараются не выделяться, ну а третьи, раньше или позже, начинают совершенно искренне ощущать себя неотъемлемой составной частью «областного народа» своих нынешних земляков и делают все для того, чтобы окружающие как можно скорее признали их в этом качестве. А уж мнение на этот счет окружающих, при отсутствии каких-то универсальных общепринятых критериев, может включать самый широкий спектр вариантов. Вот, к примеру, сколь по-разному выглядит главное свойство, определяющее истинного каталонца, с точки зрения разных жителей этого региона: «родиться в Каталонии»; «чувствовать себя каталонцем»; «говорить по-каталански»; «уважать Каталонию и все, что с ней связано»; «жить и работать в Каталонии»; «усвоить обычаи Каталонии»; «хотя бы не говорить плохо о Каталонии» — и т. д.

Таким образом, как представляется, первая серьезная задача, стоящая перед нашим соотечественником, интересующимся испанской «национально-культурной» проблематикой, состоит в необходимости преодолеть некоторые установки, сложившиеся в нашем общественном сознании по отношению к Испании, — и прежде всего те, что стали результатом ее восприятия через призму отечественного исторического опыта. А ведь наш опыт вовсе не универсален! В частности, у нас на родине за последнее столетие утвердилось представление, что каждый этнос — из числа тех, на которые «расписано» коренное население страны — имеет неоспоримое право на «политическую субъектность», то есть на политическое самоопределение или хотя бы самоуправление, территориальное (по возможности в пределах компактного расселения данного этноса) или же как минимум экстерриториальное. Как же иначе, если всякий человек, где бы он ни обитал и

куда бы ни перемещался, непременно принадлежит к какому-то определенному этносу (эта принадлежность, традиционно обозначаемая у нас как «национальность» и официально зафиксированная, зачастую весьма существенно влияла на судьбу человека), а этносы так не похожи один на другой, каждый из них отличается своей культурой (или какими-то ее неповторимыми особенностями), «психическим складом» и т. д.! Это культурно-психологическое (оно же — в иных терминах — «этнокультурное», оно же — «национальное») своеобразие имеет глубокие корни, поскольку восходит к общему генетическому происхождению этноса, и, в общем-то, служит главным, первичным, исходным обоснованием особых интересов, которые подразумеваются у всей группы (этноса) в целом и которые, конечно же, должны быть защищены — а где это можно сделать лучше, нежели в «собственном» административно-территориальном образовании данного этноса? По сути дела, практической реализацией (хотя и не вполне последовательной и завершенной) этой концептуальной посылки и стало внутреннее многоступенчатое административно-территориальное устройство Советского Союза, с его «национальными» республиками (союзными и автономными), «национальными» областями и округами, районами и сельсоветами (в раннесоветское время), — и с «титульным» народом, своего рода «народом-хозяином», в каждом из этих образований. Из той же логики исходят и те, кто внедряет в последние годы идею «государствообразующего» русского народа-этноса, по сути — разрушительную для российского общенационального гражданского единства.

Что же касается ситуации в Испании, то она, судя по всему, предлагает нам иную модель в интересующей нас сфере. Как следует, в том числе и из всего до сих пор сказанного в данной статье, культурное своеобразие различных групп населения страны и, соответственно, многокультурный характер этого населения никоим образом не ставятся здесь под сомнение. Однако констатация существующего многообразия вовсе не подразумевает, что сами по себе культурно-языковые особенности какой-либо совокупности местных жителей, вкупе с идеей общего происхождения носителей этих особенностей, непременно должны становиться исходным пунктом и основным критерием для их объединения, противопоставления себя окружающим, сплочения в «этническую общность» и выдвижения требований политического характера — вроде претензий на какой-то особый административный статус для мест расселения такой группы. Напротив, в качестве подобного рода основополагающего принципа, реально стимулирующего и «объединение», и «противопоставление», и «выдвижение», здесь выступает, как уже говорилось выше, «земляческий», он же, если угодно,

«историко-территориальный»; ему-то в конечном счете и подчиняется культурно-языковая сфера. И благодаря ему вся совокупность исторически сложившихся культурных образцов и языковых форм в границах каждого региона осмысляется и трактуется, во-первых, как общее достояние всего «народа» данного региона, а во-вторых — как атрибуты его своеобразия и даже уникальности в сравнении с другими региональными «народами». С этим же связана повсеместно сложившаяся традиция, согласно которой последовательная и успешная адаптация приезжих к новой для них среде естественным образом предполагает — в том числе и в их собственных глазах — усвоение ими региональных культурно-языковых особенностей. Очень показателен в этом смысле тот факт, что даже в суровые годы франкизма подавляющее большинство мигрантов из других районов Испании, осевших в Стране басков, не сомневались, что и им самим, и их детям следовало бы овладеть баскским языком, — а ведь в то время не только о публичном преподавании, но и о публичном использовании эускеры не могло быть и речи, да и сам этот язык, как известно, по своей неиндоевропейской природе чрезвычайно труден для изучения.

Так случилось, что в последние десятилетия — как, впрочем, это постоянно происходило и раньше — в межгрупповых отношениях обитателей Испании на основе их земляческой принадлежности наиболее значимым в сравнении с прочими оказался уровень регионов (исторических областей); во всяком случае, именно здесь сконцентрировались особенности и требования, наиболее важные в контексте внутрииспанского административно-политического устройства, равно как и наиболее известные стереотипы относительно местных жителей, ну и многое другое. Конечно же, за этим стоит живая память о тех временах, исторически не столь уж отдаленных, когда многие из нынешних регионов, очень часто — в тех же рубежах, что и теперь, были самостоятельными государствами, а затем долгое время — полусамостоятельными образованиями в пределах Испанской монархии, со своим неприкосновенным укладом, многочисленными особенностями и правами, охранявшимися законом. Традиция постоянного соотнесения настоящего с прошлым, отстаивания исторических прав, восстановления исторической справедливости и т. д. чрезвычайно сильна и влиятельна в Испании. И именно в рамках исторических областей (регионов) в XIX–XX вв. возникли и укрепились те общественно-политические движения, которые известны как «националистические», что в испанском контексте подразумевает, по большому счету, разрыв с общеиспанским историческим единством и стремление к политической самостоятельности в максимально широкой степени, вплоть до го-

сударственного отделения данного региона. Соответственно, претензии какой-либо политической силы на то, чтобы за представляемым ею регионом было официально закреплено название «нация» (особая, отдельная от общеиспанской), в испанской политической традиции до сих пор означали безусловный — или с оговорками — сепаратизм, а потому воспринимались очень болезненно и решительно отвергались подавляющим большинством местного общественно-политического спектра. Что же касается самих сторонников отделения от Испании, то, как показывают многочисленные опросы и всевозможные прошедшие здесь выборы, такие люди есть во всех без исключения регионах, хотя процент этих «областных националистов» к общему числу их земляков в каждом случае свой и с течением времени колеблется то в сторону уменьшения, то, напротив, роста.

Так вот, события последних двух столетий с достаточной определенностью показывают, сколь мощными стимулами для процессов «этнокультурного возрождения» в разных областях Испании оказались политические цели и интересы различных общественных сил. Возможно, наиболее ярко эта зависимость проявилась опять же в период постфранкистских либерально-демократических реформ рубежа 70–80-х годов. Известны высказывания различных ученых и экспертов об этих годах как о времени резкого усиления «этнического фактора» во внутренней жизни страны, а о Конституции 1978 года часто говорят, что она способствовала появлению «этнических общностей» там, где их до той поры не было (необходимо уточнить, однако, что под «этническими общностями» в этих случаях, как правило, понимаются такие совокупности населения, историко-культурное своеобразие которых — вообще-то, по мнению многих, свойственное примерно в равной степени всем группам обитателей Испании по всей ее территории — становится основой для выдвижения политических требований). И речь, конечно же, идет все о тех же региональных сообществах, «областных землячествах», в пределах каждого из которых тогда стремительно развернулось и усилилось движение за утверждение всесторонней самобытности своей «малой родины», за «пробуждение» всех земляков и их сплочение во имя борьбы за получение автономии для своего региона в как можно более широких пределах. Ведь, как отмечалось выше, если в одних случаях уровень регионального самосознания изначально был достаточно высок для того, чтобы обеспечить необходимую электоральную поддержку населения на всех этапах обретения вожделенного автономного статуса, то в других он значительно уступал более «низким»: провинциальному, комаркальному, островному и т. д., — и потребовались большие

усилия местных политических, интеллектуальных, предпринимательских и прочих элит, заинтересованных в областном самоуправлении, чтобы «раскачать» своих земляков именно на уровне региона.

Немалую роль в этой своеобразной «этнизации» регионов сыграло и то преимущество, которым с самого начала «автономной кампании» официально пользовались все те же Каталония, Галисия и Страна басков. Единственным основанием для этого был уже упоминавшийся прецедент 30-х годов, то есть спустя 40 лет происходило всего лишь восстановление исторической справедливости, — однако вне Испании, и в том числе, конечно же, в нашей стране, происходящее было воспринято как признание за «национальными меньшинствами», «этническими общностями» их законных прав на автономию в пределах населенных ими территорий. В самой же Испании только укрепилось представление о том, что культурно-историческая самобытность региона и уровень его претензий на местную самостоятельность находятся в прямо пропорциональной зависимости. Тем более что с официальным провозглашением автономии испанских регионов процесс обретения ими реального самоуправления, по сути, только начался — ведь речь шла о долговременной процедуре передачи в ведение создаваемых местных администраций огромного корпуса прерогатив и полномочий, которые до той поры были сосредоточены в руках центральной власти. Поскольку «выражение региональных требований в этнических терминах» уже зарекомендовало себя как, может быть, одна из наиболее эффективных политических стратегий, повсеместно взятый курс на утверждение местного культурно-исторического своеобразия, «мобилизацию» и энергичное пропагандирование самых незначительных элементов областной культуры, лишь бы они демонстрировали ее неповторимость, — был особенно активно продолжен в тех регионах, где влиятельные политические силы стремились к дальнейшей эмансипации от испанского государства. Лидируют здесь опять же Страна басков и Каталония, в которых уже не первый год многие действия активистов регионального «культурного возрождения» и автономных администраций дают их оппонентам повод для обвинений в умышленном форсированном — читай, недобросовестном — конструировании местного своеобразия, причем, по утверждению критиков, среди используемых форм и образцов есть такие, которые и вовсе никогда реально не существовали и были просто придуманы идеологами-националистами, исключительно для того, чтобы доказать изначальное отличие культурно-исторической традиции своего региона от общеиспанской и тем создать новые аргументы в пользу права на как можно большую самостоятельность от единого центра страны. Впрочем, та-

кого же рода претензии звучат и по адресу политических элит других регионов Испании...

Кстати, вот этот многократно и повсеместно зафиксированный на испанской земле «культурный конструктивизм», порожденный конъюнктурными, идеологическими и тому подобными факторами и соображениями, достаточно убедительно показывает, что представления об «исконном единстве культуры», присущей той или иной группе, — у нас в этой связи чаще всего принято говорить об «этнических общностях» — и о заведомой неповторимости этой культуры в сравнении с другими группами того же уровня, мягко говоря, далеко не всегда соответствуют действительному положению дел, во всяком случае сам «объективный фактический материал» явно не дает желаемой картины, раз уж возникает настойчивое стремление ее «подправить» в определенном духе. И даже за теми культурными проявлениями, которые давно уже однозначно воспринимаются как символы той или иной общности и ее специфики — какая-нибудь «национальная» или «региональная» реликвия, памятник, деталь одежды, танец, обряд, песня, кулинарные блюда, социальная норма, пристрастие или неприязнь к чему-либо, особое отношение к какому-то историческому событию и т. п. — стоят, как правило, целенаправленные усилия тех, кто в свое время сознательно, порою долго и упорно, превращал их из элемента, представляющего в лучшем случае какую-то небольшую территорию и ограниченный круг лиц, в свидетельство уникального культурного облика всего народа (какая бы общность при этом ни подразумевалась)...

Здесь уместно будет уточнить, что термин «народы» традиционно применяется в Испании и к группам населения, отличающимся от окружающего большинства какими-то специфическими особенностями конфессионального, социально-хозяйственного, историко-культурного и тому подобного характера (иудеи, цыгане, бакейрос, аготы, пасьегос, шуэты и др.). Это, однако, не противоречит тому, что все эти люди являются одновременно составной частью как «общеиспанского народа», так и «народов» территорий их постоянного проживания, — тем более что их групповая специфика уже несколько десятилетий не фиксируется официально (как представляющая собой частное дело граждан), да и прежде принималась властями во внимание очень выборочно, главным образом — по соображениям «поддержания порядка».

Нельзя не обратить внимания и на то, что по ходу испанской истории, в том числе и сравнительно недавней, время от времени давали о себе знать — будь то под действием внутренних факторов либо под влиянием извне — тенденции к тому, чтобы внедрить в общественное сознание столь хорошо нам знакомое деление обитателей страны на

общности, различающиеся по своему генетическому происхождению, и уже на этой основе — по культуре, языку, психологии, историческому опыту и т. д. (если к этому добавить еще и коллективное самосознание, то как раз и получатся «народы-этносы»). Может быть, наиболее известной попыткой такого рода была деятельность «отца баскского национализма» С. Араны (конец XIX — начало XX в.), который использовал для отделения «чистых басков» от «чужаков» такой своеобразный критерий, как действительно очень специфичные баскские фамилии, и настаивал на резком обособлении их носителей от всех остальных во имя сохранения «баскской расы». Примечательно, однако, что эта по-своему логичная и последовательная концепция со временем «рассыпалась» именно в своей «этнической» части, которая противоречила вышеописанным вековым «областническим» традициям жителей Пиренейского полуострова, и вот уже несколько десятилетий даже самые непримиримые борцы за независимость Страны басков (среди которых немало выходцев из других областей Испании или их потомков) не сомневаются, что «баски» — это те, кто «живет и работает» в Стране басков.

События самого последнего времени показывают, что и в нынешних, принципиально новых для страны условиях ее внутреннего и внешнего развития, когда вовсю действуют такие факторы и тенденции, каких совсем недавно невозможно было даже представить, «региональная проблема» в Испании по-прежнему далека от своего окончательного решения — тем более что относительно того, каким должно быть такое решение, похоже, в обществе нет согласия. Местная социально-политическая жизнь как бы демонстрирует нам — при этом в очень сжатые сроки — действие известного закона диалектики: в течение какого-то, исторически не слишком продолжительного времени происходит своего рода «накопление количества», страна постепенно привыкает не бояться того, что еще вчера едва ли не единодушно отвергала как угрозу самому своему существованию, и в какой-то момент вдруг происходит «качественный прорыв», создающий новую расстановку сил на внутрииспанской арене, уже с участием отторгавшихся ранее элементов, возникает новая политическая ситуация — которая со временем, возможно, станет трамплином для следующего «скачка». Конечно же, в данном случае имеются в виду недавние действия администраций двух самых известных и «продвинутых» автономных сообществ Испании — все тех же Страны басков и Каталонии — по дальнейшей эмансипации от испанского государства. Но если претензии Витории пока что были отклонены, то каталонская настойчивость оказалась более результативной и, возможно, будет иметь далеко иду-

щие последствия. Хочется отметить, однако, как проявилась в этом эпизоде та испанская специфика, о которой шла речь выше.

Так, в случае с Каталонией на протяжении многих месяцев 2005–2006 гг. шли тяжелые переговоры между местным и центральным правительствами относительно содержания и формулировок нового автономного статута сообщества, призванного заменить собой прежний. И если мы обратимся к итоговому тексту, согласованному и утвержденному обеими сторонами и одобренному региональным референдумом, то увидим там опять же «народ Каталонии», под которым подразумеваются «все те, кто живет и работает» в этом регионе, без какого-либо намека на этнические различия в его среде, на то, например, что здесь есть какие-то «этнические каталонцы» и представители иных, пришлых «этнических общностей». При этом пафосно подчеркивается историческое, культурное, языковое и прочее своеобразие Каталонии, которая «создавалась на протяжении [длительного] времени посредством вложения энергии многих поколений, многих традиций и культур, нашедших в ней землю, которая их приняла»[1].

Конечно же, каталанский язык определяется как «характерная особенность Каталонии», а сама «Каталония в согласии с другими народами стремится...» и т. д., — то есть перед нами все то же привычное понятийно-терминологическое неразличение территории и обитающего на ней населения. Но главное в ряду этих неразличений — упоминание (хотя и очевидно умышленно косвенное, в нейтральном контексте, как бы информирующее, и всего лишь однократное, — но все же сознательно включенное в окончательный текст статута) определения Каталонии как «нации». Для испанской политической традиции такая новация выглядит поистине революционной: не то, конечно, что «нацией» здесь называют не сообщество людей/народ/этнос, а область, территорию, — но именно то, что этот термин используется в официальном документе по отношению не ко всей Испании в целом, а лишь к какой-то ее части.

Однако если мы обратимся к аргументам каталонской стороны, то увидим, что для нее речь идет не о противопоставлении «каталонской нации» (понимаемой, разумеется, как очень специфическое региональное сообщество, а не как «этническая общность») «нации испанской», а о концепции, формулируемой так: «Каталония — это нация в [составе] нации наций [то есть Испании]». Сторонники такого подхода энергично настаивают на том, что он ни в коей мере не раска-

---

[1] Тексты разных редакций автономного статута Каталонии и материалы дебатов вокруг них представлены на сайте: www.elmundo.es.

лывает Испанию. «Каталония — это не “нация без государства”, нет, мы — нация, которая имеет государство, общеиспанское, которое является также и нашим! В чем же здесь угроза?» (Справедливости ради нужно сказать, что определение Испании как «нации наций» было предложено еще в XIX в., но не получило всеобщего признания.)

Иначе говоря, согласно этой логике, речь в данном случае идет всего лишь о своего рода повышении регионального статуса, которое, к тому же, подразумевает все без исключения составные части Испании, тогда как принципиально модель единой страны не меняется. Нужно сказать, однако, что с такой трактовкой разрешения «каталонской коллизии» в сегодняшней Испании согласны далеко не все.

В самые последние десятилетия, уже после начала постфранкистских реформ, в том комплексе испанских проблем, который мы привычно называем «национальным вопросом», заявила о себе проблема появления на ее территории массы (по некоторым оценкам, свыше 4 млн человек в 2005 г.) иммигрантов извне, из самых разных частей света, от Латинской Америки до Восточной Европы, привлеченных лучшими, чем на их родине, условиями существования; многие из этих людей уже стали или намерены стать постоянными обитателями Испании. Если принять во внимание крайне низкие показатели рождаемости коренного испанского населения, влекущие за собой его неизбежное «естественное» сокращение, иммиграция представляется благотворной для дальнейшего развития страны. Однако в данном случае процесс «демографического восполнения» оказывается весьма непростым, противоречивым и зачастую конфликтным.

Мало того, что «фактор иммиграции» возник в исторически очень короткий срок, но оказалась нарушенной или повернутой вспять вековая местная традиция, в силу которой сама Испания на протяжении целой эпохи была как раз страной привычной эмиграции (в Новый Свет или же в Западную Европу), и многим местным жителям, особенно из старших возрастных категорий, нелегко приспособиться к повсеместному присутствию многочисленных «чужеродных» соседей. Кроме того, либеральный характер многих административных правил и норм начала послефранкистской эпохи привел к тому, что весьма значительная часть иммигрантов проникла сюда нелегально, и немало этих людей нашли для себя источник пропитания в «подпольной» экономике, а то и в криминальной деятельности. Это породило довольно высокую степень негативного отношения к иммигрантам в испанском обществе, отношения, достигшего апогея в конце 1980-х — начале 1990-х гг.; в последующем восприятие иноземных мигрантов как будто стало постепенно смягчаться.

Испанские власти все это время с разной степенью эффективности опробовали различные способы взять под полный контроль, во-первых, проникновение иностранцев на территорию страны, а во-вторых — их пребывание здесь. Ужесточение правил пересечения испанской границы в последние годы сочеталось с кампаниями по легализации «подпольных» иммигрантов и с принятием к исполнению во внутренней политике всевозможных программ по адаптации многочисленных приезжих — выходцев из мест с иными языками, культурами и религиями. Относительно содержания и эффективности так называемых мультикультурных программ, в том числе в сфере образования, в стране нет единого мнения — равно как и в вопросе о перспективах вхождения разных по происхождению категорий этих «новых испанцев» в испанское общество. Особое, если не сказать пристрастное, внимание привлекает к себе мусульманская община Испании, насчитывающая уже несколько сотен тысяч человек, подавляющее большинство которой составляют магрибские арабы, преимущественно — марокканцы. Обсуждение взаимоотношений с этой многочисленной частью нынешнего населения Испании, перспектив его дальнейшего существования (по линии: «испанцы мусульманского вероисповедания» или «закрытая и потенциально опасная чужеродная община»?), характера необходимых действий со стороны государства и общества и т. д. — причудливо сочетает в себе многочисленные отсылки к событиям исторического прошлого и вековые стереотипы (порожденные, конечно же, 800-летним соседством/противостоянием с мусульманами на Иберийском полуострове, да и последующими длительными и далеко не всегда мирными отношениями с близлежащим исламским миром) с впечатлениями от процессов, идущих сейчас в исламской среде, с либеральными представлениями, доминирующими в современном западном мире, и со многими другими направлениями и тенденциями развития как собственно испанской, так и мировой общественной мысли.

Вряд ли будет ошибкой сказать, что на сегодняшний день проблемы, порожденные иммиграцией и продолжающейся политико-культурной эмансипацией ряда автономных регионов Испании, представляют собою очень серьезный, даже исторический вызов обществу этой страны, вступившему в качественно новый период своего существования.

Глава 14. Демографические сдвиги и изменения в массовом сознании

Демографическая модернизация, первые ростки которой появились в наиболее развитых странах Европы еще в XVIII в., обрела ныне поистине глобальный характер. С ней связаны не только величайшие достижения, как, например, снижение детской смертности и увеличение продолжительности жизни, демократизация семейных отношений и многое другое, но и возникновение целого ряда совершенно новых, ранее неизвестных проблем. Многие из них представляют собой «оборотную сторону» этих достижений. Среди них и угроза перенаселения планеты, и падение рождаемости, и старение населения. Нельзя не упомянуть и ситуацию с мигрантами из других стран, массовый приток которых меняет традиционный этнокультурный и социально-демографический облик многих развитых государств. Все эти проблемы вышли за рамки собственно демографической науки, став предметом обсуждения специалистов других научных дисциплин, а также политических и общественных деятелей, представителей международных организаций, таких, например, как ООН и ЮНЕСКО.

В этом контексте особую актуальность приобрел вопрос о соотношении общего и особенного, а именно глобальных тенденций демографической модернизации, — с одной стороны, и ее специфики в тех или иных государствах — с другой. Эта специфика во многом связана с особенностями национальной культуры и психологии, религии и идеологии, всего того, что формирует массовое сознание. Его можно условно назвать «субъективным фактором» демографической модернизации, однако, далеко не второстепенным. Ведь именно от него во многом зависит траектория демографических процессов, их смысловое наполнение. Массовое сознание влияет на репродуктивное поведение, семейные отношения, полоролевые модели, установки в отношениях между поколениями, представителей других народов и культур и многие другие позиции, так или иначе связанные с демографией.

В испанской научной литературе проблема взаимосвязи массового сознания и демографических процессов стала изучаться с конца 60-х годов[1]. В изучение этой темы особый вклад внесла приклад-

[1] Одним из первых, кто исследовал вопрос о современной испанской демографической модернизации и ее связи с массовой психологией, стал Х. Надаль, на работы кото-

ная социология. Ее появление как раз и было связано с изучением массового сознания и изменения системы ценностей в испанском обществе, в том числе и демографии[1]. По словам одного из лидеров этого направления Амандо де Мигеля, испанский «менталитет», связанный с представлениями о смысле жизни, ее целях и ценностях, во многом определяет интенсивность, характер и направление демографических процессов[2]. К наиболее важным из них относятся увеличение продолжительности жизни, падение рождаемости и старение населения.

Начало нового XXI в. было отмечено важным событием в демографической истории Испании: население страны превысило 40 млн человек. Сейчас ее численность приблизилась к 45 млн[3]. Таким образом, за прошедшее столетие Испании удалось увеличить число своих жителей более чем в два раза. Отметим, что во все предшествующие века население увеличивалось гораздо медленнее, поскольку наряду с высоким уровнем рождаемости был и высокий уровень смертности, особенно младенческой, а средняя продолжительность жизни еще сто лет назад не превышала 35-ти лет. Если бы такое положение дел сохранялось и в дальнейшем, то к концу XX в. население Испании не превысило 21 млн человек.

В отличие от многих других стран, где демографические показатели воспринимаются сугубо рационально, в Испании число «сорок миллионов» имеет определенную эмоциональную окраску и символический смысл. Ведь на протяжении всей франкистской эпохи культивировалась идея, что Испания обретет счастье и величие, когда ее население достигнет 40 млн человек. Предполагалось, что многочисленность народа — залог его мощи и господства над другими. Кроме того, «сакральная» цифра в 40 млн была итогом подсчетов испанских демографов того времени, которые шли в русле европейской демогра-

---

рого как на своего рода «классику» ссылаются все испанские демографы и социологи. См.: Nadal J. *La población Española*. Barcelona, 1971.

[1] В середине 60-х годов был создан Fundación FOESSA (Fomento de Estudios sociales y sociología aplicada), который стал ведущим социологическим центром, изучающим общественное мнение и социальную психологию. В последующие годы это же направление исследований продолжил Центр социологических исследований (Centro de Estudios Sociológicos — CIS).

[2] См.: De Miguel Amando e Iñaki. *Las mentalidades de los españoles a comienzos del siglo XXI*. Madrid, 2004. P. 161.

[3] По данным Национального института статистики (Instituto Nacional de Estadística — INE) на 1 января 2004 г. население страны составляло 43 198 тыс. человек, на 1 января 2005 г. — 43 975 тыс. чел., на 1 января 2006 г. 44 709 тыс. человек. См. официальный сайт INE: http://www.ine.es.

фии, где господствовала теория о взаимосвязи социально-экономического процветания и политической мощи с плотностью населения и его жизненной активностью. Так или иначе, но по убеждению Франко и его окружения, именно при численности в 40 млн человек наступит искомый баланс между производством и потреблением, а потому Испания достигнет процветания и счастья[1].

Таким образом, главная цель социально-демографического развития виделась в достижении этого заветного числа. Для этого проводилась определенная семейная политика, нацеленная на повышение уровня рождаемости. Государство и церковь выступали здесь единой силой, призывая испанских женщин проявить «сознательность» и «волю к сотрудничеству» с государством. Пропаганда и распространение средств контрацепции на протяжении всей франкистской эпохи было приравнено к уголовному преступлению. Женщин не брали на работу, если доход мужа превышал установленный минимум. В указе 27 ноября 1938 г. говорилось: «Новое государство исходит из того, что женщина должна посвятить все внимание домашнему очагу, не работать по найму». В верности таким традиционалистским установкам виделся залог будущего величия и счастья страны.

Однако подобная политика, ориентированная на патриархальную традицию, подчиненное положение женщины и многодетность, приходила во все большее противоречие с реальной жизнью. После принятия в 1959 г. I-го Плана стабилизации и развития, началась бурная индустриализация и урбанизация страны. Деревенские жители хлынули в города. Нарастали внутренние миграционные потоки из аграрных регионов в промышленно развитые. Вскоре страну охватил и туристский бум. Все это размывало традиционные патриархальные устои. Складывался новый облик современного, урбанизированного общества, со свойственными ему новыми ценностными ориентирами.

Кроме того, с середины 60-х важнейшие изменения произошли в католической церкви. После II Ватиканского собора (1963–1965), обозначившего совершенно новый этап в духовной истории западного мира, испанская церковь была вынуждена начать свою переориентацию с консервативных позиций на либеральные. В частности, речь стала идти не о подчинении женщины мужу, а о равенстве полов. Отказавшись от прежних установок на «прикрепление» женщины к домашнему очагу, Церковь признала плодотворность их профессиональной самореализации. И хотя использование контрацепции по-прежнему считалось тяжким грехом, освящение получили брач-

---

[1] См.: Мигель А. де. Сорок миллионов испанцев сорок лет спустя. М., 1985. С. 35.

ные отношения и любовь между мужчиной и женщиной, — темы, ранее, как правило, остававшиеся в тени. Все это сказывалось на общественном сознании испанцев, подавляющее большинство которых исповедовало католицизм.

Таким образом, к середине 70-х годов в испанском обществе произошли глубокие изменения, подготовившие «ментальную» и связанную с ней демографическую модернизацию. В современной демократической Испании демографическая политика стала основываться на принципах соблюдения прав человека, его свободного выбора, равенства полов и демократизации семейных отношений[1]. Уважение к человеческой личности и ее жизни, в сочетании с продуманной системой социального обеспечения, успехами здравоохранения, массовой пропагандой здорового образа жизни, привело к впечатляющим результатам. В итоге относительно позднее по сравнению с наиболее развитыми странами Европы начало демографической модернизации в Испании компенсировалось ее ускоренным темпом в последние десятилетия XX в. К началу XXI в. страна стала мировым лидером по ряду показателей, в том числе по почти полной ликвидации детской смертности и увеличению продолжительности жизни *(см. табл. 14.1)*[2].

Таблица 14.1

Итоги XX века: эволюция ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в Испании (по годам)

	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1980	1990	1995	2000
М	34	41	40	48	47	60	67	72	73	74	75
Ж	36	43	42	52	53	64	72	79	80	81	82

Источник: http://www.ine.es/inebase/cgi/axi.

В начале XXI в. продолжительность жизни женщин в среднем по Испании в 2003 г. увеличилась до 83 лет, а в 2005 г. — почти до 84 лет.

[1] Об изменениях в сфере морали и системы ценностей см. социологические исследования: Francisco A.O. *Los nuevos valores de los españoles*. Madrid, 1991; Pedro C.B. *La secularización en la sociedad española*. CIS 2002; CIS. *La sociedad: teoría y investigación empirica*. Madrid, 2002.

[2] См. об этом: Perez Díaz J. *Madurez de masas*. Madrid, 2003.

При этом наилучшие показатели в этом отношении традиционно оставляют за собой наиболее экономически благополучные области Кантабрии и Ла-Риохи, приближаясь к 85 годам.

На такое увеличение средней продолжительности жизни существенно повлияли не только социально-экономический прогресс и общее улучшение жизненных условий, но и грамотная политика в здравоохранении и социальном обеспечении.

Показателен в этом отношении так называемый «эпидемиологический переход», который осуществлялся во многих странах Европы, в том числе и Испании, в два этапа[1]. На первом, начавшемся еще в эпоху франкизма, активную роль играло государство, проводившее массовые профилактические меры против эпидемий. С конца 70-х годов испанское здравоохранение дополнило эту стратегию профилактикой, направленной на уменьшение риска смерти от неинфекционных заболеваний (прежде всего, сердечно-сосудистых и рака), — с одной стороны, и от разного рода несчастных случаев, насилия и других ситуаций, опасных для жизни, — с другой. Это сопровождалось пропагандистской кампанией, нацеленной на формирование здорового образа жизни, сознательной и активной позиции людей в сохранении здоровья.

Нельзя не отметить и испанский «прорыв» в преодолении детской смертности, которая сейчас в Испании одна из самых низких в мире. В целом можно заключить, что успешное развитие в течение последних десятилетий всего комплекса «объективных» факторов, — социально-политических, экономических, научно-медицинских, создало в Испании основу для достижения значительных успехов в социально-демографическом развитии.

Но это вовсе не означает, что у испанцев не хватает проблем. Так, в частности, в социально-демографической сфере к XXI в. выявился целый ряд болезненных точек. Они дали основания не только для беспокойства, но даже пессимизма, к которому, как считают многие социологи, вообще всегда были склонны испанцы и который не исчезает даже тогда, когда объективно страна развивается быстрее и успешнее других стран Европы. Что касается демографии, то такая обеспокоенность и настороженность вполне обоснована. Тем более

[1] Как отмечает X. Перес Диас: «На протяжении последних столетий, как, впрочем, и всей предшествующей истории, жители Испании были преисполнены страха перед массовыми эпидемиями и тяжелыми болезнями, уносившими жизни многих тысяч человек. Угроза чумы неотступно преследовала человека, накладывая глубокий отпечаток на все его мировосприятие. В Испании этот страх отступил лишь в сороковые годы XX века» // Perez Díaz J. Op. cit. P. 75.

что по некоторым подсчетам через 50 лет численность населения может сократиться до 31,3 млн[1]. Впрочем, большинство специалистов настроено не столь мрачно. Однако и они говорят о начале процесса снижения численности населения страны, который начнется через 5–10 лет[2]. Это связано, прежде всего, с падением рождаемости и старением населения.

Глубокие изменения в семейной сфере, в том числе эмансипация женщин, рост их образовательного уровня и все большая вовлеченность в общественную и производственную жизнь, не умалили значение и ценность семьи как таковой.

По мнению многих испанских исследователей, ориентация на семью как основную ценность в жизни в современных условиях имеет множество причин, среди них есть и психологическая, связанная с недоверием к окружающему миру и людям, особенно в больших городах. Недоверие к обобщенному образу «незнакомца» распространяется не только на людей, но и на все общественные институты, что порождает пессимизм и критическое отношение ко всем сферам общественной жизни. Однако, «если внешний мир враждебен и таит в себе угрозы, то спасение видится в том, чтобы замкнуться в узком семейном кругу близких людей»[3].

Новый социально-психологический контекст, сложившийся в результате урбанизации, индустриализации и всех остальных изменений в испанском обществе последних десятилетий, определил иное, по сравнению с традиционным аграрным обществом, содержание, другие формы семейных отношений, но не подорвал ценности семьи как таковой. Именно семейные ценности сегодня, как и прежде, продолжают доминировать в общественном сознании испанцев[4].

Оценивая эпоху франкизма с позиций сегодняшнего дня и, в частности, результаты семейной политики того времени, испанцы не склонны видеть все только в черном цвете. Об этом свидетельствуют данные опроса, проведенного в 2000 г. одним из ведущих социоло-

---

[1] См.: El Mundo. 28.02.2001.

[2] Сравнительный анализ прогнозов, разработанных различными центрами, представлен в работе Francisco Zamora López F.Z. *Proyecciones de la población española* // Las claves demográficas del futuro de España. Madrid, 2001. См. также: Instituto de Demografía. Proyección de la población española. CSIC. Madrid, 1994.

[3] De Miguel Amando e Iñaki. Op. cit. P. 162.

[4] Об этом свидетельствует опрос, проводившийся в сентябре 2005 г. Центром социологических исследований. См.: Centro de Investigaciones sociológicos (CIS). Barómetro de septiembre. 2005. Estudio No 2618 // http://www.cis.es.

гических испанских центров — Centro de los Estudios Sociales (CES). Так, половина опрошенных признает, что в контексте всей испанской истории эпоха франкизма имела и хорошие, и плохие стороны[1]. При этом некоторые хорошие стороны как раз и были связаны с семейной сферой. Так, говоря об изменениях в общественной морали, в том числе и семейной, происходившие за последние десятилетия, чуть более половины (57%) испанцев считает, что в них больше плюсов, чем минусов. Однако многие — 26%, напротив, полагают, что преобладают негативные изменения *(см. табл. 14.2)*[2].

Таблица 14.2

Оценка изменений в семейной сфере, происшедших за годы демократизации по сравнению с франкистской эпохой (% опрошенных)

Как вы оцениваете следующие изменения в семейной сфере:	позитивно	негативно
Большее равенство прав и обязанностей супругов	58,4	1
Увеличение числа женщин, которые работают вне дома	20,7	2,2
Уменьшение количества детей в семье	1,6	42,3
Увеличение количества пар, которые живут вместе, но не женаты официально	56,7	21,2
Увеличение числа пар, которые не хотят иметь детей	20,9	57,4
Увеличение числа внебрачных детей	32,7	35,4
Рост числа разводов	22,7	56
Увеличение числа людей, которые живут одни, не вступая в брак	25,1	47

Источник: Centro de Investigaciones Sociologicos (CIS). «25 anos despues». 2000. Estudio No 2401 // http://www.cis.es.

Примечание: в таблице не приводятся данные об ответивших «ни позитивно, ни негативно», затруднившихся с ответом и не давших ответа. Сумма ответов на каждой строке равняется 100%.

Как видно из таблицы, к позитивным изменениям более половины опрошенных (58%) относят равенство полов. Отметим, что равенство

[1] См.: CIS. 25 anos después. Estudio N2401, 2000. Pregunta 1, 1a, 2, 5, 6. http://www.cis.es.
[2] Ibid. Pregunta 13,14. http://www.cis.es.

полов в Испании весьма относительно, по крайней мере в семейной сфере. Во многом сохраняются традиционные представления о роли мужчин и женщин в семье. Для Испании характерно, что именно женщина тянет основной груз не только всех домашних хлопот, но и забот о всех родных и близких. При этом она считает своим долгом не прибегать по возможности к помощи государственных и частных учреждений, воспитывая детей дома, а не отдавая их в детский сад. Так, по сравнению, например, с Данией и Германией, где около половины всех детей до трех лет посещают детские сады, в Испании в 1998 г. «детсадовских» детей было только 2%[1].

Обращает на себя внимание тот факт, что почти две трети опрошенных (71%) признают, что в последние десятилетия возросло и насилие в семье, которое во франкистскую эпоху было существенно меньше. Не случайно в последние годы тема насилия в семье стала одной из наиболее популярных и в средствах массовой информации. Нельзя не отметить, что лишь 20% опрошенных одобряют работу женщин вне дома. Что касается негативных изменений, в числе которых упоминаются разводы, то весьма показательно, что почти треть (30%) испанцев считает их злом. Во многом, как можно предположить, это происходит, потому что католическая церковь не допускает развода, однозначно трактуя светский развод при венчанном браке как тягчайший грех.

Такие новые явления в сфере семейной жизни, как «гражданский брак» («конвенциальный союз»), вызывает у испанцев неоднозначное отношение: чуть более половины из них оценивают его позитивно, однако около четверти дают негативную оценку, а 20% не могли определиться с ответом[2]. По этому показателю Испания более консервативна по сравнению с европейскими соседями. Так, в Испании к началу XXI в. число конвенциальных союзов не превышало 3%, в то время как на севере Европы, например в Дании, их насчитывалось около 14%. Что касается продолжительности брака, то в южных странах Европы — Испании и Италии она традиционно выше, чем в северных, хотя здесь она несколько сократилась за последние десятилетия. Так, например, в Испании 60-х годов прошлого века средняя продолжительность брака составляла более 25 лет, а началу XXI в. — 17 лет. Таким образом, существует тенденция к снижению стабильности браков, однако в Испании она проявляется слабее, чем

[1] См.: Gil J.S. *Seguimiento estadístico de las formas de convivencia* // Las claves demográficas del futuro de España. Madrid, 2001. P. 181.

[2] Ibid. Pregunta 10, 10a, 11, 12.

в других странах Европы. В Германии, например, средняя продолжительность брака не превышает 10 лет[1].

То же можно сказать и о разводах. Средний коэффициент разводимости для развитых стран увеличился к началу XXI в. по сравнению с семидесятыми почти вдвое: с 13 разводов на 100 мужчин и женщин до 24 разводов на 100 мужчин и 27 разводов на 100 женщин в 90-х годах[2]. Число разводов в Испании в несколько раз (по крайней мере, в три) меньше, чем в других европейских странах. И это, несомненно, связано с прочной католической традицией, до сих пор не допускающей разводы в принципе (речь идет о венчанных парах).

Вместе с тем нельзя не отметить нарастающую секуляризацию и отход от правил поведения, предписываемых церковью. Это отражается, прежде всего, на ситуации, связанной с рождаемостью. Тенденция к падению рождаемости в Испании вписывается в общую картину развития европейских стран. В докладе ООН, посвященном этой теме, отмечалось, что в конце XX в. число развитых стран с уровнем рождаемости ниже уровня воспроизводства (показатель — 2,1 ребенка на одну женщину) увеличилось до 41, а число развивающихся стран — до 19[3]. При этом ни одна из стран Евросоюза не дотягивает до простого воспроизводства населения.

В Испании, эта тенденция к сокращению рождаемости, так же как в других странах Южной Европы (Италии, Греции и Португалии), стала развиваться несколько позже, чем в северных. И если до определенного момента демографическая политика франкизма еще могла как-то препятствовать развитию этой тенденции, то после 1975 г., в эпоху демократизации рождаемость стала падать столь быстрыми темпами, что в 1998 г. Испания заняла последнее место в мире по уровню рождаемости. Он опустился до показателя 1,15 ребенка на женщину в 1998 г. и 1,07 в 1999 г.[4] О глубине этого процесса ярко свидетельствуют абсолютные цифры: если в 1975 г. родилось 670 тыс. детей, то в 1999 г. только

---

[1] См.: Antolin R. Puyol. *La población española y europea en el final del siglo XX* // Las claves demográficas del futuro de España. Madrid, 2001. P. 27–28.

[2] См.: World Fertility Report 2003. Population Division, DESA, United Nations // http://www.un.org/esa/population/unpoP.htm.

[3] См.: World Fertility Report 2003. Population Division, DESA, United Nations. Причем в половине развитых стран суммарная рождаемость сократилась на 0,8 ребенка на одну женщину и более. К концу 90-х годов рождаемость составляла (или незначительно превышала) два ребенка на женщину лишь в четырех странах — в Албании, Исландии, Новой Зеландии и Соединенных Штатах Америки. См. подробнее данные на официальном сайте ООН: http://www.un.org/esa/population/unpoP.htm.

[4] Данные на 1998 г.: Antolin R. Puyol. Op. cit. P. 20. Данные на 1999 г.: Национальный институт Статистики (INE), официальный сайт: http:// www.ine.es/ prensa/np199/doc.

367 тыс., то есть почти вдвое меньше. Впрочем, в 2004 г. было зафиксировано появление 453 тыс. новорожденных[1].

Анализируя общую динамику падения рождаемости на протяжении всего XX в., можно сказать, что она сократилась за 100 лет более чем в три раза. Так, по данным на 1900 г. число детей, приходящееся в среднем на одну женщину составляло 3,53 ребенка; через полстолетия, в 1950 г., — 2,39. И хотя к концу франкистской эпохи, 1975 г., он несколько поднялся до 2,8, но затем уже в эпоху демократизации стал неуклонно падать и составил всего 1,07 в 1999 г. *(см. табл. 14.3)*[2].

Таблица 14.3

Динамика изменений синтетического индекса рождаемости (количество детей на одну женщину) в Испании и некоторых других странах Евросоюза (по годам)

	Евросоюз-15 (в среднем)	Испания	Германия	Франция	Италия	Швеция	Великобритания
1970	2,38	2,90	2,03	2,47	2,42	1,92	2,43
1975	1,96	2,79	1,48	1,93	2,20	1,77	1,81
1980	1,82	2,20	1,56	1,95	1,64	1,68	1,90
1985	1,60	1,64	1,37	1,18	1,42	1,74	1,79
1990	1,57	1,36	1,45	1,78	1,33	2,13	1,83
1995	1,42	1,18	1,25	1,70	1,18	1,73	1,71
1998	1,45	1,15	1,34	1,75	1,19	1,51	1,72
2000	1,50	1, 24	1,38	1,88	1,24	1,54	1,64
2004	1,52	1, 32	1,37	1,90	1,33	1,75	1,74

Источники: Данные на 1970–1998 гг.: Statistiques demographiqies. Donnees 1960–1999. Commission Europeenne Office des Publications Officielles des Communautes Europeennes. Luxemburgo. 1999; данные на 2000–2004 гг.: EUROSTAT. См.: http:// epp.eurostat.cec.eu.int.

Как можно видеть из таблицы, низкая и очень низкая рождаемость не является «национальной спецификой» Испании. Речь идет о явлении, присущем всей современной постиндустриальной цивилизации.

---

[1] http:// www.ine.es.

[2] Данные приводятся по: Tamames R. *Estructura económica de España*. Madrid, 2000. P. 59. Данные на 1999 г. приводятся по: http://www.ine.es/prensa/nP. 199.doc.

Возможно, что здесь правильнее говорить не столько о «кризисе рождаемости», сколько о начале некого нового процесса общественной трансформации. Его основным смыслом является переход от «количественного» восприятия параметров социальной жизни к «качественному». Это проявляется, в частности, в стремлении иметь мало детей, но обеспечить их «качественными» условиями жизни — питанием, образованием, досугом, жильем и проч.

Нельзя сбрасывать со счетов и стереотипы «общества потребления», в котором лишние траты и заботы воспринимаются как ущерб семье. Так или иначе, но малодетность оказалась весьма привлекательной для современного урбанистического испанского общества.

В этой связи важно отметить, что в Испании, в отличие от многих других европейских стран, принимающих мигрантов, доля новорожденных от иностранных родителей не столь велика, но ее нельзя игнорировать. Мигранты составляют не более 8% всего населения, причем подавляющее большинство связано с христианской традицией[1]. В 2004 г. из 453 тыс. всех новорожденных в Испании 62 тыс., (то есть каждый седьмой новорожденный ребенок), были связаны по своему происхождению с мигрантами. Из них 45 тыс. были рождены от иностранных отца и матери, и 17 тыс. от смешанных браков или связей. При этом среди всех женщин-мигранток наибольшей фертильностью отличаются марроканки, исповедующие ислам. На их долю приходится 20% всех рождений от матерей-иностранок. Таким образом, хотя на данный момент участие иностранных граждан в рождаемости нельзя признать определяющим, оно может увеличиться в ближайшие годы. И хотя такой прирост новорожденных, по всей видимости, будет компенсировать низкую рождаемость автохтонного испанского населения, он чреват многими новыми проблемами и опасностями.

Рассмотрим основные причины сокращения рождаемости в Испании. В результате опроса, проведенного Национальном институтом статистики (INE) в 1999 г., выяснилось, что наибольшую роль в принятии женщиной решения, сколько детей иметь и иметь ли их вообще, играют несколько факторов. В первую очередь — социальный статус,

---

[1] На 1 января 2004 г. в качестве мигрантов было зарегистрировано несколько более 3 млн человек, а на 1 января 2006 г. чуть более 4 млн. Из них почти половину составляют выходцы из стран Латинской Америки (в первую очередь из Эквадора и Колумбии), менее трети — из Африки (прежде всего из Марокко — они составляют около 15% всех испанских мигрантов). Четверть мигрантов — выходцы из Европы, прежде всего Румынии. Число мужчин среди мигрантов почти из всех стран и, особенно из Марокко и Италии, больше, чем женщин. Напротив, число женщин среди мигрантов из Колумбии и Перу превышает число мужчин. См.: http:// www.ine.es/inebase/cgi/axi.

а именно замужество; далее по значимости — уровень образования; степень религиозности и работа вне дома.

Следует отметить, что за последние годы произошло существенное увеличение возраста вступающих в брак. В результате сокращается доля женщин фертильного возраста, что является серьезным фактором сокращения рождаемости последних десятилетий. Это общемировая тенденция: средний возраст вступления в брак на нашей планете за последние 30 лет вырос с 25,4 до 27,2 года среди мужчин и с 21,5 до 23,2 года среди женщин. В развитых странах его увеличение было еще более значительным — с 25,2 до 28,8 года среди мужчин и с 22,0 до 26,1 года среди женщин соответственно.

Естественно, что с увеличением возраста вступления в брак увеличивается и возраст первородящих. Если на протяжении многих десятилетий, и, может быть, столетий, «ведущей» группой рожениц были женщины 25–29 лет, то к началу XXI в. такой «ведущей» группой стали 30–34-летние женщины, в то время как более молодая группа отошла на второй план. В Испании в 1975 г. дети, рожденные от матерей старше 30 лет, составляли около трети новорожденных, а сейчас — уже более половины. Также происходит рост числа внебрачных детей. Хотя, если в среднем в Европе в середине 90-х годов вне брака рождалось 24,3% детей, то в Испании лишь 11%. Но к 2002 г. их доля увеличилась в среднем до 22%[1]. Рост числа разводов и увеличение числа детей, рожденных вне брака, связаны с тем, что женщины обрели вместе с работой вне дома экономическую независимость. Это дало им бóльшую свободу выбора. «Рост числа разводов и возможность завести ребенка вне брака есть следствие этой экономической независимости женщин от мужей»[2], — отмечает в этой связи Р. Антолин.

В определенном смысле франкистские демографы были правы, когда видели угрозу номер один для рождаемости в работе женщин вне дома. Действительно, по данным опроса, даже в условиях беспрецедентного падения рождаемости «домашние» женщины рожают в среднем по два ребенка, в то время как работающие только по одному. Что касается уровня образования, то зависимость здесь прослеживается достаточно ясно. В самой «фертильной» группе женщин (от 25 до 34 лет) на одну неграмотную женщину приходится в среднем 3,13 ребенка, а на женщину с высшим образованием — всего лишь 0,33 ребенка. Влияние религии на рождаемость тоже очевидно: религиозные женщины имеют в среднем 1,29 детей, в то время как «непрак-

---

[1] См.: Исследование INE «Población» на http://www.ine.es/inebase/cgi/axi.

[2] См.: Antolin R. Puyol. Op. cit. P. 30.

тикующие», хотя и верующие — 1,01, а неверующие — менее одного. В этом смысле правомерно убеждение католической церкви в том, что в современном секуляризированном обществе широко распространилось так называемое контрацептивное мышление, в котором секс отделен от любви, а любовь и счастье в семье от рождения детей.

По словам испанского демографа Хулио Винуэса Ангуло, «высокий уровень рождаемости в конце франкистской эпохи во многом являлся следствием общей социальной атмосферы, нацеленной на многодетность, которая, в свою очередь, определялась идеологией режима, ...и запретом на использование противозачаточных средств. Смена политического режима и демократизация страны “прорвали шлюзы”, сдерживающие процессы, связанные с рождаемостью. ...Женщина обрела возможность контролировать свою репродуктивную функцию, и в то же время включилась в общественную и экономическую жизнь, приобретя право и возможность профессиональной работы вне дома»[1]. Такая оценка, по нашему мнению, адекватно характеризует смысл перемен.

Вместе с тем многие испанцы сожалеют о том, что не имеют столько детей, сколько они желали бы. В массовом сознании сохраняется установка на большее количество детей для «идеального» размера семьи. Так, почти половина испанцев (как мужчин, так и женщин) ответили, что имеют меньше детей, чем им бы хотелось, и большинство их них объясняет это материальными трудностями. Чаще всего указываются безработица, дороговизна жилья и невозможность из-за этого жить отдельно от родителей. Эта последняя причина требует некоторых разъяснений. Совместная жизнь нескольких поколений в целом всегда была характерна для южных католических стран — Испании, Португалии и Италии, в отличие от северных протестантских, «выталкивающих» молодежь из отчего дома в самостоятельную жизнь.

В этом отношении можно вспомнить слова известного испанского писателя, публициста и философа Мигеля де Унамуно, произнесенные почти век назад: «...у нас трудно найти себе пристанище и заработать на жизнь. Молодые люди с большим запозданием отвыкают от материнской юбки и вылетают из фамильного гнезда... Это не означает, что они приспосабливаются к окружающей среде, активно приспосабливая себя к ней, а ее к себе; нет, они пассивно приноравливаются к обстоятельствам»[2]. Видимо, эта традиция во многом сохраняется и в современной Испании.

[1] Abgulo J.V. *Desequilibrios de la población española* // Las claves demograficos del futuro de España. Madrid, 2001. P. 53.

[2] Унамуно М. де. Избранное в двух томах. Л., 1981. Т. 2. С. 208.

Таблица 14.4

Доля молодежи, которая продолжает жить в отчем доме (по возрастным группам) в Испании и некоторых других европейских странах

	Возрастная группа 20–24 года — 100%. Из нее продолжает жить в отчем доме (%)	Возрастная группа 25–29 лет — 100%. Из нее продолжает жить в отчем доме (%)
Испания	90	62
Германия	53	20
Франция	52	18
ЕС-15	66	32

Источник: Como somos los Europeos? (1999) // Las claves demográficas del futuro de España. Madrid, 2001. P. 247–286.

Здесь возникает вопрос и об особой психологии испанской молодежи, которая с большим трудом находит себе работу. Нельзя сказать, что в Испании невозможно найти работу. В противном случае потоки мигрантов не устремлялись бы в эту страну в надежде на лучшую жизнь. Но молодежи действительно трудно найти первое место работы, которое бы по всем параметрам было подходящим. Согласно социологическим исследованиям, высокий уровень безработицы отчасти связан со своего рода пессимистической и фаталистической национальной психологией, в результате чего молодые люди долго ждут оптимального варианта трудоустройства, отвергая компромиссные варианты. «В результате все пронизывающей пессимистической психологии, свойственной испанцам, они думают, будто бы предложенная работа дается им на всю жизнь или, по крайней мере, на весьма продолжительное время. Им не верится, что она может стать лишь первым шагом к дальнейшему улучшению жизни после длительного периода безработицы. В итоге значительная часть опрошенных решительно отвергает предложения, если вариант не кажется им оптимальным. Это происходит вследствие хорошей социальной защиты, — с одной стороны, и определенного отношения к труду — с другой»[1], — отмечает в этой связи А. де Мигель.

[1] De Miguel Amando e Iñaki. Op. cit. Madrid, 2004. P. 56.

В целом можно заключить, что в тенденции падения рождаемости, характерной для всего современного мира, «объективные» и «субъективные» факторы тесно взаимосвязаны. В этом отношении роль массового сознания, традиций и религиозных установок, психологии семейных и трудовых отношений трудно переоценить.

Не менее острой, чем проблема низкой рождаемости, в современной Испании является проблема старения населения. В определенном смысле это «плата» за успехи в экономическом развитии общества, достижения в медицине и социальном обеспечении населения. Как и проблема рождаемости, данная проблема не является исключительно испанской, но вписывается в общие социально-демографические тенденции современного мира. В докладе ООН отмечалось: «Во всем мире наблюдается старение населения. Доля населения в возрасте 60 и старше составляла 8% в 1950 г., 10% — в 2000 г. и составит, по расчетам специалистов, 21% в 2050 г. При этом не только все большее число людей доживают до старости, но и проживают в старости все больше лет»[1]. Так, доля лиц старше 80 лет, составляющая сейчас 1% мирового населения, увеличится в 2050 г. до 4%[2]. В ближайшие десятилетия ежегодный прирост лиц старшей возрастной группы составит 3%[3].

В Испании процесс старения населения стал ощутимо проявляться с середины 70-х годов. В последующие десятилетия он приобрел лавинообразный характер. По всем расчетам старение будет продолжаться. Число лиц старше 65 лет, составляя к началу XXI в. 6,7 млн человек, достигнет к 2025 г. 8,7 млн человек, причем более 1 млн из них будут старше 85 лет[4]. Если в социально-демографическом развитии все будет идти, как сейчас, с тем же уровнем рождаемости и такими же темпами увеличения ожидаемой продолжительности жизни, то, согласно Мануэлю Ферреру Регалесу, Испания превратится через полвека в самую «старую» страну в мире, где средний возраст составит 55 лет[5].

Из приведенных данных видно, как постепенно развивалась тенденция к увеличению лиц пожилого возраста до середины XX в., и что всего за 20 лет — с 1970 по 1990 г. произошел качественный скачок в возрастной структуре общества. Индекс старения увеличился вдвое,

---

[1] См.: Living arrangements of older persons around the world // Department of Economic and Social Affairs (DESA). Population Division. United Nations. New York, 2005.

[2] См.: Доклад ООН «Population Challenges and Development Goals» // Department of Economic and Social Affiars (DESA). Population Division. United Nations. New York, 2005. С. 13.

[3] Ibid. P. 14.

[4] См.: Perez Diaz J. *Madurez de masas.* Madrid, 2003. P. 206.

[5] См.: Entrevista de Juan Domínguez con Manuel Ferrer Regales // Aceprensa. 14.03.2001.

а спустя всего 10 лет, к 2001 г., возрос еще на треть. В чем опасность демографического старения? Она таит угрозу не сама по себе, а в сочетании с низкой рождаемостью. Именно это сочетание может привести к сокращению численности населения в целом. Испания может потерять через 50 лет 21,8% населения, а значит, численность испанцев сократится до 31,2 млн.

Демографическое старение населения имеет и многочисленные социальные последствия, как, например, изменения в структуре социальных выплат, возрастающая нагрузка на младшее поколение, вынужденное ухаживать за престарелыми, значительная часть которых становится недееспособными, а значит произойдет увеличение спроса на жилье, поскольку многие старики предпочитают жить отдельно от детей. В целом можно сказать, что если еще десятилетие назад демографов больше всего волновал вопрос о скором перенаселении планеты как основной опасности для развития человеческой цивилизации, то теперь внимание приковано к проблеме демографического старения населения, которая все больше воздействует на социальную и экономическую жизнь. За последние полвека в Испании значительно изменилось соотношение лиц трудоспособного возраста и пенсионеров. Так, в 1950 г. на одного пенсионера приходилось 12 человек трудоспособного возраста, а в 2005 г. — всего девять. По прогнозам к 2050 г. одного пенсионера будут «содержать» всего четверо трудоспособных[1].

Но справедливо ли указывать только на негативные последствия старения населения? Именно такой мрачный подход свойствен большинству демографов и экономистов. Не следует забывать, что на иждивении людей трудоспособного возраста находятся не только старики, но и дети. При низкой рождаемости взрослые «недополучают» детской нагрузки, они в состоянии позаботиться о стариках. В результате совокупная нагрузка на трудоспособное население остается почти неизменной. При этом, по справедливому замечанию А.Г. Вишневского, «дети-иждивенцы потребляют до того, как начинают производить, так сказать авансом. Пожилые же люди переходят на положение иждивенцев после того, как их рабочая жизнь закончилась, так что их потребление заранее оплачено их собственным трудом»[2].

Поэтому, как отмечает Х. Перес Диас, «демографическое старение населения может рассматриваться как важный индикатор успешнос-

---

[1] Ibidem.

[2] Вишневский А.Г. Пять вызовов нового века // Мир России. 2004. № 2. С. 10.

ти всей индустриальной и постиндустриальной цивилизации»[1]. Она является оборотной стороной величайших достижений и успехов развития человеческой цивилизации.

Глава 15. Влияние иммиграции на рынок труда

На протяжении всего последнего десятилетия экономика Испании развивалась более высокими темпами, чем в большинстве стран ЕС, сравнительно легко преодолевая кризисные явления. В 1996–2005 гг. прирост ВВП Испании составил свыше 33% (23% в ЕС), то есть в среднем ежегодно превышал 3% — против 2% в ЕС. Как следствие, наблюдался устойчивый рост ВВП на душу населения — с 17 до 26 тыс. долл.[2], который фактически достиг среднегодового уровня ЕС-25[3]. Значительно улучшились и другие социально-экономические показатели.

К числу факторов, оказавших решающее воздействие на экономическое развитие страны, следует отнести существенные сдвиги на национальном рынке труда, ставшие результатом эффективной государственной социально-экономической политики. Речь идет в первую очередь о начавшемся с середины 90-х годов интенсивном создании новых рабочих мест, снижении уровня безработицы, а также о резком увеличении притока иностранной рабочей силы — процессе, ставшем своеобразным феноменом современного развития Испании.

При всем многообразии сдвигов на рынке труда Испании наиболее значимыми и впечатляющими являются успехи, достигнутые правительствами ИСРП и НП в решении ключевой социальной проблемы страны — безработицы. Как ни парадоксально, но сама по себе эта проблема — феномен демократических преобразований. Не следует забывать, что франкистский патернализм и социальное законодательство, провозглашавшие «социальное братство труда и капитала», запре-

[1] Perez Días J. *La situacion social de vejes en España a partir de una perspectiva demográfica.* Madrid, 1996. P. 1.

[2] См.: World Development Indicators Data Base. World Bank. 15.07.2005.

[3] См.: Observer OECD No. 249. The Banker, May 2005. «Spain's economy closing the gap».

щали увольнение рабочих (в обмен на запрет забастовок и других форм социального протеста), что позволяло поддерживать довольно низкий уровень безработицы (менее 3%). Избыток рабочей силы внутри страны регулировался массовой эмиграцией, длительное время служившей своеобразной отдушиной для национальной экономики, и одновременно фактором, сдерживающим иммиграционный процесс.

Начавшийся в постфранкистский период быстрый рост безработицы обусловлен целым рядом причин. Во-первых, модернизация и структурная перестройка промышленности, ориентированные на рационализацию производства и его перевод на трудосберегающие технологии, привели к резкому сокращению спроса на низкоквалифицированную рабочую силу и количества занятых в традиционных кризисных отраслях — металлургической, текстильной, угольной, судостроительной. При этом ощущалась острая нехватка специалистов высшей и средней квалификации для наукоемких отраслей промышленности. Например, в 1996 г. в радиоэлектронной промышленности спрос на специалистов превышал предложение на 88%.

Во-вторых, увеличению числа безработных способствовали резко возросший приход на рынок труда испанских женщин — с 32,4% в 1975 г. до 42,7% в 1995 г., слабая экономическая активность населения в целом (около 60% не имеющих работу в той или иной степени смирились со своим положением), а также низкая мобильность рабочей силы внутри страны — за 90-е годы минувшего столетия только 0,6% общей численности населения поменяло местожительство[1]. Отсюда — недостаточная гибкость национального рынка труда и значительные, имеющие тенденцию к увеличению, региональные диспропорции в уровнях безработицы. Например, в Андалусии и Наварре эти показатели составляли соответственно 24,5% и 5,9%. Наконец, в-третьих, свой вклад в рост безработицы внес новый трудовой кодекс, принятый в 1980 г., и недостаточно эффективная государственная экономическая политика обеспечения занятости, проводившаяся в первое десятилетие демократических преобразований.

Чрезвычайная острота обрушившейся на страну проблемы безработицы — к середине 90-х годов ее уровень поднялся до 25% — это был самый высокий показатель среди стран ЕС — вынудила правительство незамедлительно начать поиск путей ее решения, прежде всего, с помощью инструментов макроэкономической политики и увеличения расходов на проведение активных мер по обеспечению занятости.

[1] См.: De Bustillo Llorente R.M. *Spain and the Neoliberal Paradigm* // Center for Economic Policy Analysis. Working Paper 2000–2002. January 2002. P. 54.

В 1978 г. был создан Национальный институт занятости и возникли другие государственные службы, основными функциями которых стали создание системы профессионально-технической подготовки кадров, учреждение региональных служб социальной защиты безработных, проведение мониторинга вакансий и обеспечения занятости. К концу 90-х годов институт имел уже около 700 своих представительств во всех 52 провинциях Испании с довольно внушительным по европейским меркам штатом сотрудников: один сотрудник на 800 занятых. Особую эффективность деятельности института придает входящая в его функции тесная координация европейской, государственной и частных служб занятости.

С середины 90-х годов регулирование рынка труда перестало основываться исключительно на инструментах макроэкономической политики. Акцент делался на микроэкономическое регулирование, реформирование трудового законодательства и трудовых отношений между рабочими и предпринимателями внутри компании, на так называемые пассивные меры борьбы с безработицей, не требующие привлечения дополнительных финансовых ресурсов. Речь идет, в первую очередь, о введении более гибких форм найма, в том числе относительно новой для страны системы временных контрактов: с фиксированными сроками, на неопределенное время, с неполным рабочим днем (для лиц в возрасте 18—29 лет, для инвалидов 40—50 лет и тех, кто не имеет работы более 1 года), практики (сроком на 4 года для выпускников вузов) и профессионально-технической подготовки (на обучение ремеслу или профессии). Определенные гарантии получали предприниматели: предоставление скидок и выплата компенсаций при приеме на работу безработных, отвечающих определенным критериям, специальных — для высшего управленческого персонала, коммерсантов и профессиональных спортсменов.

Введение контрактной системы произвело революцию в системе трудовых отношений Испании, стало решающим фактором ее социальной стабильности (число забастовок с 1984 по 1998 г. уменьшилось почти в три раза), более чем трехкратного увеличения минимальной заработной платы (с 22,7 до 69,3 тыс. песет в месяц) и, конечно, роста занятости. К 2005 г. на основе временных контрактов и контрактов с неполным рабочим днем работало 2/3 наемной рабочей силы (против 40% в середине 80-х годов), в том числе 70% — неквалифицированные рабочие, 81,5% — женщины).

Занятость, как известно, находится в прямой зависимости от уровня образования и квалификации работников. Тенденция последних 25 лет свидетельствует о большей востребованности на рынке труда

людей со средним и особенно высшим образованием. Для последних уровень занятости составляет 80% против 20% для людей малоквалифицированных. Не случайно поэтому основным направлением политики в области занятости испанского правительства стали демократические преобразования в сфере образования. Они были направлены на универсализацию и открытость образования для всех социальных групп молодежи, на повышение качественного уровня ее обучения, включая создание единой национальной квалификационной системы, введение общеевропейских стандартов квалификации рабочей силы, легко адаптирующейся к новым экономическим и технологическим реалиям, обладающей одновременно и управленческими навыками.

Реформирование системы среднего образования позволило значительно снизить уровень неграмотности населения страны — с 9% в 1975 г. до менее 2% к 2006 г., более чем двукратно — до 2 млн человек увеличить число выпускников средней школы. Сегодня ее оканчивают почти 90% молодежи в возрасте до 16 лет. При этом почти в три раза по сравнению с 1975 г. увеличилась та ее часть, что получает среднее профессионально-техническое образование. Как следствие, доля лиц в возрасте 25–34 лет с неполным средним образованием в общей численности занятых упала до 45%, в возрасте 20–24 лет — до 15%, в то время как среди 55-летних этот показатель — свыше 90%.

Важнейшим итогом образовательной реформы стало создание системы профессионально-технической подготовки и переподготовки кадров, практически отсутствовавшей при Франко, для взрослого населения, мелких и средних фирм, высокотехнологичных отраслей. С 1993 г. программы профессиональной подготовки разрабатываются на уровне региональной администрации в сотрудничестве с местными образовательными учреждениями, предпринимательскими ассоциациями и профсоюзами с учетом реального спроса на рабочую силу, с целью сохранения и развития местных традиций и промыслов, повышения уровня и качества жизни населения. В первую очередь предусматривается переподготовка и обучение дефицитным профессиям людей, особенно страдающих от безработицы: молодежи до 26 лет, пожилых рабочих, длительно безработных и женщин в тех секторах экономики, где их представительство ниже существующих нормативов, а также инвалидов, сельскохозяйственных рабочих, государственных служащих.

Особое внимание уделяется созданию структур, координирующих подготовку менеджеров и технических специалистов, и их отраслевое распределение. Важно, что на все предпринимательские инициативы по созданию новых рабочих мест распространяется государственная

экономическая и внеэкономическая поддержка в форме прямых денежных выплат, значительного льготного кредитования и налогообложения, сокращения социальных отчислений и т. д. К 2005 г. доля обучавшихся в системе профессионально-технической подготовки Испании составила свыше 40% общей численности занятых, что, однако, ниже, чем в Германии (71%), Италии и Португалии. Как показала практика, три четверти прошедших обучение были обеспечены работой.

В 90-е годы, наряду с системой первоначального обучения ремеслу и профессиональной подготовки безработных, складывается модель «непрерывного обучения занятых», дающая возможность наемному работнику на протяжении всего периода его трудовой деятельности, в том числе пользуясь специальными отпусками и материальной поддержкой, повышать свою квалификацию. Тем самым обеспечивается весьма тесное взаимодействие и сотрудничество наемных работников и предпринимателей, как никогда ранее осознающих значение повышения квалификации своих работников в освоении современных технологий. Реализация программы непрерывного обучения возложена на специальный Фонд непрерывного обучения на предприятиях, созданный в 1993 г. социальными партнерами — предпринимателями, профсоюзами и государством. К 2004 г. по этим программам занималось соответственно 7% безработных и около 2% занятых.

Весьма впечатляющие сдвиги произошли и в системе высшей школы, которая перестала быть элитарной и социально недоступной для малообеспеченных слоев населения. Увеличение численности студенческой молодежи, особенно в государственных высших учебных заведениях, приобрело лавинообразный характер. За 1980–2005 гг. число студентов возросло с 500 тыс. до более 1,5 млн человек (30,5% общего числа молодежи), а доля лиц с университетским дипломом в общей численности трудоспособного населения повысилась с 5 до почти 10%. Именно выпускники вузов заполнили большинство вакансий технических специалистов и управленцев быстро растущих наукоемких отраслей промышленности, а также сферы НИОКР. За годы демократических преобразований число занятых в науке и высокотехнологичных отраслях испанской экономики увеличилось почти в три раза (до 7,5% против 13,6% — в ФРГ, 10,7% — во Франции). Уже к концу 90-х годов политика испанского правительства по обеспечению занятости начала приносить ощутимые плоды: за десятилетие было создано около 2 млн новых рабочих мест, в три раза сократился уровень безработицы (в 2006 г. он составил около 8%). Всего за 1996–2005 гг. новыми рабочими местами были обеспечены свыше 40% длительно безработных, 20% пожилых людей и более 60% молодежи.

Наряду с ростом занятости, быть может, главным свидетельством эффективности социально-экономической политики стал резко возросший образовательный уровень испанских граждан. Из страны средиземноморского типа с преобладанием дешевого неквалифицированного труда и ставкой на ценовой фактор конкурентоспособности Испания превращается в страну со значительно возросшим уровнем профессиональной квалификации и стоимости рабочей силы, понижательной тенденцией низкоквалифированного труда в структуре занятости коренного населения. По некоторым прогнозам, к 2010 г. Испания достигнет среднеевропейского показателя уровня безработицы, а еще через десятилетие будет испытывать, а в сущности, уже испытывает нехватку рабочей силы, особенно дешевой и низкой квалификации.

Наиболее остро эта нехватка чувствуется в 11 из 50, экономически менее развитых провинциях — Эстремадуре, Галисии, Кастилии и Леоне и др., столкнувшихся в минувшем столетии с фактом абсолютного сокращения численности своего населения. Одна из причин этого — ускоренная индустриализация и деаграризация страны в 60–70-х годах и связанная с ней невиданная за всю историю Испании более чем 2-миллионная миграция населения из сельской местности в города. Ее итогом стали возросшая урбанизация и двукратное сокращение численности аграрного населения в структуре занятости. Не менее важную роль в усилении этого процесса сыграл и происходивший в этот же период масштабный экспорт испанской рабочей силы в страны Европы и Латинской Америки.

Известно, что почти все минувшее столетие Испания являлась страной массовой экономической эмиграции, которая в последние годы франкизма в среднем ежегодно составляла свыше 100 тыс. человек. В целом в 60–70-е годы страну в поисках работы за рубежом покинуло 3,3 млн испанцев — 10% ее населения. В годы демократических преобразований эта тенденция начинает быстро меняться: в 1975–1985 гг. только легальный иммиграционный поток в Испанию увеличился на 2,2%, в 1985–1991 гг. — на 7%, в 1992–2000 гг. — на 214%[1], а в 2001–2005 гг. уже на 375%, что, по сути дела, превратило Испанию из страны рабочих-эмигрантов в страну, активно принимающую иностранных рабочих. А в более широком смысле — в «иммиграционные ворота ЕС», через которые ежегодно проходит свыше 1 млн иммигрантов, 2/5 которых оседают в самой Испании.

---

[1] См.: Perez N.O. *España: Hacia una nueva política migratoria.* Universidad de Granada. February 2003. Migration Information Source.

Если в начале 80-х годов в Испании насчитывалось всего около 180 тыс. легальных иностранцев (менее 1% населения страны), в 1997 г. — почти 610 тыс. (2% населения), то в 2006 г. этот показатель увеличился уже до 3,9 млн человек[1], а по некоторым независимым источникам даже до 4,8 млн человек, составив 11,1% общего числа коренного населения страны. При этом численность второго поколения иммигрантов, то есть рожденных в Испании детей иммигрантов, увеличилось за это же время до более 2 млн человек[2]. В общей численности новорожденных дети иммигрантов составляют 12%, а в Каталонии даже 20%. В целом иммиграционный фактор оказал решающее воздействие не только на омоложение, но и на более высокие темпы роста всего населения Испании (0,7% в 1992–2005 гг.) в сравнении с другими странами ЕС[3]. А ведь всего лишь два десятилетия назад делались прогнозы о предстоящей демографической катастрофе Испании и абсолютном сокращении ее населения к 2050 г. на 9 млн человек в связи с низкой рождаемостью.

По мере увеличения числа иммигрантов в Испанию меняется и их национальный состав. В 90-е годы 52% составляли граждане ЕС — англичане, немцы, итальянцы, французы, португальцы, пользующиеся режимом свободного передвижения. Это в основном самодеятельное население и богатые пенсионеры, переехавшие жить в Испанию из-за ее благоприятного климата, представляющие собой особый вид международной миграции. Однако за последние 10 лет их доля упала до 16%, а доля выходцев из стран Латинской Америки увеличилась до 38,2%, Африки — 19,1, Восточной Европы — 15,5%, Азии — 5%[4]. Среди них иммигранты из Марокко составляют 535 тыс. чел., Эквадора — 400 тыс., Румынии — 380 тыс., Колумбии — 238 тыс., Аргентины и Боливии — 268 тыс., Болгарии, Украины и Польши — 204 тыс., Китая и Бразилии — соответственно 98 и 67 тыс. человек[5].

Наиболее однородную, организованную и социально-интегрированную этническую группу в Испании представляет латиноамериканская иммиграция, по размерам которой Испания занимает второе место в мире после США. За последнее десятилетие общее число

---

[1] См.: Instituto Nacional de Estadística. Notas de prensa. 25.07.2006.

[2] См.: Arango J., Jachimovicz M. *Regularizing Immigrants in Spain: A new Approach*. Complutense University of Madrid. 01.09.2005.

[3] См.: Balch A. *Immigration as a Labour Market Strategy*. Spain. Migration Policy Group, June 2005.

[4] Ibidem.

[5] См.: Instituto Nacional de Estadística. Notas de Prensa 25/7/2006 www.ine.es./prensa/prensa.htm.

легально работающих в стране латиноамериканцев увеличилось более чем в пять раз и составляет в настоящее время свыше 1,5 млн человек[1]. В свою очередь именно выходцы из Латинской Америки образуют основной и все возрастающий костяк испанской нелегальной иммиграции, которая в настоящее время, по некоторым оценкам, составляет свыше 1 млн человек. О все возрастающей динамике этого процесса свидетельствует тот факт, что если в 1999 г. численность нелегалов в стране увеличилась на 4%, то в 2000 г. — на 15%, в 2004 г. — на 32%[2].

Еще одна особенность латиноамериканских иммигрантов заключается в том, что они, пожалуй, являются единственной этнической группой, в которой традиционно доминируют женщины. В целом в гендерно-возрастной структуре испанской иммиграции шесть из 10 иммигрантов — мужчины, в подавляющем большинстве это молодежь в возрасте от 16 до 44 лет. К поиску работы за рубежом каждого из них побуждают разные предпосылки: личные обстоятельства, многочисленные социально-экономические проблемы, с которыми приходится сталкиваться на родине (война, нищета, безработица, низкий уровень оплаты труда, отсутствие перспектив карьерного роста и т. д.), обусловливающие объективный, структурный характер причин иммиграции.

Иммиграционный поток в Испанию характеризуется высокой степенью концентрации. 87% зарегистрированных иммигрантов проживают в трех основных мегаполисах страны — в Мадриде, Барселоне и Валенсии, а также на Балеарских и Канарских островах, в провинциях Мурсия и Риоха. Самая низкая численность иностранных рабочих — менее 5% — приходится на экономически менее развитые сельскохозяйственные регионы: Эстремадуру, Галисию, Кастилию и Леон, испанские анклавы в Северной Африке Сеуту и Мелилью, особенно нуждающиеся в дешевой рабочей силе.

Как мы уже говорили, решающим фактором столь резкого увеличения иммиграционного потока в Испанию являются значительные изменения на рынке труда, обусловившие либерализацию чрезмерно зарегулированных трудовых отношений, возросшую мобильность, занятость и квалификацию рабочей силы, и, конечно, сокращение уровня безработицы. К числу других катализаторов этого процесса следует отнести наличие значительного «теневого сектора» нацио-

---

[1] См.: CEPAL-2006. Migración Internacional, derechos Humanos y Desarrollo en America Latina y Caribe. Sintesis y conclusions.

[2] См.: Yearbook of Inmigration Statistics // http:/uscis.gov/graphics/shared/statistics/yearbook/index.htm.

нальной экономики, культурную и географическую общность Испании с основными странами — поставщиками рабочей силы. И конечно, пока еще недостаточно налаженный механизм административного контроля над развитой криминальной сетью транспортировки нелегальных иммигрантов.

При всей значимости специфически национальных факторов испанского иммиграционного бума, его, безусловно, следует рассматривать как неотъемлемую часть процессов глобализации. Международная миграция, как одно из важнейших направлений глобализации, приносит значительные выгоды всем трем участникам этого процесса: странам — реципиентам иностранной рабочей силы, странам-экспортерам и, конечно, самим иммигрантам. Сегодня в Испании ни у кого не вызывает сомнения все возрастающее воздействие притока иностранной — как легальной, так и нелегальной рабочей силы на экономическое развитие страны. По оценке министра экономики и промышленности П. Солбеса, 4/5 прироста ВВП в 2004–2005 гг. происходило главным образом за счет создания низкооплачиваемых рабочих мест, заполняемых преимущественно иммигрантами, и только 1/5 — благодаря росту производительности труда. Особенно велика роль дешевого иммигрантского труда в сфере услуг (гостиничный сервис, торговля, ведение домашнего хозяйства), в аграрном секторе и некоторых базовых отраслях промышленности и строительстве. В них соответственно работают 59, 21, 17% общего числа иммигрантов. При этом 86% латиноамериканцев, как показывает статистика, предпочитают сферу услуг, 40% африканцев — аграрный сектор, поляки и румыны — строительство.

Как правило, основная часть иммигрантов занимает самые низкооплачиваемые вакантные места, которые перестали быть привлекательными для испанцев, или выполняют вспомогательную работу, что само по себе является одним из проявлений дискриминации. Вместе с тем, по данным некоторых исследователей[1], часть легальных иммигрантов уже через несколько лет пребывания в Испании начинают успешно конкурировать с местной рабочей силой, создавая напряжение на рынке труда.

Одна из важнейших особенностей структуры занятости иностранной рабочей силы в Испании заключается в том, что значительная ее часть, особенно нелегальная, перебиваясь случайными заработками, занята в теневой экономике, на долю которой, по некоторым подсчетам, приходится до 20% ВВП и свыше 23,4% общей числен-

[1] См.: Miroslava Kostova Karaboytcheva DTN.4/2007-25/01/2007 www/realinstitutoelcano.org.

ности экономически активного населения страны[1]. Почти 50% «теневых» нелегалов трудится в аграрном секторе экономики, в текстильной и обувной промышленности. Это наиболее дискриминируемая часть иммигрантов, не имеющая никаких социальных прав и гарантий, в наибольшей степени склонная к маргинализации и преступности. Типичный представитель нелегала-«теневика» — молодой человек с минимальным образованием и профессиональной квалификацией.

В этой связи следует учитывать и оборотную сторону воздействия иммиграции на экономику страны. По сути, подавляющая часть иммигрантов, за исключением приезжающих из стран Восточной Европы, плохо обучена или вообще не имеет никакой квалификации. Их образовательный уровень значительно ниже, чем в среднем по Испании. Количество дипломированных специалистов, инженеров, техников среди легальных иммигрантов хотя и увеличивается, все же составляет не более 8%. Поэтому среди иммигрантов уровень безработицы выше, а главное, низка производительность их труда.

В среднесрочной перспективе это может оказать и уже оказывает воздействие на замедление общенациональных темпов роста производительности труда (на 0,5% ежегодно за последние три года). Правительству предстоит решить основную дилемму экономики страны: либо продолжать развиваться при сохранении нынешней структуры рабочих мест (что тормозит рост производительности труда, без которого Испании будет трудно удержаться в ряду высокоразвитых промышленных стран), либо начать более интенсивную рационализацию и модернизацию производства, и быть готовым к нежелательному новому витку безработицы.

О масштабах воздействия иммиграционного процесса на экономику стран — экспортеров рабочей силы свидетельствует тот факт, что только в 2005 г. денежные переводы испанских рабочих-иммигрантов своим семьям и другим организациям на родину составили около 5 млрд долл. По этому показателю Испания занимает пятое место в мире[2]. 70% этого объема приходится на страны Латинской Америки, на Румынию — 7,7%, Марокко — 6,9%. Подсчитано также, что в некоторых странах, например Эквадоре и Колумбии, суммы денежных переводов иммигрантов значительно превышают объемы накопленных прямых иностранных инвестиций, являясь главной статьей платежного баланса

[1] См.: Schneider F. *Dimension of the Shadow Economy.* University of Linz. April 2003. www. independent org./pdf/tir.

[2] См.: Benyi Arregocus Carrere. Octubre, 2006.

по текущим операциям, важным фактором роста ВВП и других макроэкономических показателей.

В Эквадоре, например, денежные переводы рабочих-эмигрантов составляют 6% ВВП, в Колумбии 3,1%. Являясь важным источником частнокапиталистического накопления в странах — поставщиках рабочей силы, они служат реальным пополнением семейных доходов, финансовой поддержкой отдельных секторов экономики, основой развития социальной инфраструктуры (в случае коллективных переводов) местных регионов и муниципалитетов (строительство и реконструкция дорог, школ, церквей). В конечном счете, общие для всех иммигрантов сильные связи со странами происхождения усиливают тенденцию к транснационализму, питают все нарастающее иммиграционное движение.

Иммиграционная политика вошла в повестку дня в Испании только с середины 80-х годов, когда пришло осознание масштабности начавшегося процесса. Именно в этот период принимаются первые законодательные акты об иммиграционном регулировании и создании механизма контроля над нелегальной иммиграцией. Принятые в момент наибольшего обострения проблемы безработицы, они, естественно, носили ограничительный характер. Первые законы в этой области, «регулирующее проживание иностранцев без прав гражданства», были приняты в 1985 г. всего за несколько месяцев до вступления Испании в ЕС.

Законодательство рассматривало иммиграцию из третьих стран исключительно как временное присутствие иностранных рабочих на территории Испании. Оно было направлено, главным образом, на ужесточение пограничного контроля для противодействия криминальным и террористическим группам, наркотрафику, а также предусматривало предоставление иммигрантам, уже находившимся на территории страны, временного легального статуса. Из-за отсутствия институционального миграционного органа, функции контроля над условиями проживания иммигрантов выполняло Министерство труда. Признание за иммигрантами таких прав как право на воссоединение с семьей, на постоянное проживание, доступ к социальным службам всячески торпедировалось официальными властями. Получение визы и разрешения на проживание было возможным лишь при разрешении на работу. Сложно было продлевать временные трудовые контракты, что зачастую вынуждало иммигрантов переходить на положение нелегальных маргиналов.

Законодательство 1985 г. подверглось некоторой модификации только спустя десятилетие. Иммиграция перестала считаться времен-

ным явлением, был признан ее структурный характер и, как следствие этого, возникла необходимость регулирования спроса на иностранную рабочую силу. Главным рычагом стала впервые введенная система квотирования и в дополнение к ней специальная система выдачи временных разрешений на сельскохозяйственные работы. В 1993–1999 гг. квоты вводились раз в два года на долгосрочной и краткосрочной основе в зависимости от нехватки рабочих рук в тех или иных отраслях экономики.

Одновременно, следуя принципам Амстердамского договора 1999 г., испанское правительство начало делать первые шаги по социальной интеграции легальных иммигрантов в области здравоохранения, образования, лингвистической и профессионально-технической подготовки, трудоустройства, информационного обслуживания и правового оформления иммигрантских организаций, предоставления избирательных прав на местном уровне. Эти функции ложились на плечи региональных правительств, плохо ориентировавшихся в проблеме и малоэффективных в выполнении поставленных задач.

Осознание общественным мнением и политической элитой страны необратимости и транснационального характера иммиграционного процесса пришло к началу нового столетия. Сказались и специфические для Испании факторы, обусловленные тяжелой демографической ситуацией: в связи с сокращением рождаемости она заняла предпоследнее место в Европе по количеству молодых людей в возрасте до 15 лет (14,5%)[1]. Все чаще и чаще от предпринимателей начали поступать обращения к правительству с просьбой об увеличении числа рабочих мест для иммигрантов в строительной промышленности, в ресторанном бизнесе, в аграрном секторе.

Над страной реально нависала угроза демографического кризиса. В результате развернувшихся в обществе дебатов о характере и стратегии иммиграционного регулирования, оно превратилось в одно из приоритетных направлений социально-экономической политики государства, стало важным фактором внутриполитического консенсуса. В конце 2000 г. консервативным правительством Аснара был принят Закон о правах и свободах иностранцев в Испании, отличительной особенностью которого стало признание иммиграции реальным, объективным и желательным фактором экономического развития страны. Это было началом «обкатки» первой долгосрочной стратегии

---

[1] См.: Balch A. *Immigration as a Labour Market Strategy.* Spain. Migration Policy Group. June 2005. P. 18.

социальной интеграции иностранной рабочей силы, но при этом законодательство значительно ужесточало пограничный контроль над нелегальными потоками иммигрантов, активизировало процесс легализации лиц, до сих пор проживавших на территории страны без официального разрешения.

Начало столетия ознаменовалось принятием известного «Плана Греко» — масштабной четырехлетней программы иммиграционного регулирования. В ходе ее реализации в Испании создается институциональный иммиграционный механизм — Межминистерская комиссия регулирования проживания иностранцев и Высший совет по иммиграционным вопросам, работающие в тесной координации с региональными и муниципальными властями, в ведении которых находятся несколько десятков миграционных исследовательских центров, агентств и форумов. Решительной модификации и упорядочению подверглась и существовавшая система квотирования. Отныне рабочие места выделялись преимущественно уже находившимся в стране нелегальным иммигрантам, основываясь на публикациях Национального института занятости о состоянии рынка труда, отраслевой и профессиональной безработице. Разрешения на работу выдавались только в том случае, если на то или иное вакантное место не было спроса со стороны коренного населения.

Главный удар законодательство нанесло по «теневому» сектору экономики. Это означало введение в правовое русло занятых в нем нелегалов, ужесточение условий их найма предпринимателями — вплоть до штрафа до 60 тыс. евро за прием на работу нелегалов, установление строжайшего административного контроля над налоговыми и социальными выплатами в федеральный бюджет. Предусматривалось также подписание двусторонних государственных соглашений с основными странами — экспортерами рабочей силы — Марокко, Эквадором, Колумбией, Доминиканской Республикой, Мали, Нигерией, Польшей, Румынией и Украиной. На такой правовой основе начинается создание более функционального механизма межгосударственного политического, административного и трансграничного контроля над иммиграционными потоками.

В 2005 г., уже после прихода к власти правительства ИСРП, принимается новая, ныне действующая программа иммиграционного регулирования. Сохраняя в своей основе целевые установки «Плана Греко», она, тем не менее, характеризуется более широким и либеральным подходом к проблеме иммиграции в целом и к использованию потенциала легальной иммиграции в частности. Концептуальное новшество программы — рассмотрение иммиграционной политики

как эффективного социально-экономического инструмента регулирования рынка труда, направленного на дальнейшую социальную интеграцию в него и обеспечение равных конкурентных возможностей для всех без исключения экономических и социальных агентов, на борьбу с ксенофобией, расизмом и другими формами нетерпимости, на ужесточение трансграничного и внутреннего административного контроля над нелегальными иммигрантами — особенно уроженцами тех стран, с которыми Испания не имеет двусторонних соглашений.

По новому законодательству более гибкой и продуманной становится система квотирования. Каталог Национального института занятости содержит перечень профессий, которыми сами испанцы не хотят заниматься: домашняя прислуга, повара, водители грузовиков, официанты. В каталоге содержатся пополняемые каждые три месяца данные об имеющихся вакансиях на эти и другие профессии по всем испанским провинциям и муниципалитетам. Тем самым оказывается серьезная поддержка иммигрантам при прохождении документов через довольно длительную бюрократическую процедуру легализации. Как правило, иммигрантам востребованных профессий предоставляется право на получение трехмесячных виз для поиска работы. Им также может быть выдано разрешение на временное пребывание семьи после одного года занятости (вместо прежних 18–24 месяцев).

Программа 2005 г. значительно ужесточала механизм внутреннего контроля над работающими нелегалами. Однако акцент на ответственность и наказание за нарушение законодательства и привлечение к работе нелегалов полностью сместился в сторону работодателя. Для создания климата сотрудничества и доверия все законодательные акты в этой области были приняты только на основе социального диалога, то есть после достижения консенсуса между предпринимательскими организациями, профсоюзами, миграционными ассоциациями и службами. Функции контроля над реализацией программы были впервые разделены между двумя исполнителями — Министерством внутренних дел и Министерством труда и социального развития, что позволило более эффективно решать возложенные на них задачи.

Итогом действия программы 2005 г. стало выведение из теневой деятельности 580 тыс. предпринимателей[1], то есть упорядочение их налоговых и социальных выплат. Число иммигрантов, получивших ле-

[1] См.: Daily Star Egypt. 03.10.2006.

гальный статус (647 тыс. человек), было большим, чем за все предыдущие компании по легализации, вместе взятые. Наибольший процент прироста был зарегистрирован в Каталонии, Андалусии и Валенсии. В настоящее время рассматриваются еще 700 тыс. заявок на легализацию, что само по себе, несомненно, свидетельствует об успехе программы борьбы с нелегальной иммиграцией.

Вместе с тем масштаб легализации, слишком либеральный характер проводимой социалистами иммиграционной политики вызывают постоянно растущую негативную реакцию как в самой Испании, так и за ее пределами. Еще пять лет назад большинство испанцев оптимистично и весьма лояльно относились к легальным иммигрантам, их социальной интеграции, которая, как считалось, будет оплачена их трудовым вкладом. Однако сейчас стало очевидно, что расходы на образование, здравоохранение, жилье и другие формы социального «пакета» для иностранных рабочих ложатся все большим бременем на плечи всего испанского общества, вызывают в нем рост протестных настроений, расизма, ксенофобии и нетерпимости.

Согласно социологическим опросам, проведенным в 2006 г., 67% испанцев считают, что нынешнее количество иммигрантов в Испании значительно превышает ее возможности. По мнению 21,7% опрошенных, этот показатель является нормальным для страны с таким значительным ресурсным потенциалом. Наконец, только 10,3% считают, что испанская экономика может и должна принять большее количество иностранных рабочих (вплоть до 12 млн человек). Это, по их мнению, позволит Испании сохранить статус государства «всеобщего благосостояния», высокий уровень пенсионного обеспечения, который может быть достигнут только при соотношении четырех занятых к одному пенсионеру. Особенно активно число противников проводимой ныне иммиграционной политики внутри страны растет среди сторонников консервативной Народной партии, а вне ее — в некоторых странах ЕС (в первую очередь, Франции), обеспокоенных слишком либеральным и масштабным характером процесса легализации, все возрастающим проникновением в их страны по испанским каналам незаконных иммигрантов.

В самом деле, в последние годы нелегальная иммиграция в Испанию приняла поистине угрожающий характер. Только в 2004–2006 гг. на границе с Испанией в общей сложности было задержано 74 558 тыс. нелегалов, из которых 7 тыс. погибло[1]. По количеству

[1] См.: Rodriguez M. *Inmigracion clandestina*. Solidaridad. 30.01.2007.

смертных случаев на своих южных границах Испания, к сожалению, держит первенство среди других стран Европы. Созданная в начале столетия европейская пограничная служба «Фронтекс» становится все менее эффективной. Каждый год испанская полиция возвращает десятки лодок с сенегальцами, марокканцами и другими африканскими иммигрантами. Тела многих из них потом оказываются на берегу. По свидетельству журналистов, условия содержания тысяч нелегальных иммигрантов в испанских центрах временного задержания, огороженных высокими стенами и колючей проволокой, напоминают тюрьмы или даже концентрационные лагеря.

Признавая драматичность происходящего, а также невозможность справиться собственными силами со все возрастающим нелегальным иммиграционным потоком, глава испанского правительства ИСРП Хосе Луис Родригес Сапатеро неоднократно обращался к своим европейским коллегам за финансовой и технической помощью для укрепления своих южных границ. Подчеркивая, что эта проблема не является исключительно испанской, он призывал к совместной ответственности и солидарному подходу в вопросах миграционного регулирования, к открытому диалогу всех заинтересованных сторон, включая страны — экспортеры рабочей силы.

Похоже, что усилия Испании начали давать первые результаты. На Евро-африканской конференции министров иностранных дел в Рабате и на встречах глав правительств стран — членов ЕС в Мадриде и Лахти (Финляндия) были, наконец, приняты важные решения по упорядочению миграционного регулирования, в том числе об оказании Испании и другим странам ЕС (Италии, Мальте, Греции) финансовой помощи на 2007–2013 гг. в размере 2,3 млрд евро на укрепление их пограничных служб[1]. При этом, однако, подчеркивалось, что управляемость миграционным процессом не может быть достигнута только ужесточением контролирующего механизма на южных границах ЕС. Транснациональный характер иммиграции требует более широкого взаимодействия и партнерства всех заинтересованных сторон, направленного, в первую очередь, на экономическое и социальное развитие наиболее отсталых стран и регионов мира — основных поставщиков дешевой рабочей силы. Насколько эффективными будут принятые решения, покажет будущее.

[1] См.: www. Ciudadaniatxterior.mtas. es.

Глава 16. Диалектика реформ в образовании

В Испании в последние десятилетия реформирование системы образования приобрело почти перманентный характер из-за того, что законы, регулирующие работу национальной инфраструктуры обучения, всякий раз пересматриваются сменяющимися правительствами. Профессор кафедры истории образования Национального университета дистанционного обучения (UNED) М. де Пуэлльес Бенитес подсчитал, что за последнюю четверть XX в. — с Конституции 1978 г. — в Испании было принято восемь основных законов по образованию (не считая декретов, которые конкретизировали порядок их исполнения). «Да, конечно, ритм исторической эволюции возрастает, однако излишества в законотворчестве, порожденные, главным образом, противоречиями политического характера, следовало бы преодолеть»[1], — считает он. Можно процитировать еще более раннее наблюдение Мигеля де Унамуно, который, подметив эту особенность испанской политической истории, сравнил «излишества в законотворчестве», касавшиеся образования, с трудом Пенелопы, которая, как известно, то ткала, то распускала свое полотно[2].

Обновление национальной системы образования в постфранкистский период начали центристы, которые находились у власти с 1975 до 1982 г. Для обеспечения обязательного школьного обучения детей до 13 лет, что было установлено законом 1970 г., правительство А. Суареса направило свои усилия на увеличение числа учебных заведений, на подготовку новых кадров учителей и на решение «автономного» вопроса. Последнее было важно потому, что этот процесс предусматривал разграничение компетенций между центральным правительством и регионами по главным аспектам социально-экономического развития.

Передачу полномочий по управлению региональными системами обучения местным администрациям Каталонии и Страны басков,

[1] См.: Puelles Benitez M. de. *Educación e ideología en la España contemporánea*. Madrid, 2002. P. 60.

[2] См.: Delgado C.B. Unamuno educador. Madrid, 1973. Имелся в виду период 1874—1923 гг., «когда различные партии, непрерывно сменяясь у власти, пытались заниматься законотворчеством в области образования, переписывая декреты в угоду правящей элите». Díaz A. Capitán. *Breve historia de la educación en España*. Madrid, 2002. P. 300.

Галисии и Андалусии юридически закрепила не только Конституция 1978 г., но и Единый закон о статусе учебных центров (Ley organica de estatuto de centros escolares, LOECE), принятый в 1980 г. Весьма знаменательно, что с него начинается не только постепенная реорганизация национальной системы образования на новом историческом этапе, но и внедряется практика привлечения испанской общественности к «обсуждению некоторых идей, которые могли бы быть полезны для принятия государственных решений по будущей реформе»[1].

Эту реформу начала ИСРП после победы на парламентских выборах 1982 г. Следует признать, что социалисты реально сумели перестроить систему обучения на демократической основе и заложить фундамент для ее последующего развития. Разработанные ими в 80–90-е годы законы — Закон об университетской реформе (Ley de la reforma universitaria — LRU, 1983 г.), Единый закон о праве на образование (Ley organica de derecho a la educacion — LODE, 1985 г.), Единый закон об общем порядке в системе образования (Ley organica de ordenacion general del sistema educativo — LOGSE, 1990 г.) и Единый закон об общественном участии и управлении учебными учреждениями (Ley organica de participacion, evaluacion y gobierno de los centros educativos — LOPEG, 1995 г.) — послужили фундаментом для той глубокой реформы образования, которая стала неотъемлемой составляющей «интегральной» модернизации испанского общества, происходившей в стране на протяжении трех последних десятилетий и получившей наименование «тройного перехода»[2].

Одним из важнейших результатов вузовской реформы, начатой в первой половине 80-х годов, стало быстрое развитие системы высшего образования: только за десятилетие, 1985–1995 гг., численность испанских студентов выросла вдвое — с 744 до 1 508 тыс., число государственных вузов увеличилось с 30 до 46[3]. Предоставив государственным университетам управленческую автономию и организационно-академическую самостоятельность («libertad de catedra»), включавшую свободу в составлении учебных планов, свободу в процессе обучения студентов, свободу в научной деятельности[4], закон 1983 г. дал испанским университетам возможность перестроиться в новых условиях.

---

[1] См.: Mayordomo A. Pérez. *Perspectivas de la política educativa española*. Valencia, 1985.

[2] См. монографию: Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века. М.: ИЛА, 2006. С. 11.

[3] См.: Consejo de coordinación universitaria. Datos estadísticos. Principales series. www.mec.es (31.07.2005).

[4] См.: Two decades of reform in higher education in Europe. Spain. «Eurodyce». European Unit, Brussels, 2000.

С того времени в Испании начали активно появляться и частные вузы. На основе закрепленного в Конституции права «свободного создания учебных центров» Закон 1983 г. объявлял образование «социальной услугой», не монополизированной государством и открытой для частной инициативы. Если до начала 80-х годов в стране существовало всего четыре частных университета — Университет «Деусто» в Бильбао, Папский университет «Комильяс» в Мадриде, Папский университет в Саламанке и Университет Наварры в Памплоне, то к середине 1990-х гг. их стало уже десять.

В 80-е годы, кроме перестройки высшей школы, соцпартия начала обновление системы общего образования. В 1985 г. был принят Единый закон о праве на образование (LODE), который многие испанские и зарубежные специалисты считают знаковым достижением партии социалистов: они постарались практически реализовать в системе обучения принцип демократического управления, заложенный в Конституции 1978 г. Для обеспечения общественного участия в работе учебных заведений создавались школьные советы муниципального, провинциального, автономного уровней. На общенациональном уровне был образован Государственный школьный совет. Единый закон не только провозгласил принцип плюрализма в образовании, но и претворил его на практике. В частности, он предусматривал «добровольное участие частных лиц в обеспечении всеобщего права на образование» путем заключения ими договоров с государственными органами на предоставление населению бесплатного образования начального и среднего уровня. Таким образом, частный сектор образовательных услуг распадался на два сегмента: на так называемые частнодоговорные учебные заведения (centros concertados), которые в обмен на государственную финансовую помощь сознательно шли на некоторые ограничения в своей академической свободе, и на «чисто» частные (privados no concertados). Не лишним будет отметить, что именно частно-договорные учебные заведения стали все больше конкурировать с государственным сектором: если в 1991 г. в них училось не более 5% контингента учащихся обязательной ступени среднего образования (educacion secundaria obligatoria, ESO), то в 1995 г. — уже около 12, а в 2001 г. — до 30%[1].

Оценивая значение «социалистических» законов 80–90-х годов, зарубежные эксперты считают, что они, «безусловно, внесли весомую лепту в процесс формирования западноевропейской модели образова-

[1] См.: МЕС. Estadísticas de las enseñanzas no universitarias, 1992–2002. www.mec.es/etadística (05.04.2003).

ния нового типа», в которой в рамках политики децентрализации было реализовано «общественное участие в принятии решений по вопросам образования», а при передаче полномочий за работу системы обучения на региональный и местный уровни были учтены особенности исторического, культурного и политического устройства автономных областей»[1]. Испанский специалист, автор книги «История образования в Испании: эволюция реформ» Ринкон дель Ваго писала: «Социалисты были зачинателями действительно прогрессивного курса в области образования, ...они сделали испанскую школу массовой, осуществили ее демократизацию. И то, что они полностью освободили образование от наследия франкистского режима, — это несомненно...»[2].

Новый этап в реформировании национальной системы образования открыл Единый закон об общем порядке в системе образования (LOGSE), принятый по инициативе ИСРП в 1990 г. Его главное значение состояло в том, что он юридически закрепил контуры новой модели образования, более адекватной обновленной испанской действительности: к концу 80-х годов в стране фактически завершились процессы структурного реформирования экономики и политической перестройки.

Изменились не только потребности рынка труда, но и серьезно возросли социальные ожидания. Немалое значение имело и присоединение Испании к ЕС. Посетившие страну в 1985 г. эксперты ОЭСР позитивно оценили преобразования на уровне обязательного обучения и предложили в своем докладе «начать реформу более широкого характера»[3]. По мнению испанских специалистов, особенно сторонников социалистов, необходимость новой реформы назревала объективно, а рекомендации зарубежных коллег лишь ускорили ее осуществление.

На обсуждение широких слоев испанской общественности был вынесен предварительный проект преобразований в виде «Белой книги»[4], которая была подготовлена Министерством просвещения, возглавлявшимся в 1988–1989 гг. Х. Соланой. По завершении дебатов весной 1989 г. состоялась Конференция советников по образованию автономных сообществ, которая признала необходимость «сквозной» реформы. И она начала проводиться после официального принятия LOGSE в октябре 1990 г.

---

[1] См.: Hansen K. *Democratization and educational decentralization in Spain: 20 years struggle for reform*. N.Y. 2000.

[2] См.: Vago R. del. *Historia de la educación en España. Evolución de las reformas* // http://rincondelvago.com.

[3] OECD. Examen de la política educativa española. MEC. Madrid ,1986.

[4] См.: Libro Blanco para la reforma del sistema educativo. MEC, Madrid, 1989.

По сравнению с действовавшим до того времени законом 1970 г. закон 1990 г.[1], во-первых, продлевал сроки обязательного обучения на возрастную группу 6–16 лет, во-вторых, более четко выстраивал систему обучения по ступеням, циклам и видам и, в-третьих, преследовал цель повысить качество образования, прежде всего в государственном секторе. Кроме введения бакалавриата четырех специализаций (общественно-гуманитарной, естественно-научной, технологической и художественной), LOGSE модернизировал среднюю профессиональную подготовку, которая становилась двухуровневой: ее базовый цикл был дополнен следующим, узкоспециализированным, рассчитанным на молодежь в возрасте 16–18 лет, выходившую на рынок труда. Это был определенный шаг к сближению испанской системы профобучения с ее вариантами в странах ОЭСР, где эта ступень является промежуточной между средней и высшей школой.

Как любой крупномасштабный проект, направленный на смену парадигмы развития, закон 1990 г. и предусмотренные в нем меры имели в Испании как верных сторонников, так и ярых противников. Не случайно в связи с этим президент Каталонской ассоциации преподавателей средних учебных заведений Ф.-Х. де Висенте Алгуэро определил LOGSE как «закон, с самого своего рождения обреченный на острую полемику, непрерывную критику и даже неприятие со стороны значительной части главных акторов, действующих лиц реформы — учителей»[2], консервативная часть которых не разделяла мнения социалистов о необходимости введения в стране «всеобщей», так называемой компренсивной модели испанской школы. Неприятие подобной модели выражала и Народная партия, которая уже с середины 1990-х гг. начала критику LOGSE, считая, что закон не оправдал возлагавшихся на него надежд: курс на «всеохватность», массовость школы обернулся снижением качества обучения.

В подтверждение этого представители НП приводили данные Национального института по оценке качества образования, кстати, созданного законом 1990 г., которые показывали, что около 1/4 учащихся в возрасте 14–16 лет имели неудовлетворительные результаты успеваемости по основным предметам — родному языку, литературе и математике[3]. С критикой не только самого LOGSE, но и всего этого этапа реформы, выступали оппозиционные соцпартии, объединения

[1] См.: MEC. El desarrollo de la educación. Informe nacional de España, 2001.

[2] См.: La Ilustración liberal (Barcelona), 2004. No 19–20.

[3] См.: INCE. Instituto nacional de calidad y evaluación de educacion. Diagnostico general del sistema educativo, 1998.

родителей учащихся, синдикаты учителей средних школ, особенно активно проявлявшиеся в Андалусии и Каталонии, в Арагоне и на Канарских островах. Даже такая влиятельная организация, как Объединенный профсоюз работников образования (FETE-UGT), оказавший как закону, так и самой реформе поддержку, в конце 90-х годов заявил о необходимости «его скорейшего улучшения».

Объектом острой общественно-политической полемики стал другой закон, разработанный социалистами, — Об общественном участии и управлении учебными учреждениями (LOPEG). В отличие от LOGSE, направленного на реструктуризацию учебной системы как таковой, его главная цель состояла в повышении эффективности работы школ и колледжей, чтобы «сделать реальными принципы организационной самостоятельности учебных центров и общественного участия в управлении ими»[1]. Этот закон поддержали представители частного образования и некоторые студенческие синдикаты, но профсоюзы учителей государственных школ были настроены негативно. Так, видные члены FETE-UGT находили в ряде его положений «отголоски» общего западноевропейского подхода, когда в логику регулирования системы образования стали вводиться первые прорыночные принципы — ведь автономно действовавшие учебные центры, которым закон предоставлял право разрабатывать собственные учебные проекты, неизбежно начали создавать конкурентную среду, где образование превращалось в социальную услугу, подверженную рыночному спросу и предложению. Пытаясь объективно оценить очередную законодательную инициативу социалистов в середине 90-х годов, большинство специалистов склонялись к мнению, что историческая функция LOPEG состояла в том, чтобы «дополнить закон 1990 г. юридическими установками, рекомендованными ОЭСР и направленными на повышение результативности («рентабельности») работы национальной системы образования в Испании»[2].

По мере того, как реформа образования 90-х годов охватывала все большую территорию страны, стали отчетливее проявляться как ее позитивные результаты, так и явные просчеты. К числу первых следует отнести не только достижение всеобщности обязательного обучения — до 99% к 1998 г.[3], но и существенное увеличение охвата

---

[1] Exposición de motivos de la LOPEG (Colección legislativa de educación y ciencia). MEC, 1995; Díaz A. Capitán . Breve historia... Op. cit. P. 388.

[2] См.: Bolívar A. y Rodríguez Dieguez J.L. *Reformas y retórica: la reforma educativa de la LOGSE*. Madrid, 2002. С. 75.

[3] См.: ЮНЕСКО. Всемирный доклад по образованию, 2000. М., 2000.

подростков в возрасте 14–18 лет старшей средней школой и средней профподготовкой: с 76% (в 1991 г.) до 94% (в 2001 г.). За счет этого заметно выросло качество трудовых ресурсов: если в 1991 г. в Испании только 25% населения имело законченное среднее профессиональное образование, то к 2000 г. его удельный вес достиг 38%[1]. Неоднозначные же последствия реформы 90-х годов выразились как в низких показателях успеваемости, так и в сохранении школьного «отсева»: в 1998 г. доля учащихся, которые не смогли закончить курс обязательного обучения, составляла 30%[2].

Предпринятый нами краткий экскурс в недавнюю историю испанской реформы образования необходим, потому что именно в сложном переходном периоде следует искать истоки ряда общественных противоречий, наблюдаемых сегодня. Например, до сих пор некоторые идейные противники испанских социалистов критикуют осуществленную ИСРП в 90-е годы перестройку инфраструктуры образования на основе LOGSE. С другой стороны, многие в Испании считают этот Единый закон об общем порядке в системе образования от 1990 г. важной исторической вехой. Его главное значение состояло в том, что он юридически закрепил контуры той модели образования, которая действует и поныне.

Необходимо подчеркнуть, что о просчетах в политике того периода довольно открыто говорил один из «отцов» реформы — Альваро Марчеси (бывший при правительстве социалистов в 90-е годы госсекретарем по вопросам образования). Считая, что увеличение сроков обязательного обучения реально способствовало повышению общего образовательного ценза населения, он признавал, что для некоторых социальных групп это создавало серьезные трудности в получении того уровня образования, которое открывало им более широкий доступ на рынок труда. Главным образом, это относилось к иммигрантам, численность которых в Испании стала быстро расти именно с начала 90-х годов. (Если в 1993 г. в средних школах численность иностранцев, преимущественно латиноамериканцев, не превышала 50 тыс. человек, то к 1998 г. она выросла до 80 тыс., а к 2003 г. достигла 390 тыс.[3])

Народная партия в канун парламентских выборов 1996 г. в своей предвыборной платформе предложила иной подход к решению ключевых проблем в области образования. Однако, не обладая в тот период

---

[1] Informe: España, 2004. Una interpretación de su realidad social. Madrid, Fundación «Encuentro», 2004. P. 71.

[2] См.: INCE. Diagnostico general del sistema educativo, 1998.

[3] См.: MEC. Datos básicos de la educación en España. Curso escolar 2003/04.

парламентским большинством, НП не пошла на кардинальное обновление действовавших законов, ограничившись разработкой лишь некоторых декретов. Более четко и законодательно свои преференции в отношении национальной модели образования она выразила в период второй легислатуры правительства Х.М. Аснара (2000–2004). В сентябре 2000 г. министр просвещения Пилар дель Кастильо обозначила основные инициативы правительства, предложив «с учетом новых исторических условий начала XXI века» заменить Закон об университетской реформе 1983 г. новым Единым законом об университетах (Ley orgánica de universidades, LOU), преобразовать три других закона (LODE, LOGSE и LOPEG) в один — «О качестве образования» (Ley de calidad de la educación, LOCE) и добавить новый закон — «О квалификациях и профессиональной подготовке» (Ley orgánica de las cualificaciones y de la formación profesional, LOFP).

Профессиональные дебаты вокруг этих законопроектов открыли путь к широкой публичной дискуссии, равной которой еще, наверное, не было в Испании. Появление в официальной печати первого проекта LOU весной 2001 г. всколыхнуло университетскую общественность, которая расценила ряд его положений как ущемление вузовской автономии, стремление властей навязать свой вариант управления университетами. Прежде всего преподавательский корпус был недоволен введением довольно жесткой процедуры профессионального освидетельствования, для проведения которой новым законом учреждалось Национальное агентство по оценке качества и аккредитации (Agencia nacional de evaluación de la calidad y de la acreditación — ANECA).

Кроме того, необходимый по новому закону роспуск вузовских ученых советов, проведение перевыборов ректоров в достаточно короткие сроки в соответствии с новой процедурой — все это вызвало протесты ряда видных руководителей испанских университетов. Даже по мнению ректоров, которые выступали за обновление прежнего университетского законодательства, введение LOU предполагало «долгую и непростую процедуру реорганизации вузов, которая могла парализовать их каждодневную работу на довольно долгий срок»[1]. В действительности так и произошло.

Конфликтным стал и Единый закон о качестве образования (LOCE), предусматривавший ряд нововведений в обязательной средней школе. Так, неприятие социалистов вызвала предложенная Испании некая национальная «вариация» французской модели среднего образования, когда в 14 лет, еще на уровне обязательной средней школы учащихся

[1] El Mundo. 22.04.2003.

разделяют на три учебных потока: естественнонаучной специализации, гуманитарной и технологической. Представители соцпартии по-прежнему выступали с защитой компренсивной модели, которая, по их убеждению, успешно работает, например, в Швеции. Разделение же учащихся на довольно ранних ступенях обучения на «гуманитариев», для которых открыт путь к бакалавриату и далее — в вуз, и «технарей», призванных пополнять систему начальной и средней профориентации, характеризовалась как «социально дискриминационное».

Итак, в начале нового века словосочетание «образовательная реформа» в который раз в испанской истории превратилось в синоним политического противостояния. Одна из причин состоит в том, что «народники» и «социалисты» имеют разное видение модели развития испанского образования, и потому каждая из партий «корректирует» (и порой довольно существенно) законодательные документы политического противника в период его пребывания у власти. Вместе с тем, на наш взгляд, в этих «образовательных баталиях» отражаются трудности, с которыми сталкивается не только испанское руководство, но и многие другие правительства в решении насущных проблем в сфере образования. Их суть состоит в том, что учителя не успевают снабжать школьников необходимым сегодня «багажом знаний». Они не знают, как строить учебный план в условиях «мультикультурного» окружения, чтобы молодые люди не утеряли своей культурной идентичности; как вводить в содержание учебных предметов постоянно обновляющуюся информацию, которая с каждым днем становится все более междисциплинарной; как формировать у молодого поколения практическую конкурентоспособность в мире со все более усложняющимися требованиями. Ответы на эти вопросы ищут сегодня не только в Испании, но и практически везде в мире.

Особенность очередного этапа реформы образования, осуществление которого началось в середине 2005 г., состоит в увязке внутреннего, чисто национального ее содержания с внешним фактором — присоединением Испании к так называемому Болонскому процессу. Подробный перечень практических мер содержит документ под названием «Цели образования в Европе и в Испании», в котором главными задачами объявлены повышение общей эффективности испанской системы образования и укрепление сотрудничества с соседними странами в построении единого пространства на уровне высшей школы[1].

---

[1] См.: Objetivos educativos europeos y españoles. Puntos de referencia, 2010. MEC, 2005; Convergencia y empleo. Programa nacional de reformas de España (13 de octubre 2005). www. mec.es.

И как показали новые инициативы соцпартии, включение Испании в интеграционный процесс на этом направлении, подразумевает не только реорганизацию университетской системы, но и осуществление мер на уровне средней школы.

В 2005 г. Министерство просвещения вынесло на всеобщий суд проект Единого закона об образовании (Ley organica de la educacion, LOE). По мнению многих обозревателей, толчком для этого шага во многом послужили результаты очередного тестирования PISA (Programme for International Student Assessment), обнародованные ОЭСР в декабре 2004 г. и серьезно всполошившие испанское общество: испанские школьники, как и в 2000 г., показали более низкие результаты, чем в среднем по ЕС.

В комментариях об отставании Испании по качеству школьного обучения, что, несомненно, вредит престижу страны на европейском рынке образования, высказываются различные мнения. Так, известный эксперт по вопросам педагогической практики Ф. Гонсалес считает, что «те неудовлетворительные результаты успеваемости испанских учащихся, о которых так много говорят и пишут, есть во многом следствие нестабильности системы обучения, которая слишком часто подвергалась регулярным законодательным изменениям, а пересмотр и обновление законодательства — это лишь часть (и не всегда самая действенная) решения проблем»[1]. С ним во многом согласен доктор Х. Сегура, профессор университета Комплутенсе: «Да, с переходом к демократической форме правления было необходимо провести адаптацию системы обучения к новой реальности. Однако в последующем почти каждое правительство считало необходимым внести свои корректировки в содержание учебных планов, в названия специальностей, сохранить или изменить число учебных часов, приходящихся на каждую учебную дисциплину и т. д. Такие «преобразования» не только доставляли беспокойство учащимся и их родителям, но и порождали очень серьезные проблемы для учителей...»[2]. Весьма примечательно, на наш взгляд, и мнение профессора мадридского университета Комплутенсе Х. Карабаньи, который призывает рассматривать международные обследования лишь в качестве информации для размышления, но отнюдь не как побудительный мотив к «перекраиванию» национальной системы обучения или «подгонки» ее к некоторым другим моделям[3].

---

[1] www. profes.net. (09.05.2005).
[2] El País. 17.01.2005.
[3] См.: Informe PISA-2003; El País. 27.03.2006.

При анализе проблем в системе образования Испании не следует сбрасывать со счетов и «автономный», территориальный фактор. На общую панораму качественных характеристик инфраструктуры обучения, безусловно, влияют серьезные социально-географические различия (о чем, в частности, свидетельствуют данные табл. 16.1). Если в среднем по стране обязательную среднюю школу в срок и без повторения курсов заканчивают 2/3 испанских школьников, в Каталонии, например, доля таковых достигает 80%, в Наварре и Стране басков — около 70%, а вот в автономных городах Сеута и Мелилья они едва составляют половину учащихся 15–16-летнего возраста. Различная эффективность работы школьной системы приводит к различиям в качестве трудовых ресурсов, начиная со среднего звена.

По данным Министерства просвещения в среднем по стране лишь 66% молодежи младше 25 лет имеет законченное среднее образование (в среднем по ОЭСР — 81[1]), при этом худшая ситуация наблюдается на Балеарских островах (54%) и в Мурсии (58%), относительно благополучна она в Стране басков, где лишь 12% молодежи этого возраста не имеют диплома полной средней школы. Не вызывает сомнений, что качество образования прежде всего определяется профессиональным уровнем преподавания, использованием учителями передовых методик, современного учебного оборудования. В этой связи весьма показательны данные, характеризующие диспропорции регионального характера. Так, например, в Каталонии 3/4 школьников 10–14 лет пользуются компьютером в учебе и не менее половины имеют возможность работать с Интернетом в школе, чего нельзя сказать об Андалусии, где подключение к Всемирной паутине в школьных классах имеют лишь 1/3 учащихся этого возраста[2].

Соглашаясь с тем, что в рамках государственной политики, несомненно, следует придерживаться территориально-дифференцированного подхода (поддерживая отстающие регионы), большинство специалистов все же считают, что «корень зла» заложен в недостаточном общем финансировании образования. В связи с этим приводятся следующие цифры: на протяжении последних 10–15 лет, несмотря на увеличение сроков обязательного обучения, а также серьезного пополнения контингента учащихся (примерно на 0,5 млн человек) за счет детей иммигрантов, удельный вес расходов на образование по отношению к ВВП оставался практически без изменений: 4,9% в 1993 г.

---

[1] См.: OECD. Equity in education, Thematic review. Spain country note // www. oecd. org/country/2006.

[2] См.: MEC. Las cifras de la educacion en Espana, 2006.

Таблица 16.1

Некоторые качественные характеристики системы обязательного обучения

Автономии	**Процент учащихся, заканчивающих обязательную среднюю школу в срок (в 15 лет)**	**Доля учащихся государственных школ и средних учебных заведений***	**Процент школьников 10–14 лет, использующих домашний компьютер для учебных целей (А) и имеющих подключение к Интернету в школе (Б)**	
			А	**Б**
Андалусия	53,4	14,6	47,4	26,0
Арагон	59,7	24,3	67,1	43,5
Астурия (ас)	61,2	17,3	64,0	48,6
Балеарские острова	51,8	30,0	59,7	43,5
Валенсия	54,6	22,4	55,7	28,6
Галисия	56,0	18,4	45,2	39,5
Канарские острова	53,2	11,2	48,9	27,9
Кантабрия	57,3	24,0	55,9	33,1
Кастилья-и-Леон	56,1	22,7	59,2	37,0
Кастилья-Ла-Манча	52,4	15,0	52,9	37,9
Каталония	80,9	28,8	77,7	56,1
Мадрид	57,7	21,5	66,3	37,2
Мурсия	53,3	19,5	48,9	30,2
Наварра	68,6	30,3	64,9	36,0
Ла-Риоха	58,9	26,0	54,4	46,1
Страна басков	70,3	41,5	71,5	45,6
Эстремадура	53,2	14,2	56,4	43,3
Мелилья	48,1	13,6	10,0	29,4
Сеута	46,8	21,3	30,7	26,2
В среднем по Испании	**59,4**	**25,8**	**58,5**	**37,0**

* Приведенные данные относятся, главным образом, к так называемым частно-договорным учебным заведениям; в «чисто» частных школах и средних учебных заведениях в Испании обучается 4,6% учащихся средней ступени образования.

Источник: MEC. Las cifras de la educación en España. (Edición 2006).

и 4,4% в 2005 г. (средний по ОЭСР показатель в течение десятилетия не опускался ниже 5,5%[1]). Другая группа экспертов считает более важным не столько наращивание государственных расходов, сколько их более разумное использование — например, на повышение профессионального уровня учителей. Аргументируя свою точку зрения, они, в частности, ссылаются на выводы обследования PISA-2003, в которых подчеркнуто, что увеличение ассигнований на нужды образования не всегда ведет к «автоматическому» улучшению качества обучения.

Для подтверждения того обстоятельства, что «не все так плохо в Испанском королевстве» на ниве образования, приведем некоторые цифры. Так, по данным ЮНЕСКО и Всемирного банка в стране охват детей 6–12 лет начальным уровнем достигает 100%, подростков 12–16 лет средней школой — 95% (при средних по ЕС показателях 96,2 и 90% соответственно)[2]. Не лишним представляется также указать, что в Испании доля лиц с высшим образованием в возрастной группе 25–34 года составляет 38%, что больше, чем, например, в Великобритании (33%) или в Германии (22%)[3].

С приходом социалистов к власти в 2004 г. в Испании вновь началась реорганизация национальной системы обучения. В мае 2006 г. формально вступил в действие новый Единый закон об образовании (LOE), которым правительство Х.Л. Сапатеро приостановило действие Закона о качестве образования (LOCE), принятого в 2002 г. по инициативе НП и администрации Х.М. Аснара. Проект закона, предложенный ИСРП еще в мае 2005 г., в течение многих месяцев активно и довольно бурно обсуждался как в профессиональных кругах, так и в различных слоях испанского общества. Так, истинным «камнем преткновения» стал вопрос об изучении школьниками религии как составной части учебного плана обязательной средней школы (ESO): ИСРП предложила сделать изучение основ католицизма добровольным для учащихся. Против этого выступила, естественно, испанская церковь. В ноябре 2005 г., до дебатов по LOE в парламенте, в Мадриде прошла массовая манифестация, инициаторами которой были Испанская епископальная конференция и Национальная конфедерация родителей-католиков, поддержку ей оказали и представители оппозиции, прежде всего, Народной партии. Комментируя этот конфликт, газета «Вашингтон пост» писала, что подобными действиями «Х.Л. Сапатеро отчасти нарушил

---

[1] См.: OECD Fact book, 2006; OECD briefing note for Spain. Education at a glance, 2006. — www.oecd.org.

[2] См.: World Bank. World development indicators, 2006.

[3] См.: MEC. Datos y cifras del sistema universitario. Curso 2005/2006.

почти тридцатилетний период “добрых” отношений между церковью и государством в Испании»[1].

Несмотря на усилия оппозиции, в середине декабря 2005 г. LOE все же был утвержден Конгрессом депутатов при 184 голосах «за», 134 — «против» и 7 — «воздержавшихся». Весной 2006 г. после довольно продолжительных дебатов закон был одобрен Сенатом[2].

Итак, ныне действующая в Испании система образования[3] включает обязательное 10-летнее обучение — начальную школу (6–12 лет) и среднюю (12–16 лет). Для получения полного среднего образования необходимо закончить либо двухгодичный бакалавриат, который имеет гуманитарное, естественно-техническое и художественное направление, или пройти курс средней профподготовки в техникуме, где можно получить профессию медсестры, механика, секретаря и т. п. Для молодежи 15–16 лет и старше, не сумевшей успешно закончить обязательную среднюю школу, а доля таковой составляет около 1/3, предусматривается обучение по программам начальной профподготовки.

Комментируя текст нового закона, некоторые специалисты подчеркивают, что в нем в концентрированном и явно обновленном варианте присутствуют некоторые положения тех законов, которые были разработаны социалистами еще в 90-е годы, однако есть и элементы Закона о качестве образования от 2002 г. Весьма примечательно, что для разрешения конфликта в связи с обязательным религиозным обучением в ESO, правительство Сапатеро приняло в декабре 2006 г. поистине «соломоново решение»: в качестве альтернативных дисциплин учащиеся могут изучать как «религиоведение» (что предусматривал проект LOCE), так и новый предмет — «обучение гражданственности», предложенный теперь Министерством просвещения. Введение новых дисциплин должно начаться в 2007/08 учебном году, а завершиться к 2010 г.

Среди основных новшеств «первого эшелона» нынешней реформы — обеспечение бесплатного дошкольного обучения детей в возрасте 3–6 лет (для чего в 2006 г. между автономиями распределяется централизованный фонд в размере 175 млн евро, в 2007 г. — 286 млн евро)[4]. Кроме того, будут предприняты меры по сокращению отсева среди учащихся обязательной средней школы, чтобы уменьшить чис-

---

[1] См.: Washington Post. 03.03.2006.

[2] См.: Boletín Oficial de las Cortes Generales. Congreso de los Diputados. 20.04.2006.

[3] См.: Boletín Oficial de Estado. (BOE), No 106, 04.05.2006.

[4] См.: Intervención de la ministra Mercedes Cabrera. Inauguración del curso escolar, 2006/07. Aviles, 11.09.2006.

ло подростков 15–17 лет, не имеющих аттестата о полном среднем образовании.

Среди приоритетов реформы — учебные программы, рассчитанные на школьников-иммигрантов, число которых за последнее десятилетие выросло в Испании в девять раз: с 57 тыс. в 1995 г. до 529 тыс. в 2005 г.[1] Следует заметить, что феномен иммиграции усугубляет территориальные диспропорции в инфраструктуре образования: наибольшее давление испытывают системы обучения в Андалусии, на Балеарских островах, в провинции Ла-Риоха, в Мадриде и Барселоне. Если в среднем по стране доля школьников-иностранцев оценивается в 7,4% к общему контингенту учащихся обязательного и общего среднего образования, то на Балеарских островах она достигает 12,2, в испанской столице — 11,4, в Каталонии — 10,2%[2]. Для решения образовательной проблемы среди иммигрантов, которая резко усугубилась в последние годы, предусматривается прежде всего расширить специальные учебные планы языкового характера, программы по повышению общей успеваемости, а также предоставление социальной помощи. На государственном уровне осознают, что молодежь из иммигрантской среды с аттестатом о среднем образовании способна заполнить ту нишу рынка труда, где ощущается дефицит специалистов среднего профессионального уровня.

Анализ образовательной политики правительства Х.Л. Сапатеро показывает, что она действительно направлена на решение насущных проблем в сфере обучения. В среднесрочной перспективе она явно преследует стратегическую цель «подтянуть» национальную систему обучения к общеевропейским стандартам и активно включить Испанию в общеевропейское образовательное пространство.

С еще большей очевидностью о вхождении в EEES (Espacio europeo de educacion superior) свидетельствует проект Единого закона об университетах (LOU), текст которого 1 сентября 2006 г. поступил на рассмотрение в Конгресс и утверждение которого должно состояться весной 2007 г.[3] Однако ситуация вокруг этого документа вновь выявляет очередные разногласия между правительством и оппозицией, а само университетское сообщество испытывает растерянность из-за предстоящей очередной глубокой перестройки привычной системы высшего образования.

В стране, начиная с середины 90-х годов, наблюдается относительная стабильность числа студентов — около 1,5 млн человек. В систе-

[1] См.: MEC. Estadísticas educativas, curso 2005/06.

[2] См.: MEC. Datos básicos de la educación en España. Curso escolar 2006/07.

[3] См.: El País. 10.01.2005.

ме высшего образования — 72 университета, в состав которых, кроме факультетов, входят высшие технические или политехнические школы, научно-исследовательские институты, а также прикрепленные к ним учебные центры. 90% испанских студентов обучается в 50 государственных вузах страны, из которых крупнейшими являются Университет Комплутенсе в Мадриде (98 тыс. студентов), Гранадский университет (85 тыс.), Барселонский (76 тыс. человек); четвертое место делят Университет Страны басков в Бильбао и Автономный университет Барселоны (по 50 тыс. студентов). Среди частных вузов выделяются Открытый университет Каталонии (около 30 тыс.), «Рамон Лулл» в Барселоне (17 тыс.), «Деусто» в Бильбао (14 тыс.), «Альфонсо X Мудрый» в Мадриде (8,9 тыс. человек). Особый статус имеет Национальный университет дистанционного обучения, располагающий 60 филиалами в Испании и 20-ю — за рубежом: в Берлине, Мюнхене, Брюсселе, Женеве, Париже, Лондоне, Лиссабоне, в странах Латинской Америки (Аргентине, Мексике, Венесуэле, Бразилии, Перу). Общая численность зарегистрированных в UNED учащихся достигает 144,9 тыс. человек[1]. (О географическом распределении студенческих контингентов см. карту 16.1.)

О предпочтениях испанских студентов говорят следующие данные: изучению общественных наук и юриспруденции посвящают себя 48% учащихся, техническим специальностям — 26,6, гуманитарным — почти 10, медицинским — 8, естественно-экспериментальным — 7%. Эти показатели весьма близки как к средним по ОЭСР, так и к тем, которые имеет, например, Великобритания. Примечательно, что Испания движется в русле и такой общеевропейской тенденции как рост числа выпускников научно-технологических специальностей: в расчете на 1000 жителей в возрастной группе 20–29 лет их число выросло с 5,8 (в 1995 г.) до 12,6 человек (в 2005 г.), что близко к среднеевропейскому показателю в 12,7[2]. Наибольшие студенческие контингенты имеют округ Мадрид, автономии Андалусия и Каталония, где сосредоточено соответственно 16,3, 16,2 и 12,7% всех испанских студентов.

Дебаты по проекту нового LOU начались в мае 2006 г. после того, как его текст, одобренный Университетским координационным советом, поступил на обсуждение в конгресс. Каковы же изменения, которые предложены «сверху» и живо обсуждаются «снизу», то есть непосредственно в университетах? Испанские вузы с одобрением

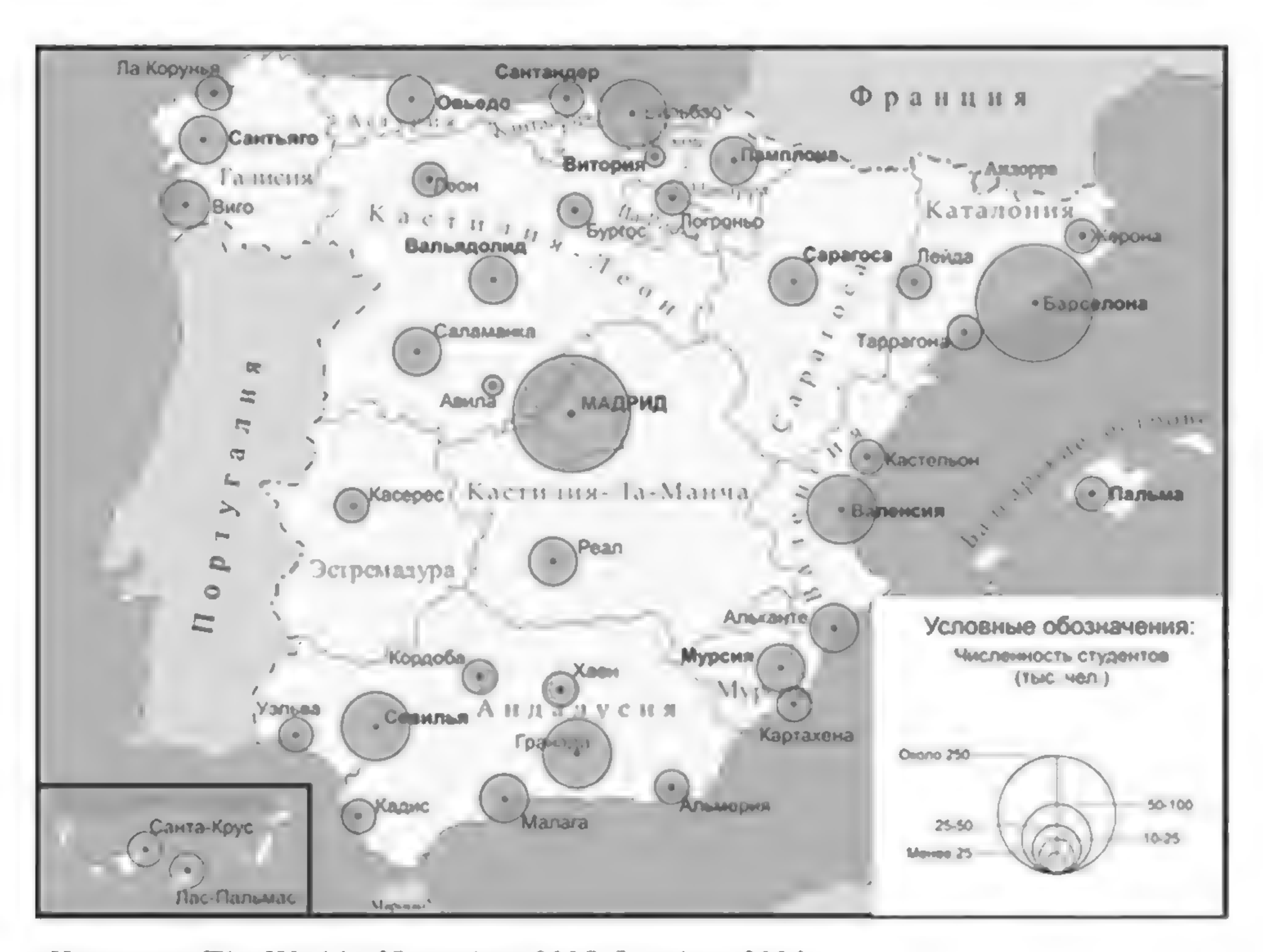
---

[1] См.: The World of Learning, 2005. London, 2006.

[2] См.: MEC. Las cifras de la educación en España. La comparación internacional. 2006.

Карта 16.1

Численность студентов вузов

Источник: The World of Learning, 2005. London, 2006.

встретили предложение правительства Сапатеро вернуть государственным университетам право самим определять процедуру избрания ректоров всеобщим голосованием или голосованием лишь ученого совета. Заметим, что Закон 2001 г. строго предписывал первый вариант[1]. Вузы также более свободны теперь в наборе нового преподавательского состава: сложная процедура государственного профессионального освидетельствования заменена на так называемую аккредитацию, которую могут проводить университетские конкурсные комиссии. Предлагается также разделить требования к практикующим профессорам с требованиями к персоналу, занятому научной деятельностью в соответствии с отдельными уставами. В проекте предусмотрена и

[1] См.: Образовательное законодательство зарубежных стран. Министерство образования РФ. М., 2003. Т. 3. С. 122.

разработка специального Устава для студентов. В то же время органом контроля остается государственное Национальное агентство ANECA, учрежденное LOU в 2001 г.[1]

Обсуждение обновленного текста закона об университетах проходило во второй половине 2006 г. не только в конгрессе. Оппозиционная Народная партия и Объединенные левые считали, что из законопроекта были убраны лишь наиболее «болезненные» положения, прежде всего касавшиеся процедуры профессионального освидетельствования преподавателей при приеме на работу в университет, а основное содержание, разработанное в 2001 г. предыдущей администрацией, возглавлявшейся НП, сохранено. Со своей стороны, общую положительную оценку новому тексту дал Объединенный профсоюз работников образования FETE-UGT. Недовольство же новым текстом закона высказали частные университеты, которые возражали против статьи 72, устанавливающей, в частности, положение о том, что не менее 1/2 преподавателей должны иметь ученое звание доктора, а штатные профессора государственных университетов не имеют права преподавать в частном вузе, если он не является институтом, «приписанным» к госвузу. Эти поправки ректоры некоторых частных университетов сочли «излишним вмешательством в их внутренние дела», в то время как государственные вузы получили больше автономии.

В автономных сообществах новый закон об университетах вызвал большой разброс мнений, но критические замечания во многом сводились к тому, что в результате поправок, внесенных в закон, «Испания отстает в адаптации к общеевропейской университетской конвергенции»[2]. Но именно проблема реального вхождения страны в EEES является главным содержательным компонентом как нового LOU, так и современного этапа реформирования испанской высшей школы[3]. Для усиления «европейского измерения» в высшем образовании и в соответствии с Болонской декларацией страны, ее подписавшие, обязаны следовать целому ряду принципов, а это на практике означает, что традиционная испанская система высшего образования должна претерпеть существенную реструктуризацию: вместо звания лиценциата и дипломированного специалиста после 3–4 лет обучения в университете выпускник получает диплом бакалавра, при дальнейшем обучении в течение 2-х лет — диплом магистра *(см. схемы 16.1 и 16.2)*.

---

[1] См.: Reforma de la LOU. Texto comparado/borrador. Universidad Complutense de Madrid. http://www.ucm.es.

[2] http://www.elpais.es/comunidad/valenciana/articulo/reformaLOU (26.05.2006).

[3] См.: Anteproyecto de la LOU. Exposición de motivos. — www. mec.es (15.12.2006).

Схема 16.1

Традиционные виды профессиональных званий, присваиваемых после окончания университетов

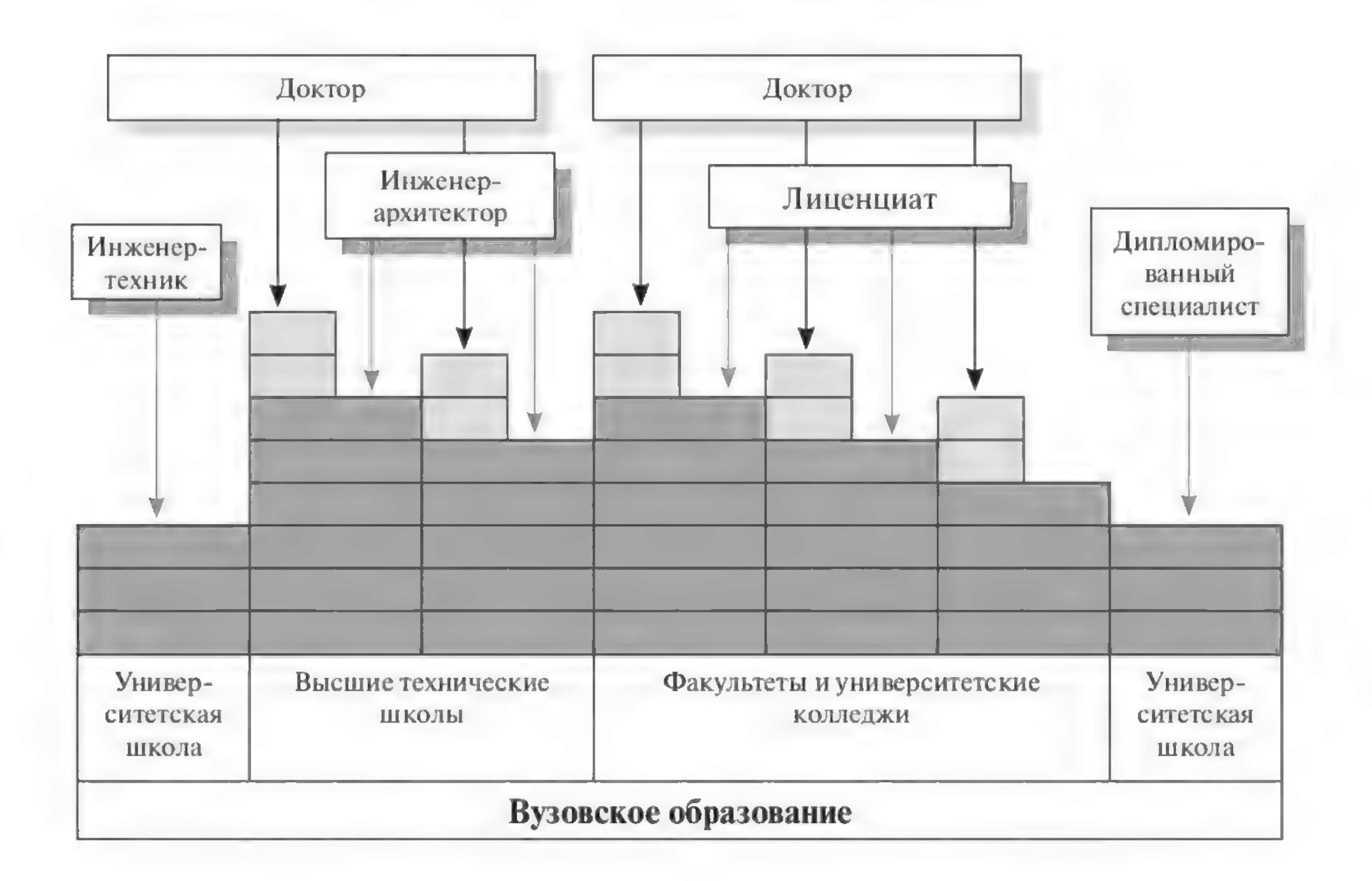
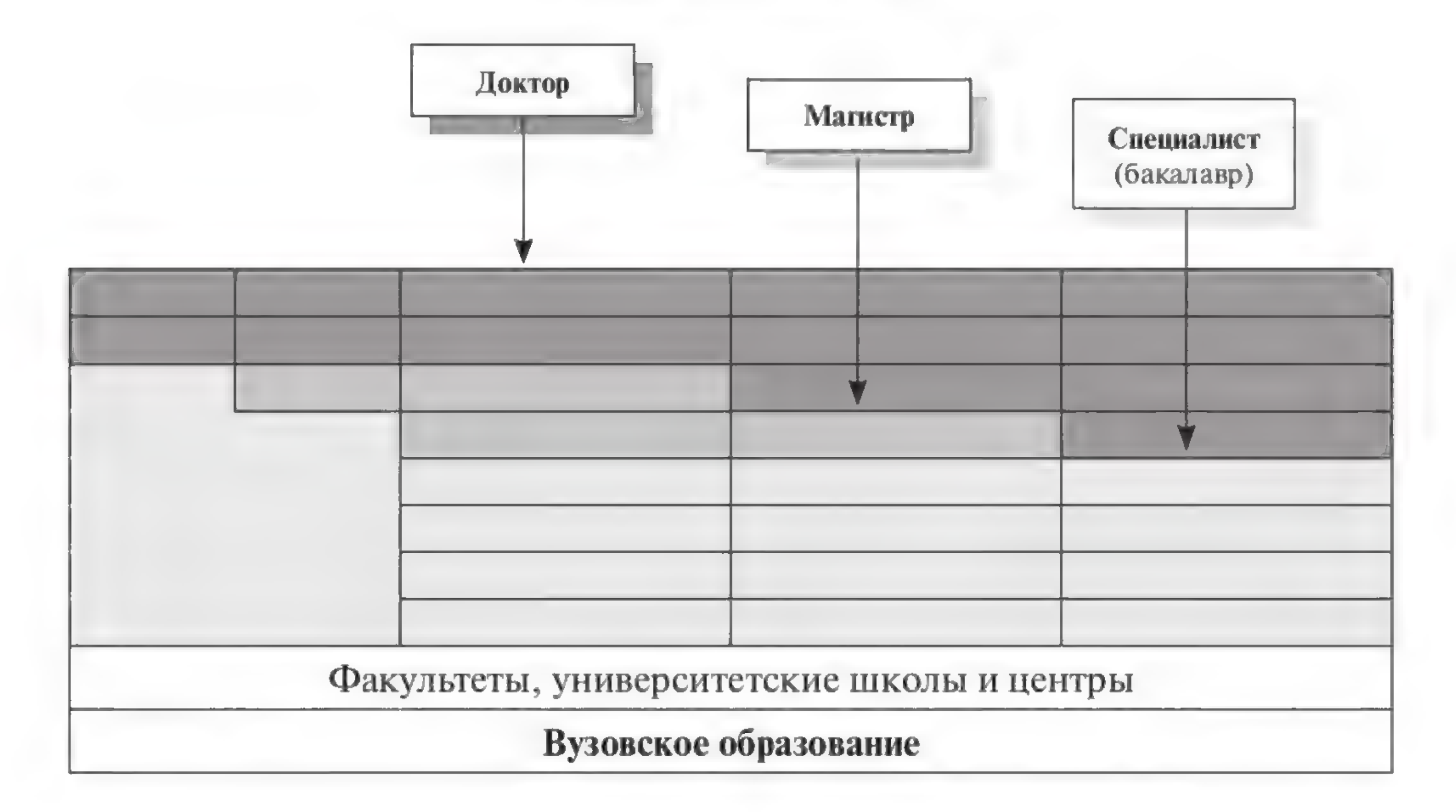

Схема 16.2

Новая схема высшего образования Испании, разработанная в соответствии с критериями Болонского процесса

Переход на новые профессиональные титулы требует введения новой номенклатуры специальностей, прежде всего, для основного 4-летнего университетского цикла. И с этой процедуры Минобразования Испании начало нынешнюю реформу высшей школы, предложив новый реестр, аналогичный принятому в рамках ЕС. Он включает пять основных областей знаний — гуманитарные дисциплины и искусство, естественные и экспериментальные науки, медицинские науки, общественные и юридические науки, инженерно-архитектурные специальности. Смена учащимися специализации может происходить только внутри одной сферы знаний. Нынешнее руководство Министерства просвещения предполагает ввести новые виды специализации в 2007/08 академическом году, однако, как считает глава ректорского корпуса — CRUE (Conferencia de rectores de las universidades españolas) Хуан Васкес, ректор Университета г. Овьедо, вряд ли это возможно ранее сентября 2008 г., поскольку предстоящая реорганизация означает не просто замену одних титулов на другие, пересмотр конкретных учебных планов, но и отмену еще действующих специализаций, по которым обучаются испанские студенты.

В действительности присоединение к Болонскому процессу означает для Испании, равно как и для некоторых других государств Европы, не только серьезную ломку привычной схемы обучения на вузовском уровне, но и довольно глубокую перестройку в методике обучения, в оценке успеваемости учащихся и пр. И здесь уместно сослаться на мнение ректора одного из ведущих вузов страны — Национального университета дистанционного обучения (UNED) профессора Хуана А. Химено. Отмечая, что многие испанские вузы уже начали подготовку специалистов по схеме «бакалавр–магистр», он подчеркивает, что главные новшества касаются непосредственно самого учебного процесса, поскольку по-новому выстраивают взаимоотношения между студентом и преподавателем, при которых именно учащийся должен проявлять большую активность, самостоятельность и «рвение» в учебе[1].

Как и большинство его коллег, ректор UNED считает, что реформа глубоко затрагивает все стороны работы испанской высшей школы и потому не может не вызывать новой волны трудностей, противоречий и даже противодействия. Так, осенью 2006 г. в Мадриде, Барселоне, Бильбао, на Балеарских островах прошли демонстрации студентов, протестовавших против введения в Испании новой структуры обучения в рамках EEES. Мотивируя свою позицию, участники Движения

---

[1] См.: Retos del espacio europeo de educación. Suplemento «Campus». 2006. No 469 // www.elmundo.es (04.12.2006).

в защиту государственной высшей школы высказывали мнение, что новая структура будет служить фильтром, «отсеивающим» малоимущих студентов — ведь дополнительное обучение в течение двух лет для получения звания магистра требует затрат в размере 15 тыс. евро[1]. С учетом именно этого «экономического» фактора даже в среде университетского руководства раздаются призывы к Министерству образования рассмотреть возможность обучения для некоторых специальностей по схеме 3 + 1 (трехгодичный бакалавриат плюс одногодичная магистратура). Однако власти, отстаивая свою позицию, неоднократно подчеркивали, что «такой вариант обучения в университетах необходим нам не только на европейском континенте, но и в рамках построения ибероамериканского пространства знаний», так как в Латинской Америке, по аналогии с американской моделью, принята именно такая схема. В ответ на обеспокоенность студентов удорожанием высшего образования по новой схеме, министр образования М. Кабрера заметила, что бюджет министерства на 2007 г. увеличен на 84% — со 144 млн евро в 2006 г. до 265 млн в 2007 г., в том числе в связи с затратами на получение магистерской степени и с выделением стипендий для обучения в других странах Евросоюза в рамках программы ERASMUS[2].

Перипетии реструктуризации испанской системы высшего образования на первый взгляд могут показаться «частным» случаем, но в них находят отражение те общие трудности, с которыми сталкиваются многие страны ЕС, особенно новые его члены, традиционно имевшие иную схему образования. Касается это и России, которая, подписав Болонскую декларацию в 2003 г., тем самым выразила свое намерение присоединиться к общеевропейскому образовательному пространству. Именно поэтому испанский опыт реформирования системы обучения и подготовки кадров в начале XXI в. представляется не только поучительным, но и полезным для России, поскольку помогает найти более «мягкие», более оптимальные для нашей страны пути сближения с Евросоюзом в области образования.

Для более успешного осуществления новых задач в рамках испанской реформы образования, как нам представляется, необходима более стабильная и более преемственная на этом направлении государственная политика.

---

[1] См.: www.elpais.com/articulo/cataluna/protesta/estudiantes (20.11.2006).

[2] См.: Discurso de la ministra, M. Cabrera, en la apertura del curso 2006/07. Universidad «Carlos III de Madrid» (28.09.2006).

Глава 17. Социум и лингвистика: парадоксы и реалии

Одна из отличительных черт современной Испании — ее полиэтничность и многоязычие. Наиболее распространенный язык на ее территории — испанский (именуемый также кастильским), на котором в стране говорят около 40 млн человек. В соответствии со ст. 3 Конституции Испании испанский является официальным государственным языком.

Государственным, но не единственным официальным. Из 17-ти автономных сообществ Испании в пяти из них существуют региональные языки, обладающие в пределах этих автономий статусом официального языка наряду с испанским. В Каталонии (6,8 млн жителей) — каталанский язык; на Балеарских островах (0,95 млн жителей) — балеарский диалект, схожий с каталанским языком; в Валенсийском сообществе (4,5 млн) — валенсийский (вариант каталанского языка); в Галисии (2,75 млн) — галисийский язык; в Стране басков (2,1 млн) — эускéра (баскский язык)[1]. Региональное законодательство Наварры признает существование эускéра, но официальный статус этого языка распространяется не на всю территорию автономии, а лишь на северную часть Наварры[2]. Показательно, что по социологическим опросам 41,3% испанцев проживает в автономиях с преобладающим или значительным функционированием неиспанского языка.

Данные о численности носителей собственно испанского или же региональных языков страдают неточностями, так как многие жители Каталонии, Галисии, Страны басков, Валенсийского сообщества, Балеарских островов — билингвы и используют испанский или региональный язык в зависимости от той или иной ситуации, или в определенных сферах общения.

Признавая языковое богатство страны, Конституция, как отмечено в начале статьи, закрепила официальный статус, помимо испанского, и других языков, однако ее авторы не уточнили ни их количество, ни их название, что в дальнейшем стало причиной не столько

---

[1] Все из перечисленных автономий Испании в 1982–1986 гг. приняли законы о языковой политике, направленные на фактическое обеспечение равных условий функционирования регионального и кастильского языков в таких сферах, как общественная администрация, делопроизводство, образование, СМИ.

[2] См.: Волкова Г.И., Дементьев А.В. Испания. Испанско-русский лингвострановедческий словарь-справочник. М., 2006. С. 415.

лингвистических, сколько политических и социологических дискуссий. В частности, нет единства относительно статуса валенсийского языка: является ли он самостоятельным или диалектом каталанского. Большинство филологов рассматривают его как вариант каталанского языка, а местная политическая элита и часть населения считают валенсийский самостоятельным языком. Ситуация осложняется политизированностью проблемы, но об этом — дальше.

В некоторых районах Астурии население говорит на бабле — древнем диалекте астуро-леонского говора, а жители высокогорной Аранской долины — их всего около 6 тыс. человек — в провинции Лерида (Лейда — по-каталански) до сих пор в обиходе используют аранский язык — реликтовый диалект древнеокситанского языка.

Полиэтничность и многоязычие современной Испании уходят корнями в далекое прошлое. На протяжении веков, в процессе формирования единого испанского государства, было характерно политическое объединение нескольких родственных этнических общностей (кроме басков), но имевших между собой глубокие социально-культурные и языковые различия. Не случайно поэтому и в наши дни в стране чрезвычайно сильно региональное самосознание, а внутриэтническая консолидация испанской нации полностью не завершена, что проявляется, в частности, в активизации радикально-националистических и сепаратистских настроений в некоторых автономиях.

Многовековое государственное единство Испании неоднократно подвергалось испытанию на прочность как из-за региональных социолингвистических различий, так и по вине политики центральных властей в отношении автономистских движений в регионах. Последний пример жестких запретов и дискриминации «периферийных языков» — франкистский период правления.

Две разные по своей сути тенденции в государственном и национально-территориальном развитии Испании наложили отпечаток на нынешнюю социолингвистическую ситуацию в стране. Первая — централизующая или унитарная. Вторая — децентрализующая или автономистская, обусловленная стремлением ряда этнолингвистических общностей утвердить собственное региональное своеобразие.

Понятие «испанский язык» (español) целесообразно рассматривать в трояком значении: как единый национальный литературный язык собственно Испании; как совокупность диалектов и говоров Испании (с учетом диалектов андалусийского, эстремадурского, арагонского и др.); и как множество разновидностей испанского языка в самой Испании и в странах Латинской Америки.

Национальная языковая норма собственно Испании не является в настоящее время нормой для всех испаноговорящих стран. Например, у латиноамериканской разновидности испанского языка за пять столетий сложились свои фонетические, лексические, фразеологические и грамматические особенности, своя история, свои нормы и традиции. Существуют варианты испанского языка Мексики, Аргентины и Уругвая, андских, центрально-американских и карибских стран Латинской Америки.

Как известно, испанский язык сформировался на основе латинского. На протяжении всей своей истории словарный состав испанского языка пополнялся книжными латинскими (в большей степени) и греческими (в меньшей степени) заимствованиями. Влияние литературной латыни было очень сильным в начале формирования испанского языка, когда латынь была языком государства, церкви, школы и поэзии. Языки первых германских завоевателей Иберийского полуострова — вандалов, свевов, готов — оставили мало следа. За время многовекового общения с арабами (VIII–XVI вв.) испанский обогатился за счет арабского, усвоив большое количество (более 600) арабских слов.

В период Реконкисты наибольшее распространение получил кастильский диалект, который стал основой общенародного испанского языка. Заменив латынь в делопроизводстве, этот диалект постепенно закрепился и стал литературным языком. В письменной форме испанский язык появился вначале в нотариальных документах и глоссах, то есть комментариях к латинским текстам. Первый литературный памятник испанской эпической поэзии — «Поэма о Сиде» («Cantar de Mío Cid») — относится к XII в., а первая грамматика кастильского (испанского) языка А. Небрихи увидела свет в 1492 г.

Принято считать, что названия «испанский язык» (español) и «кастильский язык» (castellano) равнозначны. С лингвистической точки зрения это действительно так. Тем не менее полной тождественности между двумя названиями нет по причине этнически сложного, исторически противоречивого и политически обостренного контекста современной полиэтничной Испании.

В частности, при всей своей терминологической признанности и международной распространенности, «испанский» (español) — это обобщенное название, не учитывающее существования в стране других официальных региональных языков — каталанского, баскского и галисийского. Наименование же «кастильский» язык (castellano) сужает языковой ареал и функциональную специфику, формально отказывая другим региональным языкам в конституционном праве на существование.

Попытки определить принципиальные различия и сферы функционирования «испанского» и «кастильского» в Испании влекут за собой политизированную необходимость определения роли и места испанского, равно как региональных языков «исторических провинций» в государственном и национально-территориальном устройстве страны. Как следствие, региональные националисты возвращаются к конфликтной теме генезиса Испании как унитарного государства и политической дискуссии об обретении государственности национальными меньшинствами. Им возражают приверженцы паниспанского национализма и носители испанского (кастильского) языка, утверждающие, не всегда, кстати, безосновательно, что политика искусственного стимулирования региональных языков ведет к «естественному ущемлению» прав проживающего в этих автономных сообществах испаноговорящего населения и поощряет сепаратистские настроения.

Испанский язык выступает не только как важнейшее средство социальной коммуникации, но и играет важную экономическую роль. Выступая 26 октября 2006 г. на Международном филологическом симпозиуме в г. Сан-Мильян-де-ла-Коголья, испанский премьер Х.Л. Родригес Сапатеро привел любопытную цифру: около 15% ВВП страны формируется благодаря прямому или косвенному участию испанского языка. Это издательский бизнес, распространение книг и периодики, теле- и радиовещание, кинопрокат, Интернет, информатика, цифровые технологии, реклама, различные мероприятия в сфере культуры и т. д[1].

Второй по распространенности язык Испании — каталанский, один из иберо-романских языков индоевропейской семьи, письменность которого основана на латинском алфавите. Официальный язык Каталонии и независимого государства Андорра. Распространен также на Балеарских островах и в Руссильоне (историческая область на юге Франции). Всего на каталанском языке говорят около 7 млн человек. Основные диалекты — восточнокаталанский и западнокаталанский. Древнейшие литературные памятники относятся к концу XII в.

К началу XIX в. уже полностью сформировался современный литературный каталанский язык. В разговорной речи сложился ряд диалектов, основными из которых являются — центральный (провинции Барселона, Таррагона и бо́льшая часть Жироны), северо-западный (провинция Лерида и Княжество Андорра) и северный или руссильонский (Руссильон — каталонская провинция, отошедшая в свое время к Франции, а также северные районы провинции Жирона). Диалек-

[1] См.: El Mundo. 27.10.2006. P. 52.

том каталанского считается также майоркино, на котором говорят жители Балеарских островов.

На протяжении веков Каталония являлась полиязычным, а не моноязычным ареалом с преобладанием каталанского и испанского языков. В настоящее время испаноязычное меньшинство (около 30% населения Каталонии) концентрируется в основном в Барселоне и в прилегающих к столице промышленных районах, где они составляют около 50% населения.

Из-за насильственной языковой унификации, проводившейся диктаторским режимом Франко, каталанский был полностью исключен из употребления в таких сферах общественной жизни, как образование, делопроизводство, СМИ. В ходе демократических преобразований каталанский язык вернул себе утраченные в годы диктатуры официальные позиции. Закон 1983 г. «О лингвистической нормализации в Каталонии» закрепил за каталанским статус официального языка на территории сообщества. На нем предусматривалось преподавание в системе среднего и высшего образования, ведение делопроизводства на уровне местной администрации, использование в средствах массовой информации. Для координации усилий в этой области при правительстве Каталонии создано наделенное широкими полномочиями специальное Управление лингвистической политики.

При его содействии каталанский язык значительно расширил сферу своего применения и из языка бытового общения при франкизме превратился в реально функционирующий второй официальный язык. В настоящее время делопроизводство как на уровне правительства и парламента Каталонии, так и на местном уровнях, практически полностью ведется на каталанском. Правда, единообразия или принципиальной последовательности в этом вопросе нет. Например, мэрия Барселоны направляет по почте жителям столицы информацию исключительно на каталанском языке, а счета за услуги и налоги, которые, дабы у получателя не было аргументов для неуплаты, — направляются как на каталанском, так и на испанском языках.

Галисийский язык генетически восходит к народной (вульгарной) латыни — устной речи романизированного населения на территориях, входивших в состав Римской империи. В галисийском используется латинский алфавит, орфография во многом совпадает с испанской. Несмотря на многие общие черты в фонетике, грамматике и лексике с португальским и испанским языками, большинство исследователей рассматривают его как самостоятельный язык. Галисийский язык распространен на северо-западе Испании, главным образом в Галисии, где 55% жителей признают его родным, более 90% говорят и понимают его.

Общее число галисийцев в Испании составляет около 3 млн человек, еще около 1 млн этнических галисийцев проживает в странах Латинской Америки, преимущественно на Кубе, в Аргентине и Уругвае.

Большую роль в развитии письменного языка сыграли галисийские литераторы, группировавшиеся вокруг журнала «Мы» («Nos») в 1920–1935 гг. Однако вплоть до 1946 г. издание литературных произведений и периодики на галисийском языке находилось под запретом. Постепенный рост публикаций на этом языке наблюдался в 50–60-е годы. С целью придания ему нормативной базы Институт галисийского языка и Галисийская Королевская академия в 1982 г. издали «Орфографические и морфологические нормы галисийского языка», утвержденные региональными властями в качестве официальных.

Баскский язык (эускéра[1]) — один из реликтовых языков Европы, не относящийся к романской группе. Делится на несколько диалектов. В основе литературного языка лежит западный диалект — говор Бильбао. Баски пользуются латинским алфавитом. Особенности эускера: в начале слов никогда не встречается звук «г», ему всегда предшествуют «а» или «е». Имеется падежная система, образующаяся с помощью суффиксов. Множественное число образуется с помощью частиц «-k» или «-eta» (последняя — латинского происхождения). Грамматического рода нет, как в английском языке. В эускера три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное и два времени: настоящее и прошедшее. Будущее время строится описательно. Древнейшим памятником баскской письменности является книга «Начала языков басков» (1545). Последовавшая за ней баскская литература носила преимущественно религиозный характер. Научные работы по унификации территориальных диалектов эускера и созданию нормативно-унифицированного баскского языка (эускéра бáтуа) были начаты лишь в 1968 г. Академией баскского языка и в основном завершены в 1984 г.

Социолингвистическая ситуация в Стране басков достаточно парадоксальна: 58% жителей не только не говорят, но даже не понимают эускера, лишь около трети населения автономии признают его родным или способны изъясняться на нем. Причина не только в массовом притоке иммигрантов, преимущественно из испаноязычных провинций в конце XIX — первой половине XX в. но и отчасти в реликтовом характере баскского языка, не имеющего сходства ни с одним из языков романо-германской группы. Тем не менее данные последних лет свидетельствуют о численном росте в Басконии тех,

[1] Баскское наименование баскского языка.

кто способен изъясняться на эускера: в 1981 г. таких людей было 22%, в 1996 г. — уже 31%.

Правда, существенно разнится их численность в провинциях: в Гипускоа — 50% населения, в Бискайе — 23%, а в Алаве — лишь 14%[1]. В то же время есть данные о сокращении ареала распространения баскского языка в Наварре. В настоящее время эта автономия делится на три условные лингвистические зоны: север, где преобладает эускера, центральная часть — смешанная испано-баскская, южная, где главенствует испанский язык[2].

В последней трети XX — начале XXI в. этнокультурный и социолингвистический факторы стали причиной многих бурных социально-политических процессов в различных странах мира. Не осталась в стороне от этих сложных процессов полиэтничная Испания. Мотивы повышенной этнической активности басков, каталонцев, галисийцев в немалой степени связаны с объективными тенденциями нашего времени: интернационализацией материальных и духовных ценностей, урбанизацией, массовой миграцией.

Для малых народов Испании эти тенденции таят угрозу аккультурации, утраты языка, особенностей быта и обычаев. Боязнь оказаться растворенными в мировой глобализированной среде стимулирует этносы и субэтносы к формированию — порой форсированному и даже насильственному — своей государственности, укреплению идеи региональной исключительности, сохранению духовной культуры, включая языковое своеобразие. Заметим, что на протяжении последних столетий самосохранению идентичности малых народов Иберийского полуострова откровенно угрожал испанский экспансионизм, и региональные языки оставались фактором этнической мобилизации и сохранения их культурной самобытности. Не случайно расширение сферы употребления регионального языка стало одним из приоритетов в политике испанских автономных сообществ в постфранкистский период.

Язык, по определению социологов, это первичная символическая среда функционирования этничности[3], поэтому ее утрата представляет угрозу сохранению культуры. Особую значимость языка в формировании этнонациональной идентичности подтверждают данные социологических опросов, регулярно проводящихся в Испании Центром социологических исследований (Centro de Investigaciones Socio-

---

[1] См.: Unzueta P. «Datos útiles» // El País. 22.10.1998. P. 16.

[2] См.: Sánchez Badiola J.J. *«Desmontando España». El gran fraude de los separatismos.* Visión Net, 2005. P. 329.

[3] См.: Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений: Уч. пособие. СПб, 1999. С. 27.

lógicas — CIS). Так, в Каталонии и Стране басков языковой фактор наиболее часто упоминается жителями как главный в формировании их этнонационального сознания (соответственно: 66 и 62%). Исторический и этнический факторы в шкале приоритетов находятся на втором месте, а политические и экономические обстоятельства респонденты относят к наименее существенным[1].

Опросы населения в Каталонии и в Стране басков (именно в этих двух из 17 испанских автономий наиболее остро стоит вопрос национально-региональной идентичности) показали, что этнолингвистический фактор — самый весомый в своем влиянии на соотнесенность в сознании жителей их автономного сообщества с нацией или регионом. Люди, владеющие региональным языком — каталанским или баскским, — склонны повышать статусную «планку» и именовать Каталонию или Страну басков нацией (nación), а не регионом (región). Поэтому 77% басков, вне зависимости от их политических взглядов, владеющих баскским языком, именуют Басконию именно нацией, а не регионом[2].

Важно отметить, что языковой фактор во многом предопределяет этнонациональную идентификацию испанцев. По данным социологических опросов, большинство населения Испании исповедует двойную самоидентификацию, соотнося себя не только с Испанией, но во многих случаях с родным регионом. Показательно в этом отношении проведенное в октябре 2006 г. в Каталонии (1986 респондентов) Центром социологических исследований Испании исследование *(см. табл. 17.1)*. Опрашиваемым был задан вопрос: кем в большей степени вы себя ощущаете?

Таблица 17.1

Кем в большей степени вы себя ощущаете?

Я ощущаю себя:	%
Исключительно испанцем	6,6
Скорее испанцем, чем каталонцем	5,4
В той же степени испанцем, как и каталонцем	40,6
Скорее каталонцем, чем испанцем	27,8
Исключительно каталонцем	17,5
Не знаю/не могу ответить	2,1

Источник: El País. 26.10.2006. P. 33.

---

[1] См.: Félix M. *Identidad regional y nacionalismo en el Estado de las Autonomias* // CIS. Madrid, 1998. P. 32.

[2] Ibid. P. 31.

По итогам опроса можно выделить три блока респондентов. Самый многочисленный состоит из тех, кто себя идентифицирует полностью или в значительной степени с Каталонией (45,3%). По мнению социологов, это люди, предпочитающие говорить на каталанском языке. На втором месте те, кто в равной степени считает себя испанцем и каталонцем (40,6%). Среди этой категории преобладают билингвы, то есть люди одинаково свободно говорящие как на испанском, так и на каталанском языке. Наименее многочисленная группа респондентов — те, кто считает себя «исключительно испанцем» или «скорее испанцем» (12%). Как правило, это люди вовсе не владеющие каталанским или плохо на нем изъясняющиеся.

Резюмируя, можно сказать, что этнонациональная идентичность различных народов Испании находится в более тесной зависимости от языкового фактора (владения/невладения языком), чем от идеологических убеждений или политических симпатий. Но стремление жителей того или иного региона к повышению этнокультурного статуса не означает автоматического порождения сепаратистских амбиций, о чем свидетельствует нынешняя ситуация в Испании. Так, для большинства галисийцев сохранения языка, традиций и обычаев пока вполне достаточно для поддержания этнической самоидентификации.

Однако многим баскам и каталонцам культурной автономии уже недостаточно. Их этническая активность перешла на качественно новую ступень, поскольку амбиции носят во многом экономический и политический характер. При этом надо иметь в виду, что с конца XIX в. Баскония и Каталония представляют собой не слаборазвитые «национальные окраины», а, напротив, являются наиболее динамично развивающимися регионами Испании, центрами промышленного, научно-технического и культурного прогресса страны.

Конституция Испании провозгласила в своей Преамбуле обязанность «защищать всех испанцев и народы Испании при осуществлении прав человека, их культуру и традиции, языки и обычаи»[1]. Однако вопрос о соотношении языка с такими понятиями, как нация, народ, народность, автономное сообщество, регион, провинция, историческая область, островная территория Конституция Испании не расшифровывает. Такая неопределенность породила различную трактовку исторических, этнокультурных, географических и лексико-терминологических аспектов этого вопроса. Например, ареал распространения каталанского языка охватывает несколько исторических областей

[1] Конституции зарубежных стран. М.: Юрлитинформ, 2003. С. 202.

(ныне автономных сообществ): Каталонию, Валенсийское сообщество, Балеарские острова. Каждая из них исторически развивалась в значительной степени самостоятельно и имеет свои особенности в языке, культуре, хозяйственном укладе.

Современные взаимоотношения центральной и региональных властей, прежде всего Страны басков и Каталонии, в сфере языковой политики, хотя и не носят характер острой перманентной конфронтации, однако периодически омрачаются политическими спорами. Центральное правительство неоднократно было вынуждено сдерживать попытки этих автономии выйти за рамки определенного им Конституцией статуса.

В основе амбициозных националистических требований каталонской политэлиты лежат идеи, составляющие концепцию, по выражению известного политического деятеля Каталонии Ж. Пужоля[1], «разделенного суверенитета». Суть его заключается в требовании предоставления Каталонии исключительных полномочий в различных сферах, включая налоговую, правоохранительную, судебную, культурную и языковую. Разумеется, полностью реализовать эту программу невозможно без внесения изменений в Конституцию страны.

Следуя политике «разделенного суверенитета», каталонские националисты пытаются форсированно утвердить в этой автономии примат каталанского языка, невзирая на протесты испаноязычной части населения и даже судебные решения, в том числе Верховного суда в 80–90-е годы, в пользу истцов, обратившихся с жалобами на каталонские учебные заведения и административные органы, дискриминировавшие учащихся по языковому признаку. Однако выправить «прокаталонский» крен в сфере обучения достаточно сложно, так как этнические каталонцы, составляющие большинство населения автономии, поддерживают меры Женералитата по «каталонизации» провинции.

Большую обеспокоенность в Мадриде вызвал принятый в декабре 1997 г. региональным парламентом Каталонии Закон о лингвистической нормализации, направленный на расширение сферы применения каталанского языка и выведение его на доминирующие позиции. Статьи 9 и 10 закона устанавливают, что каталанский является основным рабочим языком и языком делопроизводства во всех местных учреждениях. В соответствии со статьями 11 и 13 обязательным условием при

[1] Жорди Пужоль-и-Солей, известный политический деятель, род. в 1930 г. в Барселоне, основатель (в 1974 г.) умеренно-националистической партии Каталонии «Демократическая конвергенция», занимал пост председателя Женералитата (регионального правительства Каталонии) с 1980 по 2003 г.

поступлении на работу в учреждения, находящиеся в ведении Женералитата и местных органов власти, включая судебные органы, является знание каталанского языка.

Судебная процедура и делопроизводство могут осуществляться на каталанском языке без обязательного дублирования на испанском (ст. 13). При официальных контактах органов власти Каталонии с представителями иностранных государств (ст. 12) каталанский может использоваться как единственный официальный язык общения с каталонской стороны. В связи с этой новой юридической нормой аккредитованным в Каталонии официальным иностранным представительствам (в основном, генконсульствам) все чаще приходится сталкиваться со стремлением различных местных органов власти вести переписку лишь на каталанском языке.

Испаноговорящей частью населения были особенно негативно восприняты статьи 21 и 24 этого закона, в соответствии с которыми аттестат по окончании средней школы в учебных заведениях Каталонии не может быть выдан без обязательного подтверждения достаточного знания каталанского языка, а все преподаватели школ и вузов должны периодически подтверждать знание каталанского в объеме, достаточном для преподавания на нем. В соответствии с новым законом, каталанский становится основным языком на всех этапах обучения (дошкольное образование, средняя школа, профессиональное обучение, вуз). Действующие на территории Каталонии частные радио- и телекомпании (ст. 26) обязаны не менее 50% времени вещания вести только на каталанском. Удивление и даже раздражение у населения и телерадиокомпаний вызвал пункт 6 данной статьи, предписывающий 25% транслируемых песен озвучивать именно на этом языке. Новый закон предусматривает меры по распространению и поддержке каталанского языка за пределами автономного сообщества (по терминологии закона, «во внешних каталонских областях»).

Это касается Княжества Андорра (каталанский является официальным языком в Андорре) и расположенной во Франции области Руссильон, ряда районов Арагона, примыкающих к Каталонии, а также Балеарских островов. Официальный Мадрид из конъюнктурного расчета (с 1996 по 2000 г. консервативная Народная партия находилась у власти благодаря парламентской поддержке каталонских националистов) не пошел тогда на разрыв отношений с каталонскими националистами и не выступил против этого закона. Стремление националистически настроенных кругов Каталонии к форсированной «каталонизации» региона вызывает протесты, которые в последние годы обрели политическую форму. Например, по итогам состоявшихся 1 ноября 2006 г.

досрочных выборов в парламент Каталонии неожиданным стал успех партии «Граждане — Гражданская партия Каталонии», сумевшей преодолеть 3-процентный избирательный барьер и завоевать три депутатских мандата в парламенте. Эта молодая партия (создана в начале 2006 г.) выступает под лозунгами социального и этноязыкового равенства в регионе, борьбы с каталонским радикальным национализмом. Ее лидеры выступают, в частности, за испано-каталонский билингвизм, что стало привлекательным лозунгом для избирателей.

В ноябре 2004 г. в Испании разгорелась острая полемика о том, на каком языке (помимо общенационального испанского) говорят каталонцы и валенсийцы. Вопрос рассматривался в трех плоскостях: каталанский (catalan) и валенсийский (valenciano) — это один и тот же язык, имеющий лексические и фразеологические особенности диалектального характера; это два варианта одного языка, имеющие ряд различий в фонетике, лексике и грамматике, и наконец, это два самостоятельных языка, обладающие общими историческими корнями. В пользу первого варианта выступают каталонские националисты, в пользу третьего — валенсийские регионалисты, ко второму утверждению прагматично склоняются политически не ангажированные испанские лингвисты.

Причиной разгоревшейся полемики стало следующее событие. Председатель правительства Испании Х.Л. Родригес Сапатеро 4 ноября 2004 г. в Брюсселе в торжественной обстановке вручил Генеральному секретарю, Высокому представителю по общей внешней политике и политике в области безопасности Евросоюза Х. Солане пять переводов текста европейской Конституции, выполненные на испанском и кофициальных языках четырех испанских автономий: Страны басков, Галисии, Каталонии и Валенсийского сообщества[1]. В своей речи Х.Л. Родригес Сапатеро подчеркнул, что его правительство видит свою задачу в популяризации в пространстве Евросоюза этнокультурного своеобразия регионов страны, в том числе путем использования в структурах ЕС таких широко распространенных региональных языков Испании, как галисийский, эускера, каталанский и валенсийский.

В ходе церемонии Х. Солане было вручено, помимо испанского варианта, четыре текста переводов на региональных языках — по числу автономий. Однако выполнены они были, как выяснилось,

[1] Испания насчитывает 17 автономных сообществ, из которых перечисленные выше четыре, а также Наварра и Балеарские острова, обладают, помимо испанского, официальным языком региона.

на трех (!) языках. Переводы, представленные каталонцами и валенсийцами, были абсолютно идентичными, хотя и имели разные заглавия на титульном листе. В тот же день председатель Женералитата Каталонии П. Марагаль выступил с жесткой критикой в адрес центрального правительства. Обвинения сводились к тому, что Х.Л. Родригес Сапатеро, публично объявивший о существовании валенсийского языка, тем самым «нанес ущерб единству каталанского языка». Европейцы, сетовал каталонский лидер, введены в заблуждение, так как отныне будут полагать, что в Испании, помимо галисийского, эускера и каталанского, есть еще и независимый валенсийский язык[1]. Таким образом, Женералитат хотел бы закрыть полемику, поощряемую валенсийскими националистами, о существовании различий между каталанским и валенсийским языками.

Зная о традиционных для Мадрида опасениях «кантонизации» Испании, то есть распада по этнонациональному признаку, каталонские националисты стали рисовать «апокалиптические сценарии», связанные с появлением на лингвистической карте страны таких языков, как балеарский, арагонский, андалусийский, астурийский, канарский и др. Одновременно они приводили объяснения диалектных особенностей каталанского языка в Валенсии, вызванных существующими до сих пор различиями между диалектами каталанского языка Барселоны и провинции Лерида. По их убеждению, различия между каталанским языком и «самопровозглашенным валенсийским» — не более, чем те самые различия между обоими диалектами.

В защиту испанского премьера выступили валенсийские политики. Их аргументы: в автономном статуте Валенсийского сообщества в качестве официального, наряду с испанским, фигурирует не каталанский, а именно валенсийский язык, обладающий тем самым самостоятельным юридическим статусом. Были вновь озвучены известные исторические доводы о том, что еще в XV в. Бонифаци Феррер сделал перевод Библии с латинского языка не на каталанский, а на валенсийский, а Ж. Мартурель (1413–1468) написал свой популярный рыцарский роман «Tirant le Blanch»[2] (напечатан в Валенсии в 1490 г.), по его собственным словам, на «народном валенсийском языке для услады людей из тех мест, откуда я сам родом»[3]. Валенсийцы ссылаются и на решение Европарламента от 28 февраля 1994 г., в котором вален-

[1] См.: El País. 06.11.2004. P. 20.

[2] На русском языке роман вышел в свет в 2005 г. См.: Тирант Белый / Пер. с каталанского. М.: Ладомир, Наука, 2005.

[3] См. статью Феррер Молины: El Mundo. 21.09.2004. P. 2.

сийский язык (наряду с каталанским и др.) занесен в разряд «малых языков Европы».

«Масла в огонь» политизированной лингвистической полемики подлили наваррские и балеарские националисты. По их мнению, в Брюсселе, следуя логике Х.Л. Родригеса Сапатеро, следовало вручить не четыре, а шесть переводов Евроконституции на региональные языки, так как в Наварре эускера также считается кофициальным, а на Балеарских островах — каталанский. Но чиновники Евросоюза, не желая вмешиваться во внутриполитические дискуссии в Испании, поспешили направить в Мадрид официальное уведомление о получении «копий переводов Евроконституции, выполненных на кофициальных языках Испании», не уточняя количество и названия языков. Стало также известно, что чиновники ЕС, стремясь избежать в будущем возможных обвинений в симпатиях к Каталонии или Валенсии, заготовили компромиссный вариант и предложили спорный язык впредь именовать... «каталано-валенсийским»[1].

К этому «двойному» наименованию склоняются и в МИДе Испании. Однако такое «соломоново решение» не удовлетворяет ни каталонцев, ни валенсийцев, которые единодушно заявили о намерении отстаивать свои права (диаметрально противоположные) в судебном порядке.

В этой связи обращают на себя внимание данные опросов, проведенных в ноябре 2004 г. социологическим агентством «Сигма-дос». Оказалось, что 52,6% опрошенных (жители различных регионов страны) считают каталанский и валенсийский двумя разными языками, имеющими много общих черт; 32,2% опрошенных полагают, что каталанский и валенсийский — один и тот же язык, а 15,2% не знают или затрудняются ответить[2]. Вместе с тем о политизированности дискуссии убедительно свидетельствуют социологические данные этого же агентства в разбивке по партийной принадлежности опрошенных *(см. табл. 17.2)*[3].

Как видим, правоцентристский электорат (НП) полагает, что каталанский и валенсийский — два независимых языка, имеющие, однако, схожие черты (64,5%). Иного мнения левоцентристский (ИСРП) и левый (ЕЛ) электораты, которые почти в равной степени считают каталанский и валенсийский одним и тем же языком (42,5 и 47,2% соответственно).

[1] El Mundo. 17.11.2004. P. 14.
[2] См.: El Mundo. 06.12.2004. P. 8.
[3] Ibidem.

Таблица 17.2

Вопрос: каталанский и валенсийский это... (%)

	ИСРП	НП	ЕЛ	Другие
Один и тот же язык	42,6	19,8	47,2	30,7
Два различных, но имеющих много схожих черт языка	43,5	64,5	47,1	52,2
Не знаю/не желаю отвечать	13,9	15,7	5,7	17

Сокращения: ИСРП (Испанская социалистическая рабочая партия), НП (Народная партия), ЕЛ (Единые левые).

Испанские филологи пытаются снять излишнюю напряженность во взаимоотношениях автономий и перевести проблему в лингвистическое русло. По мнению большинства специалистов, суть не в названии. Известные испанские лингвисты Ж. Сола (профессор Барселонского университета), Р. Алемани (профессор Аликантского университета), Ж. Паломеро (вице-президент Валенсийской академии языка), М. Перес Салданья (профессор Валенсийского университета) опубликовали статью, в которой, признав имеющиеся среди филологов разные подходы, призвали «деполитизировать полемику вокруг общего языка и его диалектов, на которых говорят жители Каталонии, Валенсии, Балеарских островов и Андорры»[1]. По их мнению, использование терминологических и языковых расхождений в политических целях контрпродуктивно, так как наносит вред добрососедству и взаимопониманию каталонцев и валенсийцев, имеющих во многом общие исторические и этнокультурные корни.

В настоящее время мы являемся свидетелями двух весьма противоречивых и в определенной мере парадоксальных тенденций в эволюции социолингвистической ситуации в Испании. С одной стороны, очевиден рост числа носителей испанского языка в Латинской Америке и США, ширится интерес в мире к его изучению. С другой, не менее очевиден процесс «сдачи позиций» или «размывания» испанского языка как основного средства межэтнического общения непосредственно в самой Испании. В пользу первой тенденции говорят данные, поступающие из многих стран: после английского — бесспорного

[1] El País. 03.12.2004. P. 16.

лидера — испанский язык занимает второе место в мире по числу его изучающих. По состоянию на 2006 г. — это 14 млн человек.

А что же Испания? По мнению некоторых специалистов, в том числе официальных представителей Евросоюза, испаноговорящее население в Испании непрерывно сокращается. Генеральный директор Департамента переводов Комиссии Европейских сообществ (КЕС) К.-Й. Лёнрота считает, что число испаноязычных жителей в стране не превышает 30 млн человек, а потому и количество переводчиков испанского языка, обслуживающих различные органы КЕС, планируется сократить с 92 до 67 человек[1]. Разумеется, постоянное представительство Испании при Евросоюзе выступило с протестом, обвинив К.-Й. Лёнрота в элементарном незнании лингвистических реальностей Испании.

Можно не согласиться с цифровыми выкладками чиновников КЕС[2], однако сокращение ареалов употребления испанского языка в Испании следует признать реальностью. К постепенной утрате лидирующих позиций испанского (кастильского) языка как основного средства межэтнической и межрегиональной коммуникации непосредственно в самой Испании ведет соответствующая реальность.

Быстрый приток иммигрантов изменяет демографическую и, как следствие, языковую ситуацию. За последние 30 лет Испания из страны, экспортирующей рабочую силу, превратилась в страну-импортера. В 2006 г. в Испании на легальных основаниях проживало 3 млн 884 тыс. иностранцев (для сравнения: в 1999 г. — 800 тыс.). Лидировали марокканцы — 535 тыс. человек (13,8% всего количества иностранцев), за ними следовали эквадорцы — 400 тыс. (10,3%), румыны — 382 тыс. (9,8%), британцы — 274 тыс. (7%), колумбийцы — 238 тыс. (6,1%), немцы — 150 тыс. (3,9%), аргентинцы — 136 тыс. (3,5%), боливийцы — 132 тыс. (3,4%), итальянцы — 115 тыс. (3%), китайцы — 98 тыс. (2,5%), болгары — 94 тыс. (2,4%) и т. д.[3]

Начиная с 2000 г., ежегодный прирост иммигрантов, преимущественно из Марокко, Румынии и стран Латинской Америки, составлял в среднем 20%. Особенно резко увеличилось число иммигрантов (на 38,5%) в 2005 г., когда правительство Х.Л. Родригеса Сапатеро провело так называемую иммигрантскую амнистию, легализовав 580 тыс.

---

[1] См.: El País. 26.11.2005. P. 4.

[2] Указанная численность испаноязычного населения в самой Испании представляется заниженной, так как по всей видимости, не учитывает большого количества билингвов, а также тех людей, которые, проживая в Каталонии, Стране басков или Галисии, не владеют региональными языками и изъясняются исключительно на испанском.

[3] См.: ABC. 20.08.2006. P. 14.

нелегальных иммигрантов[1]. По данным экспертов испанского фонда ФУНКАС (Fundación de las Cajas de Ahorros), к 2015 г. число иммигрантов в Испании составит 11 млн человек[2].

За счет притока иммигрантов и высокой рождаемости в их среде Испания в 2003 г. вышла на второе место, после Ирландии, в Евросоюзе по приросту населения[3]. Иммиграционный «бум» конца XX — начала XXI в. объясним, в первую очередь, впечатляющим экономическим ростом Испании, а также ее географическим положением «южных ворот Европы», соглашениями о безвизовых поездках со многими государствами Латинской Америки и «туристической» ориентированностью страны.

Одной из важнейших проблем, связанных с ростом числа иммигрантов, испанские эксперты считают необходимость реформирования системы дошкольного и школьного образования. Многие иностранные учащиеся, главным образом из стран Латинской Америки, естественно не испытывают проблем с языком в окружении испанских школьников, хотя их общеобразовательный уровень, как правило, ниже. Разумеется, с гораздо более серьезными этнокультурными, языковыми и религиозными сложностями сталкиваются дети выходцев из стран Магриба, Центральной Африки или Китая.

С социальной ассимиляцией латиноамериканцев проблем у испанских властей много, но они не носят острого характера. Испанию и ее бывшие заокеанские колонии связывает много общего: язык, религия, культура. Гораздо более серьезные проблемы для испанского общества порождает массовая иммиграция, в том числе нелегальная, из стран Магриба и из других африканских стран. 90% мусульман, постоянно проживающих в Испании, — выходцы из Марокко. Показательно психологическое восприятие испанцами понятия иммигрант: 77% опрошенных на вопрос: «Кого Вы считаете иммигрантом?», в первую очередь указывают на марокканцев[4], составляющих менее 14% общего числа иммигрантов.

Арабы гораздо труднее, чем латиноамериканцы, «врастают» в испанское общество — сказывается проблема языка. Многие из них не в силах овладеть испанским, но, не желая возвращаться на родину, обрекают себя на самоизоляцию, на своего рода автономное проживание вместе с такими же «изгоями». Такие «изоляционистские» то-

---

[1] См.: El País. 05.09.2006. P. 16.
[2] См.: El Mundo. 22.01.2004. P. 16.
[3] См.: ABC. 10.01.2004. P. 47.
[4] См.: El País. 22.01.2004. P. 28.

варищества и общины множатся день ото дня: этих людей связывают родственные и религиозные узы. Наблюдая богатую, динамичную внешнюю жизнь, они нередко теряют социальные ориентиры и уверенность в себе, озлобляются, превращаются в легкую добычу идеологических или религиозных экстремистов.

Вернемся в заключение к социолингвистической ситуации в регионах, где языковая политика националистических кругов некоторых автономных сообществ приводит к естественной «сдаче позиций» испанским (кастильским) языком. Речь идет о целенаправленной политике в угоду более широкому функционированию того или иного регионального языка в различных сферах жизни общества, в первую очередь в образовании, о чем сказано выше. Так, в каталонских высших учебных заведениях преподаванием на каталанском языке охвачены в среднем 60% учащихся, в том числе в университетах городов Жерона и Вик эта цифра еще выше — 89,6% студентов[1].

В том же направлении — к фактическому билингвизму постепенно развивается ситуация и в Стране басков: в баскских университетах 40% студентов выбирают эускера как язык преподавания, а ведь всего шесть лет назад число желающих не превышало 20%[2]. В Галисии ситуация иная, хотя и сопоставимая с тем, что происходит в Каталонии и Стране басков: в трех университетах — в Сантьяго, Виго и Ла-Корунье лишь 20% преподавателей ведут занятия на галисийском языке и нет ни одной университетской специальности, которая преподавалась бы исключительно на галисийском.

«Ломаная» тенденция отмечена в вузах Валенсийского сообщества: в 1993 около 17% студентов подали заявки на обучение на валенсийском языке. В 1998 г. число подобных заявок возросло до 29% общего числа учащихся. Однако в последующие годы наблюдается их постепенное снижение — до 23,9% в 2003 г. В Университете Балеарских островов степень заинтересованности студентов в посещении занятий на каталанском языке зависит от специальности: на гуманитарных факультетах она выше, чем на технических.

Перспектива дальнейшего «размывания» ареалов и сфер употребления испанского языка заставляет центральные власти принимать упреждающие меры. В частности, Министерство обороны Испании в январе 2006 г., видимо, в связи с участившимися случаями использования региональных языков, вместо испанского было вынуждено разослать специальный приказ, предписывающий всем рядовым и

---

[1] См.: El Mundo. 30.01.2006. P. 14.

[2] См.: El Mundo, Suplemento Campus. 09.12.2003. P. 1–3.

офицерам во всех частях и подразделениях армии и флота, вне зависимости от места их дислокации, использовать при несении воинской службы исключительно кастильский язык[1].

Разумеется, к факторам, воздействующим на особую историческую роль и специфическую коммуникационную значимость испанского языка как в мире, так и в самой Испании, можно отнести еще многое. Однако и отмеченные нами говорят о сложных и противоречивых тенденциях в социолингвистической ситуации в Испании, и роли и месте испанского языка в стране и в мире.

Глава 18. Останется ли страна католической?

На протяжении веков католицизм был официальной и единственно допустимой религией испанского государства, а церковь обладала огромной силой, находясь в тесном альянсе со светской властью. Образ Испании был неразрывно связан с ее «католическим духом». Как писал в начале XX в. Хосе Ортега-и-Гассет: «Каждый иностранец, изучающий нашу действительность, как будто считает своим долгом начать свой труд с мысли, ставшей общим стереотипом, что католическая религия и церковь извечно определяли и продолжают определять все бытие нашего полуострова»[2].

Так продолжалось до рождения II Республики. «Испания перестала быть католической», — сказал накануне принятия Конституции 1931 г. министр М. Асанья, имея ввиду лишь то, что по новому закону католицизм терял статус официальной религии. Действительно, в ст. 3 говорилось: «Испанское государство не имеет официальной религии», а 27 статья провозглашала свободу совести и религиозных убеждений.

Это ввело в шок половину страны, для которой «быть испанцем» означало «быть католиком», а борьба с республиканцами стала «крусадой» — крестовым походом против «Анти-Испании и “марксист-

---

[1] См.: El Mundo. 12.01.2006. P. 1.

[2] См.: Ortega-y-Gasset J. *España invertebrada*. Madrid, 1988. P. 128. (Первое издание — 1922 г.)

ского варварства"». «Испания была, есть и будет католической. Она по своей природе идентична католицизму», — эти франкистские постулаты сохранялись до 1975 г.

Вместе с тем еще в 1967 г. неожиданно и без особых видимых причин Франко принимает закон о свободе совести и дает возможность своим подданным «исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». Самое интересное, что этот закон был принят под нажимом Ватикана.

А еще через 10 лет — в 1978 г., уже в новых политических условиях, испанцы практически единодушно, без революций, расколов и потрясений приняли демократическую Конституцию, по которой католицизм терял статус государственной религии. Более того, официально говорилось об «аконфессиональном» характере государства («aconfesional»). Что стоит за таким определением и почему отказ от официального статуса католической религии был воспринят в 30-е годы как «убийство» испанского духа, а в 70-е — как условие его возрождения? Продолжает ли современная Испания быть католической и сохранит ли она свою духовную традицию в новом тысячелетии?

Судьбы испанского католицизма зависят во многом не только от Небесной Троицы, но и вполне земной «триады»: государства, Святого Престола во главе с Папой Римским и подчиненного ему испанского епископата[1]. Каждый из них имеет свои предпочтения и интересы, свою траекторию развития. Однако в 60–70-е годы XX в. их пути сошлись в одной точке. Эти полтора-два десятилетия можно назвать, пользуясь выражением К. Ясперса, «осевым временем» истории испанского католицизма, в течение которого была выработана принципиально новая система координат духовно-религиозной жизни. Она стала определять, в частности, также и взаимоотношения церкви и государства в современной Испании.

В создании этой новой парадигмы хронологически первым и наиболее важным событием был II Ватиканский собор (1961–1965), значение которого для всей христианской истории огромно. Его можно сравнить разве что с первыми Вселенскими соборами, которые выра-

---

[1] На протяжении многих веков религиозная жизнь в Испании зависела от двух сил — государства и Святого Престола. К их диалогу с конца 60-х годов подключился испанский епископат, ранее не представлявший самостоятельной силы. Таким образом образовались три основные силы, определяющие духовно-религиозную жизнь страны. Отметим, что по сравнению с другими европейскими странами, национальная церковь в Испании всегда обладала большим весом, находясь под королевским патронатом. Это обусловило более тесное слияние религиозного и национального самосознания, формировавшегося в эпоху Реконкисты.

батывали основы вероучения. До него католицизм имел один характер, а после него — совершенно другой.

Конечно, основы веры, закрепленные в догматах, остались непоколебимыми. Но во всем остальном произошли радикальные преобразования. На смену былой нетерпимости пришел диалог с другими религиями и атеистами. Церковь включалась в современную жизнь, «осовременивала» евангельские идеалы, обновляла порядок богослужения, которое стало проводиться теперь не на латыни, непонятной для народа, а на национальных языках. Три ключевых момента, связанных с Собором оказали наиболее глубокое воздействие на построение взаимоотношений церкви и общества в современной демократической Испании.

Во-первых, были предложены новые принципы взаимоотношений церкви и государства. Церковь никоим образом не смешивается с политическим обществом и не связывается с никакой политической системой... В своей области политическое общество и церковь автономны и независимы друг от друга. Речь шла об окончании так называемой «константиновой» традиции альянса церкви и государства, заложенной в IV в. Начался новый этап истории во взаимоотношениях двух властей, основанных на их независимости друг от друга. Отметим, что впервые в истории не государство выступило инициатором «развода» с церковью, а, наоборот, сама церковь настойчиво добивалась независимости от светской власти.

Во-вторых, не менее важным стал провозглашенный II Ватиканским собором принцип свободы совести. Этому была специально посвящена одна из его деклараций. «Эта свобода состоит в том, что все люди должны быть свободны от принуждения как со стороны отдельных лиц, так и общественных группировок, либо какой бы то ни было человеческой власти», поскольку «право на религиозную свободу зиждется в самом достоинстве человеческой личности»[1]. И еще одна цитата: «Гражданская власть не должна навязывать гражданам силою или устрашениями или другими средствами исповедание или отвержение той или иной религии, или же запрещать кому-либо вступать в ту или иную религиозную общину или выйти из нее»[2]. Этот принцип с 1975 г. стал краеугольным камнем во взаимоотношениях церкви и испанского демократического государства, однако до этого был встречен «в штыки» франкистской политической элитой. Собор выразил

[1] Декларация о религиозной свободе // Второй Ватиканский собор. Конституции, Декреты, Декларации. Брюссель, 1992. С. 440–441.

[2] Там же. С. 444.

«глубокую скорбь о дискриминации между верующими и неверующими, которую несправедливо вводят некоторые гражданские власти, не признавая основных прав человеческой личности»[1]. Папа Павел VI, сменивший Иоанна XXIII после его смерти, безуспешно призывал испанских епископов не бояться принять декларацию Собора о свободе совести, но они все же проголосовали против. Лишь когда декларация была принята большинством голосов, высшая иерархия испанской церкви была вынуждена подчиниться общим решениям Собора. Именно тогда Франко, не желая портить отношения с Ватиканом, пошел на уступки и издал в 1976 г. закон о свободе совести. Однако вместе с испанскими церковными иерархами составил такую редакцию этого закона, что он, по существу, терял свой смысл. Тем не менее шаг к идейному плюрализму в Испании был сделан, хотя и получил свою полную реализацию только после установления демократии.

В-третьих, Собор предоставил национальным церквам широкие полномочия в принятии решений по организации религиозной жизни своих стран и во взаимоотношениях с государством. С этой целью резко усиливалась роль Конференций епископов той или иной страны, которые приобретали теперь право канонического юридического лица и законодательную власть по широчайшему кругу вопросов. «Всякий вопрос в масштабе страны, касающийся жизни и деятельности церкви, входит в сферу деятельности конференции»[2].

Для Испании это имело особое значение. До учреждения Конференции можно было говорить не столько об испанском епископате, сколько об испанских епископах, поскольку каждый из них действовал сам по себе. Постоянного общения на правовой основе между ними не было. Кроме того, они были оторваны от реальной жизни и отстранены от принятия решений в масштабах всей страны. Общаясь с паствой лишь на аудиенциях, окутанные ложью и лестью своего окружения, они занимались, за редчайшим исключением, не интеллектуальной богословской работой, а чисто административной деятельностью за стенами своих дворцов и резиденций. Пока «традиционалисты» составляли большинство во вновь учрежденной Конференции испанских епископов, они имели возможность тормозить процесс обновления. Ситуация стала меняться только с 1971 г., когда председателем Конференции был выбран кардинал Таранкон, известный своими «революционными» уст-

---

[1] Пастырская Конституция 1965 г. «Радость и надежда» о Церкви в современном мире («baudium et spes») // Второй Ватиканский собор. С. 347.

[2] Каноническое право. О народе Божием. (De populo Dei). Пособие по каноническому праву / Сост. монс. И. Юркович. М., 1995. С. 122–123.

ремлениями. По его инициативе была создана «Совместная ассамблея епископов и священников». Именно с этого момента можно говорить об обновленной испанской церкви, ориентированной на свою независимость от государства, демократические права и свободы граждан, в том числе свободу совести и религиозных убеждений. Это и отразилось в программном документе «La Iglesia y la Comunidad politica» (1973).

К моменту становления демократии испанская церковь уже совершила кардинальный поворот от «национал-католицизма», отождествляющего религию с нацией, а нацию с франкистским режимом. Былая замкнутость церкви сменилась ее открытостью к новым идеям католических богословов других стран и диалогу с другими религиями. Таким образом, усиление ее национального начала в лице Конференций испанских епископов не противоречило, а способствовало ее интеграции в лоно единой католической церкви.

Обратимся теперь к новой системе координат во взаимоотношениях с церковью, которое выработало современное испанское государство.

Определяя себя как «демократическое и плюралистическое», оно строит свои отношения с церковью на основе Конституции 1978 г. Особенно важна ст. 16, которая в своих первых двух пунктах провозглашает свободу идеологии и вероисповедания, а согласно третьему пункту «никакое вероисповедание не может быть государственным. Власти принимают во внимание религиозные верования испанского общества и поддерживают соответствующие отношения сотрудничества с Католической Церковью и другими вероисповеданиями»[1].

Таким образом, оговаривается светский характер государства и открытость к диалогу с католицизмом. И, что не менее важно, с иными религиями. Поэтому, согласно официальной точке зрения, государство имеет «аконфессиональный» характер. Это определение, как разъясняют его разработчики, занимает промежуточную позицию между «неконфессиональным» и «конфессиональным» типами государства[2]. В нем нет оттенка отрицания (по аналогии, например, с «аморальностью» или «алогичностью», напротив, сторонники этого определения как раз хотели уйти от крайностей отрицания религии в период II Республики, с одной стороны, и ее апологетики при Франко — с другой. Они искали «средний путь», видя его в «позитивной аконфессиональ-

[1] La Constitución espanola. Aprobada por las Cortes el 31 de Octubre de 1978. Referéndum Nacional 6 de Diciembre. Capitulo Segundo. «Derechos y libertades». Articulo 16.

[2] См. подробнее в официальном издании Соглашений между испанским государством и Святым Престолом: C. Corral. *Sistema constitucional y acuerdos específicos* // Los acuerdos entre la Iglesia y España. Madrid, MCMLXXX (1980). P. 109–113.

ности, открывающей путь к сотрудничеству Церкви и государства при предоставлении гражданам полной религиозной свободы»[1].

На этой основе между государством и церковью в лице Святого Престола были заключены несколько соглашений, по которым испанское государство признает за католической церковью право выполнять ее апостольскую миссию и гарантирует ей возможность свободно и публично осуществлять ее деятельность. «Гармонический Закон о религиозной свободе» 1980 г. создал правовую основу для заключения соглашений и с другими, пусть даже совсем малочисленными, конфессиями страны.

«Аконфессиональный» характер государства — явление в испанской истории беспрецедентное, поскольку с IV в. (исключая небольшой перерыв в V—VI вв. в связи с варварским нашествием) христианство признавалось «государственной религией» испанских народов, что сыграло огромную роль в их сплочении в эпоху Реконкисты. Таким образом, демократическая Испания завершила эту многовековую традицию симфонии светской и духовной власти и отождествления «испанского» с «католическим».

Теперь взаимоотношения государства и церкви стали строиться на принципах автономии и независимости. Для государства это означает возможность сотрудничества с церковью при сохранении своего светского характера и идейного плюрализма. Испанская церковь, не смешиваясь и не отождествляясь с каким-либо политическим режимом, обрела возможность быть «знамением и защитой трансцендентности человеческой личности» в ее земном бытии[2].

Первый шаг в этом направлении был сделан испанским королем Хуаном Карлосом в 1976 г. при подписании «Базового Соглашения», когда он благородно отказался от древней «привилегии» королевского патроната («patronato regio») при назначении на должности епископов. Этой привилегией широко пользовались испанские короли, стремившиеся отдать руководящие должности в испанской церкви нужным им людям. Хуан Карлос откликнулся на призыв папы Павла VI к тем «гражданским властям, которые в силу соглашения или обычая пользуются такими правами и привилегиями... по собственному почину отказаться от них»[3].

---

[1] Ibid. P. 113.

[2] Пастырская Конституция 1965 г. ... С. 347.

[3] Декрет 1965 г. «О пастырской должности епископов в церкви» (Christus Dominus) // Второй Ватиканский собор. Конституции. Декреты. Декларации. Брюссель, 1992. P. 205–206. В нем говорилось о недопустимости предоставления в будущем гражданской власти никаких «привилегий» для «избрания, назначения, представления или определения на епископскую должность».

Отметим, что такой поступок короля означал очень многое, поскольку для церкви проблема прямого вмешательства испанского государства в дело первостепенной важности — назначение епископов стояла уже давно. Теперь же было достигнуто, наконец, искомое равновесие между светской и духовной властью и осуществлен принцип их невмешательства в дела друг друга. Последующие соглашения со Святым Престолом продолжили эту линию. Со своей стороны, церковь, согласно Пастырской Конституции, «не возлагает своей надежды на привилегии, предоставляемые гражданской властью» и готова отказаться от пользования своими правами, если «пользование ими может поставить под сомнение искренность ее свидетельства»[1].

В целом можно признать, что демократическое и плюралистическое государство, провозгласившее свободу совести, реализовало провозглашенные им цели в религиозной сфере. Оно заключило ряд соглашений не только с католической церковью, но и с другими конфессиями страны — протестантами (в лице Federación de Entidades Religiosas Evangélicas de España — FEREDE), мусульманами (в лице Comisión Islámica de España) и последователями иудаизма.

Вместе с тем у подобной «аконфессиональности» государства есть свои противники как на «правом», так и на «левом» флангах. К первым можно отнести церковных «традиционалистов» и приближенную к ним часть паствы. Оставаясь убежденными сторонниками конфессионального государства, они видят три основных порока в системе, основанной на Конституции 1978 г.

Во-первых, «беспредельный» идейный и религиозный плюрализм. Во-вторых, ограниченность сферы деятельности католической церкви, не имеющей привилегий и действующей наравне с другими религиозными объединениями. В-третьих, участие католиков в различных политических партиях и движениях вместо их объединения и создания собственной, основанной на вере. С их точки зрения, в Испании утвердилось вовсе не аконфессиональное государство, а «агностическое» — «исключающее имя Божие, не запрещающее аборты, игнорирующее семейные ценности». И все идет, по их мнению, к «воинствующему лаицизму», то есть полному исключению религии и церкви из жизни общества.

Прямо противоположную позицию занимают сторонники «лаицизма», которых особенно много среди левых партий. Они возмущены сохраняющейся, хотя и значительно урезанной, системой денежных государственных субсидий церкви. Правительство взяло курс на по-

[1] Пастырская Конституция 1965 г. ... С. 408.

степенное снижение субсидий. И хотя Конференция епископов расценивала это как прямую «угрозу католической вере», ей напомнили, что по соглашению с государством 1979 г. церковь обязана перейти на самофинансирование.

По решению правительства, начиная с 2007 г. испанская католическая церковь больше не получает государственные субсидии — 50 млн евро ежегодно, предоставляет ежегодный отчет о всех расходах и платит — впервые в своей истории — НДС с приобретаемой недвижимости. Характерно, что этот налог был введен испанскими властями под нажимом Евросоюза.

Чтобы компенсировать потерю церковных доходов, граждане могут добровольно отчислять ей 0,7% своих налогов. Отметим, что ранее такие добровольные пожертвования в пользу церкви, которые испанцы оформляли при заполнении ежегодной налоговой декларации, не могли превышать, согласно букве закона, 0,52% налогов. Решение о новой модели финансирования было принято правительством после консультаций первого зампреда правительства Марии Тересы Фернандес де ла Вега с вице-председателем Епископальной конференции кардиналом-архиепископом Толедо Антонио Канисаресом. Епископальная конференция дала этому нововведению сдержанную оценку, а пресс-секретарь Епископальной конференции монсеньор Хуан Антонио Мартинес Камино в своем выступлении по Национальному радио призвал верующих «поддержать деятельность церкви материально». До 2007 г. добровольные пожертвования испанской католической церкви, ежегодный бюджет которой составляет 150 млн евро, не превышали 100 млн.

Вопрос об образовании также привел к серьезным разногласиям между социалистами и церковью, на стороне которой выступают многие граждане страны. Дело не столько в том, что правительство хочет изъять преподавание религии (католицизма) из списка базовых школьных дисциплин, а в том, что оно хочет решать этот вопрос без обсуждений и консультаций с верующими. Церковь же выступает за сохранение этого предмета в списке базовых, равным другим базовым дисциплинам, чтобы родители при желании всегда имели возможность обучать своих детей в соответствии с их религиозными убеждениями. Под давлением общественности была создана совместная комиссия из представителей церкви и правительства, призванная урегулировать этот вопрос.

Многие другие инициативы правящей Социалистической партии Испании также вызвали критику со стороны церкви. Это относится и к закону, легализующему однополые браки, предложениям правитель-

ства о легализации абортов, упрощенной процедуре развода. Однако правительство последовательно проводит свою линию, невзирая ни на протесты церкви, ни на оппозицию самих верующих.

Церковь, в свою очередь, считает, что хотя она в соответствии с решениями II Ватиканского собора и устранилась от политики, ей не чужды проблемы, волнующие общество. В этом отношении показательны документы Конференции испанских епископов. За последние 30 лет в них освещались различные вопросы как собственно религиозной, так и общественной жизни. Среди них:

— нарастающая секуляризация испанского общества и его моральный кризис. Этому посвящен документ «Богословие и секуляризация в Испании. К сорокалетию завершения работы II Ватиканского собора» (март 2006 г.)[1];
— вопросы социальной этики и помощи бедным и обездоленным (важные документы, посвященные этой теме — «La caridad de Cristo nos apremia» (2004), «La fidelidad de Dios dura siempre. Mirada de fe al siglo XX» (1999), «La Iglesia y los pobres» (1994) и др.);
— проблемы брака и семьи, а также абортов, сексуальной революции и союзов с так называемой нетрадиционной ориентацией[2];
— вопросы образования.

Есть также документы, рассматривающие проблемы единой Европы, баскского и мирового терроризма и другие.

В целом можно сказать, что испанская церковь пытается решить для себя сложнейшую проблему: как в условиях демократии обеспечить подлинную свободу, но не превратить ее во вседозволенность; как соблюсти права человека и, прежде всего, свободного выбора идеологии и религии, но избежать полного морального релятивизма?

---

[1] См.: «Teología y secularización en España. A los cuarenta anos de la clausura del Concilio Vaticano II. Instrucción pastoral de la LXXXVI Asamblea Plenaria de la Conferencia Episcopal Española (2006).

[2] См., напр.: «Matrimonio y familia» (1979); «Sobre el divorcio civil» (1979); «Sobre el Proyecto de Ley de modificación de la regulación del matrimonio en el Código Civil» (1981); «Orientaciones generales de pastoral de juventud» (1991); «Sobre el proyectada nueva "Ley sobre el Aborto"» (1994); «Matrimonio, familia y "uniones de homosexuales"» (1994); «La eutanasia es inmoral y antisocial» (1997); «El aborto con píldora también es crimen» (1998); «La píldora del día siguiente», nueva amenaza contra la vida» (1998); «El drama humano y moral del trafico de mujeres» (2001); «La familia, santuario de la vida y esperanza de la sociedad» (2001); «Decretorio de la Pastoral Familiar de la Iglesia en España» (2003); «En valor del verdadero matrimonio» (2004); «Algunas orientaciones sobre la ilicitud de la reproducción humana artificial y sobre las practicas autorizadas por la Ley que la regula en España» (2006).

Она ориентирована на поиск консенсуса с государством и всеми гражданами страны вне зависимости от их вероисповедания.

Но возникает вопрос: а с каким обществом она имеет дело? Посмотрим, что думают о религии и церкви сами испанцы, остаются ли они верующими католиками.

Кстати, сколько в Испании католиков? Ответ не столь очевиден, как это представляется на первый взгляд. Согласно церковным канонам, католиком является всякий, кто был крещен в католическую веру. Исходя из того, что из почти 45-миллионного населения страны таковых 95%, получаем солидную цифру — чуть менее 43 млн человек. Но все ли они являются верующими? Конечно, нет. Ведь многие, крещеные преимущественно в младенческом возрасте, либо потеряли веру, либо так и не пришли к ней. Возможно, это дело будущего. На сегодня же считают себя верующими католиками около 80% испанцев. Это чуть меньше, чем несколько лет назад. (Данные, которые представляют различные социологические центры, в этом вопросе несколько расходятся между собой[1].) Число «арелигиозных» (к ним причисляют «неверующих», «агностиков» и убежденных атеистов) составляет чуть более 13%[2]. Что касается последователей других религий, то доля их незначительна — всего 2%. Две трети из них — протестанты-лютеране и члены секты «Свидетели Иеговы», и лишь одну треть составляют мусульмане, иудеи и исповедники других культов. Однако, учитывая приток иммигрантов из Марокко, можно предположить, что доля мусульман в ближайшие годы может возрасти.

Проблема, однако, заключается в том, что очень многие из тех, кто причисляет себя к верующим католикам, не торопятся соблюдать даже минимальные предписания церкви, ходить на службы, исповедоваться и причащаться. Другими словами, есть «практикующие» и «непрактикующие» католики, или, как сказал бы православный священник, «воцерковленные» и «невоцерковленные». По данным CIRES, в Мадриде число таких «непрактикующих» католиков превышает число «практикующих» (соответственно 32 и 25%). Что это означает? Минимальное

[1] По данным на 2002 г. «Центра социологических исследований» (Centro de Investigaciones Sociológicos — CIS), 82% испанцев считают себя католиками, а согласно «Центру исследований социальной реальности» (Centro de Investigaciones sobre la Realidad Social — CIRES) — 90,3%. Чуть большую цифру — 93,6%, дают церковные социологи из «Oficina de Estadística y Sociología de la Iglesia». Данные апрельского опроса CIS, которые не были специально посвящены этой теме, а значит, с этой точки зрения могли содержать определенную погрешность, говорят о 76% населения страны, идентифицирующих себя с верующими католиками (сюда входят как испанцы, так и мигранты).

[2] CIS. Barómetro de abril. 2006 // http://www.cis.es.

требование церкви — посещение месс. В католической традиции идеальным считается ежедневное участие в мессе, что в принципе вполне реально, — ведь она длится чуть более получаса и не требует предварительных постов и молений. В этом смысле она достаточно приспособлена для работающего человека. Раньше в маленьких городках и поселках многие ходили на богослужение чуть ли не каждый день.

Сейчас же, по данным CIS, таких ревностных католиков сохранилось не более 3%, да и то все они — сплошь представители старшего поколения. Немного и тех, кто ходит на службу несколько раз в неделю — 2% (всего несколько лет назад их было больше — 5%). Зато раз в неделю, в основном по воскресеньям, в храмах присутствуют 17–20% испанцев, или примерно 8–9 млн верующих. Это хотя и в несколько раз меньше, чем в прежние времена[1], но тоже внушительная цифра.

Основная тенденция последних десятилетий — значительное сокращение числа «практикующих» католиков и увеличение числа «непрактикующих» и «арелигиозных» людей. Об этом свидетельствует таблица 18.1, составленная из данных различных социологических центров.

Таблица 18.1

Динамика религиозной самоидентификации в Испании (1970–2002)

		Считают себя (%)			
Социологические центры	**Дата опроса**	**Практикующими католиками**	**Непрактикующими католиками**	**«Арелигиозными» (неверующие, агностики, атеисты)**	**Последователями других религий**
FOESSA	1970	64	32	3	–
DATA	1976	56	36	7	–
	1979	37	48	14	1
	1983	31	47	20	1
	1989	27	45	26	1
Tabula-V	1992	26	53	19	2
	1993	30	50	17	2
	1994	27	50	21	1
	1995	27	53	19	1
CIS	2002	26	47	12	1

Источник: до 2002 г.: A. E. I. de Miguel. Las mentalidades de los españoles a comienzos del siglo XXI. Madrid, 2004. P. 83; после 2002 г. — CIS: http://www.cis.es.

[1] См.: CIS. Boletín 29. Mayo-agosto 2002. Religión y sociedad // http://www.cis.es.

Из таблицы видно, что в конце франкистской эпохи доля считающих себя «практикующими католиками» была весьма высока (64%), однако после 1975 г. началась секуляризация общественной жизни. Она выразилась, в частности, в резком увеличении с 1976 по 1989 г. «непрактикующих» католиков (с 36 до 45%) и «арелигиозных» (неверующих, агностиков и атеистов). С начала 90-х годов эти процессы стабилизировались. В целом около трети испанцев на протяжении последних трех десятилетий остаются тесно связаны с церковью и стараются выполнять ее предписания.

Но вот что интересно: даже те, кто редко соприкасается с ней, тоже часто считают себя «очень религиозными» людьми. Таких почти пол-Испании — 43%[1]. Однако нельзя сбрасывать со счетов, что 56% населения страны считают себя мало религиозными или совсем далекими от католической религии. Допуская, что какой-то процент их составляют иммигранты, можно предположить, что примерно половина испанцев причисляет себя к религиозным, а половина — к нерелигиозным.

Напрашивается вопрос о том, что в современной Испании вера и воцерковленность — явления разного порядка. С течением времени они все больше расходятся между собой. Уже в 60-е годы, когда, казалось бы, все общество было под церковным контролем, многие, считающие себя очень религиозными, не соблюдали предписания церкви. По опросам 1960 г., около трети молодых людей ответили, что можно быть «хорошим католиком» и не причащаться вообще[2]. Более половины из них никогда не пропускали воскресных месс потому, что:

— такова традиция — 8%;
— это обязанность католиков — 30%;
— так предписано верой — 10%;
— это внутренняя религиозная потребность — 4%;
— никак не смогли объяснить свое регулярное присутствие на мессах — 47%[3].

Как видим, только у 4% опрошенных присутствие на богослужении было связано с экзистенциальными мотивами, потребностями души. По-видимому, лишь эту небольшую долю и можно считать в полном смысле верующими. Однако грань, отделяющая экзистенциальную

[1] См.: CIS. Boletín 29. Mayo-agosto 2002. Religión y sociedad // http://www.cis.es.
[2] См.: González-Anleo J. *Catolicismo nacional: nostalgia y crisis.* Madrid, 1975. P. 161.
[3] Ibidem.

мотивацию от всех иных, связанных с культурной традицией или обрядоверием, достаточно подвижна и условна. Никто не в состоянии определить, насколько мессы, крещения, первые причастия, свадьбы или похороны являются религиозным актом, а с какого момента они становятся лишь внешней данью традиции.

Сейчас разрыв между религиозностью и соблюдением церковных предписаний еще больше. Важно учитывать, что на степень религиозности очень влияют два фактора — пол и возраст. Женщины намного религиознее мужчин: в среднем считают себя весьма религиозными 31% мужчин и 53% женщин. Что касается возраста, то чем старше человек, тем выше его религиозность. Так, старики в три раза религиознее молодых. При этом 45 лет представляют собой тот рубеж, когда люди чаще всего склоняются к вере, и затем, как правило, уже редко меняют свои убеждения *(см. табл. 18.2)*.

Таблица 18.2

Считают себя весьма религиозными в возрасте: (% опрошенных)

18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–54 года	55–64 года	65 лет и старше
24	26	31	44	59	70

Источник: CIS. Actitudes y creencias religiosas. Estudio No 2. 443. 2002.

Во что же именно верят те, кто считает себя верующими католиками? Казалось бы, такой вопрос неправомерен, поскольку трудно предположить, чтобы испанская церковь, имевшая в течение веков огромные возможности для религиозного воспитания и просвещения, оказалась в этом отношении банкротом. Но вот что говорят цифры.

Католицизм, как и другие христианские вероисповедания — православие и протестантизм, немыслим без веры в Троицу (Бога Отца, Бога Сына, то есть Иисуса Христа, и Бога Духа Святого). Но в Бога твердо верят только 42%, а ведь это лишь половина тех, кто причисляет себя к католикам[1]. Ситуацию смягчает лишь то, что довольно большая часть — примерно треть опрошенных — весьма близка к твердой вере.

[1] См.: CIS. Actitudes y creencias religiosas. Estudio No 2. 443. Enero 2002.

При этом 40% убеждены, что Богу далеко не безразлична судьба каждого человека, а для каждого четвертого испанца жизнь имеет смысл лишь постольку, поскольку есть Всевышний.

В целом, по оценке бывшего примаса испанской церкви кардинала Э. Таранкона, несмотря на усилия церкви последних десятилетий, до сих пор в религиозном сознании испанцев преобладает унаследованное со времен Средневековья восприятие Бога, близкое ветхозаветному. Он предстает как грозный и временами беспощадный Судия, а не как любящий евангельский Отец Небесный, которого Иисус называл «Авва», то есть так, как ласково называют своих отцов совсем маленькие дети. (К сожалению, в русском и латинском переводах Библии эта особенность была утеряна.)

Многие испанцы, по словам Э. Таранкона, «видят в Боге некого морального диктатора, который только тем и занимается, что осуждает и жестоко карает за каждый мельчайший проступок. Мораль для нас в этом смысле оказывается важнее, чем религиозное чувство». И как следствие — «вера в Иисуса еще не означает ощущения близости к Нему»[1]. А это, по мнению, кардинала, во многом связано уже с незнанием Библии.

Что касается веры в Третье Лицо Св. Троицы — Святой Дух, то она несколько слабее, чем вера в Бога Творца. О ней свидетельствовали только 38% опрошенных. Таким образом, можно заключить, что вера в Бога в христианском смысле присуща чуть более трети населения страны. Чуть более значительна доля тех, кто верит в рай — 42%, они составляют лишь половину всех тех, кто причисляет себя к католикам.

Другие положения католической веры находят значительно меньшую поддержку среди испанцев. Так, во все «плохое» — ад, чертей и чистилище — верит лишь около четверти испанцев. Половина опрошенных считает все это выдумками и сказками. Но во все «хорошее» — в ангелов и чудеса верит большее число — около трети опрошенных.

Принципиален вопрос о вере в жизнь вечную, без которой немыслимо христианство. Но ее разделяют с той или иной степенью уверенности те же 40%. При этом только 17% твердо убеждены, что есть жизнь после смерти[2]. Однако почти четверть (22%) сильно сомневается в потусторонней жизни, а более трети совсем не верят в нее. Примечательно при этом, что многие (18%) стали верить в реинкарнацию — учение, пришедшее из индийских религий и ставшее неотъ-

---

[1] См.: Martín Descalzo J.L. *Tarancon, el cardinal del cambio.* Barcelona, 1982. P. 118.

[2] Тот же процент дают мадридские опросы CIRES.

емлемой частью так называемой «эзотерики», которую церковь резко осуждает как ересь.

Подытоживая, можно заключить, что ясно просматривается тенденция к разведению понятий «быть верующим», с одной стороны, и исполнять церковные предписания, «быть церковным человеком», — с другой. Также, видимо, можно говорить и о тенденции к размыванию содержательной стороны веры, которая все больше становится личным делом каждого человека и перестает во многом соответствовать католическим догматам.

Но можно ли в таком случае говорить именно о католической вере? И остается ли Испания католической страной? Социологические данные лишь подтверждают ответ на этот вопрос Э. Таранкона: «Относительно. Я думаю, что в глубине своей наша культура сохранила свои католические корни, и большинство испанцев имеют веру, хотя многие и не практикуют ее. Убежден, что и сейчас у нас меньший религиозный плюрализм, чем во многих других странах Европы, хотя и больший, чем это зачастую представляется католикам. Испанцы вспоминают о том, что они католики преимущественно в трудные минуты своей жизни. Так или иначе, но я верю, что религиозные корни еще вполне жизнеспособны и могут дать прекрасные всходы и даже плоды при должном возделывании почвы». В целом же можно сказать, что «испанец имеет веры достаточно, чтобы умереть христианином, но не достаточно, чтобы жить по-христиански»[1].

Действительно, подавляющее большинство — 65%, принимая жизненно важные решения, вообще не берут в расчет религиозные установки. Такая ориентация более на собственный здравый смысл, чем на религию, отчасти объясняется тем, что примерно половина испанцев считает: религия не может помочь в решении сегодняшних проблем. Так что тогда значит быть верующим в современном мире?

Соотношение и взаимосвязь веры и практической жизни составляют особую проблему в христианстве. «Вера без дел мертва» (Иак. 2, 20) — эта формула апостола Иакова призывает к ответственности в словах и поступках. Также и апостол Павел напоминал, что Бог «воздаст каждому по делам его» (Рим. 2,6), хотя, по его словам, человек оправдывается не делами, а верой. Эта сложная диалектика веры и дел не раз порождала острую полемику, отличаясь в трех христианских вероисповеданиях — православии, католицизме и протестантизме — своей спецификой. Неодинаково их отношение и к земной действительности. В целом католицизму свойственно активно проповедовать

[1] Martín Descalzo J.L. Op. cit. P. 116.

христианские ценности по всему миру и не менее активно «вмешиваться» в дела мира, стараясь направить его в христианское русло.

Современный испанский католицизм уделяет проблемам социального служения огромное внимание. И это неудивительно, поскольку католическая церковь выработала целостную социальную доктрину и, можно сказать, вложила в нее всю душу. Существует множество как собственно церковных, так и светских организаций мирян, которые проводят ее в жизнь. Они руководствуются главным в евангельском учении — чувством милосердия и любви к ближнему вне зависимости от его происхождения, социального положения или религиозных убеждений.

Так, в 2000 г. расходы испанской церкви на дела милосердия превысили 3 млн евро, которые были направлены в первую очередь на помощь больным СПИДом и наркозависимостью, а также на дома престарелых и инвалидов. Согласно данным «Статистики Католической испанской церкви в Испании» за 1998 г. (это последние данные, доступные исследователям), одна из основных благотворительных церковных организаций «Каритас» (Caritas), в которой участвуют более 313 тыс. чел., направила в 1996 г. более 1,7 млн евро на персональный уход за немощными и инвалидами, уход за стариками, помощь безработным, международные программы благотворительности.

Кроме этой организации в стране действуют также многочисленные активисты международной программы Manos Unidas, католических благотворительных организаций CONFER, Justicia y Paz, REDES, более 3000 центров социальной помощи, в которой задействованы более миллиона человек. Кроме того около тысячи священников работают в качестве капелланов в больницах, где уходом за больными занимаются 5 тыс. монахов и монахинь из различных «деятельных» орденов. Около 3 тыс. мирян, монахов и священников работают в тюрьмах, оказывая моральную и материальную поддержку заключенным.

Но здесь возникает определенная сложность, связанная с диалектикой веры и дел. Испанский католицизм всегда отличался особым вниманием к этике, что в былые времена приводило к излишнему морализаторству. Кроме того, с конца франкистской эпохи и до сих пор испанское общество зачастую воспринимало приходского священника не как проповедника христианской веры, а как социального работника.

Это было связано с тем, что в 60-е — начале 70-х годов протест рядового духовенства против режима был связан с защитой прав трудящихся и выступлением против «вертикальных» профсоюзов, а также с движением в помощь беднейшим слоям общества. В даль-

нейшем социальная активность церкви еще более усилилась, что было сопряжено уже с задачами демократизации страны и защитой прав человека. Можно согласиться с известным испанским теологом Х.Л. Арангуреном, который отмечал, что «современный католицизм буквально воспроизводит испанскую поговорку "долг важнее набожности" (la obligacion es antes que la devocion), и видит свою главную задачу в служении ближнему, совершенствовании несправедливых социально-экономических структур, в любви и братстве между всеми народами»[1].

Вся эта бурная социальная деятельность церкви и католических организаций положительно воспринимается и обществом, и властью. Иными словами, христианские дела не встречают сопротивления. Однако исповедание веры может быть сопряжено с некоторыми трудностями. Как отмечают многие испанские иерархи, в современном обществе трудно открыто свидетельствовать о Христе, — тебя тут же упрекнут в фундаментализме[2].

В испанском обществе, как, впрочем, и многих других, утвердилось представление о «моральном релятивизме» и толерантности ко всем учениям и идеям как норме демократического устройства, согласно которому каждый имеет право на свою истину и на свои моральные убеждения (если они не пришли в противоречие с уголовным кодексом). Этой проблеме был посвящен ряд документов Конференции испанских епископов, в частности, Moral y sociedad democratica (февраль 1996 г.) и Teología y secularización en España (март 2006 г.).

Католическая церковь выработала определенное отношение к демократии, четко изложенное в документах Ватикана и папских энцикликах[3]. Испанская церковь, со своей стороны, последовательно придерживалась этих принципов, высоко оценивая демократическое устройство испанского общества последних десятилетий. «Молодая испанская демократия не без оснований гордится собой. Это чувство до сего дня преобладает в обществе. Со своей стороны, церковь признает и одобряет демократическое устройство общества в соответствии с принципом разделения властей в правовом государстве» [4], — говорилось в документе Конференции испанских епископов 1996 г.

---

[1] Aranguren J.L. *Crisis del catolicismo.* Madrid, 1980. P. 142.

[2] См., например, об этом статью в газете ABC. 28.05.2005.

[3] Пастырская Конституция ... С. 405. О демократии см. также: Иоанн XXIII. Энциклика «Мир на земле» (Pacem in terris), 1963 и Иоанн Павел VI. Энциклика «Сотый год» (Centesimus annus), 1991.

[4] См.: «Democracia, pluralismo y moral». Parte 3, punto 34 // «Moral y sociedad democrática». LXV Asamblea plenaria de la Conferencia Episcopal. Madrid, 14 de febrero de 1996.

Действительно, согласно социологическим опросам, и в наши дни почти все испанцы, за редчайшим исключением, преисполнены гордости за то, что им удалось без потрясений перейти к демократическому устройству общества[1]. Эта гордость понятна и оправданна. Однако в общественном сознании понятие «демократии» часто начинает отождествляться с понятиями «справедливости» и «добра».

Сказать, что то или иное явление «недемократично», равнозначно тому, чтобы признать его «несправедливым» и «аморальным». Испанская церковь видит опасность в том, что демократия из средства превратилась в главную цель и критерий определения добра и зла. Тем более что далеко не всегда истина определяется большинством голосов или политическим консенсусом с теми или иными меньшинствами, в том числе гомосексуальными.

В связи с этим перед испанской церковью и верующими стоит задача сохранить христианскую систему координат, в которой различение добра и зла связывается с Божественными заповедями, а не с тем или иным политическим устройством. Испанская церковь считает, что подлинная демократия возможна лишь на основе христианской концепции человеческой личности, а не признающая ценностей и отвергающая существование конечной истины, может превратиться в открытый или скрытый тоталитаризм. В релятивистском подходе к морали она видит одну из причин кризиса современного испанского общества, потерявшего нравственные ориентиры.

Речь идет, таким образом, о христианской этике и ее реализации в современном обществе. Но здесь возникают две сложности. Первая заключается в том, что для огромной части верующих их вера и практическая жизнь никак не согласуются между собой. Вера остается «частным делом», а вся повседневная жизнь вписывается в законы современного секуляризованного общества. На это, как на большую опасность, обращается особое внимание в документе «Теология и секуляризация в Испании» (2006).

Вторая сложность связана с толерантностью. Современная испанская церковь открыта к диалогу с верующими и атеистами, представителями других культур и религий. Она признает, что в каждой религии, включая нехристианские культы, есть луч истины и святости[2]. Но это для нее не значит, что, как считают многие испанцы, все

---

[1] По данным опроса CIS 2000 г., специально посвященного этой тематике, выяснилось, что такое чувство гордости испытывают 86% испанцев // CIS. «25 anos después». Studio No 2401. Diciembre 2000.

[2] Этой проблеме была посвящена Декларация II Ватиканского собора Nostra aetate.

религии равноценны и одинаково истинны, и лишь дело вкуса, какой из них следовать. Для испанского епископата и многих верующих остается открытым вопрос, как следует действовать, если государственная власть будет и дальше «попирать» христианские нормы, разрешая гомосексуальные браки и гей-парады, аборты и разводы.

Однако в этих, как и многих других вопросах, современное испанское общество, в отличие от церкви, проявляет большую степень терпимости. Так, аборты, которые церковь расценивает как убийство, считают допустимыми почти половина испанцев. На добрачные связи, традиционно осуждаемые церковью как блуд, 2/3 испанцев смотрят сквозь пальцы, и лишь 19% видят в них грех. При этом молодежь значительно более толерантно относится ко всем нарушениям религиозных запретов, не видя ничего особенно предосудительного ни в абортах (64%), ни в добрачных связях (62%), ни в изменах (45%), ни в разводах (83%). Это и понятно, поскольку 40% молодых вообще не ходят в церковь. И конечно же, разговоры католических иерархов о дозволенных и недозволенных методах контрацепции ее не касаются.

Все это беспокоит испанскую церковь, которая ищет контакта со своей паствой, но наталкивается на препятствия. Их создают и современный мир с его культом гедонизма и эгоизма, и собственная инертность церкви во многих вопросах. Тем не менее, как нам кажется, испанский католицизм вовсе не ушел в прошлое, он сохраняет свою жизнеспособность, являясь в определенном смысле главным ориентиром духовной жизни страны.

Какой вывод можно сделать на основании всего вышесказанного? Прежде всего, тот, что во второй половине XX в. произошло радикальное преобразование католической церкви, с одной стороны, и испанского государства — с другой. Особенно важным в этом отношении был период с начала 60-х до конца 70-х годов. Его можно назвать «осевым временем», определившим дальнейшее развитие испанского католицизма. Произошла, видимо, редко встречающаяся в истории синхронизация однонаправленных процессов сразу в трех «субъектах»: вселенской католической церкви; ее испанской «части» и в испанском государстве. Все эти процессы — каждый по-своему — были направлены на демократизацию, гуманизацию и уважение к достоинству личности, обеспечение ее прав и свобод.

Испанская католическая церковь отошла от «национал-католицизма» с его непомерным возвеличиванием испанской духовности, нетерпимостью к инакомыслию и тесным альянсом с франкистским режимом. Опираясь на новую концепцию взаимоотношений с госу-

дарством она «влилась» во вселенскую католическую церковь, не теряя вместе с тем своей национальной специфики.

Что касается государства, то после начала демократизации в 1975 г. его взаимоотношения с церковью стали основываться на принципах независимости и «здравого сотрудничества» (sana colaboracion). Вместо традиционного признания католицизма официальной религией, исключающей все иные религиозные культы, оно приобрело «аконфессиональный» характер, что предполагает свободу совести, диалог с иными конфессиями, религиозную толерантность. Все это, конечно, не исключает трений и разногласий между церковью и государством по ряду вопросов, касающихся преимущественно образования, проблем семьи и общественной морали.

В более широком смысле можно говорить о новой тенденции последних десятилетий: переходе от «количественной» модели духовно-религиозной жизни к «качественной». Теперь для католической церкви — как во вселенском, так и национальном масштабе, — важнее не сколько прихожан участвуют в церковной жизни, а насколько активно, сознательно и глубоко они веруют. Другими словами, ее прежняя ориентация на внешнее массовое благочестие, которое достигалось зачастую с помощью принуждения со стороны государственной власти, сменилась новой, основанной на свободе совести.

Конечно, для церкви здесь есть определенный риск потерять часть своей паствы. И она признает, что «все большее количество людей фактически отходят от религии». Вместе с тем, «более критический дух очищает ее (религию. — *Авт.*) от магического понимания мира и от суеверных пережитков, и все больше требует личного и действенного восприятия веры, благодаря чему многие приходят к более живому ощущению Бога»[1]. Современный католицизм исходит из того, что лишь экзистенциальные переживания могут принести духовные плоды: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость» (Гал. 5, 22–23).

Это и значит одухотворение личности или, как говорил М. де Унамуно, «строительство души», которое осуществляет внутри себя каждый человек. Поэтому вопрос о том, сохраняет ли «коллективная душа» Испании свой католический характер, остается открытым: «В христианской религии, — по словам этого великого испанца, — невозможно говорить об интересах глобальных, всеобщих, не придавая им личного, я бы даже сказал, индивидуального, значения»[2].

---

[1] Пастырская Конституция ... С. 334.

[2] Унамуно М. де. Агония христианства // О трагическом чувстве жизни. М., 1996. С. 307.

Часть V. ПАРТИИ И ПОЛИТИКА В ГОСУДАРСТВЕ АВТОНОМИЙ

Отсутствие сильных традиций либерал-демократизма, сравнительно малый опыт существования партий в условиях демократии сделали испанскую партийную систему уязвимой. За годы правления ИСРП ее численность выросла примерно со 150 тыс. человек до более чем 300 тыс. Утрата ею власти и двукратное поражение на выборах привело к потере более 100 тыс. ее членов. К 36-му конгрессу (2004) в рядах ИСРП насчитывалось до 400 тыс. членов, включая около 100 тыс. «симпатизирующих», то есть записавшихся в партию, но не прошедших испытательного срока. Численность НП за 80–90 годы выросла с 170 до 300 тыс. членов. КПИ утверждала в конце 70-х о 300 тыс., в 1983 — о 85 тыс., а в 2004 г. — о 44 тыс. своих членов. В последнее десятилетие XX в. в партийных рядах состояли 1,7–2% граждан страны, однако сама партийная система оказалась достаточно стабильной[1]. К середине 70-х годов в Испании насчитывалось более 300 больших и малых политических группировок, различавшихся по своей ориентации[2]. Такая раздробленность — факт исторический, связанный с втягиванием в политический процесс социальных слоев с разными интересами и уровнем политического сознания.

Неожиданно для широкой общественности Испании церковь воздержалась от создания идеологического католического блока, противостоящего другим политическим институтам, сочтя, что для нее и для общества в целом полезнее не создавать демохристианскую партию, а рассредоточить политически активных католиков по разным политическим движениям. В Испании, где клерикализм или антикле-

---

[1] Pérez-Diaz V. *España puesta a prueba*. 1976–1996. Madrid. 1996. P. 37; а также: Материалы I Конгресса по истории КПИ // Nuestra Bandera. 2004. Vol. II. No 200. Материалы 36 конгресса. ИСРТ /http.www. espana// politica/ psoe. documentos.

[2] Обновление и стабильность в современном обществе. М.: ИСПРАН, 2000. С. 73.

рикализм партии были в прошлом едва ли не самой значительной ее характеристикой, теперь принадлежность к той или иной конфессии стало личным делом. Религия перестала поляризовать общество политически и идеологически.

Испанская партийная система стабилизировалась как плюралистическая, и со временем продвинулась к несовершенной двухпартийной с различного рода «довесками» в виде небольших партий. ИСРП и НП к началу 90-х годов прошлого века стали доминировать на всей территории страны, сменяя друг друга у власти Компартия Испании (КПИ) и созданный ею блок Единые левые (ЕЛ) присутствует на общенациональной арене (от 10 до 4% мест в Конгрессе депутатов) и обладает некоторым политическим влиянием в отдельных автономиях и крупных городах, но при этом не имеет своих представителей в выборных институтах многих территорий. Определенную долю влияния (примерно10–11% мест в парламенте) имеют 7–8 национальных и региональных партий, особенно в ситуации, когда правящая в данный момент партия не имеет там абсолютного большинства.

Исследование политики и идеологии национальных и региональных партий Испании — а их свыше трех десятков, позволяет сделать вывод о том, что появление и развитие территориальных партий создало особое, очень изменчивое политическое пространство в каждой из автономий и стало проявлением дальнейшего развития демократии в Испании. Эти партии осуществляют «обратную связь» с избирателями и способствуют политической и общественной активности граждан, в первую очередь женщин и молодежи в работе институтов власти[1]. Испанский опыт функционирования территориальных партий ценен и для других европейских стран, в которых за последние два десятилетия укрепили свои позиции национальные и региональные партии и движения.

Испанские политологи различной политической ориентации утверждают, что в современных условиях партии теряют традиционную устойчивую и сплоченную массовую базу из-за того, что технологический прогресс и переход к постиндустриальному обществу «размывают» системы «крупных социальных сред». Каждая из них была объединена четко сформулированными масштабными интересами, а сегодня это единство во многом держится лишь на силе привычки, на инерционной верности определенным идеям и лозунгам. В испанской ситуации кризис современных партий проявляется в изменении

[1] См.: El País. 01.03.2006.

и сокращении их основных функций, в превращении их в машину для голосования. Сокращаются также функции партийных органов, программных документов и партийных съездов, партии перестают быть посредником между государством и гражданским обществом, они «все в большей степени превращаются в инструменты строительства государства»[1].

Прежде всего, от этих перемен пострадали массовые левые партии — КПИ и ИСРП как наиболее идеологизированные. Изменение социальной структуры и потеря прежних критериев, которые определяли параметры политики и тактики, заставили их искать более широкую опору, с тем чтобы социальная база в большей степени отражала общую структуру населения. Пытаясь создать «модель будущего» Испании, левые партии пытались отразить в своих программах перспективы развития не отдельных, даже самых широких слоев, но общества в целом. Поэтому КПИ и ИСРП испытывали потребность принятия на себя представительства интересов наиболее высокопрофессиональных социальных групп. Все эти процессы в ИСРП проходили в общем без больших потерь в силу ее традиционной плюралистичности. В КПИ они сопровождались крупными конфликтами и расколами, и период стабилизации демократии и модернизации страны за последние 25 лет для нее оказался по-настоящему трагическим. Попытка обновить партию в новых условиях и сохранить ее как единый целостный организм потерпела крах.

Социальные и политические перемены, происходящие в стране и в мире, могут привести в ближайшем будущем к созданию новых для Испании политических конфигураций. Однако возможные перемены, как считают испанцы, не несут с собой никакой угрозы: 75% испанцев удовлетворены существующими основными общенациональными партиями. Даже в автономиях (Каталония, Баскония, Кантабрия) партийной системой удовлетворены 51% граждан. По мнению социологов, интересен заметный контраст между удовлетворенностью граждан общей политической и социально-экономической ситуацией в стране и неудовлетворенностью поведением политических элит. Важно отметить, что Конституция Испании предоставляет все условия для совершенствования партийной системы.

[1] Garcia-Trevijano A. Pasiones de servidumbre. Madrid, 2001. P. 81–82.

Глава 19. Новый облик Испанской социалистической рабочей партии

За годы, истекшие с начала демократизации государства и общества, ИСРП приобрела опыт как пребывания в оппозиции, так и правительственной деятельности. Практический опыт способствовал тому, что ее идеология, стратегия и тактика претерпели значительные изменения. Этот процесс оказался сложным, многоступенчатым и противоречивым. Он нес в себе и отказ от старых догм, и возвращение к утраченным традициям, и прорыв к новым парадигмам.

Но как для руководства партии, так и для рядовых членов изменения, происходившие в ней, делали очевидным коренное различие между идеологическим и политическим подходом к социальной реальности. Идеология партии строится, исходя из оптимальных целей и критериев, политика — из их соотношения с реальными возможностями. По ходу развития партии, нарастало понимание не только этих различий, но и перерастания их в противоречия между политикой и призванной обслуживать ее идеологией.

Политический прагматизм и идеологический плюрализм, свойственные социал-демократии, позволили ИСРП решать эту проблему за счет относительной автономности реальной политики от идеологических установок своих программных документов и за счет деидеологизации самой партийной жизни. Но время от времени у руководства партии, распростившегося с иллюзиями и старыми догмами, возникала необходимость возвращаться к «проектам будущего», тем более что этого требовали низовые организации партии, занятые «малыми делами». Да и расставание с идеологическим прошлым шло у одних — преимущественно у молодых, безболезненно и быстро, у других — как правило, представителей старшего поколения, с большими моральными издержками.

Основные повороты и сдвиги в идеологическом и политическом развитии ИСРП в конце XX и начале XXI в. связаны с ее приходом к власти — в октябре 1982 г. и в марте 2004 г. В 1982 г. ее победа была обеспечена рядом факторов исторического и ситуационного характера, повлиявших на процесс внутренней перестройки партии, на тенденции ее развития, что и сыграло большую роль в успешном укреплении позиций социалистической партии в общественной жизни страны в условиях демократического режима. И потому ее приход к власти воскресил надежды многих политиков, разделявших идеалы европей-

ского социал-демократизма, на способность этого движения противостоять неоконсерватизму и даже составить ему альтернативу[1].

Приход к власти в 2004 г. произошел совсем в других исторических и политических условиях. К началу нового века в заявлениях партийных функционеров и в документах партии, так же как и в социал-демократических партиях других стран Запада, зазвучали утверждения о том, что в современную эпоху не существует «исторического субъекта», то есть социальной силы, способной выдвинуть и поддержать реальный левый социально-экономической проект-альтернативу неолиберализму как глобальной идеологии. Вопрос в том, способна ли партия разработать такой проект, и кому он нужен. Убедительного ответа до сих пор нет, хотя и появились многочисленные концепции и проекты будущего, интересные для обсуждений, но не устраивающие реальных политиков, поскольку они «уходят за утопический горизонт» и не имеют реальных оснований для своего осуществления.

В связи с этим глубокий идейный кризис охватил не только партию испанских социалистов, но и все социал-демократическое движение. Падает его влияние, исчезают возможности в случае прихода к власти использовать традиционные для социал-демократии методы управления, отодвигаются решения многих проблем. Тем не менее за плечами ИСРП был новый опыт побед и поражений. Во многом благодаря ее усилиям, были демократизированы и модернизированы как испанское государство, так и испанское общество. После поражения на выборах 1996 г. пришедшее к руководству партии новое поколение связывает свое будущее с решением проблем XXI в., критически оценивая политику последнего правительства Ф. Гонсалеса. Старшее поколение социалистов, по мнению молодых, исчерпало себя на прошлом историческом этапе.

Надо признать, что это обвинение имеет под собой основание. Политика социалистических правительств со временем ушла от решения стратегических задач, а сами правительства становились исполнителями текущих дел. Правительства постепенно переставали искать поддержку партии в разработке и анализе идеологических и теоретических проблем. Оказались невостребованными и ведущие идеологи: известные ученые — политологи, социологи и экономисты. В результате оказались в полной мере неосмысленными события и изменения 80–90-х годов XX в.: крах реального социализма, отсутствие противостояния двух блоков, ускорение процессов глобализации и др.

Продолжающийся процесс деидеологизации партии неизбежно вел к расставанию с ригористическими предрассудками и утопическими ил-

[1] См.: Данилевич И.В. Испытание властью. М., 1991.

люзиями. Проблема, однако, состояла в том, что устаревшие догмы не заменялись современным идеологическим арсеналом, и такое положение в недрах самой партии вызывало нарастающее беспокойство отсутствием стратегии и приземленным прагматизмом правящей верхушки. Сама успешность социально-экономической политики правительства и одновременно ее ограниченность порождали естественный вопрос о том, продолжает ли ведущая эту политику партия оставаться социалистической? И более того: необходимо ли вообще, возможно ли в данной исторической ситуации существование социалистической партии?

Попытки преодолеть, говоря словами социолога-социалиста Х.Ф. Тесаноса, «полуопустошенность левой идеологии» предпринимались идеологами ИСРП с середины 80-х годов[1]. На многочисленных партийных форумах рядовые члены партии высказывали свое неудовлетворение сугубым прагматизмом правительства. На заседании Федерального комитета ИСРП 22 июня 1987 г. Ф. Гонсалес, признав, «что одного прагматизма недостаточно», призвал начать дебаты с целью «возобновления левого проекта»[2]. Развертыванию этих дебатов способствовали, определенным образом влияя на их идейно-политическое содержание, дискуссии о смысле и судьбах современного социализма, проходившие в других партиях Социнтерна, в связи с крахом «реального социализма» и в условиях глобализационных изменений.

До середины 90-х годов в рамках ИСРП сосуществовало несколько идейно-политических течений, отличавшихся друг от друга не определениями «левые», «правые» и «центр», а во многом функционально-целевыми признаками. Тем не менее большинство идеологов испанского социализма, кроме крайне левых, признавали настоятельную необходимость «совершить оптический поворот в манере осмысления социализма» как особой социально-экономической системы, отказаться от отождествления судеб социализма с судьбами рабочего класса и от представлений о нем как об основном субъекте прогресса. Даже «революционные реформисты», как часто называли себя представители левого крыла в ИСРП, за исключением отдельных упрямцев из старшего поколения, пришли к пониманию невозможности адекватного воплощения в жизнь архаической модели социализма.

Таким образом, партия в целом сохраняла верность самой идее социализма, но различные группы шли разными путями в поисках «еще неизвестной новой модели» социализма, «отличной от моделей социал-демократической и технократической, равно как и от советско-

---

[1] См.: Sistema. 1980. No 35. P. 4.
[2] El País. 23.06.1987.

го псевдосоциализма»[1]. Можно сказать, что вся совокупность политического опыта и особенно осмысление последствий глобализации привели к размыванию самого понятия «социализм». В дискуссиях, в многочисленных статьях и книгах обсуждались самые различные определения и подходы: социализм, будучи механизмом XIX в., уцелевшим благодаря иллюзиям и предрассудкам в XX в., исчез к началу XXI; социализм остался путеводной звездой, и достижение социалистических целей перенесено на будущее; социализм отождествлялся «малыми делами» и его содержание сократилось до «социалистических ориентаций и ценностей».

В некоторых документах о сотрудничестве левых в интегрированной Европе испанские социалисты, преданные идее, возвращаются к тезису о невозможности продвижения к социализму в отдельно взятой стране без участия в общей для Европы экономической, социальной и политической жизни. В документе «Социалистический проект для Европы» ИСРП предполагает несколько другой вариант параллельного продвижения к социализму, в котором партия как бы уходит от утопических моделей социализма, отождествляя его с обществом благосостояния. Осуществление такого социализма возможно при взаимодействии государств объединенной Европы, где у власти стоят социал-демократические и социалистические правительства.

Этот проект особенно интенсивно обсуждался в последние годы XX в., когда социал-демократия была у власти в основных странах Европы. Для испанских социалистов важной стороной «глобальной модели социализма» оказалась ее гуманистичность. По мнению И. Сотело, такая модель должна учитывать и совокупность возникших глобальных угроз, то есть включать в себя задачу не только «ликвидации эксплуатации человека», но и «эксплуатации природы», обеспечения безопасности, защиты прав человека и т. д.[2] Таким образом, социалистическая теория и практика выносятся на европейский и даже глобальный уровень и как бы встраиваются в самый фундамент человеческого существования, становятся принципиальным условием самосохранения человечества.

Можно отметить, что декларация Комиссии Социнтерна по глобальному прогрессу, возглавляемой Ф. Гонсалесом, заканчивается словами: «XXI век будет веком социализма!» (декабрь 1999 г.). Однако контекст доклада показывает, что для Гонсалеса «социализм» это не цель, а движение к прогрессу и даже просто партийно-политическое течение.

---

[1] Sistema. 1986. No 75. P. 111.

[2] См.: Sotelo I. *Los socialistas en el Poder.* Madrid, 1986. P. 20.

Чем дальше, тем чаще испанскими социалистами вместо понятия «социализм» употреблялось понятие «социалистическая ориентация» как комплекс материальных и духовных ценностей, которые отстаивает современная социал-демократия[1]. Но для небольших групп испанских социалистов, особенно связанных с антиглобалистскими и альтерглобалистскими не формализованными организациями, до сих пор не снят вопрос о социалистической альтернативе капитализму.

По мере того, как Испания втягивалась в так называемый глобальный контекст, адаптируясь к интеграционным процессам, правительство социалистов все в большей степени ощущало на себе давление «мировых императивов», а в партии тема социализма отходила на второй план. В официальных документах капитализм уже не противопоставлялся социализму, вопрос о необходимости альтернативного, «левого проекта» как для страны, так и мира в целом перестал существовать. Среди социалистов, покидавших ИСРП и искавших пристанище в других левых организациях, ходила грустная присказка по поводу результатов дискуссии о «социализме»: «Его очень хорошо прожевали, но не проглотили, а выплюнули...». Однако понятие «социализм» встречается и в резолюциях 37-го конгресса ИСРП (2004 г.)[2].

В 90-е годы при содействии видных ученых (М. Кастельс, Х.Ф. Тесанос, П. Фуси, Х. Тусель, В. Перес-Диас и др.) были изданы книги, в которых зафиксированы и проанализированы перемены и достижения, определены основные тенденции развития государства и общества. Сформулирована и исходная точка этого процесса: скорость изменений, происходящих в мире, и направленность глобального развития совпали с потребностями развития Испании как государства и всего общества. Эта специфичность ситуации позволила Испании, по мнению социалистов, не только расчистить политическое, социальное, экономическое и культурное пространство для осуществления проектов, во многом приблизивших ее к воплощению на практике западноевропейской модели, но и идти в ногу с другими развитыми странами, следуя глобальным императивам, по пути к постиндустриальной эпохе, и — конкретнее — к информационному обществу.

В то же время в программах и других документах партии, в теоретических работах периода пребывания социалистов у власти постоянно оговаривалась и обусловливалась необходимость при исследовании или принятии важных решений, во-первых, встраивать их в общий глобальный контекст. Во-вторых, соотносить с задачами развития той

---

[1] См.: http://www.internacionalsocialista.es/documentos.

[2] См.: http://www.psoe.es/documentos/html.

или иной общности (национальной, территориальной, государственной) и с целями индивидуальной жизни, в третьих. Эти выводы, были результатом осознания приоритета и всеохватности двух основных сфер развития и существования современной цивилизации — мира и человека.

И ученые-социалисты, и близкие к ним исследователи, сравнивая ход модернизации в странах Латинской Америки и Юго-Восточной Европы с процессами, которые прошли в Испании, сделали вывод о том, что социально-экономические реформы, обоснованные только внутренними потребностями модернизации провалились еще в 80-е годы. И, наоборот, там, где модернизация идет в соответствии с процессом глобализации, она приносит успех. В книге «Испания в конце века», посвященной десятилетию правления в Испании социалистов, смысл и достижения модернизации испанской экономической и институциональной систем в 1982–1992 гг.[1] во многом объясняются их приверженностью новым идеям и принципам управления.

Находясь у власти, ИСРП осуществляла проекты, разработанные с учетом успехов и промахов как консервативных, так и социал-демократических правительств стран Западной Европы. Одни из этих проектов, прежде всего макроэкономического характера, не выходили за рамки неолиберальной модели. Другие — социальные, административные и внешнеполитические по своей направленности и глубине были воплощением реформ социал-демократического типа. Трудности, вызванные этой двойственностью, имели под собой не только объективные, но и субъективные основания и усугублялись иногда действительной, а иногда и кажущейся невозможностью сформулировать реалистическое представление о современном мире.

Тем не менее теоретики партии попытались прояснить некоторые ключевые и методологические проблемы глобальных процессов. Важнейшая из них — объективный или субъективный характер имеют эти процессы. От ответа на этот вопрос зависели принципиальные политические выводы. Признание объективности предпосылок и самих процессов глобализации позволило социалистам строить свою политику в соответствии с общими закономерностями развития современной экономики, социальной структуры общества и реальными потребностями граждан. Однако такой подход приводил иногда и к фатализму или к апологетике последствий влияния глобальных процессов на развитие и испанского государства и испанского общества. Социалисты — особенно из команды, стоявшей у власти, не всегда

[1] См.: Zaldivar C.A., Castells M. *España, fin de siglo.* Madrid, 1992. P. 70.

оказывались готовыми к вызовам глобализации и интеграции, не всегда находили меру противостояния их вызовам.

Практически правящая группировка отказалась от поиска модели альтернативной неолиберальной глобализации, и в конечном итоге партия в целом сняла этот вопрос с повестки дня. Но в самой партии, были и сторонники противоположной точки зрения, свойственной вообще левым радикальным политикам и обществоведам, рассматривавшим глобализацию как результат стратегии и даже происков империализма, транснациональных монополий и имперских амбиций некоторых государств, и на этом основании призывавших к активной борьбе с ней (глобализацией). Левые социалисты настаивали на необходимости создания левой альтернативы современной глобализации и в своих проектах отдавали дань романтическому утопизму[1].

Среди испанских ученых — социалистов или близких к ним, широко распространилась в 90-е годы концепция «двух глобализаций» и взаимозависимости между ними. Признание этого положения позволяло поставить вопрос о субъекте и объекте глобализации: о «глобализирующих», то есть так называемой космополитической элите, и «глобализируемых», то есть слоев и идентичностей, реально существующих, но отброшенных модернизацией на обочину социального развития, которым якобы нечего предложить рынку. При очень быстром развитии и смене научных конструкций, при разнообразии точек зрения в глобалистике как науке многие испанские ученые и политики демократического направления на длительное время, вплоть до конца прошлого века, задержались на несколько иной концепции «двух глобализаций»: глобализации как процессе, отражающем тенденцию к универсализации (или упрощая — унификации), и глобализации как дроблении, фрагментации (социальной, политической и культурной).

Эта точка зрения несла в себе двойной смысл: во-первых, она включала идею о продолжающемся сближении и одновременной все углубляющейся поляризации социальных слоев как в мире, так и в каждой стране. Во-вторых, она помогла увидеть в глобализации те процессы, от которых человечество выигрывает, и те, от которых оно или значительная его часть проигрывает. Однако к концу века, преимущественно среди ученых, отступивших от задачи поиска альтернативы либеральной модели глобализации, утвердился взгляд на глобализацию как на единый процесс интеграции/выравнивания и фрагментации/дифференциации.

---

[1] Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева. М.: ИСПРАН, 2003. С. 134–176).

Так, политолог Лукас М. де Ла Куэва писал в теоретическом журнале ИСРП «Левиафан», что фрагментация «значительно ухудшила условия концентрации усилий в защиту общих интересов» и привела к увеличению экономического, политического, культурного и социального разрыва между различными общностями, внутри них, а через них — и к разрыву между мощными группами, носителями секторальных интересов», но в то же время способствовала созданию «многочисленных гражданских инициатив и развитию низовой демократии»[1]. А М. Кастельс, известный испанский социолог, предупреждал, что новая социальная структура и индентификация людей является «ловушкой для партий», поскольку затрудняет создание единого, общего для всех проекта, и требует от партий больших усилий для выявления частных, особых интересов и требований отдельных общностей, объединенных широкой и подвижной сетью гражданских, независимых и самоуправляющихся ассоциаций, территориального, социального, национального, религиозного, половозрастного и т. д. профиля[2].

Кроме того, испанские социалисты — социологи и политологи, сформулировали некоторые конкретные выводы о проявлениях этих тенденций глобализации в развитии испанского общества. Но, к сожалению, по целому ряду как объективных, так и субъективных причин их усилия не оказали должного влияния на стиль мышления и деятельность правительства в последние годы правления СРП в конце XX в.[3] И это, возможно, стало одной из причин того, что на новом этапе партия не сумела сформулировать приоритетную объединяющую цель такого масштаба, как на предшествующих этапах — демократизация режима, государства и общества, модернизация социально-экономических структур и вступление в новую Европу.

Историк Хавиер Тусель, анализируя итоги четвертьвекового существования в Испании либерально-демократического режима, заметил: «ИСРП является одной из ведущих осей испанской демократии, тянущей за собой почти весь левоцентристский политический спектр...»[4].

---

[1] Sistema. 1994. No 118–119. P. 165–167.

[2] Кастельс М. Информационное общество: экономика, политика, культура, М., 2000. С. 203 (Сокращенный перевод трехтомного труда The Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge, Massachusets, 1997).

[3] Например, центральные власти не смогли пробить стену сопротивления одной из автономий в осуществлении судьбоносного для Испании проекта: строительства технополиса, научного и технологического индустриального центра, способного внести вклад в развитие глобальных технологий, а также включить в это развитие целый регион. (См.: Castells M., Hall P. *Tecnopolis del mundo.* Madrid, 2001).

[4] El Pais. 02.10.2002.

С этой оценкой можно согласиться, что не исключает в то же время необходимости серьезного анализа причин, а также процессов и событий, происходивших в партии связи с глубоким кризисом, охватившим ее во второй половине 90-х годов. К этому были свои предпосылки.

Выборы 1982–1991 гг., выигранные социалистами, проходили при практическом отсутствии политической альтернативы ИСРП. Пренебрежительное отношение руководства ИСРП к Народной партии (НП) как реакционной, обреченной, по их мнению, на жалкое существование, помешало ему осуществить серьезный анализ ее эволюции, что и сказалось на ходе и результатах избирательных кампаний второй половины 90-х годов XX в. На парламентских выборах 1996 г. НП предстала как молодая партия, выдвинувшая новых лидеров и избавившаяся от прежних руководителей, связанных с франкистским режимом. Руководство же ИСРП продолжало жить старыми представлениями о себе и об обществе.

Между тем к 90-м годам положение в стране изменилось: произошли серьезные сдвиги как в социальной и политической структурах общества, так и в настроениях избирателей, выросло новое поколение, ориентированное на новые ценности. Ранее партия искала опору в профсоюзах и других крупных гражданских организациях и заботилась о сохранении общенациональных и солидарных форм их деятельности. Теперь призывы к единству и солидарности стали наталкиваться на непонимание со стороны мелких, раздробленных и отстаивающих свою обособленность, сотен и тысяч ассоциаций гражданских инициатив. Но адекватные формы взаимодействия с новыми социальными движениями не были выработаны.

Чрезмерная прагматичность политики правительства осложнила его отношения с партией, точнее — руководства с рядовыми членами, что привело к деидеологизации самой партийной жизни. Как писал уже упоминавшийся нами теоретик ИСРП, профессор И. Сотело, ИСРП «совершила прыжок от партии, отягощенной идеологическим грузом, к партии, которую характеризует идеологический вакуум»[1]. ИСРП уже не знала и не понимала общество, в создании которого принимала участие. Как показали социологические опросы, многие избиратели — сторонники социалистической партии разочаровались не столько в ее политике, сколько в ней самой, в ее новом имидже. Как писал теоретический журнал ИСРП «Левиафан», партия, выступая как «пособник правительства, занялась ин-

---

[1] Sotelo I. Op. cit. P. 10.

ституционными делами и перестала быть антенной, принимающей информацию снизу»[1].

С приходом ИСРП в 1982 г. к власти в нее ринулись чиновники госаппарата разного уровня и специалисты-эксперты — более 100 тыс. человек, со своими привычками и навыками, совсем не готовые подчиняться принципам «моральной революции», которая, по заверениям социалистов, обещала испанцам 100 лет честного правления. На 32-м конгрессе ИСРП (1991) 67% делегатов имели официальные должности, а на 33-м (1994) — уже 72%. И, как отмечала пресса, на «этих конгрессах социалисты занимались не столько выработкой партийной программы, сколько распределением должностей»[2].

За 14 лет правления ИСРП превратилась из массовой партии в парламентскую. Ее практически-политическое значение было растеряно. В партии начался процесс размывания ее политической идентичности и собственной идеологии. Она переставала быть источником особого видения мира, а функция выработки публичной политики постепенно переходила в руки независимых профессионалов-экспертов. Профессионалы-политики и крупные чиновники перестали нуждаться в партии для определения своей точки зрения, имея доступ к общественному мнению через СМИ.

Резко подорвала доверие граждан к ИСРП давно разъедавшая ее болезнь — коррупция. Размах ее, как оказалось впоследствии, был ужасающим. И главный просчет руководства ИСРП состоял в том, что не оно само начало расследование фактов коррупции, — оно-то как раз стремилось не допустить расследования и вынесения судебных приговоров, а оппозиционные газеты и телеканалы. Недовольство правительством и партией социалистов вызвали и негативные последствия поспешного вступления Испании в ЕС и НАТО. В общественном сознании, пишет Перес-Диас в книге «Испания: испытание на прочность», сложилось представление о том, что «в европейской политике социалисты не проявили гибкости и новаторства»[3]. Пожалуй, можно бросить правительству ИСРП упрек и в том, что оно не в полной мере использовало внутренние материальные и человеческие ресурсы испанского общества и государства.

Победа консервативной Народной партии в 1996 г. оказалась настоящим потрясением для ИСРП. Большая часть ее активистов склонна была расценивать произошедшее как случайность, как результат сию-

---

[1] Leviatan. 1997. No 68. P. 80.

[2] El Mundo. 27.03.1994.

[3] См.: Pérez-Diaz V. *España puesta a prueba*. 1976–1996. Madrid, 1996. P. 115.

минутных заблуждений или каприза части избирателей, как реакцию на частные ошибки правительства. Многие надеялась, что на следующих выборах ИСРП возьмет реванш. Нет, не взяла — вновь проиграла. И, в первую очередь, потому, что руководство партии не проявило интереса к выводам о необходимости выработки нового политического курса близких к ней социологов и политологов, в изменившейся социальной структуре общества. К их трудам уже обновленное и омоложенное руководство партии всерьез обратилось лишь после поражения на всеобщих выборах 2000 г.

Не последнюю роль в углублении внутрипартийного кризиса сыграл неожиданный и необъясненный уход Фелипе Гонсалеса с поста генерального секретаря ИСРП и практически из национальной политики. Для большинства рядовых членов партии это был шок. Они не знали истинных причин этого шага, но понимали, что в руководстве происходит что-то неладное, скрываемое от партийных масс. А другого кандидата, обладающего такими же неоспоримыми достоинствами — харизмой, авторитетом, личным обаянием, и проявившего себя как государственный лидер хотя бы национального, а не мирового масштаба, в партии не было. Отвечая на вопросы журналистов о значении 34-го конгресса партии (1996), Хоакин Альмуния, выбранный на нем новым генсеком, сказал, что «никто не будет вспоминать о политических и методологических проблемах, которые обсуждались... Этот конгресс запомнится тем, что на нем Фелипе Гонсалес перестал быть генеральным секретарем...»[1].

Значительно позже, уже перед выборами в 2000 г. ИСРП совершила, видимо, опрометчивый шаг, заключив избирательный пакт с Едиными левыми, ядром которого оставалась КПИ. И среди социалистов, и среди коммунистов было много противников этого пакта. Он и в самом деле был слишком поспешным и невнятным тактически, хотя и справа, и слева раздавались голоса, предупреждавшие о том, что он грозит обострением политического противостояния тех и других. Так что второе подряд поражение ИСРП с еще худшими результатами, чем на предыдущих выборах, было закономерным.

Последние годы XX в. оказались самыми тяжелыми и проблемными для ИСРП за всю ее современную историю. Неэффективность работы руководства, отрыв от партийных масс, абстрактные и навязшие в зубах формулировки стратегии и отдельных направлений политики, двусмысленное поведение социалистов в парламенте, ругань вместо аргументов в адрес консерваторов — все это показало, что для реше-

[1] Leviatan. 1997. No 69. P. 9.

ния новых задач, вызванных переходом к постиндустриальному этапу развития, люди, пришедшие на политическую арену в другое время, непригодны.

В этой ситуации выявилось опасное противостояние старшего и молодого поколений социалистов. Тридцатилетние, пришедшие в политику в условиях стабильной демократии и уже успевшие оценить преимущества «европейской модели», не склонны были переоценивать исторический вклад старших единомышленников. Для них приоритетными стали новые проблемы текущего времени — например, проблемы «дефицитности», благосостояния, внедрения информационных технологий, развития науки, предпринимательства и т. д. Они не хотели даже, чтобы в новом руководстве партии остался кто-либо из прежних социалистических правительств[1].

Тридцать пятый партийный конгресс, прошедший в июле 2000 г., плыл, как об этом писала газета «Эль Паис», «без руля и без ветрил»[2]. Среди делегатов не было бесспорного авторитетного лидера. Да и сами они не были объединены общей, зовущей к активной деятельности, идеей. Обсуждение кандидатов на пост генерального секретаря Исполкома ИСРП оказалось в центре внимания накануне и на самом конгрессе. И тем не менее руководитель был избран. Им неожиданно оказался 40-летний Хосе Луис Родригес Сапатеро — генеральный секретарь социалистической партии Леона, хотя за ним не стояла никакая крупная группировка.

По выражению историка Сантоса Хулио, своей энергичной речью, оптимистической оценкой перспектив Испании и политического потенциала ИСРП, призывом к переходу из глубокой обороны к активной работе как в парламенте, так и в гражданском обществе, убежденностью в необходимости разработки нового политического проекта, Сапатеро смыл, подобно майскому дождю, настроения неопределенности, надорванности и пессимизма, утвердившиеся среди делегатов. Ему не были чужды интересы и устремления партийной молодежи, и в то же время он, избиравшийся четыре легислатуры депутатом парламента, успел обрести серьезный политический опыт, как на региональном, так и на общенациональном уровнях, продемонстрировал способность к решительным действиям и к осознанным компромиссам. За него проголосовало более 90% делегатов, включая представителей групп, выдвигавших ранее других кандидатов[3].

---

[1] См.: Cambio 16, 2000. No 1478. P. 17.
[2] El País. 22.07.2000.
[3] Ibidem.

Конгресс не был готов к выработке и принятию документа, который мог бы восприниматься как новый политический проект ИСРП. Был принят пакет резолюций, в которых оценивались как заслуги и успехи, так и промахи прежнего руководства, и нынешнее состояние партии, анализировались особенности исторического этапа и переживаемого Испанией момента, ставился вопрос о необходимых переменах в партии и ее политике, давались разумные оценки деятельности правительства НП и места этой партии в общественной жизни Испании и т. д. Принципиально же новых идей резолюции не содержали. Но со временем политика ИСРП стала наполняться новым смыслом, выходящим за пределы, очерченные резолюциями последнего конгресса...

Новый лидер изменил стиль политического поведения членов руководства, и парламентской фракции, попытался привести в нормальное состояние партийные организации ИСРП в регионах и на местах, снять сопротивление многих старых лидеров. Он сумел показать, что децентрализация политической власти и региональный выход правительств и других публичных учреждений на европейскую сцену требуют от партии больше гибкости в разрешении противоречий между центром и регионами. Изменились и отношения ИСРП с национальными и региональными партиями в автономиях, а руководящие органы всех уровней стали в большей степени учитывать характер складывающейся политической ситуации на местах. Социалисты стали меньше заниматься политическими манипуляциями, а начали дифференцированно строить свои отношения с национальными и региональными партиями, поддерживать в них демократические элементы, нейтрализуя или отмежевываясь от правых и леворадикальных националистических группировок. Были сделаны шаги для восстановления важных контактов с профессиональными и предпринимательскими организациями.

К 2003 г. ИСРП преодолела кризис и почувствовала себя способной поставить цель завоевания власти на ближайших выборах. Перевес общественного мнения в ее пользу стал обозначаться после того, как она быстро среагировала на вспышку традиционных антиамериканских настроений у большинства испанцев в связи со стремлением правительства Х.М. Аснара скорректировать внешнеполитический курс Испании в угоду США. Как показали опросы, от 80 до 90% испанцев высказались против участия страны в войне с Ираком, что подтвердили и многомиллионные антивоенные демонстрации. Пацифистские настроения испанцев нашли отражение в выступлениях лидеров ИСРП в прессе, на телевидении и в Интернете, что помогло широким слоям населения отделить войну в Ираке от задач антитеррористической борьбы и отвергнуть тем самым позиции Аснара. Лозунгами массовых

выступлений стали «Война в Ираке — несправедливая война!», «Война в Ираке — это не борьба с международным терроризмом!», «Правительство должно прислушиваться к мнению народа!»[1]

Поэтому заявленное ИСРП в предвыборной программе стремление к консенсусу со своими оппонентами как во внутренней, так и во внешней политике, взорванному, по ее мнению, войной в Ираке, намерение принять первую общую европейскую Конституцию были поддержаны и встречены с пониманием теми, кто был убежден: только уход из власти консерваторов делал достижение консенсуса и в Испании, и в ЕС возможным. Объективности ради, следует сказать, что разрушение атмосферы согласия и норм консенсусной демократии 70–80-х годов началось еще в конце правления социалистов и не без их прямого участия. НП, выиграв выборы, открыто высказывала свою враждебность и к ИСРП, и к предложениям и требованиям национальных и региональных партий, что лишь способствовало росту их влияния.

После 35-го конгресса и обновления своего руководства ИСРП изменила стиль работы в парламенте. Оставаясь в оппозиции, социалисты не раз выражали готовность по многим вопросам оказывать правительству поддержку, демонстрируя готовность к компромиссам и соглашения. Они нередко являлись инициаторами заключения «государственных пактов» — пактов между правительством и партиями, в которых могли принимать участие различные государственные и общественные институты, то есть соглашений, напоминающих знаменитые Пакты Монклоа. Это вовсе не означало, что социалисты пошли на поводу у консерваторов, в чем их обвиняли некоторые радикально настроенные политики. Предложения, вносимые депутатами-социалистами, содержали серьезные поправки к правительственным проектам, но нередко выражали принципиальное несогласие с позицией консерваторов. Призывы к выдержке и терпимости по отношению к консервативному правительству сочетались у нового руководства ИСРП с парламентским давлением на него, в частности, выдвижением и вынесением на суд общественности своих альтернативных проектов.

Попытки договориться с консерваторами по самым важным проблемам, в том числе, национально-территориальным, в ходе предвыборной кампании 2004 г., способствовали укреплению умеренных политических общностей в автономиях. Стремление ИСРП к партнерским отношениям с национально-региональными партиями уже после прихода к власти побудили их начать пересмотр своих прежних требований по болезненной проблеме регионально-административного устройства страны.

---

[1] El País. 01.03.2003.

В июле 2004 г. состоялся 36-й конгресс ИСРП. Он носил деловой характер и прошел без триумфалистского пафоса. Проблемы и задачи правительства оставались только фоном съездовских дискуссий, главным же было определение круга задач самой партии. Исходные позиции были сформулированы в резолюции «Стратегия и политический проект», где общей целью как для властных структур, так и для партии, провозглашалось дальнейшего развитие страны как современной, светской, культурной и терпимой, стремящееся к миру, сохранению единства и плюралистичности. Резолюция фиксирует основные направления политики партии, проведение которой становится ее стратегической линией: защита безопасности; обновление и оживление демократии через развитие форм гражданского участия; обеспечение развития экономики, роста благосостояния граждан; достижение стабильной занятости; активная социальная политика; соблюдение гражданских прав; усиление роли Испании в современном мире[1].

В дискуссиях на съезде, а затем и в принятых решениях конгресса было подтверждено намерение избежать допущенных в прошлом ошибок, в частности, разрыва между руководящей верхушкой партии и основной массой ее членов и сведения всех усилий партии к поддержке политики правительства. За два года, прошедших после конгресса, в этом направлении заметен значительный сдвиг к лучшему. Представители руководства ИСРП, в том числе и члены правительства, в беседах с рядовыми социалистами, на различных форумах, конгрессах социалистических федераций автономий, на семинарах и конференциях тематического характера объясняли суть проводимой ими политики. Обсуждая конкретные механизмы решения тех или иных проблем, они подчеркивали свою приверженность добиваться этого не через «органы исполнительной власти, а с помощью решений представительных институтов законодательной власти», непосредственно связанных с избирателями[2].

По мере укрепления позиций социалистов в автономиях и муниципиях после автономных и местных выборов 2003–2005 гг., активизировалось решение различных конфликтов и задач, связанных с контролем за расходами финансовых средств, ведением природоохранных мер, реформ образования и т. д. Руководство ИСРП поручило своим региональным организациям разработку и обсуждение проектов новых статутов автономий. В этих рабочих комиссиях за одним столом встречались лидеры региональных организаций с представителями центра

[1] См.: http:// www. psoe.es/documentos/ html (22–24 de junio 2004).

[2] Ibidem.

и правительства, а в многочисленных встречах, конференциях и совещаниях руководителей исполнительной власти автономий, генсеков федераций ИСРП, федераций молодых социалистов, представителей территориального Совета ИСРП в обсуждении проблем выработки новых уставов автономий участвовали представители Испанской федерации муниципий и провинций и различные гражданские ассоциации, независимо от их партийной принадлежности.

Активность социалистов в регионах, их стремление к диалогу, настроенность на консенсус помогали сдерживать давление на процесс разработки и формулирования предложений и требований со стороны правых сил и радикально настроенных националистов. В некоторых случаях центральному правительству бросали обвинения в безответственности, в преувеличении своих успехов и т. д. Однако ИСРП в своем «Проекте социалистов» сформулировала задачу реформирования административно-территоральной системы Испании, с тем чтобы «интегрировать исторические общности в единую Испанию, которая признает свою плюралистичность».

Это было важно для социалистов-«испанистов»: нужно было «снять противостояние националистов и ненационалистов», и это способствовало бы тому, что появившиеся в годы правления НП различные планы независимости и сепаратизма регионов теряли всякую привлекательность. Сдвиги, проявившиеся во взглядах и в политике радикальных националистов в последние годы способны выбить почву из-под ног националистических террористов. Есть основания предполагать, что политика правительства и общая решимость большинства граждан страны покончить с терроризмом ЭТА будут способствовать тому, ее боевики и лидеры политического крыла, потеряв народную поддержку, предпочтут мирный политический диалог с властью вооруженной борьбе.

С приходом новых людей в руководство партии по-иному были поставлены и проблемы глобализации. Они потеряли былую абстрактность и обрели, можно сказать, обыденное звучание, благодаря тому, что граждане столкнулись в каждодневной жизни с последствиями быстрого включения страны в глобальные процессы. Абстрактного признания объективного характера глобализации оказалось явно недостаточно. Усилился интерес к конкретным механизмам взаимодействия ее составляющих с регулирующими функциями государства, с системой ограничения рыночных отношений в социальной сфере, с процессом взаимопроникновения культур и т. д. Пришло понимание того, что всепроникающая глобализация и является самой важной чертой компьютерной эры.

В документах партии и в выступлениях ее лидеров, научных изданиях и в СМИ утверждалось, что внутренние проблемы Испании связаны с общемировыми, что утеряна прямая связь между экономикой и политикой, что в политической жизни большую роль стали играть нематериальные факторы, из-за чего кризисы стали возможны и при динамично развивающейся экономике. Была отмечена парадоксальная ситуация: в условиях консолидации демократии граждане Испании стали меньше доверять официальным институтам, публичным властям, меньше «чувствовать их благотворное влияние» на свою жизнь[1].

Усложнились, считают специалисты, положение и роль самого государства, которое ранее было инструментом выражения суверенности нации, а сегодня должно нести идею гражданственности, «наполненную новым содержанием: плюрализм, терпимость (к иным религиям, культурам и т. д.), и включать в себя “умение адаптироваться, воспринимать чужое, как свое”»[2].

Большое место в концепциях социалистов стала занимать современная структура общества: прежде разделенное на эксплуататоров и эксплуатируемых, оно переросло в общество «включенных» — интегрированных, адаптированных к современному миру граждан, и «исключенных», не имеющих базовых прав и перспектив достойной жизни. Это не деление на бедных и богатых. Среди «включенных» могут быть те, кому не удается осуществить «свой жизненный проект» и приходится искать ему замену, и те, кто имеют совсем невысокий материальный достаток, но ведут вполне достойный образ жизни, получают удовлетворение от участия в ассоциациях, использующих неоплачиваемый труд и «духовные усилия».

Среди «исключенных» могут быть современно образованные люди, но оказавшиеся невостребованными, а также и люди, ведущие недостойный образ жизни. Это говорит о том, что социальная структура современного общества сложна и фрагментирована, а потому традиционные общественные организации и социальные службы не могут соответствовать интересам и требованиям разрозненных социальных групп и общностей.

На этой почве появляются социальные движения солидарности, нацеленные на решение современных противоречий и имеющие трансформаторский запал. Они в своих действиях противостоят административным и выборным учреждениям, которые, прикрываясь словами государственных и общественных интересов не видят част-

---

[1] См.: El País. 01.01.2006.

[2] http:// www. psoe.es/documentos/ html (22–24 de junio 2004).

ных интересов граждан. Новые социальные движения, опирающиеся на новую идентификацию людей, выражают готовность соединить общий интерес с частными интересами граждан.

Социалисты в партийных документах для себя формулируют эту задачу несколько иначе: «Они берут на себя ответственность стать инструментом социальных изменений и обеспечить передачу и превращение гражданских требований в оперативные решения, связанные между собой и соответствующие общей модели и проекту»[1]. Но в то же время сознают, что их проект пока имеет вид «утопии, уходящей за горизонт». Путь реализации ее в будущем — это просвещение, выработка нового сознания в обществе, солидарного с идеями социальных альтерглобалистских движений: «Думай обо всем мире и действуй на своем месте».

Предпосылкой решения стоящих перед страной проблем является толерантность, провозглашенная правительством и поддержанная ИСРП как принцип государственной политики. Партия предполагает, что толерантная политика и осуществление назревших реформ приведут к серьезным сдвигам в сознании «европеистов», «испанистов» и «периферийных националистов», сблизят их позиции и тем самым помогут гражданам адаптироваться к плюралистическому мультикультурному обществу. В то же время у самой ИСРП нет ясности в подходе к ряду важных современных проблем, нет собственного видения мира и своей модели устройства будущего общества и государства.

Не разделяя убеждений европейских неолибералов, ИСРП, как и другие социал-демократические партии Европы, не выходит за рамки идеологической и политической обороны. С исчезновением «реального социализма» и ослаблением КПИ, она перестала быть оппонентом коммунистической идеологии, потеряв один из своих основных идентификационных знаков. Испанские социалисты, прежде всего управленцы, множат свои мотивации и аргументы в пользу усвоения неолиберальных экономических рецептов, диктуемых безусловными требованиями глобализации, что позволяет им делать тактически верные шаги в текущей политике, но оставляет граждан страны без перспективной стратегической программы развития испанского государства и общества.

Вернемся к уже звучавшему вопросу о том, осталась ли ИСРП левой партией. В программных документах последних лет ее «левизна» подчеркивается как характерная черта содержания текущей политики и разрабатываемых проектов. Например, в резолюциях 36-го конгресса ИСРП закреплен ряд установок, которые недвусмысленно подчеркивают, что сами социалисты не допускают на этот счет ни колеба-

[1] Ibidem.

ний, ни сомнений. Это видно из их характеристики социальной базы партии и избирательного корпуса, который, как указывается в одной из резолюций, выходит за пределы левого спектра. Раздел документа о «возможных союзниках партии» указывает на необходимость обновления «левой идеологии», включает в себя перечисление конкретных организаций и заканчивается словами: «...в числе которых «другие левые партии и коллективы»[1].

Идеологи партии считают, что задача улучшения жизни испанского общества, которую ставит перед собой ИСРП — задача левых. Несмотря на изменения в мире и обществе, на отсутствие социально-экономической альтернативы, политика ИСРП по своей сути и направленности — левая[2]. Даже сдвинувшись за последние 25 лет к центру, как считает большинство испанцев, ИСРП твердо занимает левый спектр политического пространства страны, является носителем левой политической культуры в ее современном виде.

И все же вопрос остается. В нынешнюю эпоху быстрых изменений приходится отказываться от былой категоричности и помнить об их относительности.

Глава 20. Народная партия ищет себя в оппозиции*

Народная партия (НП) — это политическая организация, имеющая широкую социальную базу и одна из самых крупных в Европе — ее численность превышает 700 тыс. человек. Это очень много для страны с населением 44 млн человек. НП входит в Европейскую Народную

[1] http:// www. psoe.es/documentos/html (22–24 de junio 2004).
[2] См.: El País. 10.10.2002.

* Данную главу для настоящей монографии написал испанский политолог, сотрудник одного из научных центров Народной партии. Мы публикуем его текст почти в дословном переводе, не меняя акцентов и оценок, но, естественно, понимаем, что взгляд автора в определенной степени субъективен, и что он вольно или невольно не увидел определенных тенденций в деятельности НП как в годы ее пребывания у власти (1996–2004), так и в оппозиции до и после этих восьми лет. Желая дать читателю более объемное представление о второй по значимости политической партии Испании, мы публикуем также взгляд российского исследователя.

партию и Международный демократический союз. Ее молодежная организация — Новые поколения Народной партии.

Эти формальные данные должны рассматриваться в контексте нации, которой всегда не хватало духа объединения, того самого, о котором говорил Алексис де Токвиль по отношению к США. Испания всегда была страной с традиционно слабым гражданским обществом, лишь в 1978 г. расставшаяся с почти сорокалетней диктатурой. Рождение Народной партии в ее нынешнем виде можно отнести к 1990 г., когда в Севилье проходил X Национальный съезд. На нем председателем партии был избран Хосе Мария Аснар, а генеральным секретарем — Франсиско Альварес-Каскос. И именно эта партия является наследницей того исторического прошлого, о котором нельзя умолчать.

Предшественником НП был Народный альянс (НА), созданный после прихода демократии частью правых сил вокруг харизматической фигуры Мануэля Фраги Ирибарне. Во время диктатуры Франко Ирибарне был министром, но всегда выступал за необходимость реформ. Он был одним из тех, кто способствовал переходу Испании к демократии и играл активную роль в политической жизни страны в переходный период. Его по праву считают и одним из «отцов Конституции» — он был одним из ее составителей. Однако ведущей партией в те годы была другая — Союз демократического центра (СДЦ), находившаяся у власти первые два срока после падения диктатуры. Потерпев в 1982 г. сокрушительное поражение на выборах, она уступила власть Социалистической рабочей партии, представляющей в Испании социал-демократическое крыло.

В период правления СДЦ и Социалистической партии Народный альянс находился в оппозиции, выражая интересы правых демократов. Во второй половине 80-х годов НА вступил в союз с небольшими партиями — Народно-демократической (демохристианской) и Либеральным союзом (впоследствии Либеральная партия). Создалась коалиция партий под названием Народная Коалиция. Ей также не удалось достигнуть ожидаемых результатов, и в 1990 г. она была преобразована в новую Народную партию.

Путь воссоздания и развития НП — вплоть до победы на выборах в 1996 г. и прихода к власти был долгим и трудным. Это долгие годы преобразований из коалиции партий, каждая из которых имела свои особенности и своих лидеров, до превращения ее в сильную и сплоченную организацию. Именно эта НП смогла пережить долгий период тяжелой работы в оппозиции опытному противнику — Социалистической партии Фелипе Гонсалеса, находясь при этом лицом к лицу с крайне враждебными средствами массовой информации.

Ключевым моментом становится 1990 г., когда в Севилье на съезде партии Мануэль Фрага, ее председатель и основатель, передает руководство в руки Хосе Марии Аснара. Его речь на закрытии съезда оказалась пророческой: «Я хотел бы, чтобы мои слова вышли за стены этого зала и были услышаны всем испанским обществом, всеми гражданами страны. Испания должна войти в историческое измерение. Крупные технологические изменения приведут к тому, что ничто не будет неизменным. Новая европейская реальность будет подразумевать и Испанию, участвующую и совместно обсуждающую наиболее важные решения нашего будущего. Новые реальности трансформирующегося общества, которое не просто примета будущего, а действительность сегодняшнего дня с новыми проблемами, требующими новых ответов, справедливо заставляет искать ответы на основе позитивных принципов и побуждений, созидательных с точки зрения укрепления и в веры в будущее страны. Социалистические проекты исчерпали себя. Там, на Востоке, и здесь. Везде. Произошло крушение социализма, рождаются и должны родиться новые хорошие и позитивные альтернативы».

Воссоздание Народной партии вписывается в процесс включения Испании в мировое пространство 90-х годов. Таким образом, родилась партия, которая должна была противостоять идеологическому вызову, возникшему с падением Берлинской стены. Процесс воссоздания партии шел по трем основным направлениям: обновление партийных структур, начиная с руководящего ядра, с целью создания сильной и сплоченной организации, подготовленной к вызовам будущего; расширение ее электоральной базы в сторону политического центра, ибо это в наибольшей степени соответствовало реальностям испанского общества; формирование собственной модели реформистского центра либерального толка, в которой государство находится на службе у общества, а граждане имеют больше свободы и становятся главным действующим лицом всех процессов.

Рассмотрим эти направления по порядку и с учетом минувших лет. Итак, обновление партийных структур. Оно началось на X съезде в Севилье, когда Мануэль Фрага передает бразды правления партией своему преемнику Хосе Марии Аснару. Сам председатель и основатель НП отныне связывает свою политическую деятельность и судьбу с Галисией. Со временем он становится председателем правительства этого региона, а Хосе Мария Аснар начинает активное обновление кадрового состава. Он убирает бывших партийных «баронов» и выдвигает новое поколение людей, профессионально способных и энергичных, необходимых для перехода от оппозиционной работы к управлению

страной. И впервые звучат слова о сроках этого перехода: сам Аснар оценивает их приблизительно в восемь лет.

На том же съезде Аснар утверждает: «Нашей основной задачей является расширение базы партии. Это означает привлечение большего числа избирателей, больше политического и больше социального доверия. Мы можем расширяться только в сторону центра, другого места нет». Необходимость расширения электоральной базы объясняется новой политической ориентацией партии в сторону центра, что обусловлено центристскими позициями испанского общества. Нет смысла управлять, не предлагая при этом проекта, отвечающего потребностям испанцев, призванного защищать свободу, создавать условия для увеличения занятости, обеспечивать сплоченность регионов и солидарность поколений.

Необходимо было оздоровить государственный бюджет, уменьшить роль государства в экономике. Неэффективное управление социалистов привело к трем девальвациям национальной валюты, к дефициту в более чем 6%, и уровню безработицы, превысившему 20%. Эту эволюцию в сторону политического центра выразил сам Хосе Мария Аснар на съезде в 1990 г.: «Я никогда не откажусь ни от одного принципа, ни от одной идеи, которых придерживается партия, чтобы получить голоса. Но я не перестану бороться за голоса избирателей, даже если будет выгодно не делать больше того, что делалось до этого. Это — основной смысл нашей задачи».

Таким образом, признавалась важность борьбы идей в ходе борьбы за власть. Для этого был создан Фонд анализа и социальных исследований (FAES), который стал центром, питающим партию идеями, и средоточием сбора и анализа разработок, позволяющим воплотить в жизнь предложения, предлагаемые партией обществу.

Период правления Народной партии начался в 1996 г. с победы на парламентских выборах, однако, получив 156 депутатских мест, она не имела абсолютного большинства. Благодаря поддержке националистических партий, НП удалось, тем не менее, достигнуть парламентской стабильности в течение всего срока полномочий. В первый срок деятельность партии была сосредоточена на экономическом восстановлении после правления ИСРП. Удалось выполнить требования ЕС, обеспечившие доступ страны к единой европейской валюте одновременно с наиболее развитыми странами. Кроме того, наблюдался значительный экономический рост, снизилась безработица, были приватизированы ключевые отрасли национальной экономики.

На выборах 2000 г. более 10 млн испанцев проголосовали за Народную партию, что позволило ей получить абсолютное большинство

в парламенте. В этот период упор был сделан на защиту трех основных «элементов» — нации, граждан и государства. Именно народ, политически организованный в испанскую нацию, Народная партия считает автором Конституции 1978 г., гарантировавшей права граждан. Управление же государством должно осуществляться таким образом, чтобы не мешать реализации этих прав. Выросло благосостояние, увеличились расходы на образование и здравоохранение, возросли социальные выплаты, Испании удалось создать рабочих мест больше, чем во всех странах Европейского союза, вместе взятых. В любом случае, под подлинным благосостоянием Народная партия понимает не поддержание расходов, которые делают людей зависимыми от государства, а создание возможностей, для того чтобы жизнь граждан была свободной и самодостаточной. С ее точки зрения, лучшая социальная политика — это политика создания новых рабочих мест.

Внешняя политика Народной партии во время нахождения у власти была направлена на защиту традиционных интересов Испании, которые связаны с Европейским союзом, Латинской Америкой и США. Начнем с отношений внутри Европейского союза. Как мы уже отмечали, в первый срок правительство Хосе Марии Аснара делало упор на экономические реформы, необходимые для вхождения страны в систему евро. Во второй удалось добиться сохранения субсидий Европейского союза менее развитым странам до 2007 г., несмотря на то что в эти годы в Испании наблюдался значительный экономический рост. Либеральная политика правительств Народной партии, отмеченная в «Лиссабонском пакте», дала импульс дерегулирующим мерам в рамках ЕС в целом. На этом этапе Испания в составе военных миссий ООН, ЕС и НАТО участвовала в процессе умиротворения в бывшей Югославии. Испанской дипломатии удалось установить хорошие связи со странами и правительствами, которые не относятся к идеологически родственным НП партиям, например, с Великобританией Тони Блэра по проблеме экономики и внешней политики.

В Латинской Америке Испания продолжала деятельность по укреплению демократических институтов многих стран, опираясь на решения Ибероамериканских встреч в верхах. Работа по поддержке молодых демократий велась правительством и структурами собственно Народной партии, которая поддерживала контакты с родственными партиями в каждой из таких стран. Однако сегодня можно утверждать, что не всегда использованные методы оказались способными предотвратить сдвиг к популизму и авторитаризму в некоторых из них — в Венесуэле, Эквадоре, Боливии, Никарагуа.

Одним из основных направлений внешней политики правительств Народной партии стало широкое трансатлантическое сотрудничество с США. Внутри Европейского союза Хосе Мария Аснар стал одним из самых убежденных защитников союза с Соединенными Штатами. Анализ национальных интересов и его собственные убеждения обусловили усиление связей с правительством Джорджа Буша и сближение с самыми пронатовскими странами ЕС. Результатом стала известная встреча в верхах в Лас-Асоресе, на Азорских островах, представителей Испании, США, Великобритании и Португалии, на которой они выступили в защиту Запада от террористической угрозы исламских фундаменталистов.

Все вышесказанное стало возможным, благодаря идеологическим и структурным установкам внутри самой партии, которым следовали правительства НП. Она определяет саму себя как политическую силу «реформистского центра с четким призванием к управлению на национальном, региональном и местном уровнях, построенную по территориальному принципу, обусловленному автономным характером государства, совмещающую социальную и политическую деятельность в своих партийных структурах». Кроме того, она утверждает, что «находится на службе интересов Испании, ставит человека в центр своей политической деятельности и рассматривает социальный прогресс как одну из своих целей. При явном устремлении к европейским ценностям и воодушевленная ценностями свободы, демократии, терпимости и христианского гуманизма западной традиции она защищает достоинство человека, его неотъемлемые права и свободы, защищает демократию и правовое государство как основу сосуществования на основе плюрализма; в рамках рыночной экономики содействует солидарности различных территорий страны, модернизации и социальной сплоченности, а также равенству возможностей и главенству сообщества через участие граждан в политической жизни; выступает за международное сообщество, основанное на мире и на всеобщем уважении прав человека».

Учитывая специфические условия автономного устройства Испании и особенности партийного строительства на протяжении многих лет, у НП выработана нестандартная и ни на какую другую партию непохожая внутренняя структура, позволяющая на каждом этапе политической борьбы быть эффективной и работоспособной. Возможно, она представляет определенный интерес и для других политических формирований. В чем же ее своеобразие?

По Уставу партии НП осуществляет свою политическую деятельность на всем национальном пространстве через сеть региональных

и децентрализованных партийных структур, за которыми признается полная автономия в осуществлении своих уставных обязанностей, не наносящих ущерб организационным принципам. Эти структуры обеспечивают единство партии, координацию действий и эффективность. Каждая региональная структура партии создана в соответствии с автономным устройством страны. Отделения партии созданы на национальном, региональном, провинциальном, островном и местном (комарка и округ) уровне. Исключение составляет Наварра, где с 1990 г. НП имеет коалиционное соглашение с партией Союз народа Наварры. Автономные города Сеута и Мелилья приравнены к региональным отделениям. Руководство территориальными организациями партия осуществляет через коллегиальные и единоличные представительства, члены которых имеют статус активистов. Коллегиальные органы — это съезды, директивные советы и исполнительные комитеты. Единоличные органы — это председатель и генеральный секретарь. В каждой территориальной организации есть подразделение, отвечающее за административно-хозяйственную работу и подбор технического персонала.

Устав партии определяет съезд как высший орган партии. Съезды бывают очередными и чрезвычайными, в зависимости от того, созываются они по окончании мандата или вследствие особых ситуаций, не связанных со сроками. Съезд созывается директивным советом территориальной организации, на которую распространяется компетенция съезда. Съезды партии, какова бы ни была их территориальная компетенция, представлены двумя категориями участников. Постоянные — это члены Директивного совета, который созывает съезд, и члены Организационного комитета. В последнем случае их число не превышает десяти, если выполнены все необходимые для этого формальности. И избранные, которые по численности в четыре раза превышают общее число постоянных участников. Квоты территориальных организаций, участвующих в съезде, устанавливаются Директивным советом, исходя их уровня активности и процента голосов, полученных на предыдущих выборах.

«Новые поколения» — молодежная организация партии — имеет на партийных съездах число представителей пропорционально числу своих членов. Делегаты избираются на собраниях своей организации на соответствующей территориальной единице. Выборы участников съезда осуществляются посредством открытого списка, за основу которого берется список от каждой территориальной единицы. При этом в каждом конкретном случае он определяется Директивным советом, созывающим съезд.

На съезд могут быть приглашены гости из Испании и других стран, являющиеся членами партии, родственных НП, которые вправе выступить на съезде. Могут быть также приглашены представители организаций и ассоциаций национального и международного характера, представляющие различные сферы деятельности.

Национальный конвент является консультативным органом в период между съездами. Директивные советы являются высшим органом управления партией в период между съездами, собираются они раз в четыре месяца. Исполнительные комитеты являются органами управления и руководства партией между съездами на различных территориальных уровнях.

Конвент — консультативный орган, созыв которого находится в компетенции председателя. Каждый год он оценивает его политику и обсуждает решения, предлагаемые Исполнительным комитетом или Директивным советом. Конвент может определять направления деятельности, выдвигать идеи, делать выводы в отношении политики партии.

Председатель — основатель Народной партии — Мануэль Фрага Ирибарне выполняет представительские функции. Он председательствует на заседании коллегиального органа, является пожизненным членом Национального исполнительного комитета и осуществляет функции, которые ему делегируют Председатель или Национальный исполнительный комитет. Его назначение на этот пост было одобрено X съездом. По предложению председателя партии Национальный съезд на своем пленарном заседании может назначить Почетного председателя, который по решению Президиума партии должен внести определяющий вклад в претворение в жизнь политического проекта. Почетные председатели являются пожизненными членами Национального исполнительного комитета и выполняют те функции, которые им делегировал Председатель партии. XV съезд партии избрал почетным председателем Хосе Марию Аснара Лопеса.

Председатель — высшее ответственное лицо в партии, полномочия которого распространяются на все территориальные организации. В случае крайней необходимости, временно, пока не соберется Исполнительный комитет или Директивный совет, он может принять на себя полномочия коллегиальных органов. Полномочия эти он рассматривает как необходимые и соответствующие непредвиденным обстоятельствам. Для возможности контроля и одобрения принятых им мер он подотчетен этим органам. На XV съезде партии председателем избран Мариано Рахой Брей. Генеральный секретарь назначается Исполнительным комитетом по предложению председателя из членов

комитета, избранных съездом. Генеральный секретарь партии в настоящее время — Анхель Асабес Паниагуа.

За представление кандидатур на выборы отвечают Избирательные комитеты, которые создаются на национальном, региональном, провинциальном, островном и местном уровнях. Они состоят из председателя, секретаря и шести членов, назначаемых соответствующим Исполнительным комитетом. В избирательные комитеты входит также один представитель молодежной организации «Новые поколения», выдвигаемый Исполнительным комитетом этой организации. Председатель Национального избирательного комитета — Хавьер Аренас Боканегра. Органы, призванные гарантировать права членов партии, давать информацию и осуществлять, в случае необходимости, дисциплинарные мероприятия против провинившихся, а также применять в таких случаях санкции, предусмотренные Уставом, называются комитетами по правам и гарантиям. Их компетенция носит национальный и региональный характер. Председатель Комитета по правам и гарантиям — Федерико Трильо-Фигероа.

Консультативным органом партии по проблемам территориальной политики является Автономный совет. В его состав входят председатели автономных областей правительств — члены Народной партии, главой которой является председатель НП. Совет по внешней политике — тоже консультативный орган, призванный определять основные критерии и направления внешней политики партии. В НП главным руководящим лицом является председатель, однако важную роль играют региональные руководители и кадры центрального аппарата. Такие коллегиальные органы, как Национальный директивный совет и Исполнительный совет выступают в роли консультативных структур. Наиболее важные решения принимает Председатель партии при поддержке Генерального секретаря.

Давайте вернемся на краткое время назад, чтобы увидеть эволюцию избирательной привлекательности партии в обществе. На первых демократических выборах в июне 1977 г. Народный альянс получил 1,5 млн голосов и 16 мест в парламенте. Следующие выборы принесли ему 9 депутатских мест. На выборах 1982 г., в результате которых правящей стала Социалистическая рабочая партия во главе с Фелипе Гонсалесом, Народный альянс получил 105 депутатских мест, благодаря притоку избирателей, ранее голосовавших за центристский Союз демократического центра, до того находившийся у власти. По результатам последующих выборов 1986 и 1989 гг. партия получала 106 мест в парламенте. Это дало повод аналитикам говорить об «электоральном потолке» испанского правого центра, возглавляе-

мого Мануэлем Фрагой, что не позволит ему когда-либо возглавить правительство.

С приходом Хосе Марии Аснара и его команды началась подготовка избирательной компании, способной привести партию к победе и формированию правительства. На выборах 1993 г. за партию проголосовали уже 8 млн человек, она получила 141 место в парламенте. Несмотря на это, результаты вновь оказались хуже, чем у Социалистической партии. Это оставило неприятный осадок, как в партии, так и у избирателей, — ведь с выборами связывались большие надежды на успех. Но время работало на НП. И уже на выборах 1996 г. за партию проголосовали 10 млн человек, и она получила 156 депутатских мест. Эти результаты не позволили партии стать правящей, хотя и потребовали заключения коалиционного соглашения с двумя партиями-попутчиками: Канарской Коалицией и Конвергенцией и союзом. На следующих выборах в 2000 г. НП вновь победила, делом доказав свою привлекательность избирателям Испании.

И все же в марте 2004 г. она потерпела поражение на выборах, на которые сильное влияние оказали события на мадридской станции Аточа, где в результате террористического акта погибло 194 человека[1]. Последний срок правительства Хосе Марии Аснара был омрачен жесткой оппозицией в парламенте со стороны левых и националистических партий, а также уличными выступлениями, в частности, против ввода войск в Ирак. При этом надо учесть, что Испания — страна, в которой общество настроено резко против США.

Главой правительства Испании стал генеральный секретарь Социалистической партии Хосе Луис Родригес Сапатеро. В парламенте у него сильная поддержка Объединенных левых — коалиции, сформированной вокруг Коммунистической партии, и партий националистического толка Каталонии и Страны басков. Перед последними выборами эти партии подписали соглашение под названием «Пакт Тинеля», цель которого — исключение Народной партии из любого договора или соглашения в сфере национальной, региональной и местной политики. Это показывает, что социалистическое правительство Испании отличается от других левых правительств Европы своим сползанием к радикализму, а сам Родригес Сапатеро называет себя «красным и феминистом».

В своей внешней политике правительство резко дистанцировалось от Соединенных Штатов. Большие споры в обществе вызвали Закон

---

[1] Garcia-Montalvo J. Voting after the bombing: can terrorist attacks outcome of democratic elections? Department of Economics and Business. Universitat Pompeu Fabra // http: //papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1002833.

об исторической памяти, где подвергнута пересмотру история гражданской войны с позиций только одной из сторон, а также одобрение закона об однополых браках (даже Р. Проди не решился на это!), законов, относящихся к сфере образования, а точнее, свободе родителей на воспитание своих детей. Проблемы, связанные с принятием этих актов, заключаются не столько в их содержании, которое можно в той или иной степени критиковать, сколько в том, что они нарушают консенсус, определявший испанскую политику с начала переходного периода. Основная оппозиционная партия фактически исключена из процесса принятия решений, затрагивающих основополагающие элементы национальной политики. Это провоцирует нестабильность в настоящем и неуверенность в будущем.

С другой стороны, Народная партия и значительная часть граждан озабочена проявлениями сепаратизма у националистических партий и поддержкой социалистическим правительством статутов автономий, которые выходят за рамки компетенции региональных администраций и присваивают себе права, более присущие независимому государству. Именно поэтому в отношении Статута об автономии Каталонии в Конституционный суд было предоставлено и принято к рассмотрению пять апелляций. На это ERC — независимая левая партия Каталонии, образующая правительство вместе с каталонскими социалистами, объявила о своем намерении провести референдум о самоопределении (фактически, о независимости) в случае, если Конституционный суд изменит Статут Каталонии.

Ирония заключается в том, что сами испанцы в большинстве своем мало озабочены этими темами, их больше волнует городская преступность, иммиграция — в Испании число иммигрантов увеличивается с огромной скоростью, или же цены на жилье.

Кроме того, правительство Родригеса Сапатеро ввязалось в переговорный процесс с террористической бандой ЭТА, который, считает Народная партия, ведет к политическим уступкам тем, кто повинен в смерти почти тысячи человек за последние 40 лет. Этот процесс не прервался даже после теракта в аэропорту Барахас в декабре 2006 г.

В то время как национальная экономика переживает быстрый рост, политическая свара главенствует во внутриполитической ситуации. За минувшие три года против политики правительства в отношении ЭТА состоялось почти полдюжины уличных манифестаций. В этих условиях Народная партия находится в оппозиции к правительству социалистов по следующим главным направлениям: защита Конституции, автономного устройства страны, а также борьба против терроризма, а не переговоры с террористами.

Председатель Народной партии Мариано Рахой на конференции о модели государства 4 декабря 2006 г. говорил: «Впервые за последний период испанской демократии был нарушен консенсус при одобрении одного из автономных статутов. В течение 27 лет уважался конституционный принцип о том, что ни один статут об автономии, ни его реформа не могут быть одобрены, даже если имеется численное большинство, установленное Конституцией, без согласия, по меньшей мере, двух крупных национальных партий (...). Следовательно, изменение модели территориального устройства страны произошло из-за изменения Конституции, которое проявилось в одобрении нового Статута Каталонии. Изменения, прямой причиной которых является отступления от ранее упомянутого принципа, что, в конце концов, нанесло ущерб субъекту политической власти и устоям нашей конституционной системы (...). Наша Конституция вдохновляется тремя основными принципами: единство испанской нации, автономия национальностей и регионов и солидарность между всеми ними. Наша модель строится на сближении автономных областей, ликвидации каких-либо привилегий и превыше всего ставит равенство возможностей для всех. Сегодня мы с тревогой видим увеличение диспропорций, неравенства и отсутствие территориальной солидарности, которые могут расти и дальше».

Позиции Народной партии по антитеррористической политике правительства тот же Мариано Рахой выразил в ходе дебатов в Конгрессе депутатов в январе 2007 г.: «Эта история (переговоры с террористической организацией ЭТА) берет свое начало несколько лет назад, когда стали устанавливаться контакты между некоторыми социалистами и окружением ЭТА. Из этой неформальной дискуссии в 2004 г. возник проект диалога с правительством. ЭТА увидела в сеньоре Родригесе Сапатеро новую для себя возможность, а сеньор Родригес Сапатеро посчитал, что в его личных планах конституционной реформы, нового переходного периода, реконструкции Испании — как угодно назовите это, могут найти место требования фундаменталистских террористов, что позволило бы ликвидировать конфликт. Дело в том, что обе стороны почувствовали широкие возможности для взаимопонимания (...). Результатом этих предварительных соглашений, которые окрестили мирным процессом, дабы доставить удовольствие ЭТА, стала резолюция, одобренная Палатой в мае 2005 г. Моя парламентская фракция не голосовала за нее. В этот день вы фактически разорвали Пакт за свободы и против терроризма... ЭТА не отказалась ни от применения насилия, ни от своих политических требований...».

Дальнейшую историю мы уже знаем — бомба в 4-м терминале мадридского аэропорта Барахас в декабре 2006 г. Ошибка Сапатеро в представлении, будто проблему терроризма можно решить с помощью переговоров. Это не удавалось никому, никогда и нигде. С террористами не договариваются. Весь опыт, накопленный в мире в XX в., доказывает правоту этих слов. Терроризм или уничтожают, или от него страдают.

Эти две направляющие оси работы НП в оппозиции важны до такой степени, что способны затмить все другие политические темы, обычные для любой передовой нации. Но на них сосредоточена не только работа оппозиции, а вся политическая жизнь Испании на нынешнем этапе.

Глава 21. Консерваторы оказались на распутье

После парламентских выборов 2004 г. Народная партия перешла в жесткую и практически фронтальную оппозицию к правительству ИСРП. Осмысливая результаты этих выборов, партия отказалась от всякой самокритики. Среди руководства и в широких партийных массах царит убеждение в абсолютной правильности политики, проводившейся в период пребывания у власти. Консерваторы утверждают, что после терактов 11 марта 2004 г. ИСРП «украла» у них победу, организовав по телевидению «покушение на НП». Формально признав результаты выборов, руководство НП в своей агитационно-пропагандистской деятельности последовательно проводит идею о нелегитимности правления ИСРП, представляет собственную альтернативу развития Испании как единственно верную, что служит важным аргументом для сплочения партийных рядов.

В НП сменилось руководство: место председателя занял Мариано Рахой, ранее входивший в ближайшее окружение Аснара, чей уход (он стал почетным председателем партии) никак не был связан с поражением на выборах. Аснар заявлял о своей отставке задолго до марта 2004 г., аргументируя это тем, что не может оставаться третий срок на посту председателя НП.

Рахой разделяет основные подходы прежнего руководства. На состоявшемся в октябре 2004 г. XV съезде обновление затронуло лишь

треть ее Исполкома. В руководстве осталось большинство тех политиков, которые входили в команду Аснара. На съезде Рахой расточал похвалы Аснару, назвав его «лучшим председателем правительства в истории Испании». «Не ждите, что я отрекусь от своих убеждений, от своего прошлого. Я не стану другим и не буду видеть мир в другом свете», — заявил Рахой. Комментаторы расценили последнюю фразу как ответ А. Руису-Гальярдону, мэру Мадрида, одному из очень немногих членов Исполкома, выступившему с критикой некоторых аспектов прежнего курса (недопонимание между НП и обществом, недооценка противника, отсутствие союзников) и отстаивавшему необходимость внесения корректив в курс НП[1].

Рахой обвиняет правительство социалистов в неготовности руководить страной, в «отсутствии плана действий», отчего «многие испанцы не знают, куда их ведут»[2]. Критике подвергаются почти все аспекты курса правящей партии. В этом критическом настрое трезвые и реалистические суждения по поводу некоторых поспешных и не до конца продуманных действий ИСРП переплетаются с популизмом и демагогией, нагнетанием в обществе алармистских настроений, продиктованных узкопартийными соображениями. Важным направлением деятельности НП стала «борьба за улицу», проведение в разных регионах страны антиправительственных манифестаций в случае несогласия с проводимыми ИСРП реформами.

Основной объект нападок — реформа территориальной организации государства, за которую взялось правительство ИСРП. Народная партия первоначально вообще отказалась от обсуждения проектов статутов, видя в них «угрозу единству Испании». Однако уже в сентябре 2004 г., учитывая активизацию во многих регионах движения за расширение прав, консерваторы скорректировали свою позицию и включились в дискуссию по территориальной реформе. Было заявлено о возможности внесения автономиями изменений в статуты, но только таких, которые «будут носить единый для всех характер и не будут создавать асимметрии». НП исходит из идеи неделимости суверенитета испанской нации и невозможности предоставить права на самоопределение требующим этого автономиям[3].

Именно поэтому резкую отповедь НП вызвал проект статута Каталонии, который, по ее мнению, меняет территориальную модель страны, так как по Конституции Испания — это нация, а Катало-

[1] См.: El Periodico de Cataluña. 03.10.2004.
[2] El Mundo. 03.10.2005.
[3] См.: El Periodico de Cataluña. 29.09. 2004.

ния — национальная единица. НП развернула мощную антикаталонскую и антиправительственную кампанию с лейтмотивом «Испания распадается на части». Опираясь на распространенные в обществе настроения недовольства «сепаратистскими устремлениями каталонцев», консерваторы провели в Мадриде в декабре 2005 г., в годовщину принятия Конституции, массовую манифестацию в ее защиту. Эта акция носила откровенно пропагандистский характер: правительство, рассматривая новый Статут Каталонии, никогда не говорило о пересмотре конституции.

В начале 2006 г. Рахой заявил о сборе подписей для проведения общенационального референдума о новом Статуте Каталонии, популистски утверждая, что «все испанцы имеют право высказать мнение о том, какой хотят видеть свою страну». Однако замысел не удался: идея проведения такого референдума противоречит основному закону, ибо не подпадает под те случаи, когда он может быть созван. Результаты референдума по новому Статуту в Каталонии, состоявшегося в июне 2006 г., НП расценила как «поражение Родригеса Сапатеро», аргументируя свою позицию неявкой к избирательным урнам более половины имеющих право голоса. По оценке консерваторов, Статут поддержал «лишь один из трех каталонцев»[1].

Бесспорно, позиция ведущей оппозиционной партии затрудняет процесс реформирования автономных статутов — ведь это требует широкого общественного согласия, «двойного консенсуса» — на региональном и национальном уровне — между основными партиями. Впрочем, в некоторых регионах местные отделения НП сотрудничают с социалистами и достигают соглашений по реформированию автономных статутов (такие соглашения были достигнуты, в частности, в Валенсии, Арагоне, на Балеарских островах).

Резко негативное отношение со стороны Народной партии встретили также меры правительства по модернизации традиционных практик в испанском обществе — закон, отменяющий обязательное религиозное образование в школах, и закон, разрешающий однополые браки. Социалисты, принимая закон, заявляли, что он означает претворение в жизнь принципа равенства прав для всех, а консерваторы трактуют брак между лицами одного пола как «конец семьи». Надежным союзником консерваторов в этих вопросах выступает, как и прежде, католическая церковь. По инициативе НП и Конференции испанского епископата в стране прошли многолюдные манифестации против «реформ, подрывающих традиционные устои». Заместитель ге-

[1] ABC. 19.06.2006.

нерального секретаря НП М. Ореха заявил, что «радикально-социалистическое правительство» ревизует отношения между государством и церковью и «хоронит ценности испанского общества при отсутствии собственных идей»[1].

Существуют определенные различия в подходе консерваторов и социалистов и к решению проблем иммиграции. В период пребывания у власти консерваторы ориентировались на сокращение въезда в страну иммигрантов и возможности для депортации при нарушении ими законов. Политики из НП и связанные с ними СМИ культивировали негативный образ переселенцев из слаборазвитых стран, доказывая прямую связь между ростом их числа и ростом преступности.

НП подвергла резкой критике закон о легализации части нелегальных иммигрантов, принятый правительством ИСРП в 2005 г. Критики из консервативного лагеря указывали, что под действие закона подпадают не все «нелегалы», а лишь те, кто занимался трудовой деятельностью в Испании не менее шести месяцев, и поэтому проблема нелегальной иммиграции решается частично. Утверждалось также, что облегчение условий легализации сделает Испанию еще более притягательной для переселенцев из развивающихся стран и расширит масштабы «нашествия на страну чужеземцев» со всеми вытекающими отсюда последствиями[2]. Продолжающийся после принятия закона приток нелегалов, заставляющий правительство принимать все более жесткие меры противодействия, свидетельствует, что эта критика была отнюдь не беспочвенной.

Не остается вне критики Народной партии и экономическая политика правительства, по словам Рахоя, «неясная, не дающая уверенности в будущем», а также многие аспекты внешней политики. Отправляя во время своего пребывания у власти воинский контингент в Ирак, правительство НП одной из причин этого шага называло необходимость преодоления остатков исторически сложившегося у населения «изоляционистского комплекса», обретения Испанией «национального величия», превращения ее в одну из ведущих стран мира, хотя главной, безусловно, была ставка на привилегированные отношения с США и Великобританией. Участие в антисаддамовской коалиции означало также более теснее сотрудничество Испании с «новой Европой» — бывшими социалистическими странами, в противовес «старой Европе» — Франции и Германии, осуждавшими войну в Ираке. Ныне Рахой заявляет о «неспособности правительства защитить интересы

---

[1] El Mundo. 25.09.2004.

[2] См.: Cambio 16. 21.02.2005. P. 24–25.

Испании в области внешней политики», имея в виду, в частности, отношения со странами ЕС и вывод воинского контингента из Ирака[1].

Разумеется, есть вопросы, по которым Народная партия и ИСРП действуют совместно. Однако даже проводя общую с социалистами политическую линию, консерваторы зачастую стремятся подчеркнуть свое «особое мнение», чтобы отмежеваться от них. Так, выступив вместе с ИСРП в поддержку европейской Конституции, НП делала попытки шантажировать правительство и угрожала сорвать референдум, если последнее не выполнит ряд их требований (прекратить нападки на НП и «гонения» на католическую церковь).

Длительное время НП с рядом оговорок поддерживала правительство в борьбе с ЭТА. Но к заявлению боевиков в марте 2006 г. о прекращении борьбы партии отнеслись по-разному. ИСРП встретила его позитивно. НП оценила этот шаг как «не тот, который ожидают от ЭТА граждане»[2]. Консерваторы настаивали на безоговорочной капитуляции боевиков, что представляется малореальным. А в июне 2006 г. Рахой заявил о прекращении поддержки действий правительства по отношению к ЭТА. Намерение Родригеса Сапатеро вступить в диалог с партией Батасуна Рахой квалифицировал как «предательство», «покушение на правопорядок, демократию и безопасность Испании», отождествив стратегию ИСРП с позицией ЭТА[3]. Между тем эксперты напоминают, что в свое время правительство Аснара также вступало в переговоры с террористами.

Резко выраженная оппозиционность НП, агрессивность и воинственность ее политико-идеологического противостояния объясняются не только уязвленным самолюбием партии, казалось, шедшей к победе, но потерпевшей неожиданное поражение. Не менее важная причина ее нынешней позиции — претензия на представительство интересов всего правоконсервативного лагеря Испании, в том числе его экстремистской части. В современной Испании, в отличие от многих западноевропейских стран, не сформировалась влиятельная праворадикальная партия. Между тем существуют серьезные предпосылки для формирования такой партии — рост национализма в связи с массовой иммиграцией, процессами европейской интеграции, существование праворадикальных организаций, пока малочисленных, действующих в различных регионах, а также исторические традиции. Опасаясь появления сильной праворадикальной партии, способной

[1] См.: El Periodico de Cataluña. 22.12.2005.

[2] El País. 23.03.2006.

[3] См.: El Periodico de Cataluña. 07.06.2006.

отнять у нее часть голосов избирателей, НП «играет» на этом поле, заполняет ту часть политического спектра, которую обычно занимают ультраправые.

Современные испанские консерваторы нередко действуют подобно былым испанским правым, допуская возможность «в случае необходимости» авторитарных решений. Наглядный пример — отношение НП к заявлению, сделанному в январе 2006 г. командующим сухопутными войсками генералом Х. Мена Агуадо о том, что армия, защищая единство испанского государства, «может вмешаться, если решение вопроса о Статуте Каталонии выйдет за рамки Конституции»[1]. Это путчистское по своему характеру заявление, противоречит конституционному принципу подчинения вооруженных сил гражданским властям и напомнившее о временах франкизма, показало, что для части офицерства неприемлема идея серьезного реформирования территориального устройства Испании. Реплика Мена Агуадо получила резкую отповедь правительства и высшего армейского руководства, а сам он был отправлен в отставку. НП же свалила все «с больной головы на здоровую» и по существу взяла грубо нарушившего воинскую дисциплину генерала под защиту: «Правительство должно дать объяснение, почему военные делают такие заявления»[2], — примерно так прокомментировал случившееся Рахой.

В НП, как не раз писали испанские газеты, существует строгая дисциплина и подавляется любое несогласие с линией руководства. Характерен так называемый «казус Пике», председателя каталонского отделения Народной партии. Жозеп Пике, бывший министр в правительстве Аснара, признал, что в соглашении о новом Статуте Каталонии, заключенном в январе 2006 г. между правительством и умеренными националистами этой автономной области, есть позитивные моменты, и НП может принять участие в его обсуждении. Это заявление, противоречившее позиции партийного руководства в Мадриде, было немедленно дезавуировано. Сам Пике, точка зрения которого объясняется опасениями и без того слабых в Каталонии консерваторов и вовсе оказаться на обочине политической жизни, под давлением лидеров партии быстро капитулировал, заявив журналистам: «Я буду делать все, что решит моя партия»[3]. Газета «Эль Паис», комментируя этот случай, иронически заметила: «В НП все думают обо всем одно и то же»[4].

[1] Ibidem.
[2] El Mundo. 11.01.2006.
[3] El Periodico de Cataluña. 27.01.2006.
[4] El País. 29.01.2006.

Не подлежит сомнению, что идейно-политический облик Народной партии, казалось, обновившейся на рубеже 90-х годов, вновь изменился. В период своей первой легислатуры (1996–2000) НП, не имевшая парламентского большинства, воспринималась как правоцентристская организация, порвавшая с франкистским прошлым и готовая к диалогу и компромиссам с оппонентами. Однако с 2000 г., как во время второй легислатуры, когда у нее было абсолютное большинство мест в парламенте, так и позже, оказавшись в оппозиции, партия отошла от центристской политики, проявляла нетерпимость к прежней оппозиции и применяла жестко-агрессивные методы политической борьбы. Авторитарное начало, заложенное в ее «социально-генетический код», постоянно дает знать о себе.

Иными словами, идеологические и поведенческие установки Народной партии непостоянны и способны меняться в широком диапазоне в зависимости от обстоятельств. Ее нынешняя резко выраженная оппозиционность и идеологизированная риторика («антисепаратизм и сильное государство», апелляция к традиционным ценностям и т. д.) во многом носят конъюнктурно-прагматический характер. Цель консерваторов — вернуться к власти, а лучшее средство для этого, по мнению их руководства, негативно-критическое отношение к правительству ИСРП. Прагматизм в политике НП явно вытесняет идеологию.

Заняв обструкционистскую позицию по отношению ко многим инициативам «нелегитимного», по ее мнению, правительства, Народная партия сознательно отказывается от участия в дебатах о будущем развитии Испании, разрушает сформировавшуюся в демократической Испании традицию межпартийного сотрудничества. Сложившая ситуация серьезно подрывает общественную стабильность, поскольку речь идет о крупнейшей оппозиционной партии, пользующейся значительной поддержкой населения. Опасность такой ситуации состоит и в том, что многим правительственным решениям действительно не хватает должной степени легитимности.

Надо сказать, что ИСРП в своей политико-пропагандистской деятельности зачастую также не церемонится со своими оппонентами и отвечает на их агрессивный тон сходным образом, называя, к примеру, НП «франкистской» или «неофранкистской» партией. В результате политическая жизнь Испании поляризуется, из нее исчезает центр. По существу, в начале XXI в. в чем-то воспроизводится исторически характерное для страны фронтальное столкновение между «двумя Испаниями» — прогрессистской и традиционалистской.

Разумеется, это весьма условное сопоставление. Испанские правые и левые стали другими и ведут борьбу в обстановке консоли-

дированной демократии, по ее правилам. Очевидно, однако, что после перехода НП в оппозицию в стране заметно изменился социально-психологический климат, воцарилась атмосфера напряженности, проявляющаяся не только в сфере большой политики, но и в повседневной жизни, в межличностном общении. Многочисленные опросы свидетельствуют, что электоральный потенциал двух партий примерно одинаков, и это обстоятельство предвещает испанской политике нелегкие времена.

Глава 22. Террористическое насилие продолжается

Страна басков (или Баскония, самоназвание которой — Эускади) состоит из трех провинций — Алавы, Бискайи и Гипускоа. Это самые маленькие провинции в Испании (3,2% национальной территории), в них проживает около 7% населения (около 3 млн человек), лишь треть которых являются этническими басками. Однако Страна басков занимает важное место в испанской экономике — это один из самых индустриально развитых районов страны.

Проблема баскского терроризма неразрывно связана с проблемой существования баскской государственности. В древности баски не были до конца завоеваны ни римлянами, ни германцами. Они сохраняли свою независимость и в период арабского владычества, продолжавшегося почти восемь столетий. При этом самостоятельного баскского государства никогда не существовало. В начале XIII в. баскские земли были разделены на две части, из которых одна попала в зависимость от Франции, а другая — присоединена к Кастилии. Именно этим временем датируют баскские националисты начало упадка баскского общества, объясняя это проникновением «смертоносного испанского вируса»[1].

Но и после присоединения к Испании баски фактически сохраняли свою самостоятельность. Их территория относилась к «Особым провинциям» и до второй половины XIX в. сохраняла свои «фуэрос» — так в Средние века называлась система баскских вольностей,

[1] Arana Goiri S. *Obras escogidos. Antologia politica.* San Sebastian, 1977. P. 156.

а в Новое время — права и привилегии, гарантированные баскским провинциям, фактическая суть которых состояла в предоставлении самоуправления. В 1876 г. Баскония была оккупирована испанскими войсками, фуэрос были отменены и заменены экономическими соглашениями (conciertos economicos) — системой, устанавливающей сумму налоговых сборов на ряд лет вперед, причем меньшую, чем в других провинциях.

Политика насильственной испанизации способствовала зарождению баскского национализма. Идеологом его стал Сабино Арана Гоири (1865–1903), считавший причиной всех бед Басконии контакт с Испанией, потерю басками чистоты крови, расовое смешение. Он же изобрел символы баскской нации: флаг с двумя перекрещивающимися крестами на красном фоне, гимн и герб, подразумевавший создание единого баскского государства из семи провинций (4 испанских — Алава, Гипускоа, Бискайя, Наварра и трех французских — Лабур, Суль и Нижняя Наварра).

Таким образом, обращаясь к историческим особенностям национально-государственного строительства Испании, важно отметить, что региональная специфика не была размыта процессом становления единой испанской нации, и регионализм остался одной из наиболее ярких черт испанского общества. Этой же точки зрения придерживается российский испанист И. Прохоренко, которая отмечает: «Говоря о формировании испанского национального государства, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что борьба центробежных и центростремительных тенденций составляет один из наиболее важных компонентов испанской истории»[1]. В известном смысле именно рост националистических движений в Каталонии и Стране басков на рубеже XIX и XX вв. явился причиной установления в Испании военно-монархической диктатуры Примо де Ривера, а затем — франкистского режима. Сепаратизм казался многим испанским государственным и общественным деятелям не меньшей опасностью, чем коммунистическая угроза.

Новый подъем национального движения в Стране басков связан с Испанской республикой. В октябре 1936 г. Страна басков получила автономию, при этом Наварра отказалась войти в нее. Эта автономия просуществовала лишь 254 дня — до оккупации региона франкистскими войсками, после которой экономические соглашения с Бискайей и Гипускоа как с провинциями, сохранившими верность Республике,

[1] Прохоренко И. Национальный интерес во внешней политике государства. Опыт современной Испании. М., 1995. С. 29.

были отменены, а с Алавой и Наваррой, где мятеж был в целом поддержан, — частично сохранены. Франкизм не признавал многонациональный характер испанского государства и проводил политику крайней централизации и ассимиляции.

Резкий подъем региональных и даже сепаратистских настроений во франкистской Испании объяснялся не столько этническими и культурно-историческими причинами, сколько превращением Мадрида в символ авторитарной диктатуры с ее сверхцентрализованной властью. Рост напряженности в отношениях между центром и периферией естественным образом сказался на определении приоритетов в политике постфранкистской Испании — первоочередной стала национальная проблема. При этом особенно сложным было положение в Стране басков. Бискайя и Гипускоа при франкизме подвергались самым жестоким репрессиям (аресты, пытки, расстрелы), именно там политика испанизации и ассимиляции достигла максимума (искоренение баскского языка и культуры, закрытие баскских школ, газет, театров). Достаточно сказать, что почти половина политических заключенных во франкистский период были басками.

При классификации политических партий в Стране басков необходимо учитывать этногеографический фактор, в соответствии с которым партии делятся на чисто баскские, «патриотические» (abertzales) и партии, которые являются, по существу, баскскими секциями общенациональных партий — Народной партии (НП), Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), Объединенных левых (ОЛ) и др.

Концепция abertzale относилась лишь к партиям, боровшимся за независимость Эускади и организационная структура которых ограничивается рамками Страны басков. Самой многочисленной и влиятельной является Баскская националистическая партия (БНП). Группу радикальных патриотических организаций возглавляет ЭТА («Euskadi ta Askatasuna» — «Страна басков и свобода») — группировка, возникшая 31 июля 1959 г., и выступающая за создание независимого баскского государства на основе федерации семи баскских провинций, расположенных на территориях Франции и Испании. Она отвергает умеренную тактику и парламентские традиции БНП, предпочитая революционное насилие, и выступает за построение баскского социализма.

История ЭТА сводится к многочисленным внутренним расколам. В результате наиболее серьезного из них в октябре 1975 г. организация разделилась на ETA-militar (ЭТА-m) — военное крыло, выступавшее только за вооруженную борьбу, и ETA-politico-militar (ЭТА-p-m) — военно-политическое крыло, предлагавшее совмещать политические

действия с вооруженной борьбой. В 1976 г. оно объявило себя независимой организацией. Идеология ЭТА испытала влияние идей марксизма, маоизма, троцкизма, а также традиций национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки. ЭТА чтит наследие Сабино Араны, чье имя стоит у истоков баскского национализма и который является в глазах членов ЭТА героем, мучеником, заслужившим мистическое поклонение.

Национализм ЭТА носит «революционный» характер, так как она считает, что национальное освобождение влечет за собой и социальное. Но на практике национализм превращается в основной принцип, а борьба за национальное освобождение трактуется как борьба колонии против метрополии. Эта порочная концепция привела к автоматическому переносу борьбы против франкизма на борьбу с испанским государством. Постепенно ЭТА из романтической организации, мужественно боровшейся против диктатуры, выродилась в секту фанатиков, которые убийствами, взрывами, похищениями людей пытаются добиться независимости Страны басков, отвергаемой большинством населения Эускади.

ЭТА — подпольная, глубоко законспирированная структура, располагающая немалыми финансовыми средствами в результате грабежей, взимания «революционного налога» с предпринимателей, а также из зарубежных поступлений. Она представляет собой комплекс террористических групп, партий и других организаций. ЭТА-m и ЭТА-p-m находятся на нелегальном положении, но на их основе создаются участвующие в выборах партии. Большинство ее членов после совершения террористического акта еще несколько лет назад беспрепятственно скрывались на юге Франции под видом «политических беженцев», что весьма осложняло двусторонние испано-французские отношения.

Первым шагом на пути решения баскской проблемы стал декрет, принятый правительством А. Суареса 4 января 1978 г., о предоставлении временного автономного статута Стране басков. Он открывал путь к ликвидации самой основы национального угнетения, устранял политические препятствия для развития языка, культуры, восстанавливал элементы национальной государственности Страны басков. Окончательный вариант решения национальной проблемы должна была дать новая конституция страны. В ходе ее подготовки все крупнейшие политические партии страны при решении вопроса о территориальной организации государства исходили, прежде всего, из приоритета сохранения его территориальной целостности. Исключение составляли лишь радикальные баскские и — в меньшей степени — каталонские националисты, поставившие вопрос о праве наций на самоопределение.

Невозможность отделения Страны басков определялась многими факторами. Прежде всего, этого не хотело большинство населения провинции. Уступка националистам создала бы нежелательный прецедент. Отделение имело бы трудно прогнозируемые внутриполитические последствия, в первую очередь недовольство в вооруженных силах. Образование маленького, экономически нежизнеспособного баскского государства создало бы проблемы для Испании, Франции и всей Европы.

Во время конституционных дебатов большое внимание было уделено проблеме фуэрос. Это объяснялось, прежде всего, обстановкой в Стране басков, где активная террористическая деятельность ЭТА привела к замедлению темпов экономического роста в некогда процветающих провинциях Испании, к упадку бизнеса, падению цен на недвижимость, утечке капиталов, отсутствию гарантий безопасности. Поддерживая популярный среди баскского населения лозунг «фуэрос — это наша конституция», БНП, с одной стороны, стремилась закрепить экономические привилегии региона, а с другой — увеличить свое политическое влияние, представ в глазах электората наиболее последовательной защитницей национальных прав. Кроме того, она стремилась во что бы то ни стало создать иллюзию своей способности покончить с террором, привлекая на свою сторону националистически настроенное население, опасающееся террористических действий. Отсюда и известная позиция БНП: она формально не поддерживает никаких отношений с ЭТА и осуждает ее насильственные действия, хотя и понимает их.

Первое дополнение к Конституции гласит: «Конституция защищает и уважает исторические права территорий, обладающих фуэрос. Восстановление этого режима будет осуществляться в рамках Конституции и автономных статутов». Иными словами, хотя режим фуэрос и был восстановлен, кортесы отказались поставить их выше Конституции, на чем настаивали баскские националисты (по их замыслу, король должен был, как в Средние века, клясться на верность не только Конституции, но и фуэрос). Это привело к тому, что БНП не поддержала проект основного закона страны и призвала своих сторонников воздержаться от голосования на конституционном референдуме.

Баскские националисты утверждали, что едва ли не основная цель создания в соответствии с Конституцией 1977 г. на территории страны 17 автономных сообществ — это маскировка того факта, что каталонцы, баски и галисийцы не являются испанцами. Следовательно, представление об Испании как о едином государстве заменялось представлением о государстве плюралистическом, которое могут ощущать

своим и каталонцы, и баски, и жители Канарских островов. Со своей стороны, государство пытается ограничить возможности автономных сообществ влиять на процесс принятия решений на общенациональном уровне.

Испания как многонациональное государство не может себе позволить уравнение исполнительной и законодательной властей, ибо это неизбежно ведет к усилению регионализма. Поэтому конституция и зафиксировала решающую роль правительства в проведении внутренней и внешней политики. Центральная власть постоянно напоминает, что она обладает полномочиями на всей территории Испании, а претензии на то, что в Каталонии или Стране басков нет другой власти, кроме автономной, неконституционны.

Результаты конституционного референдума в Стране басков и Наварре резко отличались от полученных в остальных районах страны, где около двух третей населения приняли участие в нем и почти 90% из них высказались за одобрение Конституции. Голосовавших в Гипускоа и Бискайе оказалось около 43–44%, из них менее 70% проголосовали за конституцию, а около 20% — против. Несколько лучше положение было в Алаве и Наварре, где на участки пришли 60–65% избирателей, но и из них около 20% высказались против новой Конституции. Если же брать в расчет всех избирателей, имеющих право голоса, то увидим, что лишь в Наварре Конституция получила одобрение около 50% избирателей. В Гипускоа же эта цифра не достигла и 28%, в Бискайе — 31%[1].

В октябре 1979 г. в Стране басков был проведен референдум, утвердивший постоянный автономный статут и наделивший регион «широкой» автономией. Был утвержден флаг Страны басков и уравнен в правах баскский язык — эускера — с кастильским на территории трех провинций Эускади, закреплено регулирование отношений с остальной Испанией в сфере налогообложения традиционной системой экономических соглашений. Фактически это было восстановление «налогового рая», рамки которого Страна басков могла к тому же постоянно расширять, добиваясь от центрального правительства пересмотра суммы взносов. Создавалась автономная полиция, подчинявшаяся правительству Страны басков. К ключевым вопросам можно отнести и создание баскского парламента, избираемого на четыре года и состоящего из равного числа представителей каждой провинции.

Исполнительной властью наделялось баскское правительство, председатель которого избирается парламентом и утверждается ко-

---

[1] См.: Coverdale J.F. *The Political Transformation of Spain after Franco.* New York, 1979. P. 123.

ролем. В марте 1980 г. состоялись выборы в однопалатный баскский парламент, победу на которых одержала БНП. Она же, иногда в союзе с ИСРП, доминировала в баскском парламенте и все последующие годы. Некоторые политологи считали возможным в 90-е годы говорить о скором исчезновении ЭТА с политической сцены в связи с ее организационно-политической слабостью, неудачами связанных с ней группировок (Эрри Батасуна) на выборах, подъемом пацифистского движения, особенно среди молодежи, арестами многих лидеров террористов. Все это воспринималось как признаки растущей изоляции сторонников насилия. год от года сокращалась поддержка националистических партий.

Затем последовал новый подъем террористической активности ЭТА. К самым громким террористическим актам, совершенным ее членами в 90-е годы, относятся убийство Г. Ордоньеса — председателя Народной партии в Гипускоа (февраль 1995 г.), покушение на лидера НП Х.М. Аснара (апрель 1995 г.), убийство Ф. Мухики — одного из руководителей ИСРП и бывшего председателя конституционного трибунала Ф. Томаса-и-Вальенте (февраль 1996 г.). Эти убийства знаменовали победу жесткой линии в руководстве ЭТА. Иначе говоря, переход к демократии не смог покончить с насилием ультралевых, демократические институты оказались не способны искоренить насилие в Стране басков. Громкие коррупционные скандалы в правительстве ИСРП и в особенности «грязная война» спецслужб против ЭТА способствовали оживлению тезиса о «виктимности» басков, исторически используемого ЭТА.

Расследование обстоятельств «грязной войны», развязанной руководством испанского МВД при поддержке высших политических кругов в середине 80-х годов против ЭТА, получило широкую известность как «дело ГАЛ» (Grupos antiterroristas de liberacion — Антитеррористические группы освобождения, так сокращенно назывались незаконные вооруженные формирования, убивавшие басков, заподозренных в терроризме). В результате громкого судебного процесса в тюрьме оказались бывший министр внутренних дел Испании Х. Баррионуэво, начальник службы госбезопасности Р. Вера, многие высокопоставленные полицейские чины. Было доказано, что эти «эскадроны смерти» за три года убили 28 баскских активистов во Франции, чтобы вынудить Париж сотрудничать с Мадридом в антитеррористической борьбе. Соглашение между Испанией и Францией, по которому членам ЭТА, совершившим преступления, отказывали в предоставлении политического убежища во Франции, было подписано лишь в июне 1994 г.

Бывший председатель конституционного трибунала Ф. Томас-и-Вальенте, убитый членом «мадридской команды» ЭТА в феврале 1996 г., по иронии судьбы незадолго до своей смерти написал статью, где подчеркивал, что борьба с терроризмом требует строго следовать букве закона. В ходе этой борьбы, по его мнению, чрезвычайно важно не допускать ошибок. Не применять против террористов методы, которыми действует ЭТА. Избегать раздробленности демократических политических сил, которые должны совместно противостоять террору. И наконец, третье — уделять достаточно внимания проблемам молодежи в баскском обществе, чтобы «улица» не оказалась в руках непримиримых[1].

Свою уверенность в возможности решить проблему терроризма политическими методами выразил и король Хуан Карлос на первом после выборов 3 марта 1996 г. заседании Совета министров: «У меня нет никаких сомнений в том, что с помощью демократической юридической системы, союза всех политических сил и общественного компромисса в соединении с твердой и ясной политикой правительства и эффективными действиями сил безопасности мы добьемся того, что... превратятся в мрачное воспоминание те, кто, боясь свободы, может лишь отвечать на идеи силой, а на доводы разума — фанатизмом»[2].

Неудачи предшествующих правительств социалистов в урегулировании баскской проблемы, непрекращающаяся череда насилия, страх населения перед террором вынудили правительство НП испробовать иные пути решения проблемы. Настроения населения отражают результаты опроса, проведенного газетой «ABC» 22 ноября 1998 г.: 74,7% испанцев высказались за установление контактов с ЭТА при условии одностороннего прекращения ею огня, причем в Стране басков эта цифра составила 92,7%. При этом 33,3% испанцев были убеждены, что перемирие приведет к прекращению террористической деятельности (в Стране басков — 70%). И лишь 19% испанцев считали, что нельзя идти ни на какие уступки ЭТА. 52,6% испанцев и 61,6% жителей Страны басков полагали, что центральное правительство должно выполнить хотя бы часть требований ЭТА[3].

В значительной степени под влиянием таких общественных настроений правительство Аснара пошло на прямые переговоры с террористами. Следствием этих переговоров явился Мадридский пакт, заключенный всеми политическими партиями страны, отвергающими ЭТА

[1] См.: El País. 10.02.1996.
[2] El País. 31.08.1996.
[3] См.: ABC. 22.11.1998.

и выступающими за диалог с ней лишь после отказа от вооруженной борьбы. Одновременно для достижения единства баскских политических сил осенью 1998 г. был заключен пакт Ахуриа Энеа, в котором участвовали все баскские партии, выступавшие с антитеррористических позиций.

Перемирие соблюдалось 14 месяцев. Затем ЭТА, нарушив его, вновь взялась за оружие. Обосновывая свои действия, она заявила, что ничего не получила от Мадрида в обмен на перемирие, а умеренные националисты были недостаточно вовлечены в проект «национального баскского строительства». Прозвучали обвинения и в адрес БНП, которая якобы нарушила свое обещание прервать отношения с испанским правительством и наладить сотрудничество с радикальными сепаратистами в поисках баскской независимости. Досталось и умеренным националистам за «недостаток смелости», а главе правительства Хуану Хосе Ибарретче (БНП) напомнили о том, что он пришел к власти благодаря голосам радикалов, близких ЭТА в парламенте Бильбао.

Стремясь осложнить положение Аснара перед выборами в 2000 г., ЭТА обвинила и его в преследовании своих бойцов в период перемирия, хотя глава правительства заявлял о стремлении реинтегрировать боевиков в общественную жизнь и согласии перевести заключенных ближе к Стране басков, на чем настаивала ЭТА, и даже освободить некоторых из них. При этом он категорически отказывался от конституционных уступок террористам, настаивая на том, что все дискуссии о независимости возможны лишь в рамках существующих институтов. Позднее Аснар отказался от переговоров с боевиками и отверг требования о введении в конституцию положения о самоопределении, на основании которого ЭТА намеревалась провести референдум о независимости.

БНП убеждала правительство, что она лучше владеет ситуацией в регионе, и заявляла о своем несогласии с полицейскими методами решения проблемы. Мадрид в ответ указывал, что БНП тем самым поощряет экстремизм и способствует росту терроризма. Аснар, сам в свое время едва не ставший жертвой ЭТА, был первым председателем правительства Испании, разрешившим официальные прямые контакты с сепаратистами. Он постоянно заявлял, что готов к достижению консенсуса в отношении Страны басков. Однако при этом речь не шла ни о каком соглашении с БНП, подписавшей осенью 1998 г. соглашение с радикалами, а после разрыва перемирия в декабре 1999 г., отказавшейся разорвать его, несмотря на три убийства.

После новых убийств, совершенных ЭТА в декабре 1999 г., возмущение захлестнуло баскские провинции, в большинстве своем край-

не отрицательно относящиеся к террористическим актам. В январе 2000 г. на улицы Витории вышло около 100 тыс. человек, протестовавших против насилия. Правительство вновь перешло к жестким методам борьбы. В сентябре 2000 г. арестовали 20 членов политического крыла ЭТА, а на юго-западе Франции — Х. Гарсиа Гастелу, которого обвиняли в покушении на короля в 1995 г. Это была, безусловно, одна из самых успешных операций в многолетней борьбе с сепаратистами. Как полагают, Гарсиа являлся преемником командующего боевыми группами ЭТА, арестованного в марте 1999 г., и организатором террористических актов после провала перемирия. В Испании на него было выдано шесть международных ордеров на арест, во Франции он был заочно приговорен к шести годам тюрьмы.

В 2000–2001 гг. были выдвинуты политические предложения по ужесточению законодательства в борьбе с терроризмом. В частности, кортесы установили наказание виде двадцатилетнего тюремного заключения за уличное насилие, нанесение материального ущерба и запугивание населения, общественных, профсоюзных организаций. Одновременно были ужесточены положения закона в отношении несовершеннолетних, обвиненных в терроризме, увеличено финансирование МВД, гражданской гвардии и национальной службы безопасности.

Тринадцатого мая 2001 г. в Стране басков состоялись досрочные парламентские выборы. После ухода из парламента в сентябре 2000 г. депутатов от «Эускал Эрритаррок» (ЭЭ), политического крыла ЭТА, националисты остались в меньшинстве. БНП продолжала занимать ведущее положение в политической жизни Страны басков со времени получения автономии (1979). Но до сентября 1998 г., до заключения соглашения с ЭТА о баскском суверенитете и самоопределении, БНП не выходила за рамки испанской Конституции. Теперь все изменилось. Ни тот факт, что ЭТА прервала перемирие, и что с тех пор от ее руки погибли уже 26 человек, ни массовое возмущение населения не заставили БНП сойти с пути «самоопределения».

В выборах 2001 года участвовало около 80% избирателей — своеобразный рекорд для автономных выборов в Стране басков[1]. Результаты выборов носили достаточно противоречивый характер. С одной стороны, они принесли несомненный успех БНП, выступавшей в коалиции с умеренной Эуско Алькартасуной: она вновь завоевала относительное большинство в региональном парламенте. С другой — явное поражение потерпела Народная партия и особен-

[1] См.: http://www.elpais/temas/eta/menua/a1/cronologia/html.

но — ИСРП, которая выступала с весьма близких НП позиций, отстаивая жесткую линию борьбы с ЭТА. Обе партии вместе получили меньше мест в парламенте, чем БНП (32 против 33). Несомненно, утешительным итогом выборов явилась серьезная неудача близкой ЭТА Эускаль Эрритаррок. По-видимому, голоса радикалов отошли к БНП, которая уже открыто заявляла о необходимости суверенитета Страны басков. Примечательны слова тогдашнего председателя БНП Х. Арсальюса, сказанные уже после выборов: «Мы не собираемся отказываться от самоопределения и, если сможем, начнем движение в этом направлении»[1].

С 2000 г., после того как ЭТА нарушила перемирие и возобновила террористические акты, в Стране басков изменилась не столько политическая, сколько гражданская расстановка сил: прежние пассивные пацифисты вышли на улицы и вывели за собой стотысячные демонстрации. Об изменениях в общественных настроениях свидетельствуют данные опроса, проведенного 2–4 октября 2001 г. Согласно результатам опроса 94% жителей Страны басков требовали от террористов полностью отказаться от вооруженной борьбы; 95% отвергали любой вид насилия и высказывались за политические и демократические пути решения проблемы, 96% выступали в защиту прав и свобод всех граждан[2].

Вскоре после теракта в США 11 сентября 2001 г. председатель правительства Испании Х.М. Аснар сравнил деятельность ЭТА с деятельностью боевиков «Аль-Каиды». В ответ сепаратисты распространили заявление, в котором представляли свою борьбу как «локальное явление, не затрагивающее мировое сообщество и никак не связанное с исламским терроризмом». Двадцать седьмого декабря 2001 г. 15 стран — членов ЕС достигли соглашения о создании единого европейского списка террористических групп. Крупным успехом правительства Испании явилось включение в него не только самой ЭТА, но и входящих в нее группировок, в том числе и тех, целью которых была амнистия бойцов ЭТА.

Вопрос о терроризме вновь вышел на первый план 11 марта 2004 г., когда в Мадриде был совершен крупнейший за всю ее историю террористический акт: 10 бомб практически одновременно взорвались в трех пригородных поездах, убив 198 и ранив 1500 человек. Это произошло на завершающей стадии избирательной кампании — 14 марта должны были состояться парламентские выборы.

---

[1] Ibidem.

[2] См.: El País. 04.10.2001.

Лидеры Народной партии сразу же после взрывов, не дожидаясь даже предварительных результатов расследования, возложили всю вину за теракты на боевиков ЭТА. Но такая позиция, во многом противоречившая здравому смыслу, вызвала широкое возмущение в стране. Действительно, события 11 марта не укладываются в «стиль» баскских радикальных националистов, которые обычно не совершают немотивированных терактов, а целенаправленно устраняют политических деятелей, представителей сил безопасности, неугодных им предпринимателей и т. д.

Но главное, конечно, не в этом. Сам масштаб трагедии 11 марта указывал не на ЭТА, у которой нет ни финансовых, ни людских, ни технических ресурсов для осуществления столь крупной, дорогой и хорошо спланированной акции. 12–13 марта на улицы испанских городов вышло около 8 млн человек, протестовавших не только против террора, но и против политики правящей партии, которая, по мнению большинства, своей безоговорочной поддержкой войны в Ираке привела к тому, что «Аль-Каида» «отомстила» Испании.

Администрация США восприняла новую внешнюю политику правительства ИСРП, победившей на выборах, и, прежде всего, вывод войск из Ирака как уступку шантажу «Аль-Каиды». Хотя это и представляется чрезмерно идеологизированной позицией, в ней, безусловно, есть рациональное зерно. Если «Аль-Каида» действительно спланировала и осуществила взрывы в Мадриде и целью этих взрывов было свержение правительства Аснара, то можно уверенно сказать, что она добилась своей цели. Поэтому, как никогда, налицо потребность в сплочении перед лицом террористической угрозы, в том числе в достижении с НП консенсуса по этому вопросу. Антитеррористический пакт, направленный против ЭТА, недостаточен для ответа на новые вызовы. Необходим широкий политический компромисс, чтобы дать ответ «мегатерроризму», который появился в Испании.

Но вернемся к Стране басков. После крупного поражения Эускал Эрритаррок на выборах 2001 г. на ее базе была создана новая партия — Батасуна. Получив доказательства ее связей с ЭТА, Верховный суд запретил деятельность партии, а правительство приняло решение реформировать Закон о политических партиях 1978 года с целью поставить вне закона близкие к ЭТА группировки. Новый закон вступил в силу 29 июня 2002 г. В августе первичные организации Батасуны были распущены, ее офисы закрыты. Семнадцатого марта 2003 г. Конституционный трибунал подтвердил конституционность нового Закона о политических партиях и решения о запрещении всей «цепочки» — Батасуна–Эускал Эрритаррок–Батасуна, включая полное прекращение

деятельности избранных от них парламентариев. Важно отметить, что это решение явилось следствием консенсуса НП-ИСРП[1].

Решение о запрещении Батасуны должно было положить конец двум мифам: первый — о якобы ее автономии от ЭТА, второй — о существовании некоего демократического баскского национализма, по-своему заинтересованного в том, чтобы покончить с терроризмом. После запрещения Батасуны семь депутатов, избранных в региональный парламент в 2001 г., попытались сохранить организацию под новым именем — Социалиста Абертзалеак (Социалисты-националисты). Но вскоре Верховный суд вынес решение о роспуске и этой организации. Однако председатель баскского парламента отказался выполнить это решение, и группа продолжала свою парламентскую деятельность.

С окончанием легислатуры и приближением новых выборов казалось, что близок конец всякому представительству ЭТА в парламенте. Но буквально накануне выборов на сцену вышла новая организация — Коммунистическая партия баскских земель (КПБЗ). Эта группировка заявила, что разделяет «принципы демократии, мира, защиты гражданских и политических прав», но отказалась открыто осудить терроризм ЭТА и ограничилась словами о том, что выступает против любых «нарушений прав человека».

Семнадцатого апреля 2005 г. в Стране басков состоялись очередные парламентские выборы. Из почти 2 млн избирателей к урнам пришли только 66% (против 80% в 2001 г.). В 75-местном парламенте БНП во главе с Хуаном Ибарретче получила 29 мандатов — на четыре меньше, чем на прошлых выборах, что означало потерю абсолютного большинства. Но она выступала в коалиции с Эуско Алькартасуна (ЭА), как и в 2001 г. Предвыборная программа основывалась на предложении о новом автономном статуте, известном как «План Ибарретче», основные положения которого повторяли давно известную позицию о том, что «баскский народ имеет собственную идентичность и право определять свое будущее в соответствии с правом народов на самоопределение». Но была и новинка: предлагалось создание Баскского Сообщества, свободно ассоциированного с испанским государством; официальное признание баскского гражданства, совместимого с испанским; создание собственной судебной системы и Верховного суда Страны басков как высшей судебной инстанции; независимое от Испании представительство во всех органах ЕС и в других международных организациях (в частности, ЮНЕСКО).

[1] См.: ABC. 27.08.2002.

Ибарретче обещал провести референдум по этому плану, но Мадрид считает эту идею незаконной.

Такая формальная политическая независимость автономной области способна была принести немалую головную боль не только Испании, но и ЕС. По мнению экономистов, которые ссылаются на опыт дезинтеграции Чехословакии, Югославии и СССР, независимость Страны басков привела бы к сокращению ее ВВП на 25%, потере 200 тыс. рабочих мест и значительному снижению уровня жизни баскского населения. Следует еще подчеркнуть, что Страна басков превратилась ныне в самый развитый регион Испании: благодаря крупным инвестициям экономический рост в среднем достигает 3,4%, уровень безработицы — 7,8%, что намного меньше общенационального показателя, зарплаты 15–16% выше, чем в среднем по Испании, а пенсии — даже на 20%.

Для формирования нового кабинета БНП пришлось договариваться с недавно возникшей КПБЗ (девять мандатов). Своим успехом коммунисты обязаны поддержке со стороны руководства радикальной и объявленной вне закона Батасуны. Интересно отметить, что баскские коммунисты получили на последних выборах больше мандатов, чем радикальные баскские националисты в 2001 г. Баскские социалисты, входящие в ИСРП, стали второй (18 мандатов — на шесть больше, чем четыре года назад) силой в региональном парламенте. Вновь неудачно выступила на выборах правоцентристская Народная партия — она потеряла четыре мандата.

Председателем парламента автономной области и ее президентом в третий раз подряд переизбран лидер БНП Х.Х. Ибарретче. Победу во втором туре ему обеспечили депутатские мандаты КПБЗ, близкой к Батасуне по политическим взглядам. Народная партия заявила, что нынешнее правительство социалистов потому не настаивает на запрещении КПБЗ, что обсуждает сделку с ЭТА и дает возможность Батасуне вновь стать легальной партией через КПБЗ. Это привело бы к разрыву Антитеррористического пакта.

В начале мая 2005 г. на встрече председателя правительства Х.Л. Родригеса Сапатеро с Хуаном Ибарретче было отмечено, что после автономных выборов в Стране басков наступила «новая политическая фаза», позволяющая «нормализовать обстановку в области и добиться мира на основе диалога и уважения к законам». Встреча привлекла к себе внимание, так как Сапатеро не скрывает своего стремления найти общий язык с умеренными националистами Страны басков, возглавляемыми Ибарретче, и решить проблему терроризма ЭТА политическими средствами. За это консервативная оппозиция обвиняет

главу правительства в чрезмерной «мягкости» и даже в «потакании терроризму». Сапатеро уверил Ибарретче, что правительство не будет возражать против расширения рамок самоуправления в Стране басков при условии поддержки со стороны большинства политических сил. Председатель правительства неоднократно заявлял, что готов «очень далеко пойти» ради установления мира, если ЭТА раз и навсегда откажется от использования оружия.

Одиннадцатого мая 2005 г. в ходе дебатов в кортесах о положении нации Сапатеро выразил готовность к переговорам с ЭТА, если она заявит о прекращении насилия. В середине мая конгресс депутатов — нижняя палата парламента — принял резолюцию, позволяющую правительству начать диалог с представителями националистов. Обязательным условием для проведения переговоров должен стать отказ от продолжения террористической деятельности. НП тут же заявила о своем возмущении поиском диалога с бандитами. Ее поддержала Ассоциация жертв терроризма, которая развернула бескомпромиссную борьбу против вероятных переговоров. Четвертого июня 240 тыс. человек по сведениям правительства и от 500 тыс. до 1 млн по сведениям организаторов провели в Мадриде по инициативе Ассоциации марш против планов правительства.

ЭТА вскоре действительно объявила, что ее руководство решило прекратить вооруженные акции против чиновников, избранных по партийным спискам. Такое решение отвечает «политическим переменам, наблюдающимся в последнее время в Испании». Накануне она признала, что одним из способов «достижения справедливого мира» в Стране басков является диалог. С мая 2003 г. и в течение нескольких лет на счету у баскских террористов не было человеческих жертв. В июле 2005 г. Ибарретче взорвал информационную бомбу, заявив, что правительство автономной области вместе с центральным правительством Испании «ведут диалог» с запрещенной партией Батасуна, которая считается политическим крылом ЭТА. При этом он подчеркнул, что любые договоренности, достигнутые в ходе его, могут быть выполнены лишь в том случае, если ЭТА откажется от насилия. Испанское МВД считало, что руководство баскских террористов не откажется от своей привычной тактики совершать теракты, вызывающие большой резонанс, но не приводящие к жертвам.

Однако теракт на автомобильной стоянке четвертого терминала мадридского аэропорта «Барахас», совершенный 30 декабря 2006 г., — впервые с мая 2003 г., повлек за собой человеческие жертвы. После этого всякие переговоры с террористами были прерваны. Их возобновления требуют различные политические и общественные орга-

низации Страны басков, считающие, что силовые методы борьбы, применяемые властями в течение последних 40 лет, не дадут никаких результатов.

Третьего февраля 2007 г. в Мадриде прошла массовая демонстрация сторонников Народной партии, требовавших отказаться от любых переговоров с ЭТА и отставки правительства социалистов. В манифестации, по данным ее организаторов, участвовали более миллиона человек, включая всех руководителей Народной партии, а также активистов еще 140 общественных организаций консервативного толка. Многие участники шествия несли флаги и символику времен франкистский диктатуры. Одновременно в Бильбао прошла многотысячная манифестация, организованная католическими епископами, с требованием к правительству не отказываться от мирного диалога с радикалами. Это новое обострение политической борьбы вокруг путей урегулирования положения в Стране басков связано с переводом из тюрьмы под домашний арест активиста ЭТА Хосе Игнасио де Хуана Чаоса, который после четырехмесячной голодовки находился в состоянии крайнего истощения. Такое решение властей вызвало многочисленные протесты в Испании. Ряд аналитиков предположил, что Сапатеро таким образом открывает себе путь для продолжения мирного диалога с террористами. Председатель правительства в свою очередь обвинил оппозицию в нагнетании напряженности, и в том, что Народная партия использует борьбу с терроризмом в своих узкопартийных интересах и пытается «отравить национальную стабильность». В ответ лидер оппозиции Мариано Рахой в очередной раз заявил, что правительство идет на уступки террористам[1].

Ликвидация франкизма, переход к демократической системе, воссоздание элементов баскской государственности и системы исторических прав и привилегий для баскских провинций (фуэрос) так и не смогли покончить с террористической деятельностью «непримиримых». Если интеграция Каталонии в демократическую систему произошла мирным путем, при том что есть каталонцы, которые не считают себя испанцами и настаивают на ином типе государства, но являются демократами и защищают свои идеи с помощью слова, то в Стране басков и, прежде всего, в провинции Гипускоа, на выборах ультралевая террористическая организация ЭТА получает больше всех голосов.

За свою более чем 30-летнюю деятельность ЭТА удалось создать впечатление «неизбежности» насилия. Многие молодые люди в Стра-

[1] См.: MIGnews.com. 04.03.2007.

не басков привыкли к такой жизни, считают террор вполне допустимым. Философ Ф. Саватер, профессор этики и баск по происхождению, возглавляющий надпартийную баскскую гражданскую инициативу «Баста йа» («Довольно»), получившую в 2000 г. премию Европейского парламента им. А. Сахарова, называет «чрезвычайным» положение в Стране басков: «В центре Европы, в экономически развитом регионе, националисты создали мираж, основанный на идее маленькой идиллической Страны басков с ее коровами, таинственным языком и — особенно — с ее независимым прошлым, которого никогда не существовало: это как виртуальный мир компьютера, не имеющий ничего общего с реальностью»[1].

При этом он отмечал, что в Стране басков можно жить, говорить на эускера, быть баском по происхождению, но никто не будет считать вас за баска, если вы не националист[2]. «Сегодня в Стране басков значительная часть граждан не имеет ни безопасности, ни свободы слова, ни свободы политических объединений, — говорил он. — Это царство страха, прямо ощутимого в повседневной жизни, напоминает худшие времена диктатуры Франко. ЭТА — несомненно, главный виновник всех этих несчастий. Этаррас — не пришельцы с другой планеты, а молодые люди, воспитанные в этническом фанатизме, в ненависти к большей части своих сограждан и ко всему, что они считают испанским. Это молодые люди, в которых вбили фальсифицированную историю и бредовую антропологию, в силу чего они считают себя жертвами и тем самым превращаются в палачей»[3].

Каким же представляется возможное урегулирование в Стране басков и, прежде всего, каковы методы прекращения террористической деятельности ЭТА? Следует еще раз подчеркнуть, что историческая область обладает широкой автономией: у нее собственный парламент, полиция, радио и два телеканала (один на баскском языке), двуязычная система образования; в ней высокий уровень жизни. За последние годы произошло подлинное возрождение баскской культуры и баскского языка, который уравнен в правах с испанским. Баскония сама устанавливает и собирает налоги и лишь небольшая их часть уходит в Мадрид. Такой широкой автономией не пользуется ни один народ в Европе, не имеющий своей государственности. Государство автономий, несомненно, в значительной степени удовлетворило требования националистов, хотя они тщательно скрывают это.

---

[1] Le Monde. 07.03.2000.

[2] Ibid. 10.03.2000.

[3] Русская мысль. 2000. № 43–46. 21–27 декабря.

Единственный путь решения проблемы терроризма, как представляется, заключается в последовательной изоляции ЭТА, которая в значительной мере продолжает существовать за счет легенды, созданной во времена франкизма. В постфранкистский период члены ЭТА, продолжая свою бессмысленную и жестокую тактику, пытались найти ей оправдание в глазах населения, выдавая себя за борцов за свободу Эускади. Решение проблемы баскского терроризма представляется также неразрывно связанным с дальнейшим углублением процесса европейской интеграции. Отмена границ в традиционном смысле этого слова, создание единого рынка рабочей силы, товаров и услуг, усиление наднациональных органов управления окончательно превращает лозунг о самоопределении и независимости в анахронизм.

Глава 23. Местное самоуправление и децентрализация власти

В российской политической науке присутствует некоторая путаница в понимании феномена местного самоуправления, приводящая к ошибочным оценкам в анализе зарубежного опыта местного самоуправления. Порой происходит его неправомерное отождествление с местным управлением: ведь зачастую управление на территориальном уровне предполагает функционирование сложного механизма, который составляют и органы государственной администрации местного уровня (местные администрации) и выборные органы, то есть собственно органы местного самоуправления, и запутанную систему государственного регулирования и контроля местных органов власти и местного самоуправления. Поэтому уместно говорить скорее о местном самоуправлении в более широком контексте, которое включает в себя, помимо первого, также и систему государственных органов местных администраций.

В сегодняшнем мире традиционные место и роль государства в политике меняются и усложняются под влиянием самых различных явлений и процессов. Во внутренней жизни государства любые разновидности регионализма, сепаратизма и локализма отражают потребность регулировать общественные отношения и процессы на местном и региональном уровне. Потребность эта ярко выражена и обусловлена

социальными и историческими причинами. Местные органы власти, безусловно, являются частью государственного и политического устройства, однако не могут отождествляться с ними.

Территориальное разнообразие играет особую роль в испанской истории и самосознании испанцев, которые издавна чувствовали и продолжают ощущать до сих пор сильную привязанность к местности, где родились, — малой родине. Практически все сегодняшние социологические исследования указывают на рост среди молодых испанцев в возрасте от 15 до 29 лет числа приверженцев локализма, противостоящих общегосударственному национализму, европеизму и космополитизму[1].

Географические особенности страны изначально способствовали естественному обособлению ее провинций и регионов. Исторически Испания складывалась как сообщество королевств на Пиренейском полуострове (Las Españas), каждое из которых отличалось своеобразием, имело опыт самостоятельной борьбы с арабскими завоевателями и обладало широкой автономией по отношению к Кастилии — одному из наиболее крупных государственных образований, занявшему центральное место в формировании испанской монархии и управлении ею. В 1808 г. во время наполеоновского вторжения, спустя 300 лет после провозглашения единого государства в результате династического брака Католических королей, дворянин Уркихо заявил командующему военным округом Кастилии Куэсте: «Наша Испания представляет собой готическое здание, сложенное из разнородных элементов; в ней столько же различных сил, привилегий, законодательств и обычаев, сколько провинций. В ней решительно нет того, что в Европе называют общественным духом. Эти причины всегда будут препятствовать установлению у нас какой-либо центральной власти, достаточно прочной, чтобы объединить наши национальные силы»[2].

Испания имеет богатый опыт и традиции местного управления и самоуправления, корнями уходящего в дороманскую эпоху. Либеральные революции здесь проходили под лозунгом восстановления аюнтамьентос — органов местного самоуправления, которые восходят к римской эпохе и обладают свойственной римским муниципиям чертой — сочетанием наследственного и избирательного права. Несмотря на жесткую централизацию и унификацию управления в период франкизма, местный уровень управления продолжал существовать,

---

[1] См., например: Informe Juventud de España 2004. Madrid, 2005. P. 504–521.

[2] Цит. по: Маркс К. Революционная Испания // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 442.

хотя и в условиях строгой подчиненности центру и контроля со стороны последнего.

Конечно, говоря об истории местного самоуправления в Испании, нельзя забывать о таких неприглядных явлениях, распространенных в XIX — начале XX столетия, как касикизм — возможность уважаемого человека в округе влиять на электоральный выбор местных жителей — или местнический клиентелизм. К тому же многие вопросы, например об организации местных выборов, так и не были окончательно урегулированы и часто становились предметом политических споров, вплоть до правительственных кризисов.

Принято считать, что решающее влияние на развитие испанского варианта местного самоуправления оказала соседняя Франция. В стране, которая приняла у себя на престоле в начале XVIII в. династию французских Бурбонов, а в начале XIX в. входила в состав наполеоновской империи, сформировалась так называемая континентальная модель местного самоуправления, в отличие от англосаксонской, и смешанной — центрально- и восточноевропейской. Ей присущи сочетание местного самоуправления и местного управления (органов государственной власти местного уровня), выборности и назначаемости, определенная иерархия системы управления, ограниченная автономия местного самоуправления, наличие особых государственных контрольных органов на местах.

Впрочем, некоторые политологи и правоведы склонны выделять особую романскую макросистему в романо-германской правовой семье местного управления. Ее можно было бы назвать еще и средиземноморской — именно к ней относят Францию, Италию, Испанию, Грецию, Португалию. Существует мнение, что к местному самоуправлению в Европе, как, впрочем, и к большинству политическим проблем, применима формула «север–юг»: Скандинавские страны отличает высокая степень автономии местного самоуправления, страны Южной Европы — низкая. К примеру, А. Гессер в своей книге «Свобода муниципальных образований как спасение Европы» связывает уровень развития местного самоуправления с историей развития общественных свобод и государственности: «исконно свободные» страны с традиционно высокой степенью гражданских свобод, выработавшие иммунитет против монархически-бюрократической централизации (к ним он причисляет Великобританию, страны Северной Европы, Нидерланды, Швейцарию, а также США), и «либерализованные государства верховной власти», основанные на общем подчинении бюрократическому аппарату и оставляющие мало места для реального управления под свою ответственность на местном

уровне (к которым, помимо Франции, Италии и Германии, Гессер относит Испанию)[1].

Конституция Испании 1978 г. юридически закрепила существование так называемого государства автономий, отказавшись от прежней формулы жестко централизованного унитарного государства и провозгласив уравновешивающие друг друга принципы единства и автономии. В соответствии с предоставленным провинциям, имеющим территориальную, историческую, культурную и экономическую общность, правом получить самоуправление, было образовано 17 региональных автономных объединений (сообществ). Особый статус приобрели эксклавы Сеута и Мелилья. Шесть автономных сообществ состоят из одной провинции: Мадрид, Наварра, Кантабрия (провинция Сантандер), Ла-Риоха (провинция Логроньо), Мурсия, Балеарские острова.

Сама идея государства автономий как разновидности регионального государства возникла не на пустом месте. Концепция регионального государства активно разрабатывалась в испанской научной литературе в первой трети XX в. и нашла отражение в доктрине «интегрального государства» Второй Республики, официально закрепленной Конституцией 1931 г. Некоторые аналитики видят в государстве автономий (его иногда называют еще составным государством) незавершенную, полуили квазифедерацию, считая, что для обеих моделей государственного устройства характерны децентрализация политической власти и существование легитимных центров принятия политических решений территориального уровня, а децентрализация представляет собой, по сути дела, федерализацию.

Статья 145.1 Конституции 1978 г. не допускает создания федерации региональных автономных сообществ: в общественном сознании испанцев жива память о Первой Республике 1873 г., которая провозгласила Испанию федеративным государством, однако не сумела предотвратить кантоналистских мятежей и пала в результате военного переворота, реставрировавшего монархию. Однако вряд ли можно обвинять создателей текста Основного закона постфранкистской Испании в стремлении построить самобытный вариант федеративного государства и одновременно в боязни назвать вещи своими именами в силу исторических причин. Прежде всего, различна степень самостоятельности, которую предоставляют федерация — своим субъектам, а региональное государство — своим административно-территориальным единицам. Поэтому прав российский исследо-

---

[1] См.: Неф Р. Да здравствует нонцентрализм. М., 2002.

ватель С. Хенкин, который определяет современную Испанию как унитарное государство, в территориальной организации которого присутствует много элементов федерализма, и соглашается с мнением экспертов, относящих ее к числу наиболее децентрализованных унитарных государств[1].

В действующей Конституции местным органам власти отводится всего лишь три статьи (ст. 140–142). Однако это отнюдь не свидетельствует о пренебрежении к местному уровню управления и, кстати, не является исключением в мировой практике. Основной закон предложил концептуальную модель государственности, в том числе самые общие подходы к видению института местного самоуправления. Одни видят в этом недостаток, другие — преимущество: положения Конституции находят трактовку и последовательное развитие в различных законодательных и прочих юридических актах, что обеспечивает возможность реформ и преобразований в сфере административно-территориального устройства страны без необходимости радикальной конституционной реформы. Прерогатива разъяснять и уточнять, разрешать спорные вопросы, в первую очередь, в сфере государственного управления и разграничения полномочий на различных уровнях передана Конституционному суду.

Создание нового, по сравнению с периодом франкизма, регионального уровня управления требовало времени. Начатый со смертью диктатора процесс автономизации в виде предоставления особого режима «предавтономии» некоторым историческим областям страны обрел с принятием Основного закона конституционное оформление: в 1978–1983 гг. все 17 автономных сообществ были созданы и приняли свои статуты. Вопрос о реформе местного управления был оставлен «на потом» в рамках движения «от закона к закону», как говорил наставник и советник испанского короля Хуана Карлоса I герцог Торкуато Фернандес Миранда, один из идеологов и руководителей демократического перехода в Испании, ориентируясь на ход процесса автономизации. Речь шла действительно о реформировании, а не о создании заново, о сохранении, а также о последовательном и эффективном развитии данного института.

Статья 137 Конституции помимо региональных автономных сообществ включает в организационно-территориальную структуру государства муниципалитеты и провинции, также наделяя их правом автономии. С 1833 г. территория Испания поделена на провинции: их всего 50 (47 — на полуострове, три — на островах). Они были созда-

---

[1] См.: Испания в начале XXI века. М., 2006. С. 19.

ны по типу французских департаментов, возглавляемых префектами. В период франкизма управление провинцией и руководство всей местной администрации осуществлял назначаемый центральной властью так называемый гражданский губернатор. Институт гражданских губернаторов сохранялся вплоть до второй половины 90-х годов XX в., по аналогии с назначаемыми центральным правительством генеральными уполномоченными в регионах, и был отменен правительственным декретом в 1997 г.

Первичным звеном территориального устройства являются муниципалитеты. Их насчитывается в стране около 8 тыс. — с населением от нескольких жителей (около 90% насчитывают менее 10 тыс. и 60% — менее 1000 человек) до 3 млн человек и более (таких муниципалитетов 12, половина из них сегодня перешагнула пятимиллионный рубеж, а население 60 муниципалитетов достигло 1 млн человек).

Во главе муниципалитета стоит выборный алькальд (мэр). Прежний политический режим назначал алькальдов на неопределенный срок. Статья 140 гарантирует автономию муниципалитетов и предоставляет им всю полноту прав юридического лица, ст. 141.1 предоставляет аналогичную гарантию провинциям. Основной закон передает руководство и автономное управление муниципалитетами соответствующим муниципальным советам, состоящим из алькальдов и советников, а провинции — собранию представителей. Советники избираются жителями муниципалитетов путем всеобщего, равного, свободного и тайного голосования, алькальды избираются советниками или жителями муниципалитетов.

Даже самый общий анализ текста Конституции заставляет сравнивать положение провинций как объединения определенного числа муниципалитетов, образованных по территориальному принципу, и региональных автономных сообществ в структуре административно-территориального устройства страны, предполагая дублирование функций и естественное соперничество между ними. Как показал ход дальнейших реформ в сфере местного управления, положение провинции кардинально изменилось, она превратилась в некое «промежуточное» звено в территориальном управлении испанского государства: с одной стороны, возросли роль и значение муниципалитетов в структуре местной власти, с другой — были сформированы, начали функционировать и развиваться институты регионального уровня управления.

Последним, если можно так сказать, «бастионом» провинции остается верхняя палата испанского парламента (генеральных кортесов) — сенат. От каждой провинции как избирательного округа в сенат избираются путем всеобщего, свободного, равного, прямого и

тайного голосования четыре представителя (островные территории выбирают меньшее число сенаторов, население Сеуты и Мелильи — по два). Однако, являясь палатой территориального представительства и формируясь на основе не только провинций, но и региональных автономных сообществ, сенат имеет весьма ограниченную, подчиненную по отношению к конгрессу депутатов — нижней палате генеральных кортесов, роль в парламентской системе страны. Его деятельность во многом дублирует деятельность последнего, а его возможности законодательной инициативы невелики. Фактически он выполняет функции, типичные для верхних палат унитарных государств. Именно поэтому в сегодняшней Испании все чаще рассуждают о необходимости реформы сената для усиления его роли как палаты регионов.

Первые муниципальные выборы в 1979 г. стали отправной точкой реформы системы местного управления. В первой половине 80-х годов многочисленные решения Конституционного суда по вопросам местного управления и самоуправления свидетельствовали о множестве нерешенных проблем. Среди основополагающих — решение от 28 июля 1981 г., в котором Конституционный суд разъяснил, что под местной автономией следует понимать право местных органов власти принимать участие в определении и управлении делами, которые затрагивают их интересы, при этом степень их участия пропорциональна интересам местного и неместного уровней. Также в своем решении от 2 февраля 1981 г. Суд постановил, что автономия не тождественна суверенитету, а выступает как часть единого целого, принцип автономии никак не противоречит принципу единства испанской нации, а исполнение местной властью своих функций должно сочетаться с контролем за законностью этих функций в рамках ее компетенции.

Важнейшей вехой на пути реформы следует считать, прежде всего, 1985 г. — год подписания и вступления в силу Закона 7/1985 от 2 апреля о регулировании основ режима местного управления[1]. В дальнейшем текст Закона претерпел изменения и дополнения. Наиболее существенные были внесены Законом 11/1999 от 21 апреля[2] в рамках реализации так называемого Пакта местного управления и Законом 57/2003 от 16 декабря о мерах по модернизации местного управления[3].

Процесс реформирования проходил не только при взаимодействии с центром, но и с регионами, которым ст. 148 Конституции были даны полномочия в вопросах изменения границ муниципалитетов,

[1] См.: Boletin oficial del Estado. No 80. 03.04.1985.
[2] См.: Boletin oficial del Estado. No 96. 22.04.1999.
[3] См.: Boletin oficial del Estado. No 301. 17.12.2003.

расположенных на их территории, осуществления функций, связанных с деятельностью местных органов, относящихся к компетенции государственной администрации, передача которых разрешается законодательством о местном самоуправлении; территориального, городского и жилищного благоустройства; развития транспортной сети; использования природных ресурсов и охраны окружающей среды; экономического развития; социального обеспечения; развития культуры, туризма и спорта и т. д. Автономные сообщества, институционально оформившиеся ко второй половине 80-х годов и принявшие свои статуты, участвовали в разработке общегосударственных законов, а вслед за принятием последних приступали к спецификации собственного законодательства, обращаясь в случае необходимости за разъяснением к Конституционному суду.

Что касается Наварры и баскских провинций, то организацию их местного управления устанавливает так называемый форальный режим, регулирующий отношения между центральным правительством и конкретными территориальными единицами на основе исторически сложившихся двусторонних соглашений. Старинные испанские вольности — фуэрос гарантировали привилегии местностей, городов, провинций, областей, прежде всего, в сфере местного законодательства, налогообложения, таможенных границ. Таким образом, сфера компетенции муниципалитетов и провинций регулируется общегосударственными законами, форальными законами, законами автономных сообществ в различных областях, так называемыми пактами местного управления для каждого из них.

Разграничение предметов ведения, полномочий и функций центральной, региональной и местной властей представляет собой непрерывный, постоянно развивающийся процесс, цель которого — достижение равновесия интересов между центром, регионами и местным самоуправлением. Тот факт, что законодательство по данному вопросу весьма обширно, не является особенностью или недостатком. В соседней Франции, к примеру, за десять лет после 1982 г. было принято свыше трехсот нормативных актов, относящихся к политике децентрализации, что потребовало новой кодификации[1].

После вступления Испании в 1986 г. в Европейское экономическое сообщество и подписания Мадридом годом ранее Европейской хартии местного самоуправления европейская интеграция становится важным фактором процесса реформирования местного управления и

[1] См.: Евдокимов В.Б., Старцев Я.Ю. Местные органы власти зарубежных стран: правовые аспекты. М., 2001. С. 129.

самоуправления, а определение целей реформы и путей их достижения происходят в рамках субсидиарности — принципа, занимающего важное место в философии и практике строительства единой Европы. Это, в частности, означало, что вопросы, которые можно решать на низовом (местном) уровне управления, не имеет смысла передавать наверх. Соответственно вышестоящие властные органы должны вмешиваться в решение вопросов лишь тогда, когда граждане и создаваемые ими органы местного самоуправления не в состоянии самостоятельно справиться с какой-либо проблемой.

Европейская интеграция усилила также стремление развивать горизонтальные (сетевые) отношения между местными территориальными единицами, прежде всего городами, не только внутри страны, но и между муниципалитетами стран Евросоюза. Со своей стороны, ЕС переориентирует региональную политику на более тесные контакты с региональными и даже местными органами власти, что вполне логично в рамках построения «Европы регионов». Это порой порождает естественные конфликты между государствами (в том числе Испанией) и наднациональными органами управления ЕС, а также опасения в привлекательности идеи «Европы регионов» для сепаратистов.

Более того, можно утверждать, что сфера местного управления и самоуправления в Испании подвергается европеизации, понимаемой как «процесс формулирования, распространения и институализации (укоренения) формальных и неформальных правил, процедур, политических парадигм и стилей, общих верований и норм, которые сначала определяются и обретают форму в процессе принятия решений на европейском уровне, а затем инкорпорируются в логику внутриполитического дискурса в отдельных странах, в национальные политические структуры и публичную политику»[1].

Главным направлением указанного процесса реформирования следует считать адаптацию режима местной власти к организационной структуре центрального и регионального уровней управления с учетом глубоких социальных, экономических и культурных изменений в жизни испанских муниципалитетов последних десятилетий. Произошел отказ от корпоративистской модели построения и функционирования местного управления и прежнего единообразия в подходе ко всем или большинству муниципалитетов, различающихся между собой по многим параметрам, прежде всего демографическим. Подобный униформизм не удовлетворял в первую очередь

---

[1] Стрежнева М.В. Европеизация национального государства // Международные организации. Сб. статей. М., 2004. С. 159.

крупные города, роль которых в процессе глобализации и связанной с ним ретерриториализации начала меняться и которые выступали за предоставление им особого юридического статуса, адекватного сложностям их политико-административной структуры.

Закон 2003 г. дополнил базовый Закон о регулировании основ режима местного управления новым разделом о режиме организации муниципалитетов с большой численностью населения. Сюда относятся муниципалитеты с населением свыше 250 тыс. человек; столицы провинций, чье население превышает 175 тыс. жителей; столицы провинций, автономных сообществ или места нахождения автономных институтов и учреждений; муниципалитеты с населением свыше 75 тыс. человек, которые докажут особые экономические, социальные, исторические или культурные подтверждения своего намерения получить подобный статус (ст. 121).

С целью сформировать современную систему местного управления, законодатели демократической Испании решили разделить наиболее важные политические и нормотворческие функции местной власти, с одной стороны, и исполнительно-административные — с другой. При этом работа профессиональных высококвалифицированных управленцев сочеталась с непременным открытым и конструктивным обсуждением и контролем. Таким совещательным и контролирующим органом местной власти становится пленум — орган политического представительства граждан муниципалитета, в чем-то сходным с парламентскими ассамблеями (законодательными собраниями), в состав которого входят выборные советники во главе с председателем — алькальдом.

Согласно избирательному законодательству, советников выбирают жители, постоянно проживающие на территории муниципалитета (в том числе иностранцы, не имеющие гражданства Испании: они обладают пассивным и активным правами на местных выборах), путем прямых выборов по пропорциональной системе (по партийным спискам) с использованием так называемой формулы д'Хондта. Согласно этой формуле общее число голосов, полученных каждой партией, делится на последовательный ряд делителей, и места распределяются согласно наибольшим полученным частным[1]. Аналогичная схема

[1] См.: Раздел III Органического закона 5/1985 об избирательной системе, посвященный организации муниципальных выборов, в последней редакции официальный сайт Министерства внутренних дел, которое в Испании занимается организацией избирательного процесса: www.mir.es/DGPI/Normativa/Normativa_Estatal/ Procedimiento_Electoral/ lo05-1985.html. Первые муниципальные выборы в постфранкистский период состоялись в 1979 г. в соответствии с Законом 39/1978 от 17 июля 1978 г. о местных выборах.

голосования действует и на остальных территориальных уровнях, однако, в отличие от всеобщих парламентских выборов, партиям, принявшим участие в муниципальных выборах, следует набрать уже не 3, а 5% голосов избирателей, чтобы получить места в органах местного самоуправления.

Количество избираемых советников зависит от численности населения конкретного муниципалитета. Муниципалитеты с населением до 250 жителей избирают 5 советников, от 251 до 1000 — 7, от 1001 до 2000 — 9, от 2001 до 5000 — 11, от 5001 до 10 000 — 13, от 10 001 до 20 000 — 17, от 20 001 до 50 000 — 21, от 50 001 до 100 000 — 25. В крупных муниципалитетах с населением свыше 100 001 человек число советников возрастает на единицу с каждыми 100 000 жителей (несколько иные цифры существуют в отношении выборов советников территорий Канарских островов). В случае смерти лица, избранного на пост советника, неспособности и отказа того или иного советника исполнять свои обязанности, его место передают другому кандидату, следующему за ним в партийном списке.

Выборы алькальда не являются прямыми: его выбирают советники из своего числа, при этом необходимо абсолютное большинство голосов. В случае, если никто из кандидатов не набрал необходимого числа голосов, алькальдом становится кандидат, возглавивший партийный список победившей на местных выборах партии. Закон предусматривает смещение с поста алькальда, в случае вынесения ему вотума недоверия, абсолютным большинством голосов от списочного числа советников. В свою очередь, алькальд вправе поставить перед пленумом вопрос о доверии себе.

Главными политическими функциями пленума являются контроль и надзор (инспектирование) муниципальных органов и голосование по вопросу о вотуме доверия/недоверия своему председателю. Среди законодательных функций пленума — утверждение обязательных нормативных документов и внесение изменений и дополнений в них. Статус обязательных нормативных документов имеют положения о пленуме муниципалитета, общественном совете города, специальной комиссии по рассмотрению жалоб и предложений, дополнительных органах и процедурном порядке участия граждан, разделении муниципалитета на районы, определении и регулировании работы районных органов, полномочиях органов представительства и участия граждан, независимо от компетенции алькальда в определении организации и полномочий исполнительных органов муниципальной администрации.

В компетенции пленума оказалось и утверждение документов, имеющих институциональное и стратегическое значение в управлении

муниципалитетом: соглашений об участии в надмуниципальных образованиях; создания или упразднения учреждений, предусмотренных ст. 145 Закона о регулировании основ местного управления; решений по разграничению и изменению границ муниципалитета, изменению столицы муниципального образования, а также о принятии местного бюджета, определении форм управления муниципальными службами и многих других.

При пленуме муниципалитета работают комиссии. На них возложены следующие функции: подготовительная — изучение вопросов, которые предполагается вынести на рассмотрение пленума, составление отчетов и консультирование по таким вопросам; контрольная — инспектирование работы алькальда и его аппарата; распорядительная — утверждение муниципальных распоряжений и положений и внесение в них изменений и дополнений, принятие решений о создании автономных ведомств, государственных предприятий, акционерных обществ, исполнение действий судебного и административного характера. Система комиссий позволяет осуществлять разделение труда между членами пленума и специализацию советников, а также представляет собой механизм контроля за деятельностью муниципальных чиновников. Создание специальной счетной комиссии, а также специальной комиссии по рассмотрению жалоб и предложений для обеспечения участия в местном самоуправлении граждан и защиты их интересов является обязательным. С 2003 г. действует правило, согласно которому в состав комиссий входят представители победивших на местных выборах партий пропорционально числу избранных от партии депутатов, которые не обязательно являются советниками.

Алькальд наделен правом высшего представительства муниципалитета, отвечает за его политическое руководство перед пленумом и гражданами, несет ответственность за управление муниципалитетом. Он созывает и ведет заседания пленума и совета местного управления, разрешает ситуации, при которых подано одинаковое количество голосов, своим решающим голосом; назначает и освобождает от должности своих заместителей и председателей районных советов; осуществляет руководство и контроль над деятельностью муниципальных служб; издает приказы, распоряжения и инструкции; осуществляет экономическую деятельность в рамках принятого муниципального бюджета, распоряжаясь расходной его частью в рамках своей компетенции; руководит муниципальной полицией и персоналом, находящимся на службе муниципальной администрации.

Значительными функциями наделены коллегиальные исполнительные органы — советы (хунты) местного управления в муници-

палитетах и провинциях, появившиеся в 2003 г. Законодательные нововведения усилили и закрепили исполнительную функцию советов: до трети его численности, исключая алькальда, могут составлять лица, не являющиеся выборными советниками, а профессиональными управленцами. Алькальд вправе назначать и освобождать от должности членов совета.

В полномочия совета входит утверждение проектов распоряжений и положений, в том числе и составляющих основной корпус местных законов, кроме нормативов, регулирующих работу пленума и его комиссий; утверждение проекта бюджета, проектов и планов муниципального строительства, благоустройства и управления муниципальным хозяйством; выдача лицензий, заключение договоров и выдача концессий, деятельность по управлению, приобретению и отчуждению имущества; осуществление хозяйственной деятельности, выдача разрешений и распоряжения о расходовании средств, предварительно утвержденного на пленуме, а также работа с кадрами и т. д.

Закон позволяет алькальду передавать совету часть своих полномочий в сфере руководства и контроля за деятельностью муниципальных служб. Аналогичным образом совет местного управления наделен правом делегировать заместителям алькальда, членам совета, должностным лицам местной администрации различные полномочия. В отличие от заседаний пленума, заседания муниципального совета являются закрытыми. Таким образом, на сферу деятельности коллегиального органа исполнительной власти местного уровня распространяется принцип коммерческой тайны.

Анализ распределения властных полномочий в организационной структуре органов местного самоуправления позволяет говорить о существовании в Испании смешанной модели — по аналогии с соответствующими формами государственного правления — парламентской и президентской. Исполнительная и представительная власть четко не разделены: алькальд является председателем пленума с правом решающего голоса, хотя и не обладает правом вето на решения представительного органа местной власти. С одной стороны, это позволяет избежать противостояния между алькальдом и пленумом, как это случается в странах с классической президентской моделью организации местного самоуправления. В свою очередь, функции исполнительной власти распределены между алькальдом и коллегиальным исполнительным органом — советом. Избираемый советниками алькальд несет индивидуальную ответственность за руководство муниципалитетом и подотчетен пленуму, который может вынести ему вотум недоверия. Таким образом, не происходит избыточной концентрации

управленческих полномочий в руках одного лица, что особенно важно для страны, знакомой с каудильизмом.

Вторым важным направлением реформы местного управления стали меры по децентрализации и усилению участия граждан в управлении. Последнее затрагивает сущностную структуру общества и способность его членов к коллективному действию. Ведь в широком смысле создание сильных демократических институтов на местах можно рассматривать как часть процесса укрепления демократии на национальном и наднациональном уровнях. Местные органы в большей степени приближены к гражданам, чем центральные, а опыт политического участия (прямого и косвенного) на местном уровне является средством их приобщения к демократическим ценностям, воспитывает у них способность строить взаимоотношения самого различного характера в рамках малых и больших политических сообществ.

В первую очередь, Закон о регулировании основ местного управления в редакции 2003 г. предусматривает меры по снижению степени концентрации административной деятельности в сфере муниципального управления. Территориальная децентрализация достигла субмуниципального уровня в больших городах: внутри муниципалитетов создаются территориальные единицы, наделенные органами управления, для большего участия граждан в управлении делами муниципалитета. Закон обязывает муниципальные власти определять в виде нормативов, обязательных для исполнения, минимальный процент бюджетных средств, которыми должны распоряжаться районы в совокупности. Обладая несомненными достоинствами практического и демократического характера, эта мера в то же время порождает проблему координации действий различных местных органов и поддержания определенного равенства (прежде всего, в финансовой сфере) между районами с неодинаковыми источниками самофинансирования и т. д.

Предусмотрено создание общественного совета города, куда входят представители наиболее значительных экономических, общественных, профессиональных организаций и объединений жителей, наделенного функциями согласно принимаемым пленумом муниципалитета обязательным нормативным документом. Закон предоставил жителям муниципалитетов, обладающих активным избирательным правом, право законодательного предложения — народной инициативы. В муниципалитетах с числом населения менее 5000 человек для этого требуется 20% общего количества жителей подписей, от 5001 до 20 000 жителей — 15%, свыше 20 001 — 10%.

В то же время передача административных рычагов локальной автономии не является автоматическим решением проблемы предста-

вительной демократии. Сообщество представляет собой пространство как организованную территорию, где функционируют институты, формируется совокупность взаимодействующих интересов, а значит, складываются условия и обстоятельства для возникновения естественных конфликтов как между территориальными единицами и центром, так и между самими территориальными единицами.

Для организации административного контроля центра над местными властями, постоянного и эффективного взаимодействия между ними была создана Национальная комиссия местной администрации под председательством главы Министерства государственной администрации. Она состоит поровну из представителей местных территориальных образований и государственных служащих (предшественником Комиссии была Национальная комиссия по сотрудничеству с местными органами, действовавшая с 1977 г.). Для взаимодействия территориальных образований различного типа — городских и сельских, муниципальных и провинциальных — между собой, а также со всеми ветвями государственной власти и региональными властями в 1981 г. была создана Испанская федерация муниципалитетов и провинций.

Сегодня Федерация насчитывает более 6900 муниципалитетов. Ее деятельность не ограничена рамками Национальной комиссии местной администрации — президент Федерации наделен полномочиями члена пленума Комиссии с правом решающего голоса. Она сотрудничает с другими государственными учреждениями и ведомствами, ведет прямые переговоры с государственными должностными лицами самого высокого ранга, занимается лоббистской деятельностью на региональном уровне. Важной формой взаимодействия является установление диалога и организация дискуссий. На региональном уровне функционируют схожие ассоциации местных территориальных образований, в той или иной форме связанные с Испанской федерацией муниципалитетов и провинций. На международной арене Федерация выступает в качестве испанской секции Совета муниципалитетов и регионов Европы, а штаб-квартира Федерации является официальной резиденцией Ибероамериканской организации межмуниципального сотрудничества.

В 80–90-х годах в экономической науке начали активно рассматриваться вопросы, связанные с ролью местного управления и самоуправления в экономике. Аналитики все больше внимания уделяют эффективности местного управления, влиянию проводимой местными властями политики расходов и налогообложения на макроэкономическую политику в целом, в том числе в области предложения товаров и услуг, методов приватизации, отношений между покупателями и продавца-

ми, качества услуг. Предполагается, что местные органы управления имеют больше возможностей для нововведений и экспериментов при поиске собственных путей решений тех или иных проблем. Ведь ошибки местного масштаба менее опасны в финансово-экономической сфере, чем ошибки, совершаемые центральным правительством. То же, вероятно, можно сказать и в отношении масштабов и издержек возможных экспериментов в указанной сфере.

Однако результатом процесса децентрализации в странах ЕС стало смещение доли расходов на субнациональный уровень. Тем самым повышается ответственность местных властей за проводимую ими финансовую и социально-экономическую политику в соответствии с передаваемыми им центральной властью полномочиями и функциями. В Испании доля местных органов управления в структуре общественных расходов к середине 80-х годов достигла 11–12% и продолжает оставаться приблизительно на том же уровне (13–14%), что соответствует аналогичным показателям в других странах Европейского союза, например в Германии, которую считают образцом федеративного государства с устоявшимися традициями местного управления[1].

Процессы глобализации и структурных изменений стали стимулом развития туризма как сектора экономики, что имело для Испании особое значение. Слаборазвитые, отсталые в экономическом отношении сельскохозяйственные регионы страны, прибрежные районы Андалусии, например, стали привлекательными для туристов. Здесь началось строительство курортов, а старинные кастильские и андалузские города, окончательно пришедшие в упадок в XIX столетии, подобно Венеции или Амстердаму превратились в последней трети прошлого века в туристические центры. В свою очередь, бурное развитие туризма в регионах дало импульс другим отраслям местной экономики.

Закон о регулировании основ местного управления в последней редакции перечисляет основные принципы финансово-экономической деятельности местной власти (ст. 133). Прежде всего, это выполнение задачи обеспечения бюджетной стабильности, что отвечает положениям Генерального закона 2001 г. о бюджетной стабильности[2], ст. 19 которого гласит, что «местные образования обязаны в рамках своей компетенции добиваться соответствия собственных бюджетов задаче

[1] См., например: Toboso F. *Un primer analisis cuantitativo de la organización territorial de las tareas de gobierno en España, Alemania y Suiza* // El trimestre Económico, vol. LXVIII, No 270. P. 268–304; Perez Gonzalez D., Cantareo Prieto D. *Descentralización fiscal y crecimiento económico de las regiones españoles* // Papeles de Trabajo del Instituto de Estudios Fiscales. Madrid, 2006. No 5. P. 9.

[2] См.: Boletin oficial del Estado. No 298. 13.12.2001.

обеспечения стабильности». Определение степени выполнения этой задачи на этапе принятия, а затем — подведения результатов исполнения осуществляется с соответствии с требованиями Европейской системы национальных и региональных форм учета и отчетности SEC-95 и предполагает наличие финансовой платежеспособности или отсутствие финансового дефицита в местных территориальных образованиях.

В дополнение к этому принципу Закон о регулировании основ режима местного управления провозглашает, что выделение средств в соответствии с принципами действенности и эффективности согласуется с определением и выполнением поставленных задач. Это особенно важно, так как финансовая задолженность стала одной из главных проблем местной власти, как, впрочем, и властей регионального уровня, которую невозможно решить без участия Мадрида. Среди попыток решить ее отметим введение лимитов и ограничений со стороны Министерства экономики и финансов на проведение кредитно-денежных операций муниципалитетами и провинциями, обязательное разрешение министерства и соответствующего регионального автономного сообщества на взятие долгосрочного кредита местными властями, налаживание механизмов контроля, инспектирования и обмена информацией с участием министерства, Банка Испании, Банка местного кредитования и региональных автономных сообществ. Требование контроля издержек в сфере предоставления услуг и повышения рентабельности избыточной ликвидности, а также заключения договора на совершение казначейских операций приводятся в соответствие с исполнением бюджета и утвержденных финансовых планов, что, в конечном счете, служит решению задачи исполнения бюджета.

Принцип отделения функций бухгалтерского учета и проверки от управления финансово-экономической деятельностью означает завершение существования традиционной модели, где бухгалтерский учет и проверка совмещены. Закон о регулировании основ местного управления требует обязательного соответствия бухгалтерской деятельности положениям, предусмотренным действующим Законом о регулировании местных финансов[1]. При этом подчеркивается, что сферой проведения контроля и проверки исполнения бюджетного законодательства является бюджет или оценочное состояние счета доходов и расходов. Согласно положениям ст. 195–203 Закона о местных финансах, все документы, акты и досье муниципальной администрации и всех подчиненных ей учреждений и организаций подлежат

[1] См.: Boletin oficial del Estado. No 313. 30.12.1988.

внутреннему контролю и проверке. Их осуществление возложено с 2003 г. на административный орган, не зависящий от муниципальных органов и учреждений, — Генеральную муниципальную инспекцию. Ее руководитель назначается государством из числа чиновников местной администрации.

Законом предусмотрено создание органов финансово-экономического и бюджетного, а также налогового управления и органа по разрешению административно-экономических претензий. Руководителем органа (органов) финансово-экономического и бюджетного управления должен быть служащий местной администрации, имеющий статус чиновника государственного уровня. Сложность организации налогового управления на местном уровне связана напрямую с самой сферой деятельности и ее значением для муниципалитетов, особенно с большой численностью населения.

Это не просто составление списков и баз данных налогоплательщиков и управление ими, сбор налогов и налоговая инспекция, но также оформление и вынесение решений по делам о наложении налоговых санкций, контроль и упорядочение исполнения доходной части бюджета в части налоговых поступлений. Необходимо выстроить единое комплексное оперативное и эффективное управление муниципальной налоговой системой, поскольку налоги и различные сборы составляют основной источник доходов местных органов. Это налог на имущество (движимое и недвижимое), подоходный и косвенные налоги.

На органы местного управления возложены следующие экономические функции: размещение ресурсов, включающее в себя деятельность естественных монополий — служб водоснабжения и канализации, коммунальных служб, торговых организаций, служб недвижимости (например, предоставление жилья надлежащих стандартов), что требует прямого вмешательства или регулирования со стороны местных органов; распределение и перераспределение доходов через налоги и субсидии; регулирование выполнения на местах функций центрального правительства (примером здесь может служить политика в области землепользования, урбанизации, экологии); стабилизация экономики муниципалитета[1].

Реформе по децентрализации власти в современной Испании уже более четверти века. Ее ход и направления продолжают вызывать жи-

[1] Подробнее об управлении финансами на местном уровне см.: Морева Е.Л. Местная власть в Испании: управление финансами. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1994.

вой интерес и обмен мнениями между представителями местных и региональных властей, высшими государственными чиновниками, юристами, политологами, историками, партийными лидерами, общественностью. Анализируются ее результаты и последствия, предлагаются пути дальнейшего развития. Несколько проблем привлекают особое внимание. Среди них — финансовая задолженность местных территориальных образований, коррупция на местном уровне и проблема защиты окружающей среды. И если первая, в силу различных причин — институциональных, административных, экономических, находит свое постепенное решение, о чем свидетельствуют соответствующие цифры[1], то вторая ждет своего решения в более широком общегосударственном контексте.

Наибольший резонанс в стране и за ее пределами получило дело о коррупции и отмывании денег в курортном городке Марбелья на побережье Коста дель Соль (провинция Малага, автономное сообщество Андалусия)[2]. В Испании, где туризм является важнейшей отраслью экономики, сегодня наблюдается строительный бум: рост стоимости жилья за последние годы оказался самым высоким среди стран ОЭСР: только в 2005 г. было построено 800 тыс. новых зданий, при этом проведенные с января 2005 по июнь 2006 г. проверки выявили отсутствие разрешительной документации на 12 832 здания, а ведь 35–40% местных бюджетов составляют доходы от градостроительства. В той же Марбелье с 1991 г. было возведено 6000 новых зданий, почти половина из них — нелегально, без соответствующего разрешения. 27 советников местной мэрии и три алькальда, поочередно находившиеся у власти с 1991 по 2006 г., были привлечены к уголовной ответственности по обвинению в коррупции.

Говоря о коррупции на местном уровне, следует еще раз обратиться к организации избирательного процесса на местах, не забывая, впрочем, о том, что «голосование — очень тонкая нить, едва ли достаточно крепкая для того, чтобы позволить нам считать, что народ правит, выбирая своих представителей»[3]. Ограничения в использовании пассивного избирательного права, в том числе, как средство борьбы

---

[1] См., например: Fernandez Llera R. *Un pacto de estabilidad para el control de endeudamiento autonomico* // Papeles de Trabajo del Instituto de Estudios Fiscales. Madrid, 2004. No 23. P. 21.

[2] Доклад 2006 г. о коррупции в Испании международной организации «Transparency International-España» и другие материалы см.: www.elmundo.es/especiales/2006.11/españa/corrupcion_urbanistica.

[3] Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество / Пер. с англ. М., 1993. С. 20.

с лоббированием и коррупцией во власти на местах, законодательно закреплены. Помимо общих ограничений, Избирательный закон Испании (ст. 177.2) запрещает выдвигать кандидатами на выборы в органы местного самоуправления лиц, которые являются прямыми или опосредованными должниками органа местного управления и в отношении которых вынесено судебное решение, а также адвокатов и прокуроров, которые представляют в суде конфликтующую с органом местного управления сторону; руководителей служб, должностных лиц или служащих местной администрации; директоров провинциальных и местных сберегательных касс; подрядчиков или субподрядчиков по контрактам, чье полное или частичное финансирование возложено на орган местного управления или подчиненное ему учреждение.

Некоторые эксперты полагают, что именно недостатки пропорциональной системы объясняют непосредственную зависимость выдвижения депутатов от позиций партийного аппарата, бюрократии, которая может, руководствуясь своими узкогрупповыми интересами, включать в партийные списки непопулярных людей. Однако возможность такого рода действий зависит от характера внутрипартийных отношений. В партиях с развитой внутрипартийной демократией она минимальна. Напротив, в испанском массовом сознании продолжают оставаться элементы традиционного «авторитарного комплекса»: «Некоторые партии, профсоюзы и организации — как правые, так и левые, остаются в плену традиционных — патерналистских и каудильистских представлений о власти, веками складывавшихся в стране. Положение в них характеризуется господством руководящей верхушки, бюрократизацией аппарата, пассивностью рядовых членов, отстраненностью от принятия решений»[1].

Более того, в научной литературе существует мнение, что быстрый взлет политического влияния Испанской социалистической рабочей партии (как, впрочем, и внезапное падение Союза демократического центра) в 1979–1982 гг. объясняется во многом сильными позициями социалистов на местах по результатам первых демократических муниципальных выборов 1979 г. и опорой на контролируемый ими профсоюз Всеобщий союз трудящихся, организованный по территориальному принципу (недаром требование скорейшего проведения муниципальных выборов было одним из главных, выполнения которых добивалась ИСРП)[2]. Подобным же образом некоторые исследо-

---

[1] Испания в начале XXI века. М., 2006. С. 14.

[2] См.: Page E. *Localism and Centralism in Europe: the Political and Legal Bases of Local Self-Government.* Oxford, 1991. P. 64–65.

ватели объясняют борьбу основных политических партий страны за влияние на Испанскую федерацию муниципалитетов и провинций.

Испанский опыт местного управления и самоуправления показывает, что требуются дальнейшие шаги по его реформированию. Особая значимость поиска и реализации верных, адекватных подходов к решению данной проблемы объясняется еще и тем, что перед испанским обществом и государством стоит вопрос о будущем территориального устройства и единстве страны. Новые предложения правительства социалистов по совершенствованию местного управления следует рассматривать в более широком контексте реформирования территориальной организации государства, которое предусматривает также конституционную реформу и реформу статутов автономных сообществ.

Летом 2004 г. была принята парламентская резолюция о необходимости организовать политическую дискуссию по вопросу модификации базового законодательства о местном управлении, создана Комиссия Министерства государственной администрации и одобрено решение о разработке Белой книги о реформе местного управления. В июне 2005 г. Министерство выпустило ее и представило кабинету министров предварительный проект базового закона о местном управлении[1]. Социалисты поставили задачу улучшить положение дел, прежде всего в вопросах автономии муниципалитетов, управления ими, статуса их жителей. Они упрекают своих политических оппонентов — Народную партию — в политизации подходов к реформированию в этой сфере и стремятся разработать законодательство более общего концептуального характера, без излишней детализации, чем отличался, по их мнению, Закон о регулировании основ местных управления 2003 г. В стороне осталась финансово-экономическая деятельность муниципалитетов, этот вопрос обсуждается в рамках процесса реформы автономных статутов.

Правительство Х.Л. Родригеса Сапатеро предлагает реформировать базовое законодательство, внеся в него в качестве новых статей положения Европейской хартии о местном самоуправлении. В частности, ст. 3.1 Хартии, которая определяет местное самоуправление как право и фактическую способность самоуправляющихся территориальных общностей осуществлять управление и решать в рамках законов под свою ответственность значительную часть государственных дел в интересах граждан, проживающих на соответствующей территории»; ст. 9.1, закрепляющую за ними «право в рамках национальной эко-

[1] См.: на официальном сайте Министерства государственной администрации www.map.es следующие документы: Libro Blanco para la Reforma del Gobierno Local. Madrid, junio 2005; Notas sobre la nueva ley de reforma del gobierno y de la administracion local, etc.

номической политики претендовать на соответствующие средства, которыми они могут свободно распоряжаться для осуществления своих полномочий»; а также ст. 10 о праве самоуправляющихся территориальных образований на членство в международных союзах подобных образований и на сотрудничество с аналогичными общностями других государств.

Особое внимание в проекте закона уделяется межмуниципальному сотрудничеству, которое следует рассматривать не просто с точки зрения более эффективного и рационального управления (именно так следует рассматривать межкоммунальное сотрудничество в соседней Франции), а с позиции сохранения единства испанской нации. Возможность создания так называемых манкомунидадес — объединений муниципалитетов, в том числе, входящих в состав различных автономных сообществ, если региональные власти это позволяют, предусматривает уже Закон 2003 г. о регулирования основ местного управления (ст. 44). Однако в нынешних условиях реформирования модели государства автономий и процесса принятия новых статутов региональными сообществами подобная формула межмуниципального сотрудничества и интеграции, наряду с идеями социалистов о новой роли провинций в системе территориального управления страны и предоставлении им функциональных полномочий в муниципальных делах, следует рассматривать именно как попытку консолидации в условиях дальнейшей децентрализации. Представляется, что эту же цель преследует и стремление законодательно упорядочить взаимоотношения между местными властями и административными органами автономных сообществ. Речь идет о создании постоянно действующего органа двустороннего сотрудничества властей двух уровней, а также Совета муниципалитетов, представляющего местное самоуправление в регионе и обладающего консультативными функциями.

Предложениям правительства противостоят региональные политические элиты, желающие включить в проекты своих автономных статутов противоречащее Конституции положение об исключительной прерогативе именно региональных властей регулировать деятельность местной администрации. Противодействие встречает и стремление социалистов сохранить провинцию в качестве одной из территориальных единиц государства. Так, к примеру, новый Статут Каталонии включает в территориальную организацию этого региона страны только муниципалитеты и комарки[1].

---

[1] См.: Boletin oficial de las Cortes Generales. Congreso de los Diputados. VIII Legislatura. Serie B. 22.03.2006. P. 245–302.

Традиции, как и культура управления, складывались в Испании столетиями. На них оказали влияние исторический опыт, особенности массового сознания и менталитета испанцев, традиции и нормы политической и социальной жизни. А в последние годы — правила и нормы Европейского союза как совершенно новой политической системы.

Часть VI. МНОГОГРАННЫЙ ОБЛИК КУЛЬТУРЫ

Глава 24. Общецивилизационные основы «культурного взрыва»

Испания — страна пограничной культуры, на протяжении веков существовавшая между Востоком и Западом. Испанская культура, являющаяся неотъемлемой частью европейской цивилизации, в то же время неразрывно связана с арабским Востоком и Новым Светом. Одна из самых «западных» европейских стран по своему географическому положению, Испания выступала мостом, связующим Европу с другими континентами. Свойственная пограничным культурам открытость, вместе с исторической судьбой, определили синтез на испанской почве цивилизаций Востока и Запада, придали испанской культуре черты, выглядящие порой экзотичными на общеевропейском фоне, и в то же время поставили перед испанцами дилемму — «Европа и мы». На протяжении XIX и XX вв. вопрос о судьбе Испании был центральным в работах испанских мыслителей, в размышлениях политических деятелей и представителей интеллектуальной элиты. Так же как и для России, где об этом спорили славянофилы и западники, для Испании всегда была актуальна проблема исключительности исторического пути, вопрос о принадлежности Европе.

На протяжении XX в. этапы изоляции и интеграции сменяли друг друга, напоминая колебания маятника[1]. После гражданской войны франкистский режим категорично заявил: «Испания — другая», отгородившись от Европы стеной автаркии. Но в сфере культуры трудно обозначить точную дату окончания предыдущего этапа и начала нового. Так и демократия сама по себе «не принесла ничего революционного в сферу культуры»[2].

---

[1] Формула, примененная Рамоном Менендесом Пидалем. См.: Menéndez Pidal R. *Los españoles en la historia*. Madrid, 1982.

[2] См.: La cultura española en el posfranquismo. Diez años de cine, cultura y literatura (1975–1985). Madrid, 1988. P. 76.

На протяжении четырех десятилетий испанская культура была вынуждена существовать в жестких рамках франкизма. Однако это не отменяло существование культуры как таковой и не отрицало, несмотря на ограничения и условия, возможность появления в ее лоне новых тенденций. Различие между двумя культурами — официальной, или терпимой (и часто обладавшей сомнительным качеством), и другой, определявшейся режимом как политически подозрительная, являлось в течение многих лет одной из характерных черт панорамы испанской культурной жизни. Это была, как писал Рамон Тамамес, провокационная неудовлетворенность «контрастом между испанской интеллектуальной реальностью и зарубежными течениями мысли»[1].

Испанское общество в 70-е годы не смогло противостоять наступлению поп-культуры, формировавшей моду и вкусы молодежи. Сформулированное франкистской пропагандой представление об Испании как о «духовном резерве Запада» уже воспринималось как шутка. Слоган «Испания — другая» давал повод для иронии. Новое поколение стремилось к стиранию различий, к единообразию с остальными европейцами. Модернизация испанского общества осуществлялась одновременно в экономической, образовательной и культурной плоскости.

Меньше чем за одно поколение испанцы и Испания в некоторых аспектах изменились больше, чем за 100 предшествующих лет. Средний класс стал преобладать в испанском обществе (56% уже в 1975 г.)[2], менялся его менталитет, все больше обращаясь в сторону Запада. Действия правительства по экономической интеграции с Европой оценивались положительно не только с экономической точки зрения, но и с политической, и с культурной.

Таким образом, социальная модернизация резко изменила традиции и формы жизни испанцев: постепенно разрушались и исчезали социальные ограничения и предубеждения, характерные для предыдущих поколений, менялся психологический настрой в обществе. Все это облегчило изменение различных форм социальных отношений, сделав независимость и личную свободу безусловными ценностями на новом этапе испанской истории.

В сфере культуры, в отличие от того что происходило в политической или институциональной сферах, 1975 г. не стал рубежом настоящего раскола. Как писал Хосе Карлос Майнер, в культурной жизни «вопрос досрочного конца франкизма — это вещь еще более

---

[1] Tamames R. *La República. La Era de Franco.* Madrid., 1973. P. 509.

[2] См.: Paredes J. *Historia contemporánea de España (siglo XX).* Barcelona, 2000. P. 697.

ясная, чем с точки зрения исторической, экономической или социологической»[1].

Во второй половине 70-х годов Испания все больше поворачивалась лицом к Западу. Особая роль в этом принадлежит трудовой эмиграции испанцев и туризму. Испанцы в Европе и европейцы в Испании сталкивались с конфронтацией различных жизненных моделей. Демократические ценности, высокий уровень жизни, толерантность и культурная свобода становились открытием для испанцев и их желанным будущим. Иными словами, формировали новое мировоззрение. Этот период испанской истории в сфере культуры не был ни революционным, ни прерывистым.

Именно в это время появилось свободное взаимовлияние идей в научных журналах, издавалась марксистская литература, в книжных магазинах и киосках появились тексты, опубликованные на региональных языках. Эта ситуация, вместе с институциональными и социально-экономическими изменениями, модифицировала как область элитарной, так и массовой культуры. Преодолев изоляцию, Испания вписалась в общемировое поле массовой культуры.

Начиная с 70-х годов налицо был огромный разрыв между интеллектуальной элитой и подавляющим большинством населения — самая характерная особенность духовной жизни страны. В то же время Испания находилась в состоянии «цветущей интеллектуальной жизни»[2], дав миру ряд подлинных шедевров авторского кино, таких как «Выкорми ворона» Сауры и «Дух улья» В. Эрисе.

Однако этот процесс имел и обратную сторону. Мы уже упоминали о том, что выход из изоляции способствовал интеграции Испании в лоно тотальной поп-культуры. Об интеллектуальной колонизации Испании другими странами, в первую очередь США, писал драматург Франсиско Ньева. Его тревогу разделял и прозаик Хуан Хиль Альберт: «Если под словом «культура» понимать общественные устои, обычаи и традиции, то результаты подобного влияния мне кажутся неутешительными... перенимая чуждый стиль жизни, испанцы утрачивают особенности своего национального характера. Внешне наша культура начинает смехотворно походить на культуру США, влияние которой гораздо значительнее, чем западноевропейских стран»[3]. Перед испанской культурой вставали новые проблемы, появлялись новые темы для размышлений.

---

[1] Mainer J. C. *Historia literaria de una vocación política*. Barcelona, 1971. P. 64.

[2] Carr R. *España 1808–1975*. Barcelona, 1999. P. 729.

[3] Цит. по: Матяш Н. Испания и мировая культура // Иностранная литература. 1976. № 11. С. 207.

В восьмидесятые испанцы в полной мере ощутили воздух свободы. Свободы демократической, свободы от условностей и предрассудков. Безусловно, наиболее ярким испанским культурным явлением этого периода стало движение «Movida Madrileña». Родившись в Мадриде, мовида постепенно охватила города по всей Испании. Педро Альмодовар, пожалуй, самый известный участник этого движения, отразивший дух мовиды и в своих ранних фильмах, и в коллажах, и в литературных опытах. Вот как он вспоминает то время: «Тогда, в начале восьмидесятых, наша жизнь была бесконечной “Фабрикой” Энди Уорхола, а определенные круги в Мадриде повторяли жизнь определенных кругов в Нью-Йорке — с разницей в десять лет. Эта десятилетняя фора превратила американцев в арбитров всей художественной и общественной жизни»[1].

Журнал «La Luna» стал рупором мовиды, свое отражение она нашла также в хрониках писателя и журналиста Франсиско Умбраля, в песнях Энрике Уркихо и Олвиды Гары Хова, известной как Аляска, в живописи, графике и фотографиях Сеесепе, Ортелано, Оуке Леле, Агусто и Альберто Гарсия-Аликсов, пары Костус. Мовида, несомненно, стала лучшим отражением испанской модернизации в сфере культуры. Ее влияние чувствовались в различных областях творчества, но наиболее ярко она проявила себя в поп-музыке и кинематографе, хотя не обошла своим вниманием и литературу, фотографию, графику, комиксы.

Появившись на свет, мовида творила новую эстетику, образ мыслей и стиль жизни, которые стали выражением возвращенной свободы. Левые политики воспринимали мовиду как что-то свое. За рубежом она стала символом модернизации Испании, а главы иностранных государств, посещая страну, неизменно задавали вопрос о том, что такое мовида.

Изначально, она появилась и стала модной в столице Испании — это был феномен истинно городской и мадридский, что и определило ее известность. С мовидой жители столицы преодолевали свое прошлое и рвались в будущее, негласно конкурируя с Барселоной, которая в течение многих лет представлялась открытым и буржуазным городом, неким островом в интеллектуальной пустыне прежней Испании. Благодаря мовиде, Мадрид вошел в моду в самой Испании и в мире, она превратилась в символ новой Испании, смягчала или даже ломала стереотипы восприятия Европой всей страны.

Для молодежи это была эпоха веселья, отрицания общепринятых ценностей и норм, увлечения наркотиками и безудержная страсть

---

[1] Альмодовар П. Патти Дифуса и другие тексты. СПб., 2005. С. 6.

к творчеству. Наибольшей популярностью пользовались комиксы Сеесепе, Гарсия-Аликса и др., литературные журналы, которые продавались на Растро или в Маласанья. В чести были панки, жесткий поп, фанк, рокабилли, тяжелый рок, техно-поп, неоромантизм и т. д. Время эти молодые люди убивали на прослушивании музыки, причем в компании слушать музыку было предпочтительнее, чем разговаривать. Это был пик успеха «Кака де Люксе», Аляски, «Пегамойдес», «Радио Футура», «Нача Поп» — музыки электронных эффектов и ритмов, ставшей одним из наиболее ярких проявлений мовиды.

Мовида становилась все популярнее и по прошествии некоторого времени проникла и в СМИ. Появились программы на радио FM диапазона — «Onda 2», «Radio 3» в Мадриде и «Radio Obrera» в Каталонии, которые формировали новые вкусы, новый стиль жизни. Складывалась альтернативная культура, возник собственный «язык» «эль чели» — уличное арго предместий, появилось необычайное разнообразие музыкальной продукции. Зал «Рок-Ола» стал своеобразным «храмом мовиды» — фривольным и беззаботным, в основе всего лежало чистое развлечение. Здесь собирались главные герои мовиды: популярные музыкальные группы, Педро Альмодовар, который уже снял «Пепи, Люси, Бом и другие девочки» и «Лабиринт страстей», Ротаета, Сеесепе, Оука Леле.

Влияние феномена мовиды на остальную Испанию выражалось в адаптации ее эстетики молодежью всей страны и возникновении множества музыкальных групп за пределами Мадрида, как, например, «Лос Ребелдес», «Синистро Тоталь», «Локильо и троглодиты» и др. Через нескольких лет, благодаря СМИ, она стала восприниматься как нечто гораздо большее, чем была на самом деле. Со временем новые ценности и новая эстетика превратились в коммерческий продукт, хотя выросший из мовиды Педро Альмодовар начал свое триумфальное восхождение и превратился в одного из грандов мирового кинематографа. Его успех в какой-то степени обозначил начало конца мовиды. А в 1985 г. был закрыт зал «Рок-Ола». Мовида умирала на гребне успеха, ее символы уже не несли в себе никаких свежих импульсов, которые были так характерны для нее в начале.

За годы существования движения присущее ему в самом начале новаторство выродилось в эстетику информализма, многие ее герои закончили жизнь трагически, наркотики породили зависимость и личные драмы, СПИД уничтожил радость, которую принесла моральная свобода. Движение мовида было коротким, но свет от этой погасшей звезды до сих пор проливается на испанскую культуру.

Но «мода на Испанию» не только не ушла, но, напротив, усилилась. Испания стала героиней Европалии — фестиваля искусства и культуры, ежегодно представляющего Европе одну из стран континента. Это было действительно значимое событие, носившее в некотором смысле символичный характер. Традиционный образ Испании у европейцев долгое время скорее приближал ее к Востоку, чем к Западу. И вот теперь Испания показала себя во всей своей самобытности и одновременно подтвердила свою принадлежность Европе.

В конце 80-х годов в Мадриде был основан Центр искусств Королевы Софии, П. Альмодовар снял «Женщины на грани нервного срыва» — первый фильм, принесший ему международный успех, Нобелевскую премию по литературе получил Камило Хосе Села. Испания окончательно вписалась в общеевропейский культурный контекст, с гордостью осознавая это, сами испанцы, однако, всегда находили что-то «истинно испанское». Так, по словам Альмодовара, история героинь его фильма «Пепи, Люси, Бом» могла бы произойти в любом большом городе, «однако в деталях проявляется Мадрид, начало золотой эпохи мадридского попа, панк, комиксы и прочие безумства. Современность вперемешку с жаровнями на углях, безумные вечеринки и супермодели рядом с одиночеством двух девушек, готовящих треску под соусом пиль-пиль»[1].

Но «безумие восьмидесятых» сменилось «глубокой депрессией девяностых». Стремление к комфорту, легкости и простоте, политическая индифферентность — вот то, что определяло общественные настроения на новом этапе. Испания крестьянская, бедная, отсталая, религиозная никуда не исчезла, она все еще существовала, как видно на фотографиях Кристины Гарсия Родеро в книге «Скрытая Испания». Но теперь это воспринималось как рудименты прошлого — Испания считала себя страной городского населения, с типичными для всей Европы проблемами — безопасность, наркотики, безработица, окружающая среда.

В конце восьмидесятых испанская культура уже была вмонтирована в европейскую и основным вектором ее развития стал космополитизм. Международное признание получили испанские архитекторы, композиторы и музыканты-исполнители, писатели и кинорежиссеры. Многие литературные произведения той поры говорят о том, что они скорее рождены в общеевропейском пространстве, чем являются специфически испанскими. Добились международного признания в различных областях науки и испанские ученые.

Начало девяностых стало поистине триумфальным для имиджа Испании в мире. В 1992 г. страна праздновала 500-летие открытия Аме-

---

[1] Там же. С. 179.

рики, и это событие возвело ее на пик моды. Барселона была главным действующим лицом, благодаря Олимпийским играм: город преобразился, представ воплощением модернизации. Для Севильи, ставшей в том же году хозяйкой ЭКСПО, был придуман свой образ: она представлялась воплощением всего истинно испанского, соответствующего принятым стереотипам, но модернизированного и отвечающего духу времени. Тогда же появился музей Тиссен-Борнемиса, галисийский центр современного искусства, Музей современного искусства в Барселоне и музей Гуггенхайма в Бильбао. Фильм Альмодовара «Все о моей матери» получил приз в Каннах, Оскар за лучший иностранный фильм года и множество других наград.

Испания снова стала другой. В девяностые в культурных свершениях выкристаллизовались поколенческие изменения, ведущие отсчет от этапа перехода к демократии. Политические, моральные, исторические и этические ориентиры предстали совершенно иными. Это была, без каких-либо скидок, европейская творческая молодежь, сформировавшаяся под влиянием процессов глобализации. Самой удивительной иллюстрацией этого факта является испанский кинематограф — пожалуй, самый свободный в Европе, для которого не существует закрытых тем, контрастировавший с продукцией Голливуда.

К характеристике культуры современной Испании применим вектор развития западной культуры в целом — постмодернистская всеядность, плюрализм, снижение эстетического уровня. Конец XX — начало XXI в. — это время зарождения нового состояния культур в глобальном масштабе. Время информационно-коммуникативных технологий, оказывающих революционное воздействие на все сферы жизни общества, переход от одной его социокультурной парадигмы к другой.

Главная ценность национальной культуры — ее разнообразие, самобытность и неповторимость. Как и любое проявление индивидуальности, все это связано с общим состоянием нации. У каждой культуры есть свои духовные завоевания, свои трагедии, свой взгляд на мир, но без общения и открытости нация обречена на ограниченность. Замкнутых культур не существует, каждая национальная культура тесно связана с другими и зависит от них.

Эгоцентризм и нетерпимость чрезвычайно опасны для национальной культуры. Ее сохранение зависит от взаимодействия национальных культур между собой и с мировой культурой в целом. Способность одного народа осваивать достижения другого — показатель жизнеспособности его культуры, путь к обогащению нации, к взаимодействию и пониманию ценностей другого народа.

Несомненно, что, являясь социальным организмом, социальной общностью, нация самостоятельно определяет свое культурное развитие, но при этом мировая культура всегда влияет на него. Рассматривая национальную культуру во всем ее богатстве как закономерную ступень в развитии мировой культуры и естественный вклад в общечеловеческую цивилизацию, можно определить ее как синтез национально-особенного, заимствованного и общечеловеческого, переработанного и освоенного национальным. Отсюда — два пути развития каждой национальной культуры: во-первых, как неповторимой, уникальной по форме, и, во-вторых, как части мировой культуры, осознающей и проявляющей себя в ней. Но и в том и в другом случае она содержит и выражает в той или иной форме общечеловеческое начало. Культура Испании — это сосуществование и взаимопроникновение этих двух составляющих.

Всемирный Форум культур, прошедший в Барселоне в 2004 г. — это событие огромного масштаба, был посвящен поиску новых форм сосуществования культур и народов. В рамках Форума прошли тематические выставки, которые наглядно демонстрировали многообразие культур и усилия людей разных стран, направленные на достижение устойчивого развития. Одна из них — «Голоса» — с помощью новейших технологий дала возможность услышать звуки более 5000 языков, существующих в мире, ощутить лингвистическое многообразие планеты. На выставке «Образ человека в искусстве» было представлено 150 произведений искусства всех эпох и культур мира и дано их историческое и тематическое толкование.

Барселона, став автором нового культурного международного проекта, превратилась в интернациональную культурную столицу Европы. А сам Форум наглядно продемонстрировал путь, который прошла Испания за последние 20 лет, и те изменения, которые произошли за это время в мировой культуре.

Глава 25. Мультикультурализм в разных измерениях

Богатство и разнообразие культуры Испании — это не только 40 историко-архитектурных ансамблей и 11 городов, признанных ЮНЕСКО

достоянием человечества, но и россыпь самых разных достопримечательностей, яркие фольклорные и религиозные праздники, без преувеличения, великие литература, живопись, музыка, театр и кинематограф. Не обязательно быть лингвистом или культурологом, чтобы убедиться, путешествуя с севера на юг или с запада на восток, что не только каждая из 17 автономий, не только каждая из 50 провинций, но каждый уголок Испании — это свой неповторимый культурный мир, со своими традициями и обычаями, бытом и нравами, со своим менталитетом и языковыми различиями. Причем, последнее относится отнюдь не только к Стране басков, Каталонии и Галисии, где существуют самостоятельные языки.

Иначе говоря, ареал испанской культуры складывается из множества мини-ареалов, в которых то, что принято называть испанским духом, неразрывно связано с местным колоритом. В испанской культуре непрерывно присутствует диалектическое взаимодействие общего и особенного как неиссякаемый источник культурного разнообразия — одной из главных характеристик духовной жизни общества.

Важно отметить, что «культурное разнообразие» (diversidad cultural) — это культурологическая дефиниция. Иногда заложенное в ней содержание выражают семантически близким термином «мультикультурализм» (multiculturalismo), хотя сами испанцы с этим не согласны и употребляют его лишь когда речь идет о привнесенной культуре принципиально иного происхождения, в первую очередь мусульманской, связанной с активными иммиграционными процессами.

Испанское толкование «мультикультурализма» и «культурного разнообразия» — это две разные, не пересекающиеся темы, термины, обозначающие разные понятия. Действительно, разнообразие культур как теоретическая предпосылка приводит ученых к неоднозначным выводам о том, что такое мультикультурализм. «Существуют два противоположных подхода, один из которых эгалитарный, опирающийся на идею равенства культур, а другой — плюралистический, подразумевающий иерархический принцип сопоставления разных культур», — утверждает известный российский культуролог П.С. Гуревич. — На самом же деле подобный дуализм — вопрос спорный. Если разнообразие культур рассматривать как множество равных, самостоятельных, хотя и различных духовных сущностей, плюрализм не противостоит эгалитаризму. Именно идея плюрализма несет в себе требование равенства национальных и локальных культур в противовес унификации и глобализации культурного процесса»[1].

[1] Гуревич П.С. Культурология. М., 1999. С. 184.

Идея плюрализма действительно несет в себе глубокое гуманистическое содержание. И безусловно, правы те, кто определяют мультикультурализм как идеологию, политику и социальный дискурс, признающие правомерность и ценность культурного плюрализма, уместность и значимость многообразия и разноликости культурных форм (например, этнических, религиозных и расовых). В контексте мультикультурализма непохожесть и различия перестают рассматриваться как «чуждое», становясь просто «другим».

В таком широком понимании «мультикультурализм в сущности означает как раз выработку правил и норм сосуществования различных культур и их носителей в одном, едином обществе, в едином правовом, социальном, экономическом пространстве»[1]. То есть теоретически сама концепция мультикультурализма должна служить защите культурного многообразия на основе принципа паритета прав меньшинств с правами большинства, освобождению от различных форм проявления шовинизма и ксенофобии, призвана обеспечивать социальную интеграцию общества на принципах толерантности.

Такая точка зрения могла бы быть названа «оптимистической», однако теория нередко вступает в конфликт с практикой. Поэтому существует и «пессимистическая» трактовка феномена мультикультурализма. В этом случае в нем видят прямую или скрытую угрозу национальному единству, процессу ассимиляции или же источник роста расистских и националистических настроений. Такой взгляд объясним чисто психологически, если пользоваться термином Юнга, на уровне «коллективного бессознательного».

Как воспринимать «чужие» нормы и ценности, с которыми приходится сталкиваться в условиях полиэтнического общества? Возможны различные способы решения конфликтных ситуаций, но цивилизованный — только один: поиск путей «согласования культур», а это, прежде всего, означает «согласование ценностей». «Ценности основаны на верованиях и носят иррациональный характер, их основания, как правило, не осознаются, но если и осознаются, это не отменяет силы их влияния на поступки людей»[2], — считает Н. Покровская.

Попросту говоря, выполнение задач, рационально сформулированных в самых прогрессивных и современных концепциях мультикультурализма, наталкивается на множество видимых и невидимых преград, лежащих в глубинах сознания и подсознания. Значит, согласование культур это не только согласование ценностей (аксиология), но и со-

---

[1] Личность и культура. 2001. № 5–6. С. 12.

[2] Там же. С. 11.

гласование психологий. Тем более что любое социальное изменение начинается именно как сдвиг внутри культуры, как результат появления новых ценностных ориентаций, как итог действия разнообразных социокультурных закономерностей.

Согласимся с мнением российского культуролога П. Гуревича: «На земле множество культур и каждая из них способна придать всемирной истории неповторимый облик.... Современное представление о равноправии культур исходит из того, что каждая культура есть зона оригинального культурного творчества. Ее вклад в сокровищницу мирового искусства уникален. Это означает, что каждая культура правомерно вплетает свой узор в многоцветье культур мира»[1]. Нанесение «узора» в нашем случае предполагает наличие социально-политической «канвы», поэтому можно сказать, что современная испанская культура имеет свою условную веху — принятие демократической конституции страны, признавшей лингвистические права исторических областей и автономий и культурный плюрализм.

Испанский социолог Хуан Пабло Фуси назвал начавшийся с принятием конституции исторический период «возвращением к нормальной жизни», которое, по его мнению, характеризовалось тремя определяющими тенденциями: кристаллизацией режима свобод в сферах издательской деятельности, прессы, театра, кинематографии, изобразительного искусства и др.; активизацией государства по продвижению культуры в общество; возрождением культур автономных сообществ, выражавшим идею новой Испании, признание ее культурного и языкового плюрализма[2]. Принципы политики в сфере культуры с самого начала были предельно четкими и прозрачными: невмешательство государства в творческий процесс и признание права гражданского общества на культурный плюрализм.

Оставалось только воплотить эти идеи. Надо признать, что в значительной степени это удалось. За короткий период в стране появились Национальный и молодежный оркестры, Национальный центр драматического искусства и Национальный балет, Классический театр. Страну буквально захлестнула волна выставок, на которых искусство Испании различных эпох предстало во всем своем многообразии: от культуры древних иберов до творчества Веласкеса, Хуана Гриса и Сальвадора Дали. Многое делалось и по инициативе автономий, что привело, в частности, к активизации региональной фестивальной

---

[1] Гуревич П.С. Указ. соч. С. 206.

[2] См.: Fusi J.P. *Un siglo de España. La cultura.* Madrid, 1999. P. 149–150.

жизни. Большой размах получили традиционные музыкальные и театральные фестивали в Сан-Себастьяне, Сантандере, Гранаде, Мериде. Возникали и новые, как, например, Фестиваль классического театра в Альмарго и художественные биенале в Астурии.

Значительный импульс демократизации культурного процесса придало движение, получившее в 80-е годы название «Movida Madrileña». Оно способствовало небывалому всплеску культурной жизни в испанской столице, воплотившемуся в творчестве молодых художников, фотографов, кинематографистов, музыкантов, модельеров, и напоминало бурное пробуждение после долгого сна. Мовида по-своему символизировала — и именно это было важно — «культурное возрождение Мадрида с наступлением демократии»[1], — писал тот же Фуси. Но она повлияла и на динамику культурного возрождения в самых разных уголках страны, став стимулом многочисленных проявлений культурного многообразия.

Постепенно поднимался занавес, долгие годы франкизма скрывавший духовную жизнь Испании. Теперь ее достижения смогли по достоинству оценить и за рубежом. Достаточно красноречиво об этом свидетельствовали две Нобелевские премии по литературе, присужденные поэту Висенте Алейхандре (1977) и прозаику Камило Хосе Села (1989). В Европе и за ее пределами стали известны имена кинорежиссера Педро Альмодовара, архитекторов Рикардо Бофилля и Сантяго Калатравы, писателя Франсиско Умбраля. Одним из проявлений этого возрождения стала серия международных выставок и ярмарок, позволивших почувствовать биение пульса испанской культуры: «Эуропалия-85», «Париж в час Испании» (1987), участие Испании в качестве почетного гостя в Книжной ярмарке во Франкфурте (1991) и в Книжном салоне в Париже (1995).

Культурный плюрализм стал доминантой духовного климата в стране, ставшей на путь демократического развития, и это ощущала на себе испанская культура. В 1984 г. национальная премия по литературе была присуждена каталонскому поэту Жозепу Висенсу Фойшу, а год спустя — тесно связанному со Страной басков Хулио Каро Барохе. В 1989 г. создан Валенсийский институт современного искусства. В 2005-м в Кадисе состоялась выставка «Развитие науки в Аль-Андалус», а правительство Каталонии приняло План интеграции цыганского народа. Чуть позже вышла в свет первая в Испании Энциклопедия ислама. Все это свидетельства не просто официального признания существования различных культур внутри испанского государства, но и рождения

[1] Ibid. P. 157.

де-факто идеи новой Испании и ее культуры, опирающейся на культурное разнообразие.

И все же узор культуры наиболее наглядно прорисовывается в местных традициях, мифах и легендах, передающихся из поколения в поколение жителями разных частей страны. Многие из них напрямую связаны с католической религией, некоторые — с язычеством. «На всей нашей территории встречаются обители, монастыри и скиты, а также замки, окутанные легендами и населенные призраками, — пишут авторы невероятно занимательной, хотя и не научной книги "Путеводитель по загадочным и легендарным местам Испании". — Существует иная Испания, самобытная, эзотерическая... где мы находим интересные предметы, памятники, обряды, обычаи и легенды, требующие наблюдения и, если угодно, изучения»[1]. Такую многоликую Испанию во многом открывают для себя только сейчас и сами ее жители.

Полифоничность испанской культуры демонстрируют и знаменитые испанские фиесты — праздники, отмечаемые ежегодно в городах и сельской местности. Их свыше двухсот, а некоторые всемирно известны. Узор разнообразия испанской культуры немыслим без них. Так, в феврале повсюду празднуют карнавал, но особенно красочен он в Кадисе и Тенерифе, где музыка, обилие цветов и всеобщее веселье до неузнаваемости меняют повседневный уклад жизни. В марте в Валенсии проходят «фальяс»: на главных улицах и площадях расставляются огромные композиции из папье-маше, карикатурно изображающие известных в стране и в городе лиц. По традиции 19 марта их сжигают на глазах восторженной толпы.

Особое место занимает Святая неделя — весенний праздник с обилием крестных ходов, традиционных и красочных религиозных процессий. Самые оригинальные и значительные из них можно увидеть в Кастилии (Вальядолид, Куэнка и Самора) и в Андалусии (Севилья и Малага). В апреле открывается ярмарка в Севилье. В мае там же отмечается праздник Богородицы Росио: традиционная андалусийская процессия из всадников и пеших паломников направляется к обители в Айамонте, где находится изображение Богородицы. В Памплоне в июле проходит знаменитый San Fermin (Святой Фермин), воспетый Э. Хемингуэем. Фольклор? Конечно, но органично вплетенный в современность.

Принятая в 2002 г. ЮНЕСКО «Всеобщая декларация о культурном разнообразии» утверждает, что защита культурного разнообразия является этическим императивом, неотделимым от уважения достоинства

[1] Guía de lugares misteriosos y legendarios de España. Barcelona. 1995. P. 10.

человеческой личности: «В нашем обществе, которое становится все более разнообразным, следует обеспечить гармоничное взаимодействие и стремление к сосуществованию людей и сообществ с плюралистической, многообразной и динамичной культурной самобытностью... культурный плюрализм представляет собой политический ответ на реалии культурного разнообразия». Для Испании этот документ имеет особую значимость. Не случайно в 2004 г. в Барселоне прошел Форум культур с участием многих государств. Почти на четыре месяца город превратился в столицу мировой культуры. Встреча министров 72 стран в музее Прадо в Мадриде в июне 2005 г. целиком была посвящена защите культурного многообразия мира.

Этот «культурный саммит» был созван по инициативе Испании, Франции и Бразилии. Его целью было согласование позиций перед предстоявшим принятием в октябре того же года Генеральной конференцией ЮНЕСКО международного соглашения, направленного на обеспечение и поддержку развития культуры во всех странах, но с акцентом на сохранение самобытности культур малых народов. Организаторы встречи исходили из того, что культура является не только «экономическим продуктом», но, прежде всего, феноменом духовным, выражающим морально-этические ценности разных регионов мира. И что необходима государственная политика в защиту культурного многообразия перед лицом унифицирующих глобализационных процессов.

Демократические свободы в определенной степени дифференцировали общественные настроения по проблеме культурного разнообразия. В разных частях Испании, прежде всего в Каталонии, Стране басков и Галисии, сторонники культурного плюрализма продолжали ощущать свою принадлежность единому испанскому государству, а их оппоненты полагали, что лингвистические и культурные различия — достаточные основания, чтобы подвергнуть сомнению саму эту идею. Напор центробежных тенденций варьировался в зависимости от автономии, но в целом гипертрофированное превозношение региональной самобытности, несомненно, стимулировало рост националистического самосознания.

Тема культурного разнообразия получила в последние годы широкий резонанс в Испании. В центре полемики оказалась проблема реальная, существовавшая в испанской культуре на протяжении практически всей ее истории, но долгие годы замалчивавшаяся. Теперь, в условиях демократии, ее начинают свободно обсуждать с учетом новых обстоятельств, заставляющих говорить не только о собственно культурном разнообразии, но и о мультикультурализме. При этом вы-

сказываются самые разные точки зрения: от сугубо умеренных, вполне гармонирующих с государственной культурной политикой, до крайне радикальных, в основе которых лежит тезис о существовании в границах одного государства множества «Испаний».

Из этого они делают вывод о том, что для решения «больного вопроса» требуется «хирургическое вмешательство». «Думаю, настал момент, чтобы начать освобождать от подобного протекционизма со стороны националистической культурной и лингвистической политики культуру Испании, так как ее национальности и регионы обладают достаточной политической автономией для своего возрождения»[1], — пишет, отвечая радикалам, современный испанский философ Херардо Боладо. По его глубокому убеждению, националисты на самом деле озабочены не защитой культуры своих автономий, а преследуют политические сепаратистские цели.

В Конституции Испании нет никакого крена в пользу культурной идентичности на основе испанской национальной идентичности. Или, наоборот, в пользу культурной идентичности на основе национальностей и автономных регионов. Констатируется культурное разнообразие и необходимость его защиты как автономными правительствами, так и центральным правительством. В таком контексте обязанностью любого правительства становится содействие культурной коммуникации между этими различиями для создания «общей культуры». Историк X. Прието де Педро так писал об этом еще в начале 1990-х гг.: «Эта глобальная культура требует осмысления, и она должна быть обращена к будущему»[2].

Философ X. Боладо, цитировавшийся выше, высказывается не менее взвешенно. Он видит задачу современного поколения в построении «общей культуры», основанной на принципах культурного плюрализма, в ходе спонтанного и непрерывного процесса коммуникации, далекой от политических или националистических директив. В так называемом умеренном национализме, признающем прошлое и общность испанской культуры и языка, есть, на его взгляд, свое рациональное зерно. «Испанская культура, — пишет он, — представляющая одно из важных культурных пространств современности, исторически неотделима от культурных различий, которые на протяжении пяти веков политического сосуществования, питая эту культуру, способствовали росту ее величия. Культурные различия Испании

[1] Bolado J. *Transición y recepción: La Filosofia española en el último tercio del siglo XX.* Santander, 2001. P. 146.

[2] Prieto de Pedro J. *Cultura, Culturas y Constituición.* Madrid, 1992. P. 215.

будут гарантировать всем реальную культурную свободу по мере построения общей испанской культуры с помощью налаженного механизма сообщающихся сосудов и посредством общего испанского языка. Вне этого собственного общего пространства нас ждет только культурный провинциализм и колонизация со стороны англоязычной технокультуры»[1].

Новые времена диктуют и новые подходы к старой проблеме. Культура все возрастающего числа иммигрантов, прежде всего мусульманского происхождения, постепенно становится неотъемлемой частью культурного пейзажа Испании, и она не может оставаться за скобками темы культурного разнообразия. Вместе с тем эта тема, а именно — мультикультурализм в его испанском понимании вызвала огромную полемику. Остроты в нее добавили несколько вроде бы случайных обстоятельств: интервью известного итальянского политолога Джованни Сартори, автора книги «Мультиэтническое общество: плюрализм, мультикультурализм и иностранцы»; неосторожное высказывание серьезного ученого-антрополога, президента Иммиграционного форума Испании Микеля Асурменди, назвавшего мультикультурализм «гангреной демократического общества»; выход на испанском языке монографии «Столкновение цивилизаций» американца Самуэля Хангтингтона[2].

Начнем с Сартори, обвиненного прессой, особенно левой, в исламофобии. Некоторые его формулировки действительно выглядят жесткими и спорными. Например: «...мультикультурализм сам по себе — пагубная идеология, поскольку он раскалывает, разделяет и противопоставляет». Или: «Относительно тезиса, что современная цивилизация и современный ислам принципиально несовместимы, думаю, что это справедливо, и я готов защищать этот тезис. Ислам, переживающий мощное возрождение, я бы сказал, сегодня абсолютно, на сто процентов, несовместим с открытым и плюралистическим обществом Запада... Принципы двух культур антагонистичны, и это они считают нас неверными, несмотря на то, что находятся у нас (в Европе), а не мы у них... Ислам представляет собой край, наиболее

---

[1] Bolado J. Op. cit. P. 214.

[2] «Конфликт цивилизаций, — пишет, в частности, С. Хангтингтон, — будет оказывать доминирующее влияние на мировую политику. Границы между цивилизациями станут в будущем линиями сражений» (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005. С. 145). Но границы цивилизаций географически часто совпадают с границами культур, вовсе не всегда соответствуя государственным границам. Из этого вытекает, что «линии сражений» в ряде случаев могут оказаться линиями разломов территориальной целостности. Отсюда интерес к книге и неоднозначность оценок ее содержания. — *Авт.*

отдаленный от Европы из-за теократического ви́дения мира. Его верования противоречат плюралистической системе»[1].

По сути, главный вопрос, который волнует Сартори, должно ли западно-европейское плюралистическое общество быть толерантным по отношению к своим «культурным врагам». Ответ последовал со страниц газеты «Эль Паис», опубликовавшей насыщенные эмоциями дебаты о том, существует ли иммиграция, не способная интегрироваться? В них приняли участие два крупных специалиста — профессор Хоакин Аранго и евродепутат Франсес Самир Наир. Первый, оспаривая тезис о невозможности интеграции иммигрантов, принадлежащих к теократической культуре, считает саму постановку вопроса итальянским политологом бесплодной и несвоевременной.

Второй оказался еще более непримиримым. Самир Наир в своей статье «Нет новой чистке крови!» пишет: «После войны во Франции, Бельгии, Германии и Швейцарии об испанских иммигрантах говорили, что они неспособны интегрироваться в современное общество: “слишком шумные”, “слишком неистовые”. Сегодня тот же яд источается в Испании. Но существует качественное отличие: никогда ни одно европейское правительство, по крайней мере, со времен Второй мировой войны, не осмеливалось официально поддерживать такую точку зрения... В данном случае речь идет о дискриминационной политике по отношению к мусульманам и об особом социальном отношении к ним, в чем-то напоминающем государственный расизм»[2]. Наир считает сами дебаты недостойными для политической элиты, внешне ратующей за европеизм и закрывающей глаза на варварство, нарастающее в стране.

Пожалуй, высшей точки накала дискуссия достигла после статьи Микеля Асурменди «Демократия и культура». В ней, в частности, говорилось: «Мультикультурализмом называют сегодня то положение вещей, когда в лоне одного и того же правового государства сосуществуют демократическая культура, как, например, наша, и другая или другие культуры, не обязательно демократические... Мультикультурализм — это запутанное теоретическое понятие, поскольку оно подразумевает, что речь идет о межэтнических отношениях между нами — теми, кто принадлежит к большинству общества, и всеми остальными, образующими миноритарные этнические блоки. Поэтому в качестве более или менее консолидированного проекта межэтничес-

[1] El País. 06.04.2001.
[2] El País. 06.05.2001.

ких отношений разрозненных групп, одни из которых занимают маргинальное положение относительно других, мультикультурализм стал бы фатальной гангреной для демократического общества»[1].

После этого общество, которому он предрек гангрену, разделилось на его сторонников и противников. Но нельзя не заметить, что между воззрениями Джованни Сартори и Микеля Асурменди много общего. Оба убеждены в том, что, поскольку теократическая культура ставит принципиально иные задачи, чем культура социума, где политика и религия разделены, испанский вариант мультикультурализма — это не развитие плюрализма, а его отрицание.

Речь не об отказе от толерантности, а о скрытой критике американской концепции «плавильного котла» и понимания мультикультурализма в США, где академическими кругами активно пропагандируется идея, охарактеризованная Сартори как «фабрикация разнообразия». В реальной жизни она приводит к возникновению своего рода обустроенных гетто для этнических меньшинств и мешает этим меньшинствам пересекать культурные границы. (Подробнее об этом споре см. статью «Страсти по мультикультурализму»[2].)

Вступившая в дискуссию газета «ABC» опубликовала статью «Что делать с иммигрантами?» известного политолога Хосе Марии Мартина Патино, в которой автор обозначил свою позицию сдержанно, но недвусмысленно: «Ссылаться на риски мультикультурализма, как это делает Сартори, чтобы поставить препоны иммиграции, есть не что иное, как упрощение проблемы»[3]. Однако дискуссия, начавшаяся в Испании несколько лет назад, не утихает и по сей день. Итогов ее ждать не приходится, но основные подходы сторон к феномену мультикультурализма проступают достаточно ясно.

Он действительно имеет множество трактовок и форм проявления, в зависимости от времени, места и социальной среды, и потому его нельзя оценивать однозначно — либо клеймя как «гангрену общества», либо восхваляя, как нечто «райское» и идиллическое. Это прежде всего социальное явление, связанное с сосуществованием на одном и том же социогеографическом пространстве групп с генетически разными культурами. А сосуществование разнородных культур может стать стимулом к взаимному духовному обогащению, ибо прогресс цивилизаций практически всегда был результатом смешения различных народов, этносов и культур.

[1] El País. 23.02.2002.
[2] Латинская Америка. 2006. № 5.
[3] ABC. 11.04.2001.

Испания, сделав исторический выбор в пользу Европы — мультикультурной, мультирасовой и метисной, должна рассматривать проблему мультикультурализма как своего рода вызов и исторический шанс для дальнейшего развития культурного плюрализма, не противоречащего основным принципам западной демократии. И надо помнить историю: Испания, как и Запад в целом, в свое время также являлась теократическим обществом, тем более что в современном мире культуры — это не какие-то застывшие образования, а динамичные процессы.

Интересно, что всемирно известный перуанский писатель и общественный деятель Марио Варгас Льоса, живущий сейчас в Испании, в своей статье для американского журнала попытался встать над дискуссией. «Голословные высказывания против глобализации и в пользу культурной идентичности являются свидетельством приверженности концепции статичной культуры, не имеющей исторической основы. Какая культура когда-либо оставалась неизменной на протяжении длительного времени?» — спрашивает он. И сам же отвечает: «Глобализация не приведет к исчезновению местных культур. В рамках мировой открытости все ценное, заслуживающее сохранения в местных культурах, найдет благодатную почву, на которой будет процветать»[1].

Прогноз оптимистичный и, на наш взгляд, убедительный. Во всяком случае, в Испании мы являемся сейчас свидетелями возрождения региональных культур и языков, питающих эти культуры. Впрочем, культурная эволюция человечества нередко ломает написанный для нее сценарий. И Испания — не исключение, хотя узор культурного разнообразия еще долго будет оставаться доминантой ее духовной жизни.

Глава 26. Проза последних десятилетий. Власть варваров или сохранение традиций?

В своих воспоминаниях легендарный барселонский издатель Карлос Барраль, опубликоваться у которого всегда считалось большой честью, пропуском в мир литературы, писал: «Приходишь, например, в бар

[1] Foreign Policy. 2001. January/February.

"Боккаччо" и встречаешь там не интеллигента, который после третьей рюмки, попыхивая трубкой, рассуждает о Катулле и Пиндаре, а людей, которые тут же начинают тебе рассказывать о прибыли и убытках... Этот мир изменился — это уже не тот традиционный мир культуры, в котором жили мы... Теперь тут менеджеры, которые ровным счетом ничего не смыслят ни в литературе, ни в искусстве, ни вообще в культуре, но управляют ими. Вы спросите: а что же творческая интеллигенция? Она вписалась в этот мир варваров, приняла его условия игры»[1].

Барраль написал это еще в 1988 г., одним из первых разглядев опасность, черной тучей надвигавшуюся на испанскую литературу. Это было не пророчество, а констатация уже свершившегося факта, хотя тогда, в конце 80-х годов, мало кто понимал это с такой ясностью. Однако постепенно вытеснялись небольшие профессиональные издательства, специализировавшиеся на художественной литературе, истории, философии, тщательно подбиравшие и готовившие каждую книгу, сознававшие свою роль и гордившиеся ею. Их сменяли крупные издательские объединения, больше похожие на современные поточные производства, бездушные и агрессивные, которым все равно, что издавать, была бы прибыль. Издатели перестали формировать вкус читательской публики — они сами пошли на поводу у читателя, стараясь угадать, чтó будет пользоваться наибольшим спросом и направлять этот спрос в нужное русло. Шло не только укрупнение издательств, но и расширение сферы их деятельности, в частности полное или частичное приобретение ими средств массовой информации, естественным следствием чего стала попытка подчинить себе литературную критику. Оценки критиков и сам подбор рецензируемых книг все чаще начал зависеть не от реальной художественной значимости произведений, а от внелитературных факторов: связей между издательским домом и СМИ, политической конъюнктуры, дружеских отношений и т. д. И те, кого профессия обязывает формировать читательский вкус, стали — вольно или невольно — снижать планку. «Глобализация и сдача позиций»[2] — так определил суть перемен, происходящих в издательском мире Испании, известный культуролог Рамон Асин.

Постепенно традиционные списки наиболее популярных книг как-то сами собой превратились в списки наиболее продаваемых, а мерилом художественной значимости произведения стал коммерческий успех, бесстыдно присвоивший себе право считаться отражением литературных достоинств. Другими словами, из элемента культурной

---

[1] Barral C. *Cuando las horas veloces*. Barcelona: Tusquets, 1988.

[2] Leer. 2005. № 164. P. 75.

жизни книга начала превращаться в товар. А становясь товаром, превращаясь из результата интеллектуальной деятельности в продукт деятельности по преимуществу экономической, литература вступает на чужую территорию и вынуждена подчиняться чужим законам.

Тенденция эта отчетливо наметилась в 90-е годы и выразилась, в первую очередь, в бешеном натиске массовой литературы. Поистине золотой жилой стала история, чему немало способствовал Умберто Эко. Романы, действие которых происходит в Средние века, с их мистикой, алхимиками, тамплиерами и катарами посыпались один за другим, причем, историческая достоверность, вернее, недостоверность, никого не волновала. История превратилась в бестселлер, и с ней обращались в высшей степени вольно, разгадывая несуществующие тайны: ученые достаточно основательно изучили этот период, и темных мест, по их свидетельству, там не осталось.

Заметим попутно, что в конце 90-х годов, когда волна эта только набирала силу, в Испании вышли сразу несколько серьезных работ крупных ученых-медиевистов: «Тамплиеры» («Los templarios»), фундаментальный труд известного французского историка Р. Перно, и сборник «Завещание катаров» («El legado de los cátaros»), в который вошли практически все основные документы катаров, сохранившиеся до наших дней. Однако широкий читатель научных работ не читает, а посему они не смутили авторов, безостановочно поставляющих на рынок одну за другой псевдоисторические подделки — на стыке тысячелетий Испания переживает настоящий бум псевдоисторической литературы.

Вот, например, Хорхе Молист, один из писателей этого толка, наиболее последовательный в своем творчестве. Книги его можно не комментировать — названия говорят сами за себя: «Возвращение катара» («El retorno del cátaro», 2000), «Кольцо: наследие последнего тамплиера» («El anillo: la herencia del último templario», 2004). Действие его романа «Скрывающаяся королева» («La reina oculta», 2006) происходит во Франции XIII в. и связано с поисками Святого Грааля.

На стыке псевдоисторической литературы и литературы, паразитирующей на религиозных сюжетах, находятся романы Матильды Асенси «Иаков» («Iácobus», 2000) и «Последний цензор» («El último Catón», 2001) о поисках Креста Господня в IV в. и о якобы имевшем место и тщательно скрываемом Ватиканом таинственном исчезновении всех частиц Креста, хранимых в различных церквах мира как самые дорогие реликвии. Но пальма первенства среди писателей, активно эксплуатирующих религиозные сюжеты, принадлежит ее однофамильцу Франсиско Асенси, автору романов «Тени в Ватикане» («Sombras en

el Vaticano», 1999), «У дьявола есть имя» (El Diablo tiene nombre 2001) и «Тайна святого Анджело» («El secreto de Sant'Angelo», 2006), построенного на гипотезе о наличии двойника у папы Льва XIII, что якобы существенно повлияло на историю. Готовится к выпуску новая книга писателя, роман «Айма» («Aima») о клонировании Христа.

У книг, перечисленных выше и им подобных, немало общих черт, свойственных массовой литературе как таковой. Как правило, они словно вылеплены по одному образцу: примитивные, схематичные характеры, без намека на психологизм; увлекательный, нередко полудетективный сюжет; отсутствие ведущей если не идеи, то, по крайности, мысли; незамысловатый, убогий стиль повествования. Действие перенесено в далекое прошлое, чаще всего в Средневековье, историческая достоверность полностью отброшена, а религиозные сюжеты под пером таких авторов преображаются до неузнаваемости.

Несколько особняком в этом ряду стоит Хосе Карлос Сомоса, испанский писатель кубинского происхождения. Своеобразие его творчества в том, что ему интересна, прежде всего, человеческая психика — сказывается основная профессия: по образованию Сомоса врач-психиатр, — ее непознанные и гипотетические возможности, которым автор склонен придавать мистический характер.

Публикуя практически каждый год по триллеру, он всякий раз поражает своей безудержной фантазией, в которой, однако, есть что-то болезненное. Настоящая известность пришла к писателю в 2000 г., когда вышел роман «Пещера идей» («La caverna de las ideas»), очень быстро переведенный в 24 странах.

Годом позже появился роман «Клара и сумрак» («Clara y la penumbra»), сюжет которого построен на допущении, что материальной основой живописи может быть не только холст или другой предмет, но и человеческое тело, после длительных и мучительных тренировок приобретающее способность часами сохранять неподвижность в самых причудливых позах.

Сюжетную канву романа составляет расследование убийства двух таких «полотен». Но все, непосредственно связанное с живыми «картинами», — их психология, профессиональная подготовка, судьба — оставляет тягостное ощущение жестокости и извращенности. Это в полной мере относится и к романам «Тринадцатая Дама» («La dama número trece», 2003), «Мраморный саркофаг» («La caja de mármol», 2004), «Зигзаг» («Zigzag», 2006).

В силу своей многоликости и разнообразия проявлений, массовая литература подменяет собой все многообразие художественных проявлений, подлинный литературный процесс. Если подходить к

литературе с мерками коммерческого успеха, то может показаться, что в последнее время массовая культура сильно потеснила настоящую литературу: читателей у Хосе Карлоса Сомосы или у Матильды Асенси, конечно, больше, чем у таких непростых, хотя и очень разных писателей, как Хуан Гойтисоло или Хавьер Мариас. Однако к художественной литературе не приложимы количественные показатели: она, как уже отмечалось, существует в другой плоскости и по другим законам, отличным от законов рынка. Можно поставить на поток выпуск полубульварной литературы, можно, заставив критику и СМИ играть на своем поле, обеспечить своей продукции сногсшибательный успех, — но и только. Потому что в товар можно превратить книгу, а не литературу. Настоящий писатель, для которого творчество — не способ зарабатывать на жизнь, а способ самовыражения и форма существования, будет писать, повинуясь творческому импульсу, а не заказу издателя. И естественно, что с коммерциализацией книжного рынка развитие испанской литературы не остановилось.

Как правило, в любой литературе тон задают писатели среднего поколения: старшие постепенно сдают позиции, молодежь только набирает разгон. Справедливо это и для Испании последних десятилетий. Писатели, произведения которых в 50–60-е годы становились вехами новой испанской литературы, самым решительным образом отказавшейся от помпезной риторики победителей и сделавшей выбор в пользу честной, ответственной оценки действительности, за последние 10–15 лет умерли (Камило Хосе Села, Хуан Бенет, Кармен Лафорет) или перестали играть определяющую роль в литературном процессе (Мигель Делибес, Ана Мария Матуте).

В 2002 г. не стало Камило Хосе Села, единственного писателя послевоенной Испании, удостоившегося Нобелевской премии (1989). Из-за нарочито усложненной манеры, в которой написаны его пропитанные жестокостью и чрезмерно эротизированные романы 80–90-х годов, — «Мазурка для двух мертвецов» («Mazurca para dos muertos», 1983), «Христос против Аризоны» («Cristo versus Arisona», 1988), «Крепкая закалка» («Madera de boj», 1999) — произведения эти превратились в элитарные, доступные лишь крайне узкому кругу читателей. С сожалением приходится констатировать, что в последние годы жизни в сознании подавляющего большинства испанских читателей Села существовал только благодаря своим прежним, сделавшим его знаменитым книгам — «Семья Паскуаля Дуарте» («La familia de Pascual Duarte», 1942) и «Улей» («La colmena», 1951).

Намного пережила свою славу и умерла в 2004 г. Кармен Лафорет, автор некогда известнейших романов «Ничто» («Nada», 1945) и «Ос-

тров и демоны» («La isla y los demonios», 1952). Ее творческий путь реально закончился несколькими десятилетиями раньше, когда писательница опубликовала свой последний роман «Солнечный удар» («La insolación»). После этого в печати лишь изредка появлялись один-два рассказа К. Лафорет.

Гораздо более счастливой оказалась судьба наследия Хуана Бенета (ум. 1993). В 60–70-е годы творчество его, ставшее поворотом от социально ориентированной объективной прозы к неоавангардизму, воспринималось как совершенно новый художественный язык, и оказало огромное влияние на целое поколение испанских литераторов. Все произведения писателя неразрывно связаны с центральным событием испанской истории XX в. — гражданской войной. Однако эта сложная опосредованная связь далеко не всегда очевидна. Автор романов «Вернешься в край» («Volverás a Región», 1969), «Размышление» («La Meditación», 1970), «Другой дом Масона» («La otra casa de Mazón», 1972), выходившего в 80-е годы несколькими выпусками большого цикла «Заржавевшие копья» («Herrumbrosas lanzas»), создал свой неповторимый стиль, где все расплывчато, неопределенно — место и время действия, сам сюжет и где доминантой повествования является язык, тягучая словесная вязь, придающая повествованию оттенок зыбкости и ирреальности[1]. Вместе с тем филигранно отточенные произведения Х. Бенета оставляют впечатление полной художественной завершенности и продолжают восприниматься как образец взыскательности писателя, воздействующего на читателя, главным образом, посредством стиля, манеры письма, создающих неповторимый, эмоционально насыщенный и в то же время расплывчато-неопределенный художественный мир.

Писатель совсем иного художественного склада Мигель Делибес, родившийся в 1920 г., почти отошел от литературы. Увенчанный всеми мыслимыми наградами, окруженный почетом и уважением — в разных странах проходят конференции, посвященные его творчеству, именем писателя называются библиотеки и научные кафедры — Мигель Делибес за последние 10 лет выпустил всего один роман — «Еретик» («El hereje», 1998), где морально-этические проблемы, всегда находившиеся в центре его произведений, решаются на материале религиозного конфликта XVI в.

Картина современной испанской прозы будет неполной без такой колоритной фигуры, как Франсиско Умбраль, публикующий ежегод-

[1] Детальный анализ творчества Х. Бенета см. в статье И.А. Тертерян: Испанский левооппозиционный роман // Современный революционный процесс и прогрессивная литература. М., 1976.

но по несколько книг самых разнообразных жанров — это романы, рассказы, разнообразные мемуары, эссеистика. Ироничный и насмешливый, виртуозно владеющий всей палитрой оттенков испанского языка, Умбраль, без сомнения, одаренный писатель. Однако его неуемная амбициозность, стремление всегда, а главное, любой ценой привлечь к себе внимание, из-за чего он нередко оказывается в центре скандалов, оказали ему дурную услугу, превратив в мишень для насмешек. Этому немало способствует пристрастие Умбраля к эпатажу. Не прибавляют ему уважения в среде испанской интеллигенции, традиционно придерживающейся левых убеждений, и правые взгляды, которые Умбраль так любит афишировать. Так, в одном из последних романов писателя, «Легенде о Цезаре-мечтателе» («Leyenda del César visionario», 2001), вызвавшем наибольшую полемику, Франко показан в разгар гражданской войны, полным сил и энергии. Не случайно свои главные награды, Национальную премию за творчество в целом и премию имени Сервантеса, Франсиско Умбраль получил в 1997 и 2000 гг., когда у власти было правое правительство Аснара, горячим поклонником которого являлся Умбраль.

Если перечисленные выше писатели определяли литературную ситуацию в Испании в 50–80-е годы XX столетия, то на рубеже XX–XXI вв. лицо испанской прозы это, прежде всего, Хуан Гойтисоло (р. 1931), Мануэль Васкес Монтальбан (р. 1939) до своей смерти в 2003 г., Эдуардо Мендоса (р. 1943), Хосе Мариа Гелбенсу (р. 1944), Феликс де Асуа (р. 1944), Хавьер Мариас (р. 1951), А. Перес-Реверте (р. 1951), Бернардо Атчага (р. 1951), Антонио Муньос Молина (р. 1956). Они не ровесники: некоторых из них разделяют два десятилетия. Их нельзя объединить в одно литературное направление, потому что у них нет единой эстетической программы, какая была, скажем, у «объективной прозы» конца 50-х годов или у левооппозиционного испанского романа, провозгласившего в конце 60-х главной задачей национальную самокритику. Более того, в художественном, стилистическом плане это очень разные писатели.

В испанской литературе сегодня сложно выделить тенденции, объединяющие нескольких писателей. Скорее, она являет собой созвездие ярких творческих дарований, где стиль и своеобразие каждого зависят от его творческой индивидуальности. Объединяют их время, в которое довелось жить, исторический опыт, оценка испанского общества — конечно, не одинаковая, но во многом сходная.

Не было и нет в современной Испании другого писателя, так последовательно, убежденно и страстно говорящего соотечественникам горькие слова правды, как Хуан Гойтисоло. Он из тех, кто всегда идет

против течения: «Долг писателя — напоминать о том, что было, и как на самом деле все происходило»[1]. И в этом смысле его лучшие романы продолжают национальную традицию сатирических зарисовок Мариано Хосе де Лары (недаром имя блестящего испанского романтика так часто встречается на страницах книг Гойтисоло), драматургии Валье-Инклана, «черных картин» Гойи.

Вот и роман «Сага о семействе Маркс» («La saga de los Marx», 1993) в целом был встречен испанской критикой сдержанно-доброжелательно: слишком нелицеприятной и резкой показалась оценка западного общества. Роман Гойтисоло переносит Карла Маркса и его близких — жену Женни, дочерей и верную Ленхен, формально прислугу, а по сути самого преданного дому человека, — в 1993 г., когда исполнилось 175 лет со дня рождения Карла Маркса. Ошеломленные герои видят, как рушатся коммунистические режимы в Европе и как терпят фиаско воплощенные в реальность идеи Маркса. Перемещаясь по воле автора не только во времени, но и в пространстве, Маркс попадает то в современный Париж на собрание своих французских единомышленников, где никто его не узнает, то на московский Арбат. Читатель не только становится свидетелем забавных сцен, но погружается в размышления о судьбе идей Маркса в свете истории; в первую очередь, размышлений самого Маркса, который часто внутренне спорит с теми, кто неправильно понял его или исказил.

Х. Гойтисоло, некогда активный член испанской оппозиции, в 60-е годы демонстративно и шумно покинул ряды Коммунистической партии Испании, после чего отошел от политики. Интерес к образу Маркса, как признавался писатель, возник у него в 90-е годы в связи с развалом социалистической системы, с одной стороны, а с другой — полной несостоятельностью ценностных ориентиров мира потребления. В намерения писателя не входило пополнить собой ни ряды яростных хулителей Маркса, ни ряды его защитников. Не отрицая марксизма как системы взглядов, но и не защищая его, Х. Гойтисоло в романе «Сага о семействе Маркс» в достаточно неожиданной для современного читателя плоскости ставит вопросы об идейном кризисе современного общества — как на западе, так и на востоке Европы. Причем о процессах в странах Восточной Европы Гойтисоло пишет, проявляя редкостное для западного человека понимание всей сложности происходящего.

Гойтисоло не был бы самим собой, если бы написал обычную беллетризованную биографию мыслителя. У книги мозаичная, многоплано-

[1] El País. 10.06.2001.

вая структура: в первой части Маркс и его близкие, свободно перемещаясь из своего времени в 1993 г. и обратно, наблюдают сотрясающие современную Европу перемены. Во второй части романа на первый план выходят взаимоотношения писателя, который работает над книгой о Марксе, со своими героями и издателем, требующим последовательного, четкого выстраивания фактов. Третья часть — о съемках французского телефильма «Красная герцогиня», посвященного Женни Маркс, урожденной фон Вестфален.

Снимается сцена званого вечера, который устраивали супруги Маркс в Лондоне в 1864 г., и снова мешаются действительность и вымысел, актеры и их реальные прототипы. Четвертая часть книги — теледебаты историков и философов по поводу «Красной герцогини», где каждый слышит только самого себя. Наконец, в заключительной части романа его автор — он же персонаж собственного романа — беседует на лондонском кладбище, где похоронены Маркс и все члены его семьи, а также преданная Ленхен, с самой Ленхен: женщина добавляет последние, поистине человечные штрихи к образу Маркса, которого глубоко любила и от которого у нее был ребенок.

Цементирует всю эту сложную конструкцию образ Маркса. Работая над книгой, писатель поднял семейную переписку, огромное количество документальных и архивных материалов. Быть может, поэтому Маркс в романе — безусловная творческая удача писателя: убедительный и яркий, не скованный идеологическими клише. Это живой человек, страдающий от лишений, смерти детей, самоубийства младшей и самой любимой дочери Элеонор.

Полемические, страстные романы X. Гойтисоло, писателя с выраженным национальным темпераментом и острым чувством гражданской ответственности, эмоционально перенасыщены, и в то же время их отличает отстраненная, бесстрастная манера повествования — сочетание, ставшее своего рода творческой визитной карточкой Хуана Гойтисоло, неотъемлемой чертой его художественного почерка. Это относится и к романам 90-х годов, словно унаследовавшим тональность повествования от «объективной прозы».

История всегда была ведущей темой творчества Хуана Гойтисоло. Как национальная — в романах «Особые приметы» («Senas de identidad», 1966), «Дон Хулиан» («Don Julián», 1970), ранее называвшемся «Возмездие графа дона Хулиана» («Reivindicación del conde don Julián»), «Хуан Безземельный» («Juán sin Tierra», 1975), так и история, а точнее, судьба европейской цивилизации (роман «Сага о семействе Маркс»). Не мог писатель остаться равнодушным и к трагедии на Балканах. Во время осады Сараево он дважды приезжал в город. Увиден-

ное там вылилось в публицистическую книгу «Сараевский дневник: впечатления от поездки в варварство» («Cuaderno de Saraevo: anotaciones de un viaje a la barbarie», 1993).

Двумя годами позже появился роман «Осада из осад» («El sitio de los sitios»). Вполне, казалось бы, реальные эпизоды — смерть в гостинице Сараево таинственного испанца с инициалами Х. Г. и с наружностью, сильно напоминающей Хуана Гойтисоло, перемешаны в книге с эпизодами явно вымышленными, но изображенными как реальные, — рассказом об осаде одного из районов Парижа, где живут в основном иммигранты. Записки об этом обнаружены в бумагах покойного. Роман «Осада из осад» с его многоголосицей, персонажами из мира арабской культуры — произведение сложное, рассчитанное на интеллектуального читателя, способного к сотворчеству.

Давая параллельно две ситуации: реальную — осада Сараево — и вымышленную — осада парижского квартала, писатель, отталкиваясь от исторического факта, предлагает читателю метафору современного западного общества, равнодушно взирающего на этнические чистки, пока они происходят за пределами старой Европы. Блестяще найденный прием позволяет художественно выразить главную мысль романа — драма Сараево может произойти и в демократической, либеральной Европе, потому что нетерпимость, фанатизм, склонность к насилию не являются специфическими чертами третьего мира, а присущи и современному западному обществу.

Артуро Перес-Реверте, известный во всем мире благодаря своим повестям о капитане Алатристе, идет еще дальше, полагая, что склонность к насилию имманентно присуща человеческой натуре. Мысль о том, что человек изначально жесток и в жестокости своей никогда не знал и не знает удержу, художественно воплощена в романе «Человек, рисовавший войну» («El pintor de batallas», 2006), название которого неудачно переведено на русский язык как «Баталист». Герой его, в прошлом военный репортер, побывавший, кажется, во всех горячих точках планеты, автор фотографий, обошедших мировую прессу и принесших ему известность и множество международных премий, оставляет свою профессию. Поняв, что фотография может запечатлеть мгновение и образ, воплощение жестокости и зла, но не может осмыслить их причины, фоторепортер убирает аппаратуру и превращается в человека, который «рисует войну». Ему уже мало остановить мгновение на пленке — нужно понять и выразить средствами живописи закономерности поведения человека, не конкретного индивида, а человеческого рода в целом.

Он покупает старую заброшенную сторожевую башню на побережье и живет там в полном одиночестве, только изредка наведываясь

в соседний рыбацкий поселок за продуктами. Этот человек тяжело болен и, по всей видимости, обречен, поэтому ему приходится торопиться: нужно успеть закончить то, ради чего он здесь поселился. Бывший фоторепортер расписывает стены нижнего этажа башни странной, ни на что не похожей живописью, стараясь понять страшную логику, ведущую человека через горы трупов от бойни к бойне, на всем протяжении его истории. Чудовищные образы этой бойни, то размытые, то предельно четкие, современные танки, тяжелая римская конница, Троянская война, образуя единое целое, предстают символом войны как таковой, символом извечной, непреходящей жестокости человека. Внутреннее пространство башни превращается в круговую панораму, чудовищные образы обступают зрителя со всех сторон.

Впрочем, работа его не предполагает зрителя. Человек, рисующий войну, хочет одного: понять ее и, запечатлев свое понимание на старой, уже пошедшей трещинами стене, освободиться от него. Он делает это только для себя — после всего, чему этот человек был свидетелем, хотя и «свидетелем с обратным билетом», имеющим возможность в любой момент вернуться к тихой, спокойной жизни, душа его умерла, и ему давно нет дела до других — он не верит, что человек может что-то понять и остановиться, не творить зло.

Но зритель все же появляется: Иво Маркович, сфотографированный им во время отступления под Вуковаром и превратившийся в символ хорватского сопротивления и поражения. Фотография принесла ее автору международную премию, появилась на обложках многих журналов. Когда такой журнал попал в небольшой сербский городок, где жили жена и ребенок Марковича, с ними зверски расправились. Сам он прошел через ад тюрем, пыток, концлагерей — слишком известно было его лицо: фотография лишила Марковича права на спасительную безвестность.

И вот теперь он пришел предъявить счет. Пришел с хладнокровным, годами выношенным решением, — убить. Это не горячечная месть, а казнь, приведение в исполнение давно вынесенного приговора. То, что происходит между этими двумя людьми, нельзя назвать поединком — это вдумчивый, серьезный разговор двух уважающих друг друга противников. Разговор, растягивающийся на несколько дней. Маркович, не один год шедший по следу фотографа, помнящий все его работы, альбомы и премии, старается понять то, что все-таки остается для него загадкой: чувства человека, снимающего смерть другого. Фотограф, не испытывающий ровным счетом никакой вины перед незваным гостем, пытается объяснить, а окружающая их настенная живопись становится одним из его аргументов.

Роман «Человек, рисовавший войну» — выстраданная и глубокая книга о психологии человека на войне, о том, как постоянное погружение в атмосферу жестокости и насилия убивает душу человека, превращая его в живой труп. Написанная сдержанно, сурово и лаконично, она вместе с тем — глубоко эмоциональное, страстное, предельно искреннее свидетельство. Не менее эмоциональное, чем книга «Территория команчей» («Territorio comanche», 1994), жанр которой условно можно определить как записки о войне, а точнее — размышления о профессии военного репортера.

Эти две книги стоят несколько особняком в творчестве Артуро Переса-Реверте, хотя разложить его на составляющие достаточно сложно, да и вряд ли нужно. Например, А. Перес-Реверте блестящий публицист с выраженной гражданской позицией, со своей интонацией: его воскресные публикации на страницах приложения «XL Семаналь», распространяемого ведущими изданиями Испании, не просто значительно увеличивают тиражи газет, но, собранные в отдельные книги «Желая обидеть» («Con ánimo de ofender», 2001) и «Живым не возьмете» («No me cogeréis vivo», 2005), хранят дух своего времени, мысли людей, их настроения — реальную Испанию, совсем не похожую на ту, какой она видится официальным лицам.

И хотя тематика публицистических выступлений писателя очень широка, одна тема отчетливо волнует его больше других. Может быть, в силу ее необыкновенной, исключительной значимости для страны. Эта тема — фальсификация истории в угоду набирающему силу национализму всех мастей и вытекающее отсюда размывание, выхолащивание самого понятия Испании как исторически сложившейся общности проживающих на ее территории народов. «Речь не идет, — писал А. Перес-Реверте в 1999 г., — как утверждаете вы, путая язык, культуру и политику, о независимых друг от друга культурах — речь идет о смешении различных культур на территории, которую мы называем — ведь у нее должно быть какое-то название, а это придумали еще римляне, — Испанией. Я понимаю это слово в самом благородном смысле слова — как площадь, куда стекается народ; как агору, которая является единой и радушной родиной для всех; как пространство, на котором встречаются разные народы, смешиваются разные национальности, и все они принимают друг друга с радостью... Случай и история распорядились так, чтобы у всех этих разнообразных проявлений, одни из которых в качественном и количественном отношении значительнее других, — там, где дело касается культуры, не всегда возможно распределение политически выдержанных квот, — был общий язык, та дорога, по которой каждый, что бы он ни говорил и ни

чувствовал, мог идти вместе с другими и общаться с ними. Этим языком мог быть баскский или наречие, на котором говорят в низовьях Гвадалквивира, но им оказался кастильский. И надо признать, что это красивый, богатый язык, в котором удачно слились многие наречия, и сейчас на нем говорят сотни миллионов человек на земле. Вклад его в сокровищницу мировой культуры велик и неоценим»[1].

Именно такому видению истории во многом обязана своим сногсшибательным успехом серия «Приключения капитана Алатристе» («Las aventuras del capitán Alatriste»), которая уже несколько лет выходит с 1996 года. В нее вошли: «Капитан Алатристе» («El capitán Alatriste», 1996), «Чистая кровь» («Limpieza de sangre», 1997), «Солнце Бреды» («El sol de Breda», 1998), в русском переводе — «Испанская ярость», «Золото короля» («El oro del rey», 2000), «Кавалер в желтом жилете» («El caballero del jubón amarillo», 2003). Все они объединены одними и теми же героями, в первую очередь капитаном Алатристе, что и позволяет воспринимать их как единую серию, хотя сюжетно они не связаны. Действие повестей происходит в XVII в. во время правления Филиппа IV, а лейтмотив их — ностальгия о былом величии Испании, о временах Филиппа II и уходящих в прошлое нравственных ценностях той эпохи.

Главный герой — воплощение благородства, чести и преданности, безусловной верности долгу и данному слову, но одновременно скептичный, жестокий, способный на хладнокровное убийство человек. Это типично испанский герой и, как отмечал главный редактор газеты «ABC», Хосе Антонио Сарсалехос, «вылепленный из материала, который сейчас не в моде»[2].

Небывалый успех этих книг объясняется не только возрождением традиционного и подзабытого современной литературой приключенческого жанра в духе Стивенсона и Хаггарда или сочетанием литературных героев и исторических лиц (Кеведо, Веласкес, граф Оливарес и др.), действующих в вымышленных ситуациях. История Испании, реальные события и моральные ценности — вот что составляет ядро всех повестей о капитане Алатристе. Это удивительно достоверные книги. А. Перес-Реверте досконально знает все, что касается нравов описываемой эпохи, ее традиций, быта, языка.

В 2003 г. писатель стал членом Испанской Королевской академии языка и литературы, и на торжественной церемонии принятия его в академическое сообщество прочитал доклад об особенностях ис-

---

[1] Pérez-Reverte A. *Con ánimo de ofender.* Madrid: Alfaguara, 2001. P. 142–143.
[2] ABC. 03.09.2006.

панского языка XVII в. Интересно, что во многих средних школах повести о капитане Алатристе включены в программу как пособие по литературе или истории, а издательство «Альфагуара», выпускающее их, организует по серии «Приключения капитана Алатристе» летние исторические курсы для подростков с участием писателя.

«Я написал эти книги, — говорил А. Перес-Реверте в интервью газете «Эль Паис», — чтобы объяснить нашу историю поколению моей дочери. Ребятам, у которых сегодня выхолащивают историческую память. А без нее нашу страну понять невозможно. Без исторической памяти непонятны ни язык, ни народности, ни ненависть, ни гражданские войны, ни каинизм — а ведь это страна каинов: Каин мог быть только испанцем. Если лишить ребят истории, они ничего не поймут. Без исторической памяти у каталонских, баскских, андалузских или эстремадурских ребят нет ничего общего — мы просто распадемся»[1].

Сохранение исторической памяти, национальной самобытности Испании, сформировавшейся в результате взаимодействия культур всех народов, населяющих страну, — ключевая тема творчества А. Переса-Реверте. Продолжая традицию классиков, традицию поколения 98-го, он вполне мог бы сказать о себе словами Унамуно: «У меня болит Испания». Однако далеко не все разделяют такой взгляд на Испанию и ее прошлое. На противоположном полюсе находится Бернардо Атчага (настоящее имя Хосеба Изазу Гармендиа), самый яркий представитель молодой баскской литературы, заявившей о себе в 70-е годы.

Прежде все же нужно сказать несколько слов о многонациональном характере испанской литературы сегодня. По-существу, она была многонациональной всегда, но в ее многоголосье увереннее и громче всех звучал голос испаноязычной литературы, вклад которой в сокровищницу мировой культуры неоспорим. И если баски Пио Бароха или Унамуно писали по-испански, как и галисиец Валье-Инклан, то это был результат свободного и естественного выбора, возможно, даже не осознававшегося ими как выбор, поскольку образованные слои всех областей страны пользовались исключительно испанским языком, — такова была сложившаяся веками традиция.

Сегодня все изменилось. Когда правительство, возглавляемое Адольфо Суаресом, предоставило регионам статус автономий, многие считали, что он открыл ящик Пандоры. Действительно, оборотной стороной принятого решения оказалось стремление — порой непримиримо-категоричное — вновь образованных автономий к утверждению национальной идентичности, как правило, в противовес всему

[1] El País. 15.11.2003.

испанскому, прежде всего языку и культуре, самой идее Испании как целостной, исторически сложившейся общности.

Достаточно спокойно проходил этот процесс в Галисии, где никогда не было такого накала страстей и такого яростного отрицания всего испанского, как, скажем, в Каталонии. Может быть, поэтому стремление к самоутверждению, характерное в последние десятилетия для всех литератур Испании, в Галисии выражается в обращении к национальным мифам, традициям, легендам. Характерен в этом смысле сборник одного из самых популярных и ярких писателей современной Галисии Мануэля Риваса, «В странной компании» («En salvaje companía», 1994), где народные предания переплетаются с современностью. Мягкие, лиричные книги М. Риваса, в основном повести и рассказы, написаны по-галисийски; на испанский язык их переводит сам автор, который за последнее десятилетие стал одним из самых популярных писателей Испании.

В отличие от Галисии, в Каталонии всегда подспудно тлели антииспанские настроения, и теперь эти настроения вырвались наружу. Однако выразились они, в первую очередь, в сфере общественных настроений и политики, в том числе и культурной. Но, как известно, финансовые влияния не могут существенно изменить ситуацию в духовной области, поэтому на сегодняшний день лицо каталонской литературы по-прежнему определяют Пере Жимферер, Теренси Мойш (до своей смерти в 2003 г.), Ким Мунсо, Карме Рьера — писатели неплохие, но в известной степени вторичные: ни один из них не сказал пока яркого, запоминающегося слова в современной литературе.

Совсем иначе обстоит дело с баскской литературой, молодой, недавно зародившейся, но переживающей период подъема, равного которому она никогда не знала. До конца XIX — начала XX в. баскская литература практически не существовала: как и по всей стране, образованные слои населения предпочитали испанский, и сфера влияния баскского в XVII–XVIII столетия ограничивалась малограмотным сельским населением, а местный язык использовался только для катехизации в церквах, по преимуществу сельских. Возникнув поздно, баскская литература, в силу особенностей языка и ограниченного ареала его распространения, всегда оставалась маргинальной, совершенно чуждой художественным веяниям не только Европы, но и остальной части Испании. Исторические обстоятельства — гражданская война и последующий период, а также отсутствие разработанной унифицированной языковой нормы привели к тому, что к 50-м годам XX в. баскский язык фактически распался на четыре диалекта. Только в 70-е годы появилось новое поколение, готовое бросить вызов всем

трудностям и писать по-баскски, и баскская литература стала быстро набирать силу.

Наиболее значимым и зрелым из прозаиков этой волны и является Бернардо Атчага (р. 1951). Писать он начал еще в юности, но известность к нему пришла после книги «Обабакоак» («Obabakoak», 1988) что приблизительно переводится как «жители Обабы». Мироощущение древнего народа, переданное в «Обабакоак», рассказ о патриархальном сельском укладе, переплетение вымысла и легенд с действительностью, — вот что снискало любовь читателей сборнику, состоящему из 26 не связанных между собой рассказов. Он имел шумный успех в Басконии и был отмечен премией «Эускади». Годом позже, переведенный на испанский язык самим автором, сборник получил Национальную премию Испании. Отметим, что за эту награду Б. Атчага подвергся резкой критике со стороны определенных кругов в Стране басков, осудивших факт принятия баскским писателем «испанской премии», — таков тут накал националистических страстей.

Однако, несмотря на все полученные награды, книга достаточно описательна и несет на себе явный отпечаток костумбризма, что, впрочем, понятно — предшественников у Б. Атчаги не было.

В своем следующем романе «Это небо» («Estos cielos»), переведенном на испанский в 1995 г., Б. Атчага уже вплотную подходит к самой острой проблеме современной Басконии — проблеме ЭТА, название которой расшифровывается как «Родина и свобода басков» (от баскского Euskadi Ta Askatasuna). Роман этот стал заявкой на художественное осмысление острейшей национальной проблемы.

Следующим шагом в этом направлении оказался самый известный на сегодняшний день роман писателя «Сын аккордеониста» («El hijo del acordeonista»), вышедший на испанском языке в 2004 г. «Сын аккордеониста» — классический роман о становлении характера и личности героя, о его дальнейшей судьбе. Давид живет с родителями в уже знакомом читателям городке Обаба, ставшем символом Страны басков, где внешне все выглядит безмятежно, и только более внимательный взгляд обнаружит так и непогасшие угольки застарелой вражды и разногласий, истоки которых следует искать в главном событии испанской истории XX в. — гражданской войне. Потрясением становится для Давида открытие, что в те годы в тихой и спокойной Обабе были зверски убиты все местные левые, и что к этой расправе имел самое непосредственное отношение его отец и ближайший друг отца, хозяин местной гостиницы, где отец Давида по праздникам играет на аккордеоне.

Открытие это отзывается в душе Давида крушением привычного мира, полной переоценкой ценностей. Он и раньше любил бывать в не-

большой, лежащей в трех километрах от Обабы деревушке Ируайн, где выросла его мать и где у семьи сохранился большой пустующий дом. Теперь Давид практически переселяется туда. Подростка неудержимо влечет особый, полный очарования мир: другие люди, другие обычаи и ценности, другие язык и мироощущение — исконно баскские, не тронутые цивилизацией и приехавшими в эти края испанцами.

И постепенно Давид все дальше и дальше отходит от отца и его окружения: в его сознании они теперь неотделимы от бесчинств, которые когда-то творили в этих местах франкисты. Более того, неприятие это переносится на все испанское, в первую очередь на Мадрид, который начинает восприниматься как символ угнетения баскского народа и символ фашизма. И когда наступает момент выбора, Давид без колебаний становится на сторону «организации» — автор пользуется этим расплывчатым словом, так ни разу и не упомянув ЭТА, — ведь все эти люди его близкие друзья.

Для героя романа «Сын аккордеониста» это не идеологический выбор: он далек от политики. Это вряд ли вообще можно назвать выбором — Давид переходит на сторону басков вполне естественно, почти инстинктивно, помогая скрыться террористам, взорвавшим гостиницу в Обабе. Однако этот поступок с такой же естественностью означает членство в организации и необходимость скрываться. Став активным членом организации, Давид принимает участие в подготовке взрыва Морского клуба в Бильбао, но его следующее задание — организация теракта на одном из популярных курортов страны в разгар сезона — заканчивается арестом. Выйдя после амнистии из тюрьмы, Давид уезжает в США, к дяде, где и остается навсегда.

В романе Б. Атчаги ни разу не упоминается о неминуемых человеческих жертвах при взрывах в гостинице и Морском клубе. Более того, в книге нет и тени осуждения террористической деятельности: она выглядит вполне естественными действиями хороших людей. Б. Атчага умудряется пройти мимо того общеизвестного факта, что большая часть коренного населения Страны басков осуждает деятельность ЭТА, считая ее членов убийцами.

При этом автор словно не замечает, что жизненная траектория Давида противоречит логике его характера: психологически превращение доброго, чуткого, тонко чувствующего юноши в безжалостного убийцу никак не оправдано и выглядит малоубедительным. Б. Атчага не только жертвует художественной правдой, втискивая героя в прокрустово ложе своих идей, но и манипулирует читателем. Успев полюбить Давида и его друзей, — а это, действительно, симпатичные ребята, — сочувствуя им во всех их жизненных перипетиях, читатель может перенести свое

доброе отношение с героев книги на их подпольную деятельность и если не с сочувствием, то хотя бы с пониманием отнестись к баскскому терроризму. Однако психологически неубедительный и схематичный, скомканный конец сводит на нет все усилия автора.

Поразительно, что испанская критика — за малым исключением — высоко оценила «Сына аккордеониста» и что роман был удостоен Национальной премии по литературе. Впрочем, премии, даже национальные, перестав быть фактором литературной жизни, давно стали еще одним инструментом в политической игре, свидетельством политической лояльности. Б. Атчага писатель, безусловно, одаренный, и манера его письма выдает хорошее знание европейской литературной традиции. Ему нельзя отказать и в смелости: он пока единственный писатель, взявшийся за острейшую тему баскского терроризма. Очевидно, что симпатии его на стороне баскских националистов, хотя вряд ли он осмелится признать это открыто: позиция автора, заявленная в романе «Сын аккордеониста», половинчата и расплывчата, что вполне соответствует столь модному теперь принципу политкорректности.

Пример другого подхода к баскской проблеме — роман Мануэля Васкеса Монтальбана «Галиндес» («Galíndez», 1990). В нем не идет речь о терроризме, но от этого он не становится менее острым. Роман посвящен Хесусу Галиндесу, представителю баскского правительства в изгнании, в 1956 г. похищенном среди бела дня в центре Нью-Йорка и замученном по приказу доминиканского диктатора Трухильо. Действие романа происходит в двух временных планах — в середине XX в. и в наши дни, когда американский историк, исследовательница деятельности Галиндеса, приезжает в Испанию, чтобы увидеть его родные места. Хесус Галиндес был одним из лидеров Националистической партии басков (НПБ), ныне одной из ведущих политических сил Басконии, но при этом он не был фанатиком, а в слова «национализм» и «патриотизм» вкладывал несколько иной смысл, чем нынешние радикальные баскские политики, предупреждая в своих работах об опасности, заложенной в национализме, что и вызвало неоднозначное отношение к нему правого крыла НПБ, не изжитое по сей день.

И если Б. Атчага принимает радикальные методы борьбы, то для М. Васкеса Монтальбана, имеющего за плечами немалый опыт борьбы в антифранкистском подполье, а затем — работы в ЦК Социалистической объединенной партии Каталонии, партии каталонских коммунистов, эти методы неприемлемы. Акценты в романе расставлены четко и авторская позиция предельно ясна: он старается отделять зерна от плевел. Писатель считал своим моральным долгом извлечь из исторического небытия фигуру одного из самых известных в свое

время и самых ярких баскских политиков, настоящего патриота Басконии и националиста в хорошем, не сегодняшнем понимании этого слова.

Есть в романе еще одна тема, которая сюжетно выступает на первый план и в книге, и в снятом по ней в 2003 г. фильме. Хесус Галиндес был похищен в США, где жил с разрешения властей совершенно легально, и похищение его могло быть осуществлено не просто с ведома, а только при непосредственном участии ЦРУ. Во времена Хесуса Галиндеса такое предположение казалось почти невероятным — об американских тюрьмах в различных странах Европы и о похищении людей агентами ЦРУ мир узнал значительно позже.

Вскоре после выхода романа М. Васкес Монтальбан сказал в одном из интервью: «Главное в книге — не сам герой, а его пример. В такие времена, как наше, когда в цене только философия и мораль победителя, прагматичный подход к жизни, мне представляется необходимым и справедливым напоминать о людях, которые отдали жизнь за что-то нематериальное, к чему невозможно прикоснуться — за идею, за будущее. Я думаю, что сопротивление — это моральный выбор, моральная альтернатива. Кажется, что такие люди, как Галиндес, всегда проигрывают, но давайте задумаемся: что же такое на самом деле поражение и что такое успех, и почему люди, в прошлом потерпевшие сокрушительное поражение, в конце концов, оказываются на гребне истории»[1].

В 1992 г. М. Васкес Монтальбан выпустил «Автобиографию генерала Франко» («Autobiografía del general Franco»). Многообещающее название книги не отражает суть дела: речь идет не о романе, герой которого, писатель средней руки, по заказу издателя работает над биографией Франко. Цель ее — рассказать молодому поколению Испании, кто же был этот человек, единовластно решавший судьбу страны и ее граждан в течение без малого сорока лет. Мануэль Васкес Монтальбан включает в романную структуру апокрифичные воспоминания Франко, превращая книгу в своего рода комментированный апокриф, где текст, якобы написанный каудильо, постоянно подправляется — иногда бесстрастно, а чаще иронично и язвительно — автором, приводящим эпизоды из собственной жизни, которые противоречат утверждениям Франко. А чтобы читатель не путался, тексты эти набраны в книге разными шрифтами. Постоянный контрапункт двух судеб — Франко и человека из лагеря побежденных — дает представление об испанской действительности нескольких десятилетий.

[1] Quimera. 1991. No 106–107. P. 52.

При всей огромной, поражающей воображение насыщенности книги документальным и фактографическим материалом — иногда просто теряешься перед обилием имен, фактов, дат, отсылок к архивам и давно забытым изданиям, — это отнюдь не взгляд со стороны. За эмоциональной напряженностью авторских комментариев к «тексту Франко» стоят собственная боль, собственный опыт — за спиной у М. Васкеса Монтальбана полное лишений детство, тюремные свидания с отцом-республиканцем, активное участие в антифранкистском движении и снова тюрьма, где будущий писатель был уже не посетителем, а заключенным.

Писатель не идет по проторенной дорожке и, создавая образ Франко, пользуется не только черной краской. Палитра его гораздо богаче, потому что М. Васкесу Монтальбану не нужны упрощения, искажающие историческую правду: ведь превращение образа диктатора в карикатуру или пародию ведет к преуменьшению роли антифранкизма. И об этом М. Васкес Монтальбан ни на минуту не забывает. Франко в романе, безусловно, сильный, умный, волевой, но жестокий и безжалостный человек, к тому же крайне необразованный, что особенно ощущается в его тяжеловесной, изобилующей казенными оборотами речи. Роман М. Васкеса Монтальбана вышел — конечно же, неслучайно — в 100-летнюю годовщину со дня рождения каудильо; обнажив все хитросплетение противоречивых обстоятельств, из которых складывались десятилетия франкизма. Писатель напоминает: забыв франкизм, мы забудем и антифранкизм, поэтому давайте помнить.

Писательская судьба Мануэля Васкеса Монтальбана сложилась счастливо. Человек необычайно и разносторонне одаренный, он обладал поистине фантастической работоспособностью. После него осталось более пятидесяти книг, среди которых и романы, и стихи, и публицистика. Их тематический спектр кажется необъятным: тут и ностальгическое воспоминание об историко-культурной обстановке, сформировавшей его поколение — «Сентиментальная хроника Испании» («Crónica sentimental de España», 1986); и не лишенный юмора рассказ об испанском обществе первых послефранкистских лет («Crónica sentimental de la transición», 1985); солидная, хотя написанная искрометно, как все, что выходило из-под пера М. Васксеса Монтальбана, работа «Пасионария и семь гномиков» («Pasionaria y los siete enanitos», 1995) и безукоризненно точный, язвительный анализ идеологии и тактики правых сил в современной Испании, их союза с каталонскими националистами — изданная посмертно книга «Аснарство» («La aznaridad», 2004), не один месяц державшаяся в списке наиболее читаемых книг.

Кроме того, М. Васкес Монтальбан — создатель современного испанского детектива, которого при франкизме практически не было: в герои романов никак не годились сотрудники одной из самых зловещих служб страны, а о частном сыске в ту пору не могло быть и речи. И трудно сказать, что принесло писателю большую известность и любовь испанцев — острые статьи в «Эль паис», психологические романы или серия о сыщике Карвальо. К тому же, как ни удивительно, есть внутренняя связь между детективами М. Васкеса Монтальбана и его романами, основу которых, если свести их к одной характеристике, составляет память поколения. Ведь все герои писателя, включая сыщика Карвальо, из проигравших — войну ли, жизнь, — но именно это определят их мироощущение и характер взаимоотношений с окружающим миром. Двухтомный роман о Карвальо, «Тысячелетие» («Milenio», 2004), писатель так и не увидел опубликованным — он умер от сердечного приступа в аэропорту Бангкока; в чемодане лежала корректура книги, которой суждено было стать последней.

Литературная панорама сегодняшней Испании была бы неполной без Эдуардо Мендосы, Хосе Марии Гелбенсу, Хавьера Мариаса, Феликса де Асуа, Антонио Муньос Молины, писателей заметных, каждая новая книга которых привлекает внимание, но в силу своей творческой индивидуальности более камерных.

Казалось бы, произведения Ф. де Асуа, написанные в 80-е годы, — в жанровом отношении нечто среднее между романом и повестью — содержат резкую критику общества потребления в его испанском варианте, но эта подчеркнутая сатира вкупе со специфической, наукообразной манерой изложения ориентирована на весьма узкую читательскую аудиторию. Действительно, даже заглавие одной из этих книг, «История идиота, рассказанная им самим, или Смысл счастья» («Historia de un idiota contada por él mismo», 1986) больше подходит для философского трактата и никак не предполагает интереса со стороны широкого читателя. И замысел книги, и ее структура отражают личность автора — рафинированного интеллектуала, доктора философии, прошедшего через увлечение идеями структуралистского журнала «Телль кель», под значительным влиянием которых были написаны его первые, совершенно герметичные романы, не понятые и не принятые испанским читателем.

По сравнению с ними «История идиота» — вещь почти прозрачная. Написанная просто, без всяких изысков, книга все же предполагает особый тип читателя — склонного к рефлексии, к философским размышлениям, умеющего и любящего им предаваться; и еще — образованного, поскольку художественная ткань романа насквозь пропитана

культурологическими аллюзиями. В нем нет сюжета в привычном смысле слова: читателю предлагается проследить жизненный путь героя, дотошно, с педантизмом въедливого ученого анализирующего ценности общества потребления, которое, как утверждают его апологеты, ориентировано исключительно на счастье человека. С раннего детства герой инстинктивно сопротивляется всему, что исходит от общества, догадываясь, что растворенность в нем — путь к нивелировке личности, превращению в «одномерного человека». Последовательно рассматривая эти ценности одну за другой и отбрасывая каждую, герой Феликса де Асуа — не столько реальный человек, сколько воплощение некоей абстрактной идеи, — убеждается, что они не способны принести подлинного счастья, да и само понятие это своей напыщенностью вызывает у него лишь гримасу отвращения. «История идиота, рассказанная им самим» типологически связана с «Похвалой глупости» Эразма Роттердамского и с незаконченным романом Флобера «Бувар и Пекюше», герои которого, с наивным простодушием пересматривая ценности современной цивилизации, приходят к скептическому выводу об их ложности и бессмысленности.

В таком же ключе написана и повесть «Дневник униженного человека» («Historia de un hombre humillado», 1987). В романах «Слишком много вопросов» («Demasiadas preguntas», 1994) и «Решающие моменты» («Momentos decisivos», 2000) заметно стремление автора уйти от сатиры и сухой, обезличенной манеры письма. Однако Асуа по-прежнему мало интересует психология героев, характеры. Главное для писателя — достоверно передать дух времени. В романе «Слишком много вопросов» это Мадрид переходного периода, 80-е годы с их эйфорией, когда мир воспринимался через призму приподнятой праздничности; в «Решающих моментах» — Барселона 60-х, ее давящая, душная атмосфера.

Холодная отстраненность определяет своеобразие и Хавьера Мариаса, автора романов, которые знают не только в Испании, но и за рубежом, особенно в Германии. Однако Хавьер Мариас относится к тем писателям, о которых всем известно, что они пишут хорошие книги, но мало кто их читал. Причина этого в том, что в своих романах Х. Мариас создает особый мир, отчасти призрачно-иллюзорный, где все подчинено холодноватой, отстраненной рефлексии; мир, в центре которого — внутреннее состояние героя, тончайшие движения его души, малейшие изменения настроения. Романы Х. Мариаса, как правило, малодинамичны. Так, роман «В час битвы завтра помни обо мне» («Mañana en la batalla piensa en mí», 1994) начинается с внезапной смерти молодой женщины. Потрясенный и ошеломленный любовник уходит, даже не оставив записки со своим адресом. Сюжет как

таковой этим исчерпывается; дальше внимание читателя сфокусировано на рефлектирующем сознании героя, его внутреннем состоянии. Писателю нельзя отказать в мастерском воспроизведении тончайших оттенков мыслей и чувств героя, в философичности. Однако роман написан умом, а не сердцем, и в этом его главный недостаток. Действие книги происходит в современной Испании, но связь книги со своим временем, с испанским обществом столь зыбка, что описанное с успехом могло бы происходить в любом уголке мира.

Совсем по-другому ощущает свои отношения с испанским обществом Антонио Муньос Молина, для героев которого значимо не настоящее с его проблемами и повседневностью, а прошлое, к которому они настойчиво обращаются в поисках корней и опоры. Но сначала немного об авторе.

А. Муньос Молина родился, безусловно, под счастливой звездой; во всяком случае, в том, что касается творческой судьбы. Уже первый его роман с латинским названием «Beatus ille» («Блажен тот...»), вышедший в 1986 г., сразу привлек внимание к молодому писателю. Появившаяся годом позже «Зима в Лиссабоне» («El invierno en Lisboa») удостоилась Национальной премии по литературе. Затем был написан самый известный роман А. Муньоса Молины «Польский всадник» («El jinete polácо», 1991), тоже получивший Национальную премию.

По-существу, во всех романах этого писателя один главный герой — время и одна тема — поиски человеком его корней, стремление связать прошлое и настоящее. Так, герой романа «Beatus ille», студент мадридского университета, изучающий испанскую литературу, приезжает в небольшой андалузский городок Мáхина, созданный воображением писателя, чтобы отыскать следы мало кому известного и тоже вымышленного поэта времен Республики. В результате сложного переплетения нескольких судеб создается мозаичное полотно — картина жизни испанской провинции нескольких десятилетий.

Эту же художественную задачу — восстановить какой-то сегмент коллективного прошлого — решает писатель и в «Польском всаднике». Его герои, Мануэль и женщина с русским именем Надя, живут в наши дни в Нью-Йорке, где работают переводчиками международной организации. Сюжетным стержнем романа является рассказ об их любви, но основное действие книги, если можно назвать действием это калейдоскопическое смешение человеческих судеб, происходит в том же вымышленном городке Махина, своеобразной испанской Йокнапатофе. Да и Надю с Мануэлем связывает не только сегодняшнее чувство, но и детство, прошедшее в Махине.

Своеобразной связующей нитью между прошлым и настоящим становится всадник, изображенный на картине Рембрандта «Польский всадник», репродукция которого когда-то висела у Надиного отца в Махине, а теперь украшает ее нью-йоркскую квартиру. Всадник с полотна знаменитого художника становится в романе А. Муньоса Молины центральным символом — никто не знает имени всадника, куда и зачем он скачет. Так же и человеку, несущемуся сквозь поток времени, неведомы его судьба и предназначение; каждый — лишь часть большого мозаичного полотна, но без этого звена полотно окажется незавершенным.

Эдуардо Мендоса, писатель, так любивший в 70–80-е годы обращаться к прошлому — романы «Правда о деле Савольта» («La verdad sobre el caso Savolta», 1975) и «Город чудес» («La ciudad de los prodigios», 1986) в 90-е — 2000-е гг. публикует две книги подряд, где основным авторским приемом является пародия: романы «Легковесная комедия» («Una comedia ligera», 1996) и «Приключения дамского туалетного столика» («La aventura del tocador de señoras», 2001). В последнем из них действует герой, знакомый читателю по более ранней прозе Э. Мендосы, пародии на детектив «Тайна заколдованного склепа» («El misterio de la cripta embrujada», 1979) — мелкий жулик, человек полубезумный, который по приговору суда заключен в психиатрическую лечебницу, откуда он выходит в обмен на обещание раскрыть таинственные преступления в интернате при женском монастыре.

В романе «Приключения дамского туалетного столика» ему тоже приходится выступать в качестве следователя. Главное достоинство Э. Мендосы как писателя, проявившееся и в этом романе, — умение создать атмосферу времени, передать настроение эпохи, неважно идет ли речь о Барселоне начала XX в. или 60-х годов, а действие его романов всегда происходит в этом городе. Здесь живут и герои вышедшего в 2006 г. романа Э. Мендосы «Маурисио» («Mauricio»), книги реалистичной и горькой, показывающей эволюцию левой испанской интеллигенции от антифранкизма к принятию идей общества потребления и интеграции в это общество.

В нашумевшей статье «Мы катимся вниз» («Vamos a menos»)[1] Хуан Гойтисоло писал: «Сегодня самая серьезная угроза для писателя, для будущности литературы как таковой состоит в сдаче без боя своих позиций ради благосклонности всемогущих СМИ, в подчинении волчьему рыночному закону: ты стоишь столько, сколько экземпляров твоей книги продано». Произведения лучших испанских писателей

[1] См.: El País. 01.10.2001.

последних десятилетий наглядно свидетельствуют, что испанская литература продолжает лучшие традиции своих предшественников, переосмысляя их на современный лад, и пока ей есть что противопоставить натиску новых варваров — валу коммерческой литературы

Сейчас в Испании происходит смена литературных поколений: в ближайшие годы тон начнут задавать те, кому сегодня едва перевалило за тридцать, но кто уже успел опубликовать роман, а иногда и не один: Хавьер Пастор, Андрес Ибаньес, Лоренсо Сильва, баск Унай Элоррьяга. Хочется верить, что молодые сумеют принять эстафету у писателей, составляющих сегодня гордость испанской литературы.

Глава 27. Линия восхождения нового кино

На протяжении вот уже более двух десятилетий испанская кинематография переживает период, несопоставимый, пожалуй, ни с одним этапом ее истории. Поражающее жанровым многообразием, оригинальностью авторского самовыражения, фонтанирующее новыми талантами — таким представляется современное испанское кино. Неповторимое художественное своеобразие в сочетании с растущей в течение уже многих лет стабильностью делает его подлинным феноменом мирового киноискусства.

Путь каждой кинематографии — особый. Он связан не только с творческим потенциалом ее создателей, но и с деятельностью государства в культурном пространстве, политической ситуацией в стране и с множеством других причин, как лежащих на поверхности, так и менее очевидных и поддающихся определению. По-видимому, должны были сфокусироваться многие факторы, чтобы состоялось такое незаурядное явление, как современное испанское кино. Известно, что кино, будучи не только искусством, но и технологическим процессом, более, чем любой другой вид искусства, связано с большими финансовыми затратами. Потому ему и присуща постоянная зигзагообразность: чередование периодов подъема с кризисами.

Причем мощная поддержка кинематографии государством (к ней, кроме финансовой помощи, следует отнести и ряд законов, поощряющих развитие национального кино) далеко не всегда стимулирует

развитие киноискусства. Если она сопровождается жестким идеологическим давлением, то, как правило, приводит лишь к выпуску стереотипных, снятых под определенным углом зрения фильмов. Таким было кино во времена правления Франко: внушительное количество национальных фильмов, их высокий процент в прокате — до 30%, и настолько низкий художественный уровень большинства кинолент, что испанское кино не воспринималось всерьез ни зрителями, ни мировой критикой.

Режиссер Хуан Антонио Бардем назвал испанское кино 50-х годов «политически неэффективным, социально фальшивым, интеллектуально жалким, эстетически ничтожным и индустриально хилым». Следует, впрочем, сразу же оговориться, что наиболее ярким исключением из общего потока посредственности в тот период являются как работы самого Бардема, автора знаменитой ленты «Смерть велосипедиста», получившей премию в Каннах в 1955 г., так и таких мастеров, как Луис Гарсия Берланга, Карлос Саура, наконец, великий Луис Бунюэль, творчество которого стало незаменимой частью эстетики мирового киноискусства.

Нельзя не упомянуть и о таких важных для формирования современного испанского кино направлениях, как новое испанское кино и «барселонская школа». Центром нового кино стал Мадрид. При всей концептуальной умеренности этого направления, присущая ему позиция нонконформизма, социальной критики обозначила новые ориентиры в культуре.

Новое испанское кино было гораздо менее радикальным и своеобразным по сравнению с подобными феноменами того времени: итальянским неореализмом, латиноамериканским новым кино, французской новой волной, английским свободным кино. И тем не менее, по словам известного испанского ученого, историка кино Х.М. Капарроса Леры, его создатели «пробудили нашу обуржуазившуюся кинематографию от спячки, в которой она находилась... В этом новом поколении и в тех, что придут вслед за ними, безусловно, будущее нашего кино»[1].

Высоко оценивает значение нового испанского кино и Педро Альмодовар. К достоинствам этого направления, отличающим его от итальянского неореализма, он относит «меньшую сентиментальность и большую изобретательность». Кинематографисты нового кино Испании — это Мануэль Суммерс, Франсиско Регейро, Фернандо Фернан Гомес, Хос Луис Борау, Хайме Камино, Басилио Мартин Патино. Кар-

[1] Caparros Lera J.M. *Historia critica del cine español.* Barcelona, 1999. P. 128–129.

лос Саура, к началу периода нового кино уже сложившийся режиссер, снял в те годы пять фильмов, один из которых — «Охота» (1965) до сих пор считается лучшей из его работ.

Волна обновления охватила в 60-е годы и Барселону. При общем для обоих направлений стремлении отойти от прежних схем бросались в глаза заметные расхождения между барселонской школой и мадридским новым кино. Причем эти различия касались как системы производства и финансирования фильмов, так и их изобразительной стороны. Эстетической концепции каталонских кинематографистов была близка стилистика авангарда самых разных областей культуры: от мира моды и искусства фотографии до архитектуры и поэзии.

Одному из теоретиков и вдохновителей барселонского кино Хоакину Хорде принадлежат слова: «Поскольку нам не позволяют быть Виктором Гюго, будем Малларме»[1]. И хотя само по себе существование обоих направлений было довольно кратковременным — 60–70-е годы, они сыграли позитивную роль в формировании целого поколения кинематографистов, многие из которых успешно работают до сих пор.

Переходный период от диктатуры к демократии в испанской культуре проявился бурно: по всей стране проходили выставки, концерты, оперные и балетные спектакли, конференции и фестивали, оказывалась финансовая поддержка начинающим кинематографистам, театральным труппам, писателям и музыкантам. Символом этого культурного возрождения стала мадридская мовида, в наиболее концентрированной и яркой форме выразившая суть происходящего в стране движения. Обозначенный этим словом феерический всплеск в культурной жизни всколыхнул все ее сферы, выразившись в беспрерывной череде новых спектаклей и художественных экспозиций, потоке книг и кинофильмов (в двадцатилетие между 1975 и 1995 гг. было снято около 1700 лент). И несмотря на очевидную эстетическую эклектичность и несопоставимость художественного уровня многих произведений, созданных под знаком мовиды, этот период остался воплощением духа свободы в испанской культуре. Многообразие художественных проявлений, возможное лишь в открытом обществе, создало азартную атмосферу творческого поиска, которая питает современное испанское кино.

С середины 70-х годов ежегодно снималось около 100 лент и хотя значительную их часть составляли незатейливые комедии, американизированные по мере возможности триллеры, эротические ленты и тому подобная стандартная продукция, в истории национального

[1] Цит. по: Seguin Jean-Claude. *Historia del Cine Español.* Madrid, 1999. P. 55.

кино остались фильмы совсем другой ориентации. Диапазон их достаточно широк и охватывает актуальные для того времени темы, осмысляющие период франкизма и гражданской войны: «Каудильо» (1977) Басилио Мартина Патино, «Раса, дух Франко» (1977) Гонсало Эральде, «Долгие каникулы 36» (1976), «Старое воспоминание» (1977) — оба Хайме Камино, «Демоны в саду» (1982) Гутьерреса Арагона, «Почему мы проиграли войну» (1978) Диего Сантильяна и Луиса Галиндо Политическая жизнь страны отражалась в таких, например, лентах, как «Черная стая» М. Гутьерреса Арагона и «Семь дней в январе» Х. Бардема. Получили известность ленты социальной проблематики «С завязанными глазами» (1978) и «Быстрей, быстрей» (1980) К. Сауры, а также фильм «Преступление в Куэнке» (1979) Пилар Миро, через несколько лет вставшей во главе испанской кинематографии. Среди других режиссеров, дебютировавших в тот период, кроме Альмодовара с его первой полнометражной лентой «Пепи, Луси, Бом и другие девушки» (1980) необходимо назвать также Фернандо Коломо («Бумажные тигры», 1977), Фернандо Труэбу («Опера прима», 1979).

Важным фактором стабилизации национального кино стало и расширение возможностей региональных кинематографий — каталонской, баскской, галисийской, андалусийской, поддерживаемых как местной, так и центральной властью. В Каталонии, пережившей расцвет культуры с началом переходного периода, в середине 70-х годов снималась десятая часть всей кинопродукции страны. Широкую известность получили ее уроженцы, талантливые режиссеры А. Рибас, Х. Камино, Б. Луна и многие другие. Страну басков, в которой в те годы была создана Ассоциация баскских кинематографистов, достойно представляют Педро Олеа, Иманол Урибе, Мончо Армендарис.

Окончанием «переходного периода» считают 1983 г., когда вышел так называемый закон Миро (связанный с именем Пилар Миро, возглавившей Главную Дирекцию кинематографии) — государственный закон о поддержке национального кино. Эта законодательная инициатива правительства социалистов стала исходной и очень продуктивной моделью отношений между властью и кинематографистами. Закон установил субсидии в размере до 50% стоимости кинопроизводства, квоты проката (один отечественный фильм на каждые три иностранных), а главное, уделил особое внимание поддержке молодых кинематографистов.

Особенно важным стало то, что сменившие Миро на посту генерального директора функционеры и в дальнейшем продолжили тесное взаимодействие с создателями национального кино. Результат оказался благоприятным: постоянная государственная поддержка,

причем, в первую очередь, именно авторского кино, дух демократии, пронизывающий все сферы общественной, политической и культурной жизни страны, обеспечили невиданный прежде приток новых сил в кино (только за 1984–1989 гг. в стране дебютировали 62 режиссера).

В кинематографическом пространстве современной Испании нет четко очерченных направлений и «школ», но есть благоприятные возможности для проявления творческого многообразия. Традиции национального кино, уходящие корнями не только в историю кинематографии, но, прежде всего, в своеобразие и богатство испанской культуры в целом, творческий потенциал нескольких поколений испанских кинематографистов, наконец, государственная поддержка отечественного кино, помогли достичь высокого профессионального уровня, присущего испанскому киноискусству уже более двух десятилетий.

Неким ключом, открывающим путь к подлинному искусству, по-прежнему остается органичное сочетание приверженности традициям со стремлением к новому, необычному. Переплетение традиционного и нового, их органичное «врастание» друг в друга создает поистине безграничные возможности для творчества. Причем, если те или иные художественные приемы современной эстетики используются, как правило, осознанно, то отзвуки национальных традиций обычно вплетаются в стилистическую ткань фильма интуитивно, на генетическом уровне. В то же время только генетической принадлежности к Испании для этого недостаточно. Необходимо еще обладать редким даром воспроизведения той особой духовной субстанции, которую часто называют «lo español», языком кино.

Безусловно, в творчестве многих мастеров мирового кино претворяются особенности национальных культурных традиций. Но испанское кино отмечено печатью поистине уникального своеобразия, неотъемлемого от своеобразия испанской культуры. Оригинальность и «непохожесть» ни на кого заложены в многовековых пластах национальной ментальности — той особой духовной ипостаси, вобравшей в себя, по высказыванию Х. Ортеги-и-Гассета, и «жажду благодати», ирреальности, магии, экстравагантности, и «тайную любовь к абсурду» и вечное «донкихотство» с его недостижимостью идеала.

«Испанскость» — «lo español», этот своего рода лежащий в основе испанского искусства нерв, связывает его с национальными традициями, уходя во времена Сервантеса и Лопе де Веги, Веласкеса и Гойи, Кальдерона, Тирсо де Молины и Хосе Соррильи. Непредсказуемость и консерватизм, парадоксальное сочетание почти фанатической приверженности своим традициям с безудержным порывом навстречу новому, неизведанному — эти особенности «испанского» преломляли

в своем творчестве лучшие испанские кинорежиссеры, как предыдущих, так и нынешних поколений. К ним следует отнести Бунюэля, Бардема, Берлангу, Сауру, Суареса, Гутьерреса Арагона, Эрисе, Альмодовара, Медема и многих других.

Речь идет о таких фильмах, которые не просто создают атмосферу «испанского», пользуясь для этого тривиальными представлениями об Испании, но сами являются испанскими по своей внутренней сути, другими словами, если их авторам удается воспроизвести в своем творчестве неповторимость национального мировосприятия. Безусловно, только подлинно талантливый человек способен воплотить уникальные черты испанской культуры в кино адекватными художественными средствами, по поводу чего Бунюэль отметил в свое время: «Ни в одном из традиционных искусств нет такой огромной диспропорции между возможностями, которыми оно обладает, и их претворением»[1].

«Нелепо a priori ставить проблему и пытаться что-то доказать в фильме. Процесс создания фильма совсем не похож на решение задачи или алгебраического уравнения»[2], — писал Бунюэль. А меткое замечание известного английского киноведа Джона Хопвелла о том, что фильмы М. Гутьерреса Арагона, одного из лучших испанских режиссеров, «результат не столько необходимости разрабатывать какую-то тему, сколько темперамента», можно отнести и к творчеству некоторых других современных мастеров в первую очередь, Педро Альмодовара.

Особая магия, которой исполнены многие испанские ленты, не воспроизводится специально, «по заказу». Это не поддающееся точным определениям качество, имманентное лишь национальной культуре, в конце XX — начале XXI вв. — времени универсализации художественных форм — приобрело первостепенное значение. «...Несомненно то, что испанское кино, несмотря на свои отклонения от нормы (или, может быть, благодаря им), — пишет кинокритик Хулио Перес Перуча, — это кинематограф, нестандартность которого превращает его в притягательное и оригинальное явление»[3].

В казалось бы беспорядочном смешении жанров и стилей, их взаимопроникновении и различных комбинациях между собой, в сочетании самых разных тенденций — реалистических, костумбристских, постмодернистских с особенностями национального киноискусства, по-видимому, и лежит дальнейший путь испанского кино. Так, унас-

---

[1] Бунюэль Л. М.: Искусство, 1979. С. 139.

[2] Там же. С. 153.

[3] Pérez Perucha J. *Recapitulación introductoria* // Un siglo de cine español. Madrid, 2000. P. 312.

ледовав свойственные постмодернизму раскованность, смелость, свободу самовыражения, многие кинематографисты органично сочетают их с традиционным умением строить сюжет, занимать зрителя. Неповторимую национальную окраску даже таким типично американским жанрам, как триллер, фантастика или боевик может придавать испанским лентам гротескная стилистика «эсперпенто».

Это испанское слово, обозначающее нечто безобразное, нелепое и смешное одновременно, приобрело значение литературного термина благодаря великому писателю Рамону Марии дель Валье-Инклану. Ему удалось воплотить своеобразие «эсперпенто», иначе говоря, сатирического, фарсового жанра, использующего особые формы гротеска, почти во всех видах своей литературной деятельности — от стихов до пьес и романов. Характерное для эстетики Валье-Инклана сочетание фарсового начала, гротеска с абсолютной реалистичностью стало стилеобразующей основой и в творчестве Бунюэля и Альмодовара.

В сегодняшнем испанском кино успешно работают несколько поколений кинематографистов: «ветераны», начавшие снимать несколько десятилетий назад, — М. Гутьеррес Арагон, К. Саура, В. Эрисе, В. Аранда, Ф. Вега, Х.Л. Борау, Х.Л. Гарси, Г. Суарес, Б. Луна, Ф. Труэба, И. Урибе, П. Олеа, талантливая плеяда 90-х — П. Альмодовар, Х. Медем, Д. Труэба, И. Больяин, Ф. Леон де Араноа, М. Барросо, Х.Б. Ульоа и многие другие, а также совсем молодое поколение, недавно пришедшее в кино, из которого наибольшее признание получил А. Аменабар.

Творчество каждого из вышеназванных режиссеров глубоко своеобразно. Хулио Медем, например, уделяет особое внимание изобразительной стороне своих лент, обладая тем редким даром претворения возможностей киноязыка, о котором говорил Бунюэль. Сюжетная основа его первого полнометражного фильма «Коровы» (1992) — история нескольких поколений двух деревенских семейств со времен карлистских войн до гражданской войны. Их вечную вражду и противостояние сметает любовь их детей.

Хотя в фильме вполне очевидны исторические приметы, соответствие реальности не имеет для автора первостепенного значения. Отзвуки происходящего в мире — войн, борьбы, бедствий, страданий — будто растворяются бесследно в бесконечной глубине огромного коровьего глаза. Он — своеобразный символ вечности и мудрой созерцательности природы, которым противостоит преходящая и скоротечная суетность бытия.

Стилистика фильма, близкая эстетике «магического реализма», создает особое завораживающее пространство, в котором есть место и

волшебству, и яви. Все последующие фильмы Медема (среди них «Земля», 1996, «Любовники Полярного круга», 1998), какова бы ни была их тематика, несут печать его авторства, проявляющегося прежде всего в пристальном внимании к внутреннему миру человека, поиске новых изобразительных средств и неизменном пристрастии к природе как вечному источнику вдохновения. Режиссер говорит, что «среди природы я ближе к своим инстинктам и, прежде всего, к своему внутреннему миру, может быть, из-за страха перед реальностью как таковой. Я чувствую, как эти пространства как бы предоставляют мне больше свободы, чтобы выдумывать ...истории, которые происходят на природе, избегая оков реальной жизни, неотъемлемой от города»[1].

В ином ключе снимает свои ленты Фернандо Леон де Араноа. Обладающий многими дарованиями — литературным (его рассказы отмечены премией Антонио Мачадо), музыкальным, талантом художника, унаследованным им по материнской линии (знаменитым баскским художником был его дед, художницей и реставратором — сестра матери), режиссер искусно преобразует их в живописную ткань своих фильмов. Соразмерность и вымеренность сюжетных ходов создают ощущение гармоничной законченности в таких его работах как «Семья» (1996), «Квартал» (1998), «Солнце по понедельникам» (2002). Очевидна его приверженность реалистической традиции, органично сочетающейся с пристрастием к метафоричности.

Сквозная тема всех лент — рассказ о том, как мечта, фантазия поднимают над обыденностью, о силе воображения, способного увести в другую, лучшую жизнь. Однако автор всегда с грустной улыбкой дает понять, что это только игра, мираж, лишь мысленно уводящий от беспощадного равнодушия реальной жизни, но не спасающий от него. В центре внимания фильма «Солнце по понедельникам», снятого в нарочито будничном ритме, — несколько дней из жизни немолодых приятелей, потерявших работу и отчаянно, но тщетно пытающихся ее обрести. Они не теряют надежды, несмотря на обреченные попытки вырваться из неизбежного погружения в нищету.

Иногда эти попытки выглядят трогательно, вызывая не смех, а грусть (когда, например, один из друзей, прячась от жены, красит волосы, чтобы выглядеть моложе в бюро по трудоустройству). Справиться с отчаянием им помогают взаимная поддержка, неизменное чувство юмора и, конечно, мечта. Символом ее для главного героя ленты Санты (его блестяще играет Хавьер Бардем) становится Авст-

---

[1] Heredero Carlos F. *20 nuevos directores del cine español.* Madrid, 1999. P. 266.

ралия, о которой он грезит по понедельникам на солнечном морском берегу, — отсюда и название фильма.

Для него Австралия — мир, лишенный жгучих и унизительных проблем, мир, где можно обрести душевный покой. Конец фильма — символический бунт против несправедливости и жестокости жизни: как будто сбросив с себя ее непомерный груз, радостные и освобожденные, друзья, взломав замки у стоящего на причале судна, выходят в открытое море. Куда? Конечно же, в Австралию.

Алехандро Аменабар получил широкую известность после выхода своих первых лент «Дипломная работа» (1996) и «Открой глаза» (1997). Триллеры по жанру, оба фильма обнаружили в нем мастера создания необычной интриги, блестяще владеющего визуальной техникой. Талант «сочинителя», поражающего зрителя неожиданными зигзагами повествования, сочетается в его творчестве с умением преломлять захватывающий сюжет в оригинальных образных формах и с глубоким знанием человеческой психологии.

Фильм «Открой глаза» — еще одна история, где реальность смешивается со сном, мир безумия прорастает в будничность повседневной жизни и где постоянный рефрен «открой глаза» каждый раз предваряет все более шокирующий поворот — ведь неизвестно, в каком из миров герой фильма откроет глаза в следующий раз. Мастерское умение сплетать видимое и невидимое, реальное и потустороннее в единое целое Аменабар продемонстрировал и в фильме «Другие» (2001, совместное производство с США и Францией). Кто они, «другие» — царство призраков или один из кругов ада, в котором вечно мечется душа детоубийцы? Впрочем, сам автор замечает, что его кино «не ответов, а вопросов».

Изящно, психологически тонко режиссер создает призрачный мир, так похожий на реальный, как будто имитирующий его, вплоть до необходимости нанимать слуг, готовить пищу, заниматься и играть с детьми. Однако в этом слепке с реальности все так и все не так, как в жизни. Его мертвая призрачность — в гнетущей атмосфере тревоги и страха, окутывающих английский замок, где запрещено отдергивать шторы и открывать окна — дети погибают от света, и в полных боли глазах Грейс, которой никогда не обрести покоя (игра Николь Кидман в этом фильме изысканно утонченна).

Стилистика ленты Аменабара «Море внутри» (2004, «Оскар» за лучший иностранный фильм) далека от блестяще удающегося ему жанра психологического триллера. Основанный на реальной и очень печальной истории фильм и снят подчеркнуто реалистично. Речь в нем идет об эфтаназии, о праве на смерть, праве «умереть с досто-

инством», как говорит главный герой Рамон (еще одна прекрасная актерская работа Хавьера Бардема). Бывший моряк, разбившийся 26 лет назад, прыгнув со скалы, парализован и прикован к постели. Его дом стоит далеко от моря, но он мысленно переносится к нему, к морю, которое «подарило ему жизнь и отняло ее». Словосочетание «море внутри», означающее в испанском языке «прилив», по-видимому, имеет в фильме двойной смысл: ведь морской прилив, море, так жестоко искалечившее его когда-то, осталось и несбыточной мечтой «внутри», в его душе.

Дебютный фильм «Одинокие» (1999) еще одного молодого режиссера Бенито Самбрано впечатляет не только своей безыскусной проникновенностью, но и какой-то особой стилистической прозрачностью, соразмерностью, «чистотой слога». Его сюжетная канва проста и прозаична: болезни, бедность, изнуряющая работа и вечное одиночество и стариков, и молодых. Рисуя картину этого вселенского одиночества и непонимания, жестокосердия и безразличия, автор предлагает единственно возможный выход. Спасение, по его мнению, лишь в доброте, душевном благородстве и стремлении помочь друг другу. В фильме этими качествами наделены два пожилых человека, испытывающих взаимную симпатию. Своим успехом фильм во многом обязан тонкой игре актеров — Марии Гальяны и Карлоса Альвареса-Новоа, удивительным образом сумевших перенести на экран ту «светлую печаль», которую рождают образы их героев.

Одной из особенностей испанского кино стало активное участие в нем женщин-режиссеров. В 1990–1998 гг. дебютировали 27 из них: Грасия Керехета, Исиар Больяин, Роса Верхес, Чус Гутьеррес, Изабель Коаксет, Мария Миро, Ана Белен и др. Первая режиссерская работа А. Белен «Как быть женщиной и не умереть при этом» (1991) самим названием выражает драматическую суть вечного конфликта между мужчиной и женщиной, их вечного притяжения и вечного противостояния. Этот фильм, сочетающий стилистическое изящество с психологической глубиной, в чем-то напоминая «Письма незнакомке» А. Моруа, снят в форме внутреннего монолога женщины, окрашенного грустной иронией и неподдельной болью одновременно. Героиня фильма Кармен (в замечательном исполнении Кармен Мауры, незадолго до этого снявшейся у П. Альмодовара в его «Женщинах на грани нервного срыва») — любящая и презирающая, отстаивающая свое достоинство и ранимая, потерянная и обретающая себя, страдающая и умеющая прощать, сильная и слабая, словом, еще одна женщина «на грани».

Мастером психологической интриги проявил себя в одном из своих последних фильмов талантливый режиссер Фелипе Вега. Ажурный

рисунок его ленты «Летние тучи» (2004), сплетенный, казалось бы, из незаметных деталей, невзначай брошенных фраз, взглядов, недомолвок и намеков, лишь постепенно обретает очертания жестокой драмы в жизни героев, когда на карту поставлено все. Тема любви — подлинной или мнимой, и предательства — осознанного или случайного, становится обжигающей, как плавящая все вокруг жара.

Педро Альмодовар по-прежнему царит в современном испанском кино. За год, прошедший после премьеры в марте 2006 г., его последний фильм «Возвращение» получил ошеломляющее число наград почти по всем номинациям самых престижных национальных и международных фестивалей, а также Премию международной кинопрессы (ФИПРЕССИ) за лучший фильм 2006 г. Несомненно, что главный секрет многолетнего успеха фильмов Альмодовара, обладающих поистине магическим притяжением, в органичном сплаве традиционного и нового и в уникальном своеобразии авторской манеры, которыми они отмечены. Будучи в каком-то смысле «модным» режиссером, чье творчество развивается в русле культурных процессов, которые задают тон в современном киноискусстве, он никогда не приспосабливался под них, не копировал и не подражал.

Особенностью творческого мировоззрения Альмодовара стало интуитивное, на уровне подсознания, совпадение его художественных пристрастий, его убеждений и верований, душевных метаний и поисков с глубинным нервом современного искусства. Творчество Альмодовара — наглядная и яркая иллюстрация пути, который прошло испанское кино «после Франко»: от переходного периода до наших дней, от шокирующих экспериментов 70-х — начала 80-х годов, эпатирующих зрителей всеми возможными (и невозможными) средствами, до фильмов, философски осмысляющих сокровенные вопросы бытия и органично сочетающих национальные художественные формы с особенностями современной эстетики.

Неоднократно отмечая свою безусловную и неизменную преданность традициям национальной культуры, Альмодовар подчеркивает особую близость своего художественного мышления эстетике Валье-Инклана и Бунюэля. Называя театр Валье-Инклана своими «корнями», Альмодовар претворяет особенности «эсперпенто» или, по его определению, «гротескной сатиры» в уникальный способ воплощения «испанского» в кино. Как и в творчестве почитаемых им великих мастеров, в его кинематографе, сочетается, казалось бы, несочетаемое. Переплетение стилистики гротеска, фарса, «черного юмора» с подчеркнутой реалистичностью и конкретностью, эффект бунюэлевского «волшебства и яви» дается ему легко, во всяком случае, без

видимых усилий. При этом он использует все те приемы и средства, которые привлекают его как художника, сколь бы экстравагантны или, напротив, ординарны они ни казались. Каждый свой творческий замысел он облекает со свойственными ему творческой смелостью и стремлением к эксперименту в столь необычные и буквально завораживающие художественные формы, что воспроизвести их кому-либо еще, «повторить» невозможно — барочная магия его лент воспроизводима лишь особым даром самого Альмодовара.

Сам же режиссер нередко использует известные модели построения комедии, триллера, мюзикла или мелодрамы, а иногда и нарочито стилизует отдельные сцены, включая их в орбиту своей авторской игры. И в любом случае, как бы далеко ни зашла эта «игра», это смелое и изящное жонглирование приемами и цитатами — его ленты всегда отмечены печатью неповторимости. Непостижимым образом ему удается преобразить даже свойственную массовой культуре тривиальность в утонченный артистизм.

Со временем (примерно, с середины 80-х годов, начиная с фильма «Что я сделал, чтобы заслужить это?») провоцирующий бунтарский заряд, которым с самого начала были отмечены его работы, перестает задавать в них тон, и шутовская интонация постепенно становится только фоном, оттеняющим душевные метания героев Альмодовара. В фильмах, по-прежнему отмеченных броской стилистикой постмодернизма, явственно проступают четкие нравственные ориентиры, обращающие зрителя к вечным, но в жизни каждого как бы заново открывающимся ценностям. Это, прежде всего, вековые устои сельской жизни, определяемой неизменными законами и ритмами природы. В несуетности деревенской жизни обретает душевный покой героиня фильма «Цветок моей тайны» (1995); а героине ленты «Женщины на грани нервного срыва» (1988, одна из блестящих ролей Кармен Мауры) помогает раскрепоститься, вернуться «к себе» всего лишь имитация сельской природы на балконе ее мадридской квартиры. Здесь, среди деревенского разнотравья, по которому разгуливают кролики, ей удается найти простые и мудрые решения своих проблем, отойти от «грани нервного срыва».

Персонажи Альмодовара, в первую очередь его героини, несут главный пафос возрождения, олицетворяя ипостась позитивного начала в его творчестве. Недаром каждая из ролей любимых актрис режиссера: Кармен Мауры («Женщины на грани нервного срыва»), Сесилии Рот («Все о моей матери»), Марисы Паредес («Высокие каблуки»), Пенелопы Крус («Возвращение») стала символом душевного благородства и силы духа. Их невероятная жизненная стойкость, превозмогающая все

невзгоды, их способность любить и прощать — как спасительные островки вечного, воскрешающего начала в зыбком хаосе бытия. Поставленные волею обстоятельств на «грань нервного срыва», они никогда ее не переходят, находя душевные силы для того, чтобы спасти от отчаяния не только себя, но и тех, кто вовлечен в орбиту их жизни.

Фильм «Возвращение» (сценарий, признанный в Каннах лучшим, он написал сам) стал еще одним своеобразным Гимном женщине и еще одним подтверждением творческой уникальности режиссера. В фильме, органично сплетающим абсолютно реальные, будничные ситуации с совершенно запредельными и даже потусторонними, возникает особое эстетическое пространство, воспроизводимое лишь Альмодоваром.

По-видимому, в первую очередь, «Возвращение» — дань памяти, преклонения и любви режиссера к его родной Ла Манче и ее жителям с их многовековыми обычаями и ритуалами. Простодушное восприятие ими смерти (подобное мироощущение допускает присутствие умерших близких в их жизни) Альмодовар сделал одним из ключевых моментов интриги фильма. Великолепная Пенелопа Крус блестяще, с какой-то немыслимой достоверностью воплотила образ героини фильма Раймунды. Яркий портрет испанки, жительницы Мадрида, родом из деревни провинции Ла Манча, насыщен разнообразными и прекрасно уживающимися в ее характере качествами. Прямодушная и доброжелательная, остро сопереживающая чужому горю, Раймунда временами может быть и хитрой, и грубоватой. Вынужденная в одиночку превозмогать выпавшую на ее долю череду несчастий, она проявляет невероятную силу духа и решимость.

Вообще, актерскому мастерству принадлежит немалая доля успеха испанской кинематографии. Многие актеры зачастую становятся не только талантливыми проводниками авторского замысла, но и привносят в свою игру неповторимость и глубину собственной индивидуальности. В испанском кино всегда работали незаурядные актеры, обладающие даром воплощения на экране особенностей национального характера, особой испанской ментальности. Самым «испанским» из них называли Фернандо Рея, снимавшегося на протяжении почти 60 лет. Своеобразие, отличающее многие современные фильмы, впрямую связано с теми кинематографическими образами, которые созданы такими актерами, как Хавьер Бардем, Хуан Диего, Фернандо Фернан Гомес, Эдуардо Норьега, Анхела Молина, Виктория Абриль, Росси де Пальма, Кармен Маура, Мариса Паредес, Мария Гальяна, Сесилия Рот, Пенелопа Крус и многие другие.

Творчество многих испанских режиссеров, а также сценаристов, операторов, актеров, композиторов, художников, словом, всех, кто

создает фильм, отмечено печатью неповторимости и высокого мастерства. Палитра современного кино Испании многоцветна, и каждый талантливый фильм добавляет в нее новые краски.

Глава 28. Полифония форм и красок

В 1970-е годы в архитектуре и изобразительном искусстве страны произошли значительные изменения, которые подспудно вызревали с конца 1960-х годов. Процесс перемен в испанском искусстве совпал с возникновением общемировой тенденции так называемого трансавангарда или постмодернизма, наметивших новую линию — возвращение идеала пластичности[1]. Обращение к достижениям предшествующих периодов, причем, не только европейских, стало одним из основных положений постмодернистской парадигмы. Однако использование «классических» приемов сопровождалось ироническим отстранением и методом дискурса.

В зодчестве появление новой стилистики было вызвано потерей в предшествующий период зрительного архитектурного образа. Так называемый международный стиль Л. Миса ван дер Роэ, определивший облик городов мира в 1940–1960-е гг., страдал единообразием и монотонностью. Кроме этого, он не учитывал контекста среды, в которой возводились сооружения. Одним из важнейших достижений постмодернизма в архитектуре можно считать то, что едва ли не главенствующим методом своей эстетики он сделал метод «включения» формы в культурно-историческую среду, а не ее «изъятие», как это было в эпоху позднего модернизма. Причем, по мнению большинства исследователей, использование элементов исторического прошлого не только не ограничивает творчество, а, напротив, расширяет его границы, порождает энергию поисков[2].

В настоящее время, в эпоху глобализации, в мировой архитектуре не существует какой-либо определенной тенденции. Лучшие произве-

---

[1] Подробнее см.: Шелешнева-Солодовникова Н.А. Полистилизм постмодернизма // Культура современной Испании. Превратности обновления. М., 2005.

[2] См., в частности: Иконников А.В. В поисках московского стиля; Курбатов Ю.И. Диалектика новизны и привычного // Архитектор и историческая городская среда. М., 1999.

дения испанских зодчих, в последние два десятилетия неоднократно становившихся победителями международных конкурсов, свидетельствуют о том, что архитекторы опираются на традиции, но отражают и сегодняшнюю реальность. Зодчие, стремясь к образности, не забывают о конструкции, используя новые пространственные идеи, учитывают контекст. Эти факторы позволяют считать современную испанскую школу архитектуры одной из ведущих и наиболее интересных. То, что зарождалось в 70-е годы, получило дальнейшее развитие в творчестве зодчих, работающих в начале XXI в. По большей части, это поколение сорокалетних, которое вдохновляется произведениями мировой архитектуры разных эпох, но отдает дань своему времени. Важным моментом их работы является способность учитывать место, выбранное для сооружения, и тем самым вписывать его в соответствующий контекст, иногда со значимой исторической застройкой, а порой с хаотическим, полуиндустриальным городским или захолустным сельским пейзажем.

Большинство испанских архитекторов обладает своим творческим почерком. В значительной мере это обусловлено существованием в Испании нескольких архитектурных школ — кастильской, каталонской, андалусийской, валенсийской, галисийской, Страны басков. Но основными центрами архитектуры, как и всего искусства в целом, традиционно являются Мадрид и Барселона. Многие зодчие из других регионов проходили обучение именно в старейших архитектурных заведениях этих двух городов.

Ставшая в последние годы одной из ведущих градостроительная проблема открыла перед испанскими зодчими, работающими как у себя в стране, так и за рубежом, огромное поле деятельности. Помимо отдельных сооружений создаются целые кварталы и ансамбли, к которым, в частности, так тяготел всегда каталонец Рикардо Бофилль Леви (р. 1939) — одна из наиболее значимых фигур в архитектуре Испании. Его творчество, отмеченное образным мышлением, вызывающее полемику как в самой Испании, так и в других странах, в частности в России, тем не менее, постоянно привлекает внимание архитекторов, историков и теоретиков искусства, писателей. Каталонец Хуан Марсе (р. 1939) в своем романе «Двуликий любовник» (1990), действие которого происходит в Барселоне, поселил героя в одном из программных произведений Бофилля — доме «Вальден 7» (1970–1975). Наделяя дом нелестными эпитетами в связи с неудобством проживания в нем из-за небольших размеров квартир и звуком постоянно отлетающей и бьющейся керамической плитки, которой он облицован, X. Марсе, тем не менее, описывая его, создает весьма значительный образ: «Он

приближался к замысловатому непостижимых форм багровому строению, смутно поблескивающему во мраке, словно панцирь гигантского краба»[1]. Недовольство героя Марсе домом можно объяснить скорее его личными неудачами, в частности уходом любимой женщины, с которой они были здесь счастливы.

Это неординарное жилое здание на окраине Барселоны, в районе Сан Жуст Десверн, — компактное, состоящее из 18 башен с квартирами, прореженное четырьмя патио-площадьми, сочетающее в себе использование секций из сборного железобетона, поставленных друг к другу под прямым углом, и традиционной для Испании керамической плитки, наряду с комплексом Ксанаду в Кальпсе (1969), оно стало отправным пунктом в испанской архитектуре, где столь значимую роль станет играть принцип сопряжения новейших достижений строительства и почти скульптурного образа, который вызывает желание охватить взглядом сооружение со всех сторон. Недаром испанский исследователь Анхель Уррутиа сравнивает его с разветвляющимся деревом[2].

Уже в 1960-е годы Бофилль создал «Мастерскую», задачей которой было стремление попасть на «международную архитектурную орбиту»[3]. Среди сотрудников «Мастерской», отвечавших за разные участки работ, были Мануэль Нуньес Яновски, наделенный ярким воображением, Рамон Кольядо, ставший впоследствии директором парижского отделения, Ана Бофилль, занимавшаяся математическим анализом, и англичанин Питер Ходкинсон, призванный «с англосаксонским рационализмом сдерживать необузданную фантазию каталонцев»[4]. С «Мастерской» сотрудничали не только архитекторы и инженеры, но и яркие представители других специальностей, в частности, писатель Хосе Агустин Гойтисоло и итальянская актриса Серена Вергано. В этой разнородной среде, как отмечает А. Уррутиа, «катализатором была сложная, переменчивая творческая личность самого Рикардо Бофилля»[5].

Искусство архитектора к началу XXI в. прошло три этапа. Первый (1961–1970) формировался под влиянием идей органической архитектуры Ф.Л. Райта, приемов «народного творчества» А. Аальто и чисто каталонских традиций с их пристрастием к синтезу архитектуры и изобразительных искусств, в первую очередь, опыта произведений А. Га-

[1] Марсе Х. Двуликий любовник. М., 2001. С. 35–36.
[2] См.: Urrutia A. *Arquitectura Española. Siglo XX.* Madrid, 1997. P. 584.
[3] Ibid. P. 582.
[4] Ibidem.
[5] Ibidem.

уди с их образностью, символикой, мифологизмом[1]. Неудивительно, что именно в это время Бофилль создает комплекс «Район Гауди» (1964–1968) в родном городе Гауди — Реусе.

Второй этап (1970–1975) отмечен широкой деятельностью «Мастерской». Основной идеей этого времени являлся разрыв с устоявшейся модернистской парадигмой, которая отличалась, по мнению самого Бофилля, «невиданным ранее минимумом средств и приемов»[2]. Стремление «Мастерской» Бофилля к пониманию того, как категории пространства и времени влияют на человеческое поведение (индивидуальное и коллективное), привело мастеров во главе с Бофиллем к экспериментальной архитектуре, которая видоизменила традиционное жилище в Испании.

Впервые эта идея была конкретизирована в «Проекте города в пространстве» (1970–1972), предназначенном для мадридского района Мораталас. В этом неосуществленном проекте Бофилль со своими сподвижниками стремились «создать маленький оазис» посреди негостеприимного современного пригородного района»[3]. Реализовать эти замыслы в какой-то степени удалось в рассмотренном выше «Вальдене 7». Название Бофилль позаимствовал у североамериканского писателя — утописта Генри Дэвида Торо, занимавшегося проблемами человеческого общения и поведения. Недаром тот же Марсе в своем романе пишет про «Вальден 7»: «Багровый дом, это диковинное сооружение, ставшее воплощением иллюзий целого поколения семидесятых, тоже был для них мечтой: архитектор словно нарочно придумал это жилище для антибуржуазной бунтарской парочки (...) это здание, по замыслу своего создателя, должно было выразить безграничную свободу личности»[4].

Третий этап (вторая половина 70–90-е годы) — это работа «Мастерской» Бофилля как в родной Барселоне, так и во Франции, в США и в других странах. Именно в это время Бофилль обращается к классицизму. Новые технологии и детали ордерной архитектуры определяют произведения зодчего в 80-е — начале 90-х годов. Наиболее известные работы Бофилля этого периода — комплексы в парижских пригородах: «Дворец Абраксас» (город-спутник Мари-ля-Валле), «Колонна Сен-Кристоф» (пригород Сержи Понтуаз), жилой комплекс (город-спутник Сен-Кантен-ан-Эвелин), а также «Барочные лестни-

---

[1] Ibid. P. 583.
[2] Бофилль Р. Пространства для жизни. М., 1993. С. 94–95.
[3] Urrutia A. Op. cit. P. 584.
[4] Марсе X. Указ. соч. С. 35–36.

цы» в самом Париже и «Антигона» в Монпелье. Кроме этого, зодчий создал комплекс на берегу Гудзона со стороны Нью-Джерси, напротив нью-йоркского Манхэттена (1987).

Отметим основные характерные черты почерка зрелого Бофилля — одного из первых постмодернистов, который в последние годы стал от него открещиваться, считая себя прямым наследником классической линии архитектуры. Действительно, классицизм Бофилля конца 70 — начала 80-х годов отличается от его классицизма конца 80—90-х годов. В первом случае, несмотря на колонны, арки, архитравы, фронтоны, его архитектура носит ярко выраженный игровой характер. Критик К. Фремтон считает работы Бофилля этого времени выполненными «явно в духе кичевого классицизма»[1], когда основные ордерные детали претерпевают удивительные метаморфозы: колонны превращаются в застекленные эркеры, фронтоны скашиваются, нарушается соответствие частей.

Так, во «Дворце Абраксас» (второе название «Пространство Абраксас», 1976—1983), как всегда у Бофилля являющимся не просто сооружением, а целой композицией, включающей в себя окружающее пространство, огромный полукруглый дом с застекленными колоннами-эркерами первых шести этажей и небольшими закругленными балконами остальных трех, вступает в явное противоречие с несоразмерно маленьким порталом, отдельно стоящим во дворе-площади по одной линии с высоким проемом-воротами. Этот портал — своего рода пародия на древнегреческие «пропилеи».

Традиции классицизма явственно прослеживаются в сооружениях Бофилля в родной Барселоне, приуроченных к Олимпийским играм 1992 г.: аэропорт, деловое здание рядом с площадью Марии-Кристины, бассейны, спортивные залы. В них тектоническая структура ордера, держащая стену и пространство, сочетается с широкими поверхностями зеркального стекла, заполняющего проемы между колоннами и таким образом «дематерилизующего стену»[2]. Нарастающая тенденция «высокого ортодоксального классицизма»[3], отмеченная чертами местных классицистских традиций XIX в., очевидна в двух сооружениях Бофилля — Национальном институте физической культуры Каталонии (1985—1990, Барселона), созданном также к Олимпиаде 1992 г., и Национальном театре Каталонии (1986—1996). Эти произведения

---

[1] Цит. по: Хайт В.Л. Классицизм и новейший классицизм // Актуальные тенденции в зарубежной архитектуре и их мировоззренческие и стилевые истоки. М., 1998. С. 46.

[2] Там же. С. 48.

[3] Там же. С. 45.

Бофилля, несмотря на использование высоких технологий, выглядят вполне традиционалистски, без присутствия игрового момента. Использованием белого цвета в штукатурке стен зодчий подчеркивает преемственность своего творчества средиземноморской (древнегреческой и особенно древнеримской) классической традиции.

Творчество Бофилля, несмотря на критические высказывания в его адрес, оказало значительное влияние на формирование многих мастеров и целых «стилей». В частности, по мнению Н. Малинина, «по большому счету все, что называется лужковским или московским стилем — это все Бофилль. Железобетонный каркас, панели, большое количество стекла и безумное число деталей — арок, колонн, пилястр. Вот только башенками Бофилль как-то не увлекался. Это был уже наш вклад»[1].

Р. Бофилль лично проектировал офисно-гостиничный комплекс, после того как в 1989 г. Мосгорисполком передал участок французскому инвестору на Смоленской площади. Однако данный зодчему в соавторы русский архитектор Юрий Григорьев был настолько пристрастен (в частности он заявил: «Все мы, его соавторы, рады, что Бофилль преодолел свои личные амбиции»), что с 1992 г. знаменитый каталонец в Москве не появлялся[2]. Это все же не помешало через несколько лет построить «Смоленский пассаж» по этому проекту Бофилля, от которого сам зодчий отказался.

Воздействие архитектуры Бофилля очевидно во многих московских сооружениях 90-х — начала 2000-х гг. Это торговый центр «Атриум» у Курского вокзала, офис «Лукойла» на Сущевском валу, торговый центр «Крокус-сити», офисный комплекс «Усадьба-Центр» за Моссоветом, магазин «Новинский пассаж» и ряд других сооружений. Хотя в классицизме Бофилля некоторые отечественные архитекторы и критики видели аналогии со сталинским стилем, многие зодчие охотно взяли на вооружение приемы каталонца, с их «фундаментализмом и социальной озабоченностью»[3].

Наряду с Р. Бофиллем школа Барселоны дала и таких архитекторов, как Льюис Клотет Бальюс, Оскар Тускетс Гильен, Игнасио Парисио, Карлес Диас Гомес, Льюис Доменеч, Росер Амадо, Жауме Бах, Габриэль Мора и многих других, в чьем творчестве традиционная каталонская тяга к пластической выразительности и красочности нашла

---

[1] Малинин Н. Крестный отец московского стиля // La Costa (Испанский берег). 2006. № 1 (01). С. 43.

[2] Там же.

[3] Там же.

яркое проявление. Многие из них работают вместе (таковы союзы Клотет–Тускетс, Клотет–Парисио, Тускетс–Диас, Бах–Мора).

Современная испанская архитектура очень многообразна, поэтому придется выделить лишь тех мастеров, которые работают в разных манерах. Постмодернистская парадигма дала возможность каждому из них выбирать из стилей и течений ту основу, которая, с их точки зрения, позволяет создать наиболее выразительный образ.

Характерно, что в целом испанские архитекторы эпохи постмодернизма обращались и обращаются к тем течениям, которые существовали в стране в период между двумя мировыми войнами, — неоклассицизму, функционализму, регионализму, ар деко, в значительной степени наследника ар нуво (модерн). В последние годы возрос интерес к советской школе конструктивизма, в частности к работам Леонидова и Мельникова, а также к творчеству Ле Корбюзье.

Чертами регионализма, но с оттенком парадокса отмечено здание филиала Испанского банка (1981–1989, Жирона), построенного по проекту Клотета–Парисио. Своим круглым очертанием оно напоминает средневековый баптистерий (крестильню), что зодчими намеренно подчеркнуто: стены на определенном расстоянии прорезаны изображением креста.

Получившие столь широкое распространение в последние годы реконструкция и «достраивание» сооружений нашли интересное решение в работе Тускетса–Диаса по расширению пространства Дворца каталонской музыки (1982–1989, Барселона). Этот знаменитый Дворец, построенный в 1904–1908 гг. Льюисом Доменечем-и-Монтанером, одним из ведущих представителей «каталонского модернизма» (ар нуво), был тактично дополнен пристройкой, выдержанной в традициях модерна с характерным для этого течения использованием вытянутого на несколько этажей эркера.

Ж. Бах и Г. Мора в своих произведениях, в частности в здании железнодорожного вокзала (1989–1993, Барселона) интерпретируют приемы конструктивизма 1920–1930-х гг. Своеобразное «прочтение» и переосмысление классицизма, скорее концептуальное, чем стилистическое, можно обнаружить, по мнению Х. Переса Рохаса и М. Гарсии Кастелльоно, в работах мадридских архитекторов Рафаэля Монео, Хуана Наварро Бальдевега, Хосе Игнасио Линасасоро[1]. В здании нового железнодорожного вокзала «Аточа» (Монео, 1984–1992, Мадрид) — большого многоуровневого сооружения, — намек на клас-

---

[1] См.: Pérez Rojas, Garcia Castellón M. *Introduccíon al arte espanol. Siglo XX.* Madrid, 1994. P. 228.

сицизм читается в своеобразных колоннадах-галереях первых двух уровней и в круглом навершии, напоминающем древнеримские сооружения. Его часто поставленные колонны-столбы, лишенные баз и капителей, наряду с застекленными между ними пространствами, служат частью стены.

Совсем иной образ Монео создает в Национальном музее римского искусства (1980–1985, Мадрид), построенном на развалинах римского амфитеатра. В интерьере высокие параболические арки из кирпича, расположенные на определенном расстоянии друг от друга, поддерживают застекленную крышу, через которую в залы льется свет. Наряду с этим естественным источником освещения Монео расположил под сводами осветительные приборы. Впечатление, что это пространство римской постройки, и так легко ощущаемое посетителем, архитектор усиливает и одновременно обыгрывает отдельно стоящими колоннами разного размера и с разными капителями, что было характерно в эпоху романского искусства. Свойственное Монео, как и многим другим представителям мадридской школы, в частности Игнасио де лас Касасу и Мануэлю де лас Касасу, использование кирпича позволяет архитекторам создавать выразительные образы в духе регионализма.

Среди андалусийских архитекторов стоит упомянуть Гильермо Варгаса Консуэгру, Хосе Рамона Сьерру и Рикардо Сьерру; работающих вместе Антонио Круса и Антонио Ортиса, строящих жилые дома, вокзалы, административные здания. Их постройки, несмотря на разную методологию, сближает сочетание железобетонных конструкций и оштукатуренных и окрашенных в разные цвета стен. Новые технологии (хай-тек), дают архитекторам возможность реализовать принципы параболических перекрытий, разработанных еще А. Гауди в начале XX в. Это очевидно в здании вокзала «Санта Хуста» (1987–1992, Севилья), построенного А. Крусом и А. Ортисом. Закругленное большепролетное перекрытие вокзала со столбами-опорами в своего рода галерее первого этажа сочетается здесь с «классицистическим» портиком второго этажа. Правда, этот «классицизм» весьма условен, авторы скорее играют с ним, создавая иллюзию портика посредством стенных ниш.

Валенсийская школа представлена Сантяго Калатравой Валсом (р. 1951), наряду с Р. Бофиллем наиболее известным испанским архитектором конца XX — начала XXI в. Спустя почти столетие Калатрава, вслед за Гауди, стал возрождать принципы готики, что неудивительно. Для Валенсии, как и для граничащей с ней на севере Каталонии, готические традиции, наряду с античной классикой, играли большую роль.

Диплом Калатравы, окончившего в 1973 г. Архитектурную школу при Политехническом университете Валенсии, был посвящен проблемам градостроительства. Продолжив обучение в Цюрихе (Швейцария), он занялся изучением вопросов гражданской инженерии. Его диссертация называлась «О складываемости строительных конструкций» (1981), что впоследствии определило его творческие поиски в области перекрытий.

Знание самых последних достижений инженерно-технической мысли и основ архитектуры и градостроительства позволили Калатраве, используя возможности железобетонных конструкций, создавать уникальные проекты, в которых он опирается на традиции готики и «усовершенствованной готики» Гауди (наклонные опоры вместо «костылей», которыми Гауди называл аркбутаны и контрфорсы готических храмов). Ряд исследователей сравнивает Калатраву с Гауди, видя в его творчестве то же желание уподобить сооружение органической, живой материи. Недаром Гауди говорил, что свою модель он нашел в стволе дерева, которое несет ветви, «а те в свою очередь — веточки, а те в свою очередь — листья. И каждая часть растет гармонично, восхитительно, с тех пор как Господь создал ее»[1]. В готике Калатраву, как и Гауди, привлекает динамичная устремленность вверх, «полет в пространстве», осуществлению которых замечательную возможность дают новые технологии.

Кроме того, на творчество Калатравы, безусловно, оказали влияние работы жившего в 40–50-е годы в эмиграции в Мексике, а затем вернувшегося на родину его соотечественника Феликса Канделы (р. 1911), прославившегося созданием тонких оболочек в форме гиперболических параболоидов. В разгар торжества международного стиля Кандела значительно опередил архитектурную мысль эпохи. Считается, что некоторые проекты в начале 90-х годов Калатрава создал совместно с Канделой.

Начиная с 80-х годов С. Калатрава реализовал множество проектов мостов, вокзалов, концертных залов, жилых сооружений. Вскоре после защиты диссертации он был приглашен принять участие в разработке проекта железнодорожного вокзала Штадельхофен (Stadelhofen) в Цюрихе (1983–1990, в соавторстве с А. Амслером и В. Рюгером). В начале 90-х годов он построил Восточный вокзал в Лиссабоне, пространство которого позволило перепланировать его в выставочный павильон для ЭКСПО-98. Несколько сооружений Калатрава создал в преддверии ЭКСПО-92 в Севилье — это, прежде всего павильон Ку-

---

[1] Цит. по: Zerbst R. *Antoni Gaudi: A Life Devoted to Architecture*. Koln, 1993. P. 30.

вейта и мост Аламильо. Павильон Кувейта, где зодчий учел традиции мусульманской архитектуры, представляет собой сооружение с заглубленными мраморными нишами и террасой, над которой возвышается легчайшее деревянное перекрытие, способное складываться. Это перекрытие — не только архитектурный, но и скульптурный образ, тяготеющий к инсталляции.

Практически скульптурной выразительностью отличаются и другие сооружения Калатравы — мост Аламильо через Гвадалквивир (1987–1992) в Севилье, мосты Аламеда и Пейнеда в Валенсии (1991–1995), мосты с арочными проемами в Барселоне (Эль Пуэнте де Бах де Рода) и Мериде, Телефонная башня (1989–1992) в Барселоне, приуроченная к Олимпиаде 1992 г., Концертный зал (2002) в Санта-Крус-де-Тенерифе на Канарских островах, Поместье Буш в Вюренлингене (1987–1996, Швейцария). Одни только мосты Калатравы, легкие, словно летящие, достойны отдельной работы. Наиболее интересно решение Моста им. 9 октября в его родном городе Валенсия. Вслед за Гауди он не только использует здесь усовершенствованную великим каталонцем параболическую арку на наклонных опорах, которая придает конструкции воздушность, но ищет пути создания дорожных развязок.

Как и Р. Бофилль, Калатрава любит белый цвет, в него окрашены почти все его постройки и в самой Испании, и за рубежом. Творческая фантазия мастера каждый раз заставляет его искать новый образ. Так, Поместье Буш своей вписанностью в пейзаж и кажущейся открытостью жилого пространства воскрешает в памяти работы представителей «органической архитектуры». Однако оно гораздо невесомее, что обеспечивается наклонными опорами, держащими сильно вынесенный вперед второй этаж. Таким образом, второй этаж служит своего рода перекрытием над образовавшейся террасой первого. Несколько похожий прием — заглубления первого этажа — Калатрава использовал при создании павильона Кувейта для ЭКСПО-92.

Перекрытиям Калатрава уделяет в последние годы особое внимание. Его блестящие достижения в этой области были продемонстрированы в раскрывающемся куполе стадиона в Афинах, построенном им для Олимпийских игр 2004 г. Параболические арки А. Гауди, тонкие параболические оболочки перекрытий Ф. Канделы и его собственные разработки, посвященные складывающимся строительным конструкциям, позволили архитектору создать совершенно уникальное произведение: огромное пространство стадиона перекрыто легким, кажущимся невесомым, складывающимся куполом. В конце 90-х годов С. Калатрава в сотрудничестве с Ф. Канделой разработал проект

построенного монументального комплекса «Город науки и искусства Валенсии». В него входят Планетарий, Музей Принца Филиппа, или Музей науки, Музей искусств и открытый в 2002 г. самый большой в Европе океанариум площадью в 110 тыс. $м^2$, при создании которых Калатрава уделяет огромное внимание организации больших внутренних пространств, перекрытых тонкими, способными раскрываться сводами.

Одно из последних сооружений зодчего — Концертный зал в Санта-Крус-де-Тенерифе (2002). Эта белая конструкция с параболическими объемами и удивительной формы перекрытиями, как и Телефонная башня в Барселоне, похожа на скульптуру, хотя за этим стоит четкий инженерно-математический расчет. Именно в творчестве Калатравы наиболее выражено то определение современной испанской архитектуры, которое ей дают историки и критики — «между инженерией и скульптурой».

Выставочный комплекс «Эль Мусак» в Леоне, построенный по проекту молодых архитекторов Луиса Морено Мансильи и Эмилио Туньона в районе снесенной городской стены, предлагает новое пространственное решение. Здание напоминает вытянутую гибкую скульптурную форму из бетона с зигзагообразными стенами и разноуровневой кровлей. Стандартные составляющие части создают волнистую линию, что свидетельствует об увлечении зодчих одновременно архитектурой предшествующих периодов и природными формами. На творчество Л.М. Мансильи и Э. Туньона оказал влияние их учитель Рафаэль Монео, получивший в сентябре 2006 г. «Золотую медаль» Академии Сан Фернандо «за выдающиеся профессиональные заслуги и вклад в продвижение испанской архитектуры на международной арене». Но в их работах очевидно также использование идеи пространства как в знаменитой кордовской мечети IX в., так и в средневековых корабельных верфях в Барселоне.

Спортивные сооружения в парке Ретиро в Мадриде, спроектированные Иньяки Абалосом и Хуаном Эрреросом, дают наиболее яркое представление о тенденции взаимопроникновения природы и искусства. Зодчие извлекают поэзию из «обыденного», сочетая проволочную ограду и стройные стальные опоры с деревьями и кустарниками, пропускающими через листву свет, в результате чего создается изменчивое освещение в разное время дня. Основной павильон напоминает скульптурную композицию, что в значительной степени идет от некоторых построек эпохи модернизма, в частности от «Колехио Маравильяс» построенного в Мадриде в 1962 г. по проекту известного архитектора Алехандро де ла Соты.

Воскрешая традиции прошлого, творчески их перерабатывая, испанские зодчие, тем не менее, пытаются заглянуть в будущее, словно следуя за Раймондом Смаллиэном, американским профессором логики, полагающим, что «иногда для того, чтобы разобраться в прошлом, оказывается необходимо знать будущее»[1]. Футуристический характер носит проект архитекторов-супругов Марии Росы Серверы и Хавьера Пиоса под названием «Виртуальный бионический город-башня», рассчитанный на проживание 100 тыс. человек. Этот проект взялся реализовать Китай, для которого в последние годы работают многие архитекторы из разных стран, в частности Бофилль. Небоскреб в 300 этажей, по расчетам М.Р. Серверы и Х. Пиоса, может быть построен за 15 лет.

По замыслу архитекторов, небоскреб будет возведен «на искусственном острове посреди искусственного озера, которое должно амортизировать подземные толчки»[2]. Пристрастие испанских зодчих к созданию оригинальных жилых комплексов в «Городе-башне» Серверы и Пиоса нашло необычное решение. На почти заоблачной высоте в этой высокой башне должно расположиться 12 вертикальных кварталов, вмещающих не только жилые помещения, магазины, детские сады, школы, развлекательные центры, салоны различных услуг, но и парки, и водоемы. «Виртуальный бионический город-башня» устремлен вверх подобно ракете, вызывая в памяти 50–60-е годы с их надеждами на будущее.

В изобразительном искусстве, как и в архитектуре, новые тенденции вызревали в недрах предшествующих. Отмечаемый критиками «взлет» в испанском искусстве, прежде всего в живописи, в 80-е годы был подготовлен поп-артом, пришедшим ему на смену в те же 60-е годы концептуализмом и гиперреализмом 70-х годов. В «золотой век» новейшей испанской живописи наблюдается в целом возвращение к фигуративности. Хотя надо отметить, что амплитуда маятника от абстрактного к предметному искусству в Испании за последние годы была значительной. После увлечения акриловыми красками и компьютерными техниками в живописи произошел возврат к холсту, дереву, маслу, темпере, акварели; в скульптуре — к мрамору, глине, песчанику, металлу (меньше стало использоваться полимерных соединений).

Живописные произведения практически всех художников отличаются пристальным вниманием к колористическим проблемам, в значительной степени утраченной концептуалистами. Цветовая гамма

---

[1] Цит. по: Перес-Реверте А. Фламандская доска. М., 2004. С. 113.

[2] См.: Владимирцева В., Боровой В. Не вылезая из неба // Известия. № 230. 16.12.2005.

становится основным, доминирующим компонентом живописных работ. Очевидно, этот фактор и позволил критикам говорить о новом «золотом веке» испанской живописи, ибо произведения Эль Греко, великих испанских мастеров XVII столетия, как впоследствии Гойи, а в XX в. Пикассо, Миро, Дали отличаются богатством красочной палитры. Анализ работ испанских художников, созданных в последние 25 лет, свидетельствует и об удивительном разнообразии манер, и об индивидуальном подходе к решению творческих задач.

Среди множества испанских живописцев, родившихся в основном в 1940–1950-е гг., можно выделить Альфонсо Альбасете, Микеле Барсело, Феррана Гарсию Севилью, Мануэля Вальдеса, Рохелио Лопеса Куэнку, Хосе Марию Сисилью, Хосе Мануэля Брото, Диса Берлина, Чему Кобо, Мигеля Анхеля Кампано, Кармен Кальво, Патрисио Кабреру, Маноло Кехидо, Хуана Наварро Бальдевега, одновременно живописца и архитектора, Хосе Мануэля Мерельо. В 80-е годы продолжали активно работать знаменитые каталонцы Антони Тапьес и Жавьер Вальс. У всех мастеров свой ярко выраженный почерк, хотя стоит заметить, что свойственные постмодернизму обращение к наследию и ирония очевидны во многих произведениях.

Так, М. Вальдес обращается то к Веласкесу, то к Матиссу. Если в инсталляции «Королева Марианна VIII» (1982, дерево, железо) художник использует образ Марианны Австрийской Веласкеса (1652, музей Прадо, Мадрид), дабы транспонировать его через призму условных скульптур Альберто Санчеса и сюрреализма Миро, то в полотне «Инфант Фердинанд» (1987, холст, смешанная техника) Вальдес довольно точно следует за Веласкесом («Инфант Фердинанд в охотничьем костюме», 1632, музей Прадо, Мадрид). Вальдес обрезает композицию Веласкеса: не выписывая лицо полностью, он воспроизводит характерную для Габсбургов тяжелую нижнюю челюсть. Сдержанный колорит картины с преобладанием черного (фон), коричневого (костюм), белого и охристого тонов (собака) в целом передает основную цветовую, хотя гораздо более богатую гамму Веласкеса. С еще большей точностью Вальдес следует за матиссовской «Розовой обнаженной» (1935, Музей изящных искусств, Балтимор) в своем полотне «Матисс как предлог» (1987, холст, смешанная техника). Изгиб обнаженной женской фигуры на красном фоне у образованного зрителя моментально вызывает воспоминание о матиссовских «ню».

Не столь прямые ассоциации с работами Матисса возникают при знакомстве с полотном «В саду: беседка и источник» (1980, холст, масло) Альфонсо Альбасете. В целом абстрактная композиция с доминированием острых углов ничем не напоминает манеру Матисса, но

цветовая гамма с ее размытыми тонами синего, розового, светло-зеленого, малахитового близка колориту произведений Матисса 1910-х гг., в частности его знаменитой «Мастерской художника» (1911, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва). Напротив, в диптихе «Башня ночей и дней» (1980, холст, акрил) Чемы Кобо преобладают яркие, насыщенные цвета. Сильно вытянутые по вертикали части диптиха с изображением нанизанных на уходящую в бесконечную высь лестницу площадок с фигурами, звучат своего рода предчувствием «Виртуального бионического города-башни» Серверы и Пиоса. С другой стороны, как считает Кармен Бернардес Санчис, мир андалусца Ч. Кобо — «это юг, смотрящий на север Африки»[1]. Действительно, северная часть Африки видна в нижней части полотна.

В значительной степени от концептуализма идут работы Ф. Гарсии Севильи, Р. Лопеса Куэнки и Хорхе Барби, но они гораздо образнее и красочнее «классического» концептуализма 60-х годов, получившего развитие, главным образом, в Мадриде и Барселоне. В основе концептуализма в изобразительном искусстве, несмотря на «визуальную бессодержательность», лежит «сообщение», «смысл». При минимуме используемых средств (недаром концептуалисты обвиняли представителей того же поп-арта в формализме, который, по их мнению, заключался в чрезмерном внимании к предметам и цвету) концептуалисты выделяли основную линию интерпретации, выявляли отдельные ключевые моменты, в которых не последнюю роль играла «интеллектуальная агрессия, подобная научному эксперименту[2].

Ферран Гарсиа Севилья (р. 1949), бывший ярким представителем барселонской школы, в 80-е годы обратился к большей образности и, главное, живописности, хотя связь с концептуализмом в некоторых его работах весьма ощутима. В полотне под названием «Tata 9» (1984) из серии «Tata» («Высший судия») он изобразил на белом фоне помещенного на высокую треногу терракотового жареного цыпленка, а рядом — опрокинутую темную бутылку, из которой желтыми струями льется пиво. Вверху картины как пиктографические знаки изображены дерево, серп и молот, крест, доллар, свастика, пистолет, очертания острова Майорка, где он родился. В прямом и зеркальном отражении дана надпись, идущая сверху справа и вниз налево: «Aqui no pasa nada excepto la musica y el tiempo» («Здесь нет ничего, кроме музыки и времени»).

---

[1] Bernárdez Sanchis C. *Los Ultimos Años (1976–1994)* // Arte en España, 1918–1994 en la Collectión Arte Contemporaneo. Madrid, 1995. P. 289.

[2] См.: Турчин B.C. По лабиринтам авангарда. М., 1993. С. 227.

В свое время В.С. Турчин отметил образованность концептуалистов, которые, как правило, получили высшее университетское образование[1]. В целом у испанских художников — наследников концептуализма, — эта образованность проявляется в том, что они часто дают французские или английские названия своим работам либо включают в их контекст надписи на этих языках. Таково произведение «Dans ce condition qui ecrit» (1992) Р. Лопеса Куэнки. Название, данное по-французски («В этом условии кто пишет») написано голубой краской по сине-голубому фону. Буква Q (в слове «qui») изображена в виде огромного белого вопросительного знака. Оттенок иронии и пародии присутствует в самом названии: по-французски правильно было бы «Dans ces conditiones» или «Dans cette condition». X. Барби озаглавил свое произведение «Little Bang» (1993). «Bang» по-английски означает и «выстрел», и «принять наркотик». Соответственно название картины означает либо «Маленький выстрел», либо «Немного кайфа», что, исходя из изображенного на полотне, одинаково подходит. На черном фоне полотна художник поместил мириады металлических точек, по форме напоминающих созвездие Малый ковш (Малую Медведицу).

Кармен Кальво (р. 1950), уроженка Валенсии, в некоторых своих произведениях в достаточно ироничной форме воскрешает приемы поп-арта. Ее картина «Имперская легенда» (1998) представляет собой коллаж: на черный фон полотна художница прикрепляет настоящие предметы — игрушечного утенка, пластмассовую руку куклы, ремень, ключи, пеньку. Справа внизу в квадрате написано число 48. Кальво этим числом не обозначает свой возраст, а приглашает зрителя поиграть (1998 – 48 = 1950). Запечатленные предметы — это предметы ее детства, прошедшего во франкистской, поначалу охваченной имперскими настроениями, Испании.

В 80-е годы многие испанские художники, используя достижения позднего модернизма, обратились к творчеству мастеров первой половины XX в. — Боннара, Вюйара и особенно Матисса с их вниманием к цветовой гамме и таким жанрам, как интерьер и пейзаж. Это очевидно в работах уже упоминавшихся А. Альбасете и М. Вальдеса, а также в произведениях других художников, в частности уроженца Сантандера Хуана Наварро Бальдевега (р. 1939), плодотворно работающего, как уже отмечалось, и в архитектуре. В своем творчестве он совместил достижения фовизма, послевоенного абстракционизма США и концептуализма. Среди работ этого представителя мадридской школы интерьер и пейзаж занимают большое место.

[1] Там же.

В серии «Римские дома» Наварро Бальдевег создает яркий образ средиземноморского дома с его интерьером, перетекающим в пейзаж. Как архитектора его интересует проблема пространства и времени. Таково полотно художника «Дом» (1985), в котором матиссовская цветовая гамма сочетается с гаммой росписей древнеримских Помпей. Стоящий в холле на круглом столе условно трактованный, но легко узнаваемый римский бюст, так же как фланкирующая проем в глубину дома колонна справа и своего рода парафраз на помпейские росписи архитектурно-перспективного второго стиля (конец I в. до н.э. — I в. н.э.), очевидный в как бы перевернутой капители слева, подчеркивают связь между сегодняшним днем и прошлым. В этой серии Наварро Бальдевег отчетливо проводит мысль о том, что средиземноморская культура — это общее прошлое для жителей всех стран, прилегающих к Средиземному морю, недаром испанцы так любят употреблять понятие «наше Средиземноморье».

В 90-е годы Х. Наварро Бальдевег особенное внимание уделяет пейзажу, в котором линия и цвет наряду с передачей свето-воздушной среды, занимают главенствующее место. Как архитектор он четко выстраивает композицию с глубоким пространством, чему способствуют линии радиальные, создающие перспективу, и линии закругляющиеся, напоминающие завитки барочных волют, подчеркивающие контуры предметов. Таков его «Пейзаж» (1991), отличающийся преобладанием бело-розово-сиреневой гаммы, придающей изображенному особую воздушность.

Живописца Диса Берлина (р. 1959) искусствовед Хуан Мануэль Бонет назвал «создателем эмблем и лабиринтов»[1]. В 90-е годы Берлин создал серию работ «Сотворение». В полотне, название которого дано автором по-английски «The Creation VI» (1990), художник изображает на терракотовом фоне, словно символизирующем землю, условные обтекаемые разноцветные фигуры, сближающие его творчество с искусством представителей так называемого биоморфизма — феномена органической абстракции. Среди «биоморфистов» числились Василий Кандинский, Пауль Клее, Ханс Арп, Жоан Миро, Александр Колдер. Сама тема «Сотворение» предполагает неопределенность форм, стоящих у истоков возникновения жизни. Х. Арп свои обтекаемые формы называл «облаками» Дис Берлин эти «облака» дополняет изображением лабиринта и условных эмблематических фигур. Дабы подчеркнуть столь свойственное постмодернизму цитирование произведений предшествующих эпох, художник прибегает к приему, характерному

[1] Цит. по: Bernárdez Sanchís C. Op. cit.

для маньеризма и особенно барокко — изображению слева пышной красной драпировки, подчеркивающей отстраненность происходящего на полотне.

На рубеже тысячелетий в творчестве части мастеров происходит отход от чрезмерной ироничности в сторону большего лиризма, большей поэтизации образов. Свойственная испанским живописцам в 80–90-е годы апелляция к творчеству французских мастеров, в первую очередь к Матиссу, и к работам представителей русского авангарда, в частности Малевича и Кандинского, сменилась в последнее время обращением к разным традициям собственной культуры. Показательно в этом отношении творчество двух художников — представителя мадридской школы Хосе Марии Сисильи (р. 1954), и мастера каталонской школы, уроженца Пальмы де Майорки, Микеле Барсело (р. 1957), творящих как в живописи, так и в скульптуре.

Х. Мариа Сисилья в 80-е годы работал в разных манерах. С 1980 по 1985 г. он жил в Париже, где создал серию работ, посвященных площади Бастилии. Это вполне традиционные полотна, передающие образ одной из центральных площадей французской столицы в разное время суток. После поездки в 1985 г. в Нью-Йорк художник резко меняет манеру письма. Его знаменитая картина «Черный цветок» (1986) из серии «Цветы» представляет собой девять разноцветных квадратов, кое-где разделенных другим цветом пополам, и напоминает работы голландского художника Пита Мондриана, одного из основоположников геометрического абстракционизма и создателей группы «Стиль». В центре полотна царит гораздо больший по размеру черный квадрат как дань супрематизму Казимира Малевича. Прямоугольные геометрические формы, столь диссонирующие с формами цветка, который дал название произведению, несут в себе элемент того парадокса, переиначивания, которые характерны для постмодернизма. Начиная с 2000 г. Сисилья работает и в живописи, и в графике, и в скульптуре, создавая серии произведений, в частности живописную серию «Гаснущий свет», выполненную в своеобразной технике (масло и воск на дереве). В скульптуре наиболее интересными являются его работы серии «Пробуждение слез», представляющие собой образ горы, состоящей из множества цветов, выполненный в песчанике, раскрашенном в разные оттенки.

Средиземноморская культура, играющая столь большую роль в творчестве испанских художников, — это не только античность и христианство, но и арабский (мусульманский) мир, памятники которого столь обильно представлены в Испании. Неудивительно поэтому, что Сисилья в начале третьего тысячелетия обратился к чтению «Кора-

на», со страниц которого, по его словам, на него повеяло духом сада[1]. В последних произведениях Сисилья все больше отталкивается не от геометрических, а от растительных узоров персидских ковров с их богатством изысканных линий и изысканностью цветовых сочетаний. Минимализм форм и колористическая насыщенность — основные категории его творчества. Но в последние годы художника стала занимать и проблема света. Упомянутая выше живописная серия «Гаснущий свет» была создана, безусловно, под влиянием чтения Корана. Параллельно с ее созданием Сисилья работал над серией фотографий, которую озаглавил «Поворот в воздухе», где проблема света стала ведущей. В значительной степени на нее его навели именно ковры, завораживающие своей недосказанностью. Однако сам художник считает, что «ковер — целый мир, сама реальность»[2], привлекающая соотношениями цветовых пятен и световыми комбинациями в интерьере. Одновременно ковры для Сисильи, художника постмодернистского мировосприятия, служат своеобразным знаковым элементом игры.

М. Барсело последние годы живет и работает в итальянском городке Вьетри сул Маре, расположенном недалеко от Неаполя, между Помпеями и Пестумом. Надо заметить, что свобода передвижения, смена выбора места для творчества — отличительные черты художественной культуры сегодняшнего дня, хотя началось это еще в эпоху модернизма. Но этот выбор места всегда логически обусловлен. Для Каталонии основные традиции — это античность, готика, модерн. Барсело, как и Бофиллю, наиболее близкими оказались античные традиции, что в значительной степени определило место его сегодняшнего обитания. Некоторые исследователи[3] считают, что «феномен Барсело» сформировался только к 2000 г., хотя его работы хорошо известны с начала 80-х годов. Более того, именно Барсело был выделен из испанских художников приглашением в 1982 г. на знаменитую выставку «Документа» в Касселе.

Тема средиземноморской культуры и ее памятников — основная в его творчестве. Часть живописных работ художника посвящена теме самого моря, которая трактуется у него достаточно условно: на белых холстах даны надписи по-французски. Одно из ранних полотен «Библиотека у моря» («Bibliotheque a la Mer», 1984), выполненных в такой манере, Барсело посвятил памяти знаменитого испанского

---

[1] См.: El País. 10.09.2002. P. 39.

[2] Ibidem.

[3] См.: El País. 11.09.2002. P. 40.

поэта XX в. Антонио Мачадо, чье имя написано на холсте. В написанном в 2002 г. полотне «Северное море» («Mer du Nord») художник возвращается к своей манере 80-х годов: на белом холсте гребешками волн дано название. Одним из любимых жанров художника был и остается натюрморт, чаще всего выполненный в технике акварели или смешанной технике на бумаге. Больше всего художник всегда любил изображать рыб, чья сверкающая на солнце чешуя позволяет передать переливчатость красок и оттенков и одновременно обозначить символику христианства.

В 90-е годы Барсело создавал много скульптур в бронзе. Чаще всего это изображения животных, в какой-то степени напоминающие скульптуры Пикассо. В конце 90-х — начале 2000-х гг. мастер увлекся керамикой, в которой, как и в его живописных работах последних лет, доминирует белый цвет. Многие из этих керамических произведений, в частности панно «Белый осьминог», служат своего рода подготовительными работами для огромного произведения из керамических плит для капеллы Кафедрального собора Пальмы де Майорки, которую в 1914 г. оставил незавершенной Антони Гауди, полностью переключившийся на строительство собора Саграда Фамилия в Барселоне.

Это произведение Барсело посвящено одной из главных тем христианства, встречающейся у всех четырех евангелистов. Тема «умножения хлебов и рыб» дала Барсело возможность создать огромную многофигурную композицию с включением в нее представителей флоры и морской фауны — не только рыб, но и осьминогов, кораллов, моллюсков. Произведение размером в 300 $м^2$ должно покрыть всю поверхность стен капеллы. Художник группирует куски керамических плиток в панно площадью по 3 $м^2$ каждое, чтобы затем собрать их как *puzzle* на стенах капеллы. В своих изображениях растительных и животных форм Барсело в значительной степени следует за фантазией Гауди, недаром любимая мастерами модерна керамика стала превалировать в творчестве современного мастера.

Не без влияния искусства Гауди работает барселонская художница Антолина Виласека. В ее полотне «Дух листа» (2001) цветовой доминантой является сказочный образ похожего на красный детский мячик солнца, словно отраженного в охристо-желтом с голубыми вкраплениями фоне объемной формы листа, заставляющей вспомнить декоративную керамику парка Гюэль. Так же, как в свое время Гауди, Дали, а ныне Барсело, художницу привлекают образы растительного и животного мира. Барселона, как и большинство других каталонских городов, расположена на Средиземноморском побережье, и неудивительно, что взоры художников обращены прежде всего к формам

морской фауны. Так, во многих картинах А. Виласеки встречаются изображения рыб.

Очень интересно творчество живописца Хосе Мануэля Мерельо, в работах которого наиболее активно прослеживаются традиции экспрессионизма, частично фовизма и сюрреализма. Начавший свой путь в искусстве в 70-е годы, художник прошел несколько этапов, среди которых он сам выделяет три экспрессионистических, один — сюрреалистический, один — так называемый восточный, и, наконец, последний — начала XXI в., в котором мастер использует весь накопленный им опыт.

Однако Мерельо, прежде всего, — экспрессионист, что проявляется порой в намеренно упрощенном, но необычайно выразительном рисунке и насыщенном колорите. Испанская тематика превалирует в его творчестве, хотя он отдает дань как Востоку («Девочка из Константинополя»), так и Западу, особенно в натюрмортах («Голландская ваза»). Любимые жанры Мерельо — композиции с фигурами, портрет, обнаженная натура; реже в его творчестве встречается пейзаж («Красота под луной»). Звучные, яркие цвета его произведений (художник пишет маслом и акрилом) привлекают зрителя.

Художник часто дает интервью, в 2003 г. он открыл сайт в Интернете. В высказываниях Мерельо звучит восхищение мастерами всех эпох и народов, хотя лучшим живописцем он считает Веласкеса, а самым блестящим рисовальщиком — Пикассо. Замечательный мастер кисти, Мерельо особенно тонко чувствует живописцев — от Эль Греко до художников XX в. Предпочитающий яркие цвета, он делает удивительный анализ произведений знаменитого валенсийского живописца X. Сорольи (1863–1923), в чьих импрессионистических работах доминирует белый цвет, являющийся совокупностью всех остальных цветов и преобладающий в творчестве современных художников. Про себя Мерельо говорит: «Я — не авангардист. Моя живопись современна, но в прямом смысле слова — это живопись моего времени», отмечая далее, что самым важным для него является сохранение традиций[1].

В свои необычайно декоративные произведения Мерельо, как и многие другие испанские мастера конца XX — начала XXI в., нередко вводит надписи, которые являются названиями картин. Собственную подпись «Merello» он также делает элементом композиции, помещая ее в разные места, соответственно замыслу картины. Чаще она находится внизу полотна, но порой, как в работе «Актер», художник ставит

[1] См.: http:// www.merello.com/arte-actual-pintura.htm.

ее в центре, около превращенного в маску лица, привлекая тем самым зрителя к доминанте произведения — маске, как одному из значимых компонентов театра разных эпох.

В картине «Тореро с усами Дали» герой с закрученными вверх усами, одетый в классический костюм тореро с эполетами и шляпой, изображен на фоне условного пейзажа с ареной для боя быков и возвышающимся надо всем крестом, напоминающим 150-метровый крест в мемориальном комплексе «Долина павших» (1959), столь значимом для каждого испанца. В руке тореро держит кипу листков, на которых зафиксировано количество поверженных им быков. Над крестом значится имя тореро — Antonio, а еще выше — подпись художника. Эти надписи — своего рода парафраз на столь распространенные, начиная с позднего Возрождения, особенно как в религиозной, так и портретной живописи маньеризма и барокко, картуши, в которых давалась справка о портретируемом и авторе произведения.

В 80–90-е годы многие испанские скульпторы обратились к инсталляции, что было характерно и для художников других стран. Так же как, и для живописных произведений, для этих работ характерны постмодернистские ассоциации и аллюзии, а подчас ирония. Наиболее известными мастерами, работающими в этом виде изобразительного искусства, являются Микеле Наварро, Адольф Шлоссер, Эва Лоотц, Сусана Солана, Перехауме, Хауме Пленса, Хавьер Бальдеон. Инсталляция «Высокая башня» М. Наварро выглядит ироничным парафразом на тему русского конструктивизма — знаменитой «Башни» Татлина и эмблемы молота. «Открытый завиток» (1988) Э. Лоотц представляет собой огромную напольную железную дорогу в форме цифры 8 с металлическими туннелями, которая действительно образует так завораживающий детей завиток. В сделанном из плексигласа «Нарциссе» (1998), где на плоскости дано отражение человеческой фигуры вверх ногами, X. Бальдеон обыграл древнегреческий миф о любующемся своим отражением в воде прекрасном Нарциссе. Инсталляция X. Пленсы под названием «Босх» (1995), представляющая собой обрамленную изогнутой металлической рамой большую плоскость с надписью «Bosch», отсылает к творчеству знаменитого нидерландского художника конца XV — начала XVI в., чьи кажущиеся загадочными произведения напоминают о вечном противостоянии Добра и Зла.

В заключение хотелось бы отметить, что современные архитектура и изобразительное искусство Испании представляют собой яркое явление, привлекающее мировую художественную общественность.

И в этом немаловажную роль играет правительство страны, оказывающее поддержку художникам, музеям, выставочным галереям, издательствам, выпускающим книги по искусству, в частности и современному, с качественными текстами и прекрасными репродукциями, что позволяет испанцам успешно рекламировать свое искусство за рубежом.

Сведения об авторах

Авилова Агнесса Викторовна — к.э.н., вед.н.сотр. ИМЭМО РАН, доцент кафедры мировой экономики Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ). Специалист в области западноевропейских исследований. Автор большого числа работ по экономике Италии и Испании. (См. главы «Модель европейского капитализма: культурно-исторические предпосылки, становление, эволюция» и «Италия: вариант южноевропейской модели развития» в коллективном труде «Социально-экономические модели в современном мире и путь России (Книга 2)» (М.: Экономика, 2005). Соредактор монографии «Страны Южной Европы в современном мире» (М.: Наука, 1989).

Баррера Рубиас Мойсес — испанский адвокат и политолог, д.полит.н., руководитель Центра документации Фонда анализа и изучения социальных проблем Народной партии. Автор статей в различных политических изданиях партии.

Булавин Владимир Иванович (ум. 2006 г.) — к.г.н., ст.н.сотр. Центра экономических исследований ИЛА РАН. Занимался исследованием проблем энергетики латиноамериканских стран и Испании, экономической интеграцией. Автор многочисленных работ: «Венесуэла. В поисках альтернативы» (М.: ИЛА РАН, 2002), (в соавт.); глава в коллективном труде «Южноамериканская интеграция и Россия» (М.: ИЛА РАН, 2004); статья «ТЭК Испании в начале XXI столетия и перспективы развития» («Латинская Америка», 2004, № 9).

Верников Владимир Леонидович — руководитель Центра иберийских исследований Института Европы РАН, журналист-международник, испанист. Круг научных интересов — внешняя политика и внутренняя национальная проблематика Испании. Автор многих книг об Испании и странах Латинской Америки — «Солнечный профиль» (М.: Советская Россия, 1982), «Тропой флибустьеров» (М.: Детская литература, 1979), «Горький апельсин» (М.: Советская Россия, 1986), «Коррида, фламенко и ...жизнь» (М.: Известия, 1988) и др., а также публикаций в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Иностранная литература».

Волкова Галина Ивановна — к.социол.н., старший преподаватель ф-та мировой политики МГУ. Ведет курс по политическим и культурологическим проблемам ибероамериканистики. Специалист в области этносоциологии, социолингвистики и внутренней политики Испании. Соавтор учебного пособия «Политическая история Испании XX века» (М.: Высшая школа, 2006) и лингвострановедческого испанско-русского словаря-справочника «Испания» (М.: Высшая школа, 2006); автор глав в монографиях «Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы» (М.: Ин-т социологии РАН, 2003); «Культура современной Испании: превратности обновления» (М.: ИЛА РАН, 2005); «Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем» (М.: МГИМО (У), 2004) и др.

Гранцева Екатерина Олеговна — к.и.н., н.сотр. Института всеобщей истории РАН. Научные интересы: история Испании XX века, история испанской культуры, проблемы становления гражданского общества и перехода от авторитаризма к демократии в Испании и России. См. статьи «Закон о прессе и печати 1966 года Мануэля Фраги Ирибарне» («Европейский альманах: История. Традиции. Культура». М., 2003); «Cuadernos para el Dialogo» как источник по истории «интеллектуальной оппозиции» франкистскому режиму в Испании 1960–1970-х годов» (Сб. ст. «Источниковедческие исследования»); «Возвращение к гражданскому обществу: идея диалога и поиски национального консенсуса» (Сб. ст. «Гражданское общество в Европе XIX–XX вв.». М., 2007).

Данилевич Иннеса Владимировна — д.и.н., вед.н.сотр. Института социологии РАН. Круг научных интересов — политология, сравнительный анализ политических процессов в Западной Европе и Латинской Америке, история социал-демократических партий ибероамериканских стран. Автор около ста работ, в том числе нескольких монографий и глав в коллективных трудах «Гражданские институты в переходный период от авторитаризма к демократии» (Чили, Португалия, Испания); «Испания: глобализация и повседневность», «Роль партийно-политической системы в стабилизации общества (Испания 70–90-е годы)» и др.

Дементьев Алексей Владимирович — к. филол. н., дипломат. В сферу научных интересов входят вопросы внешней политики Испании. Автор многочисленных работ: «Учебное пособие по политическому переводу» (испанский язык) (М.: МГИМО (У), 1986); «Испания. Лингвострановедческий словарь-справочник» (М.: Высшая школа, 2006) (в соавт.); «Политическая история Испании XX века» (М.: Высшая школа, 2005) (в соавт.) и др.

Ермольева Элеонора Георгиевна — к.э.н., ст.н.сотр. Центра иберийских исследований ИЛА РАН. Изучает мировой опыт реформ в образовании, в том числе в Ибероамериканском содружестве наций. Автор многочисленных статей,

в том числе «Подготовка кадров в условиях рыночных реформ» («Латинская Америка», 1997, № 3–4); «Luces y sombras de la reforma educativa española (España: los resultados del periodo de transición, М.: ИЛА РАН, 2003); «Европейско-латиноамериканское сотрудничество в сфере образования: новые возможности в начале XXI века» (в сб. «Россия и мир: вчера, сегодня, завтра». МГИ им. Р. Дашковой, 2006); «Испания: полемика вокруг законов об образовании» («Латинская Америка», 2006, № 10); «La cooperación educativa en el marco de la integración transcontinental y regional« («Iberoamerica», 2007, No 1).

Киеня Марина Игоревна — доц. МГИМО (У) МИД РФ. Круг научных интересов — культура Испании. Среди прочих публикаций — предисловие к роману М. де Унамуно «Niebla» (М.: Цитадель, 2001); статьи «Причастность» (сб. «Вопросы иберо-романского языкознания», выпуск 7-й (М.: МГУ, 2005); «Женский образ в живописи Гойи» (сб. тезисов и докладов Международной научной конференции «Испанский язык в информационном обществе: актуальные процессы и перспективы». М.: МГИМО (У), 2006).

Коваль Татьяна Борисовна — к.и.н., ст.н.сотр. Центра иберийских исследований ИЛА РАН. Сфера научных интересов — религиоведение и социология. Автор монографий «Христианская этика труда» (М.: Институт этнологии РАН, 1994); «Личность и общество: духовно-нравственный потенциал». М.: Соверо-принт, 2003) (в соавт.); «Гендер. Религия. Культура» (М.: МГУДТ, 2006) (в соавт.); глав в колл. монографиях, в том числе, «Экономическая реформа и динамика общественного мнения» (в коллективном труде «Экономика переходного периода» (М.: ИЭПП, 1998). Среди многочисленных статей: «Экономика и нравственность в трудах ранних Отцов Церкви» (журнал «Общественные науки и современность», 2002, № 6); «Личность и собственность. Христианство и другие религии мира» (журнал «Мир России», 2003, № 2).

Кожановский Александр Николаевич — к.и.н., ст.н.сотр. Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Научные интересы: отражение этнокультурного многообразия человечества в общественном сознании и социально-политической практике; роль культурно-исторической традиции в развитии Испании, других стран Европы и Латинской Америки, а также России. Автор многочисленных публикаций (см. «Доминиканская Республика» // «Африканцы в странах Америки» (М.: Наука, 1987; «“Свои” и “чужие” в Испании: некоторые особенности иммиграции» // «Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия» (М., 2006); а также монографии «Быть испанцем. Традиция. Самосознание. Историческая память» (М.: Восток-Запад, 2006).

Константинова Наталья Сергеевна — к.и.н., директор Центра цивилизационных и культурологических исследований ИЛА РАН. Круг научных интересов: общие проблемы культурологии, история культуры и общественной мысли

стран Латинской Америки и Испании, а также латиноамериканский театр и драматургия. Автор монографии «Страна карнавала» (М.: Наука, 2003); главы «Общественная мысль» в многотомном издании «История Америки» (М.: Наука, 1993); главы «Проблема культурной идентичности в полиэтническом обществе» (в коллективном труде «Культура современной Испании» (М.: Наука, 2005), а также многочисленных статей. Координатор проекта и автор статей о театре и драматургии в энциклопедии «Культура Латинской Америки» (М.: РОСПЭН, 2000).

Кузьмин Валентин Викторович — к.э.н., вед.н.сотр. Центра экономических исследований ИЛА РАН. Работал в структуре Экономической Комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛАК). Сфера научных интересов: проблемы международной торговли, интеграционные процессы и двусторонние экономические отношения ибероамериканских стран. Автор многочисленных публикаций, в том числе глав в коллективном труде «Интеграция в западном полушарии и Россия» (М., 2004).

Матяш Наталья Алексеевна — к.фил.н., литературовед, переводчик с исп. и фр.яз. Круг научных интересов- испанская литература. Автор многочисленных публикаций, в т. ч. предисловий и переводов. Последние работы: К. Рохас «Мифологическй и магический мир Пикассо» (М.: Республика, 1999); А. Перес-Реверте «Территория команчей» (М.: ЭКСМО-пресс, 2001); «Энциклопедия импрессионизма» (М.: Республика, 2005).

Понеделко Галина Николаевна — к.э.н., ст.н.сотр. Центра европейских исследований ИМЭМО РАН, доц. МГИМО (У) МИД РФ. Круг научных интересов: экономика Испании и Португалии, социальные проблемы ЕС. Автор многочисленных публикаций, в том числе глав «Испания» (в коллективном труде «Европейские прямые инвестиции в России» (М.: ИМЭМО РАН, 2006); «Испания в международном разделении труда» (в коллективном труде «Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века». М.: ИЛА РАН, 2006); «Параметры социальной политики» (в уч. пособии «Испания в начале XX века». М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2006).

Прохоренко Ирина Львовна — к.полит.н., ст.н.сотр. ИМЭМО РАН. В сферу научных интересов входят теоретические проблемы международных отношений, внешняя политика Испании, феномен испанского регионализма. Среди работ последних лет — монография «Национальный интерес во внешней политике государства: опыт современной Испании» (М.: Паспорт Графика, 1995); глава «Испанское национальное государство и феномен национализма« (в сб. «Национализм: теория и практика» (М.: ИМЭМО РАН, 1991); статьи «Традиции и внешняя политика: опыт постановки проблемы (На примере современной Испании)» (МЭиМО, 1993, № 1); «Демократическая монархия короля-реформатора: феномен “хуанкарлизма”» (МЭиМО, 2005, № 8);

«Авторитетный гранд Старого Света перед вызовами нового тысячелетия» (МЭиМО, 2007, № 3).

Ростоцкая Лидия Владиславовна — ст.н.сотр. Центра цивилизационных и культурологических исследований ИЛА РАН. Круг научных интересов: киноискусство Испании и Латинской Америки, культурологические проблемы. Среди работ последних лет: «“Lo español” в испанском кино» (в коллективном труде «Культура современной Испании. Превратности обновления» (М.: Наука, 2005); статья о кино в энциклопедии «Культура Латинской Америки» (М.: РОССПЭН, 2000); «Между двумя мифологиями. Заметки о современном кино» («Латинская Америка», 2001, № 5), «Неореализм и “новое кино” Латинской Америки» («Латинская Америка и мировая культура». М.: Наука, 1995), «Кинематография Испании и России: отражение переходного периода» («Латинская Америка», 2006, № 12).

Семенов Виктор Леонидович — к.э.н., зав. лабораторией ИЛА РАН. Основные направления научной деятельности — экономика Венесуэлы, банковские системы и иностранный капитал в странах Латинской Америки и Испании, экономика Бразилии. Соавтор ряда монографий, сборников и энциклопедий, автор глав в коллективных трудах и многочисленных статей, изданных в России и за рубежом, в т. ч. монографии «Latin American and East European Economies in Transition: a Comparative View» (Geneva, 1978); монографии «“Боливарианский проект” и перспектива российско-венесуэльского партнерства» (в соавт.) (М.: ИЛА РАН, серия «Саммит», 2005); «Банковские системы в реформирующихся экономиках» (СПб, 2001); «Европа — Латинская Америка: проблемы и перспективы сотрудничества в новом столетии» (М., 2004); «Интернационализация банковской сферы» (в коллективном труде «Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века». М.: ИЛА РАН, 2006) и др.

Синельщикова Ирина Георгиевна — к.э.н., ст.н.сотр. Центра иберийских исследований ИЛА РАН. Круг научных интересов: экономика, демография, экономическая социология. Автор свыше 50 работ по проблемам иберо-американских стран, в том числе главы «Модернизация традиционной агрикультуры» в кол. мон. «Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века» (М.: ИЛА РАН, 2006); статей «Rusia y España la colaboracion commercial-economica» (España: Los resultados del periodo de transición. М.: ИЛА РАН, 2003); «Внешнеэкономические связи Испании в глобализующемся мире» («Латинская Америка», 2003, № 3); «Испания — Куба: новые тенденции развития внешнеэкономических связей» («Латинская Америка», 2004, № 1) (в соавт.); «Российско-испанские политические и торгово-экономические связи» («Латинская Америка», 2007, № 1).

Солодовникова Наталия Алексеевна — ст.н.сотр. Центра цивилизационных и культурологических исследований ИЛА РАН. Специалист в области искусст-

вознания и культурологии. Автор монографий «Латиноамериканская живопись XX в.» (М.: Наука, 1990), «Искусство Латинской Америки XVI–XX вв.» (в стадии редподготовки. «Дмитрий Буланин», СПб.), а также глав в коллективных трудах и статей, в том числе «Соотношение общерегионального и национального в живописи Латинской Америки» («Культура Латинской Америки», М.: Наука, 1990), «Постмодернизм и латиноамериканская живопись рубежа тысячелетий» («Очерки латиноамериканского искусства XIX–XX». Санкт-Петербург: Алетея, 2004), «Полистилизм постмодернизма» (в кн. «Культура современной Испании. Превратности обновления». М.: Наука, 2005) и др.

Хенкин Сергей Маркович — д.и.н., проф. МГИМО (У) МИД РФ. Круг научных интересов: социальные трансформации, политические институты и политическая культура Испании. Автор 80 научных работ, в том числе монографии «Испания после диктатуры. Социально-политические проблемы перехода к демократии» (М.: Наука, 1993); «Хуан Карлос I: политический портрет» (М.: ИНИОН, 2001), «Испания: время перемен» (М.: Знание, 1986); двух глав в монографии «Испания в начале XXI века» (МГИМО (У), 2006), а также «Метаморфозы политического развития Испании» («Латинская Америка», 2005, № 2); «Иммигранты в испанском обществе: между интеграцией и отторжением» (В кн. «Иммигранты в Европе: проблемы социальной и культурной адаптации». М.: ИНИОН, 2006).

Цапенко Ирина Павловна — к.э.н., ст.н.сотр. Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН. Специалист по проблемам Института мировой экономики и международных отношений РАН. Сфера научных интересов: социальные проблемы экономики и информационного общества, миграция населения и миграционная политика развитых государств. Автор монографии «Нужны ли России ученые?» (М.: УРСС, 2001) (в соавт.); глав «Экономическая роль иммиграции» (в кн. «Социальные источники экономического развития» (М.: ИМЭМО, 2005); «Международная миграция населения и политика государства» (в коллективном труде «Социальное развитие в условиях экономических трансформаций» (М.: ИМЭМО, 2001), многочисленных статей: «Движущие силы международной миграции населения» (МЭиМО, 2007, № 3); «Электронная эпоха науки» (МЭиМО, 2005, № 8); «Информационно-коммуникационная инфраструктура и доступ к ИКТ предприятий и домохозяйств» («Информационное общество», 2006, № 2–3).

Черкасова Екатерина Геннадьевна — к.и.н., ст.н.сотр. ИМЭМО РАН. Специалист по проблемам внешней и внутренней политики Испании в постфранкистский период. Среди работ последних лет — глава «Испания: закрепление имиджа твердого, конструктивного и ответственного партнера» (в коллективной работе «Расширение на Восток: предпосылки, проблемы, последствия» (М.: Наука, 2003), а также статей: «Страна басков: терроризм или борьба за са-

моопределение» (МЭиМО, 2002, № 10); «Испания: политика безопасности и иракский кризис» (МЭиМО, 2003, № 10), «Поворот во внешней политике Испании: амбиции и границы возможного» (МЭиМО, 2005, № 8).

Швец Евгения Анатольевна — к.э.н., н.сотр. Центра экономических исследований ИЛА РАН. Сфера профессиональных интересов: ТЭК стран Латинской Америки, госуправление. Автор статей «Перспективы сотрудничества в области энергетики» («Латинская Америка», 2006, № 12), «Ставка на госпланирование. Политика Бразилии с середины 90-х годов в области энергетики» («Латинская Америка», 2004, № 10).

Шелешнева-Сидоренко Татьяна Викторовна — к.э.н., доцент Финансовой академии при Правительстве РФ. Сфера научных интересов — экономика Испании; участие России в международных экономических отношениях. Автор многочисленных работ, в том числе «Las respuestas de sector financiero español a los desafíos de la competencia global» (в сб. «España. Tres dícadas de avances y transformaciones económicas y político-sociales». М., ИЛА РАН, 2006); «Las relaciones de Rusia con los países de la Comunidad de Estados Independientes en el sector del petróleo y gas: un balance de 15 anos» (в кол. мон. «Gas y petróleo en Rusia: impacto interno y proyección exterior». Universidad de Valencia, España, 2006); «Comercio exterior de la Rusia poscomunista y los problemas de su adhesión a la Organización Mundial de Comercio (OMC)» («Foro Internacional», México, 2004, № 178, octubre-diciembre).

Яковлев Петр Павлович — к.и.н., директор Центра иберийских исследований ИЛА РАН, специалист по проблемам международных экономических и политических отношений, автор свыше 120 работ, в том числе «Аргентина: тенденции развития и сотрудничество с Россией» (М., 2005); «Португалия и Испания: новая парадигма отношений» («Латинская Америка», 2004, № 6); «Аргентинский кризис и интересы европейского бизнес» («Современная Европа», 2004, № 3); «Ибероамериканское измерение мировой политики» («Латинская Америка», 2006, № 5, 6).

Указатель имен

Серия: Старый Свет — новые времена

Последние два десятилетия стали для Европейского континента временем серьезных перемен. Глубина и масштаб произошедших изменений очевидны, однако их существо и перспективы неоднозначны. Перемены затрагивают все уровни социальной организации стран Европы и осуществляются как на национальном, так и на наднациональном уровне; как в регионах, охваченных интеграционным процессом в рамках Европейского Союза, так и за его пределами.

Изучению этих многоплановых перемен, прямо затрагивающих и самое большое европейское государство – Россию, посвящена новая монографическая серия Института Европы РАН под общим названием «Старый Свет – новые времена», издание которой ИЕ РАН осуществляет совместно с издательством «Весь Мир» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Подготовка серии представляет собой масштабный и долговременный научный проект, реализуемый преимущественно силами российских ученых. Руководитель научного проекта – академик, директор ИЕ РАН Николай Петрович Шмелёв.

В течение нескольких лет предстоит выпустить в свет ряд монографий, посвященных комплексному изучению современной социально-политической и социально-экономической истории отдельных стран и регионов Европы.

В 2007 году вышли в свет:

Великобритания. Эпоха реформ
Под ред. д.полит.н. Ал.А. Громыко

Франция. В поисках новых путей
Под ред. д.и.н. Ю.И. Рубинского

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен
Под ред. д.и.н. А.А. Язьковой

Готовится к выпуску:

Северная Европа — регион нового развития
Под ред. Ю.С. Дерябина

Серия: Национальная история

В 2007 году вышли в свет:

История Австрии.
Культура, общество, политика
Пер. с нем.
К. Воцелка

В книге изложена история австрийских земель с древнейших времен до наших дней. Их развитие рассматривается в сложном контексте исторических судеб средневековой Германии, Священной Римской империи, Габсбургской монархии и Европы в целом. В поле зрения автора — становление комплекса наследных земель династии Габсбургов на немецком Юго-Востоке, их место в Европе средних веков и раннего нового времени, образование и крушение Австро-Венгрии, трагическая судьба Первой республики и политическая жизнь Второй республики. Особое внимание уделяется вопросам социальной и гендерной истории, а также освещению основных тенденций в области культуры. Книга адресована всем читателям, интересующимся историей центральноевропейского региона.

История Португалии
Пер. с порт.
Ж.Э. Сарайва

Книга известного португальского историка и талантливого популяризатора исторических знаний Ж. Сарайва относится к числу наиболее читаемых в Португалии и Бразилии. Изданная впервые в 1979 г., она с тех пор неоднократно переиздавалась и обновлялась, была переведена на многие иностранные языки. Автору удалось в сжатой форме, но увлекательно изложить историю маленькой пиренейской страны, зачинательницы эпохи великих географических открытий и провозвестницы глобализации. Впервые на русском языке выходит в свет общая история Португалии, написанная португальским автором.

.

Серия: Национальная история

Готовится к выпуску:

История Великобритании
Пер. с англ.
Под ред. К.О. Моргана

Подготовленное британскими историками издание содержит богатейшую информацию по истории Великобритании – от прихода римлян до 90-х годов XX в.. Масса интересных, порой малоизвестных фактов, позволит широким кругам читателей лучше представить себе сложные перипетии этнического, государственного и культурного развития народов, населявших и населяющих территорию сегодняшнего Соединенного королевства. В поле зрения авторов – древнейшее население Британских островов, римское завоевание, вторжения германских племен англов, саксов и ютов, походы викингов, норманнское завоевание, складывание английской нации и ее взаимодействие с народами Уэльса, Шотландии и Ирландии – а также многое другое из того, что определило нынешний политический и культурный ландшафт Великобритании.

Серия: ТЕМА

В 2007 году вышла в свет:

Модернизация партийной системы Великобритании
Алексей Громыко

Российская академия наук
Институт Европы

Книга посвящена процессу модернизации партийно-политической системы Великобритании. В центре внимания автора находятся как ведущие, так и малые партии страны. Анализируются внутрипартийные механизмы принятия решений, структурные изменения британских партий, перемены в их идейном оснащении. Уделяется внимание динамике не только парламентских, но местных, европейских и региональных выборов. Рассматривается вопрос, насколько деятельность британских партий отвечает современным запросам развитого демократического общества.

Испания. Анфас и профиль / Под ред. В.Л. Верникова. —
И 88 М.: Издательство «Весь Мир», 2007. — 480 с. — (Старый Свет — новые времена)

ISBN 978-5-7777-0384-2

Чуть больше трех десятилетий назад Испания навсегда распрощалась со своим долгим диктаторским прошлым и начала переход к новой жизни в условиях демократии. Переходный период, или как его еще называют «испанский транзит», длился довольно долго. Особенно заметные перемены начались в стране с приходом к власти правительства Испанской социалистической рабочей партии во главе с Фелипе Гонсалесом в 1982 г., продолжались они и в последующие годы. Настоящая коллективная монография страновой серии Института Европы РАН — это результат аналитического исследования наиболее заметных достижений, ошибок и явлений правительств ИСРП и Народной партии в экономической и внешней политике, в партийном строительстве, в социальной и культурной жизни страны за последние два с половиной десятилетия. Авторский коллектив составляют признанные российские специалисты-испанисты и молодые ученые.

УДК 323+327(460)
ББК 66.3/66.4(4Исп)

Серия: Старый Свет — новые времена

Испания. Анфас и профиль

Под ред. В.Л. Верникова

Младший редактор: *Ю.Л. Михайлова*
Оформление серии: *А.Н. Глухов, И.А. Глухов*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор: *Н.С. Платонова*

Подписано в печать 04.12.2007. Формат 60 x 90 $^1/_{16}$
Печать офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печ. л. 30,0. Тираж 1500 экз.
Изд. № 23/07-и

ООО Издательство «Весь Мир»
101000 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а
Тел.: (495) 623-68-39, 623-85-68
факс (495) 625-42-69
E-mail: orders@vesmirbooks.ru;
http://www.vesmirbooks.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201

ISBN 978-5-7777-0384-2

9 785777 703842

«Испания. Анфас и профиль» продолжает серию коллективных монографий Института Европы РАН под общим названием «Старый свет – новые времена».

Чуть больше трех десятилетий назад Испания навсегда распрощалась со своим долгим диктаторским прошлым и начала переход к новой жизни в условиях демократии. Переходный период, или как его еще называют «испанский транзит», длился довольно долго. Особенно заметные перемены начались в стране с приходом к власти правительства Испанской социалистической рабочей партии во главе с Фелипе Гонсалесом в 1982 г., продолжались они и в последующие годы. Эта книга – результат аналитического исследования наиболее заметных достижений, ошибок и действий правительств ИСРП и Народной партии в экономической и внешней политике, партийном строительстве, социальной и культурной жизни страны за последние два с половиной десятилетия. Авторский коллектив составляют признанные российские специалисты-испанисты и молодые ученые.

www. vesmirbooks.ru